ДБ
380
Ф-49
том 6
Фигнер В.
ПСС. 1930.

Вера Фигнер

118904
8

Москва 1930 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1929 г.

№ 7—8 (XLVIII — XLIX)

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

МОСКВА

ДБ
380
ф49

ВЕРА ФИГНЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

118904/8 V м

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

ВЕРА ФИГНЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ VI

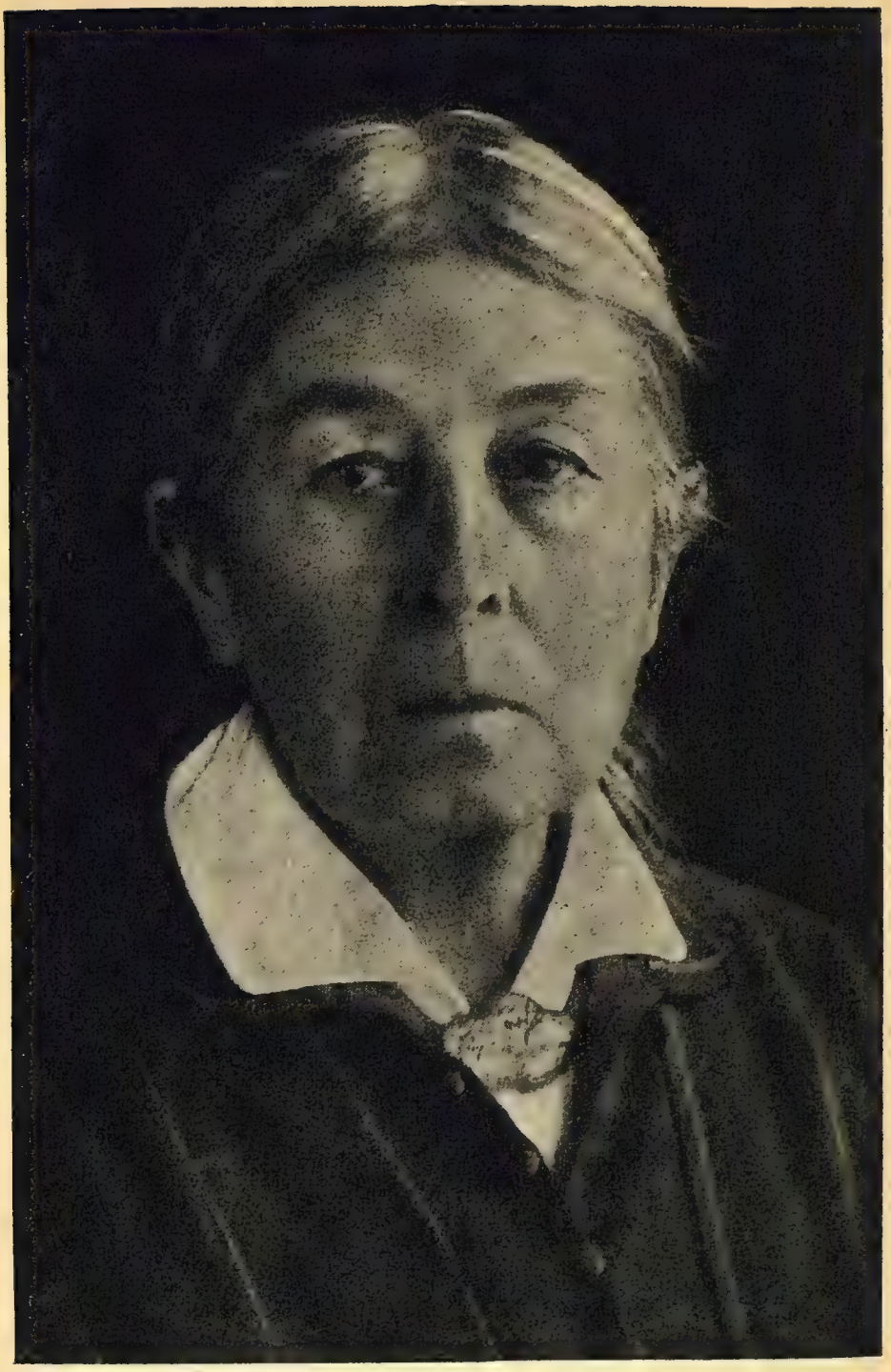
Москва. Главлит А 52.290. 5.550 экз.

„Мосполиграф“, 16-я типогр., Трехпрудный, 9.

ПИСЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

1. Правление — Москва, 34, Лопухинский пер., д. 5, тел. 3-64-73.
2. Магазин „Маяк" — Москва-центр, Петровка, 7, тел. 3-63-20 и 4-18-12.



Вера Фигнер

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Боюсь, что этот VI том, заключающий мои письма за 1883—1916 гг., не будет интересен для широкого круга читателей.

И это потому, что они писались не так, как обыкновенно письма пишут: когда вздумается, свободно и непринужденно, о том, что радует, огорчает, волнует, и чем хочется поделиться с другими.

Письма из Петропавловской крепости до суда и из Шлиссельбурга после осуждения проходили целый ряд инстанций, начиная со смотрителя и коменданта, через прокуроров и департамент государственной полиции. Много чужих, любопытно-враждебных глаз пробегали по их строкам, стараясь уловить смысл и значение слов и фраз, в поисках какого-нибудь намека на запретные темы или проявления того или иного душевного настроения. А самодисциплина и без полицейской цензуры подавляла всякий порыв к откровенности и целомудренно прятала всю интенсивную внутреннюю жизнь.

...Ни потрясения предварительного дознания, ни трагедия Шлиссельбурга не могли отразиться в этих официально посланных письмах. Все интимное было впоследствии включено в мои книги [1].

В Петропавловской крепости, в узких рамках тюремных условий, в тупом однообразии тюремных дней, *единственным* занятием было чтение, и *единственной* нейтральной темой для писем—книги. О них только я и писала.

---

[1] «Запечатленный Труд», I и II тт. собр. соч.

Моя мать жила в Петербурге, и при ней оставалась только младшая сестра моя—Ольга[1], бывшая как-раз в том возрасте, когда решения всех вопросов ищут в книгах. Ей я писала, и то, что я сообщала о книгах, имело для нее интерес и известное значение.

В Шлиссельбурге ко всем прежним внешним и внутренним стеснениям прибавилось новое.

Переписку с родными—*два письма в год*—разрешили в 1897 году, *через 13 лет* после того, как нас привезли в крепость. Тринадцать лет в наших условиях были вечностью, беспросветной и безнадежной. В этой вечности родственные чувства в нас как бы иссякли; теплые воспоминания, дорогие образы, постоянно подавляемые, чтоб не причинять боли, спрятались, ушли куда-то в сумеречную глубь сознания... Зачем было уж и будить их...

Два письма в год! Как сжать себя в два письма? *что* высказать, *что* сказать? *как* сказать? Могли ли эти жалкие, после 13-летнего отчуждения вымученные письма быть не натянутыми, не надуманными?..

. . . . . .

Наконец—я на свободе: в ссылке, сначала в Архангельской, потом в Казанской губерниях. Личное общение с сестрами обогревает меня[2]; порыв всей России к свободе обвевает меня. Я оттаиваю. Письма идут без какой бы то ни было цензуры: они живые, непринужденные. Так проходят два года, когда я уезжаю за границу и восемь лет остаюсь вне России[3].

Заграницей все мои интересы—в области общественно-политической; все знакомства, личные связи—почти исклю-

[1] Сестры Лидия и Евгения были в Сибири; брат Петр, инженер, на Урале; брат Николай, певец, за границей.

[2] Лидия, Евгения, вернувшиеся из Сибири в половине 90-х годов, и Ольга жили по очереди со мной, чтоб облегчить мне первые шаги в новой жизни.

[3] 1907—1915 гг.

чительно с людьми опальными, вольными и невольными изгнанниками, с людьми скомпрометированными, с членами революционных партий; моя деятельность—антиправительственная: организация групп помощи политическим каторжанам, агитация против тюремных репрессий и зверств в России, возбуждение общественного мнения в пользу жертв реакции, выступления с докладами и в печати в Англии, Бельгии, в Париже и Швейцарии.

Можно ли было писать обо всем этом в Россию с ее «черными кабинетами», с системой перлюстрации писем?

Все общественное содержание моей жизни за этот период *могло* найти и нашло себе место опять-таки лишь впоследствии, в книге [1]...

Что же в итоге?

Я пробыла в заключении почти 22 года непрерывно [2].

Моя *тюремная* переписка—из Петропавловской крепости и Шлиссельбурга—относится к длительному периоду моей жизни: с этой стороны это своего рода уникум. Другой подобной коллекции писем—насколько я знаю—нет; не сохранилось!.. Но она не рисует ни внешней, ни внутренней моей жизни и может показать одно: о *чем* и *как* мог писать человек в многолетнем заточении.

Мои письма на свободе к родным, к товарищам и друзьям носят *исключительно личный характер*. Но они собраны далеко не полностью [3].

---

[1] «После Шлиссельбурга». Том III собр. соч.

[2] С 10 февраля 1883 г. по 18 ноября 1904 г.

[3] Письма, очень многочисленные, к сестре Ольге из-за границы пропали на ее квартире во время отсутствия из Петербурга; письма к Лидии и Евгении не собирались; нет писем к Суровцеву, Ашенбреннеру, Карповичу; Морозов, на мою просьбу, мог прислать мне только девять и т. д. Не говорю уже о великом множестве писем различным лицам, с которыми приходилось так или иначе соприкасаться и иметь те или другие отношения.

Те, кто получал их или частично знакомился с ними, радовались им, находили интересными. Но книги издаются не для друзей и знакомых—и я не без колебаний выпускаю их в свет...

Как-никак, том, заключающий их, прибавляет нечто к тому, что содержат пять предыдущих томов: он дает какой-то, трудно для меня определимый, штрих, дополняющий содержание их.

10 сентября 1929 г. *Вера Фигнер.*

Письмам из Петропавловской крепости я предпосылаю два *последних* письма *на свободе* [1]. Они и единственные, сохранившиеся от того времени.

Первое, обращенное к сестре Ольге, учившейся тогда на Бестужевских курсах в Петербурге, написано, как видно из текста, перед раз'ездом учащихся на лето 1882 г. По стечению обстоятельств оно вышло как бы напутственным словом для нее.

Второе, позднейшее [2], к ней же и к матери, характеризует мое настроение перед арестом.

---

[1] Из Харькова, где я была арестована 10 февраля 1883 г.

[2] Ноябрь—декабрь того же года.

Милый и дорогой друг. Наконец-то выдался случай написать тебе, поговорить с тобой так, как хочется. Прежде всего о твоем положении: оно очень и очень не казистое; судя по последнему письму матери, ты для нее, действительно, единственная опора в жизни, потерять которую для нее равносильно нравственной смерти,—и без того ее жизнь за последнее время не сладка. Но, мне кажется, опасность потерять тебя совсем не велика, так как твое дело впереди; гораздо больше можно бояться нравственного раз'единения, которое отчасти существует и зависит оттого, что молодая жизнь кипит и хочет пробы своих сил, а голос матери, вечно опасающийся, гнетет, раздражает. Но, я думаю, дело можно было бы уладить: ведь мамочка такая умная женщина, что с ней можно сговориться, и я предложила бы тебе такой план, чтобы ты лето провела где-нибудь в ином месте, чем наше старое пепелище; полагаю, что для тебя это было бы в высшей степени полезно, и ехать надо куда-нибудь не без дела, напр., к какому-нибудь земскому врачу, чтобы заняться практически фельдшерством. Ты пожила бы своим умом, среди чужих людей, не под крылышком родительским и могла бы присмотреться к жизни и людям. Ты писала, что тебя одолевает тоска и пр. Думаю, что это происходит именно оттого, что ты вращаешься в среде людей, уровень которых равен твоему, что тебе было бы теперь как нельзя более кстати искать общества людей, превышающих тебя и умственно, и своим нравственным закалом. Для этого тебе

необходимо сойтись ближе со студенчеством, а столичная жизнь дает такую массу случаев для столкновения с ним, что стоит только захотеть, чтобы приобрести обширное знакомство; за случаями гоняться не придется, а затем отбрось ты надежды на нечто необычайное, высокое в жизни; надо смотреть на вещи реальнее и не пред'являть бог знает каких запросов.

Всего больше надо иметь в виду личную свою выработку и надеяться главным образом на себя. Другая личность, какое-нибудь событие, какое-нибудь жизненное обстоятельство дает толчок человеку, но чтобы из хорошего порыва вышло что-нибудь определенное, цельное,—этому другие не помогут. Мне кажется, из таких ожиданий чего-то в будущем и постоянной неудовлетворенности в настоящем может выработаться только пассивность, инертность, а самое существенное, что надо для жизни, понимаемой в нашем смысле, это инициатива, почин. А между тем, как мало подобных людей. Большинство при всей хорошей натуре своей ждет непременно предводителя, указчика, голову, за которой он мог бы итти, который постоянно воодушевлял бы и, так сказать, опоэтизировал бы обыденную прозу.

Как ни грустно сознаться, между великими идеями и идеалами, которые живут в душе, и жизненной действительностью такая страшная пропасть, такое колоссальное несоответствие целей с результатами, грандиозности задач с мизерностью выполнимости, что истинное величие в том-то и состоит, по-моему, чтобы твои глаза не перестали гореть энтузиазмом, а руки не лежали сложенными в бессилии при вполне критическом отношении к себе, к другим, к обстоятельствам, к постановке и обстановке дела, ко всей жизни, словом. Делать кропотливое дело, медленно подвигаться вперед, иногда совершать работу Данаид, имея утешение лишь в перспективе, в истории, и сохранить при этом бескорыстную преданность идее, не поступиться идеалом, не изменить

друзьям, нести жизнь, как крест, испытывать больше неудач, чем удач, много терять и остаться верным себе, не отступить,—вот что надо иметь в виду и нравственно к чему приготовлять себя.

Разве этому может научить какой-нибудь человек? Разве может он преподать это? Своим личным примером—да, но это и есть жизнь, одно из проявлений ее в личности; таким образом, количество наблюдений, столкновений, разнообразие их влияет на образование характера. Чем более замкнуто живешь, чем уже интересы, среди которых вращаешься, тем неблагоприятнее условия для выработки его.

Вот теперь, напр., ты слишком ударяешься в науку, понимаемую в чисто школьном смысле. Во-первых, к чему тебе оставаться на том же курсе, если ты думаешь заняться больше чтением, пополнением своего образования. И когда же ты начнешь изучение специальности—медицины? Или ты передумала вовсе заниматься ею? В таком случае—жаль. Педагогическая деятельность для тебя закрыта; не приготовляешь же ты из себя будущую образованную жену и мать. А в таком разе надо иметь профессию, дающую возможность вступить на путь общественной деятельности. Если тебя тяготит жизнь на готовых харчах, вечно за спиной другого, то ты должна поспешить встать на свои ноги, а при твоих теперешних планах это не осуществится ранее семи лет, если ты будешь переходить с курса на курс непрерывно. Поэтому я настоятельно советовала бы тебе осенью перейти на медицину. Подумай, ведь она займет у тебя целых шесть лет. Срок слишком продолжительной однообразной жизни. Я нахожу это чересчур роскошным. За такой период можно совсем втянуться в известную атмосферу, в известную обстановку; столичный мир чересчур узок и своеобразен; он не дает понятия о жизненных условиях вообще.

В предыдущем, я думаю, ты найдешь ответ на вопрос о необходимости подготовки себя. Конечно, голубчик, она

нужна, нужна и нужна. И с знанием, образованием мало сделаешь, а без оного и совсем плохо. Чтобы других вести за собою, надо иметь и энергическую волю, и развитой ум, чтобы производить на других обаяние. Только мое мнение было всегда против лиц, исключительно занимающихся своей подготовкой и потому отвертывающихся от случаев быть полезным, бегающих жизни; такие обыкновенно за средством забывают цель. Надо делать посильное дело, вмешиваться в жизнь, сталкиваться с людьми, чтобы болеть их болезнями, страдать их страданиями и делить их радости, чтобы постоянно чувствовать, что для них, для людей, для известной жизни подготовляешь себя. А у многих эгоизм и трусость скрыты под маской того, что они сначала якобы подготовят себя, а потом уж будут искать дела. Но ты, конечно, не принадлежишь ни к последним, ни к тем, кто искренно, но близоруко думает, что то и другое несовместимо, и *изменяют цели,* сами того не замечая. Учись, милая, развивайся и иди нам на смену.

В последнем письме ты говорила о своем неудовольствии на известную осторожность, но я думаю, что ты горячилась главным образом потому, что тебе это было неприятно, и забывала, что она была временной, и что лицо, которое должно было сноситься с некоторыми из твоих товарок, в силу своего исключительного положения, имело право указать условия, на которых оно согласно поддерживать сношения; друзья вольны принять или нет эти условия, смотря по тому, чему они придают наибольшую важность. Сплошь и рядом *полезность* какой-нибудь меры противоречит личному удовлетворению. А если принять во внимание тяжесть условий, среди которых приходилось жить, так несмотря на жестокость, быть может, это было практично в деловом смысле. Ну, милочка моя, целую тебя крепко-накрепко и желаю всего хорошего — быть любящей, честной и умной. Обнимаю тебя. Относительно присылки в деревню условься

с кем-нибудь из остающихся в Петербурге (впрочем, это безразлично), что ты пришлешь точные адреса, а там уже исполнят. Не имея же их, нельзя ничего сделать [1].

* * *

Милые, дорогие мои. Письмо ваше получила—оно тронуло меня до глубины души, до слез. Право, я не заслуживаю ни такой любви, как ваша, ни такого уважения, которое высказываешь ты, дорогая Оля. Среди всех несчастий, которые так и сыплются на мою долю, потому что тяжелый, страшно тяжелый период переживает наша партия,—отрадно хоть на минуту забыть все тяжелое и мрачное и быть растроганной любовью. Я не могу и не должна вам говорить о том, что я испытывала, переживала и переживаю вот уже год. Вся моя энергия уходит на то, чтобы скрыть свое внутреннее состояние и быть бодрой для других. Есть стороны общественной жизни, которые еще тяжелее простых неудач — это то психическое состояние, которое создается в обществе вследствие этих неудач и которое наполняет душу то ужасом, то отчаянием, то гневом... Я чувствую себя несчастной, глубоко несчастной. Не подумайте, что меня одолевают какие-нибудь сомнения, разочарования. Нет. Я твердо убеждена и в правоте идеи, и в правильной постановке нашего дела, в неизбежности именно того пути, которым мы идем; с этой точки зрения не даром была пролита кровь стольких мучеников. Эта кровавая полоса установила твердо, незыблемо— цель и средства, незыблемо до тех пор, пока не изменятся коренным образом условия жизни и нашей деятельности. Но в жизни каждой партии, каждой организации были кризисы, переживать которые мучительно. Такие кризисы были в истории всех заговоров, всех движений к свободе. К сожалению,

---

[1] Речь идет, вероятно, о какой-нибудь литературе. (1929 г.)

для переживания таких периодов надо иметь особые личные свойства: тяжесть их прямо пропорциональна чувствительности, нервозности, измученности суб'екта. Я видела в прошлом и в настоящем людей, которые отступали под напором обстоятельств и убегали от всех и всего в такие тяжкие времена, другие гибли, исчезали со сцены. Я же существую, как вечный жид, и бежать не хочу. Если вы хотите добра мне, то пожелайте мужества и силы, чтобы с пользой прожить до момента, когда, приспособившись к условиям, воспользовавшись всеми уроками прошлого и на основании всего раньше сделанного, партия снова начнет свое шествие вперед. Тогда можно с улыбкой итти и на эшафот.

Обнимаю вас, мои дорогие, до первого об'ятия в тюрьме— лишь бы при лучших условиях для партии.

ПИСЬМА
ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

1. Матери и сестре Ольге [1].

4 апреля 1883 г.

Вы совсем меня забыли, мои дорогие, вот уже целая неделя, как я не имею от вас ни одного письма—это в высшей степени печально для меня, да и скучно писать, когда не знаешь, получены ли предыдущие письма. Я послала вам предлинное послание в прошлое воскресенье, на другой же день после свиданья. Книг я до сих пор еще не получила: говорят, их надо много чистить; уж вы в следующие разы позаботьтесь об этом сами, чтобы не было никаких помарок ни карандашом, ни чернилами, особенно последними, потому что все это выскабливается самым радикальным образом, и

---

[1] Первые письма из Петропавловской крепости, повидимому, не сохранились, потому что я была арестована 10 февраля 1883 г.; на другой же день отправлена из Харькова в Петербург, в помещение департамента государственной полиции (см. соответствующую главу в I т. «Запечатленного Труда»), и дня через четыре заключена в Петропавловскую крепость вплоть до суда в сентябре 1884 г. В феврале и марте, после ареста, я уже переписывалась с матерью и сестрой Ольгой, жившими в Петербурге.

Письма с 4 апреля 1883 г. по 11 сентября 1884 г., в количестве 56, я получила в Париже через Рубановича, представителя партии социалистов-революционеров во II Интернационале. Они хранились в архиве П. Л. Лаврова,—все в копиях, за исключением № 20 и № 27—и были переданы в свое время моей сестрой Ольгой, жившей после суда надо мной некоторое время за границей.

книга может сделаться совсем негодной—таких лучше совсем не приносите. Что касается платья, то оно мне нравится, только юбка делает меня совсем сфероидальной, так она безобразно широка и, кроме того, сшита чересчур небрежно—топорной работы: делала ее уж, вероятно, не моя любимая mademoiselle Nadine [1].

Все это время я усердно занималась чтением,—правда, что и делать здесь, как не читать. Прочла «Историю торговых кризисов» Макса Вирта, вещь довольно интересная, но утомительная по крайнему однообразию сообщаемых фактов; конечно, одни и те же причины должны были вызывать одни и те же следствия: однообразие и периодичность кризисов как нельзя лучше доказывают известный экономический закон, управляющий современной промышленностью, но поневоле осовеешь, когда, не отрывая головы, прочтешь 400—500 страниц немецкого гелертера, описывающего ажиотаж и крахи, начиная с XIV столетия и кончая венским кризисом 73 года. Тем не менее поучительно, что страсть к легкой наживе проявлялась во все эпохи в одинаковом ослеплении и легковерии публики, которая увлекалась то луковицами (во время тюльпаномании в Нидерландах), то акциями Джона Лоу во Франции, то железнодорожными предприятиями в новейшее время. Прочла Жуковского «Политические и общественные теории XVI века» и осталась недовольна: хуже его темного слога трудно что-либо найти; уж вот, мне кажется, напрасно взялся за писательство, да еще о таком интересном предмете; прочла также Головачева «Вопросы государственного хозяйства», а теперь упиваюсь Васильчиковым «О самоуправлении». Когда-то я начинала читать эту книгу, но она показалась мне крайне скучной; теперь же я читаю ее с величайшим интересом; потом думаю засесть за «Русскую историю» Соловьева, если бы только вы поискали

[1] Портниха.

у букинистов третью часть, недостающую в здешней библиотеке. К сожалению, нельзя для памяти делать заметок и выписок, совершенно необходимых, чтоб удержать в голове все, что найдешь важным. Если в водевиле есть возглас—хочу быть актрисой, то я провозглашаю—хочу быть ученой, но только где взять материала для удовлетворения этого благочестивого желания,—быть может, на два-три года. Что вы не пишете мне «литературных заметок» и рецензий о вновь выходящих книгах? Кроме отзыва о статье Успенского я пока ничего еще не получала. Что касается последней, то изображение Успенского относится положительно не к одному русскому народу, а ко всякому: городская жизнь, с ее неотемлемым, специфическим характером—конкуренцией, развращала все народы —англичан, французов, как и русских; подтверждение этому можно найти в массе сочинений многих авторов; уравнивающая сила солнца, всем посылающая урожай или недород, изобилие или голод, служила во всех странах естественной, всепокоряющей силой, смягчавшей антагонизм и взаимное соперничество, и нет никаких оснований для нас ждать от нашего народа большей устойчивости и нравственной крепости, чем при тех же обстоятельствах выказывали другие национальности. Тема Успенского—тема общечеловечная, а не специально русская.

Пиши мне, милая Олечка, еще и еще, в особености, если нам редко придется видеться; пусть хоть письма, хоть отчасти, заменяют мне твое личное присутствие. Я ужасно соскучилась о вас, не получая вестей: в прошлые две недели вы меня избаловали ими; тем чувствительнее теперь отсутствие их. Целую вас, мои милые, крепко, крепко. Не получали ли писем от Лидии и Евгении[1]? Надеюсь лицезреть вас обеих на этот раз—до этого удовольствия еще остается 4 дня. Жму вам руки.

Ваша *Вера.*

[1] Мои сестры.

2. Матери и сестре Ольге.

19 апреля 1883 г.

Хочу продолжать беседу с вами, дорогая мамочка: надоело все читать да читать—этим я занимаюсь последние 10 дней без перерыва, не поднимая, что называется, головы, и на мое счастье за это время не случилось ни разу задержек при обмене книг, которые таким образом появлялись на моем столе вместе с чаем. Надо вам заметить, я приучилась елико возможно больше спать, в чем начальство мне не препятствует: ко мне в камеру являются в половине девятого, а не на рассвете, как это было вначале; это обстоятельство я нахожу наилучшим изо всего, что есть в тюрьме,—именно, что можно долго пролежать и получить все-таки горячий чай. Таким образом, я надеюсь мало-по-малу достигнуть того, чтобы проводить во сне minimum двенадцать часов, не столько потому, что, когда спишь, то не грешишь, сколько потому, что в это время не думаешь, что в высшей степени способствует душевному равновесию и укреплению нервов. Поэтому же я читаю запоем, и напрасно вы нападаете на мое серьезное чтение и советуете разнообразить его романами и повестями: я сколько раз наблюдала—нет хуже настроения у человека из нашей братии, если он засаживается за легкое чтение: если он может читать только беллетристику, значит у него на сердце скребут кошки; я так очень рада, что могу, отложив мирские попечения, погрузиться в какую-нибудь сухую материю. Теперь я взялась за «Историю средних веков» Стасюлевича, три тома, из которых 2-й заключает тысячу страниц; так как первый том мне очень понравился, то пышка в тысячу страниц была встречена мной с энтузиазмом. Этот труд оригинален тем, что весь состоит из отрывков писателей разных эпох, представляющих в целом связный рассказ, но рисующих каждый исторический период устами современников: философское значение

выдающихся моментов, критическая оценка крупных явлений делается современными историками. Благодаря этому, лица и события ярко рисуются в воображении и запечатлеваются в памяти. Мне всего больше понравилось время нашествия варваров и переселения народов (в первом томе). Так ярко нарисована картина падения западно-римской империи со всей ее цивилизацией, разрушение всех основ государственной, общественной и частной жизни под напором свежих и диких масс новой расы, что невольно переносишься в этот мир общего распадения и вместе с тем обновления; и несмотря на необузданность и свирепость нового, отдаешь ему предпочтение пред одряхлевшим и развращенным Римом, «бичу божию» Аттиле пред утонченными цезарями. Я никогда себе не представляла, чтобы эта эпоха была до такой степени интересна: все последующие движения отдельных народов кажутся микроскопичными в сравнении с этим колоссальным потоком, не оставившим камня на камне на своем пути.

Следуя вашему совету, я взяла Zola «La curée» и раскаялась; после него всегда делается тяжело: он рисует только одну сторону нравов и, как мне кажется, повторяется в своих типах. Кроме «La curée», в здешней библиотеке нет еще никаких романов этого представителя «научного реализма» в беллетристике. В следующий раз возьму для развлечения Шпильгагена на немецком языке.—Я все забывала сказать тебе, Ольга, по поводу того, что в рассказе «Две правды» ты находишь противоречие во взгляде мужика на роль учителя. Мне кажется, что ты ошибаешься: ведь ты сама приводишь дальше слова мальчика о значении учителя между раскольниками; оно велико потому, что его роль жизненна, не ограничивается формальной стороной дела, механическим обучением грамоте; он—представитель идеи, проповедник и руководитель и, конечно, не малолетних, а людей взрослых, могущих устраивать свою жизнь так, как им кажется наи-

лучшим. Где же ты видела что-либо подобное между «казенными» учителями? Где их влияние на жизнь, их проповедь, их воздействие на среду, взрослую и правоспособную? Чем он с ней связан и участвует ли хоть сколько-нибудь в ее повседневных заботах и огорчениях? И потом, не ложна ли такая постановка дела, что героине—Лиле—нужны непременно люди, которые бы оценили ее жертвы? Мне кажется, плохо дело, если личность смотрит на свою деятельность, как на жертвоприношение; ведь, наверное, ни один раскольничий учитель не смотрел на себя таким образом, а плавал, как рыба в воде, а мы хотим непременно, чтоб народ смотрел на нас с особенно возвышенной точки зрения, как на соблаговоливших снизойти до него. Я согласилась бы, что есть противоречие, если бы существовала совершенно свободная школа, и учитель, не оторванный от деревни и ее жизни, но прилагающий свое развитие и свои знания к ней,—если бы такой учитель был отвергнут народом. А пока он имеет полное право смотреть на современную школу, как на средство к механическому заучиванию грамоты.

Спасибо, голубчик, за принесенный цветок, который, однако, мне не позволили взять. Ты точно по сродству душ угадала, что я всю страстную неделю думала о гиацинте... Неужели ты вспомнила, что я ужасно люблю его аромат, или случайно захотела меня порадовать именно цветком? Целую тебя крепко за то, что угадала мое желанье. Твои предположения не сбылись, но напиши мне, окончательно или нет. Ты знаешь, как мне близко все, касающееся любимых лиц; вот почему я прошу тебя написать. Это и для меня лично имеет некоторое значение, так как я себя не отделяю от милых. Увидимся ли в субботу? Если да, то письмо еще не успеет дойти до вас по нашей черепашьей почте. Впрочем, она стала действовать быстрее. Вы на свиданьях мне не рассказывайте того, что содержится в письмах, чтобы побольше успеть сообщить нового в тот краткий промежуток вре-

мени, который нам предоставлен для беседы. Пишите мне, дорогие мои, хотя бы то были сущие пустяки. Сообразите, мамочка, и сообщите в письме, куда писать, чтобы мои письма скорее доходили до вас в деревне. Обнимаю вас крепко и целую. Посылаю привет всем присным.

Вера Фигнер.

3. Матери.

11 мая 1883 г.

Милая и дорогая мамочка. Пишу вам, не дождавшись вашего письма от 2 мая, в котором вы, вероятно, думали прислать точный адрес дяди[1]. Я так и знала, что дело затянется надолго, потому заранее и просила вас дать мне точные указания, куда вам писать в течение этих месяцев, так как вы будете, вероятно, кочевать из одного места в другое. От Ольги тоже не получила ни одной строчки, и свиданья ей во вторник не дали; впрочем, она, конечно, сама вам отрапортовала об этом, так как, должно быть, разогорчена и нуждается в излиянии. Как-то вы доехали? (сведения об этом вами уже посланы по обещанию). Теперь вы отдыхаете и находитесь в том приятном расположении духа, в которое приходит приезжий, когда его встречают с разверстыми об'ятиями и стараются ублажить всеми способами. Я тоже бы не прочь явиться дня на три к дядюшкам и тетушкам, чтобы насладиться их радушием и гостеприимством и вспомнить Карталу и Христофоровку[2], но, к сожалению, департамент государственной полиции не принимает во внимание никаких сантиментов и не дозволит этого посещения, хотя я теперь человек совсем легальный и могу иметь семейство и домашнее хозяйство. Мне так жалко, что последнее лето я провела самым жалким образом, не видав деревни, без зелени

[1] Дядя—Петр Христофорович Куприянов.

[2] Селения, где жили родственники.

и чистого воздуха, кроме того, была больна и огорчена июльским несчастьем в Петербурге. Вы не поверите, что за отвратительный город Харьков: пыльный до невозможности, без воды; две речки, на которых он расположен, имеют воду только весной и то вследствие запруд; тогда можно кататься на лодке—единственное удовольствие, кроме прекрасной загородной рощи «Основа», сосновой, где воздух и сосны очаровательны и где можно в будни забыть о городе, его жителях, о его трескотне, жаре и пыли. Летом реки высыхают, цветут, испускают зловоние, купаться негде; единственное купанье у шлюзов, куда попадаешь чрез обширное пустое пространство, покрытое на четверть пылью; но и там на воде какой-то налет, словом, отвращение даже и для тех, кто не купался в море. Я вообще любительница природы и еще избалована тем, что во все предыдущие годы проводила лето в местностях, отличающихся красотой, обилием воды и зелени, хоть и не... в деревне.

А как-раз последнее свободное лето почти не видала чистого неба, полей и лесов. Сами по себе Саратов, Тамбов и Воронеж тоже мерзки, но из них легко вырваться на простор, на Волгу, на Хопер; и под Тамбовом, и под Воронежем есть места, откуда трудно оторваться—так они волшебно хороши. В Харькове же в хорошую местность не попадешь иначе, как поехав по железной дороге или пройдя пешком 7 верст. Есть, например, знаменитый для туземцев монастырь Куришь с озерами, холмами и т. д., но я так и не собралась туда, потому что это целая экспедиция, надо затратить на нее по крайней мере целый день и, если хочешь отправиться компанией, то сборов, опаздываний и пр. не оберешься, и всякая охота пропадет к наслаждению природой. Что касается нынешнего лета, то относительно него в своем жизнеописании придется написать под 83 годом: лета не было, потому что вообще в Петербурге лето ни на что не похоже, а в каменных стенах стоит постоянная зима; солнце

проглядывает ко мне в 9 часов утра на короткое время, а потом нельзя определенно сказать, какая на дворе погода— все кажется хмуро, так что иногда в высшей степени удивляешься, выходя на прогулку, что на небе оказывается солнце и нет ни одного облачка; немудрено, что стараешься простоять свои 12 минут под теплыми лучами благодетельного светила. Кажется, я понапрасну вас и беспокоила просьбой о летнем платье, едва ли его наденешь; вероятно, у меня было разгорячено воображение, когда я просила о нем, теперь же мне все холодно, и я готова бы завернуться в мех или вату. Когда вам будет очень жарко, то утешайтесь тем, что есть и прохлада, не совсем приятная, и что все на свете распределено неравномерно. Целую вас, моя дорогая, пейте свой карлсбад и поправляйтесь на славу. Передайте мои приветы всем родичам. Ваши письма до 2 мая я получила. Пишите почаще, вы этим косвенно будете напоминать о скорейшей доставке нашей корреспонденции. Учебника я до сих пор еще не видала. Еще раз целую вас. Если бы вы знали цель, с которой я хочу изучить итальянский язык, то вы бы рассмеялись, потому что он мне может совсем не понадобиться или же окажет услугу на полчаса.

Ваша *Вера.*

4. Сестре Ольге.

2 июня 1883 года.

Вероятно, ты уже не раз бегала, милая Ольга, чтобы узнать, нет ли писем, и, если другие твои корреспонденты так же исправны, как я, то много раз уже пришлось тебе скорчить недовольную мину, возвращаясь с пустыми руками. А когда я вспомню, что это мое письмо дойдет к тебе только с пароходом, отходящим в пятницу отсюда, то мне становится даже досадно, что я не подумала раньше послать тебе хотя бы маленькое письмецо. В свое оправдание могу ска-

зать, что уже четыре дня, как собираюсь тебе писать; но так как мы не господа себе здесь, то пишу при открывшейся возможности, быть может, в ущерб содержанию, так как, ты сама знаешь, большая разница—писать, *когда хочешь,* или совершать ту же процедуру, *когда можешь.* А собралась я тогда писать тебе «в минуту трудную», когда мне вместо требуемой мной интересной книги принесли сочинение Араго: о дожде, граде и других метеорологических явлениях. Представь мою досаду. Ведь это значило остаться без впечатлений почти двое суток и в это время перевариваться, так сказать, в своем собственном соку. Не подумай, чтобы моя голова и сердце были так пусты, нечем было себя занять—главное тут в принуждении и необходимости, в неизбежности, обязательности: думай о чем-нибудь, да и конец. И подобные маленькие неприятности, являющиеся здесь громадными, за исключением иного прочего, случаются нередко, потому что в каталогах есть ошибки или в него вносится новая нумерация, или некоторые томы перепутаны, или ошибается дежурный. Понятно, все это невзначай, потому что едва ли кто о нас думает, что мы похожи на Петрушку незабвенного Чичикова, и что все равно, что нам ни подсунешь, лишь бы только читать для процесса чтения. К тому же отверстие в двери, через которое ведутся наши сношения с миром внешним (по отношению к нам), разверзается столь редко и на столь краткий момент, что толковать долго твое требование некогда, а если ты замедлишь, то, пожалуй, по неосторожности и неопытности (для не рецидивистов) кончик твоего мизинца или носа потерпит маленькую trauma [1], говоря на языке хирурга. Но все же, смотря на это благодетельное отверстие, я удивляюсь и благословляю прогресс цивилизации, ибо еще в конце прошлого столетия известный граф Каллиостро сидел в Италии в замке св. Льва в келье, высеченной в целой не-

---

[1] Поранение.

приступной скале, и пищу ему не подавали, как нам, руками, а спускали на веревке, horribile dictu! Как подумаю об этом, то и возрадуюсь, что мы в XIX столетии и не в Италии, что у нас таких скал для одиночных келий нет. Поистине, нет худа без добра. И наша «равнина безлесная» имеет свои преимущества. Но тем не менее — revenons à nos moutons — обидно, когда иной раз, дважды под ряд, тебе преподносится не то, что следует. Представь себе, что ошибутся в роде следующего: ты думаешь хорошо пообедать и спрашиваешь супу, тебе подают котлету, потом спрашиваешь цыпленка, тебе подают опять котлету; наконец, ты спрашиваешь мороженое, и тебе подают опять котлету. Не правда ли, после этого можно на свободе закричать: караул. А ведь здесь и этого нельзя — можешь, если хочешь, только вздохнуть и зашагать по камере. Я потому выбрала котлету, что это единственное почти кушанье, которым меня снабжает здешний повар, и со мной повторяется почти то же, что и в вышеприведенном примере. Так-то, милая Ольга, желаю тебе от души получить то, что требуешь, и наслаждаться таким чудесным порядком вещей. То, что ты принесла, я еще не не получила: оказывается, относительно аспидной доски нужно разрешение коменданта, и я должна буду подать прошение о сем предмете. Если бы мы с тобой знали, то ты бы сбегала к нему лично, и дело было бы тогда же в шляпе; а доска была мне так нужна для заметок из Соловьева: наша древняя хронология так запутана, что Мстиславы, Изяславы, Ярославы и Святополки прыгают в памяти, как одержимые пляской св. Витта, и никак их не пригвоздишь к надлежащему месту. Я прочла два тома; к сожалению, первого нет (в здашней библиотеке под I переплетен III том), ты его прикупи как-нибудь у букиниста осенью. Вообще прошу тебя, записывай в отдельный реестр недостающие здесь томы и книги, о которых я тебе при случае буду упоминать, с тем, чтобы постепенно их пополнять. Между прочим, «История

XIX столетия» Гервинуса здесь не вся—только II том и введение есть. Этот II том заключает в себе историю реакции 1815—20 г.г. и начинается событиями после венского конгресса, так что составляет естественное и как бы непрерывное продолжение последнего VIII тома Шлоссера «Истории XVIII века». Я не знаю, до какого времени доведена история Гервинуса, и сколько томов переведено на русский язык. Ты потом узнай и напиши мне; также о том, нет ли еще IV тома Стасюлевича «История средних веков», потому что я остановилась на III томе и событиях конца XIII в., царствования Людовика св. во Франции и Фридриха II германского. Принеси мне как-нибудь каталог библиотеки Черкесова или Макалинского, а также календарь Суворина за 82 год.

Целую тебя, милая, и прошу писать. От мамочки получила письмо от 20 числа, писанное при выезде из Никифорова. Ей очень скучно, о здоровье не пишет ничего, должно быть перемен, по крайней мере к худшему, нет. Addio, mia carissima.

Вера Фигнер.

5. Матери.

7 июня 1883 года.

Милая и дорогая мамочка. Письмо ваше от 20-го получила и выражаю неудовольствие, что вы так редко пишете, забывая, должно быть, что письма наши идут бесконечно долго: minimum 8 дней. От Ольги последнее письмо было еще писанное здесь накануне от'езда, сопряженного со столькими неудачами, хлопотами и пертурбациями. Из Аренсбурга я еще не получала от нее ни одного, а сама отправила туда послание на-днях. Вы, я думаю, по приезде из деревни нашли целых два от меня—теперь наши письма, верно, будут расходиться, так что нечего ждать ответов на свои; взяв это за правило, я и потребовала сегодня бумаги. Что сказать вам, тихое мое пристанище? Сижу, терпеливо перенося бедствия

настоящего и ожидая благ будущего, как Щедрин охарактеризовал в ином смысле одну группу россиян. Лежу по целым дням, как барыня, если не на пуховиках, то на двух тюфяках, если не с французским романом или изданием Ахматовой в руках, то с русской историей Костомарова или Соловьева; имею возможность выпивать 6 кружек, не маленьких, чаю; словом, покой, праздность, dolce far niente составляют мой ежедневный обиход, при котором можно удивляться, что не расплываешься в тяжеловесную русскую купчиху. Надо полагать, это происходит от того, что еще в голове, иногда самопроизвольно, порождаются разные фантомы из действительной жизни, которые мучат сомненьем, терзают неизвестностью, или спокойствие созерцательного жития нарушается каким-нибудь чуждым появлением, всегда связанным с напоминанием самого горчайшего, что можно встретить на свете. Как ни уверяешь себя, что глупа птица страус, прячущая свою голову в песок и воображающая, что если она не видит неприятеля, то и он не видит ее, но, кажется, не отвертишься от некоторого сходства с ней склонностью предпочитать незнание некоторых вещей знанию их, если это даже заставляет шлепнуться по́ уши в лужу. Впрочем, пользительнее обратиться в другую область, именно—спросить о вас, вместо того, чтобы говорить о себе. Приобрели ли вы, наконец, оседлость? Пьете ли воды и отдохнули ли от своих путешествий? Положительно, вас следует бранить, что вы сами себя не бережете: с какой стати было, например, ехать тотчас же из Казани в деревню, не оправившись как следует. Никакого здоровья нехватит на подобные раз'езды, всегда сопряженные с неудобствами. Пусть хоть дядя, столь славный своим методическим благоразумием и основательностью, поутишит ваши порывы, хозяйственные и родственные (потому что ведь вы собираетесь опять скоро в путь). Напишите, кончается ли у вас дело нижегородское, т. е. развязываетесь ли окончательно с ним?

Это ведь было бы вам кстати, если у нас опять неурожай. Милая мамочка, у меня к вам есть просьба: при случае узнайте, не осталось ли после Влад. Никол. (покойника)[1] немецких книг, которые могли бы пойти сюда. Я ведь брала у него, по выходе из института, Гете, Шиллера и др. и знаю, что у него было множество разных журналов, романов и пр. Классические произведения, как Гете и Шиллер, вероятно, пригодятся и ценятся его племянниками, а, быть может, и сестрой; но без сомненья есть и такие книги, которыми они, если не теперь, то несколько позже, начнут растапливать печки и которые лежат, как хлам. Так вы узнайте об этом и, если такие найдутся, то привезите, но только, конечно, чтоб отдали их совсем, иначе не стоит. Я попросила бы только *на время* Гейне и Берне, если они у него были; сомневаюсь, потому что он, кажется, любил больше поэзию, чем публицистику. Да еще вот что: существует или нет Карамзин «История государства российского», которая была у нас в библиотеке, или мы ее уже отдали? Если существует, то привезите ее. Да еще напишите мне, купили ли вы только первую часть учебника итальянского, или и вторую и принесли ли ее? Жаль, если только первую, потому что я с ней уже ознакомилась и в приложении прочла те статейки, которые помещены. Это интереснее—чтение à livre ouvert—чем ученические переводы; только в первой статье много слов, которые в предшествующем не встречаются, а потому первая статья осталась для меня terra incognita, по крайней мере, местами. Остальные же перевела хорошо. Если бы была вторая часть, то в ней был бы новый запас слов и новые статьи, а то скучно сидеть на рассказе о персидском султане Махмуде и его визире. Упомянутые статьи имеют сюжетом описание морских купаний в Италии и рисуют очаровательную природу, прекрасных синьорин, прелестную

---

[1] Касьянов—знакомый в Казани.

музыку и любовь, любовь и любовь. Бедный Коля [1]. Сколько ему предстоит искушений. Когда читаешь итальянца, то кажется, что нигде нет, кроме Италии, истинной музыки, любви и красоты, и можно вообразить, что там нет ни нищеты, ни горя, ни людской подлости.

Целую вас, моя дорогая, пишите, пишите и пишите мне. Всем родным привет.

Фигнер.

У нас теперь душно, жарко, даже прогулка неприятна. Но сейчас собирается дождь, и так приятно было бы пройтись, подышать воздухом, наполненным грозой, но за мной что-то нейдут, вероятно, что-то служит препятствием.

6. Сестре Ольге.

15 июня 1883 года.

Представь себе, милая Олечка, твое письмо от 31 мая получила только вчера, 14 июня. То же самое случилось и с письмом мамаши от 28-го, принесенным вместе с твоим. Так как по моим расчетам вы обе давным-давно должны были написать мне, то я уже решила было писать письмо к прокурору или к какому [нибудь] другому подлежащему начальству, чтобы они вспомнили о необходимости пробежать залежавшиеся письма. С тех пор, как вы уехали, ваши письма — единственное явление (приятное), нарушающее однообразие,—не жизни, а мысли; собственно письма даже больше дают, чем свиданья, на которых представляешь из себя пытливый и молчаливый знак вопроса, в ответ на который видишь многоточие... Кроме того, над письмом сидишь без свидетелей и думаешь о том и ком тебе хочется. Потом,

[1] Брат—певец.

когда видишь ваши почерки, то разве не видишь отчасти и вас самих? По крайней мере мамочкины старинные литеры у меня неразрывно связаны с ее собственным лицом: при всех усилиях фантазии я не могла бы вызвать ничьего другого образа, кроме ее, при взгляде на них. Потому-то у меня всегда рассчитано, когда вы должны писать мне и когда я должна получить ваши письма, при чем я кладу 5 дней на канцелярию, но больше этого я уже никак не согласна положить и в определенные дни с нетерпением бросаюсь к форточке, ожидая вместо прозаического чайника или тяжелой оловянной чашки предмета более одухотворенного. Вместо того, чтобы думать о приезде ко мне и тем волновать мамашу (она мне пишет, что ты сообщила ей об этом проекте), ты лучше почаще пиши мне, по разу в неделю, это мне заменит твою собственную персону; по крайней мере я не замечаю, чтобы мне стало скучнее от отсутствия свиданья с вами, что, конечно, не означает, чтобы я была равнодушна к тому, чтобы видеть или не видеть вас, раз вы были бы здесь. Теперь же мне нужны только электрические токи чрез посредство писем и больше ничего. Твое последнее письмо напомнило мне одно место из Виктора Гюго «Les misérables», которое всегда возникало в моей памяти, когда мне приходилось быть в открытом море. Это—глава, изображающая борьбу утопающего с волнами, его мысли и чувства, надежды то на собственные силы, то на людскую помощь, то на спасительное вмешательство бога. А в конце, когда силы ослабевают, крик не достигает человеческого уха, а небо остается холодным и безучастным, наступает агония, смесь отчаяния и ярости, тоски и бессильной злобы, когда у человека угасла и вера, и надежда. Эту сцену Гюго приводит только для сравнения с тем душевным настроением, которое было в душе одного каторжанина, отбывшего 20 лет на галерах, настроением, за которым последовал перелом в его жизни. Но, несмотря на то, что существует пословица

comparaison n'est pas raison, она производит громадное впечатление и говорит красноречивее, быть может, чем искусный психологический анализ человека, потерявшего веру в себя, в людей и в бога под влиянием обстоятельств, бывших для него сплошной жестокостью и несправедливостью. Ты, вероятно, не читала этого романа, потому что он на русском языке вышел только в прошлом году, да и то, по всей вероятности, с большими выпусками; не знаю, каков перевод, но подлинник я не могу достаточно рекомендовать тебе; редко случалось мне читать что-нибудь лучшее, и часто я не могла целую ночь оторваться от чтения; мне бы очень хотелось, чтобы ты прочла его и испытала то же наслаждение; боюсь, что по-русски некоторые сцены ходульны, неестественны, но, так как на русском языке легче достать эту книгу, да и прочтешь ты ее скорее, если не привыкла читать по-французски без словаря, то достань по-русски. Герой романа, каторжник Jean Valjean, ведет со 2-й или 3-й книги жизнь нелегального, быть может, поэтому он действовал на мои нервы особенно сочувственно; но едва ли кто-нибудь может остаться равнодушным, читая преследования его сыщиками и шпионами. Зная кое-что по этой части из нашей русской жизни, можно допустить и те приключения Jean Valjean, которые с первого взгляда могут показаться неправдоподобными. Однако, бумага подходит к концу, и я надеюсь, что двух страниц достаточно, чтобы возбудить в тебе непременное желание прочесть прелестное произведение поэта. Быть может, в Аренсбурге есть библиотека. Еще уж, кстати, позволь отрекомендовать тебе, если ты не читала (что будет довольно удивительно, так как этот роман печатался в «Деле» и обратил общее внимание молодежи), это—«Спартак», который вызвал горячую похвалу энтузиаста Гарибальди. Если ты его не читала, то прочти, потому что произведение холодное, бездушное не могло бы понравиться Гарибальди.

Целую тебя, милая девочка, желаю всего лучшего, в которое входит и получение «Спартака» и многое другое.

Фигнер.

Что касается вопроса о рыбьем жире, то мне известно лишь одно противопоказание — катар желудка и кишек и еще то, что летом он легко портится и его надо держать в холодке. Но всего лучше будет, если ты обратишься к тому, кто тебя лечит, и спросишь Мержеевского. Напрасно ты думаешь так скоро отправиться в море. Это будет зависеть от него. Целую тебя. Насчет глаз не беспокойся, потому что это не важно; болят немного веки, но это было и прежде, и я только хотела продолжить лечение. Ничего не получала: ни доски, ни книг, ничего. Что ты не писала о судьбе «бедного семейства»? Если барышня и не принесет денег, то ты не хлопочи, мне хватит до твоего приезда; я бы сказала тебе, если бы было надобно.

7. Матери.

17 июня.

Милая и дорогая мамочка. Только еще 14-го получила я ваше письмо от 28-го; пишите, по крайней мере, почаще в виду такого долгого пути. Это мое письмо будет тоже долго путешествовать, да притом вы не написали, продолжать ли мне писать на дядюшку, или к вам в деревню. Я сочла за лучшее последнее, так как, если вы и выедете из Никифорова, то собранная вами искусственная семья догадается прислать вам, куда следует, мою цидулку. Пожалуйста, не думайте, моя милая, чтобы я желала приезда Ольги, я на последних свиданьях ей об этом много говорила, находя, что хлопоты и потеря времени не вознаградятся мимолетным удовольствием, да и нахожу это чистейшим баловством себя или меня,—все равно, быть может, обеих вместе, а я, кажется, никогда не отличалась стремлением баловать себя в

чем бы то ни было, кроме одной специальной сферы, безобидной для всех тех, с кем непосредственно соприкасалась. Верно Ольга вам писала об этом давно, потому что при от'езде она уже больше не говорила об этом. Одновременно с вашим письмом я получила и от нее с адресом. По-моему, они устроились замечательно дешево; она не пишет, вдвоем или втроем они будут жить. В последнем случае в двух комнатах будет порядочная толкотня, которая с хозяйством и кушаньем отнимет у них, пожалуй, возможность читать во время лета. Очень досадно, что Ольга набрала себе книг, какие попали под руку, в то время, как многое, совершенно необходимое, остается у нее совершенно непрочитанным. Я не сообщила вам ее адреса, так как, по вашим собственным словам, она одна из ваших наиболее аккуратных корреспонденток. Так как такая похвала возбуждает во мне соревнование, то я прошу вас относительно меня всегда помнить умаляющие вину обстоятельства, именно не от меня происходящие задержки, которые вместе с однообразием жизни, а иногда с чересчур большим разнообразием мысли и чувства отбивают охоту от писательства. Что вы не пишете, мамочка, о вашем здравии? Находится ли оно в вожделенном состоянии, и есть ли надежда, что вы увеличитесь к концу лета в весе, необходимом для зимних трат в Петербурге?

Да, мамочка, напишите мне, не имеете ли вы каких-нибудь безумных мечтаний урвать для ваших сибирячек кусочек амнистии. Мне интересно знать ваше мнение, хотя я надеюсь, что вы ни на что не надеетесь и не измените вашему пессимизму. А я так нахожу, что, если бы вы стали как-нибудь хлопотать о них, то это им было бы на погибель. Я на их месте и охотою не вернулась бы, если бы не имела в виду в ближайшем будущем попасться или же немедленно выехать вон из любезного отечества. Но так как многие, как и я, например, не могут жить «без горького дыма отечества», не могут переносить заграничной жизни,

а, с другой стороны, не всякий способен на возобновление salto mortale при условиях, худших прежнего, то уже лучше жить, поживать, да детей наживать в Сибири, которая представляет что-то среднее: и отечество, и заграницу. Ольга говорила на этот счет об Евгении [1], но я желала бы посмотреть, что бы она стала делать, если бы вдруг очутилась здесь. Я нахожу для нее одно только занятие—петь, но так как это в силу человеческих способностей не может наполнить жизни, если ее не скомкают обстоятельства, то уж лучше пусть завернется теплее в свой плед, чтобы согреться от сибирского холода, и пусть поет свои романсы нескольким товарищам, чтобы немножко обогреть их. Если у вас цело ее письмо, пришлите мне, потому что она мне, дрянная, не пишет, не хочет обнять меня заочно, как бывало прежде, когда она заключала меня в свои мощные об'ятия, которые мне всегда доказывали ее любовь и вместе с тем домашнее воспитание, не развившее институтской тщедушности. Ну, достаточно, мамочка. По содержанию письма вы можете видеть, что все прекрасно в этом лучшем из миров; почему не могу не привести стишков блаженной памяти Третьяковского, перефразируя их немного:

Ходит птичка весело
По тропинке следствий
И предвидит от сего
Много, много бедствий.

Обнимаю вас и целую. *Вера.*

8. Сестре Ольге.

20 июня.

Третьего дня получила твои письма, милая Ольга: заказное и простое пришли с одним пароходом. Твое беспокойство обо мне, надеюсь, прекратилось, потому что ты уже

[1] Сестра.

успела получить мое по сообщенному тобой адресу. Ты, ленивица, вероятно, перестала путешествовать на почту за письмами до востребования, и поэтому сама виновата, если не выручила оттуда моего послания. На этот раз твои письма попали, должно быть, под тяжелую руку, не рассеяли меня, не рассмешили и не затронули меня, как это постоянно бывает, когда получаешь от вас забавное известие или нежную строчку. Полагаю, что в этом виновато не содержание твоих писем, а некоторый стих, который невольно навязывается, когда чувствуешь себя вещью, когда с тобой обращаются, как с вещью. Быть может, это по новости положения, потом все будет трын-трава. Вырасти же, милая, дорогая травка, поскорее, чтобы благополучно, равнодушно пройдя маленький искус, главный актер траги-комедии вышел на сцену, как быть следует, как-будто он и не жил долго, много, много лет одними нервами и нервами, а разыгрывал с тупым самодовольством оффенбаховскую оперетку. Да здравствует же Оффенбах и оперетка! Только будем лучше говорить о чем-нибудь другом, хоть о гороховой колбасе-немце, в области которого ты находишься. Читала ли ты Берне, Гейне? Вот где нарисован настоящий немец: истинная, неподдельная гороховая колбаса. С болью, с криком прямо из сердца топчет он ногами своих соотечественников, изощряя свое едкое остроумие. При случае возьми парижские письма Берне и французские письма Гейне, найдешь в них интересные подробности о французской революции 30-го года и в параллель умственное состояние Германии за тот же период; в одной стране баррикады, в другой—сон непробудный, из которого, увы, не пробуждает самая беспощадная ирония, и идет Гейне в сапогах-скороходах из города в город, расталкивая в бозе спящего Михеля и крича ему в уши: «В Париже пропел петух». А Михель всхрапывает и всхрапывает. Оно несколько утешительно с известной точки зрения, что в каждой стране есть либо Джон-

Буль, либо Ганс Вурст, или попросту Иванушка-дурачок, и что всем сестрам по серьгам, чтобы не думалось ни одной, что она одна урод в семье и что нетерпеливым людям в ней исключительно худо. При таком взгляде не кажется, что там хорошо, где нас нет, и при неудачах и видимой безрезультатности не теряешь надежды на лучшее будущее и, не оставляя цели, будешь искать новых средств. Не знаю, где брали себе другие щит, чтобы отражать удары судьбы, но я искала и находила его в книгах, в описании превратностей других лиц, партий, в истории заговоров других времен, стран. История отношений Ирландии к Англии, история заговоров фениев могут научить терпению и выносливости. Читала ли ты в «Русской Мысли» записки Сулливана о фенианском движении под заглавием «Новая Ирландия»? Очень и очень интересно и поучительно. Мамочка, верно, не пропустила этих статей. Здесь я скоро очучусь при печальном интересе, потому что Соловьев очень тяжеловесен, Костомарова я перечитываю и затем, затем мне нечего больше читать, особенно если иметь в виду необходимость некоторого разнообразия, в чем я уже имею потребность: увесистые томы сухого изложения совсем парализуют бедные мозги. Впрочем, пока все-таки могу заниматься ими три дня сряду, не более, а потом начинают бегать зайцы в голове, но тогда развлечения-то хочешь хорошего, чтоб тебя действительно забрало новизной, свежестью, силой. А толстую беллетристику я так не люблю. Перечитываешь Теккерея, Диккенса, Вальтер-Скотта, которыми зачитывалась я в детстве: едва ли зачитаешься ими теперь, и досадно топтаться все на одном месте, особенно, когда привык во всем бежать стремглав вперед. Впрочем, недавно я прочла прекрасный роман Додэ «Набоб». Очень, очень хорош. Хорош Набоб, хороша Фелиция, хороша мать Набоба; живо схвачены нравы, выведены характеры, вообще мне понравился этот роман, тогда как повесть Шпильгагена «О чем пела ласточка» не

понравилась, как вещь сантиментальная в чисто немецком духе; герой—бледная копия с Лео, с Мюнцера, героев романов, создавших славу Шпильгагена.

Ты, милая Олечка, не смущайся тем, что я написала в начале письма—я известная ворчунья, поэтому пиши, что вздумается, и чем чаще, тем лучше. Жаль, что доселе еще ничего неизвестно о твоих денежных расчетах. Чтобы не забыть, mercі за принесенные деньги, хотя я тебе несколько раз повторяла, что не нужно больше до твоего приезда. Но ты, всегда такая аккуратная и внимательная, ни разу не сказала и не написала мне, будешь ли ты и летом так мила и любезна в исполнении моих поручений, как исполняла все, что заключали мои письма, пока ты была в Петербурге. Теперь, быть может, я на все лето осуждена быть гласом вопиющего в пустыне. Опять отвратительное перо-мазилка. Но, кажется, и бумаге конец. Прощай, целую тебя; прошу писать, не забывать и исполнять мои пожеланья, как подобает младшей и любящей сестре. Матери писала недавно, ты ее встревожила своим проектом приехать летом сюда. Успокой ее, что этого не будет. Прощай. Еще раз обнимаю. У нас в садике тоже было благоухание везде: цвела сирень и многие другие кусты и деревья, но я должна была придерживаться правила: хоть видит око, да зуб неймет, что мне было крайне трудно, так как люблю цветы до-смерти, так трудно, как трудно не украсть—кассиру русского банка. У тебя, верно, были целые букеты... В ожидании от тебя приятных известий кончаю. Дорогая, отвечай сейчас же.

9. Матери.

27 июня.

Милая и дорогая мамочка. Письмо ваше от 11-го получила и очень рада, что адресовала свое предыдущее письмо в Тетюши, а не в Казань, так что теперь пишу второе. Не рада только тому, что вы себя чувствуете нехорошо, тем

более, что знаешь, какое значение имеет при этом ваше психическое состояние, и на улучшение этого последнего не имеешь никакой надежды. Недаром Литтре указывает, что большая или меньшая смертность между ранеными на баррикадах зависит от успеха или поражения движения, в котором они принимали участие... А вот уже девять лет, как вы получаете раны и терпите поражения. Вечный страх, опасения, беспокойства и огорчения. Вы никогда не поправитесь, не можете поправиться, потому что, как говорит поэт про матерей вообще,—

Им не забыть своих детей,
Как не поднять пакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

И очень грустно, что наша троица играла главную роль в плохом повороте вашей жизни. Можно сказать только одно, что это было неизбежно, потому что иначе мы были бы не мы, а для этого надо было бы изменить и законы наследственности, и условия воспитания, и все разнообразные влияния жизни, под действием которых мы складывались. Поэтому-то мне и кажутся смешными те предохранительные меры, которые предпринимают наши родственники в отношении своих детей—они берут во внимание один фактор, как-будто он определяет все, и забывают пословицу: вытолкните природу в дверь, она влетит в окно. А они хотят вытолкнуть не только природные склонности человека, но самую жизнь, мысли и идеи, которые носятся в воздухе и которые так же неуловимы и вездесущи, как и он.

Напишите мне, милая моя, кто теперь в нашем уезде земским врачом? Хорош ли он? А также, кто в земстве воротилами и чем отличается теперешнее земство? В каком положении школы, и кто учителем у нас в имении? Жив ли Панфил, наш обычный возница, attaché нашего дома? По-прежнему ли горят Атряси, Алабердино и Байряшево?

Вообще, обо всем, обо всем, что делается у нас в уезде и в деревне. Когда я получаю ваши письма из Тетюш, то мне всегда приходит на ум смешная мысль, что адрес, по которому вы мне пишете, должен приводить в смущение наших провинциальных почтмейстера и его коллег, и хорошо, если они еще не вскрывают писем, воображая открыть какого-нибудь доносчика... Оказывается, милая мамочка, что следствие по всем делам, где фигурирует ваша покорная слуга и дочь, поручено вести по высочайшему повелению начальнику Московского губернского жандармского управления, генералу Середе, который имеет теперь особую канцелярию в здании департамента государственной полиции. Туда следует адресовать и мои письма и обращаться вам по приезде (т.-е. в канцелярию генерала Середы), а не в Петербургское жандармское управление: я больше не нахожусь в его ведении. Я думаю, что это в отношении скорости делопроизводства лучше. На адресе надписывайте для такой-то. По этому адресу письма будут доходить скорее, потому что уничтожится лишняя пересылка. Я здорова, как всегда, и живу попрежнему. Вы, вероятно, теперь еще *кипятитесь,* что Ольгина поездка не принесет должной пользы, и, пожалуй, пребывание в Казанской губернии и купанье в нашей реке было бы полезнее, чем сиденье в Аренсбурге; уж подлинно: сидеть у моря и ждать погоды. Целую вас, моя дорогая, а также Верочку [1]. Хоть бы вы уговорили ее сделать операцию: как-то жутко, что человек относится так равнодушно к неизбежности умереть от рака. Мне кажется, что, хотя ее жизнь нехороша, тяжела, но бывает и в тысячу раз хуже. Впрочем, я не убеждена, что она не думает умирать оттого, что не стоит жить. Если это причина, а не боязнь или упрямство,—то я молчу. Еще раз обнимаю вас и желаю всего лучшего. Куда вы двинетесь в августе?

Вера Фигнер.

---

[1] Одна дальняя родственница.

10. Сестре Ольге.

3 июля.

Все твои письма получила, моя дорогая Олечка, и номер четвертый и номер пятый. Что касается меня, то совсем не могу принять на свой счет упрека, делаемого тобой, будто я редко пишу. Я знаю наверное, что за июнь послала в Аренсбург три письма, стало-быть, каждые десять дней давала весть о себе. Право, это не редко, особенно если принять во внимание, что я посылала столько же и мамаше, посему вооружись терпением и не вини меня. От мамочки я получаю известия реже, чем от тебя, и все неутешительные, так как она не поправляется в деревне; значит, зима для нее будет тяжелая. До сих пор ее только и поддерживало то здоровье, которое приобреталось за лето, а то, что она уже начала страдать отеком, показывает на значительное развитие болезни и не предвещает ничего хорошего в будущем. А очень хотела бы знать мнение ее врача и прочесть историю ее болезни. Когда ты вернешься, я попрошу тебя сходить к нему и узнать, как он смотрит на ее теперешнее состояние. Только не говори об этом ни под каким видом мамочке, чтобы не подать ей виду, что я боюсь за ее жизнь, и, если будешь здесь одновременно с ней, то известишь меня письменно, а не при свидании. Что касается твоего предложения приехать раньше, то отвергаю его решительно, как уже несколько раз писала раньше. Об этом и не думай: и мамочка не хочет, и мне не нужно это. Ты доставишь мне истинное удовольствие, если перестанешь пугать меня своим приездом, будешь сообразовать его с желаньем матери и с собственной пользой и удовольствием, исключая меня из тех предметов, которые могут тебе доставлять последнее. Еще будет впереди много случаев, когда мне придется заявлять по необходимости притязание на твою любовь и отрывать от занятий, книги, для хлопот скучных и подчас неприятных. Боюсь даже надоесть тебе когда-нибудь. Уж лучше не чер-

пать теперь чересчур щедрой рукой, чтобы в случае нужды смелее обратиться с просьбой об услуге. Уж мамочку совестно беспокоить, столько пришлось ей принять из-за нас разного рода мытарств: для этого нужны нервы более крепкие или более молодые.

Ты спрашиваешь, чем я теперь занимаюсь. Все историей да историей.Читаю параллельно Соловьева и Костомарова. Последнюю неделю читала о смутном времени, которое Костомаров описывает, как настоящий роман—не потому, чтобы он искажал исторические факты или придавал этой эпохе характер, ей не свойственный, но потому, что она была действительно удивительной и фантастической и вместе трагической. Таким же является рассказ о Лжедимитриях и у Соловьева. Вообще последний делается живее и интереснее по мере приближения к новой истории. Это, по крайней мере отчасти, вполне понятно и по большему количеству материала, которым располагает историк, и по большему интересу, который возбуждается в читателе по мере приближения к современности.

Итальянским языком теперь занимаюсь мало, потому что доски не имею; что было в приложении, все статейки прочла, второй части учебника нет, посему пришлось поневоле сказать: стоп, машина. А за английский не хочется приниматься, пока не укрепится как следует в памяти то, что недавно приобретено: боюсь, чтобы не образовалась в голове невообразимая каша. Еще так много пустого пространства впереди, что, если не умереть нечаянно, то можно будет изучить и санскритский, и китайский со всеми десятью тысячами церемоний. И представить себе только, что, может статься, будешь читать в подлиннике Конфуция, Фирдусси и повесть о Наль и Дамаянти. А, быть может, уподобишься и рабу божию Симеону Столпнику. Ох, уж лучше Конфуций: последнее горше первого. Но оставим это будущее. И что это за манера у человека смотреть и вперед,

и назад, не забывая и настоящего. Противный двуликий Янус мифологии. Лучше буду спрашивать о тебе. Ты купаешься и ни слова еще не сказала, находишь ли разницу между барахтаньем в деревенской нашей речке и купаньем в море. И хорош ли морской песок в Аренсбурге? На берегу Черного моря это настоящий бисер. Ежедневно омываемый волной, он чист до такой степени, что его можно горстями сыпать себе на голову, не боясь выпачкать волосы. Пиши же мне обо всем; обо всех пустяках твоей повседневной жизни. Как проводите день? Занимаетесь ли немецким языком? Верно, очень долго спите и сидите бесконечно за троекратным самоваром. Это-то, верно, и составляет главную помеху для занятий теми пудами книжной премудрости, которые вы повезли с столь благими намерениями. Поэтому, думаю, будет всего приличнее пожелать на прощанье тебе и прекрасным незнакомкам, с тобой обитающим,—приятного сна и приятного аппетита. Целую тебя, мою милую, дорогую, прошу писать, любить, помнить, теперь и впредь. От меня жди писем каждые семь или десять дней, или знай по крайности, что я тебе пишу.

Твоя *Вера Фигнер.*

Писала и вспомнила, что ты мне говорила о моем почерке. Так ли ты обо мне помнишь, как я—что ни одного твоего слова, а тем паче твоего желанья, или того, что тебе дорого, не могла бы забыть. Когда получаешь известия матери, то сообщай мне: этим заместишь промежутки между ее письмами. А от меня передай привет присным по принадлежности.

11. Матери.

7 июля.

Несносная родительница. Что это вы молчите? Скоро месяц, как вами было написано письмо, полученное мной в последний раз. Сегодня 7 июля, а ваше письмо было от

11 июня. Уж не расхворались ли вы? Да и в этом случае при вас есть грамотеи, которые могли бы известить о случившемся. В канцелярии письма также не лежат, потому что в последнее время довольно часто присылались Ольгины письма, конечно, прислали бы и ваши, если бы они были. В конце-концов не на кого жаловаться, кроме как на вас. Вероятнее всего, что вы опять в от'езде и писали мне из каких-нибудь Клярей, и письмо пошло трястись по всему уезду, чтобы добраться до Тетюшей и выйти на прямой путь. Итак, приходится еще ждать как обещанного вами описания вашей жизни, так и ответа на мои многочисленные запросы. Чтобы не забыть, должна теперь же заметить вам, что вы ни разу не написали мне, каковы мои кузены, старший и трое младших. Напишите же мне подробно о каждом из них. Можно подумать, что вы отдаете предпочтение девочкам, потому что о них только и упоминаете. Что пишут вам сестры [1]? Отчего не пересылаете мне их письма? Мне так хочется знать их настроение и всякие житейские обстоятельства, хотя бы и пришлось воскликнуть: «Марфа, Марфа!» Но знаешь, что это не сущность жизни, поэтому и блинами и пеленками их можно интересоваться; вы сделаете мне удовольствие, присылая даже так называемые бессодержательные письма. По поводу последних не далее, как вчера, меня насмешила Ольга весьма комическим, но милым по наивности признанием, руководствуясь которым, до меня не должны доходить известия ни о пеленках, ни о блинах. Но вы уж, пожалуйства, удовлетворяйте моему разностороннему любопытству, не различая предметов высших и низших. Ольга пишет, что у них наступили, наконец, жары, и началось купанье. Здесь же вот уже почти неделя, как идут дожди: темно и холодно, будто осень; словом, настоящее петербургское лето, от которого бегут все, кто может. Во-

---

[1] Лидия и Евгения, находившиеся в Сибири в ссылке по суду.

обще же жизнь здесь идет по-старому, о ней нечего и сообщать официально. Могу только закидывать вас вопросами и чаять ответа через бесконечно долгое время. Повторяю просьбу писать почаще, чаще, чем остальным (кроме Ольги), потому что у них у всех есть, кроме вас, близкие люди, и ни Коле [1], ни Петруше [2] не нужны так вести о вас, как мне; и если вы нас всех равняете, то ваше обычное родительское беспристрастие становится пристрастным. Целую ваши ручки и прошу еще раз сноситься с Петербургом не в пример чаще, чем с Миланом и Феррарой или странами зауральскими. Передайте привет всем любящим меня. Еще обнимаю. Будьте здоровы.

Вера Фигнер.

12. Сестре Ольге.

11 июля.

Письмо твое от 29 июня (№ 6) получила, дорогая Ольга, и, помня твою заповедь, пишу как-раз в день твоих именин. Ты меня насмешила в высшей степени твоими милыми словами о моей серьезности, так что одно воспоминание об этом проясняет хмурый вид и заставляет улыбаться (на удивление постороннему наблюдению, конечно). Сейчас получила письмо от мамочки с вложением Колиного, который пожинает первые лавры и пышит надеждами и радостью, так что весело читать. При этом жаль стало, что на этом пути не Евгения [3]. Как хорошо бы было, если бы такие радужные мечты носились теперь перед ней, и мы бы тогда торжествовали, не правда ли? Все это было бы впрок. Представь себе, что мамочка до 18-го имела одно письмо от 30 мая. Удивительное дело, как все идет медленно в этом худшем, т.-е. лучшем из миров. Ты наказываешь мне строго-

[1] и [2] Братья.
[3] Сестра.

настрого отвечать на твои запросы аккуратно, но это затруднительно, потому что я отвечаю тебе не тотчас же, а письма ведь от меня по прочтении отбираются, так не мудрено, что кое о чем и забудешь. Только не беспокойся, милая, насчет моего физического и умственного пропитания. До твоего возвращения у меня еще будет что читать: Соловьева я кончила, но думаю еще перечитать некоторые томы, кроме того, Шлоссера я хочу еще раз прочесть. Это я тебе пожаловалась, когда одну неделю у меня были неприятности, а тогда я не могу читать ничего строго научного, теперь же я давно уже опять в самом историческом настроении и могу поглощать какую угодно сушь и зарываться в глубь времен. Что касается вообще желательных книг, то об этом успеем еще поговорить, скажу теперь только то, что здесь очень многого нет и легче перечислить то, что есть, чем сочинения отсутствующие; но я очень хотела бы иметь Шлоссера «Всеобщую историю», этим бы ты мне очень угодила, потому что Шлоссер составляет теперь для меня бальзам души; и еще надо купить будет Беляева; в прошлом году вышло новое издание, а то он становится уже библиографической редкостью. Относительно статей, о которых ты мне писала, сказать ничего не могу, потому что все, касавшееся их, было из твоих писем вырвано; так я не узнала даже, какое сочинение ты написала в гимназии. Как-раз те письма (№ 4 и 5), о которых ты заявляла, что они вышли длинны, для меня оказались невероятно короткими, из 5-го только конец достался, а из предыдущего— первый полулист и клочок с прощаньем. В последнем ты пишешь, что читаешь по-немецки Бёрне и плохо понимаешь. Мой совет: взять что-нибудь легкое—повесть или роман; вероятно, ты можешь достать что-нибудь подобное у барышень-хозяек; без подготовки мудрено отыскивать смысл в каком-нибудь сочинении при посредстве лексикона, как ты теперь делаешь. Говоришь, что нет практики. Отчего не

заведешь какого-нибудь знакомства с иноземщиной? Ходила бы гулять и на купанье с какими-нибудь немками. Вы мне говорили, что старая тетка [1] думала заехать на некоторое время в какие-то дебри; надеюсь, что это не препятствует переписке, и ты передаешь приветствия, заключавшиеся в предшествующих письмах от 20-го и 3-го. Очень рада финансовым оборотам, только неизвестно, какое время это продолжится. Пиши мне, дорогая моя, твоим письмам я всегда рада. Отвечай. Обнимаю тебя.

Твоя *В. Фигнер.*

11 июля. Письма адресуйте на Пантелеймоновскую, в здание департамента государственной полиции, в канцелярию генерала Середы, такой-то. Он ведет следствие по моему делу.

13. Матери.

Вчера, 15-го июля, получила, дорогая мамочка, ваше письмо от 7-го. На прошлой неделе я отправила к вам челобитную—писать почаще, а теперь могу повторить то же, потому что предыдущее письмо ваше было помечено 18 июня; итого вы молчали целые 19 дней, это очень большой промежуток. Если ваши глаза затрудняют вас при письме, отчего бы вам, в самом деле, не диктовать их вашему секретарю. Вообразите, что у вас болит палец и вы не имеете физической возможности держать перо в руках—да и диктуйте. Письмо Евгении тоже получила и благодарю; жаль только, что вы ни разу не прислали мне ни одного письма Лидии, я и почерка ее уже не помню хорошо. А Коля-то наш на небесах, хотя только еще в своем воображении, конечно. Хотя мне и пришло на память изречение: «всегда доволен сам собой, своим обедом и женой» при чтении его письма, но

[1] Под старой тёткой я разумела Ек. Ив. Долгову, тётку Н. Тютчева, собиравшуюся к нему в Сибирь.

его довольство пока не противного свойства. Видно, что ему в голову бросаются первые рукоплескания публики, и думаю, что он в них не слышит звука франков, как его противная Луиза [1]. Очень бы хотела услышать его на сцене, собственно для того, чтобы убедиться, играет ли он с чувством; мне все кажется, что его игра должна быть деланной, искусственной, по крайней мере прежде его пение производило на меня нехорошее впечатление, именно по отсутствию увлечения в самом певце, без чего я не думаю, чтобы можно было тронуть других. Пришлите мне как-нибудь письмо Насти [2] или Петра, чтобы составить семейную хронику Фигнеров. Ей-ей, мамочка, вам надо быть веселой, а не скучной. Во-первых, вас так все любят. Я даже становлюсь снисходительнее к эпикурейцу Коле, когда вспомню его теплое обращение к вам. Мне стало даже жаль, что он от всех нас отщепенец, никто из нас с ним не дружен, и я думаю, что он сам сознает, что из всей семьи только вы искренно любите его. По крайней мере, и в письме обо всех нас нет ни слова. Он сознает, что для нас всех все равно, существует ли он или нет, потому что ни единой нравственной связи между нами нет, и вы одна только—посредствующее звено между ним и нами. Итак, продолжаю, все вас любят нежно, сильно и почтительно. Во-вторых, сыновья ваши имеют более или менее определенное положение с изобильными надеждами в будущем и имеют семьи; две дочери имеют, хоть и неопределенные положения, но любят своих мужей и будут находить утешение в детях; наконец, ваша Ольга—прелестное, милейшее существо, и для меня все равно, что дочь, так что положительно, как истинная христианка, вы, кроме благодарности, не должны ничего воссылать к небесам, а червяку достаточно места на ваших озимых и яровых полях—он не должен глодать сердце самой владе-

[1] Луиза—первая жена брата-певца.

[2] Настя—первая жена брата Петра.

тельницы. А между тем во всех ваших письмах меланхолия да меланхолия. Хорошо, что утешили вестью, что чувствуете себя хорошо. Теперь у вас, пожалуй, как-раз оживление: сбор родственников. Поцелуйте хорошенько тетю Лизу [1] и дядю [2]. Мечислав Фелицианович [3], наверно, не приедет к вам, чтобы не оторваться от работы. Верно, теперь он стал весь серебристый. Каков его младший сын? Целую вас крепко, милая и бесценная. Поправляйтесь, как можно больше. Занимались ли вы это лето цветниками? Были ли у вас цветы, до которых вы такая охотница? Да вот еще что: не советую ездить в Казань в августе с тем, чтобы не заезжать после, а лучше, когда будете совсем выбираться, сдайте весь багаж и на пристани не берите его, он может пролежать в конторе несколько дней; а потом зайдете за ним. А то эти раз'езды туда и сюда не дают вам покоя, и плохой расчет хлопотать, везти коробки и чемоданы с пристани в Казань и обратно, или передвигать свою персону из деревни в тряской тележке до Тетюш с тамошней горой. Право, не делайте этого. Обнимаю вас, привет вам, пишите скорей. После того письма, что вы получили 4-го июля, это с моей стороны третье. Видите, как часто я пишу вам, верно, начальству надоедает даже перечитывать и пересматривать.

Ваша *В. Фигнер.*

14. Сестре Ольге.

Получая некоторое время довольно часто от тебя письма, милая Ольга, я избаловалась, и мне кажется теперь, что ты что-то долго не пишешь. Твое письмо от 6 июля (№ 1) я получила, но, когда именно, не помню. Тебе же я писала 3-го и 11-го и на оба еще не получала ответа. Хотела

[1] Тётя Лиза—сестра матери, Елиз. Христоф. Головня.
[2] Дядя—Куприянов.
[3] Головня—муж Елиз. Христ.

дождаться, да, чтобы не проволочить понапрасну времени, взялась за перо, потому что условленные 10 дней прошли. Мамочка писала мне 4-е письмо и прислала еще письмо от Генички [1], продолжающей витать в надзвездных краях, что, впрочем, не мешает ей сажать картофель в огороде. То, что она сообщает о Sophie (Бардиной), порадовало меня: счастье в любви, как видно, не изменяет ей. Хотела бы я очень знать, продолжается ли теперь та романическая переписка, которою она так дорожила и которая, надо полагать, нечто большее, чем простая сантиментальность [2]. Ты пишешь о Шлоссере. Я как-раз писала о нем в последнем письме (по петербургскому адресу), которое ты не получила оттого, что переехала на другую квартиру. Перед от'ездом ты говорила, что берешь с собой некоторые томы его «Всеобщей истории», а я из нее читала только историю Греции и Рима. Относительно же истории XVIII столетия, которой соответствуют по содержанию взятые тобой томы, я не нахожу того, что ты пишешь. Если и видно, что автор—немец, то не потому, чтобы он восхвалял свое немецкое, а потому, что он очень страстно нападает на свои немецкие учреждения, строй жизни, нравы; его горячий патриотизм выражается жалобой и сатирой на тогдашнее внутреннее и внешнее положение Германского Союза. Он не щадит красок, изображая директорию, а Наполеона I изображает гениальным разбойником, но отдает полную справедливость величию переворота, совершившегося перед тем во Франции, и признает его неизбежным, законным и благодетельным для всего человечества. Если иногда, при описании 90-х годов, у него встречаются выражения, очень резкие по отношению к демагогам, то ведь не все божественно, что делается

---

[1] Сестра Евгения.

[2] У Бардиной был жених—француз, студент, который влюбился в нее, когда она училась в университете в Париже одновременно с ним.

народом, толпой; в период общего возбуждения как в отдельных личностях, так и в массе должны были развиться и проявиться инстинкты и страсти, которые вели к преступлениям и могли бы казаться отвратительными, если бы не было понятно состояние умов и чувств в эту эпоху. Единственное, [что] мне показалось [странным],—это суровое отношение к французским энциклопедистам. Начитавшись Луи-Блана, я привыкла им приписывать гораздо большее влияние, чем то, которое уделяет им Шлоссер. Когда прочтешь—на ряду с критикой значения литературы XVIII века во Франции—описание эпохи литературного возрождения в Германии, тут действительно можно подумать, не погрешает ли он; на последнем он останавливается с видимой любовью, так что по прочтении впечатление о последнем ярче и осязательнее, чем о первом. Меня очень забавляло преследование Шлоссером m-me Сталь: он костит ее на каждом шагу. Это тоже один из тех авторитетов, о побиении которых говорится в предисловии. Помнишь, милая моя, я как-то писала тебе, чтобы ты записывала мои просьбы на отдельный листок,—так вот еще одна. Узнай, по приезде, из скольких томов состоит «История России» Соловьева. Здесь их 12 (недостает 1-го, который я просила тебя поискать у букинистов). 12-й том заканчивается царствованием Алексея Михайловича, но без общего обзора внутреннего состояния России за все 35-летие, что автор обещает в следующей части. Так как Соловьев умер недавно, года два или три тому назад, а 12-й т. помечен 70-м г., вторым изданием, то, я думаю, должно быть, он успел написать и еще. Непременно узнай в книжном магазине также и о Стасюлевиче и напиши мне, отмечаешь ли ты то, что я прошу тебя сделать. А то я могу перезабыть, надеясь, что тебе все уже известно. В сочинениях Костомарова здесь недостает 6-го тома монографий, а именно 3-й части смутного времени. Закажи букинисту и ее. Однако, все книги да книги. Отряхаю прах

свой от них и обращаюсь к твоим об'ятиям. Итак, обнимаю тебя, целую крепко. Пиши поскорее и повеселее. И что это ты все выдумываешь уезжать рано из Аренсбурга. Сиди там, пока останутся твои товарки, и не думай о 20 и 23 августа, как ты писала. Ты и без того много времени потеряла из-за погоды, может быть, август как-раз будет хорош. Здесь целые три недели погода была хмурая, почти каждый день был дождь, хотя и не непрерывный, но жарких дней не было.

22 июля. Твоя *Вера.*

15. Сестре Ольге.

2 августа.

Милая Ольга. Со времени получения твоего письма от 6 июля я не получала ни одного; так как я не предполагаю, чтобы ты умерла, и не думаю, чтобы содержание твоих писем было так тяжеловесно, чтобы пароходы, выходящие с ними из Аренсбурга, под влиянием непомерного груза, становились добычею моря, то остается одна догадка, что ты посылаешь мне зажигательные памфлеты, что они остаются в канцелярии, как печальный памятник твоего легкомыслия. Мне же не достаются даже конверты, адрес и штемпель, которые могли бы удостоверить, что в твоей жизни все идет как следует. Если ты мне писала, то прими меры к обузданию твоего язычка, и перед тем, как заклеить письмо, подвергай его цензуре самой рассудительной из твоих подруг, если не хочешь, чтобы я оставалась без вестей от тебя. Это может повергнуть меня в меланхолию, к чему и без того располагает осеннее время (сегодня 2 августа), серое небо, дождливые дни и мрачные ночи; прибавь к этому, что не всегда в моих руках очаровательный Гейне, то восхищающий своими поэтическими образами и картинами, то осыпающий своим неподражаемым остроумием, способным рас-

смешить, я думаю, даже вечно страдающего сплином англичанина.—Зачастую мои [мозговые] клеточки заняты неграциозными ихтиозаврами, плеозаврами, эоценовыми, миоценовыми, плиоценовыми пластами и другими духообременительными предметами, после которых непременно увидишь себя ночью в неприветливых, глубоких недрах земли под тяжестью 1-й, 2-й или 3-й формации, под мелом, гравием, гранитом, песком и пр., и где-то в отдалении будешь слышать могучие шаги гиганта elephas primigenius и его колоссальных товарищей. Ну, как же при столь удручающей умственной пище сидеть без писем? Хотя я и охотница до вещей зажигательных, но от тебя готова получать лишь теплые письма, которые бы превышали на несколько градусов температуру окружающего воздуха и каменных стен. Этим скромным желанием ты и руководствуйся, обращаясь ко мне письменно. В настоящее время я даже не знаю, писать ли еще и после этого письма, потому что ты думала выехать 15-го, а если так, то следующее письмо уже не застанет тебя. По этому расчету, если до 12-го я не узнаю, что ты переменила намерение, то не буду больше адресовать в Аренсбург, а буду ждать тебя собственнолично. По приезде исполни следующую мою просьбу: если у тебя будут лишние деньги и ты понадеешься на свой вкус, то купи и отдай сшить для меня кофточку из сукна или легкого драпа (чтобы носить в комнате с моей черной юбкой). Только не ударь лицом в грязь, как случилось со мной при покупке, когда мамочка осмеяла меня и велела переменить, потому что я купила такой материи, которая идет на мужские брюки. Кажется, надо 2½ ар., сшить двубортной, спину по талии, рукава с обшлагом, оторочить черной шелковой тесьмой, ворот чтобы не был слишком вынут и рассчитан не на воротничок, а на кружево; длина рукавов по тебе, не короче, да и вообще примерь по себе. Рукава и ворот обшей черным кружевом, только не машинным, а плетеным, и наверху, чтобы края

сходились плотно, и не забудь продернуть двойную шелчинку и на запас промечи где-нибудь несколько; на поясе чтобы непременно была тесемка. Кажется, рецепт полон, точь-в-точь из книги «Подарок молодым хозяйкам». Если не захочешь, то передашь это живописное описание мамаше для выполнения, если же исполнишь, то закажи тотчас же по приезде, но не приноси, пока не увидимся, чтобы ты мне рассказала, как сделано, чтобы не таскать взад и вперед—это скучно. Ну, теперь прощай. Пожалуйста, не умри, не утони, прокламаций не пиши. Обнимаю тебя.

Мое письмо уже было написано, когда получила твое от 24 июня; но уж не буду переписывать. Ты сообщаешь, что получила 4-е письмо от меня, но за какой период? Если за все время, то это чересчур мало; я помню только, что писала 20 июня, 3, 11 и 22 июля и теперь 2 августа; но до 20 июня я послала, по крайней мере, 2 письма. Что ты, дорогая, молчишь на мои вопросы? Хотя они и могут казаться тебе малозначащими, но ответ на них я хотела бы иметь. С'езди, в самом деле, к кузине [1], но только заезжай сначала сюда недели на две, чтобы повидаться со мной, а потом уж поезжай к ней. Прошу тебя убедительно, как только нога твоя будет на петербургском берегу, сейчас же, моментально сообщи мне адрес для письма к тебе, чтобы до от'езда я могла обратиться к тебе и дождаться исполнения своих просьб. Извини за эгоизм, но исполни. Тебе проехаться будет очень полезно. Хотя я и задержу, но из-за этого не раздумывай. А насчет твоего будущего надо постараться устроить. По крайней мере я буду прилагать усилия. Если думать о поездке, то, в виду моей задержки, не надо оставаться в Аренсбурге больше, чем ты предполагала.

Твоя *В. Фигнер.*

---

[1] Какое-то иносказание.

16. Матери.

Милая мамочка. Не помню уже, когда писала вам, кажется, довольно давно. Вероятно, это будет предпоследнее письмо, потому что писать дальше было бы бесполезно: при том запаздывании, которому подвергаются наши послания, едва ли дальнейшие застанут вас в деревне, где вы не пробудете дольше, чем до первых чисел сентября. Во всяком случае, известите, когда вы думаете выбраться из тетюшских дебрей. Последнее письмо ваше было от 15-го. Вы чересчур редко пишете мне, дорогая, и представьте себе, ваша неделя продолжается не семь дней, а целых десять и больше, вследствие чего промежутки между вашими письмами для меня гораздо длиннее выходят, чем для вас самих, и притом вы никогда не отвечаете ни на один из моих вопросительных знаков. Видимое дело,—вы любите более восклицательные; я и сама их люблю, когда приходится писать: «дорогая мамаша, бесценная мамаша, милая мамаша». Не люблю только, что за этим обязательно должны следовать слова: пишите почаще. Что я и сейчас готова повторить трижды семь раз. Вероятно, вы уж опять дома, покончили свои хлопоты в Казани и расстроили опять свое здоровье. Кажется, у вас еще ни однажды не было такого лета, такого обилия хлопот и работ.

Мне немножко скучновато, потому что читаю не то, что интересно и что выбрала бы из вольной библиотеки, а то, что есть под рукой, и, представьте себе, хочу заняться судебными уставами; это может дать вам представление о той пустыне Сахаре, которая царит в моей голове, потому что я всю жизнь была одержима духом ненависти ко всему юридическому и напоминающему юриспруденцию, а теперь—трах! Возьмусь еще за свод законов. Нельзя ли посоветоваться с дядей, какой том интереснее. А потом, верно, уж я попрошу вас купить мне руководство Авдеевой или другое

более современное по этому же отделу: это будет разнообразить меню каждого дня. Милая мамочка. Извините, что пишу глупости; это оттого, что холодно, как под самыми высокими широтами, почему и мысли находятся в замерзании: умные, как более высшие, уже замерзли, а глупые еще прозябают, потому что обладают большей способностью приспособляться. Третьего дня получила письмо от Ольги. Кажется, дольше 15-го она не останется в Аренсбурге; в таком случае, надеюсь скоро свидеться; а потом начну ждать и вас. На-днях у меня явилось маленькое развлечение: доска и грифель, так что занимаюсь итальянскими переводами или пишу разные назидательные memento! И, представьте, последние действуют так, что я от души жалею, что некогда, живя в Саратовской губернии, не привела в исполнение желания, тогда у меня бывшего, вывесить одно изречение над моим рабочим столом. Оно чрезвычайно помогло бы. Но только оно должно было быть написано, по крайней мере, по-итальянски, чтобы никто в уезде не мог прочитать, а так как этот язык был мне вполне неизвестен, то, вероятно, поэтому я и не изобразила его на стене. Теперь я имею в виду еще лучшие изречения, только мне нужен словарь, потому что учебник Больца содержит малое число слов, особенно отвлеченных; Больц большой материалист, что доказывается, кроме всего прочего, и ценой его весьма тощего руководства—«достаточного для дам и детей», как он заявляет, но крайне недостаточного для арестантки, чего, конечно, Herr Boltz и не мог иметь в виду при его взглядах на дам. Когда вы приедете, то непременно попрошу вас купить мне какой-нибудь итальянский роман и словарь, чтобы я могла набрать всяких слов и быть каждую минуту готовой к от'езду в Италию, к папе на покаяние. В ожидании всех этих благ шлю вам свой привет и поцелуй.

Ваша *Вера Фигнер.*

17. Сестре Ольге.

12 августа.

Пишу тебе, милая Ольга, рассчитывая, что ты выедешь из Аренсбурга только 15-го, а 18-го мое письмо, можно надеяться, будет уже ожидать тебя на курсах. Застало ли тебя мое письмо от 2-го? Если судить по времени, когда до тебя дошло письмо от 11-го, и что ты еще не получила письма от 22-го (видишь, какая я словоохотливая), то едва ли, а там я хотела сейчас же навязать тебе хлопоты по части костюма. Расскажу уже при свиданьи. Что же касается до вопроса, где и когда просить о нем, я не знаю, но думаю, что надо обратиться туда, куда адресуешь письма. Досадно, если ты не прочла последнего письма, потому что я в нем поддерживаю твою мысль о поездке в деревню, чтобы отвести душу с твоей любимицей; говорю досадно, так как из-за этого ты, вероятно, потеряла много времени: ведь тебе надо списаться для этой поездки. Но во всяком случае я одобряю твое намерение; знаю, что тебя может останавливать только нежелание оставить меня опять одну, но это совсем не должно смущать тебя. Надо только устроить так, чтобы к приезду мамаши ты воротилась, а то ей трудно будет хлопотать самой при ее водворении; но до этого еще далеко: она думает выехать 10 или 15 сентября, так что ты не устраивайся основательно и, начавши лето погоней за полезным, заканчивай его приятным, а потом уже засядешь опять за лабораторию и всякую науку. Если в прошлом году ты так усердствовала, что мать тебя почти и не видала целые дни, то в эту зиму, перед окончанием курса, ты, вероятно, превзойдешь самое себя и уж, конечно, к новому своему огорчению не исполнишь всех летних предначертаний, которые и отодвинутся обычным образом еще на будущее. Биографию Гёте Льюиса я читала: это была одна из первых книг, прочтенных после выхода из института, и произвела такое же впечатление,

как и на тебя, только она не показалась растянутой—значит, понравилась. В прошлом году мне летом пришлось перечитать ее и вместе с тем главнейшие произведения Гёте: «Страдания Вертера», «Сродство душ», «Фауст», «Гёц Фон Берлихинген» и пр., и биография показалась мне скучной, а главное, неверной, совсем не дающей настоящей характеристики Гёте, как поэта. Ты помнишь, в одном месте Льюис говорит об об'ективизме Гёте, но не дает ясного понятия, в чем главным образом выражается этот об'ективизм и до каких пределов он доходит. В переводе на простой язык это значит, что он прежде всего был художником, эстетом, жрецом искусства для искусства, провозглашающим: «Не для житейского волненья... не для битв, — мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». В области чистой поэзии и пребывал Гёте, не спускаясь в мутные волны политической и общественной жизни, следов которой напрасно было бы искать в его произведениях. Можно было бы подумать, что он жил в эпоху, бедную событиями, среди условий, неспособных возбудить ни общественного интереса, ни патриотических чувств. — Как-раз наоборот: перед ним прошли величайшие события XVIII столетия, «и на челе его высоком не отразилось ничего». Действительный статский советник с высоты своего олимпийского величия игнорировал идеи, интересы, общественные страсти тех, которые в глазах его были толпой, чернью. Что касается в частности названных произведений, то «Фаусту» я предпочитаю «Страдания Вертера», и в особенности «Сродство душ» заключают много хороших сцен, но до такой степени сантиментальны, особенно Вертер, что производят претошнотворное впечатление, и теперь уж, конечно, никто не утопится и не застрелится с Вертером в кармане, как то было во время оно. Полагаю, что теперь их читают не для того, чтобы получить эстетическое удовольствие, а для ознакомления при изучении истории литературы. Впрочем, это мнение считается

еще еретическим, и на меня еще тогда, летом, раскричался один отец семейства, помянув, как водится, покойника Писарева, когда я высказала это мнение. Прибавь еще то, что все женщины Гёте—истинные немки: замечательно хозяйственные, узко добродетельны, нежно сантиментальны и вместе с тем практичны. Вообще же я думаю, что пространный Льюис напрасно отнял у тебя много времени, можно бы его употребить на что-нибудь более полезное и приятное. Что до меня, то я теперь предаюсь чтению Спенсера, витаю в разных биологических, психологических теоремах и абстракциях, что совершенно мне не по вкусу, и я двигаюсь в этой области самым черепашьим шагом, со скоростью всего-навсего 50 стр. в день. Философия для меня все равно, что пашня: мои мозги не так устроены или, лучше сказать, не так воспитаны, чтобы в занятиях ею находить наслаждение. Я все собиралась путем упражнения пополнить этот недостаток, да не приводилось как-то, а теперь боюсь, что уже поздно исправлять умственную однобокость. Я прежде не терпела и математику, науку отвлеченную, но, приготовляясь к университету, преодолела свою умственную инерцию, исправилась и усовершенствовалась, но теперь, увы, никакого университета не предстоит; для будущей же жизни философия скорее может оказаться вредной, чем полезной, потому что «ум недозрелый, плод недолгой науки» как-раз вовлечет в материализм и спровадит прямо в ад (в частилище я уже нахожусь и очень хотела бы сравнить оный с дантовским описанием в «Божественной комедии»). Из этого следует нравоучение: во-первых, ничего не делать без позволенья; во-вторых, если хочешь быть не однобокой, занимайся самовоспитанием в юные годы, пользуясь поучительным примером, который я тебе представляю. А затем, я могу только обратиться к тебе с просьбой, несмотря на философию, которой, надеюсь, ты займешься, и не взирая на послушание, которым ты, конечно, обещаешь отличаться, писать

мне не реже, чем ты писала из Аренсбурга, и не считать себя уволенной от этой обязанности с переселением сюда, а то я буду ворчать. Я и без того на тебя зла, потому что ты преравнодушно мне заявляешь, что тетка [1] может пробыть в глуши до весны, как-будто это безразлично: разве с глаз долой—из сердца вон? Или близкое существо тебе ее вполне заменяет? Одним больше, одним меньше, а в сущности все равно. Или ее воспитанница [2] вытеснила в твоем сердце образ старухи, как все молодое вытесняет все дряхлое? Мы еще поговорим с тобой об этом, или же напиши мне раз'яснение. Давно ли ты получала письма от мамаши? Я недавно имела предлинное послание в ответ на мои расспросы о деревенских обстоятельствах и провинциальных новостях. Не забыт и Панфил [3] краснолицый от мороза и солнца, которого некогда просвещал один молодой человек и относительно которого так и осталось нераз'ясненным, что ему больше нравилось, просвещенье или чай, которым в изобилии это просвещение сопровождалось. Он здоров, этот милый Панфил, и возит вместо нас волостное начальство. Целую тебя, моя дорогая, не забывай меня и моих молений и прошений.

Твоя *В. Фигнер.*

18. Сестре Ольге.

22 августа.

Собиралась писать тебе еще вчера, милая Ольга, да не достала бумаги; зато сегодня получила письмо от тебя и могу сказать по поводу его несколько слов. Во-первых, спасибо за поощрение, которое ты делаешь моим письмам. Я

---

[1] Е. И. Долгова.

[2] Под воспитанницей условно понималась Ю. Квятковская, сестра казненного А. Квятковского, жившая с Ольгой.

[3] Панфил — крестьянин нашего родного села Никифорова (Тетюшск. у., Казанск. губ.

так легковерна, что принимаю твои слова за чистую монету, а не за средство, чтобы ворона каркнула во все воронье горло, тем более, что в результате ты от этого получишь не кусочек сыру, которого у меня нет, а непитательный листок почтовой бумаги. Во-вторых, описанная тобой комическая сценка на пароходе напомнила мне швейцарские похождения, когда мы отправлялись в путешествие пешком... Тетка [1] [Бардина] всегда умела провести нас между физическими и духовными Харибдами и Сциллами, благодаря чудесной способности конфузиться только в душе и в случае полного фиаско сохранять вид победителя: нужно ли было разрешить вопрос хозяйственный в кухне, мы все прятались за ее спиной, ссылаясь на ее ловкость и красноречие, и она предобродушно исполняла роль нашего всегдашнего делегата. Что-то она теперь поделывает? Было бы поучительно для нас обеих встретиться, не видавшись с 77 года. Впрочем, я, вероятно, поссорилась бы с ней, если бы не удалось уговорить ее остаться в России, у меня всегда на нее были такие надежды! В-третьих, милая моя, что это ты все на себя клевещешь... Люди тебе не могли надоесть, потому что ты их и не видала и не знаешь ни того, что в них есть божественного, ни того, что омерзительно; а твои житейские обстоятельства еще не требовали от тебя проявления энергии. Зачем же сомневаться в ней? Что касается до колебаний, то есть много положений, из которых, кажется, выйти без колебаний невозможно. Все дело в том, чтобы они отошли назад; чтобы не возвращаться вспять, когда решение уже принято, об'явлено и положено основание его выполнению. Я знаю, что тебя сокрушает, но надеюсь, что общие условия помогут решить задачу. Я все думаю переселить Петра в Никифорово и в виду этого хочу написать ему: ты ему не сообщай о моем проекте, а когда я напишу письмо, ты перешлешь. Я уже

[1] Бардину в шутку ее близкие друзья, студентки, называли тёткой.

писала об этом мамаше: удивляюсь даже, отчего она сама не взялась давно за эту мысль; я нахожу, что решительно все интересы, не только личные, но и общественные, были бы удовлетворены, если бы он водворился на старом пепелище. Петр ничуть не потерял бы, напротив, нашел бы труд более производительный, а стало-быть и более удовлетворяющий; как мировой судья или член земской управы, он был бы полезнее разных Горемыкиных, Тихоновых [1], заменил бы нашего дядю; для мамаши это было бы истинным благодеянием, потому что освободило бы ее от хозяйственных забот и создало бы, что еще гораздо важнее, около нее семью, в которой она так нуждается. Кроме него, я решительно не знаю, кто бы мог из нас лучше и легче устроить ее старость. Мы, все сестры, были бы рады за мать и довольны, что наше фамильное монрепо не запустеет. Мне кажется, Петя не будет иметь ничего против. Только бы Настя не воспротивилась, хотя ее мотивы *против* могут быть лишь самого мелочного свойства; но она, кажется, не особенно способна возвышаться над подобными чувствами, а Петр такой добряк—сможет ли он настоять на своем? Не знаешь ли, каковы их семейные отношения? Имеет ли она на него влияние? Я думаю—да, хотя это влияние должно быть скрытое; но мамочка, которая имела возможность наблюдать их некоторое время, должна вывести определенное мнение на этот счет и, вероятно, говорила тебе что-нибудь по этому поводу; так ты напиши мне поскорее. Во всяком случае, надо поднять агитацию всем миром—собором: матери и нам четырем. Это будет почти «семеро на одного», но в данном случае такой нерыцарский способ нападения, кажется, оправдывается обстоятельствами. Прежде всего надо все-таки дождаться, что скажет Mutter. Обещаю уговаривать ее на каждом свидании. И прекрасно: будет раз навсегда определенная тема,

[1] Горемыкин и Тихонов — земские деятели, консерваторы и ретрограды Тетюшского уезда.

а то я не знаю, как распорядиться моею четвертью часа; кстати, будет чем отвлекать ваши неприятные вопросы. Милая Олечка, ты мне не задавай их больше и ничему не удивляйся, а то у меня есть проект не выходить к вам, и только возможность недоразумения, в роде уже испытанного летом, не позволяет сделать этого. Знай только, что я очень нуждаюсь в вознаграждении и думаю бомбардировать тебя целым рядом посланий. А ты уж не ленись выполнять мои просьбы. В отношении заключенного лучше пересолить, чем недосолить. Но ты, дорогая моя, не будешь чувствовать, что я тебе в тягость, хотя ты сбиралась засесть за книги и даже прекратить всякое общение с людьми. Смотри, чтобы тебе не сделалось страшно одной в пустой квартире—пусть кто-нибудь из приятельниц приходит к тебе на ночевку. Целую тебя крепко. От мамаши тоже сегодня получила письмо. Если вздумаешь принести книгу из магазина, то возьми прежде всего Беляева, но лучше подожди мамаши, я еще не имею такой крайности. Читала ли ты Вермореля: «Деятели 48 г.»? Чудная книжка, только производит очень тяжелое впечатление, потому что это не что иное, как история отступничества, написанная для руководства и предупреждения народа и молодежи. Ее можно лишь читать, собравшись с духом, она давит, как камень; но ты прочти ее как-нибудь. Прощай, еще раз целую тебя от души.

Твоя *Вера Фигнер.*

Не забудь написать мамаше, что после письма от 7 августа я не думаю больше писать ей—все равно не дойдет.

19. Сестре Ольге.

[В конце августа.]

Милая Ольга. Ты, верно, уже написала письмо мне после нашего свиданья, и оно находится на пути к моей камере, поэтому нечего и ставить вопросов об исходе твоих хлопот

по части квартиры и исполнения моих поручений. Ты, вероятно, сделала подробный рапорт обо всем этом, хотя не думаю, чтобы ты скоро могла опочить от всех дел своих хозяйственных и предаться любимому занятию—книге. А я все хочу уговорить тебя не откладывать окончания курса до следующего года, а посвятить нынешний год официальной науке, обязательным лекциям и экзаменам, чтобы на будущее время быть совершенно свободной и без всяких стеснений располагать и собой, и своим временем. Но, может быть, у тебя есть особенные мотивы законтрактовать себя на целые два года, а не одна боязнь массы работы и необходимость в таком случае уйти по уши в учебники. Но тогда ты могла бы поступить, рассчитавшись с Бестужевскими курсами, на педагогические. Если ты остановишься на мысли сделаться учительницей, то тебе необходима некоторая подготовка к этой профессии на специальных курсах, в виде практического ознакомления с приемами преподавания в какой-нибудь школе. Если же ты растянешь на два года твои теперешние занятия, то и на будущий год ты не будешь в состоянии уделять часть времени на приобретение нужных тебе знаний. Словом, я не вижу, какой толк выйдет из этого, а что ты свяжешь себе руки, это очевидно, я думаю; вероятно и мамаша не особенно одобрит твои предположения,— по ее правилу: «не откладывай на завтра того, что можешь сделать сегодня». Кстати, напиши мне, пожалуйста, как ты относишься к проекту матери: ехать на будущий год в Сибирь к Лидии и Евгении. В последнем письме она выражается так, что и ты поедешь с ней. Прежде она не говорила этого, да и ты, кажется, не собиралась. Ты, вероятно, и не хочешь совсем этого. Я вообще против такого дальнего путешествия при столь плохом здоровьи, как у мамаши, а для тебя это будет полная потеря—уж лучше совсем отказаться от краткого свиданья, чем рисковать своим здоровьем и жертвовать своим временем, пользою и удовольствием. Я мамочке не

советую тащить тебя в область тундр и соблазняю благорастворенными странами, которые для вас обеих имеют свое значение; не знаю только, удастся ли склонить ее к столь противоположной вещи. Полагаю, что Лидинька и Геня [1] найдут это лучшим; мне кажется, что и без того для нас делалось больше, чем для тебя, а мамочка, конечно, имеет в виду доставить им своим приездом большое утешение, кроме собственного желанья посмотреть на их семейную жизнь. Целая история—эти перекрещивающиеся желанья, один якорь—Петр. Скорей надо писать ему, чтобы занялся семейными делами. Вероятно, в следующем письме к тебе напишу и ему, а ты сохранишь его, пока мне ответит мамаша. Надеюсь, оно дойдет. Такая досада: Евгения мне написала, но я до сих пор не получила ее письма: где оно остановилось, неизвестно. Конечно, в нем ничего не могло быть недозволенного, а между тем одновременно посланное письмо мамаши пришло давным-давно. Поэтому я уже не рассчитываю, чтобы оно очутилось в моих руках, а письмо, должно быть, было очень нежное, почему я в еще большем огорчении. Благо времени у меня столько, что девать некуда, и если правда, что «time is money» [2], то у меня эти деньги—русские кредитные билеты при самом низком заграничном курсе, я могу предаваться самым бесплодным огорчениям и, вообще, чему угодно; вот я и сокрушаюсь, что после неудачного начала Евгения уже не захочет повторить опыт, хотя, может статься, письмо не дошло благодаря какой-нибудь простой случайности. Последнюю неделю у меня особенно много времени, вероятно, благодаря мистеру Спенсеру, потому что нет никакой возможности читать его без перерыва; после его «агрегатов агрегированных агрегатов единиц» в голове появляются такие агрегаты мыслей, что приходится время от времени закрывать книгу; впрочем, я начинаю входить

[1] Геня, Геничка, Женя—сестра Евгения.

[2] Время—деньги.

во вкус и прошу тебя узнать, что это за сочинение его «Основные начала», на которые он постоянно ссылается. Быть может, я попрошу тебя доставить мне оное. Еще хочу заняться тригонометрией—надо будет посмотреть в здешнем каталоге, есть ли здесь; если нет, то попрошу купить. А со Спенсером целая история: спрашиваю второй том биологии, мне приносят второй том психологии; на другой день повторяю требование,—мне приносят 3-й том психологии, а на третий—возвращают 1-й том биологии, который я и перечитала два раза. Это, конечно, не лишнее, два же тома психологии не читала сплошь, а лишь отдельные главы, потому что без первого не хотела приниматься. Вы не выписывали в прошлом году «Отечественные Записки»? Мне в высшей степени хочется прочесть одну статью в последней книжке, в конце, экономическая; я не успела дочитать ее, а между тем она для меня интересна до крайности, я была бы тебе очень благодарна, если бы ты мне ее предоставила сюда. Если сами вы не выписывали, то нет ли у кого-нибудь из знакомых, так как можно будет возвратить. Как видишь, ни одно письмо не обходится без покорнейшей просьбы к твоей особе, и, когда я тебе очень надоем, ты на меня раскричись (это облегчает, знаю по опыту), а все же сделай. Не выберешь ли времячко с'ездить к лермонтовской героине[1]? Заметь непременно, существует ли у них пианино; она не может без музыки; если им пришлось продать его, то нельзя ли предложить пользоваться вашей роялью. Впрочем, это—если придется кстати... Ходишь ли ты здесь гулять с твоими товарками? В иные дни воздух такой славный, и небо чудесно, и было бы удивительно, если бы вы оставили здесь сразу аренсбургские привычки. Ах, да, что же ваш филолог[2]? Каков оказался при ближайшем рассмотрении?

[1] Не помню, о ком идет речь.

[2] Филолог — какой-то знакомый Ольги и Ю. Квятковской по Аренсбургу.

Быть может, здесь вы будете от него бегать и скрываться. Только при существовании адресного стола это не так легко—ведь вы отрекомендовались не под псевдонимами. Мне почему-то кажется, что он вас будет непременно угнетать своими посещениями à la Канитферштанд[1], которому на жертву мы предавали в оные времена Mutter. Впрочем, кажется, невозможно обойтись, не имея в семейном доме хоть одного скучного посетителя, и мамочке придется страдать не в первый раз. Надо тебе сообщить здешнюю новость: каждую неделю нас стал посещать доктор[2], старичок, как всегда бывает в благоустроенных казенных заведениях; мне он очень напоминает врача в институте, от которого мы все бегали: это воспоминание меня не мало смущает при его появлении, но убежать от него решительно некуда. Зато, вероятно, ему мы обязаны введением дезинфекции; если она не сделает нас бессмертными, то, может статься, сделает менее смертными, а это тоже может иметь значение в глазах некоторых из заинтересованных лиц. Что касается меня, то я сужу больше с точки зрения эстетики: а в последнее время было препротивно войти в камеру—точь-в-точь препаровочная иль плохо очищенные кости скелета, когда, бывало, занимаешься остеологией; ну, а так как теперь ею не занимаешься, то не знаю, почему бы и выносить этот мерзкий запах. Итак, прогресс замечен не одним мистером Спенсером в области биологии, но шествует твердою стопой и в тюрьме на моих глазах. Поэтому, да здравствует доктор. Хотя он и похож на покойного Дмитриевского[3], у которого во всяком случае не было такой классической седой бороды, как у этого: так и кажется, что это сказочная борода Барбаросы, которая проросла стол, над которым

---

[1] Канитферштанд—шутливое прозвище одного знакомого, фамилия которого была Ферштендиг.

[2] Доктор—Вильмс.

[3] Дмитриевский—врач в Казанск. институте, когда я была в нем.

сидит дремлющий император. По сказанию, он не умирает, а сидит где-то в пещере, в горах. Впрочем, то слишком поэтическая борода, и здесь лучше припомнить Автонома Яковлевича [1], о котором ты можешь узнать у мамаши, так как ты сама его не могла видеть по своей маловозрастности.

Прощай же, моя милочка, целую тебя и начинаю ждать. Не получала ли писем от мамаши или Петра? Замолкла ли его поездка за границу? Ведь заводчик думал его командировать туда. Еще все забываю спросить, виделась ли Евгения с Лидией, когда ее провозили через Иркутск в Киренск, или Лидии этого не дозволили? Жди себе подарок: Лидия мне посылает рубашку и фартук вышитые, но я нахожу, что мне уж неприлично наряжаться, и эти вещи я предоставляю тебе. Лидия вышивала их, когда была в тюрьме в последний раз. Потому она должна быть дорога, как грустное воспоминание. Еще раз целую и обнимаю тебя.

Твоя *В. Ф.*

20. Брату Петру.

4/IX 1883 г.

Прошу мать не читать.

Милый Петя! Ты, вероятно, и не подозреваешь, что я хочу сделать на тебя нападение и вывести тебя из твоего status quo, заставив серьезно подумать о наших семейных обстоятельствах. До сих пор, кажется, никто из нас не помышлял о том, что у нас есть мать, по отношению к которой могут быть обязанности: одни, потому что были с корнем вырваны из семьи, другие, потому что приобрели отдельные привязанности и углубились в свои специальные интересы. Мы предоставляли все течению; но в настоящий

[1] Автоном Яковлевич—бывший крепостной дедушки Х. П. Куприянова, получивший некоторое образование, по приглашению наших родителей одно время обучавший нас в детстве.

момент этой системе невмешательства пора кончиться. Конечно, по отношению к нам мамочка была идеальной матерью, мы ей обязаны всем: в далеком детстве она была нашей защитой от суровости отца, в период нашего развития все наши основные понятия о добром, честном, прекрасном черпались из книг, ею выбранных и указанных; ее сочувствие и деньги открыли мне и Лидии двери университета; Евгении она предлагала на выбор Мед. академию и Консерваторию; Коля, благодаря ей, мог сначала осуществить свое пламенное желание сделаться моряком, а потом в течение трех лет прожить за границей, подготовляя себя к карьере певца. Ты мог тоже свободно выбирать себе профессию, не стесняясь ни временем, ни средствами. Словом, каждый из нас имел возможность обогатить себя знаниями или предаться искусству; наша будущность зависела и ограничивалась единственно нашими природными способностями и наклонностями. Нам не приходилось испытывать семейного гнета, тратить силы на бесполезную борьбу с родительской волей и, отстаивая свою личность, узнать, что такое труд и лишения. Если иногда мать обращалась к нам с мольбами и настаивала на окончании нами курсов учения, то лишь во имя нашего блага, как она его понимала; эти настояния были бескорыстны, п. ч. никогда не имели в виду какую-нибудь материальную помощь ей самой; напротив, до последнего дня все мы, кроме тебя в последнее трехлетие, жили на ее счет, что тоже, конечно, избавляло нас всех от многих тяжелых минут. Когда, наконец, некоторые из нас вступали на дорогу, которой мамаша не сочувствовала и в которую она не верила, она не лишала нас ни своей любви, ни своего уважения. Ее сочувственное слово и дружеская рука была всегда протянута к нам, что бы ни посылала нам судьба: первые ли лавры Коле или тюрьму и ссылку. Таким образом, мы, пятеро, взяли от жизни то, что хотели, распоряжаясь вполне самостоятельно устройством и направле-

нием этой жизни, и все шипы, которые зависят от денег и неблагоприятных домашних условий, были устранены нашей матерью. В настоящее же время эта мать разбита нравственно, немощна физически. Имея 6 чел. взрослых детей, она страдает одиночеством, не имеет ни постоянного ухода, ни непрерывного попечения; с нее не снята тяжесть хозяйственных хлопот и, наконец, ей угрожает ужасный нравственный удар—потеря зрения: атрофия зрительного нерва неминуемо приведет к этому; каково же это для такого деятельного человека, как мамаша, каково для нее будет отказаться от любимого занятия и развлечения—книги! и в какую тяжелую зависимость от произвола и прихоти других это поставит ее! До сих пор с ней жила Ольга, которая одна скрашивала ее последние годы и на которую обрушилась вся тяжесть обязанностей по отношению к больному и исстрадавшемуся человеку. Но я думаю, мы должны заглянуть в будущее: к весне Ольга кончает курс, она имеет свои планы на будущее, ее тяготит домашняя обстановка, отсутствие самостоятельности, труда, общественного дела. В 19 лет так трудно втиснуть себя в рамку жизни для одного лица, так хочется испытать свои силы, закалить их лишениями и борьбой, так мечтается о пользе для общества! Эти стремления составляют весь смысл и всю поэзию молодости и, вероятно, о них сказано: «Блажен, кто смолоду был молод!». Между тем, примирить карьеру какой-нибудь сельской учительницы, не барышни, а настоящей труженицы, трудно, невозможно с тем, что нужно для матери. Ей нужна удобная, уютная обстановка, покой, хозяйственность, семейственность, особенный круг интересов и забот. Поэтому либо матери придется остаться одной, либо Ольге придется замереть, отказаться от всяких попыток переустроить свою жизнь, подавить свои желания и стремления и, совсем не живши, отказаться от всего, что может сделать жизнь привлекательной. Это будет, конечно, громад-

ная, тяжелая жертва, потому что она ведет к подавлению личности, к обезличению. Я думаю, мы не можем относиться равнодушно ни к тому, что может окончательно разбить мамочку, из которой мы, пятеро, вытянули все приятное и полезное, ни к тому, чтоб вся тяжесть теперешнего положения, все обязанности по отношению к ней выпали на долю того младшего члена нашей семьи, который уже во имя одной своей молодости стоит лучшего; не можем допустить, чтоб одна случайность рождения дала одним все выгоды, а другому—все трудности. А вот уже три года, как эти трудности лежат на Ольге и как мрачная перспектива беспокоит и мучит ее, заставляет колебаться, сомневаться, а порой, быть может, отчаиваться: тяжело выбирать между заветными помышлениями, которые составляют все нравственное содержание человека, и матерью. И я настоятельно прошу тебя, Петя, взвесь эти условия и ищи выхода. Единственный радикальный выход из этого я вижу в твоем переезде в Никифорово. Ты, ни обстановка которого, ни привычки, ни вкусы, ни стремления не находятся в противоречии с потребностями матери, ты один мог бы успокоить ее старость, создать для нее домашний, теплый уголок, снять с нее материальные заботы, оставив ей одно—развлечение, согреть ее своим вниманием и постоянными заботами. У нее был бы родной приют, семья, в которой она так нуждается. Что ты мог бы потерять при этом? В общественном смысле ты теперь бесполезен, твой труд идет в пользу лица, предпринимателя[1], а не общества; по отношению к рабочим ты бессилен улучшить их экономическое положение, п. ч. ты сам—наймит, только хорошо оплачиваемый, в умственном и нравственном смысле ты не можешь влиять на них и потому, что тебе нет времени, и потому, что ты для них барин: живого общения между ними и тобой быть не может,

---

[1] Половцева, у которого брат-инженер служил на заводе.

они, вероятно, не переступают порога твоего жилища. В экономическом отношении ты можешь стать в Никифорове не хуже, чем на заводе, п. ч. я ручаюсь за себя и за Лидию, что мы скорее не возьмем и копейки из средств, которые дает именье, чем допустим, ч[то]б материальный расчет помешал устранить неприятное положение матери и Ольги. Да Лидия, собственно, и не нуждается в деньгах, кроме суммы, которая посылается Александровой[1]; я же нахожусь на казенной квартире, стало быть, обеспечена вполне. Кроме того, ты ведь не переменился же за эти три года? Твои потребности невелики, в этом случае, кроме Николая, все мы на один манер. Но, переехав в Никифорово, ты мог бы взяться и за общественно-полезный труд, ты мог бы служить по выборам: по крайней мере твое трудолюбие и честность шли бы в прок не заводчику, а земству. Какое бы место ты ни занял, ты приносил бы на нем всю возможную пользу; твой голос был бы всегда за экономию и бережливость, за расчетливое употребление общественных денег; ты хлопотал бы о народном образовании, о школах и лучшем персонале учителей, ты заботился бы и о хороших врачах и фельдшерах, о больницах; ты думал бы серьезно о правосудии, которое имеет такое тесное отношение к крестьянской жизни. Словом, у тебя была бы целая перспектива сделаться нужным, уважаемым и любимым. И если чего-нибудь еще недоставало бы в Никифорове, то только присутствия ребенка. Напрасно мамочка, которой я писала о плане, чтоб ты переехал в наше старое гнездо, говорит, что никогда не решилась бы перетащить тебя на неверное; что служба по выборам не обеспечивает человека от интриг партий и пр. Во-первых, она всегда видит худшее, а мы все, я думаю, верим, что полезного человека

---

[1] Варвара Ивановна Александрова—подруга моя и сестры Лидии по университету и революционному кружку «фричей», осуждена по процессу 50-ти (впоследствии жена Натансона).

по прихоти не забракуют; во-вторых, не было, по-моему, еще и примера такого в Тетюшском уезде, п. ч. там чересчур велик недостаток в людях; ни дядя, ни Мечислав [1] никогда не могли пожаловаться ни на какие происки или интриги. Затем, мать говорит, что поселить тебя там—значит сделать батраком на нас; конечно, это дурное слово и скверное положение; только при солидарности и дружбе, которая существует между нами, при отсутствии мелочности и денежных дрязг это положение—немыслимое, и не может угрожать тебе, и выше находится указание возможности сделать тебя самостоятельным и обеспеченным. Мать пишет, что она и сама чувствует, что не в силах продолжать хозяйств. хлопот и жить хоть несколько месяцев в полном одиночестве; что за это лето она металась то к своему брату, то к сестре, но везде тосковала, нигде не находила себе места, в самом же Никифорове, одна, с чулком в руках, за невозможностью читать, проводя вечера в скучных думах и грустных размышлениях, она пришла к заключению, что дальше невыносимо так жить. Как выход, она указывает на возможность сдать землю в аренду. Ну, а насчет себя как? Она не подозревает, что она давит Ольту, что ее мизантропизм, недоверие к людям, безверие в более светлое будущее гнетут ее, что она обрывает ежедневно те цветы, которые каждому так дороги и которые мучительный процесс, называемый жизнью, и без того, в свое время, оборвет и безжалостно растопчет; только—что тогда останется от человека? Не сознавая этого, мамочка рассчитывает не расставаться с единственным существом, которое осталось при ней, тем тяжелее для нее может быть открытие. Войди только в это положение. Не должны ли все мы, которые говорим о любви к матери и которые, конечно, чувствуем ее, искать сообща средство предотвратить удар и выразить делом эту пресловутую любовь?

[1] Головня.

Не подумай, что вместо одного, я хочу подставить другого: с твоей стороны я не вижу решительно ничего против, искренно убеждена, что все говорит за. Я даже думаю, что было бы в данном случае непростительно при твоих условиях не выполнить долга перед матерью. Может ли иметь что-нибудь против этого Настя? Не думаю, по крайней мере, я не вижу серьезных и уважительных возражений с ее стороны. Разве она не истинный член нашей семьи, чтобы вникнуть не с личной точки зрения в теперешнее наше положение? Разве мать не была всегда добра к ней, разве мы все не радовались ее вступлению в семинарию, разве мы все не одобрили вашей свадьбы? Разве, наконец, мамочка не вывела ее сестру на самостоятельную и хорошую трудовую дорогу учительницы? Я думаю, все это привязало Настю к нашей семье помимо любви к тебе, так что и она вместе с другими готова будет притти на помощь. Конечно, со стороны вас обоих нужно вполне открытое и искреннее поведение, п. ч. без внутреннего чувства, что вы можете дать матери, которой нужно именно это чувство? Подумайте же оба; невозможно оставлять все в нерешенности и на произвол судьбы. Надо выйти из своего индивидуального мирка и из пассивного отношения к судьбе других. Надеюсь, Петя, что ты не отяжелел, не потерял предприимчивости и чуткости, что ты не испугаешься перемены, переустройства и предложишь матери снять с нее заботы. Нужно, чтоб она верила, что ты найдешь себе удовлетворение в новой обстановке, п. ч. жертвы она не захочет, а в ее глазах *невыгодно* для тебя бросать службу на заводе и переселяться в Каз. губ.; чтобы уломать ее взгляды на твои материальные выгоды, надо энергично оппонировать, настаивать. Я думаю, что нет ничего более естественного, как желание укрепиться на родной стороне, с которой связан всеми воспоминаниями, как взять в более молодые руки управление именьем, как желанье быть полезным земцем и независи-

мым работником на самого себя и как стремленье жить близко ко всем родным. Удивительно, как это мамочка сама не придумала давно. Пиши ответ Ольге. Обнимаю вас обоих. Прощай.

В. Фигнер.

Дядя мог бы повлиять на мать своим одобрением.

21. Сестре Ольге.

11 сентября.

В пятницу вечером получила три твоих письма, милая Ольга, когда они уж значительно потеряли интерес, благодаря бывшему свиданью. Сегодня, пожалуй, я не собралась бы тебе писать, хотя это составляет почти мое обычное времяпрепровождение по воскресным дням, но дело в том, что меня угнетают «Lettres choisies de m-me de Sévigné», которые у меня в руках вот уже третий день: во-первых, это претолстая книга, во-вторых, печать очень мелкая, а в-третьих, в этих письмах слишком много места занимают признания в любви m-me de Sévigné к ее дочери. Я, собственно, взяла их, благодаря упоминанию Шлоссера, упоминанию, сильно заинтересовавшему меня своей мягкостью,—полным контрастом с суровыми нападками на знаменитую Сталь. Но три дня под ряд читать эти письма—я не в состоянии даже ради Шлоссера, тем более, что мне не угрожает экзамен из истории французской литературы у институтского Lejeune [1], пред которым надо было бы прославлять их, как образец du style épistolaire. Не дурно хоть то, что пред тем я прочла по Маколею историю Англии за период 1680—1696 г.г., к которому как-раз относится часть этих писем,—это придает им некоторый исторический интерес. Ты, конечно, припомнишь, что это—время царствования Людовика XIV во Франции, свержения Стюартов и во-

[1] Учитель французского языка в Казанском институте.

дворения Вильгельма Оранского в Англии, время всевозможных войн этого последнего против всех, так как ведь он всех задирал. Что на меня произвело впечатление из твоих новостей, так это известие о смерти Тургенева, которого мне очень жаль; я его очень любила, только не за «Новь», а за многое другое. Признаюсь, его «Отцы и дети» всегда также коробили меня, что бы там ни говорил Писарев: чувствуется, что автор не сочувствует «детям», оттого от рассказа так и пышит холодом. Бедный Тургенев. Сколько людей были им недовольны в разное время! «Новью» осталась недовольна молодежь 70-х годов, к которой она имела отношение; бурю по поводу «Отцы и дети» в 60-х г.г. утишил только Писарев; наконец, еще незадолго до моего ареста мне пришлось слышать серьезное мнение, что и Рудин не что иное, как пародия на передовых людей; что Тургенев хотел осмеять в нем проповедников идей, всю жизнь остающихся на фразе, не находящих себе насущного практического дела, не знающих, как применить свои силы и способности, не умеющих ни пристроить себя лично, ни воплотить в жизнь свои любимые идеи; что он умышленно поставил своего героя в такое положение, чтоб показать, что самые их идеи не имеют под собою почвы; что они — фантазия, бредни, неосуществимые и бесплодные и, по самой сущности своей, осуждающие человека на то, чтобы он в конце-концов чувствовал и считал себя лишним. Я была как-раз под свежим впечатлением только-что перечитанного Рудина, нечаянно попавшегося мне под руку, когда услышала это мнение, а это впечатление было таково, что заставило меня оппонировать самым настойчивым образом. В самом деле, мне кажется, что это уж чересчур: разве можно осмеивать в столь симпатичных красках? Разве к кому-нибудь Тургенев выказывает больше симпатии, чем к Рудину? По крайней мере, когда я уже не в первый раз читала эту вещь, когда, стало быть, и содержание не могло поразить меня

своей свежестью, я все же не могла не расплакаться—такие трогательные страницы там есть, такой теплотой и чувством проникнуты они. Мне кажется, весь роман верен действительности, взят прямо из жизни, а Рудин—чистейший продукт нашей русской действительности, не пародия, не насмешка, а настоящая трагедия, которая совсем еще не умерла, которая еще живет, еще продолжается, и, по-моему, вовсе не хотел Тургенев унизить Рудина или идею, представителем которой он является. Неужели кроме [свойств] личности и идеи, которую личность проводит, нет никаких других элементов, о которые может разбиться — личность, как нечто скоропреходящее, навсегда, а идея — на время не найти себе осуществления? И почему это тип Рудина мог явиться только в русской литературе, в русской жизни? Идеи, кажется, общечеловечны, не имеют национальности, стало быть, порок не в идее; но едва ли и в личности, потому что Рудин вообще даровитый и недюжинный человек, и если он неспособен, так уж верно вследствие каких-нибудь чисто национальных недостатков, но тогда дойдем до абсурда, что нация неспособна к проведению известных идей в жизнь. Независимо от свойств личности и от качества идеи, может быть, бывают обстоятельства и времена, когда неудача только и возможна: нельзя ни перерасти своего времени, ни создать всех нужных условий, ни переделать людей; поэтому, мне кажется, что неудача не доказывает ложности идеи и не унижает неудачника. Впрочем, все это, я думаю, старая истина, тебе давно известная и скучная для чтения. Но, право, мне так жаль Тургенева и хотелось поговорить о нем. При его жизни мне не удалось ни разу видеть его; одно время он думал приехать в Цюрих, но со злостной целью — посмотреть на студенток (он собирал тогда материал для «Нови»), и весь наш кружок должен был предстать пред его очи; мы очень боялись неестественности такого знакомства и были рады-радешеньки, что этот

О. Н. Фигнер-Флоровская
(сестра В. Н. Фигнер).

приезд не состоялся. Много позже мы могли еще больше радоваться, когда вышла карикатура, некоторые сцены которой я в памяти не могу отделить от ехидных сцен Weltschmerzer'ов Незлобина. Целую тебя, моя дорогая, и мамочку также. Я думаю, она, пожалуй, уже находится в твоих об'ятиях, довольная твоими распоряжениями и заботливостью, а если еще не приехала теперь, то, наверное, приедет ко времени получения сего послания. Книг я еще не получила. Вперед не делай таких глупостей: сидеть в канцелярии по 3 часа. Я решительно прошу тебя об этом: мне это очень неприятно.

Твоя *Вера.*

22. Матери и сестре Ольге.

20 сентября 1883 г.

Вчера получила ваши письма, дорогие мамочка и Ольга, ваше от 9-го из Нижнего, а Ольгино от 11-го и 13-го. Как видите, они не могли уже представлять большого интереса и были в роде «после ужина горчица». Я не писала вам в воскресенье нарочно, поджидая их, чтобы ответить, если что понадобится. Да, чтобы не забыть, письма Коли мне не передали, уж, право, не знаю, почему; так что вы, при случае, расскажите мне своими словами о его житье-бытье. На свидании вы так сказали: «а вот прочти», что я невольно вспомнила, как вы некогда нам рассказывали сказки и говорили точь-в-точь так же, когда мы забегали вперед, горя нетерпением узнать, с'ест ли медведь Машеньку или нет. Ведь это было чуть ли не единственная сказка, которую вы знали, зато вы рассказывали ее мастерски, и я как сейчас помню все ваши интонации и ораторские приемы. Но на этот раз мое любопытство так и останется надолго неудовлетворенным. Очень рада тому, что Ольга пишет о вашем здоровье; что и по ее мнению и по мнению врача вы поправились за

лето, я же не могла вас рассмотреть как следует: в приемной всегда полумрак, да и вы еще имеете обыкновение не снимать шляпы и платка. Пожалуйста, вперед разоблачайтесь, чтоб я могла вас обозреть как следует, — тем более, что под впечатлением «В лесах» Печерского вы своим одеянием напоминаете мне матушку игуменью, «адамант благочестия»—Манефу, а я желаю, чтобы вы одни были у меня в помещении, когда я имею удовольствие лицезреть вас. Но все же, несмотря на мрак, вы мне показались довольно веселой, верно, на первых порах от радости, что увидались после пяти месяцев разлуки; посему я опасаюсь, что это хорошее настроение скоро исчезнет, а главное, как бы я не навела на вас тоску и скуку, особенно, если вы предпримете разные экскурсии; да и погода такая холодная и сырая— хоть не выходите по таким дням; я буду клясть себя в случае, если вы простудитесь; по таким треклятым дням даже нашему брату, арестанту, нет охоты выйти из камеры; я так в две минуты замерзаю при такой температуре и каждый раз думаю, какой угрюмый характер должны иметь те, которые родились и выросли в таком неприятном климате. То, что я вам сказала про чтение, — правда; кроме психологии Спенсера, ничего нового не остается читать; журналы, как вы знаете, я всегда имела под руками, всегда следила за всеми лучшими статьями, начиная с 70-го года, а здесь как-раз собраны журналы за последнее десятилетие. Да ведь журнальные статьи большей частью представляют легкое чтение, а в тюрьме надо что-нибудь тяжеловеснее для ничем не занятых мозгов. Узнай, милая Олечка, сколько томов во всеобщей истории Шлоссера и сколько она стоит.—Чтобы не затруднять тебя часто такими справками, ты возьми в нескольких магазинах книжные прейс-куранты; тогда тебе не придется ходить для того специально. С сегодняшнего дня я вновь погружаюсь в изучение итальянского языка, так как имею Больца вторую и третью части. Это

стоит твоего романа, потому что в них много рассказов, стихов—я в восторге от количества; думаю, что и качество сойдет. Ты спрашиваешь о моих успехах. Я могу теперь читать, свободно понимая, беллетристическое, хотя часто встречаются слова, которых не знаю, поэтому не могла бы сделать буквального перевода. Но теперь, когда одолею 2-ю и 3-ю части, то уже запас слов у меня будет большой, и я перейду к английскому. Жаль, что не сразу учебник был у меня весь—у меня было столько лишних часов, ничем не занятых. Все училась бы, да училась. Напиши мне, милая Ольга, что ты читала за последние три года, кроме журналов, и в этих последних читала ли такие статьи, например, как статьи в «Отеч. Зап.» по вопросам экономическим? И затем, как ты надеешься, будет ли у тебя оставаться сколько-нибудь времени от занятий по курсам и за исключением времени, необходимого на чтение вновь выходящих журналов? Я думаю—нет, хотя ты и предлагаешь себя маме в чтицы и в учительницы для девочки. Об этой последней нечего говорить, что гораздо лучше, чтобы мамаша ее учила, потому что это будет для нее некоторого рода развлечением и даст возможность утянуть у нее несколько времени для отдыха глазам. Следи за этим, а то мамочка не может сидеть, сложа руки, а между тем это может очень дурно отразиться на ее зрении; потом его не воротишь уже назад. Писала ли ты еще от себя Петру? Хорошо было бы, чтобы он знал, что все родные одобряют план его приезда в деревню—это бы его побудило, может быть, действовать энергичнее на жену. Буду ждать с нетерпением, что-то он нам ответит—отказ был бы таким разочарованием, я не хочу и думать о нем. Теперь мамочка, верно, уже отдохнула с дороги и напишет мне длинное послание; быть может, я дождусь его раньше, чем увижусь с вами и устно узнаю все домашние новости и подробности Одиссеи из Казани до Питера; в последний раз я ничего не успела расспросить о разных присных. Ты

спрашивала меня насчет катарра твоей подруги: лечиться надо ей, а главное, соблюдать диэту, обедать где-нибудь на дому, например, у нас. Неужели она хворала, когда жила у мамочки под крылышком? Что поделывают сестры? Евгения здорова ли и пишет ли? Вы давно молчите что-то о них. Милая Лидочка[1], как хотелось бы побеседовать душа в душу. Да едва ли когда придется, даже, пожалуй, и не придется. Прощайте, мои дорогие, крепко целую вас обеих, пишите почаще и поинтереснее, как проводите время. Вошли ли в колею обычной жизни? Каких лет воспитанница ваша? Были ли вы у глазного врача? Все это для меня очень любопытно. Перечитывая старое, я наткнулась на вещи, которые Ольга, верно, не читала и которое я ей усердно рекомендую: это 2 статьи Кедрова в «Деле» за 71-й или 72-й год, под заглавием: «История сельского и городского устройства в Западной Европе»—«Современное Обозрение», кн. 10 и 12, и по тому же вопросу в «Знании» за 71-й год две статьи: Мэн—«Сельская община на востоке и западе». Последняя—компиляция книги того же названия, но очень сухой, юридической. Запиши, чтобы при случае взять. Очень интересно. Целую вас крепко и обнимаю.

Вера.

Привет сестрам и братьям. Перевезли ли Тургенева? Была ли ты на похоронах, и что было замечательного? Ты о кофте не хлопочи, думая, что не угодила. Не ленись писать только, остальное—вздор. Напиши же Петру поубедительнее, как только можешь. Целую тебя от души.

Вера Ф.

23. Матери.

3 октября 1883 г.

Ваше письмо, милая мамочка, от 19 сентября получено мною 24-го, а Ольгино от 23-го—вчера. Колино письмо мне

[1] Сестра.

также передали, а о получении писем от 11-го и 13-го я уже извещала вас. После свиданья я писала один раз, 20-го или 21-го, вы, вероятно, уже получили; больше не писала в ожидании, что в субботу увижусь—раньше, чем дойдет послание. Напрасно ты, Ольга, выводишь какие бы то ни было заключения из количества моих писем: человек прихотлив и может поступать одинаково при различном расположении духа и различно при одном и том же состоянии. Я как-раз провела эти две недели очень приятным образом, как никогда: три дня читала Тургенева III, IV, V томы, т.-е. лучшие его произведения: «Накануне», «Дворянское гнездо», «Первая любовь», «Отцы и дети», «Ася» и т. д., потом взяла Некрасова: «Мороз—красный нос», «Коробейники», «Несчастные», «Трубецкая», «Волконская».

Во всем этом так много прекрасного, что я забыла о полиции в обширном и узком смысле и все, что из существования оной проистекает. После такого отдохновения сам чорт не показался бы мне страшным, не только мистер Спенсер; поэтому I том его «Психологии» прочла весьма благополучно, так что начала быть о себе лучшего мнения и дерзнула даже помышлять о «Логике» Милля, книжице весьма об'емистой и, должно полагать, зело премудрой. Она мне внушала спокон века спасительный страх, хотя мне и было очень завидно смотреть, как ее поглощала одна товарка по университету, которую профессор химии называл ферментом, а мы попросту «гороховой колбасой» за ее происхождение из Libau или Mitau. Она надеялась по прочтении книги заговорить логично, что было целью чтения, но я да и другие не заметили благотворных следов—логика барышни не возросла. Это, конечно, не мешает мне желать прочесть эту книгу с более скромным желанием—доставить полезную гимнастику моему мозгу. А как бы я хотела преумножить свою логику—я не могу и выразить: она мне так понадобится на суде; хотя там не разго-

воришься, но тем более она необходима для краткого мгновения, в пределах, законом и председателем дозволенных, а то я с испугу, пожалуй скажу только: а, а! бе, бе! А кажется, я не неглижировала своим образованием: в Цюрихе была даже членом особенного ферейна из одних женщин, русских студенток; целью его было тоже научиться логически говорить—потому мужчины и не допускались, как конкуренты, которые своим красноречием и веками накопленной логикой могли препятствовать нашим упражнениям. И мы упражнялись, уверяю, добросовестно: читали рефераты о самоубийстве и о Стеньке Разине, о Кабэ и Сен-Симоне; спорили до хрипоты о теории ренты Рикардо, о законе народонаселения Мальтуса и распустили ферейн, только дойдя до вопроса о том, должно ли при социальном переустройстве разрушить цивилизацию или можно отнестись к ней снисходительно и сохранить ее для обновленного человечества. Этот вопрос так глубоко затронул страсти, что мы точно белены об'елись: некоторые пролили даже кровь—не ужасайтесь: из носу, от волнения, а не от удара с чьей-нибудь стороны; спорили, спорили, никак не могли перекричать друг друга, разделились на партии, об'явили, что примирение невозможно (о логике и забыли, но, вероятно, никто не сомневался, что она на его стороне) и после этого уже не собирались вместе. Этот ферейн был потом окрещен названьем «дикий», быть может, благодаря нападкам на цивилизацию, быть может, потому, что из него были исключены мужчины, что могли находить несообразным с идеей равноправности, столь присущей XIX веку. Я была тогда умеренной—стояла за цивилизацию, находя довольно жестоким заставлять человечество вновь завоевывать то, что оно приобрело с такими жертвами; но другим казалось, что в ней-то и кроется корень социальных бедствий.

Однако, все это было отступлением,—которое никак нельзя назвать коротким,—и пора воротиться. Итак, я чи-

тала с удовольствием Спенсера до пятницы включительно; но тут начались катастрофы: в субботу вы не пришли, лучше сказать, вам не дали свиданья; в воскресенье—письмо от Ольги пренеприятное, расстроившее меня, думаю, надолго, хотя по этому письму этого вы и не увидите, но это доказывает только справедливость поговорки—«не судите по наружности». Между прочим, скажу одно: в былые времена няня, Наталья Макарьевна, бывало, все спрашивала, не бобо ли пальчик, или головка, или горлышко и т. д., и все мы часто говорили бобо при всякой неприятности, потому что знали, что за этим последует: няня нежно уложит на свою кровать, поставит свой самоварчик, вытащит заветные баночки с вареньем, мешечки с сухой малиной и пр.; напоит всласть, а потом начнет рассказывать о разбойниках, о кладах, о знаменитом Быкове, грозе Казанской губ., и пр. А теперь, когда Ольга меня все спрашивает: не бобо ли то или другое, то хоть бы у меня лопнули легкие или треснуло сердце, так от этого ничего не произойдет. Поэтому совершенно довольно, что вы можете видеть мое лицо, похожее на полинялый ситец. Каждую неделю тюремный врач надоедает своим официальным вопросом: как ваше здоровье? Но я не могу ему запретить это и потому внимаю, как Щедрин описывает, как при проездах «знатных иностранцев» полиция сгоняет народ, чтобы кричать «ура» или стараться кричать. Мотайте себе на ус, что хотите, но позвольте мне быть самой собой; не делайте мне замечаний, хотя бы во имя того, что я не могу говорить с вами прямо. И писать буду, как придется—ведь у меня может не быть материала, а за краткое извещение, что, мол, здорова, чего и вам желаю, вы не поблагодарите. И потом охота отпадает, когда знаешь, что ответ получишь через 20 дней. А засим целую вас обеих и желаю всего хорошего. Не посылайте сестрам моих писем, я уже просила об этом.

В. Фигнер.

24. Матери и сестре Ольге.

20 октября.

Бесценная мамочка и дорогая Ольга. Во-первых, тысячу раз целую вас, в особенности мамочку, потому что она вчера была в высшей степени интересна, так что я все бы ее целовала, да целовала; а еще она отперлась, что получила мое письмо от 20 сентября, в котором я просила, чтобы она не напоминала мне раскольничью игуменью. На этот раз она была просто очаровательна в своей меховой шапочке и воротничке. Будьте всегда такая, милая мамочка, потому что я хоть и нигилистка, но не без эстетических наклонностей — люблю хорошие лица, музыку, цветы и природу. Смотрите ж, старайтесь быть интересной. После целой недели катастроф на меня опрокинулись удовольствия: свиданье в третьем часу, когда я уже находилась в чаду глубоких соображений, что с вами случилось, и как мне примириться с мыслью, что больше не буду видеть вас. Я остановилась на том, что куплю Шлоссера и не буду расставаться со стариком; утром опять удовольствие — письмо от Ольги (от 1-го); потом, так как мне нечего читать, вчера я взяла Крашевского «Чудаки» и, откатав с 6 часов вечера к половине десятого, не хотела звонить так поздно — спрашиваю бумаги — дают сейчас же: обыкновенно с ней целая история, потому что здесь бумага все равно, что изюм в *Обломовке,* изюм, который выдавали повару счетом и который был за многими замками; потом вдруг приносят мазь для глаза, о которой я помышляла уже пять месяцев и о которой просила доктора в позапрошлую субботу. А в перспективе еще блуза, сшитая по парижским выкройкам. Ох, это уже чересчур, я думаю, даже это не к добру, и меня поразит снова какая-нибудь катастрофа или, по крайней мере, какой-нибудь катаклизм; уж это ваше дело отвратить вашими материнскими молитвами от меня все несчастья, на-

чиная от ячменя на глазу и кончая нашествием иноплеменников. Но, сказать по правде, милая мамочка, я многого не слыхала из того, что вы говорили, потому что и слушала, и думала зараз—отчего и произошел в голове маленький хаос; посему было бы недурно, если бы сведения о Лидии и Евгении мне еще раз повторили, если они заключают еще что-нибудь интересное, кроме того, что Лидия поправилась и похорошела, стала настоящей королевой, а Сажин [1] пользуется доверием своего хозяина. А что пишет сама Геничка о своей жизни? Вы что-то давно не присылали мне ее писем. Относительно Коли радуюсь. Напомните ему, пожалуйста, его дебют в качестве семейного регента при в'езде в Каргалу, когда ваши драгоценные детки, отпущенные без старших за сорок верст, вздумали угостить соседей серенадой; полдороги мы упражнялись на удивленье всем татарам, чрез деревни которых проезжали, и раздражая всех собак в окрестности, а, под'ехавши, как грянули: Коля начал неверно, остальные подхватили, кто в лес, кто по дрова, и вышел такой «шумит, гремит Гвадалквивир», что со стариком Филипповым [2] чуть не сделался преждевременный удар, потому что ему представилось, что его исконные враги—карабурнашевские татары [3], знаменитые конокрады, угоняют его конский завод; изнеженная Верок расплакалась на плече Надежды Алексеевны, а этой последней не сделалось дурно только по недоразумению. Понятно, как нас кисло впустили,—хоть поворачивай оглобли назад: хозяева старые были чуть не с нашатырным спиртом в руках и компрессами на головах. Если бы не молодежь их, то мы готовы были итти домой даже пешком, и только поздно вечером была замечена комичная сторона происшествия и оце-

[1] М. П. Сажин, за которого в 1884 г. вышла замуж в Сибири сестра Евгения.

[2] В. Ф. Филиппов—мой свекор; Надежда Алексеевна—его жена; Верок—их дочь.

[3] Карабурнаши—селение Тетюшского уезда.

нено, что оно исходило из чистого сердца. Просто потеха. Ну, как может Петя не захотеть поселиться в местах, где было много веселых приключений и уморительных эпизодов; где он вываливал с старосветской долгушки многочисленную публику, при чем безногая Верочка [1] летела в одну сторону, самовар в другую, чашки со звоном падали в траву, маленькому Коле [2] грозила опасность сломать и другую ногу, а сам возница оказался в неудобном положении вверх ногами. На его месте я никогда бы не допустила, чтобы на этих местах укоренился Разуваев. Ну, милая Ольга, я должна у тебя просить прощенья, что я раскричалась в последнем письме; ты ведь знаешь, я прекапризная, и потому не прими к сердцу: в таких случаях Юрий (Богданович) обыкновенно принимал смиренный вид и говорил: «Все претерпели мы, божии страннички», и все начинали хохотать; так и ты улыбнись, пожалуйста. Мне хочется написать тебе как-нибудь длинное послание, тогда же я тебе сообщу и список книг для чтения; жаль только, что каталога-то у меня нет; многие вещи помещены в журналах разных годов, а каких именно, я не помню наверное, а в хороших каталогах помещены и эти сведения. Ну, дорогие мои, прощайте. Хорошо бы, если бы и мамочка мне писала, потому что ваши письма разнородные и не заменяют друг друга, да и мне иногда надо писать вам разнородное, и потому я иногда буду писать каждой особо. Целую вас, дорогие. Занимаешься ли ты, Ольга, иностранными языками? Правда, тебе ходить далеко, может быть. Но ты говорила, что ходьба тебя не может затруднять. А я бы очень хотела когда-нибудь услышать, что ты не только Берне читаешь в подлиннике, но и письма Джек Блек [3]. Когда ты их произойдешь, то, пожалуй, сама сделаешься писательницей, ведь когда-то

[1] Вера Шулинская, дальняя родственница.

[2] Коля Семенов—родственник.

[3] В каком-то английском романе.

ты пробовала сочинять комедию, когда была еще в гимназии; или твое творчество кончилось, и муза замолкла? О, милая, подвизайся и в один прекрасный день утешь меня своими успехами. За блузу благодарю; еще не примеряла, но воображаю и жалею, что она ко мне попала, когда я человек *легальный:* прежде такая удивительная штука сама по себе могла бы меня легализировать своим видом, придавая буржуазную наружность, как это делал некий брош, который я носила с особым шиком и который возбуждал зависть всех подруг, пока я его не отдала в лотерею, чтобы не привязаться к этой безделке. Пиши же попрежнему, несмотря ни на какие помехи.

25. Сестре Ольге.

Вчера получила твое письмо, милочка Ольга, от 11-го, а за день перед тем мамочкино от 10-го: оба замечательно скоро—через 4 дня всего (сегодня—воскресенье). Хочу на этот раз исполнить твою просьбу относительно книг, хотя это довольно трудно, потому что я не знаю ни того, как скоро ты читаешь, ни того, какие книги труднее тебе даются. Ведь я больше знаю Ольгу-гимназистку, чем Ольгу-курсистку, когда тебя нельзя было оторвать от книги, раз она тебя заинтересовала, и когда только по воскресеньям, вечером, ты давала драматические представления твоего собственного изделия; а теперь ты сидишь над синтезом и анализом, кажется, с тем же напряженным вниманием, как некогда над «Бедными людьми» Достоевского, а по воскресеньям ходишь смотреть Стрепетову [1]. В виду этого едва ли у тебя будет время для прочтения тех немногих, но многотомных или очень серьезных книг, которые я могу тебе порекомендовать,—некоторые, как фундамент, другие, как

[1] Известная артистка.

иллюстрации по отдельным вопросам. Во-первых, я на твоем месте начала бы читать о России по многим причинам и, между прочим, хоть потому, что обыкновенно это оставляется напоследок, а тут как-раз могут подвернуться условия, что этих книг достать нельзя, например, где-нибудь в глуши гораздо легче найти разные сочинения переводные, чем сочинения по истории или экономическим вопросам России. И (ужаснись!) я посоветовала бы начать с Соловьева и Костомарова. 29 томов первого и 12 томов второго. Ой, ай! Но, право, это не так страшно, потому что до-нельзя интересно. Надо только преодолеть первые 3 тома Соловьева, а потом ты не оторвешься. Да и они покажутся тебе занимательными, если ты будешь читать Соловьева параллельно с Костомаровым, что совершенно необходимо для сравнения двух разных точек зрения этих авторов на древний политический строй древней Руси и на начало единодержавия в ней: Костомаров видит в удельно-вечевом периоде начатки федеративной республики, в основе которой лежал принцип воли народа и выборное начало, а возникновение единодержавия относит к чисто внешнему факту—нашествию татар. Тогда как Соловьев, с момента призвания княжеского рода Рюриковичей, видит в нашей древней политической жизни господство родового начала, при чем роль народа становится пассивной, вмешательство его в выбор князей—явлением случайным, скорее исключением, чем правилом, и даже чуть ли не бунтом против существующего порядка наследования старшего в целом княжеском роде и соответствующего передвижения по другим столам, согласно с принципом старшинства и значением отдельных княжеств. Начало единодержавия Соловьев замечает в перенесении центра политической жизни на северо-восток, в Ростовско-Суздальское княжество, где основание *новых* городов, с населением, чуждым всяких традиций, дает возможность власти великого князя медленно, но постоянно возрастать.

Таким образом, если читать одного или другого, то получишь взгляд односторонний, который очень усиливается еще тем, что монографии Костомарова отрывочны, и по одному этому уже у него не могут найти себе места многочисленные факты, которые несколько ослабляют его теорию; зато, если ограничиться одним Соловьевым, то сухое изложение многих сторон общественной жизни сделает то, что пройдешь мимо замечательных явлений, не обратив на них должного внимания. Поэтому, мне кажется, что они неразделимы друг от друга: один дает, по преимуществу, факты, другой—обобщения, живые образы и картины. Так как монографии Костомарова расположены не в хронологическом порядке, то я сообщу их перечень, сообразно их отношению к известным томам Соловьева.—Соловьев I, II и III т.т., Костомарова в I т. «Федеративные начала древней Руси» и там же статья об особенностях южнорусской и великорусской национальностей; потом IV и V томы Соловьева—Костомарова VII и VIII т.т. «Северно-русские народоправства». Соловьева VI т. и часть VII до Федора Иоанновича—Костомарова в XII т. «Начало единодержавия». Соловьева VII т. с царствования Феодора Иоанновича и VIII т., Костомарова IV, V и VI т.т. «Смутное время»; затем опять Соловьева IX, X, XI и XII т.т., Костомарова II т. (во втором) «Стенька Разин» и IX, X, XI т.т. «Богдан Хмельницкий». Потом во II томе «Гетманство Выговского» (преемника Богдана Хмельницкого) и в XII т. о Брюховецком и статья о Юрии Хмельницком. С X т. Соловьева начинается царствование царя Алексея Михайловича; бунт Разина изложен, насколько помню, во второй книжке в конце, так что тогда же всего более кстати прочесть и относящуюся сюда монографию Костомарова из II т. Царствование Алексея, очень длинное по времени, интересно в высшей степени по тем событиям, которые происходили при нем; достаточно назвать возникновение

раскола, народной войны в Малороссии и первые отношения к Великороссии после ее присоединения; волнения в Москве, на Волге и на берегу Белого моря, в Соловках. История этого царствования не кончается в XII томе, а дальше я еще не читала, но дальнейшее пойдет само по себе, без всяких отношений к Костомарову: предыдущее исчерпывает содержание его монографий. Я, на твоем месте, прочла бы до воцарения Петра Великого. На этом можно остановиться и остальные книги Соловьева прочесть после; мне кажется, сделать таким образом, имея в виду необходимое количество времени, еще лучше, потому что из книг, которые я перечислю сейчас, ты увидишь при чтении указания на разные учреждения и стороны позднейших царствований, на которые, читая их специальную историю, надо будет обратить особенное внимание; они дадут некоторым образом руководящую нить. Итак, я сделала бы громадный скачок, настоящее salto mortale, которое можно извинить только по прочтении всего, что назову, потому что тогда кажущаяся пропасть наполнится—я перескочила бы к современному экономическому и политическому состояниям России и взяла бы Головачева «Десять лет реформ»; затем, его же маленькую брошюрку «Начала народного хозяйства» и статьи в «Русской Мысли» 82-го г. (в начале года) «Государственная роспись на 82-й г.». Именно так, чтобы получить сопоставление с тем, что сказано через промежуток в целое десятилетие («Десять лет реформ» вышли в 72-м г.); затем, Васильчикова «Землевладение и земледелие» 2 тома (читая и все примечания) и сейчас же Беляева «Крестьяне на Руси». Не смею рекомендовать, но думаю, что хорошо бы прочесть «Дворянство в России» Романовича-Славутинского (сама не читала, но значение этой книги ясно из «Землевладения» Васильчикова); затем Карновича «Замечательные русские богатства», это не крайне необходимо, и нет надобности читать всю книгу от корки до корки, так как все

главы—повторения на одну и ту же тему с малыми вариациями. Затем статьи из «Современника» об общинном землевладении, напр., «Философские предубеждения против общ. владения землей» Чернышевского и др., которые легко отыскать по автору, и Постникова «Об общ. владении землей» 2 т., но это можно и отложить до более свободного времени, потому что несистематически основные взгляды на общину рассыпаны повсюду в журналистике; это, я думаю, вопрос, наиболее знакомый; затем, маленькая книжка Соколовского «Русская община в XVI столетии»; затем, Янсона «О крестьянских платежах и налогах» (очень сухое изложение, все цифры, из которых главнейшие входят в «Землевладение» Васильчикова); «Податной вопрос» Шелгунова (привожу по старой памяти, как вещь, которая произвела на меня некогда громадное впечатление; могу теперь перечитать и еще раз тебе написать, стоит ли прочтения, так как я хотела бы сберечь твое время). Все эти книги укрепят то, что ты встретишь у Васильчикова, но к этому надо еще прибавить, что необходимо внести к нему одну поправку: рассматривая форму русского крестьянского землевладения, которое он находит более правильным называть «мирским», а не общинным, он настаивает на том, что эта форма присуща специально славянской расе, и проводит параллель между русским миром, французской commune, немецкой Gemeinde и т. д., и доказывает, что между ними громадная разница; только в одном месте у него есть оговорка, что на той ступени развития, на которой история находит Европу, общинное землевладение в той форме, в какой оно существует у нас ныне,—уже не существовало; и вот, чтобы увидать, что оно, однако же, существовало и что следы его до сих пор встречаются даже в такой классической стране частного землевладения, как Англия, надо прочесть: сначала Лавеле «История первобытной собственности», а потом статьи, о которых я тебе писала в одном из

последних писем: в «Деле» Кедрова, в «Знании» «Деревенская община на востоке и западе», по Мэну—(самая книжка Мэна, хотя и маленькая, но убийственно трудная). Потом, моя милая, новая станция—опять Васильчиков «О самоуправлении» 2 тома и, в связи с этим, после этого сочинения, «Обзор европейских конституций» Лохвицкого. Затем, прежде чем перейти к следующим русским книгам, надо иметь сведения по политической экономии. Так как, я думаю, трудно, чтобы ты могла тут же прочесть сначала Милля «Политическую экономию» с примечаниями Чернышевского, а потом Маркса «Капитал», то я предлагаю, отложив их до времени, прочесть небольшую книжку Иванюкова «Обзор современных учений политической экономии», при чем конец, страниц 50—60, выбросить—именно, где Иванюков излагает свое эклектическое учение (что легко увидишь), а к первым страницам его книжки присоединить в том месте, где он упоминает об экономическом перевороте, начавшемся в Англии в XVI ст.,—главу из Маркса: первоначальное накопление капитала, которая сюда относится как нельзя лучше. Выпустив несколько первых страниц этой главы, ты легко найдешь место, с которого начинается изложение экономического состояния Англии, начиная с XV ст.; ты прочтешь несколько страниц самого замечательного, потрясающего красноречия и затем со вздохом (не забудь же вздохнуть, но я уверена, что ты вздохнешь невольно) перейди к размазне Иванюкова. Есть еще его литографированные лекции, быть может, они могут заменить упомянутую книжку. Я их не читала, но слыхала похвалы им. После этого прочти статьи В. В. в «Отечественных Записках», начиная с сентябрьской книжки 79-го года. Первая из них называется «Фантазия и действительность русского капитализма», и затем другие ты найдешь сама; они изданы также отдельным изданием; после них 2 статьи в «Слове» (осень 80-го г.) «—она». Названия я не помню, но она из-

вестна всей читающей публике; только предупреждаю, они очень тяжеловесны. Зато, моя милая, ты попадешь в самый водоворот «быть или не быть» русского капитализма. Если тебя заинтересуют эти статьи, то полемика по поводу них есть, напр., в «Русск. Бог.», в статьях Русанова и отчасти в «Деле», где, между прочим, имеет некоторый интерес статья: «Экономика и политика» И. К. Кроме того, *совершенно* необходимо прочесть статью, о которой я уже тебе упоминала, в «Отеч. Записк.» в 12 книжке 82-го г., в самом конце, кажется, без названья или же «Финансовое положение России», что-то в этом роде. Потом, *конечно*, интересно познакомиться с расколом, с этим сфинксом, до некоторой степени. Для этого, кроме Щапова «Земство и раскол» (большой книжки—потому что есть того же автора и с тем же названием крохотная брошюрка), я могу указать у Костомарова, кажется, во II томе «Религиозные вольнодумцы XVI [века]» и в XII т. «Воспоминания о молоканах», и еще, не помню названия, статьи в том же томе. Кроме того, прелестный очерк «Культурные пионеры» Куликовского в «Вестн. Европы», насколько помню, за 80-й г. Кроме того, в «Слове» за тот же год статья о шалапутах или Федосеевца, или без подписи; еще в «Русск. Мысли» за 81-й или 84-й год «Алчущие и жаждущие правды»—удивительно прекрасный очерк, автора забыла, но его все знают, кто читает «Русск. Мысль». Затем, в «Отеч. Записках» статьи Абрамова за 82-й год. Еще всякий попробовал бы статей об артелях, но я специально о них ничего не читала, а мелкие журнальные статьи не припомню (отчасти есть у В. В.). Здесь есть сборник материалов об *артелях* в России; когда прочту, то сообщу, интересно ли; о ссудосберегательных товариществах стоит только прочесть в «От. Зап.» несколько страниц о них Успенского, чуть ли не в том же году, где его «Книжка чеков», а это было в 74-м или в 75-м г., если не ошибаюсь. Ой, моя милая, не только ты устанешь

все это читать, но я устала даже писать. А, собственно говоря, это не много, все только крайне необходимое, без чего невозможно обойтись. Я прибавлю по отношению к России только то, что необходимо следить, по крайней мере, за 2 журналами, читая в них внутренние обозрения и все сколько-нибудь замечательные статьи, а из остальных выбирать наилучшее. Кроме «Отеч. Зап.» рекомендую «Рус. М.», там были статьи Приклонского (вн. обозрение) в 81-м г. и в 82-м г., иногда замечательные; затем очень хорошая статья Дитятина «Когда началась рознь между правящим классом и народом»; наконец, там же пишет Головачев; встречались хорошие статьи Ходского и др. В «Слове» за прежние годы тоже есть статьи, которые необходимо прочесть, напр., Ефименко—«Трудовое начало». Кроме того, в «От. Зап.» за 70—80-е г.г. статьи о волостном суде по поводу ревизии этих судов; по обычному же праву небольшая книжка Якушкина под названием «Обычное право»; но я думаю, что мелочное перечисление, особенно без каталога, не к чему делать. Добавлю вкратце, что, по прочтении когда-нибудь, в тиши и со смыслом, на покое, Милля и Маркса, надо было бы прочесть и Щеглова: «История социальных систем», а при возможности взять на французском и немецком языках по главному произведению авторов этих систем и, кроме того, соч. Энгельса, Энглендера и Иегера. Учись, моя милая, иностранным языкам, хотя понемножечку. Затем, я взяла бы Шлоссера «Общую историю», потом его же «Историю XVIII ст.», прибавляя к соответствующим местам Мотлея: «История освобождения Нидерландов», «История крестьянских войн» Циммермана. После падения Зап. Римск. империи я перед Шлоссером прочла бы Фрейтага «Картины средневековой жизни». Если есть время, тогда же можно прочесть Стасюлевича (но это более или менее роскошь), а перед историей XVIII в. я прочла бы «Введение к истории французской революции» Луи-Блана;

после нее, кроме Минье, Ламартина «Жирондисты», а если есть возможность, то самого Л.-Блана. Затем, Гервинуса «История XIX ст.», добавляя по истории Франции: Луи-Блана «История десяти лет», Чернышевского «Июльская монархия» в «Современ.»; Вермореля «Деятели 48-го года»; его же «Люди 52-го г.» и Таксиль Делора «История 2-й империи». Я думаю, что Бокля ты читала. Маколей мне кажется роскошью. Из книг по России я пропустила Щапова «Социально-педагогические условия развития русского народа». Это можно прочесть, закончив русскую историю—Мордовцева II т. о Пугачеве (при царствовании Екатерины II). Милая, прощай. Напиши мне, как тебе кажется, много ли это очень или, напротив, мало. Под конец я торопилась, но могу пополнять постепенно. Целую тебя. Пожалуйста, не терроризируйся моим письмом, и напрасно ты думаешь, что я не поняла тебя. Мамочку целую тысячу раз и ее ручки, трудовые, которые не хотят оставаться сложенными.

26. Сестре Лидии.

1 ноября.

Сегодня я получила, милая Лидинька [1], письмо твое к мамаше вместе с припиской Сергея Григорьевича [2] и выпиской из летописи о твоем мальчугане. Вы мне все так понравились, что я сейчас же, чтобы не охладеть потом, взялась за перо, и прежде всего должна расцеловать тебя и твое потомство, столь мило играющее с беличьим хвостом и «совершающее полный оборот вокруг продольной оси своего тела», как торжественно пишет Сергей Григорьевич. Последнего поцеловать не смею, потому что не знаю еще, такой ли он, чтобы возбуждать подобную экспансивность: на вид и по слогу он мне немножко «страшен», но это,

[1] Сестра Лидия, по мужу—Стахевич.

[2] Сергей Григорьевич Стахевич—муж сестры Лидии.

должно быть, только внешние признаки, пустяки, потому что я слышала о нем отзывы, самые восторженные, от двух женщин. Поэтому, вероятно, если нам удастся познакомиться, то он воспламенит и меня. Но, во всяком случае, теперь же посылаю многообещающее рукопожатие (пожалуй, довольно смело думать при этом, понравилась ли я бы ему. Но я надеюсь на твою протекцию: ты, конечно, уже давно действуешь в этом направлении). Как видишь, я неисправима по части языка; но, во-первых, я сейчас перейду к серьезному, и, во-вторых, милая моя, я большая консерваторка в глупом и в серьезном, в симпатиях и в антипатиях, во всем, во всем, и это даже, скажу тебе, недурно, потому что на консерватора можно вполне положиться, и ты сама не откажешься еще раз поцеловать меня за него. Ты пишешь, дорогая моя, о семейных делах и что надо было бы посоветоваться о них; но, милая моя, за отдаленностью тебе представляется только одна сторона экономическая, а самая суть не в том: деньги—последнее дело, хотя при мамочкином характере и они имеют для нее значение беспокойства. А главное то, что мамочка стара, больна, расстроена нравственно и *одинока,* и только отсутствие этого последнего обстоятельства могло бы скрасить ее жизнь. Ее некоторые письма из деревни за это лето были просто ужасны. Совершенно необходимо переустроить ее жизнь так, чтобы около нее была семья. Быть может, мать тебе писала, что у меня явился проект, чтобы Петр бросил свой завод и переселился в Никифорово с тем, чтобы взять на себя все хлопоты по имению и вместе с тем служить в земстве. Тогда мамочка могла бы или постоянно жить там с ними, или только лето, или же, будучи вполне свободной, могла бы отправиться на неопределенное время в Сибирь к вам, или же за границу. Теперь же она связана так, что, где бы ни была, все что-нибудь да будет ее беспокоить да тянуть. Надо было еще и мне тут подвернуться. Ведь ее не уломаешь, чтоб она меня

не принимала в расчет. Наконец, все это еще усложняется Ольгой. Не знаю, что с ней делается, только девочка наша совсем ненормально себя чувствует. Что-то ее ужасно тяготит, своей жизнью она недовольна, можно сказать, даже клянет ее; затем—в какой-то нерешительности, борьбе; она не хочет писать, стесняясь цензуры; я могу только догадываться, что ее отношения к мамаше не совсем нормальны, но в последний раз в письме она совсем меня сбила с толку, и я не знаю, что и думать. Мои же предположения заключаются в том, что она сознает, что осталась у матери одна, и мамочка к ней привязана, быть может, больше, чем к кому-либо из нас; это понятно и вообще, и в частности еще и потому, что в теперешнем положении мамочки Ольга—соломинка для утопающего. А между тем жизнь их в Петербурге за эти три года была очень монотонна и печальна; общества никакого; и собственно я даже удивляюсь, как Ольга мало подвинулась вперед в своем развитии за это время. Поистине ужасные занятия на курсах не дали ей возможности много читать, а людей, которые были бы выше ее в умственном и нравственном отношении, она совсем не видала; так что ни с одной стороны она не имела тех толчков, которые заставляют сильно работать. Нравственное же ее состояние таково, что совсем может исковеркать ее личность. Я думаю, что все это последствия отсутствия самостоятельности и свободы в ее действиях и что именно это сознание и есть причина ее неудовлетворенного состояния. Выйти же из него можно только, пожив на свой собственный риск и страх, и как ни печально это для мамаши, но я думаю, что им необходимо было бы расстаться. Повторяю, что это мои догадки, потому что я с Ольгой прямо не говорила, но мне кажется, что это так. А в таком случае, тем необходимее придумать такую комбинацию, чтобы ни та, ни другая не находились в неприятном и тягостном положении. При переселении Петра это будет хоть

сколько-нибудь возможно. Петру я писала, выставив все мотивы, которые у меня были и по отношению к матери, и по отношению к нему самому, а также относительно Ольги. Недавно он ответил, а именно, что его желание совпадает с моим предложением, но что он подумает, чтобы решение было не навеянным другим человеком, а вполне обдуманным. Это, конечно, необходимо, потому что, если не от души будет сделано как с его стороны, так и со стороны Насти (с ее—в особенности), то из этого выйдет только мерзость. Итак, будем ждать. Я тебе пишу все это, милый Лидок, чтобы ты знала. Пишу коротко, потому что, ведь зная всех лиц, ты дополнишь недостающее. Мы все занялись своими делами, кто поет, инженерствует, кто политиканит, и совсем не заметили, что с тех пор, как все ушли из дому, много воды утекло, и мамаша уж не та и физически, и нравственно, а ее положение совсем иное, чем то, когда мы выпархивали из гнезда. Все, все переменилось с тех пор, и ни один из нас не был в таком положении, как Ольга; для нас не могло и не было вопроса об обязанностях, а мы и до сих пор все еще склонны смотреть, будто все стоит попрежнему. Признаюсь, если Настя не согласится охотно переехать в Никифорово и Петр не сумеет ее склонить к этому, то подобный эгоизм будет препечальным явлением. Мне и думать об этом не хочется, это было бы чересчур мелочно и мизерно. Для самого же Петра, я думаю, полезнее пребывание на родине[1], чем служба на заводе. Не знаю, как-то все это устроится. Я думаю, лишнее и говорить тебе, чтобы ты не делала намеков ни матери, ни Ольге о том, что я пишу относительно их обеих. Имей это только в виду про себя. Относительно поездки матери в Сибирь скажу, что Ольгу надо было бы советовать не брать с собой. Что ей даст подобная поездка? Ей надо учиться

---

[1] Я подразумевала в родных местах.

или жить, то-есть получать такие впечатления, которые бы ее развивали в каком-либо отношении, а я думаю, что путешествие в ваши края ей ничего особенного дать не может; даже она может скучать там и тем стеснить мамочку, которая во внуках, в ваших мужьях и в вас самих найдет неистощимый запас удовольствия. Впрочем, это мое мнение, быть может, ты иначе смотришь. Я бы так распределила: Петра в деревню, мать к вам; Ольгу отправила бы за границу: учиться, читать, смотреть, слушать, изучать людей и делать глупости; или же, так как она думает об учительской карьере,—марш в село, к мужикам, работать и жить совершенно при новых условиях. Необходимо, необходимо переменить ей обстановку, а то она будет надломленной. Не может быть ничего хуже колебаний, нерешительности, неопределенности и каких-то порывов, никогда не переходящих в действительность. Я вообще постараюсь, если будет случай, поговорить с мамочкой о том, как полезно было бы Ольге попробовать жить самостоятельно, в виду прохождения житейской школы. Ведь наша мамочка не любит, чтобы люди предавались покою, бездеятельности, и уважает людей самых деятельных и практичных. Быть может, стоя на этой общей почве, можно будет хоть несколько приготовить ее к тому, чтобы она не представляла себе будущее неразрывно с Ольгой, а то она только и говорит, что без нее не может жить. Мамочке всего нужнее была бы дочка, которая вышла бы замуж и вместе со всеми детьми жила с ней. Но, что же делать. Мы вышли все не на этот фасон, и Ольга, я уверена, долго не выйдет замуж и сделает благоразумно. Таким образом, видишь, все какие затруднения. Если хочешь что-нибудь написать мне по этому поводу, то вкладывай в письмо к матери, обозначая только, что для меня, или адресуя на имя Ольги, а то Евгения написала мне прямо, и письмо почему-то не дошло. Что касается до финансов, то я думаю, что ты недурно сделала бы, если б

предложила мамаше не брать денег с января и до того времени, когда она расплатится со своими долгами (кроме той суммы, что посылается твоей приятельнице). Денежные дела Коли, вероятно, скоро придут в цветущее состояние: теперь он в Бухаресте и получает 1.000 р. в месяц, приглашен на три месяца, стало-быть, сам будет в состоянии расплатиться. Петя высылает иногда вместо мамочки Евгении, у нее отнять нечего, потому что Михаил Петрович [1] зарабатывает немного, а жизнь там дорога. Я стою немного; быть может, мне даже совсем не нужны будут деньги; так что расходы матери сократятся, если ты примешь участие. Ведь пока Сергей Григорьевич зарабатывает достаточно, а если бы ваши обстоятельства переменились, то тогда, конечно, дело другое. Если не имеешь ничего против, то напиши матери, только настоятельно; сама же она из деликатности, конечно, не прекратит свои высылки. Целую тебя, моя доротая, крепко, крепко. А знаешь, ведь я на тебя сердилась, что ты не велела мне писать письма после 79-го г., хотя, конечно, это было благоразумно с твоей стороны. Но, ведь мне-то, о чем же было писать к тебе? Еще раз обнимаю. У Гриши [2] целую лапки. Сергею Гр. жму руки.

Твоя *Вера.*

27. Сестре Евгении.

[6] ноября [3].

Ты не знаешь, как я огорчена: я только-что вчера получила письмо от Петра; я ему писала, чтоб бросил он свой завод и свои технические затеи и переселился домой, в Никифорово, чтоб служить в земстве и принять бразды пра-

---

[1] Сажин.

[2] Маленький сын сестры Лидии.

[3] Числа нет, но в начале письма говорится: «только-что вчера получила письмо от Петра»..., а это было 5 ноября, как видно из письма к сестре Ольге. След. дата должна быть 6.

вления от мамаши, чтоб сделать ее свободной и независимой и вместе с тем, чтобы создать в месте, к которому мать всегда будет все-таки притягивать масса всевозможных интересов,—такую обстановку, в которой мать могла бы существовать без тоски. И вот, получила ответ, что Никифоровым не стоит заниматься, и отчего-де мне не пришло в голову, чтоб мамочка к нему переселилась. Конечно, мне приходило это в голову, но этого никогда не будет, и не понимаю, как он не видит разницы: мать всегда будет там чувствовать себя, как в гостях, все ее привязанности, прошедшие и настоящие, связаны с Никифоровым; да она будет себя чувствовать лишней, если у нее не будет занятий, хлопот, которые доставляются надзором и управлением землей, а она совсем неспособна жить, сложа руки, на покое. Петр же бредит изобретениями и думает, повидимому, что полезен—говорит об увеличивающемся благосостоянии населения от заводской промышленности. Признаюсь, я далеко не верю, чтоб он в это верил и чтоб думал, что он полезнее на заводе, чем был бы в земстве; а о хозяйстве он говорит так, как-будто бы надо было бы приступить к рациональному земледелию со всеми научными усовершенствованиями, приложением капитала и т. д.! Ума помрачение! У нас все еще живут по-допотопному; дядюшки заводили же какие-то особенные овсы, выписывали дорогие семена, думали усовершенствовать породы домашнего скота и все бросили; но он, кажется, забыл это или думает, что он, как более живой экземпляр, должен показать пример. Так ничего и не вышло. А между тем мамочке нужен был покой душевный и хоть некоторое время быть относительно счастливой. Быть может, у вас, т.-е. у тебя и Лидии, она могла бы отдохнуть и даже остаться с вами, если жизнь у вас ей покажется светлой настолько, чтоб ее не тянуло в другие места и к остальным детям; хотя при нашей разбросанности и различии в положениях она, должно быть, никогда не успокоится со-

вершенно, и ей придется постоянно разрываться между теми из нас, кто начинает только и кто кончил уже жить. Дядя Петя и Меч[ислав Фелиц. Головня], и тетки все одобрили предположение о переезде Петра и нашли, что это следовало давно сделать. Летом Петр приедет погостить к мамочке, быть может, выслушав мнение других и оживив симпатии, которые нас невольно связывают с местом, где провели детство, он и передумает, в противном случае я хотела бы, чтоб Никифорово было продано и чтоб мать навсегда уехала в Сибирь, потому что только при этом условии она найдет постоянную оседлость. Прощай, дорогая Геня, целую тебя найкрепчайше и Мишеля[1] тоже, потому что я уже чувствую к нему нечто в роде родственного чувства: и как это ему вздумалось, что я могу быть его врагом, хотя бы и политическим? Когда человек выбит из строя, то не может быть и речи о каком-нибудь дурном чувстве, и как только он был арестован, я уже имела много в его пользу, да и прежде никакого партийного чувства неприязни у меня не было, а мне казалось только, что он холодно относится к другим людям, смотрит на них, как на низшую породу; это все, конечно, результат цюрихских событий; но теперь я встретилась бы с ним без всякого предубеждения, и все, что имею, то скорее за, чем против. После этого об'яснения в любви еще раз жму и его, и твои руки и желаю в будущем лучшего, чем настоящее. Если тебе когда-нибудь захочется написать мне, Женюшечка, то удовлетвори сейчас же этому желанию. Обнимаю тебя. Твоя сестра.

Вера Фигнер.

28. Сестре Ольге.

6 ноября.

Вчера, то-есть 5 ноября, получила твое письмо, милая Ольга. Наконец-то ты собралась мне написать, а то я, было,

[1] Мишель—Мих. Петр. Сажин.

уже в самом деле начала думать, что ты ждешь сошествия духа св. Ты очень хорошо сделала, прислав мне письмо Петруши. Видишь ли почему (читай только ты одна). Я предполагала, что ты прочтешь мое письмо к нему, и надпись сделала на случай, если б мамочка первая распечатала его. Прочтение это было даже необходимо, потому что в нем говорилось и о тебе, и ты могла бы или подтвердить мое мнение, или же его вполне опровергнуть, что очень нужно для того, чтобы представить Петру все данные для решения. Потому-то он и обращается к тебе лично, чтобы ты ему сама высказала все, что имеешь, а именно, что тебе не нравится в твоей жизни и обстановке, что тебя тяготит, и как ты хотела бы устроить свою жизнь, какие видишь к тому препятствия и пр. Поэтому-то я и пишу теперь, чтобы побудить тебя вполне откровенно высказаться, потому что без этого никакое дело не может устроиться, и, я думаю, тебе нечего стесняться и вздыхать втихомолку от всех нас. Я вот с тобой и видалась и переписываюсь, а все не знаю твоего секрета; я думала, было, что понимаю, знаю, но одно из твоих писем совсем меня сбило с толку, так что я усомнилась в своей проницательности. Именно, я думаю, что тебя заботит и тяготит сознание, что мамочка без тебя не может обойтись, что ты ей совершенно необходима в силу того, что все мы, остальные, разошлись в разные стороны, обособились, а ты поневоле, как младшая и еще ничем не связанная, осталась в роли Антигоны. Я так писала и Петру, в том смысле, что мы все не знали и доселе не помышляли ни о каких обязанностях по отношению к мамочке, которая была для нас всегда другом, которому мы обязаны бесконечно многим, но от которого мы всегда только получали, а не отдавали, кроме платонической любви. А теперь, когда именно по возрасту и изменившимся семейным обстоятельствам она нуждается в поддержке, в постоянном обществе любимых людей, мы предоставили выполнение этого

долга тебе, забывая о том, какой самостоятельностью и свободой пользовались все мы в твои годы, и как трудно согласовать вкусы молодого и старого человека; не справлялись у тебя, есть ли в твоей жизни противоречие каким-нибудь твоим желаниям, и если есть, то, что из этого в конце-концов может выйти. Я думала, что с переселением Петра в деревню жизнь мамочки будет теснее связана с его жизнью и что в этом заключается способ удовлетворить и ее и твои интересы: что обе вы останетесь более свободны, можете или жить там все вместе, или мамочка может на год или более уехать в Сибирь к сестрам, и ты можешь быть там, где захочешь, будучи спокойна, что мать не одна, а с теми или другими из своих. Теперь ты и должна высказывать Петру твои собственные взгляды и предположения, а то, в самом деле, он получил сведения из вторых рук, а между тем ты мне напрямик тоже не говорила ничего. Это важно для него, потому что определит положение и твое, и мамаши, но с чем он должен сообразовать свой образ действий. Ты писала как-то, что хотела бы со мной посоветоваться: поговори с такой же откровенностью, с какой говорила бы со мной, с братом. Ведь он несомненно расположен к тебе, любит и мамочку, поэтому из этого может выйти только хорошее. А что мамочка писала Петру, то она мне это сообщила, и я нахожу, что чем больше разных сторон он будет видеть, тем лучше. Быть может, он придумает наилучшую комбинацию. Мне иногда приходит в голову еще такое устройство, чтобы, отпустив тебя на все 4 стороны, мамочка сдала Никифорово в аренду, а сама уехала в Сибирь, с тем, чтобы жить с Лидией. При этом Петр остался бы на месте и взялся бы снабжать финансами тебя и Евгению (если его финансовые надежды не воображение). Тогда мамочка была бы устроена еще лучше, пожалуй. Ты одна щемила бы ей сердце, зато сибирячки услаждали бы ее. Если придется кстати, то среди других

соображений узнай ее мнение; тут главное, что ты очутишься на расстоянии 4 тысяч верст, вместо сестер, тогда как при прежнем проекте она не была так отдалена от тебя. Тут уж будет настоящее ее переселение, но несомненно, что Лидия и ее муж более удовлетворили бы ее нежное чувство, чем Петр и Настя. Пиши мне, о чем думаешь. Поддержать тебя в проекте на лето всегда готова, если ты тут имеешь в виду не филантропию; только экзамены тебя измучают, и лучше бы на первый месяц ехать в деревню. Целую тебя крепко.

Твоя *Вера*.

29. Матери.

Ноябрь.

Накатала письмо Ольге, а теперь буду выводить вам, дорогая мамочка. Вы, мамочка,—забывчивая, и потому я повторю вам, что писала 23 октября и 5 ноября со вложением письма к Лидии. Я думаю, первое вы уже получили, только забыли об этом. Ваши письма доходят ко мне теперь с восхитительной быстротой (как бы не сглазить), а мои идут медленно; но на это уж вам больше можно быть недовольной, мне же, по свойственному человеку эгоизму, остается радоваться, что мой бальзам доходит до меня в исправности. Я вам еще не писала, что, начиная с последних двух недель, я сижу над Шлоссером и ежедневно любуюсь его портретом; у него прекрасная физиономия, добрая улыбка, глядя на которую можно поверить его ученику и биографу Гервинусу, что он был человек веселый, живой, любящий пошутить и отзывчатый на чужое горе,—качества, о которых нельзя заключить по его сочинениям, несколько сухим, полным суровых приговоров и беспощадных отзывов. Относительно сухости, впрочем, как и по отношению будто бы тяжелого слога, я не нахожу, чтоб это было так, но это, быть может, следствие условий, в которых я занимаюсь чте-

нием его сочинений. В прошлом году летом я читала I том его «Всемирной истории», и мне казалось тяжеловато: до греков ли и римлян с их великими гражданами и несносными тиранами, торжеством человеческого развития одних и проявлением материальной военной силы других, образцами добродетели и всего самого гнусного,—до всего ли этого, когда человек находится на точке кипения воды. Теперь большая разница,—можно переселиться свободно более чем за две тысячи лет назад, и когда читаешь без перерывов, то вполне можешь оценить ту величественную картину, которую раскрывает Шлоссер, и его рассказ, без прикрас и без анекдотов, серьезный и бесстрастный, производит еще больше впечатления; события и лица говорят сами за себя. Я дочитала до средних веков, которые меня особенно интересуют и сами по себе, и от любопытства, как их будет характеризовать Шлоссер. Я очень, очень довольна своим приобретением, хотя ругала Вольфа за небрежность издания. Для отдыха глазам или передышки мозгам у меня еще всегда под рукой какая-нибудь книга из библиотеки.

Недавно я прочла чудную вещь Лабуле «Право, законодательство и администрация во Франции». Вы не бойтесь заглавия—это не какой-нибудь сухой юридический трактат, а настоящая прелесть: разбор учреждений Французской монархии до Великой революции. Я не читала ничего подобного по этому предмету: у Шлоссера, Минье, Л.-Блана говорится, конечно, обо всем этом, но гораздо меньше: настолько, насколько это необходимо для об'яснения революционного взрыва; здесь же подробный и остроумный анализ того, чем была древняя монархия. Очень любопытно, прочтите. Годится и для чтения вслух. Впереди помещены две статьи: о свободе печати и еще о разных видах свободы. Ох, как я вздыхала, читая, что есть свобода индивидуальная, социальная, муниципальная и политическая, под которой он разумеет гарантии всех предыдущих свобод (свободу

же печати он называет гарантией гарантий). Ах, как я вздыхала! Потом я еще больше растравила себя, взяв перечитать Милля «О свободе». Сколько прекрасных слов и драгоценных истин о свободе совести, мысли, слова; о свободе устраивать свою жизнь сообразно своим взглядам, о значении для общества неприкосновенности индивидуальности. Ах, сколько прекрасных вещей! Я вздыхала, вздыхала и, наконец, рассердилась... на цензуру за ее снисходительность. Право, она настоящая Ева политики: пропускает столько соблазнительных яблоков, что представляет настоящую поставщицу политических преступников: все люди, все человеки. Как не влюбиться в прекрасное, когда книги раскрывают его. Ах, свобода индивидуальная, социальная, муниципальная, политическая... Целую ваши ручки и еще раз вздыхаю все о том же.

В. Фигнер.

30. Матери и сестре Ольге.

Ноябрь.

Что-то я не удовлетворена вашим вчерашним посещением, мои дорогие. Быть может, потому, что, когда меня позвали, я вообразила, что меня везут на словесное истязание, а я при этом всегда чувствую себя, как чорт пред заутреней. (Няня, Наталья Макаровна, так живо описывала его состояние, что я еще в детстве имела ясное представление об этом предмете; теперь же, обремененная преступлениями, я, как исчадие ада, прочувствовала его вполне). Впрочем, и помимо печальных размышлений о заутрене, была и всегда есть причина возвращаться от вас с сокрушенным сердцем: один писатель [1], говоря как-то о том, что он чувствует потребность писать, но обстоятельства не дают ему возможности стать в ту обстановку, в которой одной он

[1] Гл. Ив. Успенский.

может черпать свои сюжеты, сравнил себя с горячей сковородой: «шипит сковорода, говорил он, а на сковороде-то ничего нет». Вот это точь-в-точь происходит и со мной, когда я рвусь на свиданье с вами—сковорода шипит, шипит, но когда я ухожу,—увы!—на ней ничего нет. Хоть бы un tout petit morceau de mouche ou de vermisseau. Ну, нет тебе, да и кончено. Чтоб совершенно не обратиться в один знаменательный знак восклицания, я пообедала, а это, как общеизвестно, действует на человека успокоительно, и сковорода шипит уже меньше. Все это время у меня тьма тьмущая времени для размышления: такой сумрак целый день, что с 8 до 10 утра я размышляю, с 2 до 4 опять размышляю, с 10 до 12 или 1 часу опять размышляю. Признаюсь, это занятие мне не очень нравится, потому что о некоторых вещах я думала, думала и, наконец, заклялась, потому что они не имеют в настоящий момент практического значения, а расстраивают только нервы. Невольно вспоминаю двух приятелей у Щедрина, которые решили истребить в себе всякие мысли, кроме помышлений о еде и т. п., считая все прочее неблагонамеренным. Но им хорошо было—они были парни не промах по части гастрономии и, кроме того, коротали время à deux. У меня не столь патриотическая цель, я не гастроном и *одна,* и пословица гласит: у кого что болит, тот о том и говорит (с другими или сам с собой, смотря по обстоятельствам). Вы можете себе представить мое затруднительное положение—оно хуже губернаторского, выразилась бы одна приятельница, если б прочла эти строки. Я же могу сказать, что у меня в губернии страшный беспорядок, администрация и централизация слаба, дисциплины никакой: мысли так и разбегаются, и как все дороги ведут в Рим, то, с чего мысль ни начнется, она все приводит к категории предметов, исключенных из репертуара. Если б я еще была в состоянии писать стихи, я воспевала бы утром восход солнца, которого не видно; в

2 часа пела бы, что все идет к лучшему в лучшем из миров, а вечером сочиняла бы элегии насчет луны (по старым воспоминаниям) и скоропреходящности всего земного. Но родители меня не благословили этой способностью, и мне никогда не достигнуть даже того успеха, который имела Примула в романе Шпильгагена «Загадочные натуры», воспевавшая различных представителей царства животных: петуха, сурка, жука, лежащего на спине, и т. п. А жаль—мое имя так хорошо переделывается в подражание ей: «Верула». Да нет, она была женой пастора и была окружена предметами мира естественного, а я петуха вижу только во время краткой прогулки, а теперь его даже спрятали, верно, от холода; сурка я не видала ни разу в жизни, а жуков тоже не вижу очень давно, а в камере есть только черные тараканы. Итак, охота смертная, да участь горькая! (Тьфу! Опять знак восклицательный. Вероятно, это следствие институтского воспитания). Не придумаете ли вы, что делать в эти прискорбные часы? Уж не посоветуете ли размышлять о прочитанном? Но пощадите, милая мамочка: когда я читаю, то и думаю, и что же это со мной будет? Читать историю, потом думать об истории, опять читать историю и опять о ней же думать. Все история да история. Этак со мной будет то же, что с лягушкой, желавшей походить на вола: пожелав знать историю, как сам Шлоссер, я непременно лопну. Я и не желаю запоминать подробностей и целые массы фактов, а стараюсь только проследить общее направление данной эпохи, ее характерные черты и наиболее яркие личности, в которых выражен дух времени.

Теперь я уже кончила средние века и, признаться, не осталась довольна, потому что автор касается некоторых учреждений слегка; так, напр., о феодальной системе говорит он, как о факте совершившемся, совсем не рассматривая ее происхождения и первоначального развития; в этом отношении более сказано у Васильчикова (в землевладении

Англии и в примечаниях), и у Стасюлевича, где приведены мнения разных историков об источниках феодализма (из германского понятия о дружине); потом первоначальная история развития церкви и папской власти тоже предполагается Шлоссером известной (о чем у Стасюлевича говорится довольно подробно); в-третьих, я надеялась, что он даст очерк постепенного стеснения политических прав народа у германцев, но этого там нет; вообще я ожидала историю учреждений, настоящую политическую энциклопедию, но вижу, что надо рыться там и сям, везде черпать понемногу, чтоб иметь полное представление о том, что интересует. Зато Шлоссер дает много фактов о последующем развитии феодализма, городов и борьбе королевской власти с папскими притязаниями; об отношениях этих четырех элементов между собой, подготовивших события конца XVIII ст. В этом он очень много прибавляет к «Введению в историю французской революции» Луи-Блана, имеющему целью проследить борьбу против принципа авторитета и постепенное развитие принципа индивидуализма в церкви и государстве, в политике и промышленности. Целую вас.

Вера Фигнер.

Что значит, что 2 мои письма, от 24 окт. и 1 ноября, вам не переданы? Они не заключают ничего предосудительного.

31. Матери.

4 декабря 1883 года.

Я все еще не получила вашего письма, милая Mutter, но ожидание при уверенности, что оно, хотя и лежит, но все же идет ко мне, уже утешительно само по себе. А то эти две недели я прожила как-будто в Якутской области, вследствие тьмы кромешной и отсутствия почты. Ваши письма для меня ведь все равно, что газеты для какого-нибудь жителя захолустья. Поэтому я преподозрительно заглядывала

последние 8 дней в руки жандармам: нет ли в них пакета для меня, пакета с внутренними известиями семейной хроники. Право, мамочка, зная, что ваши письма—газета, ожидаемая с нетерпением, вы должны бы от такого поощрения со стороны читателя почаще выпускать ее, а вы-таки скуповаты на этот счет и, кажется, забываете, что ему из всех вопросов современности известен лишь один вопрос о погоде, так что, за исключением этого пункта, для него все интересно, ново и занимательно, а посему сфера описаний для вас безгранична; вы не можете говорить о недостатке материала; хотя Ольга и заявляла это, но это оттого, что вы обе не были арестованы и не сидели в пустом пространстве, а потому имеете ложные представления о том, что для суб'екта в таком положении интересно и что нет. Следует предполагать интересным все и истреблять безжалостно канцелярские принадлежности. Да, мамочка, если у вас цело письмо Сажина, то прислали бы вы его, я бы посмотрела, что он пишет, в каком роде; я была очень довольна присылкой письма Стахевича: уж больно оригинально; пришлите и еще; я думаю, что он премилый человек и, вероятно, в сущности лучше, чем Сажин. Хоть из писем познакомиться с ними. Не писали ли еще девочки?[1]. Я так хохотала, читая серьезное заявление Наташи: «о себе я сама напишу, потому что *иначе* кто же об этом позаботится», и дальше: «прочла всего Белинского, потом начну читать Добролюбова, а потом, что бог даст». Это восхитительно. Милая девочка! Бог даст ей потом Писарева, а он отнимет у нее богов. Только жаль одно: я думаю, Белинский ей совсем не по силам, и не механическое ли это чтение. Уж слишком велик скачок от легкого к серьезному, и дядя мог бы подыскать для нее чтение подготовительное, и читать сплошь чересчур утомительно и однообразно. Жаль, если это одна

[1] Под девочками тут разумеются Наталия и Лидия Куприяновы.

потеря времени. Я помню, мне много приходилось мучиться над книгами, которые были не по силам по отсутствию подготовки; я добросовестно читала и перечитывала их, думая, что, наконец, путем усиленного внимания уразумею, но все было тщетно, и никто мне ни разу не посоветовал бросать их до времени. Почему дядя подсмеивался над ней, что она читает только беллетристику. Не худо было бы проверить, полезно ли ей читать Белинского, и действительно ли он ей интересен. А то, что же толку всем проделывать один и тот же опыт. Например, мне кажется, что было бы лучше читать отдельные критические статьи по прочтении тех произведений, на которые они написаны; напр., «Луч света в темном царстве» Добролюбова, прочтя «Грозу» Островского и т. д. А у Белинского пропускать все то, что может иметь лишь историческое значение (как смотрел Белинский на то или другое) или уж сдано давно в архив и не имеет ни малейшего значения для настоящего состояния литературы и общества. Впрочем, может быть, дядя и позаботился об этом и просмотрел вперед сам, что нужно, что не нужно; но из письма этого не видно. Прощайте, милая мамочка. Целую ваши ручки и обнимаю. Не забывайте мне писать. Еще раз целую.

В. Фигнер.

Евгении буду писать после.

32. Сестре Ольге.

4 декабря 1883 г.

Конечно, милая Ольга, тебе только показалось, что ты одна составляешь причину обращения к Петру. Это произошло оттого, что я не считала нужным излагать тебе все содержание письма к нему, а лишь побудить тебя поговорить с ним самой обо всем подробно, потому что ты и мамаша так связаны тесно друг с другом, что отдельно о вас

даже и говорить нельзя. То, чего хочет мамаша и что может удовлетворить ее, это всем нам более или менее хорошо известно, или по крайней мере об этом не приходится долго думать, но большая разница ты: перед тобой десятки разных путей и возможностей, и ты не будешь отрицать, что до сих пор мамочка считала, что она живет для тебя и что свое будущее она всегда соединяла в мыслях с твоим. По всему этому дело представляется так, что важно знать твои желания и планы, так как от них в зависимости находится и мать. Да ты и сама это хорошо знаешь. Разве ты мне не писала, что она не хочет ехать в деревню летом, если ты не поедешь? Так что волей-неволей или придется отправиться и тебе, либо осудить ее на такое же отвратительное настроение, как в прошлом году, либо устраивать предполагаемый компромисс, что ты с'ездишь на 1 месяц, и Петр приедет на такой же срок. И то же самое—в более крупном. Переселение Петра именно давало бы мамочке возможность не держаться исключительно за тебя. Быть может, я и преувеличиваю, но мне кажется, что мать именно не хочет с тобой расставаться, и я очень интересуюсь, что она думает или что она говорит на твои предположения поселиться в деревне. Если у тебя был с ней разговор об этом или ты знаешь ее мнение относительно этого от кого-нибудь из близких, то сообщи мне. Относительно же ее здоровья, я думаю, ты ошибаешься, и я боюсь за нее серьезно: по ее годам ей бы вовсе не следовало страдать теми припадками, которые проявляются у нее: они составляют симптом ее болезни печени так же, как и отек, и никакие тут чулки не помогут, потому что они показывают только на то, что есть давление на вены, что кровообращение затруднено; для самого больного, конечно, утешительно не видеть неприятного симптома, но причина-то остается в целости. А потом глаза: атрофия зрительного нерва ведет к полной слепоте, а что же может быть ужаснее этого?

Вообще, я так смотрю, что без положительного отзыва врача нельзя даже предпринимать ей такой поездки, как в Сибирь, и, может быть, он даже запретит ее. Так что, как видишь, милая Ольга, я представляю непрерывный знак вопроса, и ты, быть может, нарочно и расписываешь мне разные разности, чтоб меня обморочить. Кстати, я уже тебя еще спрошу вот о чем, так как я, повидимому, не поняла: помнишь, по приезде ты ходила к врачу и сообщила мне отзыв о ее теперешнем состоянии сравнительно с прежним, но ты не написала, подразумевает ли он под прошлым давно прошедшее или непосредственно предшествовавшее от'езду на лето; именно, ты написала, что оно не таково, как прежде, хотя лучше, чем можно было ожидать. Я, было, утешилась этим, но потом размыслила: к какому времени относится это «прежде», потому что, если сравнение сделано по отношению к времени пред поездкой в деревню, то я вижу мало утешительного. Ты мне ни разу не написала, нашла ли ты искомое утешение в общении с приятельницей. Пока прощай. Целую тебя. Если придет желание написать мне, то не откладывай в долгий ящик.

Твоя *Вера.*

33. Сестре Ольге и матери.

7 января 1884 года.

Бесценный диамант и Ольга. Сейчас получила ваши письма (от 25 дек. и 1 января и 2 девочкиных) и как-раз вовремя, ибо хотела уже возроптать письменно (в душе уже давно роптала, что после писем от 17 декабря вплоть до сего дня не получала ни строчки). И какие прекрасные письма: и просто забавные, и просто хорошие, и, наконец, Ольгино,—славная порция гашиша. Олечка, merci! Когда ты говоришь, что ты меня любишь, то я чувствую себя счастливой: известно, что это единственное слово на свете, которое не может надоесть тому, к кому относится. Но ты

меня положительно трогаешь и можешь избаловать, поддерживая и без того чувствительную струнку—потребность видеть со стороны окружающих постоянное расположение. Так как у меня теперь нет окружающих, то надо отвыкать от приятной зависимости. Но все-таки, в ожидании отвычки, не могу не обнять тебя и не высказать только опасения, что большой процент твоей любви следует отнести к тому, что ты всегда могла видеть меня только из прекрасного далека.—Из твоего письма видно, что мамочка новый год проспала. А я бодрствовала и занималась... вы уже знаете, верно, чем. При этом я выпила две кружки воды и провозгласила тосты: да здравствует вода, и другой: и детки, идущие кто в лес, кто по дрова. Не думайте, что громко. (Далее кусок отрезан кем-то и утрачен. Восстанавляю эти несколько строк по памяти). Потом я вспомнила, как я встречала новый год в последний раз в Харькове, в обществе людей, почти мне чуждых. Тогда, глядя на них, я перебрала события последних лет и почувствовала себя, как Марий на развалинах Карфагена (В. Ф. 9. IX. 1913 г.). Вы знаете, это был полководец, и притом хороший, но человек жестокий и тупой. Счастье некоторое время благоприятствовало ему, но потом он увидел, что не все коту масленица. Вследствие гражданских смут, он должен был сделаться нелегальным, оставить Рим, а потом и Италию; последнее долго ему не удавалось, точно боги и человеки восстали против него: бури не давали ему возможности сесть на корабль, море выбрасывало вновь на тот берег, с которого он бежал. После многих приключений, которые очень интересны для читателя, но, вероятно, были неприятны для него, он прибыл, наконец, в Африку. Но и тут начальство тотчас же послало ему приглашение удалиться из пределов этой провинции. Посланный застал Мария на развалинах Карфагена, где тот скрывался; когда Марий выслушал его, то сказал только: «Поди и скажи, что видел Мария на развалинах Карфа-

гена». Что он хотел сказать этим, история предоставляет на усмотрение читателя. Могу только заметить для вас, что не следует думать, что Марий разрушил Карфаген (это случилось задолго до него и было делом славного Сципиона Африканского Младшего), и еще одно—что старикашке, должно быть, было невесело. Пожалуйста, не удивляйтесь, мамочка, что ваша дочка приводит такие возвышенные примеры: во-первых, она так давно не читала русских газет и, напротив, так недавно читала у Шлоссера историю Рима, что ее голова кишмя-кишит римлянами и римлянками в более или менее патетических позах (M-me Пэт [1] мерещится ей во сне); во-вторых, в прошлом году она была не Вера, а Мария (какое чудесное совпадение обстоятельств) и, в-третьих, милая мамочка, у каждого человека, уверяю вас, есть свой Карфаген, не столь величественный, как настоящий, но ведь то был центр всего государства, а здесь идет речь об отдельной личности. Мой же Карфаген находится в статистике, которая гласит, что в течение 7 лет, при совершенно обычных условиях, между моими знакомыми произошло 5 самоубийств, 8 случаев умопомешательства, 11 случаев неестественной смерти, 7 случаев естественной смерти при неестественных обстоятельствах и 120 из'ятий из обращения. Если принять в расчет, что в этих числах заключаются все те, кого любила я наиболее и наиболее уважала, то, право, это составит маленький Карфаген, на развалинах-то его я и восседала прошлый год, предаваясь размышлениям, которые навеяли, конечно, лица, к которым я не чувствовала особенной симпатии. Вы сами видите, что встреча нового года теперь вышла с физиономией более ухмыляющейся, и я хочу считать это хорошим предзнаменованием на будущие 365 дней. Вы же, вероятно, нашли меня очень глупой 7 или 8 янв. и подумали, в своем ли уме

---

[1] Шутливый намек на какую-то женщину из римской истории.

я. Уверяю вас, мамочка, в своем, своем собственном: все дело заключается в том, что курбеты совершенно необходимы для циркуляции крови, а то она застынет—так все здесь пахнет кутьей. Если вы найдете, что я фиглярничаю, что знайте, что это не я виновата, а здешние микрококки, или лучше сказать, реакция против них. И еще: предание говорит, что бывают случаи, когда камни вопиют; здесь они не вопиют, даже не шепчут, и хорошо делают, потому что иначе что бы было с нами?! Но зато стены здесь—плачут. Меня поразило, что плачут не заключенные, а свободные. Удивительно. И что такое. Свет не мил, что ли, или что другое. Но потом я сообразила, что они оплакивают заключенного,—иначе, посудите сами, зачем бы их слезы текли именно в нашу сторону, стекая из единственного их окна маленькой струйкой вплоть до пола, или падая с самым меланхолическим звуком в металлическую кружку, предусмотрительно подвешенную под глазом.

Итак, мамочка, что бы я вам ни писала, не смущайтесь и позвольте мне кувыркаться хоть на бумаге, даже в том случае, если две другие дочки никогда вас не занимали глупостями, подобными тем, что я вам посылаю. После нового года я скучаю; это происходит оттого, что я уже 7 дней читаю физиологию Брюкке. В апреле будет 5 лет, как я не брала в руки ничего по медицине, и потому я неистово зевала на первой сотне страниц; быть может, у вас, на Преображенской, было слышно. Но потом я развлеклась, когда дошла до главы о питательных веществах. Но тут меня постигло новое несчастье: читаю о молоке,—хочу молока; о яйцах,—хочу коко в кошельке; о пиве,—хочу пива. Словом, разыгрался такой аппетит, что беда. К счастью, теперь я все это прочла, и все мои желания сконцентрировались на вине, о разрешении коего я буду ходатайствовать у доктора, когда он появится на горизонте—без него нельзя купить. Тут-то у меня поднимутся тосты. Уж не водяные, и,

быть может, я не воздержусь и ваше здоровье провозглашу на всю камеру. В ожидании же не имею ничего сказать, кроме прощайте, и целую вас, и жду.

34. Матери и сестре Ольге.

16 января 1884 года.

Не обескураживаясь тем, что вы еще не получили до субботы моих предыдущих писем, решаюсь вновь удовлетворить желанию поболтать с вами, милая мамочка, и с Ольгой. После свиданья я выпила рюмку вина и начала читать роман, и нахожу, что как то, так и другое «мягчит», говоря моим техническим языком, душу преступника. Поэтому, если в этот год, когда я нахожусь во чреве китовом, выйдут какие-нибудь романы интересные на русском или на иностранных языках, то вы сообщите мне. Вы знаете, что может мне понравиться; уже никак что-либо печатаемое в приложениях «Недели», потому что за эти приложения я с большим удовольствием побила бы Гайдебурова-спекулянта. Ах, мамочка, от вашего больного глаза страдают даже и мои интересы: сестрица погружена в европейские науки, Матреша [1] косноязычна, и я не могу задавать вам задачи прочесть то или другое, чтобы через вас цепляться за интересное. На чужих же как возлагать бремена, быть может, неудобоносимые. Но все же, если не затруднит даму, «говорящую тоном авторитета неоспоримого», то попросите ее прочесть соч. Иеринга «Цель в праве» и его брошюру (названия не помню), но в продаже, кажется, только и есть эти два его сочинения, вышедшие в позапрошлом году. Какая там главная мысль? И что это: сухой ли, отвлеченный трактат по юриспруденции, или же нечто, имеющее интерес для жизни? Я бы хотела также, чтобы была прочитана книга Лабулэ «Государство и его пре-

[1] Прислуга.

делы», но боюсь, что будет очень много, потому что мне хотелось бы знать, не повторяется ли он, а для этого надо прочитать том, про который я вам писала—«Право и законодательство во Франции» и содержание III тома «История Соед. Штатов» его же. Заглавие меня очень интересует, но я не хотела бы покупать книги по заглавию. Вообще мне нужно было бы составить список книг на этот год из самых основательных и серьезных и вместе с тем интересных; от этого, можно сказать, будет зависеть мое душевное и телесное здравие, потому что праздность и отсутствие всяких возбуждений отнимают положительно и аппетит, и сон. Быть может, это одно совпадение, но пока я читала Шлоссера, я хорошо себя чувствовала—он меня занимал, смешил, одушевлял, и после него чувствовалось то утомление, которое является после работы. А с тех пор, как кончила его, сделалась, вот уже месяц, в роде осенней мухи, ночью не сплю и целый день неистово зеваю. Ну, не смешно ли, в тюрьме, среди безделья, чувствовать себя и день и ночь невыспавшейся и охотиться за таким, повидимому, дешевым удовольствием и легко доступным. Постоянный дефицит против необходимой мне нормы в 9 часов я стараюсь наверстать утром, но от этого выходит, что чаю я не пью, потому что он совсем холодный в 10 ч., а тут в 12 ч. обед. Конечно, ешь больше по обязанности, зная, что печку топить необходимо. Я сосчитала, сколько я прочла книг за этот год (ведь до 10-го февраля остались пустяки). Оказывается, 73 серьезные и 47 легкого чтения, может, некоторые из тех или других забыла, но немного во всяком случае, потому что здесь больше помнить нечего: книги — здешние события. Выходит всего немного—120 книг, но это потому, что сдавать приходится в 9 вечера, а подают новые в 11 и 12 утра, так что ночь остается свободной. Итак, это minimum того, что необходимо мне. Для легкого чтения здесь еще найдутся старые журналы, и, возвращаясь к детству, романы Вальтер-

Скотта, Диккенса и т. п., но серьезные: вынь да положь, надо самим позаботиться. Я наметила некоторые, напр., Маурер «Древнее право», его же «Устройство сельск[их] и город[ских] общ[ин] в Европе»; Льюиса «История философии», Тэна, Токвилля, Кольба, о ужас, даже логика Милля, Фюстель де Куланж и др. общеизвестные книги, но без каталога не вспомнишь многих, о которых читались или слышались хорошие отзывы. Авторитетная барыня[1] была бы весьма любезна, если бы разодолжила меня рекомендацией чего-нибудь столь же основательного, как она сама. Она знает, что меня наиболее интересует—политика и экономика, история всех учреждений, община; все остальное—так себе, вещь второ-и третьестепенная. А, знаете, какой я роман читала в субботу? Ауэрбаха «Новая жизнь», или, по моей перефразировке, повесть о том, как немецкий революционер граф Фалькенберг в народ ходил и как он опростился. Интересно; если вы не читали, прочтите вместо какой-нибудь русской размазни. Описывается интересное, но тяжелое время в Германии—время реакции после революции 48-го года. Занятно сравнить это бичуемое немцем время с другими . . . . . временами. Вот роман, где параллели так и просятся. По отношению к положению графа выходит так, что в Германии делают люди наоборот, чем в России: чем там кончают, с того у нас начинают. Странно, но понятно. Прочтите, мне хочется, чтобы вы прочли; долго говорить—почему, но надо, уверяю вас. Целую вас, голубчик, и Ольгу также. Жду ваших дражайших каракуль. Что сестры милые и братцы? Неужели, мамочка, Коля в письмах никогда ни о ком не спрашивает? Что-то я не встречала в его письмах ни разу ни одного вопроса о сестрах.

Ваша *Вера.*

---

[1] Не помню, кто подразумевался здесь.

35. Матери.

31 января 1884 г.

Хотя я совсем не расположена писать вам, милая мамочка, но боюсь, что вы будете беспокоиться обо мне, и потому принимаюсь за бумагомаранье. Вчера мне опять сказали, что следствие по всем вероятиям кончится через месяц, но я думаю, что этот срок лишь приблизителен и потому растяжимый до многих недель.

Мне все еще приходится читать не то, что хочется, а это так скучно... Я теперь перечитывала «Изучение социологии» Спенсера; я читала это давно, еще в 76-м году, так что многое улетучилось из головы, да и не мудрено, потому что эта книга не могла произвести большого впечатления: она заключает истины, всем более или менее известные, а главное, такие истины, с которыми нельзя не согласиться, но которые почти невозможно применить в жизни, и им суждено играть роль мертвого материала в голове читателя. Главный интерес сосредоточивается на главах о суб'ективных препятствиях при изучении социологических явлений: весьма занятно разобрать, как предрассудки патриотические, религиозные, политические, сословные и др. затемняют и извращают наши суждения о вопросах общественных. Он приводит в пример молодого священника без места, который принимает особенно к сердцу интересы прихожан, находящихся в большом расстоянии от церкви, и которому это уже представляется чрезвычайно гибельным; членов обществ трезвости, крестьян, искренно убежденных в том, что народ гибнет от пьянства, медиков, которые склонны преувеличивать распространение болезней, политических агитаторов, которые видят лишь темные стороны общественных явлений. Конечно, каждый, замкнувшись в круг особых интересов, приобретает способность смотреть на вещи через особенную призму, и теоретически едва ли кто не признает известной односторонности своих взглядов, но на практике об испра-

вляющем стеклышке трудно даже и вспомнить, тем более, что непосредственный результат, успех в данную минуту сплошь и рядом зависит от некоторой однобокости и связанной с ней энергии.

Ведь это курьезно, но вот уже несколько лет, как мне кажется, что нет людей счастливых; иногда просто жаждала увидать какого-нибудь счастливца, готова была искать его, как Диоген искал человека; но везде находила что-нибудь, отчего людям тошно: у одних—деньги, у других—в семье неладно, у третьих—что-то внутри копошится, раздвоенность, или апатия, или какая-то гнетущая тоска; у иных—болезнь отнимает все силы, о подверженных болезням политическим я уже не говорю, так как они живут среди ненормальных условий. Словом, нет тебе счастливых, да и конец. Однажды, впрочем, я-таки набрела в позапрошлое лето на два экземпляра в железнодорожном вагоне. Раз вхожу с такой миной, что не подступись, и вдруг, о удивление, ясно вижу два счастливые лица, такие счастливые, что во всем вагоне весело. Ну, думаю, прекрасно, буду любоваться. Это были—*она* и *он*. Он—настоящий Адонис, она—премиленькая кисынька. Так как мне пришлось сесть против, то вскоре я размякла и сказала им, что вечером не велю кондуктору зажигать свечей, в вагоне должно быть светло от них. Они расхохотались, и я узнала, что Адонис—сельский учитель, а она—его жена, что, обвенчавшись, они два года жили врозь, далеко друг от друга, но теперь едут к *нему* в деревню. Все это было ничего, но чорт дернул меня заговорить. Учитель деревенский. Ну, известно, тут был затронут мой либерализм; школа—такая богатая тема. И затем я только стала спрашивать его о школе, о детях, о крестьянах, об инспекции и земстве. Затем я вспомнила о члене управы, толстом, как пивная бочка, от которой его можно было отличить лишь по масляным глазкам, который уговаривал меня, что либерализм есть такая вещь, которую надо скрывать и которая даже для того

и на свете существует, чтобы не появляться на свет, и ставил мне себя в пример, говоря: «я либерал до мозга костей, но только я не дурак и никогда не обнаружу этого». Ну, словом, я заговорила, и Адонис оказался ослом, глуп, как пробка, не по летам глуп, сверх'естественно глуп; и в вагоне вдруг стало темно, так что, увидя проходящего кондуктора, я обещала ему на чай, лишь бы он дал скорей хоть тусклого свечного света. Этот глупый разговор отнял у меня совсем удовольствие, и лица, которые мне казались такими симпатичными, что, кажется, так и расцеловала бы их обоих, вдруг потеряли все обаяние, и даже в воспоминании остались красивыми, но с бычачьим выражением лицо юноши и наивно глуповатое личико девочки, смотрящей прямо в рот глупцу. Итак, единственный раз, и то оборвалось.

Целую вас.

36. Матери и сестре Ольге.

12 февраля 1884 г.

Ваш упрек, дорогие мои, подействовал на меня, хотя я и не признаю себя виновной в том, что забыла вас, как вы выражаетесь: кажется, попрежнему уничтожаю почтовую бумагу, и чернила лились бы волной под моим пером, если бы чернильница была когда-нибудь наполнена не чересчур скудно. Это уж не моя вина, что письмо, писанное 31-го, попало в ваши руки лишь 10-го февраля; затем, 7-го я писала через вас сестре Евгении; итак, сеансы идут своим порядком, а мне остается только постараться не отодвигать день писем с обычного воскресенья на вторник, как это случилось несколько раз перед этим. Но, милая мамочка, иногда писать бывает не охота, и я боюсь тогда навести на вас скуку, а я хотела бы, чтобы вы складывали мое письмо по прочтении с улыбкой. По крайней мере мне доставляют удовольствие только те письма, при писании которых я вижу,

что и вы усмехаетесь, другие же имеют целью, главным образом, дать знать о своем существовании. А ведь я не могу употреблять лаконическое: «жива, здорова, чего и вам желаю», потому что вам представится сейчас же драматическая сцена. Вот и происходит задержка; авось, думаешь, прочтешь что-нибудь увеселительное, или вдруг солнце засветит—известное дело, человек такое слабое существо, зависящее от количества света, от температуры, от слова другого человека, от своей мысли и даже, увы, от своего пищеварения. Как видите, смягчающих обстоятельств немало и, право, пора уже по этому поводу поставить точку. Впрочем, нет. Я должна еще сказать что-то, что цепляется за предыдущее. Я так, было, ждала книг, что пришла в нерасположение духа от ожидания. Тут мне помог немного Катков, но мало, хотя один оригинальный англичанин . . . *(неразборчиво)* достаточно-таки подействовал на мое воображение; но вот я-таки дождалась до желанного и начала непрерывное чтение, в роде тех, что совершаются по покойнике и известны под именем неугасаемых. Но, признаюсь, никогда журнал не производил на меня такого общего удручающего впечатления, как в этот раз. Прочитать сплошь целую книгу—и хоть бы один маленький луч. Нет и нет. Читаю внутреннее обозрение—резюмэ: «не видя исхода и прямого пути для деятельности, путаясь в противоречиях, дрязгах, ухищрениях и взаимных упеканиях, общество проявляет до того тяжелые симптомы апатии, подавленности и в то же время алчности, взаимного недоверия и злобы, что внушает серьезные опасности для будущего». Читаю статью В. В. о крестьянском хозяйстве и получаю: «своими реформационными усилиями последнего времени мы отнимаем у мужика прежнее орудие производства, не вручая ему взамен другого; мы лишаем его старого хозяйства, не давая ему нового, мы всеми силами клоним, разумеется, бессознательно, к тому, чтобы не только получилось народное благосостояние, но упало бы и нацио-

нальное богатство; мы толкаем не один низший слой народа, но и общество, и государство на путь невозможного существования. Мужик вытесняется из земледельческий сферы, но вытесняется в пустое пространство». Берусь за «Среди жрецов науки», и оказывается, что в то время, как средняя смертность полагается 17 человек на 1.000, в России она достигает 37 человек—лишних смертей в ней ежегодно 1 миллион 800 тысяч. Детская смертность у нас—50—60%, и есть целые области, где она равна 75% и больше, и мне возвещают, что Россия стоит во главе всех стран Европы... по высоте процента заболеваемости и смертности... Весело. Иду в беллетристические поля: № 1—«Золотуха», приисковый очерк: нищета, эксплоатация, грубость, разврат; ужасны хозяева, ужасны и рабочие... Эти нравы автор об'ясняет современной организацией золотого дела, которое создает привилегию капитала и всей своей тяжестью ложится на действительного золотопромышленника — старателя, организацией, которая обставляет промысел тысячью формальностей, превращает прииск в канцелярию и загораживает дорогу для самостоятельного производителя, ставит его в невозможное, неустойчивое положение, с вечной голодовкой и холодовкой. Дальше—статья о деревенских Мишаньках, в которых образ и подобие божие охраняются одним лишь ржаным колосом, и, оторванные от ржаного поля, от его велений, превращаются в бессмысленных злодеев. Дальше читаю: «Земец»—мошенник; «частный поверенный»—шантажист. Ну, скажите, пожалуйста, что такое читатель? Пень или колода, что ли... Куда ему, наконец, деться от всего этого? Положительно взвоешь... и что, если эта песня тянется давно... Вот уже более 13 лет я слышу эту песню; можно сказать, воспитывалась ею, начиная с 17 лет, и если мне кажется, что она становится все унылее и отчаяннее, и если, несмотря на 13 лет, на привычку, она щемит и ужасает, то что должно выйти из молодого поколения, которому теперь 17 лет и которое тоже бу-

дет воспитываться на этих же песнях, унылых более, чем когда-либо? Счастливый народ, которому не до книжки. Счастливы так называемые сливки общества, которым тоже не до книжек, но по другим причинам. Одному только среднему классу, который не может жить без книжки, приходится жутко, потому что со всех сторон на него навевают страх, но нигде ему не указывают выхода. Ищи, дескать, читатель, на свой риск и страх. А наше дело писать и страх напущать. И вот он ищет, а литераторы наблюдают, как он, по их выражению, стену лбом расшибает (цензурный пропуск в 3½ строки), и поэт, скрывающийся [под буквами] «А. Б-ий» поет: «Уйдем, уйдем туда, где тихо и тепло. Найдем укромный, тихий уголок и загородим нашу дверь. Не скоро стихнет злая вьюга: от двери рая еще не найдены ключи. А если вдруг дождемся света, откроют дверь в заветный рай, то первым нам добыча эта, мы в ней получим лучший пай. И раньше всех мы будем званы, захватим лучшие венцы». Дальше прочтите сами. Вот увенчание здания.

Нельзя сказать, чтобы радостно было.

Целую вас, милочки, и жду писем. Теперь я в ажитации буду, пока не сожму в руке послания Лидии и ее мужа. Скорей бы.

Вера.

37. Сестре Лидии и ее мужу.

15 февраля 1884 г.

Вчера получила ваши письма, дорогая Лидочка и Сергей Григорьевич; о благополучном прибытии их мне возвестила мамочка еще в субботу 11-го, на свидании, так что я три дня предвкушала это удовольствие. Я очень довольна, что Сергей Григ. написал мне, и отошлю ему свою реплику, но не потому, чтобы имела обыкновение, привычку отвечать на каждое письмо, а потому, что мне хочется сказать ему несколь-

ко слов. Хорошо, дорогая Лидочка, что ты тотчас же написала мне, и письмо дошло до Питера, повидимому, меньше, чем в 30 дней, и приписка, которую ты назвала глупостью или ерундой, была мне очень приятна, так как я принимаю за настоящую монету твое желание сохранить, так сказать, мои бренные остатки. Должно быть, письма потому и имеют смысл, что пробуждают с новой силой, оживляют чувство, которое, вследствие долгой разлуки и отсутствия общения, может задремать и потускнеть. Недавно я получила письмо и от Петра; одна лишь Евгения остается у меня в тумане: ее письмо ко мне не дошло, но, верно, она еще напишет на мое, недавно посланное ей. Петр меня разогорчил: он не думает переезжать в деревню. Печален не факт, а смысл его, потому что, мне кажется, он указывает на эгоизм. Вероятно, мамочка и Ольга тебе об этом напишут подробно, я же скажу, что мне что-то кажется тут не совсем искренним. Он задает вопрос, отчего мне не пришла мысль, чтобы мать переехала к нему, и об'ясняет все материальные преимущества этого, как-будто в этом суть и как-будто кто-нибудь может не понять разницу положения в том и другом случае: родственные связи, привычки, воспоминания, самостоятельность и существование интересов и забот, которые могут наполнить время и не дать человеку почувствовать себя праздным, а потому и лишним. Не верю, чтобы он не понимал такой вещи. Подобный вопрос мне кажется подозрительно наивным. Во-вторых, помимо соображений семейных, я думаю, что его жизнь и деятельность в нашем уезде были бы полезнее, чем его пребывание на Урале. Но он силится опровергнуть это, говоря о том, что горная промышленность после перехода от казны в руки частных предпринимателей получила необыкновенное развитие, и благосостояние края заметно увеличивается. «Свежо предание, но верится с трудом». Еще летом он просил мамашу нанять рабочих для их завода в наших местах, давая такую плату, что никто не поехал, несмотря на то, что

трехлетний неурожай в нашем уезде выгоняет массу крестьян, куда глаза глядят, на поиски заработка. Да и простая теория вероятностей не допускает возможности, чтобы он был прав: по его собственным словам, местное рабочее население не занимается хлебопашеством; значит, они не самостоятельные хозяева, хотя бы в условном, ограниченном смысле, и живут изо дня в день единственно продажей труда, т.-е. находятся в полной зависимости от своего предпринимателя. Какое тут может быть благосостояние, я не понимаю. Все эти указания мне не нравятся: лучше прямо сказал бы, как он указывает еще, что его занимает специальность, что он имеет в виду какие-то изобретения и хотел бы бросить свои занятия, лишь убедившись, что, как техник,—он посредственность. Этот личный мотив вполне понятен, и в нем-то, должно быть, и находится центр тяжести—интерес и увлечение специалиста. Остальное все аксессуары в роде того, что он может управлять своим имением из своего местопребывания, как мать из Питера (как-будто это управление), затем, что для ведения хозяйства надо употребить капитал, и т. п.; это не помешало ему обратиться одновременно с письмом ко мне, к мамочке, с просьбой дать ему 5 тысяч рублей для горнозаводского предприятия, которое должно дать большие барыши, по словам матери. Мамочка, с своей бесконечной добротой, конечно, оказывается согласной, рассуждая, что не имеет права не делать чего-либо, что может ему открыть дорогу. Конечно, это превосходно с ее стороны, и я не имею ничего против, раз он решается и желает жить и устраиваться так, а не иначе; только я не вижу тут ни малейшего вхождения в интересы других, а только одно—«своим путем» и во имя интересов совершенно узких; но мне кажется это неестественным с его стороны. Итак видишь, прогорело и без интриг захолустных, хотя, я думаю, их и не было бы, и пошел бы он так, как шел дядя, который несомненно один из лучших людей всего Казанского земства,

и репутация которого мне представляется более симпатичной, чем карьера, избранная Петром. Относительно другого пункта твоего письма я не могу согласиться с тобой, Лидинька: школа ссылки мне кажется неподходящей школой. Что такое ссыльный? Человек, оторванный от жизни, от какой бы то ни было среды, лишенный деятельности и почвы, имеющий только призрак свободы, только физическую свободу (да и то не вполне, лишенный возможности быть полезным или думать, воображать, что он полезен,—что для собственного удовлетворения вполне достаточно). Я не думаю, чтобы пребывание в такой среде было полезно или, по крайней мере, чтобы влияние ее не было односторонне: из отдаления все предметы кажутся меньше, а жизнь, ее условия, настроения и господствующие чувства—такая видоизменяющаяся вещь, что трудно уследить и усвоить их, стоя вдалеке. Я думаю, в этой отчужденности, оторванности заключается все несчастье ссыльных, и именно ее-то имеют в виду, как цель ссылки. Я не скажу, чтобы жизнь в другой обстановке, напр., заграничной, или в *России, кружковая,* была лишена недостатков, не страдала односторонностью и не подставляла бы своего стеклышка в глазу, но мне кажется, что та и другая ближе к жизни, и, если дело идет о крайностях, то они мне кажутся более естественными в этом последнем случае. Быть же гарантированным от ошибок нельзя ни в одном. Если ты говоришь, что могут быть ошибки, за которые приходится расплачиваться всю жизнь, то я думаю, таковы только ошибки нравственные, остальные же—поскольку они не зависят от органических свойств личности, сложившихся из наследственных, [или] уже выработанных жизнью черт,—дело случая, слепого и глупого, и ты, конечно, знаешь, какой образ жизни дает наиболее шансов избежать этих случаев. Быть может, я ошибаюсь, ведь я в ссылке не была, но мне кажется эта жизнь очень печальной, без интересов, без цели, и я думаю, что только надежда, в которой бессознательно выражается

инстинкт самосохранения, [требующий] жить во что бы то ни стало, вопреки всему,—что только надежда, что будет же этой форме жизни конец, что не до смерти останешься при тех же условиях,—дает возможность переносить ее. Неужели человек может при этом сохранить ясность, беспристрастность взгляда, силу увлечения и веры? Я встречала кое-кого из ссыльных и ожидала тогда встретить глубину взглядов, серьезную критику, указание на ошибки, услышать совет, новую оригинальную мысль, предложение. И ничего подобного не находила. Напротив, отсутствие плана, отсутствие чего-нибудь, как положительного, так и отрицательного. «Нам нужно осмотреться, приглядеться; мы жили изо дня в день»—вот что приходилось слышать. Избавиться от заблуждений можно двояким путем: практическим, путем опыта, через самую жизнь, или путем тщательного теоретического изучения, научного образования. Первый путь для ссыльных закрыт; думаю, что и второй им недоступен, потому что на него нужны средства, и только очень и очень ограниченное число единиц могут их иметь в достаточном количестве; масса же пробавляется кое-чем. Так что с этой стороны найдешь немного чем позаимствоваться. Я с удовольствием услышала бы, что хоть некоторые, стоящие в наиболее благоприятных условиях, при изучении имеют в виду практические цели, которые им придется осуществлять когда-либо, что они систематически разрабатывают свои взгляды, стараясь придать им цельность и чисто научную подкладку, а не удовлетворяют путем чтения свою сложившуюся в сильную привычку, потребность к умственному труду. А трудно, мне кажется, преследовать определенную задачу, не зная, когда, при каких условиях от теории перейдешь к практике. Все это заставляет меня предпочитать другие условия для разрешения сомнений и выработки взглядов, потому что в этих других условиях я вижу более практичности, жизненности и меньше неестественности.

Вот все, что я хотела тебе сказать по поводу твоего письма. Будет весьма печально, если ты должна будешь переехать в Урик, уж по одним воспоминаниям он скверен [1], и они не перестанут тебя беспокоить, и насчет существования Гриши [2]. Мамочка будет хлопотать, но, хотя удовлетворение просьбы кажется таким легким и просьба остаться в той же деревне такой скромной,—не знаю, можно ли думать об успехе. На твоем месте я, по крайней мере, не решилась бы ехать туда с сыном, не разузнав предварительно о дифтерите в Урике,—Сергей Григорьевич мог бы туда с'ездить, чтобы исследовать, что и как там, или ты сама, оставив сына с Катей [3]. Лучше на время ему остаться без тебя, чем рисковать им; если придется переезжать, обрати внимание на квартиру и на тщательную дезинфекцию ее; ваш доктор может дать тебе необходимые советы для этого. Не хочется и думать, что тебе может грозить такое горе, как возможность потерять и второго мальчика. Нет ли других каких-либо сел в том же расстоянии от Иркутска и куда ты могла бы просить тебя перевести вместо Урика?

Целую тебя, моя дорогая, а также лапки твоего буяна, которого я хотела бы увидать хоть на карточке. Какие у него глаза и волосы? По нраву он не похож на тебя, ты была маленькая такая тихая и кроткая смиренница, а сынок, кажется, мастер по части разрушения. Еще раз обнимаю и мать и сына.

А теперь обращаюсь к Сергею Григорьевичу, с которым я хочу познакомиться посредством бумаги, так как я надеюсь с ним переписываться.

Вы чудесно сделали, Сергей Григорьевич, что написали мне и сообщили мне о своем правиле отвечать; теперь до некоторой степени от меня зависит удовлетворение моего

---

[1] В Урике умер мальчик, первенец сестры.

[2] Гриша—второй сын сестры.

[3] Катя—прислуга у сестры.

желания познакомиться с вами, хотя вы и не об'яснили, в каких случаях вы не считаете нужным соблюдать ваше правило, но авось я не наткнусь в этом на подводные камни. Что касается меня, то я люблю отвечать, когда мне хочется, или когда это необходимо по делу, а то уж выйдет что-то церемонное или систематичное, что не по мне. Я написала о страхе только отчасти шутя, отчасти же серьезно. Тут дело идет не об обычной форме страха, я подразумеваю то чувство, которое мы испытываем, когда говорим: не знаю, как приступиться. По карточке и письмам вы представляетесь мне чем-то в роде доктора Фауста до его дьявольского превращения, а по рассказам лиц, которые с вами встречались, вы простой, добрый и любящий. Вот и не знаю, как приступиться, к первому или последнему. А ваше письмо ко мне вместо того, чтобы рассеять мой страх, увеличило его несказанно, потому что я увидела сосуд, который мне представляется столь хрупким, с таким выразительным «осторожно» над ним, что не знаю, цельный ли он или расколот и сложен так, что не видны отдельные куски, и стоит лишь дотронуться до него, чтобы он зазвенел и рассыпался. И все это делают ваши собственные слова, которым не знаешь, верить ли или не верить, т.-е. соответствуют ли они действительности, или составляют временные суб'ективные представления. И вот я хочу вам кое-что сказать, но боюсь, не расцарапаю ли я вас, и не будет ли это грубостью. Во всяком случае вы не должны считать ее намеренной. Видите ли, Сергей Григорьевич, вы находитесь в скверном настроении, выказываете страшный пессимизм и даете беспощадные отзывы о себе; говорите, что вам жить мучительно и тяжело. Конечно, все это не есть следствие болезненности вашей натуры, как вы намекаете, но в большой степени результат вашей предшествовавшей жизни, и если нас поражает и восхищает случай, когда, несмотря на все испытания, о которых человек со стороны всегда имеет слабые (сравнительно

с действительностью) представления, личность сохраняет цельность, мужество и веру, то нам вполне понятны и те случаи, когда человек надламывается, когда недоверие к будущему, к людям и к себе делают его мрачным и несчастным в самом человеческом смысле слова. Каждый, идущий по известной дороге, имеет, конечно, гораздо больше шансов на последнее, чем на первое; из моих слов вы можете заключить, что я не могу относиться легкомысленно или грубо к такому явлению; поэтому я решаюсь спросить вас: как вы относитесь сами к своему настроению, как вы его себе об'ясняете; замечаете ли вы, что оно усиливается, растет; ставили ли вы себе вопрос, куда оно вас заведет, и пробовали ли вы с ним бороться, искали ли где-нибудь и в чем-нибудь средства против него. Конечно, вы поверите, что я не хочу вам читать наставлений, если скажу то, что вы, по всей вероятности, сами знали, что психологи утверждают, что будто человеческая природа при нормальных условиях представляет странное явление, трудно об'яснимое и анализируемое, очень сложное, а именно, что человек любит, т.-е., что ему доставляет удовольствие останавливаться на своих страданиях, горестях, растравлять их, анализировать, «носиться с ними», как они выражаются; что сожаление к самому себе в различных замаскированных видах есть одно из неприятных чувств человека, имеющих особую жгучую прелесть. Если подобная история входит в нашу норму, то, я думаю, это чувство может значительно усилиться при благоприятных условиях, а такова жизнь с самим собою, среди условий, которые невольно придают нашим мыслям эгоцентрическое направление, напр., тюремное заключение, жизнь среди людей совершенно другого уровня развития, в иных случаях некоторые особенности личного характера, когда человек имеет мало влечения к обществу, к людям и переживает все один.

Сказать по правде, я считаю, что моя жизнь была счастливой (с моей точки зрения), и больше я и не требую. Я

нахожу, что относительно целой массы лиц я была в особо привилегированном положении, лиц, которые были гораздо достойнее меня, и тем не менее, очутившись здесь, в 4-х стенах, вспоминая последние годы своей жизни, я вдруг совершенно искренно вижу себя в драматической позе, хотя потом и сознаю, что такое чувство неуместно, ложно, узко и все, что угодно; знать, уж человек так любит себя, что всегда несправедлив к себе, пристрастен. Я говорю это к тому, что считаю это чувство, которое не чуждо мне, эгоистичным, несправедливым, что оно дозволительно лишь тем, у кого нечем помянуть прошлое, у кого нет ничего ни в будущем, ни в настоящем, и что это чувство исчезает тем скорее, чем более мы смотрим на других, останавливаемся на их положении, взвешиваем их потери, их несчастья.

Вот и по отношению к вам, я думаю, что ваши чувства

. . . . . .

(далее текст этого письма утрачен. *В. Ф.* 9 ноября 1913 г.).

38. Сестре Ольге.

1 марта 1884 года.

Ты, верно, удивишься, что я пишу на курсы. Рассказывают, что один ученый или турист спустился в кратер вулкана; когда его извлекли оттуда, то он не мог более из'ясняться с своими проводниками: он забыл тот иностранный язык, которым владел дотоле. Конечно, я в кратер не спускалась, даже не забыла никакого языка... но забыла ваш адрес и, во избежание проволочек, которые могут происходить от хождения почталиона на курсы, а потом на квартиру, прошу тебя повторить мне его. Я, собственно, не писала бы сегодня, если бы не имела в виду попросить вас, чтобы вы перенесли свиданья опять на субботу, как было прежде; следовательно, подали бы прошение о свидании на 1-е, разумеется, если письмо это придет к вам во-время. Что это ты,

Ольга, на свиданьях все молчишь? Правда, милая мамочка монополизирует по праву материнства главную нить разговоров со мной, а тебе выпадает более или менее благодарная роль благородного свидетеля. Я уж несколько раз подумала, что ты приходишь не поговорить, а посмотреть на меня. В позапрошлый раз ты заглядывала на меня, как на зверька за решеткой зоологического сада, а в последний— напоминала одну знаменитую древнюю картину, предмет которой слишком возвышен, чтобы упоминать о нем здесь. Тебе не нравится моя физиономия. Мне и самой тошно стало, когда я увидела себя в зеркале 14 января.

В этот день мне сказали, что следствие заканчивается, что оно не затянется, вероятно, долее, как на месяц,—и у меня как гора с плеч свалилась. Я вам не писала, как я была рада этому известию: оно значило, что всем моим волнениям, тревогам, опасениям положен предел, что им поставлена точка. Конец. Что остается лишь голый факт, неизбежный, несокрушимый, как мечта, уже совершившаяся, и что все нити, которые меня связывают с жизнью и живыми людьми, уже порваны; что болезненный процесс этого порывания—уже в прошлом. Вы, конечно, не можете себе представить этого чувства, для этого надо быть самому под следствием; впрочем, недостаточно и этого: психика людей так различна, что каждая личность чувствует себя по-разному, на свой собственный образец. Мне часто приходилось думать, как чувствует себя уголовный преступник. Его положение более определенное, он независим, он, большей частью, сам по себе. Он не связан тою, поистине, страшной солидарностью, которая заставляет чувствовать каждый удар, нанесенный другим, так, как-будто рубят по тебе самому. До сих пор я еще ни разу не думала серьезно о будущем; верно, нельзя зараз прочувствовать два положения; для меня это еще только формула краткая, сжатая, почти без всякого содержания; я с осужденными не встречалась; в литературе

встречала только намеки, а не анализ. Как это так: без цели. Без смысла. С надеждой, которая вернее всего есть замаскированное выражение животного инстинкта к самосохранению. Это для меня вещь непонятная. Должно быть, всему свое время, и в настоящее время я способна лишь чувствовать, что я (т.-е. суб'ект, способный чувствовать не только за себя, но и за других) нахожусь под следствием, и больше ничего, ничего. Соответственно этому имею и надлежащую физиономию. Не даром говорят, что лицо есть зеркало души. Вот ты увидишь, как следствие закончится, я переменюсь, потому что вместо неопределенного положения будет стоять точка. Уж после этого я не знаю, что может показаться страшным, душа у меня будет, выражаясь вульгарно, как выжженная. Впрочем, это темы неисчерпаемые, лучше их бросить и не поминать более.

А на физиономию надо, с одной стороны, не обращать внимания, а с другой—воздействовать (если можно).

Фигнер.

39. Матери и сестре Ольге.

28 марта 1884 года.

Милые мои. Собралась, наконец, писать вам. А то все не хотелось, даже и думать о вас не могла одно время, и точно в два позапрошлые раза и не видала вас: едва оттаяла ко вчерашнему дню, забив свои мысли английскими гвоздями. Чтобы умертвить нервы, одно средство—книги, без отдыха и срока, с утра до вечера, когда, наконец, почувствуешь себя так, будто я не я, и голова моя—не моя, а затем сон, во время которого повторяешь бессознательно то, чем набивал голову днем, и губы шепчут: the mother, to be, и т. д. Так что с некоторого времени выходит, что учишься и днем и ночью, потому что бессознательная работа мозга имеет не-

малое значение, как видно из примера одной кухарки, которая при каком-то нервном потрясении вдруг начала, к общему удивлению, приводить латинские цитаты из древних классиков: оказалось, что ее мозг бессознательно запоминал то, что она случайно слышала при чтении вслух своего господина, ученого латиниста. А я столько раз заставала себя в бормотании изучаемого или читанного, что могу вполне сказать, что имею ночные репетиции. Таким способом, хотя черное всегда будет черным и хотя есть вещи, с которыми нельзя помириться, не должно мириться, но можно сократить свою внутреннюю жизнь, оставив в ней мысли, представления, но не давая им развиться, разрастись в чувства, эмоции (потому что мысль-то уж никак вытравить нельзя). Вы все равно так добры ко мне, что я никогда не забуду этого, и не перестаю думать, во сколько раз в лучших условиях нахожусь я лично в сравнении с другими. Иногда мне кажется это даже несправедливым, и что я захватывала и захватываю чужую долю, чувствую себя и прежде, на свободе, и теперь не завидующей другим в чем бы то ни было, а, напротив, в положении человека, которому можно завидовать. Если б мое преимущество, «мое счастье» не заключалось в чем-то неуловимом, что трудно отнять, чего мудрено лишиться, то, право, я, кажется, поддалась бы суеверному страху, что должна кончить чем-нибудь страшным, чтобы удовлетворить завистливому Року. А вы его положительно поддразниваете, при первом же свидании с моими компанейцами буду спрашивать: ублажали ли их их родственники, пригревали ли так, как вы меня. Думаю, что все не так. Быть может, это у меня особого рода мания; в таком случае можно сказать, что она безопасная, даже выгодная для других, потому что в высшей степени смягчает нравы тех, кем овладевает,—а для самого себя, можно сказать, преблагодетельная мания, гораздо более приятная, чем мания величия, составляющая предмет наблюдения психиатров. Могу сказать, что здесь, в

тюрьме, вы сильно способствуете тому, чтобы эта счастливая мания не ослабевала, а первый поцелуй, которого я жду—не дождусь, будет за это самый крепкий и сердечный. Предшествующие три недели до 20-го я занималась главным образом английским языком, а с 20-го читаю Соловьева (теперь кончаю 16-й том о Петре Великом); прочла английскую хрестоматию, а сегодня мне преподнесли к моему великому удовольствию, вместо ожидаемого мной томика романов «Collection of british authors», что бы вы думали?—Маколея. После письма я приступлю к нему с трепетом, будто иду на таинственное свидание,—надеюсь, буду понимать. Я как-раз хотела иметь возможность прочитать Маколея всего; прочесть же в подлиннике это, можно сказать, роскошь из роскошей; здесь три тома, быть может, есть и еще, да еще не переплетены; после пасхи приступят к этому священнодействию, долженствующему оросить наши умственные Сахары; а если не найдутся, то можно будет прикупить. Вот раздолье в тюрьме насчет чтения. Если бы я была членом министерства народного просвещения, то подала бы непременно проект о введении в курс высшего образования год тюремного заключения, чтобы отсиживал каждый молодой человек и каждая девица: очень полезно и в воспитательном, и в образовательном отношении. Удивительно хорошо было бы для самоусовершенствования. Вы, пожалуй, подумаете, что я шучу; уверяю: говорю серьезно,—имеет значение, очень даже большое; думаю, что из тюрьмы должны выходить лучше: и добрее, и более сведущими. Не кажется ли это вам абсурдом? Не знаю, как смотрят другие, которые испытали. Мне что-то не приходилось говорить на эту тему. Целую вас, мои дорогие, милая мамочка и застенчивый оратор, письма которого доказывают справедливость пословицы, что «не по-хорошу мил, а по-милу хорош», чего оратор не замечает.

Ваша *Вера, «счастливый маниак»*.

40. Матери и сестре Ольге.

9 апреля 1884 года.

Каждый раз уходишь со свиданья неудовлетворенной, дорогие мои, так что только и желаешь потом еще и еще говорить с вами; представляешь из себя настоящее взбаламученное море; с этой стороны свиданья и тяжелы, что ничего не дают обеим сторонам; право, не знаю, не лучше ли ничего, чем эта ложка меду в кадку дегтя. Впрочем, придется скоро отведать и одного последнего и практически узнать, что слаще—решение будет уже безапелляционное. А пока скажу только, что по субботам никакие цифры не идут в голову, и никакие сметы и раскладки не укладываются в памяти, несмотря на все красноречие князя Васильчикова. Мне так о многом надо было бы переговорить с вами по душе, после продолжительной разлуки, и не при таких условиях должно бы нам встретиться, хотя и тогда, пожалуй, пришлось бы умолчать о вещах, к которым вы относились скептически или отрицательно.

Конечно, вы горько усмехнетесь, когда я скажу вам, что бывали даже, правда, редкие, минуты такой маниловщины, когда представлялась не абсурдной и не дикой фразой—мысль, что еще при вашей жизни все мы сестры с'едемся в один прекрасный день в родное Никифорово, на старое пепелище, покинутое давным-давно... Право, смехотворно даже, что в действительности это может показаться столь же утонченно-идиллично, как десять лет тому назад сотням лиц казалось возможным и неизбежным воплощение в самом ближайшем будущем самых идеалистических форм общежития. Tempora mutantur!

Заговорив о Никифорове, не могу не спросить вас о нем: вырос ли наш сад? Или в нем попрежнему ничего нет, кроме старых ветел и акаций? Не заглох ли пруд? И принялся ли новый сад? Дом, вероятно, уже похож на ту беседку, куда

нам было запрещено взбираться под страхом быть погребенными под ее развалинами. По крайней мере, когда я была там в 76-м году, когда вас там не было никого, то все выглядело до такой степени уныло, пусто и ветхо, что тяжело становилось на сердце. Правда, там не было главного—жизни и милых лиц, которые все наполнили бы светом и теплотой. Совсем не таким казалось Никифорово, когда мы уезжали из него в Цюрих весной, счастливые и возбужденные: мне кажется, Лидочка тогда гостила у нас в деревне, и мы выезжали втроем оттуда, побывав на кладбище у отца. Вы говорите о любви ко мне Лидии—мне кажется, она от меня отвыкла, как и я от нее; поэтому Женичка мне ближе, мы лучше друг друга знаем, дольше жили вместе, и мне думается, что во взглядах мы сходились больше, быть может, потому, что Лидия рано была оторвана от общей жизни, и мы с ней могли бы оказаться в разных лагерях, так как она высказывала весьма умеренные взгляды после суда, с чем я никогда бы не помирилась. Кроме того, мне представляется ее муж человеком разбитым и не верящим в будущее; вероятно, он нагнал еще больше меланхолии на нее; к сожалению, нельзя ее спросить об этом; надо ждать, когда увидимся. Если будете писать Женичке, спросите, получила ли она топазовые запонки, посланные мною с одной представившейся оказией в прошлом году; мне это потому интересно, что они мне подарены моим лучшим другом, рисовавшим ее портрет пером, и было бы жаль, если бы они были не доставлены ей по небрежности; и пусть непременно пишет мне через жандармское управление на нашу фамилию; я ей буду писать в ответ, а то не знаю, с чего и начинать. Я, милочка, не успела сделать вам несколько поручений: денег мне до мая не надобно, а принесите мне частый гребешок, маленькую зубную щеточку, только не очень жесткую, и еще мне нужна какая-нибудь юбка, потому что во фланелевой теперь жарко. Еще хорошо бы иметь для лета более легкое платье, чем чер-

ное, к которому пристает пыль и пух. Надо заметить, что здесь все что-то душно, точно воздуха нехватает; поэтому я и прошу о платье. Только успеете ли вы смастерить что-нибудь, если так скоро думаете уехать? На всякий случай изложу свои желанья: во-первых, платье должно быть и просто, и мило; не марко, но красиво и сшито в роде блузы, но так, чтобы было похоже и на платье, словом,—было бы прилично,—как видите, вещь мудреная, задача трудная; боюсь, что затрудню вас. Относительно черного,—уж надо будет попросить Ольгу после экзаменов, когда-нибудь в субботу, взять, заранее сговорившись с портнихой, чтоб к понедельнику было готово. Я думала, вы сейчас же догадаетесь, чем я недовольна: юбка сшита отвратительно, сидит не симметрично, так что не знаешь, куда ее двигать; в довершение всего не пожалели чересчур материи на оборку, стало быть, собственно говоря, всю ее следует переделать.

Напрасно вы, мамочка, беспокоитесь о Лидии, если уж о ее младенце вам было телеграфировано, то о ней самой, конечно, муж ее дал бы вам немедленно знать, если бы ее здоровье было в какой-нибудь опасности после родов; вы никоим образом не можете угомониться и не создавать себе каких-нибудь новых тревог и мучений. Прощайте, мои дорогие, пишите мне елико возможно чаще—когда-то мы увидимся! Обнимаю вас крепко; верно, не дадут поцеловать вас перед от'ездом. Жаль, если у вас, мамочка, память плоха: вы, пожалуй, не исполните моего существенного желания, высказанного в отсутствии Ольги в конце свиданья в позапрошлый раз; я не хотела бы каждый раз повторять его. Еще раз целую вас и всех братьев и сестер, теток и т. д. Когда от Лидии получите письмо, то пришлите мне—его без сомнения передадут. Передайте ей мои излияния.

Вера.

41. Матери и сестре Ольге.

23 апреля 1884 года.

Едва ли это письмо дойдет до вас, дорогая мамочка и Ольга, до нашего свиданья, но все же пишу на случай, чтобы вы не беспокоились, что за эти две недели не получали от меня известий. Пишу на новосельи—не удивляйтесь, не подумайте, что далеко ваша дочка от'ехала: перешла только в другую камеру, которая чище и светлее. Во все ее прелести я еще не проникла, потому что погода теперь, сами знаете, какая: хмурая, а, говорят, в ней солнце играет больше трех часов. Когда лежу, то в окно вижу открытое небо, не застилаемое стеной, как было, а, стоя, я взираю на какую-то башню, которую я прозвала башней Сумбеки, в честь нашей казанской, предание о которой вы нам рассказывали. Я пишу вам так подробно потому, что солнца здесь благо еще большее, чем на свободе; а, кроме того, для меня перемена чувствительна и потому, что в прежней камере я уже прожила ведь 14 месяцев, привыкла к ней и думала даже, что на новом месте буду скучать по знакомым стенам. Письмо ваше от 11-го вместе с Лидочкиным получила, но от Ольги еще нет. Потешно описывает Сергей Григорьевич своего Гришу, и, благодаря его дневнику, мальчишка мне очень живо представляется. Увлекаюсь даже идиллическими картинками, когда вы присоединитесь к этой чете. Отличное предприятие. Лишь бы уж исполнилось. Смущаюсь только тем, чтоб у вас не скребло на сердце по Ольге в разлуке, а о том, чтоб я каким-нибудь образом помешала—я и слышать не хочу. Вот и теперь мне обидно, что, вследствие неопределенности в положении моего дела, вы тоже обретаетесь в неизвестности и не можете перебраться раньше в деревню, как это было в прошлом году. Вместо вас я как-будто переехала на дачу, ибо говорят, что из моего окна будет видна зелень—куст бузи-

ны, который ныне я еще не усматриваю; видите, какие блага изливают на меня небеса: солнце и бузина в перспективе, а в настоящем: вино, апельсины, Маколея II т. и 28-й Соловьева. Попрежнему всеусердно погружаюсь в чтение и не делаю никаких философских и нефилософских размышлений. Придумываю себе только какую-нибудь задачу на будущее, чем займусь летом. Не знаю, какие непереплетенные книги есть в библиотеке; быть может, сокровища или совсем неважные. К лету-то, надеюсь, будет переплетено некоторое количество, а пока просила купить мне кое-какие. На случай повторю, что я просила узнать о сочинении Галлама «The constitutionel history of England», а также уж кстати на английском из скольких томов состоит История Англии Маколея; издание, которое находится здесь,—49-го г., лейпцигское; я уже писала, что переплетенных здесь три тома, а общее заглавие «Collection of british authors». Мне это надо бы узнать вперед—для будущего. Не знаю, что бы мне купить хорошее на итальянском языке, так чтобы сохранить стоило, по истории, например. Что-то плохо для меня старается основательная особа. О Иеринге ни гу-гу, насчет шведского, о чем писала в прошлый раз, тоже на нее надеялась; если не получу удовлетворения, т.-е. совета насчет итальянского, то прямо уж рассержусь, что не хочет похлопотать для меня, а я постаралась бы удружить, если бы была на ее месте. Итак, да устрашится гнева моего. Купили ли для Ольги Некрасова? Хороший эпиграф у меня есть для надписи на ее экземпляре; пусть сама напишет за невозможностью для меня, а какой, скажу при свиданьи. Для Лидии тоже у меня есть примеченные строки, только надо еще справиться, потому что заметила только (наизусть не помню), еще когда читала здесь 3-й том Некрасова, и непременно хочу, чтобы они написаны были у нее на книге. Ну, до свиданья, мои милые. Крепко вас целую и всех присных. Ваша *Вера.*

Я и забыла осведомиться, как идут экзамены у тебя, Ольга. Ты отписывай об этом и без запросов, потому что отсутствие их не значит, чтобы я не интересовалась этим.

42. Матери и сестре Ольге.

26 апреля 1884 года.

Не знаю и не помню, отчего это вы до сих пор не получили моего письма, написанного в прошлый вторник, неужели оно оказалось нецензурным? Твои—доходят ко мне в исправности, т.-е. без всяких помарок; думаю, впрочем, что, вернее всего, оно где-нибудь залежалось и еще придет к вам. Я ошиблась, сказав вам, что я не получила еще вашего послания; не перепутала ли я—в последний раз мне было вручено то, к которому вы присоединяете письмо Лиды [1], но, кажется, оно-то и было от 16-го апреля; вероятнее всего, что во время пасхальной недели для нашей почты наступает своего рода распутица, замедляющая доставку корреспонденции. Пожалуйста, напишите обстоятельно, куда вам писать в деревню, чтобы письма доходили если возможно скорее до вас, чтобы вам не беспокоиться обо мне. На всякий случай обещаю с своей стороны прислать телеграмму, если-б заболела, для того чтобы вы не относили, по крайней мере, к этой причине моего молчания. Затем прошу оставаться в деревне до тех пор, пока будет хорошая погода, и ни под каким видом ради меня не выезжать раньше обыкновенного; поймите, я опасаюсь за ваше здоровье и не могу перенести мысль, чтоб вы приносили его в жертву моему удовольствию; мое эгоистическое чувство будет гораздо более удовлетворено, если вы будете лучше выглядеть и проживете как можно долее на радость всем нам. Я в своем эгоизме дохожу даже до желания, чтоб вы

[1] Вероятно, кузины Куприяновой.

меня пережили, а не я вас, и если вы меня только любите, то должны желать того же. Впрочем, до этого еще довольно далеко и не буду расстраивать вас заранее мрачными перспективами. Представьте себе, я-таки забыла один из намеченных мною пунктов, но не хочу писать вам о нем; вы, конечно, хорошо знаете, что иное легче написать, чем сказать, но иногда наоборот; да это не особенно важно, и касается выражения моего лица, выражения, которое, я боюсь, вы об'ясняете не так, как следует; для него есть громадная причина, явившаяся не сегодня, и не вчера, и не несколько месяцев тому назад, и если-б я вам ее могла раз'яснить, то, разумеется, вы нашли бы ее вполне основательной и уважительной. Кроме того, вы так давно меня не видали, что сравниваете меня с весьма отдаленным прошлым, и все хотели бы, чтоб я улыбалась и смешила других; но, кажется, даже Александр не подумал сочинять стихов на мою веселость, воспетую им некогда при жизни в Самарской губернии, если-б прожил лишние два года. Воображаю, с какой жадностью встретят вас наши спокойные провинциалы. Конечно, будет сеанс и у тетеньки-музыкантши [1]; скажите ей, что при грустных обстоятельствах некоторые воспоминания душат меня смехом, например, когда я заказываю себе сухарей, то невольно спрашиваю себя, не она ли внушила мне уважение к черненькому хлебцу, и ее достопамятное изречение звенит в ушах. Разумеется, она не рассердится, что доставляет мне маленькое развлечение среди обстановки, ничуть не напоминающей детскую идиллию. Нападает же иногда такой смешливый час, что в голову лезут только анекдоты, и припоминаются разные факты и смехотворные происшествия. Во всяком случае, отбросив смехотворное, передайте всем приветствие. Когда-то они для меня были лучшими людьми и помогли моему развитию,

---

[1] Родственница—Елиз. Васильевна Бажанова.

поддержали мои первые начинания и первоначальные стремления, а потом, когда ученица смело отправилась все дальше и дальше, они, хотя и отступились от нее, но тем не менее они своим осмеянием мишуры и светского лоска, своими книгами, советами, а потом сочувствием, с первых же моих шагов создали вокруг меня атмосферу, не похожую на провинциальную тину. За это я им буду всегда признательна, несмотря на то, что они так давно кричат: «назад», а по отношению к собственным детям являются страшнейшими деспотами. Конечно, если дети будут энергичны, то начнут бороться и возьмут свое, а если покорятся, то не жаль, что их и стесняли. Милый Юрочка[1] остался верно таким же плутом, если говорит, что всегда любил меня, так как немыслимо, чтоб он мог помнить меня. Я-то прекрасно помню этого бешеного сорванца, перед которым была бессильна слишком добродушная матушка, вероятно, с тех пор не укрепившаяся духом. Не могу забыть, как тетя Лиза[2] советовала, чтобы мы раз'езжали летом по помещикам. Воображаю, как эти помещики попятились бы при нашем появлении в теперешние времена. Прекомично, право.

Что вам рассказать о моей жизни? К прогулке уж не отношусь, как к лекарству, микстуре; вошло уже в привычку, в потребность подышать открытым воздухом, хотя бы и короткий промежуток времени: душно делается, если иной раз не придется выйти. Впрочем, вот уж месяц, как у меня и день и ночь открыта форточка, почему воздух в камере чистый, а то прежде противно было войти с прогулки, теперь не замечаешь разницы. Читаю попрежнему усердно. Стасюлевича кончила, вчера прочла Шпильгагена «Про что пела ласточка», очень недурные есть места, что-то есть нежное в этом романе: но конец неестественный. Непременно прочту как-нибудь «Загадочные натуры». Я так давно их

[1] Сын тети Лизы Головня

[2] Головня.

читала, что совершенно не помню типов. Как-то по ошибке принесли мне Тиндаля «О ледниках»; пришлось прочитать и вспомнить все швейцарские экскурсии на Риги-Кульм, Пилатус, на ледники Аары и Роны и воскресить всю поэзию и очаровательную прелесть гор, озер и небес Швейцарии. Вероятно, это последнее письмо перед вашим отправлением в доморощенную Швейцарию. Так позвольте же пожелать счастливого пути, счастливого пребывания и веселого возвращения сюда. Крепко обнимаю вас и целую, дорогие мои. Напишите, какие книги вы привезли, потому что я ничего не запомнила, кроме наставления, что шляпу надо носить книзу, а не кверху; но я бы этого не потерпела и без того. Посылаю поцелуй всем, кому следует. Не ленитесь писать мне обо всем замечательном и незамечательном, что делается под луной и в частности у вашего домашнего очага. Как бы только не вышло, что, надеясь одна на другую, вы не стали писать мне реже.

Вера Фигнер.

43. Сестре Ольге.

4 мая 1884 года.

Не знаю, право, почему это ваши письма не доходят до меня. Последнее от мамаши было от 11 апреля, и с тех пор нет и нет. Что же будет, если вы уедете в деревню? Верно, беспрерывно будем находиться во взаимных беспокойствах. Впрочем, это столь богатая тема, что как бы весь лист не заняли мои сетования. Мерси за исполнение просьб. Все очень хорошо; и трудолюбивые руки спешили с вышивкой. Я так и знала, что мамочка уж не упустит прибавить изящного; но только, кажется, Ольга потратила время и, пожалуй, не с полным блеском сдала экзамен по своей геологии. Я давно собиралась, Ольга, ответить тебе по поводу того, что ты писала о Джордже. Я думаю, тебе было бы полезно прочесть статью Южакова о сочинении того же автора (в

«Отеч. Записках» за предыдущий год). Из этой статьи ясно видна односторонность взглядов Джорджа, провозглашающего, что источник всех бедствий человечества—монополизация земельной собственности, и на основании отдельных случаев параллельного возвышения и понижения задельной платы и процента на капитал выводящего, как общий закон, солидарность интересов рабочего и капиталиста. Собственно, взгляды самого Джорджа не представляют интереса, но интересны поправки Южакова и изложение им некоторых политико-экономических законов, касающихся обрабатывающей промышленности, влияния роста населения, возвышения ренты и увеличения производительности труда на заработную плату. Именно 2 часть статьи важна, где в гипотетических цифрах рассматривается влияние каждого фактора, взятого в отдельности.

Посмеялась я—«куда конь с копытом, туда и рак с клешней»: из Америки Джордж едет в Англию для агитации по поводу земли, а мы тоже не отстаем: г. Лобачевский на страницах «Отеч. Записок» пищит о том же, взывает и глаголет, чтобы правительство конфисковало естественную ренту в свою пользу. Напиши, пожалуйста, действуют ли его увещания. А, впрочем, не подумай, чтобы статья Лобачевского «О мелком поземельном кредите» не заслуживала внимания; напротив, я готова почти просить тебя прочесть все три или четыре статьи об этом предмете. Они, по моему, имеют наибольший вес вместе с статьями Южакова, Абрамова, В. В. в журнале за целый год. Миленочек, быть может, я тебе даю запоздалые советы; но, если ты еще не читала, то летом на лоне природы пробеги, если ты зимою за занятиями не имела времени, маленькую заметку Абрамова «Мещане и город». Ты мне писала о босой команде и некоторых других статьях, но о тех, которые мне кажутся наиболее нужными, не говорила ни слова; оттого я тебе и указываю на них, не зная, читаны они тобой или нет. В этой статейке указывает-

ся не больше—не меньше, как на разрушение городской земельной общины под влиянием законодательства,—факт, насколько мне известно, не затронутый до Абрамова нигде и никем. Мне понравились также статьи Южакова о внутреннем разложении крестьянской поземельной общины: и не помню, его ли или Абрамова статья о некоторых поземельных формах собственности у крестьян, не подходящей ни под тип общины, ни под форму частной собственности. Это так называемые четвертные собственники Рязанской, Тамбовской губерний, релиеты Бессарабской губ. и др. Когда читаешь все эти статьи одну за другой—Лобачевского, В. В., Абрамова, Южакова—на тему одну и ту же по существу, то несколько неприятно поражает несогласование их в некоторых частях, что происходит оттого, что авторы рассеяны по разным местам и не об'единены редакцией; становится жаль, что работай они по сообща выработанному плану и программе и подчиняясь не внешним только образом редакции, как хозяину, не было бы ни повторений, лишних для читателя журнала, ни разногласий, ни упущений, ни односторонности. То же думала я, читая Валентинова: «Теория Родбертуса»—Ягетцова и Южакова о Джордже, где и тому, и другому приходится говорить о законах ренты. Больше тебе обещаю уже не надоедать «Отеч. Записками», только на прощанье, так как мое письмо последнее потерялось, должна повторить, чтоб ты мамочке вслух прочла: «Страна полуночного солнца и грамотных поселян». Что за благословенная страна—Швеция и Норвегия. Вам обеим понравится, я уверена. Прощайте, мои дорогие; пишите, несмотря на то, что письма не доходят: быть может, я зараз получу целую кучу. Будьте столь любезны, выпишите мне заглавие всех немецких сочинений фон-Маурера и цену их, ибо, что мне втемяшится в голову,—трудно выбить: вынь да положь Маурера; сплю и вижу его, а также насчет Маколея; если каждая часть его в подлиннике стоит 85 коп., то надо знать,

не сто ли таковых частей. Быть может, по-английски дешевле, чем 50 р. Соч. Маурера и Риккера есть ли налицо? И Маколей есть ли налицо?

Вера.

44. Матери.

17 мая 1884 года.

Дорогая мамочка. Вчера получила ваше письмо от 9 мая; между ним и тем, что вы писали 11 апреля, не было ни единого ни от вас, ни от Ольги, а что вы говорите, что я редко пишу вам, то тоже лишь кажущееся, потому что вы не получили моего письма ни от 1 апреля, ни от 2 мая. Верно, теперь переписка войдет в норму, судя по последнему получению и обычной подписи о просмотре. Грустно, что вы больны. Значит, уж вам скверно, когда вы не могли притти на свидание. А Ольга все хитрит со мной; говорит мне, что с вами и раньше случалась такая слабость и что вы, верно, скоро встанете; из вашего же письма видно, что вы хвораете уж несколько дней, и писать вам принялась потому, что боюсь, что или в субботу вам не дадут свиданья, или вы не будете в состоянии им воспользоваться. Что вы, милая моя, не написали, дал ли вам доктор что-нибудь, и что именно. Уж вы не откладывайте вашего от'езда и отправляйтесь 26-го или 27-го; в деревне вам будет лучше. Вот как-раз теперь надо бы быть здоровой, потому что хлопотно перед от'ездом, да и путешествие само по себе для вас утомительно. Я посмеялась над вашим письмом, что вы на сей раз не пожалели о своих глазах—много написали. Теперь я уразумела, откуда получила свое начало ваша религиозность: сначала четьи-менеи, а потом обстоятельства, побуждавшие искать опоры и утешения вне сферы обыденной жизни. Я вот все собиралась прочесть библию, меня, собственно, заинтересовал отзыв о ней Гейне; он говорит о евреях, что они, потеряв отечество, политическое единство и историческую

роль, не потеряли одного — «великой» книги библии; что, сохранив ее, они сохранили свою национальность; что она была им везде и во всех обстоятельствах утешением; на ней они воспитывались, ею поддерживалась у них вера в лучшее будущее, и сохранена кровная связь между собою; что только она дала им силы пережить все, что выпадало на их долю в течение столетий, полных гонения и унижения: она заменила им отечество. Если так, то стыдно не знать этой книги, и интересно по собственному впечатлению проверить, вероятно ли, чтобы книга эта могла иметь столь глубокое и великое значение для целого народа. Только я откидываю это предприятие на черный день, когда, быть может, обстоятельства сложатся так, что будешь лишен всяких книг, всякой другой умственной жизни: уж пусть тогда она будет иметь прелесть новизны, если не восчувствуешь других ее сторон. Что касается того, почему я думаю изучить шведский язык, то об этом я вам подробно писала 1 апреля; так досадно, когда письма не доходят—ведь это единственный способ обменяться мыслью; на свиданьях больше о вопросах семейных, хозяйственных говоришь: пока сделаешь заказ о какой-нибудь нужде, время уже протекло; а повторять не с руки, потому что, быть может, письмо не пропущено по содержанию, хотя мои письма, кажется, совершенно однообразны, и не говорить о том, что я читаю и что мне нравится из прочитанного, я никак не могу. Теперь 3 тома Маколея я уже прочла давно; мне он очень понравился, хотя я была на-стороже. Шлоссер относится к нему не очень-то любезно и везде язвит названием доктринера. Эти три тома выбраны с толком теми, кто их внес в библиотеку, потому что составляют нечто цельное: краткое изложение царствования Карла I и революции; затем реставрация Стюартов: подробное изложение царствования Карла II и Иакова II заканчивается второй революцией, низложением Иакова и восшествием на престол его дочери Марии и ее мужа Виль-

гельма III Оранского. Я знаю, вы, мамочка, читали, и вам тоже нравилось, и вы вероятно помните, как интересны все перипетии борьбы Якова с духовенством, процесс епископов, насилие над судьями, конгрегациями и городскими общинами. Я даже думаю прочесть еще раз, верно, уж по собственному экземпляру, так как на обертке английского романа я прочла, что всех томов истории Англии Маколея только 10; значит, можно будет приобрести. Не знаю, почему это русское издание так дорого, если в него входят еще пять томов «Critical and Historical Essays», его же, то все же цена на русском языке невероятная. Я вам говорила, что я прочла в 10-й или 11-й книжке «Отеч. Записок» об'явления книжного магазина Мамонтова в Москве (Рождественская, дом Суздальского подворья) о распродаже книг по очень дешевым ценам. Так как вы остановитесь в Москве, то Ольга, может быть, купит мне что я пометила, а именно: Шлоссера «История XVIII века», изд. 1868—72 г. (8 р.); Мотлей «История революции в Нидерландах» в 3-х томах (4 р.), Верморель «Деятели 48-го года» (1 р.). В об'явлении сказано, что пересылка на счет магазина, и что при выписке более, чем на пять рублей, они делают еще уступку на 10% с означенных цен. Эти книги мною читаны, но мне, кажется, стоит их купить в собственность, а пока, летом, вы могли бы ими воспользоваться; кстати, в деревне может быть недостаток в книжном материале. Целую вас наикрепчайше и Ольгу также. Пишу на курсы, потому что не уверена: дом, в котором вы живете, № 55 или другой.

Ваша *В. Фигнер.*

45. Матери.

28 мая 1884 года.

Милая мамочка. Я вас не расспросила, долго ли вы пробудете в Казани; но, наверное, дней 7 пройдет в посещении всех родичей, так что я не промахнусь, рассчитывая напи-

сать это письмо на имя дяди. Я буду вам писать приблизительно через каждые 10 дней; так вы и ожидайте, и, чур, не беспокоиться, не ожидать большего. Вы выглядели скверно при последнем свидании, похудели за тот месяц, как я вас не видала, и своим расстроенным видом возмутили несколько мое равновесие, а то я, что называется, думушки не думала. Теперь я воображаю вашу Одиссею: что в воскресенье вы не выехали, потому что не успели уложиться; в Москве не добились толку по поводу поручения Лидиньки (а я забыла вам сказать, что, вместо или кроме матери Варвары Ивановны [1], вы могли бы навести справку в адресном столе в Москве о ее замужней сестре Наталье Ивановне Талановой, потому что мать-то меньше хлопотала о приятельнице Лидии, чем сестра); в Нижнем не застали своего багажа и не с'ехались со своей знакомой; словом, воображаю, что вы кипятитесь... Посмотрим, исполнятся ли мои предсказания. Зато Ольга должна быть в хорошем настроении, два года не видавшись с своими подростками, и от сознания, что, можно сказать, окончила свое «высшее образование», прошла все школы, и теперь ей уже остается работа, которая не должна иметь конца, развитие собственными усилиями, по собственному выбору источников.

Да при этом после города деревня всякому улыбается летом; туда стоит отправляться хотя бы для того, чтобы видеть небо; в городе некогда, да, пожалуй, и негде его видеть. По крайней мере, когда я попала в деревню Саратовской губернии, то на первых порах, пока не было много специальной работы (первый месяц я прожила в усадьбе знакомых, которые отсутствовали и деревушка которых очень маленькая), мы с Наташей [2] отправлялись ежедневно в рожь и, начав каким-нибудь немецким учебником, кончали

[1] Александровой.

[2] Наталья Александровна Армфельд, жившая со мной в Вязьмине Сарат. губ.

тем, что глазели на облака с одним приятным чувством простора, тишины и обилия воздуха. Вы не поверите, какая я любительница деревни; быть может, потому, что большую часть жизни провела в замкнутых пространствах, в душных городах. Мне хотелось бы знать, любишь ли ты деревню, Ольга. Тебе не кажется, что ты можешь в ней скучать? Мои приятели не верили, чтобы я могла любить деревенскую жизнь и обстановку, считая меня городской по характеру и наклонностям; но они очень поверхностно судили; я выбрала город по необходимости, а мои симпатии в деревне. Потому я совершенно искренно говорила Пете, что ему лучше было бы в деревне, отбрасывая даже всякие соображения о пользе и полезности: приятнее быть у ржаного поля, чем тянуть лямку на проклятом заводе, среди фабричного населения.

Евгения мне пишет, что при теперешнем состоянии земства, дескать, нечего делать, поэтому она не находит удивительным, что Петр не прельщается перспективами, которые я ему изобразила; но Евгения меня удивляет своим взглядом, потому что говорить в данном случае можно не об абсолютной пользе, но взвешивая относительно, что он теперь изображает из себя и что было бы в предлагаемом случае. Как-никак, а все-таки деятельность дяди Петра Христ[офоровича] кажется мне почтеннее карьеры нашего Петра; а между тем, так как он лет на 20 моложе его, свежее, бодрее и начал жить при иной общественной обстановке, чем дядя, и, сверх того, не стеснен семьей, то можно думать, что мог бы работать больше и шире, чем он; теория Евгении выйдет равносильна полному сложению рук, ожиданию, чтобы воссиял свет неизвестно чьими руками [зажженный]; мне же кажется, что лучше разменяться на мелкую монету, благо мы не бог знает что о себе думаем, чем плевать в потолок. Ну, прощайте, отправляйтесь скорее на лоно природы и пришлите отчет о Никифорове, его полях и обитателях. 25-го,

если будет хорошая погода, устройте прогулку на Св. Ключ или в наш лесок для развлечения молодого поколения. Уж кто другой, а тетя Лиза [1] должна быть у вас в этот день непременно: сделайте приглашение от моего имени. Целую вас и всех наших. Здесь в саду очень недурно: растут какие-то кусты с листьями в роде лаврового листа, пахнут чудесно, особенно после дождя.

В. Фигнер.

46. Матери и сестре Ольге.

6 июня 1884 года.

Милая мамочка и Ольга. Вы, пожалуй, в настоящее время еще не добрались до дому со всеми вашими заездами. Вчера получила письмо Ольги из Нижнего, из коего усматриваю, что мамочка все та же, как и в те давнишние времена, когда, бывало, мы все, молодежь, ворчим на нее, скучая на пристани в ожидании парохода, куда она забирается спозаранку, боясь опоздать. Я думала, что она уже привыкла не опаздывать, не терять вещей и т. д.; но, видно, из году в год повторяются одни и те же сцены поспешности, опасений и маленьких несчастий. На этот раз Одиссея вышла не так пространна, как я ожидала. А мне, мамочка, опять тошно... Вы думаете, отчего? Да от 7-летней войны. Я ее читала у Шлоссера, у Соловьева, а теперь в истории Англии с 1713—1783 г.г. Магона и в истории Фридриха Великого какого-то г. Кони. Неужто, по выражению Наташи [2], «бог пошлет» мне еще читать в ближайшем будущем о том же. Это просто невозможно. Право, я знаю предостаточно об этом предмете, тем более, что г. Кони, хотя предназначает свой труд для взрослой публики, но придерживается наглядного способа обучения и каждую фразу иллюстрирует рисунками, которые

[1] Голсвня.

[2] Наташа—кузина Куприянсва.

и занимают большую половину толстущей книги. Таким образом, я могла бы в лицах представить столь назидательные сцены, как радость дяди Фридриха Великого при рождении этого последнего; детские игры Фр. Великого, его юношеские ссоры с отцом и т. д. и т. д. Этот Кони так мил, что, если бы я была уверена в том, что я могу не только писать, но и рисовать в письмах, то непременно срисовала бы вам кое-что: напр., после фразы о том, что между Фридрихом и его женой были холодные, натянутые отношения, следует великолепное изображение его во 2-й позиции, а ее—в 4-й (повидимому, если не забыла наставления Надежды Дмитриевны) [1]—церемонное расставанье их после церемонного обеда. И таких полезных изображений масса; право, хорошо бы было под конец изобразить и самого автора, делающего книксен, потому что вся книга есть непрерывный книксен пред священной особой; даже дурные стихи Фридриха и его кофейная реформа, причинившая в свое время так много огорчений всем берлинским кухаркам, приводят в умиление нашего русака, и он все приседает да приседает. Однако, сочинитель и предмет сочинения так мне надоели, что уж лучше о них не говорить вовсе, а совсем не упомянуть нельзя, потому что надо же на чем-нибудь выместить свои неудовольствия. Когда это письмо дойдет до вас, верно, и Петр будет уже в Никифорове, и Ольгу я прошу сделать мне удовольствие—пробыть в деревне все время, пока Петр будет там. Ведь в будущем вы свидетесь опять неизвестно когда, а в две недели, как ты предполагала сначала, ни он не успеет хорошенько осмотреться, ни ты заметить, произошли ли в нем какие-либо перемены, и насколько определились его намерения на дальнейшую жизнь. Если ты приедешь к 20—25 июля, то у тебя еще будет время для занятий; я еще думала, что у тебя останется много работы на осень по кур-

[1] Надежда Дм. Русская—моя первая гувернантка.

сам, но два экзамена—сущие пустяки. Что уж так экономничать временем, когда после сентября ты будешь совсем свободна распоряжаться им, как желаешь; а, быть может, это последнее лето, которое ты пробудешь в Никифорове с мамашей и прочими родичами. Твое последнее питерское письмо от 25 мая я получила, о том, что ты дважды писала список соч. Маурера,—больше не усердствуй. Вещи получила, благодарю. Денег мне хватит надолго; к июню их было 40 рублей. Относительно того, что не купила в Москве книг,—ничего. Только не стоит хлопотать о сем на обратном пути, гораздо легче будет снестись после по почте. Целую вас крепко. Как, мамочка, ваше здоровье? Лучше ли вы себя чувствуете?

№ 1 послан на имя дяди, жажду письма Стахевичей.

Ваша *В. Фигнер.*

47. Матери.

16 июня 1884 года..

Вчера, мамочка, получила ваше письмо из Казани. Я уже давно поджидала его, избаловавшись частым получением вестей от вас перед тем, а тут прошло 9 дней между Ольгиным письмом из Нижнего и вашим. Благодарю за приветы; один меня особенно обрадовал,—от старинной знакомой [1]; я не думала, что вы встретитесь, а то предупредила бы ее, поручив вам обнять от меня, потому что я искренне люблю эту добрейшую и честнейшую женщину, и часто, очень часто вспоминаю о ней и о ее семье, на долю которой не выпало много счастья. Всякое доброе слово, которое вы скажете ей, если еще увидитесь, будет одолжением для меня, потому что они принимали меня и относились ко мне, как

---

[1] Не помню, о ком писала.

к родной, а я нахожусь в положении, когда ни своего сочувствия, ни своего расположения не могу высказать лично. Если бы его можно было перелить в других так, чтобы вышла не одна, ничего не стоящая, форма, а действительно живое чувство! Ну, мне что-то становится грустно, чего я вовсе не имела в виду, спрашивая бумаги и чернил; надо, стало быть, переменить тему, оторваться от мысли о печальных событиях прошлых лет и перейти к более счастливому настоящему. Вот, я еще не писала, во-первых, о том, что бузина моя давным-давно, т. е. своевременно, распустилась и образовала очень красивый, кудрявый куст или, лучше сказать, деревцо. Не подумайте, что она растет на земле,—ни-ни. Рука ли человеческая, или буйный ветер занесли семя на крышу, где оно и ухитрилось укорениться, изображая вместе с яркой зеленой листвой настоящий оазис среди черепиц (что я вижу, взгромоздясь на стол). От этого ли оазиса, или это только мое воображение, но по временам я чувствую, будто у меня в камере пахнет чудесно зеленью. Но что уж наверно не воображение, так то, что в этой камере я пользуюсь гораздо большим притоком свежего воздуха, чем в прежней; в прошлом году я и не почувствовала лета, а теперь из окна с выставленной рамой и утром, и вечером так и веет прохладой, и я чувствую, что дышу. Но это еще не все преимущества моего жилища—я пользуюсь в нем и городскими, и сельскими удовольствиями («Хорошо наше жилище,—только славушка дурна»). Городские состоят в том, что я могу наслаждаться музыкой, которая при благоприятной погоде доносится совершенно отчетливо каждый вечер, не знаю, откуда. Считаю, что из Летнего сада; а сельские состоят в близком соседстве с бандой кур, отличающихся истерическими припадками и издающих такое нервозное, разноголосое и продолжительное кудах-тах-тах, что, как ни мило мне все, напоминающее мне сельское хозяйство,—я прихожу в смятение и для усмирения припадка пернатых готова и

сама разразиться не менее истерическим кудах-тах-тах; удерживаюсь только по тем соображениям, что подобная игривость мне не по возрасту. Чем я занимаюсь среди этих веяний и звуков? Обыкновенно чем: расстраиваю и расстраиваю глаза, читая, пока они не заболят; и лечу их, чтобы они могли опять заболеть; уж я нарочно стала иногда прерывать чтение и ходить из угла в угол, да что-то и перерывы не помогают. Я часто сожалею, что государство не утилизирует труд арестантов; что не заведут по всем тюрьмам ремесл, при которых можно было бы избежать таких орудий, как иглы, ножницы и пр. Я думаю, что все работали бы с удовольствием и могли бы содержать себя собственным трудом. Я когда-то внушала это одному тетюшскому следователю и думаю, что, если бы не уехала за границу, то в тетюшском остроге устроилась бы мастерская; тогда я и не помышляла, что когда-нибудь придется испытать тоску по плетению корзинок или каких-нибудь рогожек. С каким бы удовольствием я начинала б утро рогожей вместе романа В. Колинз. Признаюсь, начинать утро романом просто неприлично, это меня шокирует, и тем не менее... Положительно неприлично. И кто здесь оставил такое наследство? Думаю, Зубок, который научился здесь английскому языку и в течение трех лет вероятно поглотил массу раздирательных и усыпительных романов. Говорят, будто долго сидящие в одиночном заключении под конец, кроме романов, читать ничего не могут. Долго, повидимэму, придется сидеть мне, чтобы притти в такое состояние. Целую вас, дорогая, и Ольгу и прошу любить.

В. Фигнер.

Забыла вас попросить: если жива Анна, кормилица, то сделайте ей подарок от меня, купите на сарафан или в роде этого что-нибудь.

48. Матери.

26 июня 1884 года.

Третьего дня получила ваше письмо от 12-го, милая мамочка, а за несколько дней перед тем—Ольгино от 7-го Утешили вы меня тем, что хорошо вам в деревне, и, читая описание вашего дня, одобрила; только удивляюсь, как ваши дивчата соглашаются вставать так рано. Неужели приятельнице Ольги понравилось Никифорово? «Благодарю—не ожидал»... Мне кажется, что оно хорошо только для тех, кто связан с ним силою привычки, а для постороннего—там только хороши караси в сметане, черная смородина подле ручья, да та кудрявая береза, что стоит около маленького пруда, на котором я некогда совершала удивительные эволюции в ладье неудобосказуемой, с лопатой вместо весла. Приятельница же, должно быть, избалована своими поместьями: в Беломестном, где две прелестные девицы, шествуя в народ, снимали яблоновый сад, усадьба истинно барская, да и в Подворгольском, я думаю, находится один из тех старопомещичьих садов, описания которых так хороши у Тургенева и Гончарова. Наше же Никифорово не имеет помещичьих традиций; мы поселились в нем за год или в год рождения Ольги, уже после освобождения крестьян; все приходилось заводить вновь: не крепостные руки рыли пруд и сажали в нашем Монрепо деревья. Я так живо помню увеселительную поездку из Христофоровки, когда я в первый раз увидела место рождения «дядиной красавицы» [1]. Большой компанией, центр которой составляла тетя Лиза [2], с ухаживавшими за ней тогда двумя офицерами, Ергольским и Яблочкиным, отправились мы в путь в недобрый час, когда жара еще не спала; семь верст пеклись на палящем солнце,

[1] В шутку мы называли так сестру Ольгу, которая была нехороша собой.

[2] Тогда еще девица—Ел. Христ. Куприянова.

задыхались от пыли проселочной дороги и очутились в очень плачевном настроении, когда прибыли на место, лишенное тени, с рекой в отдалении, даже без хорошего, пышного луга. Увы! Сирень, покрытая моими исконными врагами, шпанскими мухами, чай и яичница на свежем воздухе показались всем неискупающими принесенных нами жертв; все остались недовольны, даже и г.г. офицеры, совершившие поездку, главным образом, pour les beaux yeux тётеньки. И с тех пор, когда я думаю о Никифорове, оно мне рисуется в том же, с точки зрения эстетики, безотрадном виде, а вы, кажется, увлекаетесь пристрастием, расхваливая теперешнее состояние растительного царства вокруг дома. Ведь в 1876 году, когда вы были за границей, я заезжала взглянуть на старый дом, и мне что-то не верится, чтобы в 8 лет произошла столь благоприятная перемена. Не обманывает ли вас ваш хозяйский глазок? Милый мамоньчик, надеюсь, что от моих слов ветлы не покажутся вам хуже; я не хотела бы умалить благодетельных следствий закона: не похорошему мил, а по милу—хорош. Восседайте же на террассе (боже, сколько «р» и сколько «с»!). Должно быть, можно ставить и меньше. Ольга, ты только-что кончила Бестужевские курсы и должны знать лучше, чем я (поправь, я не люблю ошибок правописания), и любуйтесь ветлами, но не забывайте и более весомых благ, находимых мною в Никифорове, с точки зрения постороннего.

То, что вы пишете о хлебах,—хорошо, но только сезон кузек, червей, жучков и прочих египетских казней, посещающих столько лет ваш рай, он пришел уже или еще не наступил? Вы мне об этом напишите, потому что только от этого, главным образом, и зависят ваши сельскохозяйственные перспективы. Милая мамочка. Целую вас; я здорова, глаза перестали болеть: лекарство все что-то не помогало, а потом вдруг сразу прозрела; на радостях я все его продолжаю употреблять, так сказать, про запас, на будущее. Не правда

ли, это в роде мужика, который, и по миновании надобности, пьет микстуру, чтобы остаток не пропадал. Братца и сестрицу лобызаю с достодолжной нежностью. Что Настя[1] растолстела или все попрежнему? Родичей приветствую, именинников поздравляю, по кренделю приподнести им предоставляю вам.

Ваша дочь *В. Фигнер.*

49. Матери.

4 июля 1884 года.

Милый мамочек. Я вам не буду в этот раз писать много: прочитайте письмо к Лидии и ее мужу; мне что-то захотелось побеседовать с ними; быть может, вы не поскучаете, пробегая мои бисеринки (заставьте Ольгу читать). Вчера я получила ваше письмо от 23 июня со вложением из Иркутска; но Ольгино письмо, писанное, повидимому, в промежутке между двумя вашими (от 12-го и 23-го), я не получила: до меня доселе дошло—только одно ее письмо, писанное, кажется, 7-го июня, тотчас же после вашего приезда; это было единственное из деревни, вместо обещанного каскада. Впрочем, девочка, конечно, не виновата; разве, может статься, в адресе забыла поставить город по рассеянности или что-нибудь в этом роде. Насчет Коли я хотела вам сказать, не пишет ли он в Петербург, думая, что вы не выезжали из него по поводу меня. Ольга по приезде могла бы справиться в почтамте, там, кажется, сохраняются письма в течение трех месяцев, если адресат не найден. Неужели Петр пробудет у вас так мало времени? Вы рассчитываете выехать все 10-го, значит, после уж он не вернется. Я колебалась, куда вам посылать это письмо, но думаю, что в Казани тоже никого не будет, и письмо может пролежать, а, быть может,

---

[1] Жена брата Петра.

прежде чем отправляться, вы вздумаете спосылать в Тетюши за весточками от ваших деток; может, и мое послание тут кстати подвернется. Милая мамочка. Не знаю, когда вас менее затруднить: по приезде сюда или теперь, сшить мне из парусины ватер-пруф, какой вы уже раз подарили мне и Евгении, нечто в роде двубортных хламид, с отложным воротником; так нельзя ли второе издание сделать? Теперь он мне не нужен, так что вы соображайтесь только со своим удобством. Целую вас, Ольгу, Петра, Настю и желаю всем веселиться у дяди елико возможно. Что ваши глаза? Отчего, мамочка, вы не посоветуетесь с знающими людьми: быть может, надо выжечь ваши яровые хлеба, чтобы избавиться от истребителей.

В. Фигнер.

50. Сестре Лидии и ее мужу.

4 июля 1884 года.

Милая Лидинька и Сергей Григорьевич. Из двух ваших писем к мамаше явствует, что вы собираетесь писать мне; не видя, однако, последствий этих сборов, я вздумала поговорить с вами, не откладывая дела в долгий ящик. Но прежде позвольте спросить вас, Сергей Григорьевич, говорится ли что-либо насчет сроков в пресловутом правиле Тургенева, последователем которого вы отрекомендовали себя. Спрашиваю, надеясь обличить, что вы, подобно прочим смертным, следуете не правилу, а больше своему настроению, желанию или нежеланию, отвечать на письма. Что же касается якобы опасения писать не в тон, то отложите попечение о сем: могу заявить вам торжественно, что после многих настроений или оттенков одного и того же смешанного настроения я пришла, наконец, в состояние, которое, должно быть, называется, равновесием и которое должно было бы отметить в дневнике словами: настроения никакого. Сделав это преди-

словие, приступаю к существенному, но, по свойственному женщинам многословию, начинаю издалека. Надо вам сказать, что выдержки из дневника Гриши [1] нравятся мне чрезвычайно: во-первых, так как ребенок представляет главный интерес вашей жизни, то эти выдержки рисуют эту жизнь гораздо лучше, чем все остальное содержание писем, и в то время, как Лидочка придерживается описательного метода, вы даете и маленькую картинку. Во-вторых, самый предмет ваших изображений так поэтичен, что я не могу придумать иного термина для характеристики вашего дневника, как назвав его грациозным. Вы оба, верно, засмеетесь, но, уверяю, он на меня производит именно такое впечатление. С этих-то сторон я и смотрела на ваше произведение, пока не наткнулась у Соловьева на дневник Порошина, бывшего в течение двух лет воспитателем при имп[ераторе] Павле. Замечательная личность самого Порошина, его воспитательные цели, имевшие в виду судьбу отца воспитанника, наконец, то, что складывающаяся личность, дневник о которой ведется, должна была впоследствии, при нашем государственном строе, окрасить собой целый период истории,—все это возбуждает сильнейший интерес; но я думаю, что с изложенной точки зрения дневник о частном человеке, изображающий шаг за шагом историю умственного и нравственного развития этого человека,—интересен ничуть не меньше. Поэтому, я хотела, бы удостовериться, что вы относитесь к дневнику своего сына именно так; что вы не прекратите его и впредь, когда физическое развитие отойдет на второй план. Дело в том, что, я думаю, каждому приходится хоть раз в жизни задумываться над вопросом, как сложилась его личность, что определило его симпатии, создало характер, и хотя, порывшись в прошлом, мы и находим те или другие влияния на нас, впечатления, особенно запечатлевшиеся,

---

[1] Дневник писал Сергей Григорьевич Стахевич—отец Гриши.

встречи, возбудившие впервые какую-нибудь неотвязную мысль и чувство, которое было так глубоко, что следы его мы открываем десятки лет спустя,—однако, очень многое решительно ускользает от нас даже в глубочайшей тиши уединения,—иное же об'ясняется гадательно. Я не знаю, какой подарок может быть дороже для цели самопознания, стремление к которому иногда обуревает человека, как дневник, который вел о тебе отец или воспитатель, когда имеешь, таким образом, возможность получить совершенно новое освещение фактов своего детства и пополнить свои соображения наблюдениями человека со стороны. Мне кажется, что вы имеете серьезную цель, ведя дневник сына с момента появления его на свет; но, в таком случае, вы, по моему мнению, должны предпринять еще другой труд (тут-то я добралась, наконец, до надлежащего пункта): описать для сына и свою собственную жизнь, свое развитие, воспитание, домашнюю обстановку, характер ваших родителей и пр. и пр. Не говоря уже о том, что вы не принадлежали к числу тех благополучных россиян, которым нечего описывать, и что ваша жизнь, далеко не обыденная, должна быть особенно поучительна; полагаю, что вообще недурно, чтобы дети имели более точные и определенные сведения о своих родителях, чем они обыкновенно имеют из отрывочных и, быть может, случайных рассказов их. Тогда они лучше бы понимали их; в связи же с предыдущим эти сведения имеют особенное значение, потому что, только зная свою психологическую генеалогию, можно иметь шансы на разрешение задачи о себе, так как наследственность—та почва, на которой окружающие условия и житейские обстоятельства выводят свои узоры. В знании этой почвы мы совсем швах: плохо знаем мы историю наших отцов, деды же наши большей частью совсем нам неизвестны. Правда, их нам поминать нечем. Едва ли случайность то обстоятельство, что Лабулэ, упрекая французов в невежестве по отношению к предкам, указы-

вает на англичан, en masse, как на нацию, где каждый знает и гордится своей генеалогией. Вероятно, это знание и гордость могли развиться и окрепнуть в течение веков, в которых Англия жила широкой политической жизнью, вследствие необыкновенно частых случаев, при которых граждане могли проявить свой патриотизм и выделить свою личность в борьбе партий. Если у нас, однако, предки по необходимости сливаются в общий серый фон, то все же, как люди частные, они имеют известную физиономию, а для данной цели только это и надо. Итак, вместо того, чтобы следить за г. Золя в его занятиях тем, что он называл физиономией общества, за его попытками создать художественное воспроизведение принципа наследственности в человеческом характере, право, интереснее обратиться к знакомству с собственными... (Продолжение не сохранилось).

51. Матери.

15 июля 1884 года.

Милая Mutter! Хотя я жду, что вот-вот мне принесут письмо от вас, но боюсь откладывать свое, чтобы вам не «загребтилось», как говорила нянюшка Наталья Макарьевна. К тому же все знатные иностранцы повыехали из Никифорова, и вы обретаетесь в единственном числе; чего доброго, пожалуй, по-прошлогоднему обнаруживаете склонность впасть в меланхолию. Тут-то я и должна вступить в обязанности аккуратного корреспондента. Впрочем, вы обещали не скучать и, будучи в одиночестве, не чувствовать себя одинокой. А, главное, большая часть лета уже прошла и вы, можно сказать, одной ногой уже в Петербурге. Да и положение вашего благородного семейства в этом году лучше, чем в прошлом, и материнское сердце спокойнее: Евгения устроилась в обетованном Балаганске, текущем млеком и медом, и, вероятно, уже пишет вам письмо на тему: «там

хорошо, где нас нет». Домашний очаг Лидии установлен в Пивоварихе на прочных началах, на целые два года—цифра солидная, если принять во внимание, что

«Вся наша жизнь ни что иное,
Как лишь мечтание пустое...
Иль нет: тяжелый некий меч,
На тонком волоске висящий»....

Лидиньке это известно, потому что мы учились по одной хрестоматии, стало быть, ей не в диковинку такое висячее положение. К тому же есть спасительное прибежище через 2 года: толцыте, и отверзется. Петр получает повышение и награждение, а наш «бледный тенор интересный», надеюсь, не погиб в водах Атлантического океана и услаждает слух бразильцев; думаю, вы получили уж об нем известие. В виду этих и многих других благоприятных обстоятельств, перечислять которые было бы затруднительно, я надеюсь не получить от вас ни одного тоскливого послания—пожалуйста, не разочаруйте. Хотела бы задать вам много вопросов, но близкий приезд Ольги обещает дать ответы. Ведь я доселе не знаю еще, как вы нашли Петра и его супругу. Последнее ваше письмо было от 23-го июня, потом я получила запоздавшее письмо Ольги от 16-го июня и тотчас же почти другое от нее уж от 30-го. О себе нового мне решительно нечего вам сообщить: здесь время как-то сливается, так что все 17 месяцев, которые я нахожусь в крепости, кажутся мне одним долгим днем и одной долгой ночью; думаю только, что второй год тюрьмы проходит для меня бесполезнее, чем первый, по отсутствию книг: покупка отсюда представляет настоящую скачку с препятствиями, а из библиотечных приходится читать то, что уже известно давным давно, или то, чего и не хочешь совсем прочитывать. Надо будет воспользоваться временем суда и сразу закупить на всю сумму, какую можно бы истратить в течение года. Тогда не буду ни-

кого беспокоить просьбами, да и сама буду удовлетворена, насколько это может быть сделано; теперь же я занимаюсь чем-то в роде попыток укусить свой собственный локоть: имею деньги, желаю обменять их на книги, и никак этот обмен не дается в руки. Вот вам повесть «о том, как она скучает». Засим целую вас крепко. Будьте здоровы. Многолюбящая вас.

Ваша *Вера Фигнер.*

Получили ли письмо со вложением к Лидии? № 5.

52. Матери.

8 августа 1884 года.

В последнее время я что-то неохотно писала вам, дорогая мамочка. Право, иногда становятся в тягость все сношения с людьми, как личные, так и письменные. Вероятно, это последствие одиночного заключения. Оно, как это ни странно, родит потребность в еще большем одиночестве. По крайней мере, мне по временам хочется, чтобы здесь было еще тише, чтобы во время прогулок не приходилось чувствовать на себе взгляд пяти пар глаз стражи; и чтобы мне не задавали даже краткого официального вопроса, потому что краткий ответ становится поперек горла. В первое время, когда я поступила в тюрьму, моим самым сильным желанием было увидеть кого-нибудь из старых друзей. Теперь я не чувствую ничего подобного; напротив, перспектива встретить знакомые лица кажется мне тяжелой. Очень может быть, что в действительности будет иначе, что это просто одна из тех иллюзий, по которым в скучный осенний день нам кажется, что дождь никогда, никогда не перестанет и небо никогда не прояснится. Во всяком случае, в людях есть значительная доля инерции: вращаясь в обществе, они кружатся, как волчок, сильно пущенный; их тянет вон из дома даже

среда таких людей, которые их не удовлетворяют,—лишь бы не быть с самим собой. Очутившись же в одиночестве, так втягиваются в него, ощущают такую потребность в уединении, что всякое нарушение его кажется каким-то грубым насилием. Недавно я наткнулась у Диккенса как-раз на описание чувств и размышлений подобного отшельника, старого, одинокого джентльмена, которого никто не знает в целом городе и который живет один в целом доме и положительно любит, сроднился с тишиной своей пустыни... и прочла с сочувствием, которое является из аналогичного положения: описание показалось мне очень реальным, очень верным действительности. Это напоминает мне другую аналогию, уже комического характера. Однажды за границей Лидия, я и еще шесть студенток отправились вон из Цюриха, чтобы прожить месяц—два где-нибудь в уединении. Мы совершили забавную поездку, чему немало способствовало то, что куда мы ни являлись, всюду производили сенсацию, собирая толпу гаменов, шествовавших за нами по пятам. Так мы прибыли пешечком в местечко Лютри, недалеко от Невшателя; случай привел нас при поисках квартиры в опустевший по случаю ваката пансион для девиц, где мы за сходную цену и поселились. Это было немного смешно, потому что нам отвели две комнаты, где 8 кроватей составляли настоящий дортуар; питали нас кофеем и салатом, так как M-elle Auguste, старая дева, стоявшая во главе воспитательного заведения, считала, вероятно, что для того, чтобы у ее питомцев дух был бодр,—плоть должна быть немощна; но, как вам известно, молодые люди, если не отличаются дурным аппетитом, то отличаются способностью переносить стоически физические бедствия—и мы переносили, бегая тайком в лавочку за хлебом, чтоб усмирить желудки, требовавшие чего-нибудь более положительного, чем различного рода и в различных видах салат. Так же терпеливо сносили мы и то, что пред вкушением оного салата должны были выслушивать мо-

литву, которую M-elle Auguste произносила с чувством, закатывая глазки и сложив руки под ложечкой, символически указывая, что тут находится первая станция, куда отправится салат. Мы были тогда в возрасте, который характеризуется словами «духовной жаждою томим», и находились в полном разгаре изучения рабочего вопроса в теории и на практике. Поэтому заседания Невшательской секции Интернационала имели для нас самую непреодолимую силу притяжения. Из этого, можно сказать, вытекло драматическое положение нас, как особ, имеющих приют в пансионе, если не благородных, то, во всяком случае, платящих несколько сот франков в год девиц. В первый же раз, когда Бардина и другие отправились на вечернее собрание, заседание секции, оставшиеся сделались свидетельницами сильных душевных потрясений. Надо вам сказать, что Швейцария—самая буржуазная страна в свете по отношению к почитанию всего условного, приличий и формальной внешности, кодекс которых доходит до грубо-смешного. В 9 часов, когда мирные обитатели Лютри уже задремали, а наши и не думали возвращаться в пансион, обнаружилось беспокойство, которое в 10 перешло в волнение, а в 11—в смятение, когда в здании мелькали тени и огни, в воздухе пахло нашатырным спиртом и гофманскими каплями; maman M-lle Auguste, заведывавшая экономической частью, металась в беспокойстве из комнаты в комнату, произнося спичи на тему: «Что скажет княгиня Марья Алексеевна», и изображала всем, имеющим уши слышать, меланхолическую картину погибели репутации ее заведения и провозглашала свое благосостояние руинированным. А наши приятельницы с спокойным духом и надеждами на будущее счастье человечества распевали себе карманьолу с м-г Guillaume [1]. К довершению всего ночью собралась гроза, и электричество совершенно уже гальванизировало

[1] Известный деятель и историк Интернационала.

почтенных матрон. Наконец, наши явились (я оставалась дома) и с облаков попали под самые бурные об'яснения, описывать которые я не берусь, мое перо, как говорят все порядочные авторы, отказывается служить. Могу сказать только, что нашей общей тетушке Бардиной пришлось выдержать самую упорную баталию, которая кончилась, однако, с честью, потому что в результате была заключена конвенция, примирившая враждующие партии до конца оплаченного месяца. Но все это я пишу между прочим, а главное то, что, живя в количестве 8 душ в двух комнатах, мы хорошо узнали нравы друг друга и открыли один феномен, проявляемый особой, которую мы по-приятельски звали гусаром за храбрость и за черты лица, которой кудрявые, по-мужски остриженные волосы и костюм (вы у Лидии называли его одеждой монастырского служки) придавали действительное сходство с юношей [1]. Вот, бывало, по-утру спрашиваешь ее: «Гусар, который час?». Гусар смотрит во все глаза и молчит. Еще раз говоришь: «Гусар, который час?». Молчит. Наконец, с досадой крикнешь еще: «Неужели трудно сказать человеку, который час, когда часы подле вас». Тогда после промежутка чего-то неопределенного, что я могу сравнить только с тем, что проделывают дешевые стенные часы сельских школ и волостных правлений, которые сначала зашипят, засвистят, и, только возбудив ваше внимание до non plus ultra, пробьют раз, два... раздается с оригинальной интонацией: «Вы знаете,—я по утрам не говорю». Во-первых, мы не знаем, во-вторых, почему это? И почему по утрам—все это осталось нераз'ясненным и, признаться, забавляло нас, вызывая взрывы хохота. Хохотала и я... Но теперь я поняла, что можно не говорить не только по утрам, но и по полдням и по вечерам, по целым дням, и иногда думаю, как хорошо было бы, если бы я могла написать

---

[1] Студентка Цюрихского университета Доротея Аптекман.

на доске: «сегодня не разговариваю», и, указывая на нее, предупреждать вопросы. И мне кажется будто даже легче крикнуть эту фразу, чем ответить немногосложным «ничего» на вопрос: «Как ваше здоровье», как гусару было легче сказать свою фразу вместо: «восемь» или «девять» и пр., которых мы никогда не могли добиться. В такое время и писать, конечно, не хочется, потому что, если я никогда не пишу вам того, что не думаю, то не все пишу, о чем думаю, иногда это умалчивание делает мне противным то, что я пишу, будто это жалкие слова, ложь, лицемерие. Я говорю вам это теперь так свободно, потому что в настоящую минуту не ощущаю этого противоречия; из этого вы можете заключить, что мое настроение изменчиво и что я капризна, как петербургская погода.

В. Фигнер.

53. Матери.

19 августа 1884 года.

Милая мамочка. Скажу откровенно: начинаю писать, потому что читать не могу—окривела. Испробовала разные увеселения, говоря по-татарски: «сухарь жевал, дым пускал. Ландрин глотал... остается одно — маткам писал»... Вот и пишу. Глаза сделались моим locus minoris resistentiae. Но книги такое искушение, что сознание об этом ни к чему не ведет. Должно быть, я в папочку пошла. Помните: бывало, вы не дозоветесь его к обеду, когда у него в руках Габорио. Со мной этого не случается, потому что во время обеда у меня в левой руке книга, а правая управляет ложкой в ожидании, всегда справедливом, что она попадет в рот, а не в правое ухо. Но вот сумерки.—Ох, искушение! Самые интересные места попадаются в сумерки—читаю ли я что-нибудь серьезное или какой-нибудь роман, представляющий пирамиду, обращенную основанием вверх и состоящую из зага-

дочного убийства, похищения младенца, скрытого завещания, вендетты, летаргического сна и, наконец, наводнения, после чего пирамида теряет положение неустойчивого равновесия, и занавес опускается при стоне погибающих героев. Самое интересное место, где никак нельзя остановиться и где читателю начинает казаться, что у него гипертрофия сердца или начало воспаления мозговых оболочек, — такие места всегда попадаются в сумерки. Остановиться я не могу, вот глаза и заболевают. На этот раз это было не очень серьезное чтение и не роман,—виноват Шиллер: в одни сумерки он рассказывал мне про осаду Антверпена во время войны. Нидерландов за освобождение, да так рассказывал, что я готова была с ним осаждать все города на свете, а на следующий день свел меня с Моисеем, поставил купину неопалимую и стал об'яснять, почему надо было, чтобы Моисей снял при этом явлении обувь. Батюшка Ираклий Иванович в институте об этом ничего не рассказывал; вероятно, он по-немецки не знал и Шиллера не читал. Таким образом, для меня открывается новый горизонт; понятно, несмотря на темноту, я не могла дождаться лампы и читала, пока Шиллер меня в купину ввел и вывел, а Моисей опять обулся. Моисей разувался и обувался, а глаз краснел и пухнул—вот и окривела. Нет, мамочка, я никогда не буду благоразумной: если до сих пор не выучилась, дальше не научусь, хотя и имела хорошие примеры. Как хорошим примерам не бывать. Были. Были знакомые, у которых было такое заведение: до 10 с половиною вечером анатомией заниматься, а потом до половины первого «Историю революции» Луи-Блана читать. Никак не раньше половины одиннадцатого, никак не позже половины первого. Право, я думаю, им приходилось гасить свечу непременно тогда, когда Мирабо говорил свои решительные слова: «Пойдите и скажите своему господину, что нас могут заставить разойтись только при помощи штыков». Или, когда Людовик XVI, пойманный при своем не-

удачном бегстве, в'езжал в Париж, как пленник своего народа, униженный, задыхающийся от пыли и жары, в костюме лакея, рядом с гордой австрийкой, ненавистной толпе, среди криков подданных, упивающихся неудачей своего монарха... или, когда Ролан, кладя свою красивую голову под нож гильотины, восклицала свои предсмертные слова: «Свобода, скольких жертв требуешь ты»! Или когда умирали лучшие люди республики Демулен и Дантон, не хотевшие оставить родину, потому что «отечества на подошвах не унесешь». Непременно на этих местах часы указывали 12 ч. 30 минут, и свеча гасла, читательница бессонницей после того не страдала, а книга лежала нетронутой вплоть до определенного момента—10 ч. с половиной следующего вечера и опять читалась только до половины первого следующей ночи. Да, были примеры. Они попадали на каменную почву, и мои глаза болели, болят и будут болеть, пока существуют сумерки и есть книги. Ваши письма, дорогая мамочка, я получила, и короткое со вложением, и длинное. А вчера на меня обрушилось послание Лидии и Сергея Григорьевича. Это, я вам скажу, тоже пирамида, под развалинами которой я и по сей час лежу, аки труп бездыханный. Это не мешает тому, чтобы труп бездыханный не обнял мамочку и не поцеловал обе ее ручки в ладони. И, так как «чужую беду руками разведу, в своей беде ума не приложу»,—не сказал: «мамочек, береги свой глазочек». Так как письма утомляют ваше зрение, то вы могли бы писать мне и Ольге вместе: она будет пересылать. Я думаю, это мое последнее письмо в деревню, потом буду писать в Казань, и, быть может, не вам собственно, а в ответ на пирамиду, когда отдышусь маленько. Вы не читали. Это целая полемика. До сих пор относительно размеров писем я думала: пол листа должно; 2—можно, но 3—невозможно. А тут—6 листов.

В. Фигнер.

Эпилог. Письмо кончал, головой качал, глазом моргал и... камерам шагал.

54. Сестре Ольге.

7 сентября 1884 года.

Милая Ольга. Я давно не писала вам—с 19-го августа, и не случайно. Это была целая система воздержания, намеренно наложенный на себя пост в виду предстоящего ответа на иркутскую бомбу: один раз мне хотелось написать тебе по поводу одной статьи, другой раз сообщить мамочке одну преуморительную вещь, но я воздержалась, и вот, в конце-концов и вам не написала, и желание отвечать в Иркутск ослабело. И теперь, главным образом, принимаюсь потому, что, думаю, мамочке будет приятно по приезде иметь известие от меня непосредственно, да к тому же забыла на свидании попросить тебя в тот же день дать ей знать, что ты меня видела и что все обстоит благополучно, а то, право, сегодня день совсем для писем неподходящий: холод адский и ветер адский, и я с сокрушением сердечным помышляю, что, пожалуй, придется так, что меня судить будут в один из подобных дней, про которые поэт говорит:

«Муж, супругою нежно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей»...

Я, понятно, не думаю, чтобы я могла получить «вдвое», а помышляю более о том, что суд и подсудимые будут в неприятном состоянии духа, а это мне кажется несносно. Ну, а теперь я захлопнула все форточки и старалась не смотреть в окно (арестант более, чем другие, склонен смотреть в этом направлении). Итак, опускаю глаза долу на довольно приятный пейзаж, ко-

торый представляет мой стол, утративший свой строгий, аскетический, казенный характер под грудою книг и предметов не столь возвышенных, но не менее полезных для преуспеяния индивидуума. В данную минуту индивидуум вполне преуспевает, у него чрезвычайно много неотложных дел, почти как у министра, и столько авторов осаждают его предложением своего товара, что он чувствует себя почти, как прохожий в Апраксинском двору; он не знает, чему отдать предпочтение: «Geschichte des dreissigjährigen Kriegs» Schiller'a, «Histoire de la restauration» Daudet или «The irish Sketshbook» Теккерея и III тому Гервинуса. Понятно, работа кипит, и глаза—только «держись». Впрочем, два первые сочинения я уже кончаю, они не очень интересны. Додэ, так, скелетом кажется после Гервинуса, и сочинение совсем не оригинально и не остроумно; тридцатилетняя война тоже обманула меня. История освобождения Нидерландов, которую я только здесь прочитала, понравилась мне гораздо более. Я советую даже тебе прочитать ее по-немецки (8-й т. полн. собран. сочин.). По сюжету это тебя заинтересует, а язык прост до изумительности, я уверена, тебе легко будет, и польза получится двойная. Гервинуса по-русски читать труднее, чем Шиллера по-немецки, у меня просто язык заплетался, читая его про себя, глазами. Это заплетание мешало даже иногда сосредоточиться на содержании. Но, вообще, я довольна покупкой Гервинуса, некоторые мысли его очень пришлись мне кстати, потому что соответствуют тому предмету, о котором я думаю часто. До описания Гервинусом революционного движения 20-х годов [оно] не особенно интересовало меня, и мне не приходила мысль, почему именно в это время мы видим, что военное сословие выступает во главе движения во Франции, Испании, Италии и у нас. А 5-я часть «Восстание Греции» интересно по сходству, которое оно имело с борьбою других народов за национальную независимость, напр., Америки, Нидерландов, Ита-

лии. Шлоссер, описывая отпадение Америки от Англии, выражается очень язвительно насчет американских воинских доблестей и скудости финансов; собственно говоря, он снимает всякий ореол с этой войны; но, кажется, это была судьба всех подобных войн, где действовала вся масса, и успех их зависит, кроме благоприятствовавших внешних условий, не столько от героизма и самопожертвования народа (отдельные случаи встречаются во всех них), сколько от общности известных чувств и стремлений.

Целую вас обеих. Надеюсь, мамочка, что 18-го явитесь уже совсем устроившись.

Фигнер.

55. Матери и сестре Ольге.

11 сентября 1884 года.

Милая мамочка и Ольга. Случилась «маленькая неожиданность»: сегодня в 3 часа мне вручен обвинительный акт, а через полторы недели, может быть, и суд (время еще не назначено). Хорошо, Ольга, что ты получишь это письмо, уже сдавши экзамен, который у тебя завтра, и маленькое волнение, которое ты испытаешь при этой новости, не помешает тебе пожать обычные лавры. Пишу в том чаянии, что до свидания еще целая неделя, и узнать вам за 2—3 дня раньше может быть интересно, да и мне не придется вас огорчать. Пожалуйста, мамочка, по приезде отложите какие бы то ни было соображения обо мне.

1929 г. Это письмо было последним до суда, который начался 24 сентября 1884 г.—22-го меня перевезли из Петропавловской крепости в Дом предварительного заключения; 23 в воскресенье, дали первое *личное* свидание с матерью и сестрой Ольгой, и я видалась с ними ежедневно до вступления приговора в силу. После этого меня перевезли снова в крепость и через 10 дней, 12 октября 1884 г., отправили на пароходе—я не знала куда. Золотой ключ на шпице показал, что это был Шлиссельбург[1].

В Шлиссельбургской крепости всякая переписка с родными была прекращена, и это продолжалось целые 13 лет, по 3 января 1897 г., когда я получила письмо от сестры Ольги (тогда по мужу Флоровской), а 16 февраля—первое письмо от матери, и нам, заключенным, было разрешено *два раза в год* писать и два раза получать письма от ближайших родных.

Серия писем из Шлиссельбурга и начинается ответом на первое письмо матери. Из немногочисленных писем оттуда (1897—1904 г.г.) только 5 сохранились в подлинниках (от 17 окт. 1897, от февраля 1898 г., 19 сент. 1899 г.; 2 марта 1900 г. и 30 сент. 1903 г.), остальные имеются только в копиях.

---

[1] См. I т. Собрания соч. «Запечатленный Труд».

ПИСЬМА ИЗ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ.

1. Матери.

2 марта 1897 г.

Дорогая моя мамочка. Две недели тому назад, 16-го февраля, я получила ваше письмо от 13-го, и мне сказали, что я могу писать вам два раза в год. Извините, моя бесценная, что не сейчас же ответила вам. Переписка для меня такое необычное дело, что, мысленно бывая иногда по целым дням со всеми вами и свободно беседуя во сне и на яву с вами, я совершенно теряюсь, приступая к бумаге. Да и по тону вашего письма, моя дорогая, мне показалось, что и вы в затруднении: поздняя радость, должно быть, мало или совсем не греет... Обнимаю вас, моя милая, дорогая. И осыпаю поцелуями ваше лицо и ручки. Больно мне из первого же письма вашего узнать, что здоровье ваше расшатано и что Лидочка[1] ведет жизнь, сильно отрывающую ее от детей. Я получила еще 3 января длинное письмо от Ольги, в котором она подробно пишет обо всем этом. Краткие канцелярские бюллетени, которые я получала до сих пор, не давали мне никакого реального представления о вашей жизни. Благодаря этому, а частью потому, что я люблю всех вас и хотела бы всего лучшего для вас, я создала в своем воображении настоящую идиллию, наступившую с возвращением

---

[1] В Риге.

сестер [1], и мало размышляла о том, сколько усилий, труда и разных условий нужно, чтобы поставить на ноги все наше многочисленное молодое поколение... Чем же, с своей стороны, порадовать вас, мои дорогие мамочка, Лида, Женя и Оля? [2]—Я здорова; в материальном отношении ни в чем не нуждаюсь; книг для специальных занятий и для общего чтения имею достаточно. О своих занятиях скажу, что понемногу пополняю свое образование. Я познакомилась здесь с тригонометрией, физической географией, астрономией, ботаникой и с гистологией, с энтомологией, кристаллографией, минералогией, геологией, а из общественных наук—со статистикой и государственным правом. Все это открыло мне совсем новые горизонты и дало много бодрости и сил. Оглядываясь назад, я часто жалела, что, когда ехала учиться за границу, то не имела никого, кто бы указал мне на необходимость положить сначала основы общему естественно-научному образованию, а потом уже отдаться медицине. Впрочем, едва ли я тогда послушалась бы: горячее желание послужить обществу практическим делом заслоняло всякую более широкую постановку научного образования. Но я не перестаю жалеть, что детское и школьное образование мое носило чисто книжный характер и было совсем чуждо реальной природы. Приехав сюда, я знала одну единственную травку «тысячелистник», название, которому вы научили меня, мамочка. Потом мне принесли случайно из лесу одно растение, и когда оно зацвело, я с радостью узнала в нем то, что вы называли «царицей поля». Настоящее название его таволга (Spirea ulmaria из розоцветных). А когда, бывало, на каникулах в Никифорове мы сидели всею семьей вечером на террасе и смотрели на звезды, то, кроме Большой и Малой Медведиц, не различали ни одного созвездия. Еще мы любовались тогда на «Крест».

---

[1] Из ссылки в Сибирь.

[2] Лидия, Ольга и Евгения—мои сестры.

Но такого созвездия, оказывается, нет во всем северном полушарии. После тщательных поисков на карте звездного неба я отыскала, наконец, те крестообразно расположенные звезды, которые привлекали наше внимание и врезались в моей памяти: это ни что иное, как созвездие «Лебедь». Я была так рада, найдя этих старых никифоровских знакомых. Лидинька, наверное, помнит этот крест (у нас гувернанткой была тогда Вера Ивановна [Малинина]). Когда это лето вы все соберетесь в Никифорове, пусть Сергей Григорьевич [1] научит детей разыскивать и различать главные созвездия и расскажет им о луне, ее движении, фазах и проч.; а Ольга, которая изучала ботанику, пусть купит определитель растений (я пользуюсь определителем Постеля,—но, может быть, есть лучшие) и научит детей распознавать обыкновенные полевые травы и цветы. Бывали ли дети в зоологическом саду, в аквариуме, музеях (я ни разу не бывала—и очень жалею)? Пусть они заходят в лавки, где продают птиц (я не знала ни синички, ни скворца, ни снигиря, которые здесь водятся). Заставьте их также распознавать рыб (я только здесь познакомилась с ершом). Все эти рецепты вызовут у вас улыбку, но вы не поверите, как досадно и отчасти трудно учиться всем этим азам в 40—45 лет; а дети могут усвоить все это легко, играючи: нужно только обращать их внимание на это. Я высказала удивительное тупоумие во всем, что касается физической географии и астрономии, а все потому, что никогда никто не заставлял меня ранее думать об этих предметах. Мне кажется, Ольга могла бы быть полезна летом детям, знакомя их также с главными горными породами: я не умела отличить известняка от песчаника. Мы живем так далеко от природы, от реальных предметов; все наши знания так теоретичны, что я была бы чрезвычайно довольна, если бы

---

[1] Муж сестры Лидии—Стахевич.

оказалось, что молодые Стахевичи и Сажины[1] учатся и будут учиться по другому способу и другим предметам, чем училась я. Помните, некогда папочка трунил над тетей Лизой [Головня], как институткой, что там думают, что караваи хлеба растут готовые на стеблях в поле; ну, я, положим, уж этого не думала, но все же до 40 лет не знала ни земли, ни неба, ни цветов, ни птиц, ни рыб, ни звезд... Теперь мне все это кажется диким, и молодое поколение должно итти дальше нашего.

Ну, дорогие мои мамочка и сестры, этим я закончу мое письмо. Второе напишу уже летом, после моего рождения, адресуя его прямо в Никифорово. Ограничение двумя письмами в год касается меня, а не вас[2], и если это так, то пишите мне обо всем, что сочтете возможным сообщить о себе. Целую и обнимаю всех вас, а также братьев. Ольге большое спасибо за память и за письмо. Я удивилась: она пишет, словно мы неделю назад расстались: и все выходит у нее так ладно и складно... Заметно, что она со своим мужем[3] очень дружна—сердечно радуюсь ее семейному счастью. А как же это случилось, что вы, мамочка, только теперь в Риге познакомились с этим зятем, а ранее, по словам Ольги, лишь мельком видели его? Чем хворает Настя?[4]. Поцелуйте ее от меня, а также Куприяновых и старых Головней[5]—я их всегда добром поминаю за ту нравственную поддержку, которую они мне оказывали, когда я собиралась учиться за границей. Жаль мне дядю Петю[6]. Я всегда очень уважала и любила его.

---

[1] Сажин М. П.—муж сестры Евгении.

[2] Я ошиблась: писать родные могли много раз в год, но передаваться [письма] мне могли только 2 раза в. год.

[3] Врач С. Н. Флоровский.

[4] Жена брата Петра.

[5] Родственники.

[6] Петр Христофорович Куприянов, единственный брат моей матери.

Оля очень симпатично описала мне «девочек» Куприяновых; они в моих воспоминаниях, ведь, все еще маленькие «девочки». Тяжело было читать о Коле Семенове[1]. Что его нога? Мне как-то непонятно то беспомощное положение, в котором его описывает Оля... Еще раз обнимаю и целую вас и желаю всего лучшего. Будьте здоровы, дорогая мамочка: не могу и не хочу примириться с тем, что вы слабеете,—это поистине удручает меня... Еще раз целую ваши ручки. Образ, который когда-то мне так нравился в Никифорове, я получила вместе с письмом вашим. Я хотела бы иметь ваш рижский адрес. С ваших писем я снимаю копии, чтобы перечитывать их много раз: подлинник приходится возвращать. Прощайте же, дорогая моя, и поправляйтесь. Да здравствуют и внучата ваши: пусть вырастут они добрыми и честными людьми на радость своим хорошим матерям.

Ваша *Вера Фигнер.*

2. Матери.

30 июля 1897 года.

Я все поджидала от вас письма, дорогая мамочка, а потому не писала, но теперь боюсь, что вы будете беспокоиться, что я долго не исполняю обещания написать вам 24 июня. Мне хотелось бы написать вам под свежим впечатлением, когда получу письмо от вас, но после письма из Рипи от 7 апреля, которое мне выдали 4 мая, я ни от вас, ни о вас ничего не получала. Спасибо Геничке за детскую группу, и прежде всего честь ей и слава, что выкармливает таких пухленьких ребят. У одного щечки точно налитые, а Сережа замечательно миловиден. Теперь у меня есть и дети Лидии, и дети Сажиных; так попросите Колю[2] снять

---

[1] Кузен

[2] Брат, знаменитый тенор.

такую же общую группу его детей. Тогда, поставив три эти карточки, я буду улыбаться всей этой милой детворе. А я в то время, когда вы выращиваете своих птенцов, тоже занимаюсь воспитанием... ласточек. Дело в том, что здесь каждый год летом бывают бури, последствием которых является масса сброшенных с каменных стен и карнизов ласточкиных гнезд, и я уже много лет подбираю сирот, выкармливаю и воспитываю их, а затем выпускаю в поднебесье. Вы не поверите, что это за милые птички: умные, ласковые. Один недостаток — обжоры ужасные. К счастью, в это же время здесь бывает полет сетчатокрылых мотыльков фриганок, которых я зову песьими мухами, что Моисей послал на Египет; их у нас бывают целые тучи, покрывающие всю растительность; прожив несколько дней, они умирают и тогда их сгребают кучами. Это чисто местное явление, отмеченное даже в описаниях этих мест. Так вот этими-то насекомыми да мухами я кормлю их, делая на прогулке громадные запасы. Но иногда их нехватает, тогда, сидя перед птичками, я уговариваю их не требовать больше и развожу руками в знак, что более нет. В эти дни, недели 1½—2, у меня стоит такое щебетание и младенческий писк, особенно ночью, когда мои птенцы чиликают в 4—5 часов, что я точно в птичьей лавке. Иногда заснуть не дают. А в 4 часа уже будят снова; должно быть, на рассвете особенно сладко грезят о пауках и мушках и потому поднимают во сне удивительный концерт. Но я не в претензии: иные так привыкают, что, не умея еще летать, бегают за мной, как собачки, а когда я сижу, цепкими лапками вскарабкиваются с пола ко мне на колени. Часто я лежу на койке, с книгой в руках, а на груди у меня ласточка. Или сижу и читаю, а в горсточке держу птичку; они такие маленькие, тепленькие и пушистые и как-раз укладываются в замкнутую горсточку. В особенности, если воспитываешь не несколько сразу, а одну, они бывали понятливы, пытливы и инте-

ресны—точь-в-точь ребёнок. А как улетят, так пусто становится и скучно, и несколько дней тревожишься и думаешь: не погибли ли на первых же самых трудных шагах, не подготовленные к естественным условиям жизни. Но ласточки живут дружно, и иногда я видала, как вылетевшая молодая ласточка тотчас же окружалась более опытными, и все вместе начинали кружиться в воздухе, пока не исчезали из глаз. Глядя на лица детей Лидии, я строю предположения об их характерах и задатках. О Грише, когда я была в Петропавл. [1], отец писал из своего дневника детского, что он сидит под стулом и цапает ручкой свет и тени от переплета стула, освещенного солнцем... А теперь он становится уже юношей и, если не непосредственно из жизни, то из литературы будет черпать сведения о свете и тенях жизни. Верочка, должно быть, удивительно живая и резвая девочка, а Таня выглядит замечательно солидно. Обе они премиленькие. Дети Евгении еще слишком малы, чтобы судить о них—только бутузы они—это верно. А Боря худее других и, может быть, от этого смотрит не так добродушно. Как-то они провели лето? Много ли пользовались удовольствиями? Самое лучшее в моих детских воспоминаниях, это — летние вакаты в деревне; так что я теперь с детьми и вами заочно дышу воздухом полей. Теперь уже поздно, а на будущий год свезите детей в Лазаревскую рощу (как хорошо в ней было: тенисто, густо, таинственно) и в Сюкеево, куда мы ездили с Головнями в 76-м г. Эта поездка мне хорошо помнится, и я с удовольствием встретила в учебнике минералогии Лебедева о Сюкееве, как замечательном месторождении гипса. Мы с тетей Лизой лазили тогда в тамошние пещеры. Теперь я набрала бы там всяких окаменелостей, раковин, образчиков горных пород. Тогда-то ничего не знала об этом. А Ольга, если будет с вами, то должна руко-

---

[1] Петропавловская крепость в Петербурге.

водить детьми, так как на Бестужевских курсах проходила геологию. Это лето я занимаюсь огородничеством. Уже несколько лет не обрабатывала сама грядку, хотелось учиться как-раз в те часы, когда бываю на воздухе; но в этом году потянуло к ухаживанию за землей. Я очень люблю и копать, и сажать, и поливать. Как я рада, что у вас в Риге при доме есть сад! Не будет ли грядок для детей? Хорошо бы им копаться над своим клочком земли: ведь так приятно вырвать собственную марковь-коротель! Я часто представляю себе вас, склонившуюся над парниками или цветами. Вы так любили заниматься ими в старые годы. Жаль только, что тогда мы, дети, ничего самостоятельно не возделывали, благодаря каникулам, падавшим на середину лета. Столько невинных радостей дает это ухаживание за землею. В этом отношении я страстная поклонница гр. Толстого: мне всегда жаль городских детей, лишенных всякого понятия о деревне со всею ее благодатью. Я как-то недавно прочла во французском журнале об обычае, сильно распространенном в Дании: десятки и сотни тысяч детей из города едут в деревню, и обратно деревенские ребята едут летом в город; это как бы обмен детьми между городом и деревней. Городские общественные власти собирают заранее сведения в городе о деревне: кто сколько детей может принять в свою семью на вакационное время. Затем организуются специальные детские поезда (под надзором особых лиц), развозящих детей по стране. Помещенные в семье, они живут на правах членов, пользуясь в деревне всем привольем ее, а в городе посредством экскурсий и осмотров всего достопримечательного знакомятся с городскими диковинками. Дания недалеко от Бельгии, и я вспомнила о статье Лидии Куприяновой [1], о литературных произведениях которой мне писала в январе Ольга. Я и об'явление встречала, но доселе

[1] Кузина, дочь дяди Куприянова.

оно еще не выполнено. Вообще с об'явлениями бывают иногда курьезы: я усердно читаю орган нашего министерства финансов и вот однажды натолкнулась на публикацию, что продается с торгов, за невзнос платежей, театр Коли. Он, вероятно, посмеется, какие хорошие сведения я получаю. Из вашего письма, дорогая мамочка, видно, что вы все находитесь в периоде разведения цветов и украшения садов. Так я могла бы посоветовать вам и Николаю некоторые цветы. Здесь покровительствуют огородничеству и садоводству и не отказывают в выписке семян и растений, так что за эти годы я приобрела порядочные сведения в этой области. Я не буду называть массы растений, а напишу в конце некоторые, чтобы иметь одни и те же цветы с вами. Вы доставили бы много удовольствия детям, если бы развели в саду малину и клубнику. Их, конечно, можно приобрести в Казани, и какая-нибудь дюжина кустов дает в несколько лет порядочную плантацию. У нас, ведь, в Никифорове всегда было бедно по этой части. А какое разнообразие и раздолье для детей было в Христофоровке! В моей памяти этот сад—оазис, научивший меня любить деревню, природу и землю, и мне хотелось бы, чтобы Никифорово было для детей тем же. Беден человек, когда у него нет уголка, с которым он был бы связан тысячью нитей мелких радостей и впечатлений. Когда вырастешь, все это уже не занимает, и только при воспоминании в памяти всплывает все, как нежная травка молодости. Прощайте, моя дорогая мамочка. Обнимаю всех вас. Мне было бы очень приятно, если бы Евгения и Лидия прислали мне в вашем письме хоть один собственноручный поцелуй: я посмотрела бы на их почерк. Почерк Лидии я уже не помню, да и Геничкин хотелось бы обновить в памяти. Будьте здоровы, мои милые.

Ваша *Вера Фигнер.*

Портрет Сажина я получила, он нисколько не изменился. 15 января я буду ждать от моей милой Оли отчет, что она целый год делала.

1. Dyclitra spectabilis. Сердце. (Семейство дымянковых). Взять отводок или купить в горшке. Отлично разводится черенком. Прекрасные кисти оригинальных цветов в форме сердца. Разрастается в куст 1—1½ арш. высоты. Многолетний.

2. Delphinium formosum (coelestinum). Из семян, синие цветы, высокий травянистый куст.

3. Aquilegia glandulosa (Орлик, Водосбор) из семян. Прелестный голубой с белым цветок звездою.

4. Delphinium elatum (голубой). Чудной красоты. (Из семян).

5. Phlox decursata (флокс). Цветет осенью и теперь и чудно пахнет. (Из семян).

И все эти многолетние на зиму прикрывают слегка соломой. Написала бы еще, да нет места. Заведите же их, милая мамочка.

Вера.

3. Матери.

28 февраля 1898 года.

Дорогая моя мамочка. Вчера я получила ваше письмо от 17-го, из Пб., и сейчас же отвечаю в чаянии что, быть может, и Оля уже у вас в Риге. Вы пишете, дорогая, что я давно не писала вам (с сентября), но ведь я имею право писать вам только 2 раза в год, и потому 6 месяцев—это нормальный срок. А, кроме того, представьте себе человека, который много дней не ел и, кроме пищи, нуждается еще в одежде и крове... и вдруг он находит две копейки... Я думаю, что он не будет знать, что делать с этим капиталом... Нечто подобное происходит и со мной: после долгой разлуки с вами я ума не приложу, как бы получше использо-

вать мои два письма... И вот, я жду минуты вдохновенья, чтобы написать вам такое письмо, которое обрадовало и утешило бы вас... Но, так как у вдохновения широкие крылья, то я скромно останавливаюсь на том, чтобы вышло только вполне корректное письмо, не такое нежное, чтоб вы над ним плакали, и не такое холодное, чтоб в уме встала картина, изображающая солдата, заносимого снегом... с подписью: «На Шипке все спокойно»... То обуревает меня боязнь, что раз написав, — я целые полгода должна буду молчать, а между тем будет какая-нибудь настоятельная необходимость обратиться к вам или ответить на какой-либо запрос с вашей стороны... То, как скупец, я рассчитываю накопить капитал... долго, долго не писать, а потом использовать его, посылая одно послание за другим. Одним словом, столько предположений и затруднений, что, махнув рукой и решив, что «куда ни кинь—все клин», я решаюсь забыть о переписке и сижу в молчании до какой-нибудь встряски, в роде известия о вашей болезни, дорогая моя, о которой вы теперь пишете... Осенью, 23 сентября, я получила письмо от вас и 30 фотографий. Мне очень хотелось тогда же поделиться с вами моими впечатлениями... Но нельзя было: два письма были уже написаны, и надо было ждать конца года... Теперь так живо я уже не могу вам написать об этом... Во всяком случае, очень признательна и Коле, и вам за счастливую мысль, давшую мне возможность увидеть и никифоровскую землю, и никифоровское небо, и всю родную обстановку, и все ваши милые лица... Сколько лет я уже там не была!.. Но знакомо там все... и все мило. А старые деревья у пруда, какие печальные. Я хорошо понимаю, почему Олечка хлопочет перед вами об их реставрации. Да, теперь они уже не гармонируют в таком изломанном виде с той молодой жизнью, которая летом у вас там кипит вместо пустынности и заброшенности, которая рисовалась воображению, когда сестры были еще в ссылке и вся семья

в разброде... Теперь все собрались, и все изменилось... Усадьба Коли, парк, место детских игр, «Медеин спуск[1], как я зову лестницу от балкона к реке, обилие и разнообразие цветов,—все мне очень понравилось; да, я любила эту местность, когда там жили еще Казаковы[2], и помню тот кедр, который растет в парке: вы мне его показывали, и тогда я впервые увидела шишку с орехами. Петина усадьба тоже хороша,—а я до писем ваших все думала, что он купил Зубаревку[3],—так глухо было сказано в сведениях об этой покупке... В Никифорове появились тесовые крыши, которых в мои времена не было, кроме избы Горшенева. В Васильевке[4] же заметна диференцировка: одни поправились, другие обеднели; одна изба стоит даже без крыши... видно, ушел хозяин куда глаза глядят... Никак не могла я ориентироваться, где выстроена в Никифорове школа. И очень неприятно поразил вид ребятишек у школы... Что это за изнуренные, жалкие, тупые лица... вырождающееся племя какое-то. Неужели так страшно бедно наше Никифорово. Когда мы с Женей жили в Вязьмине[5] и у нее была школа, то, хотя село было бедное, но дети не имели такого вида: то были живые, симпатичные лица... Геничка, конечно, помнит... Теперь ее ученики взрослые мужики и верно ее добром поминают, не забыли «золотой своей учительши», как ее называл Петр Гаранин. А право, я всегда с хорошим чувством вспоминаю эту нашу жизнь, милая Геничка. А ты как?.. Теперь там владельцем уж не граф Нессельроде, а (должно быть, какой-нибудь купчина)—петровский городской голова Волков... Ты удивляешься, откуда я знаю... Но мне раз встретилась в книге заметка о летних колониях

---

[1] Медея—певица, вторая жена брата певца.

[2] Прежние владельцы.

[3] и [4] Деревни вблизи Никифорова—имения моих родителей.

[5] Вязьмино—село Саратовск. губ., в котором я жила, служа в земстве.

учащейся молодежи, и я прочла, что в селе Вязьмине владелец (имя рек) уступил на лето все постройки для вакационной колонии гимназисток. И рассказывалось местоположение, живописные берега Медведицы... и все очень верно. Мне так живо представилось, как мы там жили и когда цивилизация в виде гимназисток туда еще не проникала. Вообще, я читаю всякую всячину и не пропускаю ничего о своей губернии—после продолжительной экскурсии в космополитизм стала узкой патриоткой, и — вы, конечно, улыбаетесь — я слежу за куроводством в наших родных палестинах. В органе министерства земледелия «Журнал сельского хозяйства и лесоводства» я прочла, что самые дешевые яйца—в нашем Тетюшском уезде (70 коп. сотня) и что из всей губернии у нас же самые плохие куры... (не к чести Пети и Коли—крупных местных землевладельцев). Правда, близь крыльца, у Куприяновых, на фотографии стоит крупная курица из породы Барма (по уверению знатоков), но, повидимому, ее одной недостаточно для поднятия в уезде птицеводства. Прочла я там же с удивлением, что по всей нашей губернии рассеяны агенты разных фирм, скупающие яйца целыми миллионами, и что главный торг идет на Лаишев. Там же сказано, что в нашем Тетюшском уезде закупает одна фирма из Риги, и подумала я, что мамочка кушает в Риге яйцо всмятку и не подозревает, что, быть может, оно откуда-нибудь из окрестностей Никифорова. Все подобные сведения дают мне канву для мысли о вас... Напишите мне, пожалуйста, точнее название места и завода, где орудует Петя, ибо в «Вест. Финансов» я читаю статьи о горной промышленности на Урале и на Дону и никак не могу напасть на следы Петра. Ну, дорогая мамочка, ваше нездоровье заставило меня взяться за перо, а между тем я говорю все о другом. Несказанно вы огорчаете меня своею хворью... Что же, собственно, находит доктор? В прошлом году он ничего не нашел: общее состояние было нехорошо. А те-

перь? И что это вы пишете о скверном душевном состоянии? Происходит ли оно от нездоровья, которое не может не угнетать дух, или у вас есть какая-нибудь реальная причина огорчения? Что бы это такое было?.. Вот, о чем я теперь долго, долго буду думать, если только Оля не напишет чего-либо из Риги и департамент передаст ее письмо. А вот было мне горе. В письме от 7 декабря вы говорите, что Оля писала в июне, но письмо пропало, и она опять написала... и вы спрашиваете, получила ли я? Но я не получала... должно быть, в департаменте полиции не понравилось что-нибудь в нем—и мне не передали... Это так расстроило меня, что весь февраль я не решалась писать вам и не находила слов для письма. И теперь, если Оля исполнит свое обещание написать по возвращении из Риги, то наведите через кого-нибудь в департаменте справку, отправят ли письмо ее мне. А то ни вы, ни Оля не знаете, доходят ли ее письма. Кроме того, надо иметь в виду, что обыкновенно и от родных письма отсылаются сюда два раза в год. Поэтому, быть может, лучше вам соединять свои письма с Олей и посылать одним пакетом. Лишняя передача — это уже любезность, которой могут и не оказать... А для меня это очень чувствительно... В прошлом году, в это же почти время, были от вас худые вести и теперь худые... Болезнь Лидиньки тоже меня беспокоит: инфлуэнца бывает разная... Поправляйтесь же, мои дорогие, на успокоение всех любящих вас. Крепко обнимаю Лиду и Геню за их автограф... всего несколько слов, а как они растрогали меня... Целую вас, бесценная мамочка, и ваши дорогие ручки. Напишите мне, пожалуйста, чем хворает Настя и жив ли Коля Семенов?..[1] Привет братьям и их женам... Теперь уже до глубокой осени не придется говорить с вами и в деревню уедете без моего напутствия... Так я заранее предлагаю вам, если все

---

[1] Родственник.

у вас будет благополучно, то пригласите на каникулы из Казани какого-нибудь студента-естественника последнего курса для того, чтобы он со старшими мальчиками делал летом экскурсии: ботанические, минералогические, зоологические. Они—в реальной гимназии и уже имеют кое-какие познания в этой области,—сведущий человек практически познакомит их с массою вещей, кот[орых] не дает школа. Я думаю, Лидиньке и Серг[ею] Гр[игорьевичу] понравится этот план и они обдумают его... Обнимаю вас, моя дорогая. Мамочка, последняя четвертушка—Оле.

Вера.

28 февраля 1898 года.

Голубка, дорогая моя Оля. Из письма моего к мамочке, которое ты, вероятно, прочтешь, ты увидишь, что до сего дня я получила от тебя только одно единственное письмо, где ты описываешь свое путешествие с мужем по всем родным, а осеннего письма я не получила... Ты поверишь, что эта неудача чрезвычайно огорчила меня, и я боюсь, что у тебя отобьет и охоту писать мне. Я знаю, что стоит написать большое письмо в тех условиях, в каких ты пишешь, обращаясь ко мне, и, если такое письмо не доходит по назначению, то лишь горячая любовь может подвигнуть человека на новую попытку. Все это побуждает меня послать тебе эти несколько слов, хотя, конечно, ты знаешь, что в письмах к мамочке везде, где стоит ее имя, подразумевается и твое, моя дорогая. Но, обращаясь к тебе лично, я уже тебя свяжу с собою крепкими узами, и ты не убежишь от такой неблагодарной переписки... Милая моя. Твое прошлогоднее письмо, бывшее первой ласточкой, вызвало во мне такие смешанные чувства радости и боли, что месяца три я ходила сама не своя... Когда привыкнешь к определенному умственному и моральному режиму, то всякая новизна есть внутренняя ломка. И хотя я прежде всего мечтала о

переписке, как о благе, но, когда она пришла, то мне казалось, что пришла она так поздно, что способна вызывать только страданье... В самом деле, ты подумай: в сказках рассказывается, что в неведомой стране, во дворце, спят зачарованные люди. Сон застал их среди радости и веселья, и они так и застыли в своих позах. И через много лет приходит королевич с живой водой и кропит людей и все окружающее их... И вот, зацветают цветы... птицы щебечут... кавалеры и дамы просыпаются... кровь приливает к их лицам... улыбка появляется на устах, и закипает та радостная, светлая жизнь, которая была прервана глубоким сном... Ну, а если другое... если... ценою тяжелой внутренней работы время усыпило, заткав своею паутиной и покрыв своею пылью, всю ту скорбь, которая выпадает на долю всякого, извергнутого из общества, из семьи и даже из мира жизни... и такого человека спрыснут живой водой, и все, что сковал глубокий сон, что он затаил, похоронил, почти убил в себе, все это просыпается, оживает и восстает из самых внутренних глубин его духа... Это ли не ломка? А когда пишешь вам, так уже не прогонишь мысли о вас, не заглушишь воспоминаний. Оттого так трудно и писать вам... Потому я и оставалась в долгу у тебя более года и впредь, конечно, буду оставаться... Я уверена, что ты понимаешь это... я уверена, что хоть в ослабленной форме, но ты сама чувствуешь то же, когда пишешь мне или думаешь обо мне. Да ты даже высказываешь это в том письме твоем, когда говоришь, что пила с Сергеем [1] за мое здоровье в день именин моих и тебе было грустно, при воспоминании о другом 17 сентября... Ты пишешь там также о твоем муже, как о моем друге. Это ты его приобрела мне. Но я думаю, что ты его загипнотизировала и действовала внушением, и боюсь, что я бы не понравилась ему, пожалуй, без гипноза, такою, ка-

[1] Муж Ольги—Флоровский.

кова я есмь. Мне кажется, он выглядит здоровее в никифоровской обстановке (на фотографиях), но вообще он там фигурирует кое-где каким-то галаховцем (Геничка знает, кого так зовут в Саратове) [1]. Все эти карточки доставили мне большое удовольствие... даже то, что солнце било вам в глаза и вы щурились и даже гримасничали, придает особую жизненную жилку всем этим картинкам. На одной большой группе у тебя такая мина, что нельзя не рассмеяться... Ты там мне напоминаешь тебя, когда ты была маленькой девочкой и в деревне щеголяла в тех белых башмаках, в которых я танцовала и в которых венчалась: к чести твоей ножки надо сказать, что они были тебе велики... и это-то и было забавно. Целую тебя, моя дорогая.

Твоя *Вера.*

В Крыму я была, но не в тех местах, которые ты описывала.

4. Матери и сестре Ольге.

17 октября 1898 года.

Дорогие мои мамочка и Оля.

Как давно я получила ваши письма. Это было 2 июля: ваше, мамочка, писанное дневником от 24 мая—12 июня, да твои, Оля, два—от февраля, которого я ждала почти полгода, и другое майское из Омска, которое ты писала перед от'ездом в Никифорово. Как-то вы провели лето? Запаслась ли мамочка здоровьем? Помните, мамочка, однажды, давно-давно, вы увеличились на 15 ф. в весе за время жизни в деревне, дома. Хорошо бы, если и теперь на столько же. А Оля наша, как биллиардный шар, катается: все ездит и раз'езжает; удивительная подвижность. Это мне нравится... Представьте себе глубину морскую, и там, в синеве вод, сидит неподвижно полип, прикованный ко дну и к своему полипняку, и видит (!) он, как подвижная рыбка снует туда

[1] Соответствует американскому: «tramp»—бродяга.

и сюда, резкая и деятельная... вот нечто в роде меня и Оли... Я доселе не писала вам по разным причинам: хотела дождаться вашего возвращения в Ригу да еще думала, что к 17 сентября, может быть, будет что-нибудь из департамента от вас... Но ошиблась. Отвечу сначала на ваши письма. Вы спрашиваете, мамочка, получила ли я образ спасителя, который вы мне послали. Да, я тогда же получила его и в первом же письме моем (которое, по словам Оли, находится у нее на хранении) известила вас об этом. Правда, известила коротко, в двух словах, и потому-то вы, вероятно, и забыли об этом. Вы думали доставить мне удовольствие этой присылкой. И, в самом деле, как часто припоминался мне этот образ в первые годы моего пребывания здесь... Этот окровавленный венок, эти печальные, полные слез глаза... Мои воспоминания были воспроизведением [впечатлений] 17-летней девочки, в деревенском доме, в уютной комнате, где падающий сверху кроткий свет лампадки как-то особенно настраивал в тишине ночи. Эти впечатления жили и сохранялись, и возрождались здесь много-много раз, именно такими трогательными и кроткими... Но вы теперь прислали его, — его, реальный предмет, а не мечту, мечту полуребенка... Уж теперь вся душа моя переменилась, все чувства мои другие; мои понятия о страдании не те, совсем не те. Этот образ для меня теперь совсем чужой, неестественный и грубый: эти щеки—слишком румяны; поза не натуральна; а слезы, а кровь — не настоящие слезы, не натуральная кровь. Нет, нет, не настоящие... Вот, дорогая моя, почему я так холодно, так кратко поблагодарила вас в том письме: вы нечаянно разрушили одну из моих иллюзий. Но, что же говорить об этом...

Ты пишешь, милая Оля, о программе для занятий с детьми. Но я в этом совсем неопытна и не могу быть полезной: один товарищ написал мне об этом свои заметки; по-моему, недурно; но все же слишком обще и, хоть я и не

слежу и совсем не знакома с педагогической литературой, но полагаю, что все это давно изложено другими, в своем месте, и каждая мать, при современном интересе к делу воспитания детей, легко найдет массу всякого рода сведений и материала в разных журналах и учреждениях. Я, например, видела несколько раз указания на петербургский кружок родителей, и Лидинька могла бы в Петербурге посетить это общество и забрать все нужные справки там. Однажды я читала чуть ли не в журнале «Русская школа» описание уроков наглядного обучения в петербургских городских школах,—так это прелесть что такое. Там и взрослый-то нашего поколения и книжного воспитания многому научиться может. Вот, если ты будешь в Петербурге жить, то ты посети несколько городских школ и всяких педагогических учреждений и проложи путь Лидиньке, чтобы она могла приехать к тебе на время со специальной целью взглянуть на всякие приемы занятий с детьми, не теряя времени на поиски. Для меня было открытием, что и ты сама недовольна результатами Бестужевских курсов и находишь их слишком теоретическими. Если ты это действительно чувствуешь, то не упусти случая, когда у тебя будут под рукой все средства приобрести практические навыки и познания в области геологии, зоологии, ботаники и физики. Если бы ты решила: аккуратно, раза два в неделю, посвящать этому часа два, то достигла бы отличных результатов. Эти маленькие усилия, накопляясь, дают чрезвычайно много, только надо неизменно, систематически повторять их. Ты знаешь, как я делала? Я брала, например, коробку с минералами и рассматривала один за другим, по порядку. Сначала почти ни одного сама не назовешь. А потом переберешь их еще и еще раз; берешь то там, то здесь и вспоминаешь, как он называется. Через несколько дней повторяешь, проверяя, помнишь ли. И периодически делаешь и после себе маленькие экзамены. И так приобретаешь по-

рядочный навык; теперь я на-глаз очень порядочно определяю горные породы, а было время—и не так давно—песчаник, известняк были для меня оба—камни, и я не могла уловить разницу между тем и другим. Иной раз у меня полка в мастерской ломилась от «горных пород», натаскивали такие громадины гранитов, сиенитов, гнейсов, гранулитов. Здесь всего этого изобилие и, при занятиях огородничеством и садоводством, делаются прекрасные раскопки. Одно время собирали и окаменелости: нашлись ортоцератиты, трилобиты (sic). В стенах из плит известняка масса всяких замечательностей: есть мшанки и многое иное, чего ты, моя милочка, верно уж и не помнишь. Так догоняй-ка свою сестренку не для знания «для знания», а для того, чтобы, зная окружающее, помогать другим—детям, тем, для кого высшие курсы недоступны.

Все это время я не перестаю думать о Лидиньке и о том, как бы вы все, миром-собором, придумали и приискали какое-нибудь определенное занятие для нее и Сергея Григорьевича. Как это: интеллигентные люди и чтобы не нашли применения для своих сил. Не думали ли вы об издательстве, о заведении библиотеки или книжного магазина? Вот Сажин, оборотистый человек, а летом, судя по вашим письмам, он оставит Тюмень и будет жить с семьей в Риге. Значит, вас будет целая компания, и Михаил Петрович, верно, сейчас же наметит для себя что-нибудь определенное. Как хорошо было бы устроить сообща какое-нибудь практическое дело, а братьев привлечь в качестве капиталистов. Я читала как-то, что при Московском университете держали экзамен 2—3 женщины на провизора. При чем говорилось, что, так как женщины в России не допускаются к слушанию лекций по фармации в университетах, то эти дамы представили свидетельства о прохождении курса частным образом. И в другом месте читала, что требуется свидетельство о 2-летних занятиях в аптеке. Фамилия одной из этих женщин—

Девягла. Мне кажется, что стоило бы навести справки по этому делу. Я думаю, что, может быть, Лидинька могла бы в Риге пройти подобный курс и сдать такой экзамен. Тогда можно было бы купить аптеку (что дозволяется только провизорам). Тут нет никакого риска, ни чрезмерных занятий. Да и затраты не так велики. Напишите мне, подумает ли Лидинька об этом: когда Таничка поступит в гимназию, то Лидочка будет совсем свободна, а учиться ей едва ли будет трудно, да и наука-то не бог весть какая. Письмо подходит уже к концу, а я не спросила еще о дяде: Жив ли он, милый дядя? Вы писали, что ему так плохо... Поклон всем им.—Я видела в об'явлениях, что в летней книжке «Мира Божьего» помещена статья Л. К. о народном образовании в цивилизованных странах (по Левассеру). Значит, кузина подвизается на литературном поприще (Оля подробно писала мне об этом). Предисловие к Бельгии очень бледно и незначительно, это портит книгу. Предисловие должно заключать резюме всей книги и заключать в себе вехи, которыми бы руководился читатель в дальнейшем чтении. Вообще же, как рассчитанная на совершенно определенную публику,—книга полезная. Пишите же мне, мои дорогие, сообщайте мне ваши радости и горести, и все дела ваши. Я хотела бы в январе иметь свежие письма от вас, а то, если в июле получаешь письмо от февраля, то это похоже на ветку иммортели. Если вы напишете в середине декабря, то, конечно, успеет дойти. А если Коля будет на рождестве в Петербурге, то вы могли бы написать к 1 янв. с тем, чтобы он сам отвез в департамент в первый присутственный день. Обнимаю и целую вас всех и ручки ваши, мамочка, целую без счета. Если есть карточки Коли и Миши Семеновых, то мне очень хотелось бы увидеть, в каких людей они выросли. Сниматься же нарочно, конечно, не надо. Напишите мне, дорогая, о судьбе детей Коли от первого брака. Вы ни разу ни одним словом не обмолвились о них. А

они, ведь, уже взрослые. Что Соничка и мальчик? Их портрет доселе хранится у меня. Будьте здоровы, милая мамочка.

Ваша *Вера.*

Мамочка, в последнем письме я написала специально Оле на осьмушке листа таким образом, что можно отрезать, не задев остального текста; прошу вас отрежьте и дайте те строчки Оличке.

5. Матери и сестре Ольге.

11 марта 1899 г.

«Где почерк мелок, буквы дружно
Толпятся, жмутся в тесноте,
И много сердцу было нужно
Сказать на маленьком листе».

Так, вероятно, и было бы, дорогие мои мамочка и Оля, если бы мы жили в те патриархальные времена, когда узник, нацарапав иголкой или щепочкой, обмоченной иногда в свою собственную кровь, маленькую записочку, мог, при свидании с близким человеком, незаметно сунуть ее ему в руки. Но передо мной не маленькая бумажка, которую нужно таить от глаз сторожей, а пребольшущая простыня, выданная самим начальством... и, при одном взгляде, ужасом многим содрогахуся. На этом действительно белом листе гораздо приличнее было бы вывести каллиграфически ЗАЯВЛЕНИЕ или ОТНОШЕНИЕ и написать деловую бумату в подлежащее ведомство, чем мелкими, тесными рядами букв написать к матери или сестре. Но, преодолевая внутреннее сопротивление, все же пора вам отвечать; ведь я получила ваше письмо почти 2 месяца тому назад, 23 января. Тут было по 2 письма от каждой из вас: по одному летнему и по одному зимнему из Петербурга. Детское письмо было из'ято. Были две карточки: Миши и группа Лиденькиных детей. Первого я, разумеется, не узнала и приняла за Колю: в глазах есть что-то

напоминающее его, как я его помню, когда он ребенком, бывало, говорил: «тетя Катя», обращаясь к мамочке. Тогда Коля так любил мамочку, а теперь вы даже не переписываетесь с ним, мамочка. Разве он уже не относится к вам как прежде? А я всегда представляла вас, как главу всего рода-племени, кот[орое] вы невидимыми нитями связываете в одно целое, и зорко следите за каждым членом, помогая советом, добрым словом, где бы он ни был и в каких бы условиях ни находился. Оказывается, однако, вы не со всеми переписываетесь и некоторых растеряли. Особенно жаль мне, что это случилось относительно детей Люси[1]: дети ни в чем не виноваты, и вы их так хвалили прежде и так не хотелось бы, чтоб из них вышли пустые, негодные люди. Впрочем, может-быть, вы и заботитесь об этом и только не пишете мне—мало ли, о чем вы не пишете. Вот, например, Оля (я даже обиделась) пишет, что только сегодня встала с постели, а о том, почему—ни гу-гу. Если бы мамочка не восполнила этот пробел, я бы и не знала и не могла бы выразить тебе, моя дорогая, сочувствия в этой семейной неудаче. Ты так любишь детей—это сейчас видно по твоим отношениям к племянникам, что я все время с тревогой ждала и жду, когда же ты будешь иметь своих ребят. Ты, наверно, их воспитаешь хорошо: мне кажется, ты умеешь обращаться с детьми, да и твой Сергей тоже. Мне всегда доставляет истинное удовольствие читать твои повествования об этом невинном предмете: ты так мило описываешь и эту мелюзгу, и свои эксперименты с ними: я постоянно дивлюсь на твои разносторонние педагогические приемы и, совершенно серьезно относясь к твоим астрономическим и ботаническим попыткам, невольно рассмеялась, что ты втягиваешь детей даже в танцы. Как жаль, что в свое время у меня не было такой прекрасной тетушки. Была у нас

---

[1] Первая жена брата Николая.

толстая Лизбета, но она играла роль чисто отрицательного фактора, показывая, каким человеком не надо быть. И хоть непреднамеренно со стороны родителей, но она-таки, я думаю, сыграла эту роль в нашем детстве[1]. По крайней мере во мне остался отчетливый след этого отрицательного влияния. Воплощенная карикатура на эгоизм; право, это зрелище действительнее всякой словесной проповеди об альтруизме. Мамочка, бывало, ничего не подчеркивает, ничего не осуждает, только улыбается... но это молчаливое отношение ее было красноречивее всех слов... Наверное, братья и сестры помнят все это. Пожалела я, милая Оля, что вы никак не можете вырваться из Омска, и, главным образом, потому пожалела, что, мне кажется, нет ничего вреднее, как неопределенность жизни на биваках, в постоянном ожидании, что снимешься с места: никаких корней тогда пустить нельзя, никакого дела предпринять. А мне все так хочется услышать, что ты не отказалась от просветительной деятельности, о которой мечтала и к которой готовилась. Я не знаю подробностей, но, повидимому, до переезда в Омск тебе эти пути были заказаны. Но после, может быть, тебе разрешат педагогическую деятельность: только хлопочи поэнергичнее и стучись во все двери, если не растеряла за эти годы желания работать в этом направлении. Я читала как-то о вашем Омске, что там есть просветительное общество, которое имеет свои школы и народные читальни, а когда я думаю о тех сотнях и тысячах молодых женщин, которые работают в последние годы по всевозможным школам, твое имя всегда встает в моей памяти: неужели там нет моей Оли? На что идут ее силы, в чем состоит ее жизнь? Ты так скупа на сведения о себе самой. Я даже не знаю, как тратишь ты свой день. Мамочка, хоть бы вы мне написали о ней, а то она все о других пишет.

---

[1] См. Собр. соч., гл. «Елизавета Васильевна» в I т. «Запечатленного Труда».

Здесь случился перерыв довольно продолжительный [1]. вот уже третий год, как ко мне прицепился ревматизм, и никак не могу развязаться с ним: все болят ноги, а теперь еще позвоночник. Боли постоянно обостряются и очень мешают мне работать... Как-то давно я просила департамент сообщить вам о моих работах, а то вы подивитесь, какая я мастерица в разных областях ручного труда. Во-первых, я столяр и могу сделать кровать, стол, шкафчик, сундук, полочку и т. п. домашнюю утварь, а табуретки—моя специальность. Во-вторых, по общему мнению, артистически делаю разные ажурные работы по дереву. Затем переплетаю книги—тоже хвалят за чистоту. Умею работать на токарном станке и делаю вазочки для цветов, в виде бокальчика, солонки; точила ножки для табуретов и т. п., но эта работа не по силам мне, и я давно уже ее оставила. Еще научилась шить башмаки. Делала даже попытку научиться жестяному производству, и где-то еще доселе валяется кофейник моей работы. Не знаю, следует ли еще упомянуть о шляпе из русской соломы, которая сооружена при моем деятельном участии и которую три года носит на удивление (нашему) миру один товарищ, весьма дорожащий ею. Вот видите, мамочка, если для прославления ваших талантов были сочинены стихи: мать, жена и христианка, кулебяжница и пирожница, то я—дочь, вполне достойная своей матери, если не по христианским добродетелям, то по разносторонности. Однако, я так расхвалилась, что пора поставить этому точку, тем более, что мне хотелось бы сделать еще несколько замечаний по поводу того, что ты, Оля, пишешь о вашей детворе. Только не знаю—как? Может быть, буду ломиться в открытую дверь на основании 2—3 фактов, вовсе не характеризующих общую систему воспитания мамочкиных внучат: мне показалось, что вы даете

---

[1] Болезнь.

детям мало свободы в деревне; вы преследуете такие вещи, как отправка к колодезю за водой с работником или верховая езда на рабочей лошади, возвращающейся с пашни. Почему же это? Мне думается, надо держать детей более «по-американски» и отстранять только то, что грозит увечьем (как молотилка) или опасностью для жизни; все же остальное—дозволять: я только здесь на живых примерах оценила, какую массу практических навыков приобретают люди, воспитывающиеся без родительского надзора, наравне с крестьянскими ребятишками, и какой запас мелких наблюдений над окружающей природой день за день накопляют они в своем раннем детстве. Бояться же грубости мужицкой, я думаю, нечего, ибо эта грубоватость очень легко соскочит с детей среди более утонченной обстановки. А потом, мне не понравилось правило об официальном благодарении за обед и т. п. Что за формализм! В особенности плохо, если дети уж вышучивают это. В оправдание же лености вашей Верочки [1] к музыкальным упражнениям, пусть она процитирует вам следующие статистические сведения из газеты «Врач»: из тысячи девочек, которых учат музыке до наступления 12-летнего возраста, страдают 200, а из тех, которых вовсе не учили ей, на 1000 страдают только 100. Однако, как бы мне не вызвать революцию в вашей семье: Верочка откажется от фортепиано и будет искать «Врача», чтобы набрать еще цитат... Сережа побежит сейчас же куда-нибудь за водой [2], а о благодарности за трапезу не будет и помину. Очень я была обрадована известием о дяде и буду ждать с нетерпением дальнейших известий о нем. Не согласна я с тобой, Оля, когда ты горюешь о его дочерях и все твердишь о Петербурге. Точно в одном Петербурге свет в окне. А мне кажется, надо искать и людей, и работы там, куда судьба кинула: везде есть люди и везде можно при-

[1] Старшая дочь сестры Лидии Стахевич.

[2] Сережа—младший сын сестры Евгении Сажиной.

ложить свои силы свободному человеку. А теперь о провинции постоянно пишут, что там—оживление, да Казань ведь довольно крупный центр. Не в том ли причина, что скуку и тоску мы в самих себе носим... Сейчас произошло событие: дверь отворилась и мне дали письмо «не в очередь». Ну, дорогие мои мамочка и милая Геничка и Лида, вот неожиданность, и, право, мне совестно перед вами, Геня и Лида. Вы никогда не были в стороне в моих письмах, мои дорогие. Я просто не перечисляла вас, чтоб не выходило, как солдаты пишут в деревню, высчитывая поименно всех родичей, а требовать или ждать от вас писем мне не приходило в голову, потому что я слишком хорошо понимаю трудность переписки после 20-летней разлуки, как с тобой, например, Лидинька. Я просто как-то нравственно не могу ощущать тебя, какая ты теперь. Да и знала ли тебя когда-нибудь хорошенько?.. С Геничкой мы более сжились, больше имели общего в жизни, и я живу этими, еще не выдохнувшимися, общими впечатлениями, а Оля, хотя, быть может, уже тоже изменилась, стоит передо мною, как живая, такою, какою я ее знала 14—15 лет назад. Но все это было так давно, так ужасно давно, что связать прошлое с настоящим почти невозможно, и я хватаюсь за последнее звенышко, которое так согревало меня... А последнее впечатление, которое я о тебе сохранила, Лидинька, это—твое трогательное письмо о болезни и смерти твоего первенца, и часто мне чудится этот неведомый для меня больной ребенок, лепечущий слова из прочитанной тобой сказки: «и вода-то спит, и земля-то спит»... Выросли у тебя другие дети, уж большие они и наполняют твою жизнь, но, верно, нежное воспоминание о том сынишке доселе живет в тебе... Обнимаю тебя, моя милая, и тебя, Геничка, тоже. И как это вы не забыли меня и не разлюбили... Целую вас всех крепко.

Вера.

Дорогая мамочка. Неожиданные письма сестер так заполнили меня, что я не успела хорошенько попрощаться с вами. Поправляйтесь, дорогая моя, и целую бессчетно ваши ручки. Не читайте, мамочка, в постели: это самая вредная вещь. Письмо мое, верно, придет к пасхе, когда вы все будете в праздничном настроении и дети будут отдыхать, значит, письмо придет кстати. Поклонитесь Сергею Григорьевичу. Мне что-то жаль, что он один в Харькове; Михаила Петровича [1] тоже жаль, но не так, как Сергея Григорьевича. Геничка, если ты пишешь, что неудачный певец [2], может быть, будет гастролировать, так он настоящий молодец.

25 марта.

Целую мою милую Оличку и прошу не изменять мне и писать попрежнему. Повторяю вам, Лидинька и Геничка, пригласите на лето естественника для детей: поищите в Петербурге через Лидию Куприянову. Петя хорошо бы сделал, если бы прямо распорядился на свой счет и страх отыскать и прислать вам его через Лидию Куприянову, которая может познакомиться с ним, чтобы был толковый человек. Я уверена, что расход будет производительный.

6. Матери и сестрам.

19 сентября 1899 года.

Прошел день моего рождения, прошло 17 сентября, дорогие мамочка и сестры, и все, что можно было получить от вас, я получила, а стало быть, пора мне и отвечать вам. Последнее письмо мне дали 13 сентября, поздравительное, от вас, мамочка, и только от одной вас. Почему-то мне кажется, что и вы, Лида с Геней, должно быть, писали, толь-

---

[1] Сажин.

[2] Один из племянников, мечтавший стать знаменитым певцом.

ко департамент полиции не нашел нужным отдавать теперь. А то летом, 26 июля, я получила порядочную кучку листиков от всех вас, с автографом Пети включительно. Спасибо ему за это маленькое рукоприкладство, а вам, Оля, Геничка и Лидинька,—за длинные и обстоятельные послания. Особенно ты, дорогая Оля,—чудная корреспондентка и сообщаешь мне всегда чрезвычайно разносторонние сведения. Вот, если ты поедешь на парижскую выставку, то не будешь ли писать корреспонденции о чудесах ее,—не мне, а в какое-нибудь издание. Право, я только и слышу кругом, что у тебя настоящий литературный талант, и так как ты кратко упоминала мне, что пробовала сотрудничать в одной газете, то, может быть, попытаешься извлечь пользу из своей поездки, посылая с выставки отчеты об общем впечатлении от нее или специально о каком-нибудь отделе. Меня очень заинтересовала поездка Пети на изыскания залежей угля, хотя, как видно из твоих слов, практического результата для него лично она не имела... Ты пишешь также, но уже в несколько юмористическом тоне, о совместных планах Пети и Мих[аила] Петро[вича] насчет облесения и орошения вашего земледельческого района. Мысль-то хорошая, как это ни смешно, но даже и в этих стенах были мечты о том же. Только все это праздные разговоры и траты, если не жить самому в деревне, чтоб все это выполнять,—а вы все абсентеисты: берете от земли, в виде ли денег, в виде ли дачных удовольствий, а любить ее, отдавать ей свой труд, энергию и попечение—этого у вас нет. У каждого—своя область: музыка и область художественная у одного; горнозаводское дело у другого, медицина и наука, воспитание детей—вот в чем специализировались: Коля, Петя, твой муж, Оля, и вы, Геничка с Лидой, а деревня, земля на руках наемников, Захаров Иринарховичей [1], или и того хуже. Как же тут оро-

[1] Приказчик.

шать и насаждать?! Мне иногда так кажется, что имения у вас и Пети—это обуза, и когда Сергей Григорьевич был без места, то я не раз думала, что лучше бы вам уж ликвидировать Никифорово, а на вырученные деньги начать какое-нибудь дело, к которому бы вы приложили свои силы и которое взамен кормило бы семью... А то Никифорово только для вас дача, родное гнездо, с которым трудно расстаться, но которому невозможно отдаться. Чтоб уж покончить с этими мыслями, скажу, что в уме я оставляла вам старый родной дом и несколько десятин для сада и огорода. Воображаю, какую мину вы делаете, дорогая мамочка, читая эти строки. Вероятно, вы восклицаете: Ни за что, ни за что! Никогда! Никогда! Но успокойтесь; ведь я только сообщаю вам некоторые свои размышления. А для Пети я желала бы приложения труда к собственному предприятию в области, где он имеет уже навык, опытность и знание. Как почитаешь тут и там о состоянии земледелия в России, о кризисе в Германии, о положении всемирного хлебного рынка, так вчуже срашно делается, и я дивлюсь, как это еще люди землю покупают. Я так думаю, что только идеалисты там жить и кормиться могут да страшно богатые люди—держать имения, как дачу. Вот, судя по словам Оли, о дефиците Пети, это выходит уж и очень дорогая дача. Я очень распространилась о земледелии и вспомнила смешное происшествие, находящееся в связи с этим вопросом. Одну зиму чтение земледельческих изданий и книг по сельскому хозяйству часто возбуждало всевозможные вопросы насчет хозяйничанья в деревне, невозможности сводить там концы с концами, о низких ценах и влиянии урожаев и т. п. Когда пришла весна, то стали выписывать семена для огородов, кусты и т. д. И купили нам, между прочим, лук для посадки и что-то дорого. Вот, один товарищ серьезно-пресерьезно, голосом, полным негодования на людскую неправду и извращение фактов, говорит: «Лук столько-то копеек гарнец. И после

этого говорят о земледельческом кризисе!.. ». Надо было видеть лицо и слышать тон, каким это было сказано, чтоб оценить, как это вышло смешно. Человек был искренно убежден, что при подобной цене лука не может быть земледельческого кризиса.

Я очень удивилась, узнав об отказах Пети и Мих[аила] Петр[овича] от мест; но порадовалась, что последний теперь соединен с своей семьей, а Петя отдохнет и наберется новых впечатлений. Как жаль, что я так поздно узнала о его поездке за границу; я непременно посоветовала бы ему с Настей посетить некоторые места пешком: мне кажется, что это единственный способ насмотреться и насладиться красотами природы. Оля писала, что несколько лет назад Петя был в Бельгии по делам завода: тогда он, вероятно, посещал только большие промышленные города и имел в виду лишь то, что непосредственно относится к его специальности. Теперь—другое дело, и мне будет интересно узнать, в каких местах они были, что видели и насколько довольны своим путешествием. Конечно, дорогая Оля, ты не забудешь эту тему. А еще, дорогая моя, прошу тебя, напиши мне хоть коротенько путеводитель твоей жизни с[18]84 года. В каком году где ты была? Где познакомилась со своим мужем и вышла замуж? Есть ли родные у твоего Сергея, где и кто? Напиши также, изменились или нет ваши намерения насчет Петербурга. Ты не упоминаешь в последнем письме об этом. А вот тебе было бы и кстати, если вы переедете туда, искать места учительницы в городском училище. Сделай-ка попытку; теперь ты солидная дама: может быть, и удастся. Эти училища обставлены прекрасно, так что есть на чем проявить свои способности и знания. А ты, ведь, и хотела искать каких-нибудь занятий, чтобы не есть хлеб даром.— Почему твой муж не служит и не думает, повидимому, служить в земстве? Ведь земские-то врачи вполне самостоятельны, по крайней мере, в большинстве уездных земств.

А окулисты так нужны в деревне. Я читала во «Враче» о летучих отрядах по глазным болезням: какую массу добра они приносят; да из своей медицинской практики я знаю, как беспомощна деревня, особенно по части глазных операций. И еще, Оля, ты всегда заезжаешь в чужую область: в область Лидиньки и Генички и эксплоатируешь их территорию—детей, их воспитание, нравы и т. д., а о себе ничего не пишешь. Когда ты сидишь в Омске и пишешь в Ригу, верно, о себе пишешь и о Сергее [1] (как по отчеству он), а мне все нет да нет. Обращаю твое милостивое внимание на этот пробел. Ну, дорогие мои, уже мало бумаги остается, и я должна заранее обнять вас всех и поцеловать. Детишки ваши меня очень интересуют, но я их не целую, потому что я для них неизвестная мертвая тетя. Скажу только, что возлагаю надежды, что маленький философ Володя [2] пойдет по агрономической части и, так как он мальчик вдумчивый, то вы передайте ему запрос: что он об этом думает. Надо же и с точки зрения государственной помнить, какую важную роль играет земледелие, и с точки зрения вашего землевладения—не забывать, что нужно кому-нибудь пещись о земле-кормилице.

Передайте Елиз[авете] Викторовне [3] мой горячий поцелуй: память о дяде мне так же дорога, как и всем вам. Он был такой прекрасный человек, что его невозможно не любить и не уважать. Ужасно жалко, что он погиб так безвременно, и жаль Елиз[авету] Вик[торовну], потому что их брак был один из немногих идеальных браков. *Вера.*

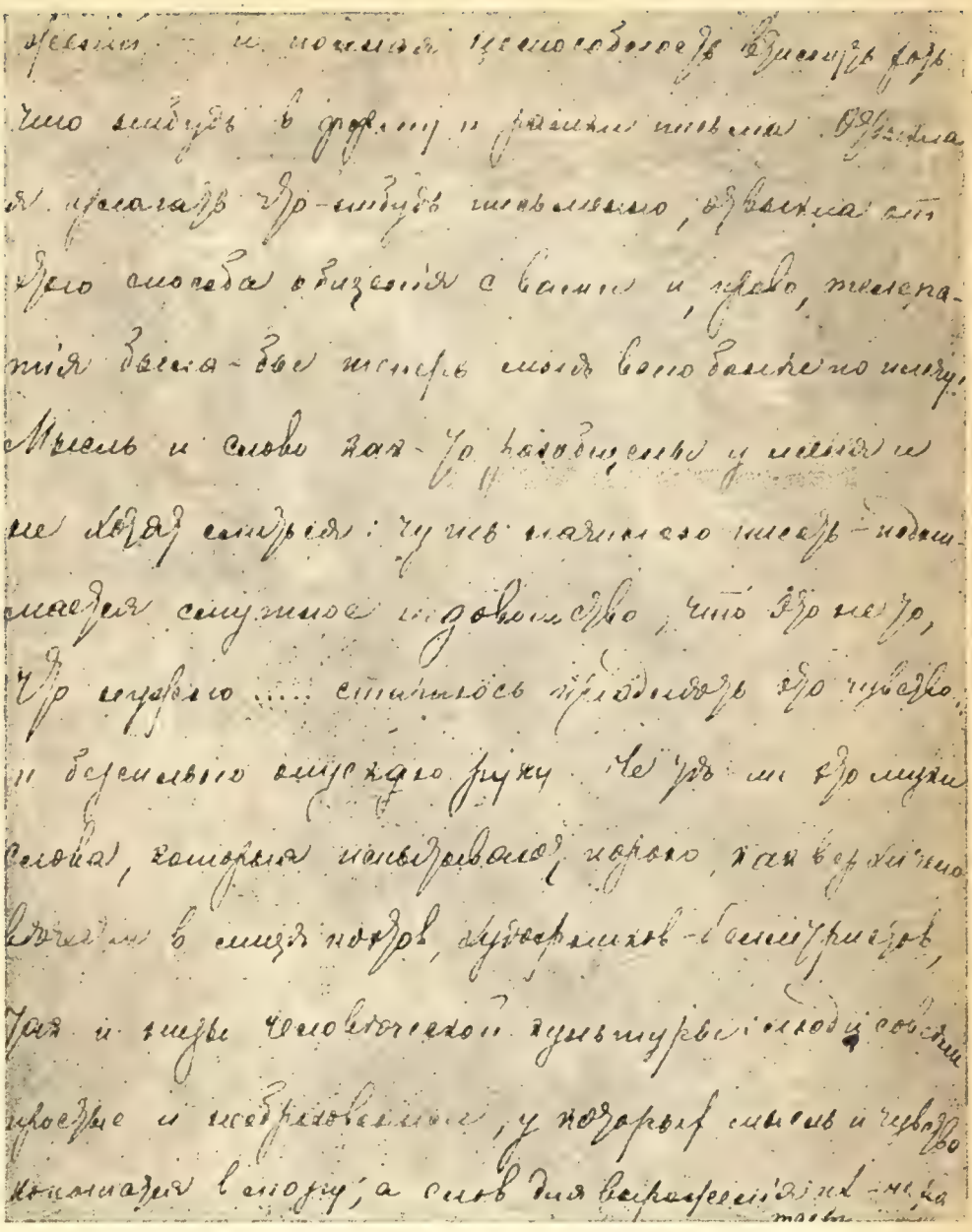
Целую братьев и их жен. Да, напишите мне, пожалуйста, о Сер[гее] Григ[орьевиче]. Как он поживает, и какое место у него, и не предвидится ли чего-нибудь, чтоб ему не жить врозь от семьи, которую он так горячо любит.

---

[1] Муж Ольги.

[2] Володя, 3-й сын сестры Евгении.

[3] Моя тетка Куприянова.



Из письма к матери и сестрам.
Шлиссельбург. 2 марта 1900 г. *(стр. 217).*

Мамочка, целую ваши ручки и глазки. Многое бы еще надо написать, но положительно, как только мне надо писать вам, я глупею и притом безнадежно...

Я здорова. Ревматизма с марта не было, и остаются только слабые следы, а болели более всего ноги, говядина (мускулы). Лечилась в прошлом году электричеством, а теперь только берегусь: кутаюсь в сто оболочек. Глаза не болят. А как это твои чудные глазки, Лидинька, испортились, что ты носишь очки? Это безбожно: я так не люблю женского лица с очками.

Со времени летних фотографий (2 года назад) у меня не было карточек Колиных детишек: должно быть, они очень выросли—я хотела бы их видеть.—Неудачному кузену привет. Мих[аилу] Пет[ровичу] также: вот он меня не забывает—всегда шлет поклон. Лидинька. Дай детям Монте-Кристо Дюма на франц[узском] языке, очень интересно: они увлекутся и для языка такое чтение—как нельзя лучше. Недавно взасос здесь читали. Для юношества он подходит вполне по своей чистоте.

7. Матери и сестре.

1900 год, 2 марта.

Едва ли какие-либо роды на свете совершались с таким трудом, дорогая мамочка и сестры, как роды этого письма. И, если я знаю какой-нибудь подобный пример, так это из Мопасана, когда герой его романа «Милый друг» приступает к первому своему произведению в качестве фельетониста—описанию Алжира, в котором он долго прожил. «Гордо и красиво высятся белые здания города Алжира, утопая в густой зелени рощ»... Далее сколько он ни старался, ничего не мог высидеть. Дело кончилось тем, что одна дама, сотрудница той же газеты, написала статью за него, но с его же

слов, так как рассказывать-то о своих похождениях он мог весьма складно. Вот так и я: только у меня нет дамы, которая выручила бы, и я сама должна выпутываться из затруднения. Как он устно, так я мысленно о многом рассказала вам, расспрашивала вас, сочувствовала, оспаривала... Как у него, на многих клочках бумаги у меня есть разные начала в одну и две странички, написав которые, я с унылым видом оставляла карандаш или перо и откладывала дело в долгий ящик. Два раза уже брала я у жандармов почтовую бумагу и в первый раз взятую успела даже потерять и доселе так и не нашла. А между тем, время идет, и меня тревожит, что я доселе не отвечала вам: ведь письма ваши я получила еще 6 января. Принес комендант и говорит: «на 27 листах»... Я разложила сейчас же на 4 кучки от каждой из вас (в Олиной оказалось 17), и тут со мной чуть не повторилась история с ослом, который умер с голоду меж двух охапок сена, потому что не мог решить, с какой начать. Уж признаюсь вам: заглянула я сперва в кучу из 17. Да простит мне это Аллах, а с его помощью и вы, мои дорогие. Но увидев, что автор начинает издалека, с [18]84 года, и что это будет увесистое чтение, я решила читать письма по старшинству, начиная с мамочки. Так как Петя с Колей в этот раз тоже сделали по приписке, то впечатление вышлотаки полное: все были налицо. После этого первым движением моим было отвечать сейчас же на богатый и свежий материал этот. Но тут же я осеклась... в уме обилие мыслей и предположений и полная неспособность втиснуть хоть что-нибудь в форму и рамки письма. Отвыкла я излагать что-нибудь письменно; отвыкла от этого способа общения с вами, и, право, телепатия [1] была бы мне теперь всего более по плечу. Мысль и слово как-то разобщены у меня и не хотят слиться: чуть начинаю писать—поднимается смутное недо-

[1] Передача мыслей на расстояние.

вольство, что это не то, что нужно... Стараюсь преодолеть это чувство... и бессильно опускаю руку. Не те ли это муки слова, которые испытывают порою как верхи человечества в лице поэтов, художников-беллетристов, так и низы человеческой культуры, люди совсем простые и необразованные, у которых мысль и чувство копошатся в мозгу, а слов для выражения их нехватает. Или, может быть, это болезнь такая—результат деятельности тюремного микроба. Ведь не было же этого со мной прежде. Вы помните, мамочка, Оля даже говорила, что я мастерица письма писать, и вот, вместо эволюции этого таланта, замечается нечто обратное, и это приводит меня если не в отчаяние, то в тоскливое состояние, нарушающее мое душевное равновесие. А я, в общем, достигла-таки его и обыкновенно спокойна, деловита и всегда занята. Правда, это равновесие поддерживается посредством не особенно замысловатого механизма: годами создается известный режим, дисциплинирующий ежедневную жизнь, и, кажется, повторяясь изо дня в день, режим этот превращается в настоящую деспотическую власть над личностью: уж не она владеет режимом, а режим ею. Как есть власть земли, формулированная Гл. Ив. Успенским, так есть власть тюрьмы, когда даже такое, повидимому, произвольное и требующее наличности известного настроения занятие, как чтение,—и то делается чем-то принудительным. Например, мы распределяем между собой чтение в известном последовательном порядке, так, чтобы всякое издание было у каждого известный срок, после которого пользуется другой, третий и т. д. Нарушить этот порядок значит — нарушить его для всех, все перепутать; задержать кого-нибудь, заставить ждать; а продержать срок и не прочесть какой-нибудь № «Вестника Финансов», «Врача» или еще что, значит—порвать иногда нить, читать конец без начала или середину без конца. Поэтому, хочешь—не хочешь, расположен или нет, здоров, болен, расстроен,—все равно, с регулярностью

какого-нибудь феномена природы каждый день подваливается изрядная порция очередного чтения, и получатель volens-nolens должен воспринять, словно голова человеческая—пустая бутылка (как говорил один товарищ). И вот, хоть порою ворчим, но воспринимаем, и иначе нам, по множеству причин,—нельзя, да и ей-ей это нам помогает. Как пахарь, хочет—не хочет, а выезжает в поле с наступлением весны, и жнец—жнет, не разгибая спины, во время жатвы, так и нам приходится создать некоторые принудительные нормы и обязанности, неукоснительно выполнять их, а они, тяготея над нами, спасают и от излишних рефлексий, и от возможной слабости, лени и апатии. Тут уже не надо заботиться о наполнении дня: он как-то сам собой наполняется, благодаря раз заведенному порядку, действующему с аккуратностью часового механизма, цепляющего одно колесико за другое.—У Диккенса в «Записках Пиквикского клуба» Пиквик спрашивает извозчика, сколько времени его лошадь остается в упряжке. Тот называет нечто невероятное: 36 или 40 часов, что ли. Пиквик поражен: он полагает, что ослышался. Тогда извозчик об'ясняет, что лошадь имеет дурную привычку ложиться на землю, когда устала, и тогда уже никакими силами не поднять ее. Так, видите ли, чтоб она не ложилась—он и держит ее в оглоблях по 1½—2 суток... Нечто подобное совершается и у нас. Уж голова давно, кажется, переполнена всяким литературным и научным багажом, утомлен мозг, притуплена память, нервная система в состоянии раздражительной слабости, и остается, кажется, лечь и пухнуть, как лежат и пухнут герои Серошевского (у него всегда выведен один энергичный, а другой лежащий и пухнущий). Ну, а тут, если создано много разных «надо»: тогда-то «надо» гулять; тогда-то—итти в мастерскую; заняться тем-то, прочесть то-то...—все надо и надо, так, глядишь, простору-то для апатии, для лежания и самоуглубления и нету. Все эти искусственные обязанности и созданные «дела», ко-

нечно, немногочисленны и однообразны. Один день похож на другой, и по мере того, как они проходят, они так накладываются друг на друга, что как-будто прожиты не месяцы, не годы, а какой-то один до фантастичности растянутый день. Вы, вероятно, читали, что есть сложная фотография, когда, сняв одно лицо, на то же место снимают другое, третье и т. д. В результате получается нечто среднее из всех. Вот такая же смутная фотография образуется в памяти и от наших дней. Но... и это, пожалуй, ко благу: происходит некий обман чувств, по которому время не кажется уж таким длинным и неделя, можно сказать, мелькает за неделей... Но довольно об этом: обращусь лучше к вашим письмам.

Я думаю, дорогая мамочка, что будет недурно—пожить вам некоторое время в роскоши и неге у Коли. Только бы вам не соскучиться. Коля хоть и любит вас, но едва ли будет вам таким товарищем по чтению, как сестры, а чтение ведь ваша потребность. Что же касается до переписки, которую вы боитесь, что придется ограничить вследствие состояния ваших глаз, то купили бы вы себе Ремингтон (он теперь стоит 50 руб.). Вероятно, вы рассмеетесь над этой идеей, но я не знаю, почему бы ее не осуществить. И Коле, как затейнику, быть может, эта мысль даже понравится. Две фотографии, присланные вами, я получила; только о даче трудно составить себе понятие: город это, что ли? Какая-то улица... рядом чужие дома... Я думала, если вилла, так должна быть особняком, без всякого чужого соседства, вся в зелени. А тут мало дачного элемента... А в семейной группе меня удивила Медея[1]: здорова ли она? Лицо у нее такое изменившееся, осунувшееся. Зато неподражаем ваш Касьянов[2]: сидит, как жирный кот, и вот-вот замурлыкает после тонкого, но обильного обеда. Я готова подписать над

---

[1] Вторая жена брата Николая—певца.

[2] Знакомый по Казани.

ним «отрадное явление»... Теперь я буду ожидать писем от вас только глубокой осенью, когда все вы осядете и устроитесь. Это для меня выгоднее: я буду знать тогда о вас определенно: где, как и почему. До осени же у вас будет переходное время, а обо мне вы не думайте ничего особенного: здоровье мое в полном порядке, и летом я буду много работать. Целую ваши ручки, дорогая мамочка.

В этот раз мое письмо, кажется, будет удовлетворять такому требованию: всем сестрам по серьгам; всякому старцу—по ставцу. Серьги для тебя, Лидинька, будут заключаться в маленьком замечании насчет чистоты педагогического поприща, о которой говорит Сер[гей] Григ[орьевич]. В идее эта деятельность, конечно, в высшей степени почтенна и плодотворна, а на практике все зависит от условий времени. Если бы Сер[гей] Григ[орьевич] был прав, так корпорация педагогов в общем потоке жизни чем-нибудь проявила бы свою нравственную чистоту: не громкими какими-нибудь делами, а влиянием на подрастающее поколение, под'емом его умственного и нравственного уровня, глубоким следом в молодых душах... А где же все это? Что-то не видать. И уровень личной этики среди учителей, повидимому, ничуть не выше среднего уровня; быть может, он даже ниже среднего, благодаря полной зависимости, равняющей их с чиновничеством вообще. Но ты сама все это знаешь и отпишешь Сер[гею] Григ[орьевичу]. Передай ему от меня поклон. Я о нем всегда помню. А тебе, Геничка, я хотела написать, что хотя ты и не дождалась вдохновения, но и без него написала интересное и разностороннее письмо. Насмешила ты меня вашей процессией 24 ноября [1]. Я так думаю, что это вы у Золя заимствовали из юбилея Матье и Марианны, или уж рижские нравы вас заразили: ведь там, как за границей, практикуют все эти торжественные массовые сборища, шествия, чество-

[1] В день именин матери.

вания... Ты пишешь, что Колин [фельдшерский] пункт пустует. Должно быть, вы хотите фельдшерицу непременно из Петербурга. Почему бы не взять из Казанской фельдш[ерской] школы, а через знакомых Сер[гея] Григ[орьевича] можно бы и в Харькове поискать: там хорошая школа, и барышни, учась, живут в деревне, привыкают к простой жизни и, вероятно, не побоятся нашей глуши. Полезно бы также через Олю поискать и сделать об'явления во «Враче» и в газете «Фельдшер». Адрес можно узнать в любом книжном магазине. Обнимаю тебя и перехожу к Оле. Мих[аилу] Петр[овичу] и Юрию [1] мой поклон.

Твое письмо, дорогая Оля, произвело на меня очень сложное впечатление: так и должно было по существу дела, а ты еще способствовала этой сложности самою формою, в которую облекла весь пересказ. Ты так перемешала свет и тени, что нелегко разобраться в этом прихотливом сплетении... Во всяком случае, было бы больно, если-б, оставив Омск, «не у дел» очутитесь и ты, и Сер[гей] Ник[олаевич]. Но надеюсь, что свет не клином сошелся и что вы устроитесь к общему удовольствию. Я не согласна со взглядами Сер[гея] Ник[олаевича] на деятельность земского врача: столкновения с земством—все же не правило, а исключение, а врачи, заведующие земск[ими] и городс[кими] больницами, находятся, по-моему, в положении, вполне аналогичном теперешнему положению Сер[гея] Ник[олаевича], как железнодорожного врача. Но все, что ты сообщала мне лично о нем, внушает к нему уважение и с общественной и с просто человеческой точки зрения: некоторые черты, которые ты отмечаешь, были и всегда будут для меня образцом, какими должны быть отношения к людям и к общественному делу. И ты, моя дорогая, которую теснят узкие рамки жизни и которая рвешься к большему простору (да увенчаются успе-

---

[1] Кузен.

хом твои желания)—присмотрись-ка к людям, кот[орые] стоят, с твоей точки зрения, на относительной высоте, ну, к Алчевской [1], что ли, которую ты называешь в письме, да побеседуй с кем-нибудь из них, — так, если они будут откровенны, ты увидишь, как много рутины в их деятельности и из каких сотен слагаемых создается итог их величия. Ты, может быть, рассмеешься, что это говорю я, которая не мирилась с будничной жизнью и сидит в тюрьме как-раз за разбивание всяких оков и пут, но на это я отвечу, что и эта вне всяких норм стоящая деятельность подчинена тому же закону: слагаться из отдельных актов, величина которых зависит от перспективы и значение которых—лишь в сумме. Твоя *Вера*. Целую тебя, моя голубка.

А Петя читает ли мои письма? Он сделал мне приписку и говорит: «Жизнь не так дурна и не так хороша, как она часто кажется людям». Я подаю реплику: это верно с высоты птичьего полета, а сердце человеческое всегда бьется между этими двумя крайностями и часто разбивается об одну из них. Целую его за добрые слова его.

Коле я хотела бы сделать приписку на итальянском языке, но из уважения к грамматике воздерживаюсь.

Чем прихварывает тетя Лиза Головня? Жива ли старушка Екат[ерина] Ивановна? [2]. Как поживает Ел[изавета] Викт[оровна] [3]? Поклон всем родным.

А что, милая Геничка, у тебя не пропал голос? Поешь ты? Я всегда с удовольствием вспоминаю, как ты пела нам в Тамбове, в роще... Помнишь, как там хорошо было! Прощайте, дорогие!..

---

[1] Общественная деятельница по народному образованию в Харькове.

[2] Долгова—петербургская близкая знакомая.

[3] Куприянова—жена Петра Христофоровича Куприянова.

8. Матери и сестрам.

1900 г., 28 августа.

Хотя вы не послушались меня и написали раньше назначенного срока, я все же очень обрадовалась вашим письмам, дорогие мои мамочка и сестры. И первое известие, бросившееся мне в глаза, было тоже такое радостное—о рождении сына у Оли... Словом, развеселилась... Теперь Оле нужно иметь еще одного или 2-х ребят, чтоб не быть в зависимости от тех печальных случайностей, которые обездоливают матерей. Однако, милая Оля, видно, что это событие совсем затмило твою память и ты забыла, на чем остановилась в своем последнем письме ко мне. Таким образом, я осталась в неизвестности о том, ездила ли ты на рождество в Омск и чем кончились твои литературные труды. В каких размерах прокормила себя на свой заработок? Судя по тому, что книгопродавец Вольф по сю пору опубликовал лишь о выходе первого выпуска энциклопедии, я сильно подозреваю, что ты была всю зиму на хлебе и воде и твой омский оппонент заручился против тебя новым оружием... Только Сер[гей] Ник[олаевич], кажется, слишком добр, чтоб воспользоваться им... Я была так неподготовлена к рожденью твоего сына, что, взглянув на карточку, и не заметила ничего на руках у Сер[гея] Ник[олаевича]. И только уже по прочтении письма разглядела, что он должен изображать счастливого отца. Выражение его лица я не нашла соответствующим счастью, но мне кажется, что он вообще поздоровел. Так ли это? И не оттого ли, что ты перестала его пилить за Омск? А на другой карточке, дорогие мои, я не узнала взрослых и предположила, что дети учатся в какой-нибудь обыкновенной мастерской, и приняла Мих[аила] Петр[овича] за мастера-хозяина, а Сер[гея] Ник[олаевича] — за подмастерье (страдающего флюсом). Потом я взяла лупу и рассмотрела все подробно, обратив внимание и на сшивальный станок; думала найти

какое-нибудь отличие от нашего и позаимствовать какое-либо усовершенствование, так как я, вообще, нахожу переплетные инструменты и орудия крайне неуклюжими, неудобными и давно приглашаю свою публику к изобретениям в этой области. Один товарищ даже сделал для меня новой формы станочек для сшивания книг, с одним винтом, похожий на игрушку по легкости и миниатюрности. На нем сшивать, по-моему, удобнее, и главное—не занимает много места. Я обыкновенно сшиваю книги не в мастерской, а в своей камере, где за 16 лет столько накопилось имения, что иной раз повернуться негде... ну, и дорожишь местом. Впрочем, в моем распоряжении есть и другая камера, носящая громкое название кабинет. И, если уж кабинет, то кабинет естественно-исторический: он весь завален моими запасами по ботанике, минералогии, энтомологии... По стенам полки, а окно украшено пучками овса и изящными ветками спаржи с красными плодиками. В прошлом году летом я сушила много растений и вместе с товарищем, помогавшим мне, заготовила более 2.000 экземпляров, не считая органографического материала. И вот, все это, расклассифицированное по семействам и родам, сложено в порядке на полках и в шкафу, сделанном одним товарищем к 17 сентября в подарок. Он работал по целым дням над ним в течение 4 недель и очень гордился своим произведением, а чтоб все любовались—выставил напоказ... Но когда вынес шкаф из мастерской на свет божий, оказалось, что он весь перекошен, и автору, вместо славы, пришлось выслушивать дружеские советы, как прикрыть грех! Пришлось перебить все полки накось и затем приподнять искусственной подпоркой один бок снизу. Но мы живем почти под 60° северной широты, где светлых дней мало, и, расположенный в темном углу, шкаф вышел хоть куда... В этом году я тоже гербаризировала, но уже мало. Для сушки растений мы понаделали себе прессов по типу, рекомендуемому обществом естествоиспытателей, и сушим

не при комнатной температуре, что требует много времени, а в печке духовой или над плитой. Я это называла запеканкой, ибо частенько-таки мы их поджаривали, подобно тому, как у дурных поваров подгорают кушанья. Случалось даже, если зазеваемся, то вдруг и пресс загорится... и из мастерской я не раз слыхала, как иная экспансивная натура то стоном стонет, что шафран пожелтел, или громко ликует, что баранчики как живые вышли. И по целым дням над плитой и из духовой печки вздымались не ароматы я[в]ств, но запахи тлеющих, сушеных и паленых трав и цветов, ибо сушильщиков было немало. В этом году произошла реакция против печной сушки, и плиту почти оставили в покое: говорят, что растения над ней выходят зеленее. Для меня каждый раз такое удовольствие смотреть на хорошо засушенное растение, красиво расположенное на белом фоне. По-моему гербарий, помимо своего значения, как учебного пособия,—еще и изящная вещь, и я удивляюсь, как это богатые люди не украшают свои гостиные и приемные различными коллекциями растений, минералов, жуков, бабочек, раковин и т. п. Это было бы и красиво, и полезно! Я читала в одном английском издании, что в Англии поднимаются голоса, требующие, чтобы в каждой народной школе были собраны самими учениками коллекции из местного зоологического, ботанического и минералогического материала. Автор полагает, что раннее ознакомление со всем, что живет, растет и встречается на полях, лугах и в лесах, служило бы превосходной подготовительной школой для всего дальнейшего образования личности. И трудно не согласиться с этим: ну, не срам ли, в самом деле, что я, жившая в деревне, родившаяся в ней, только в нынешнее лето, 48 лет от роду, в *первый* раз в жизни видела женское соцветие сосны и мужское соцветие ели! Сосновая шишка в период расцвета—кто из вас, дорогие мои, видел ее, эту цветущую шишку? И кто из вас видел зрелые семена ее, защищенные чешуйками? Увы, увы нам!.. Сколько

раз старые сосновые шишки были у нас на глазах и в руках, и только в эту зиму я расколупала одну из них и извлекла крылатые семена сосны. Если в этом есть что-нибудь хорошее, так разве то, что я, можно сказать, сохранила свежесть души: сколько неведомого, нового в мире для меня, когда какая-нибудь сосновая шишка представляет предмет громадного интереса и об'ект духовного вожделения. Это напомнило мне один весьма интересный вечер, проведенный в прошлом году летом. Товарищи пригласили меня посетить их огород, и там было приготовлено замечательное угощение. Там был кудрявый хрящевик (багряная морская водоросль), отваром которой иногда пользуют больных; бурая морская водоросль—фукус пузырчатый, родственники которого образуют в Атлантическом океане целые заросли, известные под именем Саргассова моря... Арека—плод пальмы ареки, порошок которого, смешанный с известью и обернутый листом бетеля, жуется с таким наслаждением в Индии. И, наконец, венец всего—чайник с отваром прославленной травы Кузьмича, известной всем аптекарям под ее ботаническим названием ephedra vulgaris. Тут же на блюдце лежала она и сухая, и я немало дивилась ее своеобразной форме, напоминающей хвощ. Это было первое и единственное растение из семейства хвойниковых, которое я видела в жизни. Я очень смеялась над этим угощением, должна была с'есть и ареки с толченым сахаром, и выпить эфедры, которая оказалась ужасною дрянью. Зато приобрела опыт и не могла нахвалиться на изобретательную находчивость, познакомившую меня с предметами, ко[торых] я никогда не видывала, но о которых много слыхивала. Все это было выписано из обыкновенного аптекарского склада, прейс-курант которого был получен с огородными семенами; продается по фунтам, смятое в какую-то бесформенную массу, так как в аптеках все равно эти вещества толкутся, растираются и т. д. Ну, а у нас все размачивается, расправляется, прессуется, сушится. Так же, напри-

мер, из фунта морского ила (продаваемого, должно быть, для удобрения) было извлечено и реставрировано изрядное количество зеленых морских водорослей, и у меня в камере висит на белом картоне целая коллекция этих бесцветковых: водорослей, мхов и лишайников, и выглядят они так изящно, что прелесть.—Однако, я и начала письмо фронтисписом из цветов (Оля должна определить—иначе я буду думать, что плохо нарисовала) [1] и до сих пор все вращаюсь среди них, и кто-нибудь из вас может, пожалуй, разразиться калхасовским: «цветы, цветы... слишком много цветов» [2]. На самом же деле осень уже подвигается, и их совсем-таки мало и жалко мне лета: зимой скучнее; я постоянно зябну, а в декабре и январе обыкновенно теряю совсем аппетит, и так мне хочется заснуть... Я часто смеюсь, что только по ошибке родилась человеком, ибо у меня положительное влечение к зимней спячке, как у сурков или медведя; мне и пищи, как им, тогда не надо, и все мои жизненные функции понижаются до минимума, как у них. Поднимая затерявшуюся ниточку первой фразы моего письма, скажу вам, что письма ваши получены мною 15 августа. Тут же было и мамочкино «христос воскресе». Опоздало маленько... ну да ничего. А только если сказать правду, то по прочтении всего, вами написанного, мое радостное настроение перевернулось в довольно-таки тяжелое. Есть там разные такие черточки, от которых не возрадуешься, и общие, и частные. Из последних, вот, хоть бы твоя болезнь, милая Геничка. Право, она мне не понравилась, и прошу тебя, не забывай каждый раз извещать меня, как ты

---

[1] В начале письма был нарисован цветок анютиных глазок. Добрые люди, которым я неосторожно дала читать подлинник этого письма, не удержались и похитили его, а я еще более неосторожно не проверила наличность, доверяя им. Теперь осталась только копия... Прошу, если когда-либо письмо с этим цветком появится,—задержать и обличить похитителя.

[2] Калхас—жрец в оперетке «Прекрасная Елена» Оффенбаха.

себя чувствуешь и не будет ли рецидива. Ты избавила бы меня, быть может, от совершенно напрасного беспокойства, если бы просто написала латинское название болезни или новообразования, если что-нибудь подобное определено врачами. Что это такое было: эндометрит, метрит или полип, быть может? Была ли ты уже больна, когда вы снимали карточку-группу? Боря [1] тебя словно поддерживает под руку— или это случайная поза? Да у тебя лицо-то какое-то исхудалое! Кстати о Боре: он учился набивать чучела, но, по словам Оли, совершенства не достиг. Это ничего, и надо всячески поощрять его и поддерживать в таких начинаниях. Пусть и в этом году хоть несколько еще чучел сделает; так постепенно и научится. В разных научных экспедициях, при экскурсиях и при организации и поддержке естественно-исторических музеев, уменье набивать чучела имеет немалое значение. Вот, он мечтает о студенчестве в Америке и зарабатывании средств собственными трудами,—а чучела—это тоже искусство, дающее хлеб. Видела я как-то каталог магазина учебных пособий, так там поистине чудовищные цены на чучела: напр., чучело петуха—5 руб., мышь, кажется, более рубля и все в этом роде... а паук на булавке—75 коп. и даже невинная домашняя муха на булавке продается за 5 коп. Если бы этот каталог, да ему в руки—энтузиазм его к чучелоделанию поднялся бы до невероятной степени. Я не задаю вам бесполезных вопросов о том, как вы устроились, что будете делать в Пб[Петербурге] и т. д. Вы сами знаете, что все это меня интересует и без моих вопросов все опишете в следующем письме. Вам, дорогая мамочка, кажется, было трудно из-за глаз писать мне из Италии: мне казалось, что некоторые буквы дрожали. Целую ваши ручки и глазки без счета и обнимаю вас всех. Мужьям вашим, сестры, поклон, а так же и Юрию [2]. Я здорова и всегда праздную мое рожде-

[1] Старший сын сестры Евгении.

[2] Юрий—родственник.

ние 24-го июня, а не 25-го... Мне смешно, что, кажется, ведь после смерти человека спорят о дне или годе и месте его рождения, а я и не умерла, а мы разногласим. Это мамочка забыла, что я родилась 24-го, а я хорошо помню, как это было. (Ха!—а то вы подумаете, что я с ума сошла). Целую вас всех и будьте здоровы. Да и братьев поцелуйте. Меня очень интересует работа Пети, и какой это новый способ добывания меди он ввел в России?—Карта звездного неба есть в географическом атласе, а астрономическую трубу можно рубля за три сделать самим из 2-х чечевиц разного радиуса (продающ[ихся] в аптеч[ных] магаз[инах]). Я думаю, это письмо дойдет к вам 17 сентября, таким образом, мы до некоторой степени будем вместе. Ваша *Вера.*

9. Матери и сестрам.

17 октября 1898 года.

Ваши письма, дорогая мамочка и сестры, я получила 14 января. Сентябрьское же письмо мне дали как-раз 17-го вместе с карточкой детей Коли. Эта карточка доставила мне громадное удовольствие. Геничка писала перед тем, будто дети вышли неудачно; быть может, это и так для того, кто видел их, но мне и на карточке они очень понравились. Я так долго смотрела на них, что, спрятав карточку, в любую минуту воображением воспроизвожу образ их, как-будто они у меня перед глазами: мальчики, какие славные. Какие серьезные... поют с сознанием важности совершаемого дела... Младшая девочка выводит свою партию с пафосом и отстранила ноты жестом, достойным примадонны на сцене; а старшая—настоящая красавица, только нет в ней простоты и детской непринужденности[1]. Верно,

[1] На фотографии вместе с отцом и матерью (певцами) изображены их дети: два маленьких сына и две девочки с нотами в руках, с открытыми ртами—они поют под управлением родителей.

очень уж в пуху да в шелку их воспитывают, а их банты на голове, так просто обеспокоили меня: как это только они на голове держатся и как дети могут бегать, играть и учиться с такими куафюрами? Надо быть гением, чтобы сто раз в день не уронить такой бант-монстр... Сама Медея на карточке настоящей матерью выглядит: как естественны ее глаза и выражение лица. Большое спасибо Коле и ей за эту прелестную картинку. Однако, случилось, что она ассоциировалась у меня с другою группою совсем иного социального порядка, но однообразного содержания: когда я получила вашу, то только-что прочла в одном французском издании статью о покойном художнике Ярошенко. Статья была иллюстрирована копиями с некоторых картин его; там была, между прочим, картина «урок пения в сельской школе» под руководством дьячка: стоит босоногая, отрепанная деревенская мелюзга, с разинутыми ртами, а дьячок, старый, тоже отрепанный, без рясы, с одушевлением дирижирует десницей. Картина очень живая и правдивая. Меня невольно поразил контраст этих двух групп певцов. Вы сами бы убедились в этом, если бы увидели картину Ярошенко. Быть может, при случае и увидите, а я так жалею, что не видала тех, что уже были созданы при мне. В некоторых так много мысли... иная одинокая, безмолвная фигура рассказывает целую повесть. Я помнила, как в одной статье Глеб Иван[ович] Успенский восторгался картиной того же автора «курсистка», и здесь судьба неожиданно послала ее мне в одной старой иллюстрации. Теперь она у меня, и мне все чудилось, что она напоминает кого-то знакомого..., но теперь я убедилась, что для меня в ней просто воплощается вся наша женская учащаяся молодежь со всем, что в ней есть свежего, чистого и искреннего.

А вот нехорошо, дорогая мамочка, что вы прихварываете, хотя и роптать-то как-то не смею: пока Мечников

не открыл сыворотки против микроба старости, приходится терпеть недуги ее, как терпишь все неизбежное в природе. Но так как в прошлую зиму вы жаловались, а летом вам было лучше, то и теперь я надеюсь, что родной воздух на старом пепелище оживит и возродит вас... а потом я мечтаю и далее.., что вы поживете, наконец, у Оли: маленький внук должен, как магнит, тянуть вас; для него и попечения ваши нужнее, да и младенческие ласки—самые трогательные,—они не дадут вам хандрить; он и теперь, оказывается, охотнее говорит ба-ба, а не ма-ма (которая так усердствует в лечении его)... Конечно, дорогая мамочка, я желаю вам многих и многих лет здоровой, покойной и вполне удовлетворенной жизни, на радость всем нам, которые вас любят, как мать, и уважают, как человека, и для вас я готова бы поторопить Мечникова, но, признаюсь, когда я прочла о возможности великого открытия его и о тех перспективах, которые оно открывает для всего человечества, я содрогнулась, ибо, говоря о массе, прожить удвоенную, утроенную жизнь—это было бы просто ужасно. Я верю и надеюсь, что пока социальные условия не изменятся, наука не сделает этого страшного открытия — теперь оно положительно преждевременно. Пусть сначала приготовят в лаборатории дешевый искусственный белок, а потом уже думают о бессмертии. Вот, года два назад немецкий ученый оповестил, было, мир, что из неорганических веществ создал белок; и назвал его «тропон», и говорил, что он и дешев, и питателен, и очень вкусен. Но затем этот тропон быстро исчез с научного горизонта: должно быть, это был не просто белок, а прямо «утка».

А в то время, как гениальные умы и трудолюбивые ученые работают над великими проблемами жизни и смерти, люди-практики стараются улучшить жизнь везде, где можно. Недавно я с большим интересом и удивлением набрела на небольшую рецензию о брошюре «Страхование рабочих в

России» А. А. Пресс. Оказывается, будто в России застраховано от увечий и смерти 684 тыс. чел. промышленных рабочих. Для меня это было совершенной новостью, и я с величайшим любопытством прочла бы самую брошюру, но, к сожалению, у меня ее нет. Но я прошу вас, милая мамочка, купите ее и подарите от меня Пете: в рецензии, между прочим, говорится, что распределение застрахованных рабочих по различным отраслям таково, что в нефтяном деле застраховано 62% всего числа занятых рабочих, в химическом производстве 53% всех занятых рабочих и в горном—всего только 10½%. Это значит, тысяч 40—50 горнозаводских и каменноугольных рабочих из 500.000-й армии их. Вот я и хочу обратить внимание Пети на этот вопрос вообще и на низкий процент страховки рабочих (от увечья и смерти) в горном деле в частности. Когда он снова займет место, то, может быть, вспомнит об этом и организует у себя.

Теперь обращаюсь к вам, милые Оля и Лидинька. Вы обе довольно согласно жалуетесь на вашу девочку — Верочку, что она легкомысленна и не обнаруживает склонности к мало-мальски серьезному чтению. Но, право, мне кажется, что вы совсем забыли, какими вы сами были в 12—13 лет; а я так себя отчетливо помню, что, кроме беллетристики, ничего в этом возрасте не читала. В 15 л. Николай Фирсович[1] дал мне Добролюбова, и, признаюсь, я не оценила его... Тогда же я прочла «Что делать» и не вынесла ровно ничего. Перед тем мамочка давала мне «Фрегат Паллада» Гончарова—отлично помню, что мне было скучно читать это путешествие. Черноусова рекомендовала мне Белинского, и я читала некоторые томы, но ей-ей не выросла я на этом чтении. А между тем, многие хорошие романы оставили на мне неизгладимый след и, смею думать, благо-

[1] Знакомый.

творный след. На них зарождались и воспитывались мои общественные инстинкты и нравственные понятия. Это были настоящие вехи на пути моего умственного развития, и по ним я измеряю для самой себя мой интеллектуальный рост. Мне было 13 л., когда дядя дал мне с ваката в институт «Один в поле не воин», и я читала его в 4 классе. Некоторых вещей я не поняла—образ Туски не вызвал, например, с моей стороны никакого внимания... всю высоту стремления Лео, конечно, я не могла почувствовать, но образ Сильвии произвел на меня очень сильное и грустное впечатление, и что, пожалуй, всего важнее, именно на этом романе, я не знаю, родилось или оформилось мое отрицательное отношение к умеренности Вальтера, к самодовольно буржуазному духу кружка Эммы Зонненштейн и к расчетливости и пустоте представителей аристократического общества (в лице Жозефины). Я тогда не знала слова «буржуазный», но прекрасно помню все, что тогда передумала и перечувствовала. Впоследствии, на расстоянии почти 20 лет от той детской поры, я вновь перечитала чудные страницы Шпильгагена, и что же оказалось? Прежние впечатления были так ярки, так памятны и правильны, что нового освещения ни лица, ни их общественные отношения не получили,—не пришлось ни изменять их, ни переформировывать. Понимание стало глубже, но сущность осталась та же... «Загадочные натуры» оказались мне тогда не по плечу—разочарование побежденных 48-го г. было чувством слишком сложным для 13-летнего ребенка. Зато роман «Между молотом и наковальней» был прочитан мною с увлечением, и образ его героини (Амалии, кажется) и памятен, и дорог мне с той поры и доселе. Итак, в течение всей институтской жизни, что давало содержание моей внутренней жизни, как не беллетристические произведения? Пожалуй, самые лучшие минуты этой казарменной жизни были те, когда, бывало, стоишь ночью на коленях, в одной сорочке, на полу

перед образом под видом усердно молящейся, чтоб обмануть старую ханжу Марью Игнатьевну[1], и при свете лампадки, иногда за отсутствием деревянного масла заправленной касторкой с перувианским бальзамом (которую мы употребляли для волос), зачитываешься творениями Джорджа Эллиот, Бичер Стоу, Шарлоты Бронте и т. п. И всегда с благодарностью я вспоминаю, как на вакациях мамаша постоянно указывала нам все достойное внимания в художественной литературе, и помню, что возвращалась в институт богаче, развитее, чем уезжала из него. Если чем страдало наше воспитание с Лидинькой, так отдаленностью от жизни и людей да полным неведением в познании природы. Но первое зависит от всего строя общества: в Англии и Америке этого, по свидетельству всех писателей, нет, а для второго—родители сами должны быть знакомы с естественными науками, и нужна жизнь, более близкая к природе, чем обычная городская; рекомендация же детям одних только популярных книжек, вместо ознакомления с реальными предметами, едва ли пробудит любознательность. Дядя подарил мне как-то в инст[итуте] «Историю кусочка хлеба» и «Слуги желудка» Массэ, так я не могла их одолеть. А между тем, на предметных уроках, говорят, дети очень оживленны; мальчики легко пристращаются к опытам по физике и химии и т. п. Я как-то встретила указания, что в Мраморном дворце происходят чрезвычайно интересные бесплатные занятия с более чем тысячью детей, с экскурсиями, посадками и культурою растений и т. д. Мне кажется, что в Петербурге можно выудить много полезного для воспитания детей, нужно только поискать. Так, существует, например, «кружок родителей», официальное общество, о котором упоминается в педагогических журналах. Вот ты, Лидочка, и проникай во все эти места, а пока что — давай

---

[1] Дежурная по дортуару в институте.

дочке хорошую беллетристику, отечественную и переводную, новую и старую. Чтоб систематически быть полезным для детей, нужно много внимания и собственного умственного труда. Один товарищ как-то выразился, что воспитание детей довершает воспитание самих родителей... и мне кажется, что воспитание, как сознательный процесс, имеет действительно [такое] значение. А о твоих детях я не перестаю жалеть, что они лишены общества их отца, и жду, и надеюсь, что вы соединитесь, наконец.

Не знаю, будете ли вы довольны моим письмом: на многое я не ответила и специально для тебя, Геничка, нехватает места, а хотела сказать кое-что о Боре. Поэтому, мне остается теперь только обнять всех вас вместе и каждую порознь и заявить о неизменности моих чувств к вам. Целую мамочкины ручки и глазки. *Вера.*

Ревматизм по временам вцепляется-таки в меня; но ты ошибаешься, Оля, если думаешь, что я не гуляю. Душно в тюрьме! Три дня просидишь, начинается головная боль и бессонница—так я гуляю постоянно часа 2 в день (час до обеда, да час перед чаем, вечером). Ты пишешь, дорогая, что в марте возвращаешься к своему «корыту», потратив сбережения и ничего путного не сделав. Но это не совсем так: ты передохнула, запаслась впечатлениями, а главное—изменила твое настроение, а это так важно для жизни. Пусть же тебе там лучше живется. Поищи в Петербурге каких-либо связей в Омск: часто люди есть, да мы не знаем о них. Целую тебя и твою крошку. Я читала, что в Омске лежит неразобранный музей, пожертвованный нашим знаменитым путешественником Пржевальским. Сер[гей] Ник[олаевич] и Оля! Как бы сделать, чтоб общественное добро не пропадало?

Я полагаю, что это письмо застанет еще в Петербурге всех вас в сборе и что брат Петя сам прочтет, что я его обнимаю и целую. Смотри, не очень закабаляй себя каким-

нибудь патронам и вели Оле не скупиться известиями о твоем житье-бытье. Ничего-то мне не пишут даже о пчельнике и садике на Св[ятом] ключе. А мне все нужно. Я так жалела древесные насаждения, которые потоптало стадо... Вы встречали новый год все вместе, а я никогда не встречаю его. Но в этот раз случайно засиделась до 12-ти за книгой. Слышу, бьют часы, и вдруг, у меня вырвался гимн: «О Росс, о Росс непобедимый! О твердо-каменная грудь!» [1]. На другой день все дознавались, кто это, и подозрение пало на наши басы. Но я призналась чистосердечно, что это не они, а я имитировала их.

В эту зиму я занималась с микроскопом с большим удовольствием и пользою. Передайте привет Насте и всем кузенам и кузинам и мужьям сестер, конечно. Коле и Медее тоже. Теперь, ведь, я буду писать уж осенью, так хочу порекомендовать вашей молодежи после экзаменов совершить поездку в Финляндию на водопад Иматру. Это недалеко, и, говорят, природа там очаровательная. Проходят ли геологию на I курсе в Горном? И, если да, то интересуется ли Гриша [2] ею? А еще вот что: пусть Гриша сводит всех вас, кроме мамочки, в какое-нибудь воскресенье в музей Горн[ого] инст[итута]. Я сама там не была, а товарищ один рассказывал, что очень интересно: там устроены шахты искусственные, так что можно много нового увидать. Пускают всех.

Дорогие мои корреспондентки Геничка, Оля и особенно Лида, премного прошу вас, не думайте, что мне нужны длинные письма, и не насилуйте себя в этом. Мне кажется, что вы даже могли бы чередоваться между собою или иногда делать только маленькие приписки, приятные для меня и не обременительные для вас, а то Лидинька думает, что

---

[1] Из какого-то патриотического стихотворения допотопного времени.

[2] Старший сын Лидии.

уж если письмо, то непременно в три аршина. А Брем есть новое издание в трех томах специально для детей и юношества, обработанное под редакцией нашего многоуважаемого проф. Лесгафта.

О повилике ты права, Лидинька, она белая с розовыми полосками, а это была belle de jour. Но они родные сестры. Интересно, что к тому же роду принадлежат бататы, о питательных корнях которых часто упоминается в тихоокеанских путешествиях.

Как идут дела книжные Лидии Куприяновой? Расходится ли понемногу книга о Бельгии? А я втихомолку ожидаю, что мало-по-малу у нее образуется настоящая своя издательская фирма и что Оля напишет книжку для издания этою фирмою.

10. Матери и сестрам.

1901. 25/X [1]

Очень я огорчена, дорогие мамочка и сестры, что приходится писать, не зная, живы, здоровы и благополучны ли вы все. Я так ждала ваших осенних писем, которые подводят итог всему лету, рассказывают о Никифорове и заключают программу на целый учебный год. Конечно, дорогая мамочка, вы думали сделать мне удовольствие и успокоить меня, посылая перед пасхой свое короткое единоличное письмо (с карточкой) в качестве extra, воображая, что пользуетесь любезностью... Ан, вышло не так. Беспокоясь, вследствие отсутствия писем от вас, я просила коменданта узнать в департаменте, нет ли там корреспонденции для меня и почему не дают? И вот на-днях получила ответ: так как с января текущего года передано мне два письма, то до наступления нового

---

[1] Над датой написано: «Спутала и столетие и месяц... Счастливые часов не наблюдают». Первоначально вместо 1901 стояло 1801, 8 переправлено на 9; вместо X было IX—единица зачеркнута.

года я не получу более ничего. Уж вы, дорогая моя, оставьте экстренные посылки и держитесь однообразного правила сдавать свои послания два раза в год: раз в январе или феврале, а затем осенью, по возвращении из деревни, когда осядете все на места. Так и товарищи все получают: в начале и в средине года, а в другое время мы и не ждем... По приезде в Петербург, вы, вероятно, уже побывали в департаменте и отнесли письма, так что там, должно быть, вам уже сказали, что они пролежат долго, и мне было бы очень грустно в январе получить только их, с извещением о вашем житье-бытье полгода назад. Поэтому прошу вас, мои дорогие, снесите перед новым годом новую пачку, чтоб я была в курсе дел. Где-то ты, моя милая Оля? Мамочка забыла упомянуть о тебе в своем письме, и я не мало поломала над этим голову. Хоть бы словечко, что твой сын жив и здоров и что вы уезжаете или уехали в Омск. Где теперь Геничка, Петя, Борис Сажин?.. Вас и не соберешь, пожалуй, сейчас. Напиши мне, пожалуйста, Лида, как дела твоего Бориса. Полегчало ли ему теперь несколько? Очень мне любопытно это... О себе скажу, что и мои каникулы кончились. Вы улыбаетесь над этим выражением; на самом же деле, летом у нас действительно каникулы: целый день можно проводить на воздухе, только один час обеденного времени обязательно просидеть в камере. Понятно, что солнце, свежесть, зелень,— все это притягивает; поэтому работы в мастерских почти прекращаются, а серьезное чтение нейдет на ум; как-то трудно сосредоточиться в огороде или на дворе, может быть, от непривычки, хотя товарищи говорят, что в семинарии или в качестве студентов тоже никак не могли учиться в саду или в лесу. Я часто беру летом с собой какую-нибудь женскую работу, а по-соседству мне что-нибудь читают по беллетристике [1]. При этом в послеобеденное время я всегда вспоми-

[1] Через решетку в верхней части забора в огороде, заменившую сплошную часть его в 1894 г.

наю, мамочка, как мы в деревне отправлялись с вами в тень за балкон и несли подушку для вас, а затем Лидинька и я читали вам вслух и как вы всегда дремали и всегда это отрицали, а мы для пробы, не изменяя интонации, среди чтения произносили: «мамочка, вы спите?», и в конце-концов ловили вас, и затем, как мы втроем отправлялись к няне, чтобы нелегально напиться чаю (чтобы малыши не увидали и наш маленький чай не превратился в общее чаепитие, для которого был свой урочный час). Пожалуй, мамочка, и теперь еще у вас в Никифорове повторяются те же сцены... только няни нет и от ваших внуков, кажется, никуда не скроешься, так их много и так они прозорливы и балованы. Ну, признавайтесь, верно попрежнему засыпаете под чтение на самом интересном месте? Я очень часто вспоминаю разные разности из нашей детской, каникулярной жизни... Лидинька, кажется, думает, что я идеализирую Никифорово, когда описала мне его со всеми его дефектами..., но я не идеализирую, а просто люблю. Ведь, вот, няня была довольно-таки безобразная старуха, а между тем, как мы все ее любили. Какое бывало удовольствие сидеть у нее на коленях и шлепать легонько ее старческую шею, с громадными, громадными складками, а потом целовать ее щеки... Вот тоже и с Никифоровым: какое бы оно ни было—да родное. А какие у нас были радости в детстве, которые не были бы связаны с деревней? А ты напиши-ка мне, Лидинька, когда ты возвращалась из Сибири, после 17-летней ссылки, неужели ты под'езжала к Никифорову без волнения? Уж если твои дети любят его, так ты-то уж наверное любишь. Итак, каникулы кончились, и я засела в 4-х стенах. Гулять попрежнему можно долго, до ранних сумерок,—но какое же удовольствие, когда ветер крутит, дождь хлещет и кругом все так уныло; да и зябну я осенью и зимой очень сильно, посему гуляю теперь мало: от 10 до 12 рисую и, как мне кажется, обнаруживаю способности примкнуть к школе декадентов... В 1 час теперь хожу в то-

карную: точу блюдца для минералогической коллекции, которую я хочу сделать для твоих детей, Лидинька. В департаменте дали разрешение двум товарищам послать родным какую-нибудь столярную работу; я думаю, и мне разрешат, так я хочу все решительно сделать сама и отправить в департамент для передачи вам. Ну, прощайте, мои дорогие. Крепко обнимаю вас и целую мамочкины ручки. Братьям и их женам шлю приветствия, а мужьям сестер рукопожатия. Мих[аил] Петр[ович] меня никогда не забывает. Тётю Лизу и Меч[еслава] Фел[ициановича] [1] я всегда помню... Как они поживают? Будьте все здоровы и всего хорошего вам! Екатеринин день памятую и по случаю его иногда даже получаю подарки! Письмо наверное дойдет к вашим именинам, бесценная мамочка. Ваша *Вера.*

* * *

После этого письма от 25 октября 1901 года произошел перерыв: *в марте 1902 г.* в тюрьме произошла история, возмутившая всех нас. В 10 часов вечера один товарищ за неповиновение был связан в сумасшедшую рубашку, и его потащили в карцер, при чем с ним случился истеро-эпилептический припадок. Вся тюрьма слышала хрип, поиски доктора, невозможность привести узника в чувство, и эта ночная сцена, которую мы не знали, чем об'яснить, вызвала в нас такое волнение, что все мы бушевали, как безумные. А до этого как-раз в тот вечер нам без об'яснения причин смотритель заявил, что в тюрьме будет восстановлен во всей строгости режим первых годов нашего заключения.

Но то, что вынесли тогда,—теперь, через 18 лет пребывания в крепости, мы вынести уж не могли. И сцена с товарищем показала, что ожидает нас впереди.

Тщетно обдумывал каждый из нас, как реагировать на

---

[1] Муж тетки—М. Ф. Головня.

происшедшее в эту ночь. И вот, я решила воспользоваться моим очередным письмом к матери и сделать в нем намек на то, что случилось у нас. Я знала, что департамент полиции не передаст письма, но непременно заинтересуется узнать, что случилось в крепости?

Однако, тюремное начальство отказалось переслать в департамент это письмо, на что не имело права, так как цензура принадлежала департаменту полиции, и он, в случае недозволительного содержания, возвращал письмо автору для изменения текста... [1].

Тогда я сорвала погоны со смотрителя, за что по закону меня должны были предать военно-полевому суду и казнить— единственное наказание, налагаемое за оскорбление действием начальствующего лица [2].

Меня не судили и не подвергли никакому наказанию. Предвестники революции уже грохотали в России, и дело потушили.

Право на переписку, однако же, не было мне возвращено, и два года я не получала никаких известий от матери и не писала ей.

Как вдруг *7 января 1903 года* мне неожиданно было об'явлено, что, по прошению матери, государь заменил мне каторгу бессрочную каторгой двадцатилетней, и что 28 сентября 1904 года я выйду из крепости. Тогда же мне было об'явлено, что я могу написать матери.

Я была так возмущена и потрясена тем, что, *несмотря на данное матерью слово не просить для меня смягчений,* она нарушила его, что в гневе думала совсем порвать с ней

---

[1] Это письмо я видела в 1924 г. в историко-револ. архиве в Питере.

[2] Вся эта тюремная драма описана подробно в Собр. соч., во II томе «Запечатленного Труда». См. гл. «Погоны» и гл. «Нарушенное слово».

отношения. Я заявила коменданту крепости, что писать не буду, пока сама мать не напишет мне.

Мать написала. Она писала, что уже 3 месяца не встает с постели—у нее рак, и она умирает...

Перед лицом смерти мне пришлось смириться, и мое письмо от *25 января 1903 года* было ответом на ее письмо.

Кроме него, в живых ее застало еще только одно письмо от 30 сентября 1903 года. В ноябре этого года мать умерла, и два последние письма из крепости обращены уже к сестрам и несут следы тех тяжелых переживаний, которые принесла мне потеря той, память о которой светила мне во все годы заключения.

11. Матери.

1903 г. 25 января.

Бесценная моя мамушечка! Чуяла я, что недоброе что-то с вами творится... Со слезами покрываю ваши дорогие старые ручки тысячью поцелуев и спешу ответить поскорее, чтобы теплом дохнуть на них и утешить вас, дорогая моя, многолюбимая. Знаю, что об отсутствующей вы не мало дум передумали, а, быть может, всякий раз, когда вам делалось почему-нибудь грустно или не по себе, ваши мысли невольно обращались ко мне, как хронически больному месту. А теперь я так давно уже не писала вам... и хоть убеждала себя все время, что вы не тревожитесь особенно обо мне, раз знаете, что я жива, но все же мое теперешнее письмо успокоит и, может быть, порадует вас. Милая мамочка! Говорят, желание жить есть одно из могучих средств поддержать свои силы... Неужели же вы хотите добровольно сложить это оружие и оставить нас навсегда? Вместе с письмом вашим от 18 января мне дали сегодня ваше летнее, от 25 июня, и в нем проглядывает такое тяжелое настроение! Конечно, во всем виновата болезнь ваша, но вы, кот[орая] всю жизнь жили для других, живите для нас и теперь и не поддавайтесь меланхо-

лии: ведь, все мы так любим, так глубоко уважаем вас, и разве не вы составляете действительно живую связь между теми разнородными элементами, кот[орые] так странно сочетались в нашей семье? Вместе с вами как-будто улетит душа этой семьи. А я так одичала, так отвыкла от людей, что не знаю, как я буду возвращаться к жизни, как встречусь с кем-либо, кроме вас—моей матери, друга, утешительницы и великой наставницы во всем добром и вечном... Вы говорите, что я мало пишу о внутреннем состоянии своем, и заключаете из этого, что мне тяжело. Ну, конечно, тюрьма есть тюрьма и учреждение это прескверное... Но экспансивность, излияния присущи первым годам заключения, когда совершается резкое приспособление «внутренних отношений к внешним», выражаясь определением жизни Спенсера... В это время является особенная потребность в сочувствии, а потом эта потребность замирает, и через 20 лет становишься сдержаннее и стыдишься говорить слова, слишком часто прилагаемые к подобному образу существования. Да если бы десятилетия сплошь тосковать, так никакая железная натура не вынесет; и у меня есть свой цикл занятий, невинных развлечений и даже радостей. Последние полгода я провела очень продуктивно, как говорит наша милая Олечка; я нашла в своем прошлом очень богатый материал для размышлений. Не сумею вам об'яснить, почему это случилось, что после столь многих лет неподвижности в этом отношении вдруг захотелось мне пересмотреть всякие воспоминания о людях, событиях, о перечувствованном и пережитом... Одна из причин, может быть, возраст, ибо не даром говорят, что у молодежи нет воспоминаний, выражая, должно быть, этим мысль, что у нее нет потребности вспоминать прошлое. А, может быть, самая отдаленность способствовала, так как вспоминала я не больше, не меньше, как о том, что было 30—32 года назад, а иное и 40! Ну, и делала разные обобщения, подводила итоги и одно время жила точно в грёзах; в конце-

концов даже бессонница напала, и пришлось приводить себя в норму, забивая голову чужими мыслями—книгой и работой в мастерской, и так как в эту зиму я здоровее, чем в какую-либо другую, то и прочла довольно много. Физический же труд для меня настоящая потребность, и, кажется, теперь мне без него труднее было бы прожить, чем без книги. Вместе с этим письмом я посылаю вам некоторые плоды трудов моих: коллекцию минералов, звездное небо и шкатулочку мозаичной работы, а в ней цветы под стеклом. Все это было давно приготовлено и стояло так долго, что внуки ваши, дорогая мамочка, повыросли, и не знаю уж, кому из них что нужно. Гриша, ведь, уже третьекурсник; Боря старший—на втором курсе, младший, должно быть, уже в академии, и все далеко ушли в науках... Так что вы уж сами по усмотрению распределите дары мои, хотя мозаичная шкатулочка приготовлена собственно для вас: на ней буква Ф., инициал вашей фамилии. Только я ею не совсем довольна: нам трудно добывать сухой лес из П[етербур]га, и вещи часто начинают коробиться, если стенки тонкие. У меня были более обширные планы, но, в видах перерыва переписки, руки опустились приготовлять что-нибудь, и потому ограничиваюсь имеющимся, а то я хотела сделать всем по маленькому подарку. Напишите, дорогая, понравится ли и полезно ли. Вам бы я хотела сделать нечто оригинальное и красивое, благо вы в Питере и пересылать не надо. Милая мамочка! Вы теперь вытеснили совсем Лиду, Женю и Олю из ума моего, так необычайно письмо ваше. 18 лет я боялась за ваше здоровье, за вашу жизнь и теперь, когда это надвинулось, не хочу мириться с этим несчастием... Мне не передали ваших писем летних, дорогие сестры. Не знаю почему. Последние письма, которые я получила от всех вас 1 марта [1]902, были датированы 901 г.; две серии: одна от июня, другая от декабря 901 года. При этом было 4 карточки Юрочки [1]. Все карточки

[1] Сын Ольги.

мне очень понравились, Оля, но в особенности на стуле, темная, которою ты недовольна. В капоре он очень мил, но похож на девочку, и в шляпе, словно тычет пальчиком в тётю, что она дурно ведет себя... Там, где он стоит в блузке, похоже на то, что он стоит на молитве и, хотя тебе, Оля, как-раз она нравится, но, по мне, он не так миловиден, как на других, где так бы и расцеловала его в полураскрытый ротик. Порадовало меня, что мальчик выглядит здоровым и хорошо упитанным. Верочкино письмо, вложенное предусмотрительной Олей, доставило мне большое удовольствие: пишет она весьма рассудительно и показывает наблюдательность. Собралась я написать ей, да не так теперь настроена; только откуда такой антагонизм с братом (Борей)? Надеюсь, что это пройдет! и разве можно подозревать человека, что он окружает себя книгами для рисовки одной, чтоб прослыть «начитанным мальчиком»? Я думаю, Веруша тут несправедлива... А все же твои сыновья, Лидочка, переходя в юношеский возраст, немного сходят с ума. Про Гришу сначала писали такое, что я думала: «болен, болен душевно молодой человек». Вероятно, он уже давно исправился; но вот теперь другой сошел и, переворачивая пока довольно грубо вверх дном только драгоценности бабушки, хвастает, что перевернет всю медицину!.. Надеюсь, что, поступив в академию и понюхав начатки университетской науки, и он стал оправляться от mania grandiosa... Как здоровье Танички? Она такая слабенькая и на вид нервная девочка! Замечательно симпатичное у нее личико. Мои сведения о ней остановились на ее дифтерите. Дорогая мамочка и тут оказалась неоцененной опорой и мужественным другом. Ну, обнимаю вас всех, мои дорогие. Поправляйтесь, бесценная мамочка! Я буду счастлива, когда услышу, что вы встали с постели. И как все это смутно! Зачем было не написать Лидиньке тут же подробнее о вас[1]? Бу-

[1] Слова «рак» в письме еще не было; говорилось о кровотечениях.

ду надеяться, что получу весточку еще о вашем здоровье, как вы обещаете. Но, в случае, если откажут, не огорчайтесь этим: передайте словесно—это, вероятно, найдут возможным. А главное, моя дорогая, поправляйтесь и будьте спокойны за меня, я здорова и живу обычным порядком, без осложнений. Поцелуйте братьев и всех родных... Что наш старик Меч[еслав] Фел[ицианович]? Я всегда относилась к нему сердечно, хотя иногда и задирала, называя то плантатором, то султаном, что он переносил с великой кротостью и терпением. Дорогая мамочка! Я написала, было, вам письмо побольше, но чтоб обеспечить скорейшую доставку, уничтожила, потому что, ведь, всего важнее сказать вам, что я вас люблю, ценю... что я вас благодарю бесконечно за помощь и поддержку, кот[орую] вы мне постоянно оказывали, и прошу, наконец, простить мне все мои недочеты и прегрешения, кот[орые] совершены мною когда-либо на протяжении моей жизни по отношению к вам. В прошлом всегда все бывает яснее, чем в настоящем... и мне бросается в глаза, как мало радостей я вам дала, а иные огорчения могла бы и не принести. Так простите же мне все вольное и невольное и примите мои горячие поцелуи и слёзы.

Ваша *Вера.*

12. Матери.

1803, IX/30 [1].

Мамочка, дорогая моя! Сегодня, 30 сентября, мне сообщили, что 30 августа вы возвратились в Петербург, и я сейчас же хочу написать вам, так как только и ждала этого известия, чтоб с более спокойным духом ответить на ваше письмо, полученное мною еще 3 августа. Поздновато дошло

---

[1] Это—последнее письмо к матери: 15 ноября 1903 г. она умерла. Письмо сохранилось в оригинале, и на нем опять ошибка: 1803 вместо 1903, и на этот раз она не исправлена.

Е. Х. Фигнер

(мать В. Н. Фигнер, в 90-х гг.).

оно, и не пришлось порадоваться благоприятным вестям вашим из деревни, потому что вместе с письмом было извещение, что состояние вашего здоровья сильно ухудшилось. Так как письмо из Лобынского было помечено 18 июня, то понятно беспокойство, охватившее меня—ведь между ним и известием прошло 1½ месяца, и, главное, я не знала, когда же вам стало хуже! К счастью, на мой вопрос по этому поводу из департамента мне ответили, что в вашем здоровье произошло улучшение; тогда я решила дождаться, по крайней мере, сведения о вашем переезде в Петербург и уж тогда написать свое очередное письмо. Теперь остается ждать только три месяца, и я получу от вас описание всего, что было с июля: только не скупитесь, моя дорогая, на подробности о самой себе. Если бы вы знали, как мне дороги все крохи, которые я могу подобрать в этом отношении. А между тем вы, по своей деликатности или привычке думать о других, гораздо более сообщаете о молодежи, которая растет вокруг вас, чем о своей личности, о своей болезни, настроении, времяпрепровождении... так, что я совсем не знаю, как и чем вы живете, а хотела бы знать в каждый час дня, что вы в этот час делаете? А я каждый день вас вспоминаю, каждый вечер о вас думаю и почти каждую ночь вижу во сне. Конечно, я вижу вас не такою, какая вы теперь, а такою, какою помню перед разлукой, когда вы были такою, что «в вас еще влюбиться было можно», как я вам однажды сказала в Петропавл[овской] крепости... Вы тогда еще так смеялись по этому поводу! Именно такой вы, в которую влюбиться можно, вы и остаетесь в моей памяти. Особенно я люблю ваш портрет 92 года, который я здесь получила: у вас там чудное лицо, задумчивое, грустное, тихое и доброе... Это самый лучший портрет, который когда-либо передавал ваши черты. А для меня, ведь, время остановилось на 83—84 годах, и того, чего не видишь собственными глазами, не можешь себе представить; так

мудрено ли, что в сновидениях вы являетесь мамочкой 83 года!.. Тяжело мне было свыкнуться с мыслью о вашей болезни—я провела скверную-прескверную зиму—мысль о вас давила, как камень. Днем-то, конечно, сознаешь, что тебя удручает, а ночью я постоянно просыпалась от сознания, что надо мной тяготеет какое-то несчастье,—что случилось что-то... но что? И сейчас же в сознанье прорывается: «мать больна!». И опять засыпаешь, и снова просыпаешься оттого, что чувствуешь, что что-то случилось... И опять вопрос: что тяжелого со мной случилось? И опять: «мать больна!». Ах, дорогая! Понятно ли вам будет, что и в несчастьи может быть счастье, хотя это и звучит парадоксально? И таким именно счастьем для меня было ваше письмо от 4 февраля. Я написала вам 25 января, и вы получили письмо 2 или 3 февраля; ответили на него 4, а 7 оно было уже в моих руках! Это было целое счастье! Уж одно то, что мы так быстро могли обменяться выражением наших чувств, было счастьем; это словно приблизило меня к вам или вас ко мне из беспредельного далека и позволило, хоть однажды, хоть на минуту, биться в унисон нашим сердцам... Я словно материально чувствовала ваще присутствие, вашу близость, точно я действительно припала к вашим ручкам и получила ваше благословение... И ваше прекрасное письмо создавало иллюзию, и день за днем в моем уме звучали ваши слова: «материнское сердце не помнит огорчений...». Эти вдохновенные слова—целая поэма: я никогда не забуду их—они отображают вас всецело и вместе с тем имеют такой глубокий общечеловеческий смысл! Мудрено ли, что, несмотря на то, что из продиктованного тогда вами же текста я узнала впервые грустную правду о вашей болезни [1]; несмотря на глубокое огорчение, кото-

---

[1] Рак.

рое я испытывала, все же я почувствовала какое-то нравственное удовлетворение после этого обмена письмами, которое трудно анализировать и еще труднее формулировать неуклюжими словами... Но вы и без слов поймете это. В вашем июньском письме вы в одном месте говорите, что вас тяготит ваша немощность: но все хорошие люди в болезни тяготятся своею беспомощностью, и не грех, наконец, чтоб послужили вам все любящие вас, как и вы не оставляли и не оставили бы никого из нас без помощи и заботы о нас в случае нужды. Что вы не цепляетесь за жизнь, это понятно, потому что вы всегда были мужественны; но, дорогая мамочка, надо помнить, что медицина такая наука, что невозможное сегодня может сделаться для нее возможным завтра. Уж на что страшная болезнь дифтерит, но и у него на наших глазах вырвано жало. И каждый день может принесть счастливое открытие, а с ним и исцеление недугующим... Я была очень рада, узнав, что Коля, с своей стороны, делает все, чтоб успокоить и облегчить вас. Он всегда любил вас: я помню, какие теплые письма писал он вам из Италии, когда учился там. Вы давали мне в крепости читать их, и я тогда была приятно удивлена сердечностью этих писем—до того времени я не знала хорошенько его отношения к вам; теперь вижу, что те же чувства он сохранил доселе, и отрадно слышать, что вы называете его своим солнцем, что он, в деревне, всех вас оживлял и веселил, и если уж кормилица сделала аналогичное наблюдение о под'еме духа в его присутствии, то, значит, он и в самом деле—солнце! Когда человек болен, то хорошо, чтоб кто-нибудь мог развлечь и заразить своей жизнерадостностью, и это прекрасно, что Коля так разрежает атмосферу дома, где есть больной. В Петербурге-то он, вероятно, реже бывает у вас. Напишите мне об этом, а также, как часто Петя навещает вас. Вообще, побольше, побольше сведений о вашем житье-бытье. Как вы устроились на Васильевском

острове[1]? Симпатичная ли женщина ваша сиделка? Сами ли вы читаете книги, или вам читают вслух, и что именно вы читаете? Словом, обо всем напишите, дорогая мамочка, и не бойтесь, чтоб какая-нибудь подробность оказалась излишней. Как милы ваши отношения к мальчику Оли! И какие это вы сказки ему рассказываете? В детстве я так любила (наверно, Лидинька и Петя тоже), когда вы нам что-нибудь рассказывали. Но у вас в репертуаре было три сказки, и только ваш драматический талант в пересказе их делал то, что они никогда не надоедали. Если-б дорогая Оля когда-нибудь прислушалась к тому, что вы рассказываете ее сыну, и записала, я так была бы благодарна за это! Те же ли три сказки вы рассказываете, или берете из иностранных и русских, имеющихся в литературе? Для этого маленького друга вашего летом я кое-что нарисовала на дереве и, если департамент разрешит, то пошлю вам посылочку с этими изделиями для него[2]. Быть может, это позабавит вас и даст материал для новых рассказов милому мальчугану. Все, что вы сообщаете о нем, прелестно, и я понимаю вполне развлечение, которое доставляет вам его общество, и то впечатление, которое вы сами производите на него. Вся молодежь ваша чрезвычайно выросла и возмужала за эти годы: я едва верю глазам, глядя на фотографию, присланную в июньском письме. Таничка, все дети Коли, в особенности Лидинька[3] — так выросли и изменились, что еле узнаю, что это именно они. А когда же вы мне покажете нашу красавицу, ныне уже курсистку Верочку[4]? Она меня очень интересует, и я хотела бы посмотреть, как она теперь выглядит. Мне казалось, что она

---

[1] В Петербурге.

[2] Сделанная шкатулка, вся разрисованная акварелью и наполненная игрушками, находится в Музее Революции в Ленинграде.

[3] Дочь брата Николая.

[4] Стахевич Вера и Татьяна.

должна очень походить на нашу Лидиньку в лучшую пору ее жизни. Верно ли мое предположение? Таничка, повидимому, очень поздоровела и развилась физически. Так ли это? Но Лидия Медеевна[1], неужели она переросла нашу Лидиньку? Мальчики Коли смотрят веселыми шалунами и тоже сильно выросли, а о перемене в Жене Медеевне уже нечего и говорить! Дивлюсь (хотя, кажется, и нечему бы). Отлично сделал Коля, пригласив студента для занятия по естествознанию: польза непременно будет, особенно, если брат будет благоразумен и на следующий год сделает то же. Часто интерес к знакомству с природой, посеянный в детстве, с годами развивается и определяет все будущее человека, а если они впоследствии выберут другое поприще, а не естествознание, то все же их кругозор будет шире, и у них сохранятся приятные воспоминания о занятиях в детстве. Да вообще считается, что вполне образованным может быть назван лишь тот, кто знаком с основами естественных наук. И раз есть средства, надо расчистить для детей самый просторный путь. Крепко целую вас, моя дорогая мамочка, и обнимаю сестер и братьев. Не задаю в частности никаких вопросов о них, потому что знаю, вы и так сообщите все, что можно. О себе скажу, что летом была здорова и теперь поставила себе за правило побольше гулять зимою (прежде я часто уходила в мастерскую). Летом занималась кое-какими переводами, главным образом, с английского, выбирая различные роды литературы, например, главу Маудсли («Тело и воля»); сказки Киплинга; беллетристический рассказ. Пробовала переводить мемуары м-ме Ролан, но показалось неудачно и бросила. Теперь до обеда я обыкновенно гуляю, и хотя глаза устают читать на-ходу, но все же такое чтение возможно, и я погружаюсь в волны философии.

---

[1] В шутку дочерей брата Николая Лидию и Евгению я величаю по матери—Медеевнами.

Вы писали, что вяжете одеяло для меня: я очень тронута этим и осыпаю поцелуями ваши милые, трудолюбивые ручки: я буду беречь его, как талисман, как доселе берегла образок «Нечаянная радость», которым вы меня благословили на прощанье. Правда, не сбылося предсказанье и никакая «нечаянная радость» не явилась, но все же я ждала ее, а, быть может, верить в пришествие радости, надеяться на нее—для человека важнее, чем самая радость... Ведь, сказал же знаменитый немецкий философ, что, если-б ему дали на выбор «обладать истиной» или «стремиться к истине», то он избрал бы не первое, а последнее. Заканчиваю письмо к вам и не знаю, что сказать вам,—кроме того, что, и отсутствуя, я всегда с вами, и что хотела бы от вас слышать, что вы не очень страдаете. Дорогая моя, целую ваши ручки.

Вера.

P. S. Есть хорошенькая книга Селли: «Очерки по психологии детства»; в часы физической бодрости прочтите ее, моя дорогая,—она, наверно, доставит вам удовольствие и наведет на многие аналогии и сопоставления с поведением вашего любимца—младшего внука. А читается она легко, как роман.

Любящая вас *Вера.*

Всем родным, близким и дальним, шлю поклон, а Оле как вашему секретарю—благодарность. Благодарю всех вас также и за то, что во все это время из департамента я получала известия о здоровье мамочки.

13.

9 марта 1904 г. [1].

Дорогие! Не буду писать вам о мамочке, ни о моем настроении. Зачем дергать ваши нервы. Печаль и усталость вполне определяют его. Печаль, потому что, ведь, в течение

[1] Письмо к сестрам.

21 года она была центром моих чувств. Усталость—потому, что целый год я стояла пред ее открытой могилой, в постоянной тревоге, волнении и опасениях. Мне утешительна мысль, что вы проводили ее неизменно вплоть до крайнего предела, возможного для человека, и что она лежит не в П[етер]б[урге], где было бы так холодно и неуютно, а в Никифорове, которое она так любит и кот[орое] для всех нас дорого было, а теперь стало еще дороже, еще милее. Я всегда почитала счастьем для человека иметь заветное местечко, с кот[орым] связан воспоминаниями детства, где впервые полюбил простор небес и полей, где совершались разные семейные события и где спят близкие умершие. Я так хорошо помню никифоровское кладбище и могилу няни. Когда я была там в 1876 г., там росли 2 или 3 березки. Они были еще очень молодые, а теперь, если живы, верно выросли и стали красивы. Няня-то оставила во мне такое нежное воспоминание. Как-то давно, много лет назад, я набросала все, что помнила о ней, и вышло так тепло и хорошо, что, перечитывая, и теперь получаешь хорошее впечатление, что редко бывает с авторами. И мне кажется, что теперь я уже не написала бы так, что мои воспоминания потускнели, а чувства притупились и у меня уже нет такого растроганного настроения, в каком написано то воспоминание. Вот почему мне жаль, что уже нет кормилицы у Юрика [1] и к нему приставлено новое лицо, немка-бонна. Конечно, ему не так нужна ласка няни, как нам была нужна наша Наталья Макарьевна,—суровая дисциплина крепостного пошиба умерла и не воскреснет, но все же сильная и глубокая привязанность — краса жизни, и детство так же (и даже более) нуждается в них, как и всякий другой возраст; и любовь к няне, привычка к ней, привычка и любовь с периода бессознательности—есть благо, которое стоит созда-

---

[1] Племянник Флоровский, сын Ольги.

вать и беречь. Что же касается до культурности бонны, то я лично предпочла бы хоть и некультурную, но хорошую, простую женщину. Неужто же не прелестен разговор одного ребенка с няней старого русского типа, кот[орый] я беру из действительной жизни. Ребенок [1], играя на полу подле няни, спрашивает: «Из чего состоит золото?». И няня, которую ребенок считает несравненно мудрее отца и матери, отвечает, перебирая спицы чулка: «Из золота».—«А серебро?»—«Из серебра». «А из чего же хлеб состоит?»—«А хлеб состоит из муки»,—так же невозмутимо отвечает няня. «Как произошло солнце?»—«Бог сотворил».—«А бога кто сотворил?»—«Никто: он существовал и будет существовать вечно». И это «вечно» производит сильное впечатление, вызывая первые размышления о беспредельности времени и пространства. Некультурно, конечно, но все же, ведь, правда: золото состоит из золота (пока теория разложимости элементов не опровергнет этого). А мнится мне как-то, что по-немецки таких философских вопросов ребенок и задавать не будет, а между тем нужны они, эти вопросы. И ответы должны быть просты и наивны, как наивен сам вопрошающий. Часто я думаю о вас и воображаю, как вы ехали в Никифорово, и эти мысли всегда вызывают у меня слезы. И, быть может, именно в эту ночь, которую вы напролет ехали, я видела тот сон, который произвел на меня такое глубокое впечатление. Мне снилось, что мы, сестры, вчетвером, едем в санях по совершенно черной, обнаженной от снега, земле и проезжаем по селу, то поднимаясь в гору, то спускаясь под гору; мимо идут ряды прекрасных изб, и везде сделаны отлогие каменные спуски для пешеходов и стоят скверы с деревьями, на которых нет зелени; видны беседки с золотыми крышами. А в середине, на холме, возвышается белый храм, каменная громада, ско-

---

[1] Мой товарищ и друг Н. Морозов.

рее напоминающая монастырь, с множеством изящных золотых куполов. А когда я посмотрела наверх, то увидела над храмом и над всем холмом висящий над ними, на небе, хрустальный балдахин, поразивший меня своей красотой и почему-то напоминавший северное сияние. Когда же мы выехали из селенья, то перед нами разостлалось безбрежное поле, покрытое молодыми зеленями, и над ними голубое небо и горячее солнце. И не знаю, почему мне вспомнилась когда-то виденная картинка: идут усталые путники, а впереди, вдали, словно в облаках, виднеются легкие очертания города, а подпись гласит: «Града господня взыскующие», и с этой мыслью, в каком-то особенном настроении, я проснулась. И теперь, когда 11 февраля я получила ваши письма (от декабря и января) и прочла, как вы ехали, это описание как-то сливается с тем ноябрьским сновидением, и мне хочется верить, что в ту ночь, когда вы провожали мамочку, душа моя сопутствовала вам[1]. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

До 6 февраля я и не знала: передавали только, что хуже и хуже. 6-го сказали—умерла, а 11-го дали три письма (по одному от каждой из вас)—единственная присылка после лета. Если к сентябрю вы посылали карточки, то их не передавали, а теперь уж и не стоит посылать—попросите возвратить, если были.

Ты думаешь, Геничка, о яслях. Дело хорошее: пока есть бедные—помогать надо. Однажды, в Харькове, я увидела в университетском сквере человека, видимо, чахоточного. Он сидел на садовой скамейке и грелся на солнце. Он не просил, но вид у него был крайне нуждающегося. Я по-

[1] Три строчки (вероятно о матери) департаментом полиции замараны.

ложила ему в руку двугривенный. И вот здесь он часто является мне, и мне все стыдно, что я дала так мало. Если бы я дала хоть рубль, быть может, я забыла бы его, как забываем тысячи явлений, встречаемых в жизни. Но я дала 20 коп.—и не могу забыть этого. О яслях в Никифорове мамочка много раз мечтала, но не осуществила, а думала о них гораздо раньше, чем их стали заводить, и если ты устроишь их, то исполнишь как-раз то, чему она очень сочувствовала. Но ведь дать деньги—мало, надо вложить труд по организации и надзору, а как же ты сделаешь это, если не проведешь все лето в Никифорове?

О других делах поговорим в другой раз. Целую вас крепко, будьте здоровы. Главное, Лидинька, напиши о своем. Если вы напишете летом к июню, я отвечу сейчас же.

Вера.

10 марта.

Трудно родителям судить о детях: они или слишком снисходительны, или слишком строги. Надо спросить тех, кто видит со стороны. Если ваша молодежь не очень серьезна, так, может быть, потому, что вы были слишком серьезны и не жизнерадостны. Но серьезны ли они или нет, я уверена, из них выйдут хорошие люди, а это, ведь, самое главное. Целую братьев и помню всех родных,—вас же обнимаю крепко, мои милые. Вы затрагиваете многие темы, но не хочется писать. У меня никаких перемен нет, только время идет и идет... Уже было равноденствие, и солнце палит лицо и слепит мне глаза, когда я на гулянии лежу на сене в доморощенном longue chaise'e [1]—все тянет лежать. Карточек не посылайте, а писем буду ждать, и за меня не тревожьтесь. В ваших детях я очень хотела бы найти друзей.

[1] Попросту ящик с косой доской вместо спинки.

14.

1904 г., 24 июля.

Вот и последние письма, дорогие мои! Я получила их 9 июля. И хоть последние, и хоть ждала, а все же после них стало, как всегда, грустно и тяжело... Вы пишете, что мое последнее письмо вас огорчило. Но, что же делать? Если не писать совсем—вы встревожились бы и стали бы делать официальные запросы. Так уж надо было как-нибудь покончить с этим. Ну, да теперь дело прошлое: я отлежалась на солнцепёке и салазки с сеном давно отвезла в сарайчик, где лежит всякий хлам. Весна была такая ранняя и хорошая: вплоть до николина дня погода стояла чудная, и я проводила почти весь день на воздухе. Зато с 9 мая, как началось ненастье, так до половины июля было сыро, холодно, точно осень. Я говорю себе, что, быть может, в последний раз в жизни провожу лето в таких «южных» широтах, и как-раз оно такое неблагоприятное—не оставит по себе даже порядочного воспоминания. В огороде, который я попрежнему возделываю, все растет плохо, и, чего еще ни разу не бывало, ландыши, зацветшие в конце мая, дотянули до моего рожденья! Как видите, метеорологические явления те же, что и в Казанской губ[ернии]. А ландыши я люблю, как и вы, и по тем же воспоминаниям [1]. Вот уж, по крайней мере, лет десять под ряд, в честь мамочки, среди полной зимы, на рождество и на новый год я имела горшок цветущих ландышей: они выкапываются поздней осенью из грунта и оставляются на открытом воздухе до первых морозов, а потом стоят в сарайчике до декабря, а за 2 недели до праздников приставляются к калориферу. Цветочные почки закладываются с осени, и при выкапывании легко отличить и выбрать экземпляры, которые будут цвести. Изящнее и трогательнее такого подарка трудно найти... Здешние ландыши

[1] Любимые цветы матери.

разведены не из лесу, а размножились от купленных в Петербурге, и я читала, что только они, а не лесные, годны для выгонки зимой или ранней весной и вообще во всякое время года. По внешности и аромату они тождественны с лесными, из которых воспитаны культурой. Не знаю, сохранились ли в Никифорове те кусты ландышей, которые были некогда взяты со Святого ключа, и цвели ли они когда-нибудь? При мне они давали постоянно только зелень. Возможно, что садовая земля была для них слишком питательна, а потому развивались лишь вегетативные органы, а на более скудной почве они, быть может, и цвели бы. Я потому пишу об этом, что вы когда-нибудь, быть может, вздумаете пересадить их в сад и на кладбище: только брать надо либо ранней весной, как только в лесу земля оттает, либо осенью, что вам удобнее,—когда листья у ландышей подсохнут. Вы пишете о памятнике в виде часовни... я в этом толку не знаю; мне как-то более нравится крест и ограда... Но главное украшение, по-моему,—растительность, деревья... Зимой ко мне часто смотрит по ночам луна и всегда приводит в особое настроение, которое можно назвать эхом приятных летних прогулок, когда-то сделанных в деревне, на просторе, в большой компании... Но в эту зиму все изменилось: луна как-будто особенно часто и назойливо смотрела ко мне, и мне все представлялось—снежное поле и наше никифоровское кладбище: холодный снег блестит и холодный ветер веет, а вверху, высоко, та же луна, что заглядывает ко мне. И все казалось так пусто, голо, холодно там, и мне становилось так тяжело и неприятно... И потом я думала: хорошо бы обсадить кладбище молодыми елями, которые зеленели бы и лето и зиму. Тогда там не было бы так уныло и беззащитно, и весь общий вид местности изменился бы к лучшему от этого островка, обрамленного деревьями: ели такие стройные и изящные—на них смотреть приятно. Они и неприхотливы, принимаются на скудной почве, а по

красоте, по-моему, это лучшее дерево нашей флоры. Я люблю их с детства, благодаря красивой аллее из елей, посаженной мамочкой в Христофоровке, по пути в «дальнюю» беседку (давно разрушенную). Когда мне случалось читать у Тургенева и Гончарова описание «дворянских гнезд», я всегда вспоминала христофоровский сад, который давал нам в детстве столько благодатных часов, и эту аллею. Я помню там каждое местечко: крошечный родничок, открытый Варенькой [1], из которого было так вкусно пить воду, черпая горсткой; березовую плантацию, где няня собирала рыжики; сырые заросли по скату к оврагу, где рос изящный папоротник, так не похожий на все остальные травы и про который рассказывали, что он цветет в сто лет раз,—и это чудесное свойство так много говорило воображению... Весь запас приятных воспоминаний детства, все корни любви к природе связаны у меня с этим садом, с его солнечными полянками, тропинками, прудами и чащею кустов и деревьев... Чего-чего только там не было из того, что составляет радость и утеху детей! Не знаю, сыграл ли он и для вас такую роль? Вероятно, да, хотя, быть может, вы и не сознаете этого, если меньше отдавались воспоминаниям. И я рада, что Наташа [2] занялась садоводством—уж она-то, наверное, многим обязана этому саду, и хорошо теперь поухаживать за стариком за все его прежние дары и оставить в таком виде, чтоб следующие поколения набирались в нем ярких и светлых впечатлений. Мне так понравилось в одной повести, что автор [3], характеризуя дрянность и никчемность своего героя, как последний укор ставит ему, что он «ни одного деревца в жизни не посадил, ни одной травки не вырастил». В этом отношении наша мать стоит высоко:

---

[1] Младшая сестра матери, рано умершая.

[2] Кузина Куприянова.

[3] Чехов.

в ней всегда было живое стремление украсить землю, и там, где она жила, она оставляла ее лучше[й], чем нашла...

Быть может, вы удивитесь, что [в] канун важного перелома в жизни я не наполняю письма разговором о будущем. Но в голове моей и смутно, и тревожно, и все время идет внутренняя работа, которую трудно формулировать на бумаге. Во многих отношениях приходится заново организовать свой психический мир, и я похожа на спящие воды, в которые брошен камень,—и от него во все стороны пошла рябь... Когда находишься вне процесса жизни, тебя охватывает чувство тайны, и жизнь кажется загадочной и сложной... Хочется заглянуть вперед, распознать судьбу, вырвать у нее ответы,—но все тщетно! Недоуменные вопросы—безответны, все окутано туманом и не выдает того, что будет...

Внешняя моя жизнь идет тем же руслом, и я продолжаю заниматься тем же, что и прежде, но понемножку ликвидирую свои дела и привожу все в порядок. Я не пишу ничего о ваших семейных обстоятельствах, потому что это бесполезно, да вы и сообщаете о них в последнем письме скупо. Будьте же все здоровы и целую вас всех, больших и малых.

Ваша *Вера Фигнер.*

И, что будет, — то будет.

P. S. 1929 года. Так заканчивается моя тюремная переписка с родными.

29-го сент. 1904 г. я покинула Шлиссельбург—меня перевезли в Петропавловскую крепость. (См. Собр. соч. т. II), а дней через 14 отправили в ссылку в Архангельскую губернию.

ПИСЬМА
ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ.

1. Брату Петру и его жене.

18 октября 1904 г.

Дорогой брат Петя! Дорогая Настя! Вчера, в воскресенье, мы приехали в Архангельск, и когда солнце всходило и я вспоминала, что этот день — воскресенье, я невольно подумала, не счастливое ли это предзнаменование и не начнется ли с этого дня мое воскресенье? С вокзала мы сейчас же сели на пароход «Москва» и переправились через Северн[ую] Двину, где недалеко от берега первое бросившееся в глаза здание был красивый собор с синими куполами, усеянными золотыми звездами. В канцелярии губернатора, куда мы первым долгом приехали, все еще было заперто, и сторожа протирали глаза и тащили флаги на площадь в честь события 17 окт. 88 г., но я, если хочу, могла воображать, что это празднуется мое прибытие с принцессиным сак-вояжем!.. Итак, губернатор, правитель канцелярии и все мелкие подчиненные еще предавались отдохновению, а мы вошли в пустынные покои, где я заметила много чернил и бумаги и нервно-расстроенные стенные часы. Затем, понемножку, началось движение: Оля начала летать туда и сюда, и часу в 12-м стало выясняться положение дел. Ты из телеграммы Оли уже знаешь, что в бумаге заключалось предписание отправить меня в места отдаленнейшие. Слова «места отдаленнейшие», конечно, весьма мрачно прозвучали для наших ушей, так они были отдаленны от тех буколических

предположений, которые были у всех нас в Петербурге.., и сюрприз был не из приятных... Начать с того, что тащить за собою сестру, у кот[орой] есть ребенок и муж, в неведомую пустыню, кажется мне невозможным нравственно. Делить с другими радости — хорошо и приятно, но относительно всего тягостного у меня уже выработалось правило—по возможности брать его на одну себя и не тянуть других, и расшатывать это я не имею желания, так что я буду всячески сопротивляться самоотверженному решению Оли. Второе, как вы тоже, верно, уже знаете, самые отдаленные места теперь не доступны по отсутствию путей сообщения, и сама природа как-будто отказывается пустить меня в эти дебри... Ну, а внутренно я их, конечно, боюсь — по той простой причине, что не знаю своих сил в этом направлении. Часто человек может переносить и худшее, но *привычное,* а непривычное встает пред ним, как темная и неопределенная угроза, точно ночью, когда простыня кажется привидением, а снять или ощупать ее не имеешь возможности... Теперь я заключена в тюрьму: камера недурна и светлая, только стены еще не высохли от беления. К сожалению, с Олей вчера виделась при свидетеле, и оттого язык прилипает к гортани, и я не нахожу, что говорить, и вообще, как-то вдруг, с момента вступления в эту тюрьму, я почувствовала, что все вы мои родные, которые так приветили и обласкали меня, — отходите куда-то вдаль, словно отплываете на корабле, оставляя меня на берегу... На минуту наши пути скрестились и переплелись, а потом опять моя тропинка вышла из общего узла и убежала в сторону.., и мне опять показалось, как прежде, что между нами встает каменная, холодная твердыня... Но, что же? Мое письмо огорчит вас, и лучше уж не говорить обо всем этом и начать курс самовнушения и самоприготовления... Цветы, привезенные на вокзал, доселе стоят при мне. Мы с полковником купили красивый пивной бокал на вокзале, чтоб дер-

жать их в воде, и хотя теперь они уже похожи на веник, но я не согласна выбросить их и еще раз благодарю Вас[илия] Григ[орьевича] [1] и тетю Лизу Купр[иянову] за этот подарок. А твоя икра, дорогая Настя, тоже еще есть: Лидинька [2] мне рассказала, какое увещание на этот счет ты ей сделала, и было очень смешно, когда после одного бутерброда она смиренно складывала оружие, говорила: «Настя не велела!». А я ей — «Ну, ну, еще с'ешь! Настя не видит!» И так мы уплетали ее с большим аппетитом, но много еще осталось...

Ну, целую вас, мои дорогие. А Лиду и ее детенышей тоже по сту раз. Сегодня или завтра напишу Мар[ии] Мих[айловне] [3], а Женичка [4] и хочу, и боюсь писать, ибо есть горе, для которого нужна тишина, и ее горе—из таковых. Писем и известий от нее не имели, но молчание иное говорит громче трубного гласа.

Ваша *Веруша*
Фигнер.

Сейчас была у меня Оля, и мы долго разговаривали: она меня все подбадривает и слышать ничего не желает, чтоб ей не ехать со мной!!

2. Сестре Евгении и ее мужу.

Архангельск. 1904 г. 22 октября.

Дорогая сестра Женя! Дорогой Мих. Петрович! Оля сказала мне, что писала вам из Ярославля и отсюда, так и я хочу—по пословице: куда конь с копытом, туда и рак с

---

[1] Мой товарищ Иванов, вышедший из Шлиссельбурга одновременно со мной.

[2] Сестра (Стахевич), провожавшая меня от Петербурга до Ярославля, где ее сменила сестра Ольга.

[3] Дондукова-Корсакова, получившая в 1904 г. разрешение посещать Шлиссельбургскую крепость.

[4] Сестра Евгения Сажина потеряла сына.

клешней (так как письмо-то мое пойдет по официальным инстанциям). Вы, конечно, уже знаете, что мы сидим здесь в самом неопределенном положении — Оля в своей гостинице, а я под гостеприимным кровом тюремного замка. Но, надо сказать правду, что в слове «гостеприимный» не все ирония, ибо, что можно сделать в данном случае — все делается: камеру (секретная) дали мне большую и светлую с прекрасным окном, выходящим на восток, и я могу в ясные дни наблюдать восход солнца, что мне очень нравится, так как стена тюремная не скрывает горизонта, и для меня это явление — необычайное. Вечером же, гуляя, я вижу вечернюю зарю на противоположной стороне, и прогулка мне кажется необыкновенно приятной, так много неба я вижу, и воздух здесь какой-то другой, и с ним мне всегда трудно расстаться: все хочется еще и еще дышать им, только жаль бедную надзирательницу, которая должна «гулять поневоле», какая усталая ни была бы от своих ежедневных хлопот, по обязанностям. Гулять позволили два раза в день, но в общем все же выходит не более часу, пожалуй, а в первые дни мы так ловко устроились, что гулянье, обед и свидание с Олей совпадали по времени, и оттого выходила чепуха. Мало-по-малу, однако, наладилось, и вчера было все ловко. Читаю я пока немного, но то, что попадает на глаза, все кажется мне удивительным и ужасно интересным. После тюремной мертвечины и узкого мирка, где душа была закупорена, точно в банке, все изумляет, радует, восхищает: сколько везде молодой бодрости, смелости, и Россия представляется мне прекрасным юношей, полным сил, но одетым в платье, из которого он вырос... и вот он поведет плечом, шевельнет рукой, и платье рвется и разлезается то тут, то там: по швам и по целому... И сердце мое болит при мысли о покинутых товарищах, которые ничуть не хуже меня в отношении политическом, а для которых среди света—нет света! среди жизни—нет жизни! и которым—в слу-

чае, если опять амнистия не будет применена к ним, — не останется ничего, кроме ожидания смерти...

Дорогая моя Женя. Не удивительная ли это вещь: вчера Оля сообщила мне, будто здесь в Арханг[ельской] губ. есть ссыльный крестьянин из села Вязьмина, где мы с тобой некогда жили и где ты была «золотой учительшей», а я фельдшерицей... и будто ты его учила грамоте, а я лечила руку его отцу... и он нас помнит!... Я думаю, не Семка ли это? тот приемыш-малыш, которого воспитывал наш Денис, у которого была сибирская язва, которую я тогда видела в первый раз в жизни? Я не успела расспросить, уголовный ли он (что нам с тобой нельзя сказать, чтоб было лестно!) или выслан, как неблагонадежный (в чем мы с тобой столь же мало повинны!). Но я поняла так, что он сослан, как политический, и это меня несказанно удивляет. Вязьмино было такая глушь: народ исключительно земледельческий и носу не совавший из своего медвежьего угла, забитый и смирный. Я попрошу узнать, какая волна выхватила его из деревенской тишины и бросила на противоположный край России. Быть может, при тамошней бедности пришлось и оттуда молодежи уходить и искать заработков в городах, на фабриках.., тогда не удивительно, что угодил сюда, на север. Денис и его жена, верно, уж померли... А какие были хорошие, добрые люди! Если я что узнаю, сообщу тебе, а ты, моя дорогая, если услышишь что-либо о моих товарищах, напиши сейчас же нам. Ты знаешь, Василий Иванов-то, может быть, попадет сюда же. В Петербурге перед от'ездом сказали, что по случаю холеры в Ташкент не пошлют ни его, ни Ашенбреннера; что последний, может статься, будет у своих родных в Смоленске (вот хорошо бы!), а Василий Григорьевич, вероятно, будет выслан в Архангельскую же губ. Но его брат хотел хлопотать, чтоб отправили в Ташкент на свой счет. Но на казенный или на свой счет — не все ли равно, раз там хо-

лера? Вас[илий] Гр[игорьевич] прислал мне на вокзал прелестный букет из чайных белых роз, махровой гвоздики, папоротника и две коробки конфект. Последние я отдала Лиденьке для Верочки, которую я зову пунцовой хризантемой, и Танички, кот[орую] сравнила с прелестной белой лилией, а цветы утешали меня вплоть до Арх[ангельска] и теперь еще стоят уж без воды, ч[то]б высохли — жаль расстаться. Елиз[авета] Викт[оровна] [1] тоже прислала через свою. Лиду цветов—чудных. И так, обласканная всеми вами, я с Лиденькой сели в Петербурге в вагон и пустились в дальнее плавание. Целую тебя, моя голубочка, крепко, крепко... Мих[аила] Петр[овича] и детей — тоже. Твоя *Вера Фигнер.*

Вчера написала старушке Кат[ерине] Ив[ановне] [2], а ранее послала письмо Пете и Мар[ии] Мих[айловне]. Из Петербурга писала Елиз[авете] Викт[оровне] и тете Лизе [3], а также Сашечке [4], а Оля все шлет больше телеграммы!...

Сейчас Оля прислала утешительную телеграмму от Пети. Вот содержание ее: «прошение подано, обещали согласиться на свой счет стражи при квартире Ольги в Арх[ангельске] на всякое предложение губернатора. Предложил содержание (чтоб я была не в тюрьме, а у нее). Проси губернатора [5] устроить под честное слово Веры». — Ну, вот, теперь Оля будет говорить с губернатором о месте пребывания и, может быть, дорогая моя, я устроюсь недурно.

Оля тебя и всех вас целует.

Фигнер.

---

[1] Куприянова—жена дяди Пети.

[2] Долгова, хорошая знакомая в Петербурге до ареста.

[3] Тетя Лиза Головня (сестра матери).

[4] Александра Ивановна Корнилова, по мужу Мороз.

[5] Бюнтинг, впоследствии губернатор в Твери, убит во время первой революции.

3. Людмиле Александровне ВолкеНштейн [1].

26 октября 1904. Архангельск.

Дорогая Людмила! Узнаешь ли, что тебе пишет твой друг и твоя подруга, шлиссельбургская Вера? Не забыла — мой бисерный почерк—или от неожиданности не признаешь старого знакомца?.. Сестра Оля позавчера дала мне прочесть твое майское письмо, а также письмо Пана [2] и Тригони [3]. Как все это странно и далеко показалось мне... Представь себе, я не узнала твоей карточки (она мне показала)... Что-то есть в тебе уже другое — не шлиссельбургское... Совсем переменилась ты! Точно так же я не узнала Тригони, и только, когда сестра сказала, увидала, что это действительно он. А тебя не признаю и после ее слов. Впрочем, странным образом, первое время по выходе из крепости я замечаю какую-то неспособность органов чувств сразу определять предмет; когда в Пб[Петербурге] везли на вокзал, все лица казались однообразными желтоватыми пятнами и все мужчины арестантами, а в камере все мелкие предметы я стала подносить к глазам — чего решительно никогда не делала до выхода... Я не хотела писать тебе до того времени, пока меня не водворят на какое-нибудь место жительства; думалось, что лучше уже сказать что-нибудь определенное о себе, да и писала бы тогда не через прокурорский надзор. Но, так как все вы, далекие сибиряки-товарищи, выражаете такое участие ко мне, то я решила написать из тюрьмы, в кот[орой] нахожусь с 17-го окт., с тем чтоб ты тотчас же послала весточку—копию или извлечение из этого письма — другим нашим товарищам, а то

---

[1] Находилась в Шлиссельбурге с 1884 по 1896 г.—мой товарищ по крепости и друг.

[2] Василий Панкратов.

[3] Панкратов и Тригони—товарищи по Шлиссельбургу, вышедшие раньше меня.

Панкратов и Манучаров [1] прислали сестре даже приветственные телеграммы — значит, очень хотят знать, что и как? А между тем, доселе еще не решено, где я буду находиться. В бумаге губернатору было сказано, что я должна быть отослана в самые отдаленные места и где бы не было ни одного политического... Конечно, такие условия нравственного одиночества и суровой физической обстановки при расшатанных нервах и в высшей степени неустойчивом состоянии здоровья (ревматизм и признаки цынги) — пугают и меня и моих родных, которые ждали меня с таким нетерпением и встретили с таким горячим желанием обласкать, обогреть и помочь мне стать на ноги... Они хлопочут, чтоб меня поместили в такое место, где бы я могла найти сносные условия существования и куда они могли бы приезжать и жить со мною... Мои братья, сестры и их мужья встретили меня с величайшим радушием и нежностью и всячески старались облегчить мою встречу с ними, ибо горестна была для меня встреча — я боялась ее, и первые свидания, после разлуки, столь долгой и печальной, были полны страдания. Как изменились лица! Как страшно изменились лица! Чем-то незнакомым и чуждым веяло от них... Ведь с Лидинькой я не видалась 27 лет, с Евгенией 25, с Олей 20! Я искала знакомые черты, краски — и все было другое... И первый луч радости блеснул во мне лишь тогда, когда Лидия привела и выстроила в шеренгу 4-х своих детей. Ее старший сын, Гриша, красавец, а 2 девочки (одна 17, а другая 14 лет) чудно прелестны, и вид этой молодости и красоты заставил впервые дрогнуть мое сердце чувством радости и восхищения... Они, которые родились и выросли, пока я находилась в тюрьме, напомнили мне ту лучшую пору жизни моих сестер, когда я расставалась с ними и они сами были в полном цвете молодости и красоты, и вид этой молодежи сближал прошлое и настоящее этим напоминанием.—Не думай,

[1] Панкратов—товарищ по Шлиссельбургу.

что я намерена наполнить все письмо описанием моих чувств и ощущений: я более не скажу ничего, ибо все мои мысли и чувства, в сущности, находятся в страшном хаосе, и я вся похожа на фортепиано, по клавишам которого ударили плашмя обеими руками — все во мне гудит... и все — в какой-то дисгармонии. Знаю: что тебе всего дороже и о чем ты хочешь прежде всего знать. Конечно, об оставленных товарищах, мысль о которых не покидает все время и меня... После я напишу тебе подробно, а теперь скажу, во-первых, что все живы, но нельзя сказать, чтобы все были здоровы... товарищей всех помнят и поминают только добром... ужасно интересуются судьбой и местопребыванием каждого из вас... о многих думают, как о находящихся уже в Евр[опейской] России... За последние 2 года жизнь стала тяжелая а с каждым увозом все сиротливее чувствуют себя остающиеся... Прощание со мной было в высшей степени трогательное, и я доселе не могу без слез вспомнить о них, этих замурованных... 9-го июля нас посетил там митрополит петербургский Антоний. Он был так приветлив и ласков, выказал столько деликатного такта и гуманной терпимости, что произвел на всех наилучшее впечатление. Прибавь: прекрасную внешность и необычайность явления, что в стенах, где 20 лет слышались только окрики и виделись лишь суровые начальственные лица, — вдруг явился свежий человек, ничего с тюремщиками общего не имеющий, со словами любви и благожелания, словно добрый вестник, что и для этого «мертвого дома» пробьет скоро час облегченья и свободы. Все товарищи точно помолодели и подобрели после его дружеского посещения... и поэтому я была очень рада, что в Петропавловской крепости он посетил меня, после того как брат Николай сделал ему визит и сообщил, что я в Петербурге... В течение 2-х часов, проведенных с глазу на глаз, я имела счастливый случай познакомить главу иерархии церкви христовой и представителя учения любви и

милосердия с внутренней стороной нашей тюремной жизни, с ее прошлым и настоящим, и на ряду с этим указала на горестные слухи, ходящие в Пб[Петербурге], будто амнистия по поводу рождения наследника и в этот раз обойдет Шлиссельбург. Как это, так и все, что я сообщила ему, было для него вполне новостью, и, повидимому, он был взволнован, растроган и простился со мной самым благожелательным и дружеским образом, подав некоторую надежду относительно товарищей... Ну, милая Людмила, пока больше я не буду писать, прибавлю только, что как тебе, так и всем другим все шлют сердечный привет и всякие пожелания — и я, конечно, также... Оля огорчила меня известием, что дорогой Людвиг [1], которого я так люблю, серьезно болен: он был всегда так слаб и худ! И я боюсь за его хрупкую жизнь.. Крепко обнимаю Митю [2], Мих[аила] Петр[овича] [3] и всех других. Когда я рассказала Оле, какие мы с Митей друзья, она ужаснулась, что ни разу не написала ему и что доселе ничего не слыхала о корове для него; но все это мы теперь поправили, и я буду писать, как только выяснится мое «to de or not to de [4]»... Если мое письмо вас не удовлетворит, то простите: понемножку смутное раз'яснится... А вот, может быть, вы все выедете из Сибири, ведь не обойдут же и вас? Будьте здоровы и благодарю вас за память!

Ваша *Вера.*

Из Пб[Петербурга] меня провожала Лидинька до Ярославля, а оттуда Оля, и она намерена не расставаться со мной, пока не устроит мне какое ни на есть гнездо... Мы ехали все

---

[1] Янович. Сестра сообщила о «болезни», чтоб подготовить к известию, что он застрелился.

[2] Суровцев—шлиссельбуржец. Я писала послать денег ему на корову.

[3] Шебалин—шлиссельбуржец.

[4] «Быть или не быть» из «Гамлета» Шекспира.

время в одном вагоне, выходили на станции, и только теперь нас раз'единили; но она, смешная! готова бы просить, чтоб и ее посадили со мной в одну камеру. Этакая преданная и милая сестра!

Вообще от всех везде встречала только хорошее: один только департамент, точно старая дева, все сердится—этакий памятливый, право, насчет своих клиентов!...

Вас[илия] Ив[анова] и Аш[енбреннера] [1] назначали в Туркестан, но так как там холера, то, гов[орят], ч[то] Аш-[енбреннер] будет у родных, а Вас[илий] Ив[анов] в Арх [ангельской] губ., как и я. Он очень недоволен, ч[то] в тк [такой] холод.

Какая горестная судьба Петра Сергеевича! [2] Она встала передо мной, как мрачное предостережение...

4. Сестре Евгении.

28 октября 1904 г. Архангельск.

Дорогая моя голубочка Женя! Получили мы письмо Лиденьки и узнали обо всем, что у вас было... и к горестному сочувствию твоему несчастью примешивается боль от сознания, что вы были в это время оба в Пб[Петербурге] ради свидания со мной, и твое материнское сердце может скорбеть, что вы не были дома [3]... Конечно, такие катастрофы не происходят без глубоких причин, и в душе мальчика была для нее почва... Но человеческая жизнь так полна случайностей; спасение и гибель часто стоят бок-о-бок, и исход зависит от какого-нибудь ничтожного камешка, павшего в ту или другую сторону, и мне больно, что эта молодая, хрупкая жизнь прервалась как-раз в момент, когда я стала на пороге жизни и вошла в ваш семейный круг... С тобой, с которой у меня много общих воспоминаний, мне не уда-

[1] Ашенбреннер—шлиссельбуржец.

[2] Поливанов.

[3] Смерть сына Володи.

лось как следует войти в общение, и не знаю, когда мы теперь с тобой увидимся? С Лиденькой мы провели памятную для меня ночь [1]: она, вероятно, тебе рассказывала, как мы говорили до хрипоты, укладывались спать и снова вскакивали то одна, то другая, и снова говорили, и снова хрипели от усталости в горле — так много нужно было сказать, спросить, узнать. И так много еще осталось недосказанного, недоговоренного. А теперь с Олей мы беседуем ежедневно часа по три и тоже под конец в горле першит, хотя оно уже значительно окрепло от практики. Оля все время вьется около меня, как птичка, и махает крылышками: рассылает во все стороны света телеграммы, пишет письма, требует аудиенций у властей и покупает всякие пустяки для моего прокормления. Сегодня судьба, наконец, нам улыбнулась и из Пб[Петербурга] получена официальная депеша к губернатору о *временном* поселении меня в посаде Нёнокса Арханг[ельского] уезда, в 70 верстах от губерн[ского] города, на запад. Там есть врач, есть сосновый бор, а в 4-х верстах море. Говорят, здоровая местность. Почта ходит два раза в неделю. Дороги пока туда еще нет и не знаем, когда она установится — это будет зависеть от температуры, а сегодня была днем даже оттепель. Я, было, предлагала Оле отправиться пока в Ярославль к семье, обещая, что скучать не буду, но она опасается, как бы не пропустить установку первого пути и что в таком случае могут увезти меня без нее, хотя думается, могли бы вызвать ее оттуда телеграммой. Я не пишу тебе подробно о Нёноксе, потому что, может быть, Оля тебе уже сообщала об этом пункте, и ты уже знаешь все. Сашечка [2] сообщает, что дней через 10 собирается ехать ко мне, но это, конечно, фантазия, и ее придется остановить: дело не так-то скоро

---

[1] В вагоне, по дороге из Петербурга в Архангельск.

[2] Корнилова-Мороз.

делается... Мы также получили от Марьи Михайловны[1] телеграмму, что она едет сюда, вероятно, с целью отпустить Олю к ее семье. Но это уж слишком. И Оля телеграммой остановила ее, уверив, что она будет сопровождать меня, куда бы ни пришлось. Это было в тот момент нашей Одиссеи, когда наши фонды здесь были очень низки и разговор шел о сотнях верст пути, и я боялась увлекать с собой Олю в такие места... Дорогая моя Женичка! Как хорошо бы теперь нам быть с тобой. Я бы ухаживала за тобой, а ты—за мной—так, два слепца и ходили бы вместе. Помощь другому — всегда наилучшее средство глушить собственную скорбь. Но ты едва ли согласилась бы теперь расстаться со своими сыновьями, а еще я слышала, будто ты поедешь в Пб[Петербург] для операции: только я тебе не советовала бы приступать к этому в данное время и полагаю, что и проф[ессор] Феноменов отказался бы делать ее в подобных условиях. Не спеши с этим, дорогая Женичка, чтоб к одному горю не прибавлять другого. Дорогая моя! Я рада, что твой Боря скоро пристроится вновь к правильным учебным занятиям, но я не поняла хорошенько из письма Лиды: она как-будто говорит о возможности даже немедленного поступления в инженеры путей сообщения. Не потерять год—было бы, конечно, большим благом, а, живя в Нижнем, он мало приобретет. Я не успела спросить тебя о судьбе семейства Дмоховских, с кот[орыми] ты была так хороша: знаю, что старуха, которая всегда мне казалась чем-то в роде матери Гракхов, уже умерла, но где ее дочери? Я все время думала, что Сер[гей Григ[орьевич] жил именно у них в Харькове, и очень удивилась, узнав от него, ч[то] он даже и не подозревал, что в этом городе живет сестра Адель Ад[ольфовны][2]; а было так отрадно думать, что он там не одинок и пользуется обществом превосходных людей. Извещай, моя доро-

[1] Дондуковой-Корсаковой.
[2] Домховской—Софья Адольфовна, по мужу Тихоцкая.

гая о себе и детях. Целую их и Мих[аила] Петр[овича], а твои грустные глазки (ах, какими грустными они мне казались все время в Пб[Петербурге]!) целую сотню раз. Крепко обнимаю тебя, моя голубочка, и будь здорова. Твоя *Верочка.*

5. Александре Ивановне Корниловой-Мороз [1].

2/XI—904.

Еще хочу поговорить с тобой! Ты, кажется, думаешь, что я в разлуке идеализировала тебя и Любу [2], и, может быть, полагаешь, что это — следствие перспективы? Нет, дорогая Сашечка! Это не разукрашенное воспоминание— я полюбила вас обеих, как вы есть, во плоти, и тогда же вы заняли в моей душе совершенно особое место. Дело в том, дорогая Сашечка, что и ранее, и потом я встречала множество прекрасных людей, но все они принадлежали к одному типу, к типу людей, которые могут умереть за других, но которые не могут (возможно, что только при данных общественных условиях, но некоторый процент, наверно, и органически не могут) жить для людей. А вот ты с Любой принадлежите именно к последней категории и оттого так и пленяете меня.

6. Сестре Евгении и ее мужу.

6 ноября 1904 г. Архангельск.

Дорогая моя, милая Женя и Михаил Петрович. Вчера Оля принесла мне прочесть твое письмо от 31 окт. Из него не видно, получила ли ты мои два письма. В виду этого я буду ставить №, чтоб ты знала, которое письмо посылается тебе. Этак, пожалуй, мне придется вести целую статистику, ибо я все пишу, да пишу, хотя, правду сказать, никто мне не отвечает. Впрочем, еще Петя 28 окт[ября] писал, и письмо

---

[1] Начало затеряно.

[2] Любовь Ивановна Корнилова, по мужу Сердюкова.

после многих мытарств попало ко мне 4-го ноября. Ты, моя дорогая, извещай, хоть понемножку, о себе, — все же не так мрачно думается, когда есть сведения о близких людях. Я спешу тебе писать, ибо вчера же у нас произошла перемена: Сер[гей] Ник[олаевич] [1] телеграфировал Оле, что его экстренно вызывают по службе в Пб [Петербург], и Юрик [2] остается один. Так как, по уверениям местной администрации, ехать в Нёноксу нельзя, по крайней мере, до 15 числа (ибо на пути 7 верст придется ехать по льду, а он еще слаб), то мы с Олей решили, чтоб она ехала к сыну; сегодня с вечерним поездом она уезжает, а отсюда ей пошлют телеграмму о пути, как только он установится. Она ежится, оставляя меня, но вместе с тем и к сыну надо: он что-то кашляет, а, главное, на прислугу она не надеется. Было бы очень досадно, если бы вы все, такие заботливые и внимательные ко мне, стали тужить, что я останусь в одиночестве. Это решительно ничего не значит, лишь бы у всех вас не было никаких огорчений и болезней: я буду читать и заниматься. Для меня в литературе так много нового, и так сильно я отстала от всей современности, что о скуке не может быть и речи, а переписка будет заменять устную беседу. Оля приняла все меры, чтоб устроить меня как следует: телеграфировала Сашечке [3], чтоб она сейчас же ехала, выхлопотала у губернатора позволение ей видеться со мной.. Но как-раз Сашечка не может ехать до 20-го, у нее лихорадочное состояние после вырезки маленькой аденомы на голове (жировая опухоль). Еще сегодня сделает попытку, чтоб позволили кому-нибудь солидному из местных ходить ко мне на свидание; не знаю, позволят ли? Вот тебе и все новости. Петя пишет скудно, но упоминает, что Марья Михайловна хочет все же приехать ко мне (мы, было, ее оста-

---

[1] Муж сестры Ольги—Флоровский.

[2] Маленький сын Флоровских.

[3] Корниловой-Мороз.

навливали—в виду ее преклонного возраста и общей неопределенности моего положения). Не хотелось бы, чтоб она именно теперь это сделала, потому что какие тут в тюрьме свидания! Вчера я писала брату Петру и жаловалась, что департамент распорядился поселить 2-х полисменов для наблюдения и хождения за мной в Нёноксе. Подговаривались даже, чтоб ночью один спал у меня на квартире, но это уж слишком! и прямо непереносно... Быть может, к 15-му Петя там им и представит уважительные резоны против этих прижимистых мероприятий. Ашенбреннер отправлен на родину в Смоленск — я вчера ему написала, а Вас[илий] Григ[орьевич] на свой счет едет-таки в Туркестан. Лиденька писала Оле дважды и вчера (нет, 3-го дня) обрадовала, что выручила мою посылку: ящик с детскими игрушками, что застрял в департаменте с прошлой осени. А ту шкатулку и коллекцию мхов, водорослей и лишайников, кот[орые] были посланы для тебя, верно так и пропали. Но я со временем тебе сделаю новую, моя дорогая, и, может быть, велеть Оле при получении послать тебе показать мои произведения — это тебя немножко позабавит? Целую тебя тысячу раз и твои милые глазки в особенности. Соню [1] целую крепко,— от двух Анют [2], старых подруг, мне передали приветствие, и я собираюсь писать им. Фр[оленко] [3] велел напомнить Соне, как он водил ее в театр и как неожиданно должен был в последний раз, вместо театра, отправиться на вокзал, чем был весьма раздосадован. Мих[аил] Род[ионович] [4] ей тоже кланяется. Ну, моя дорогая, на сей раз довольно. Обнимаю тебя еще раз, а также Мих[аила] Петр[овича]. Будьте все здоровы. Мальчиков тоже целую и жду с нетерпением личного знакомства с ними. Твоя *Верочка*.

---

[1] Иванова-Борейшо.

[2] Якимова и Корба.

[3] Фроленко, товарищ по Шлиссельбургу.

[4] Попов—тоже.

Мою тетрадь, верно, еще не выручили из департамента [1]. «Целую тебя крепко, дорогая моя Женюшенька. Уезжаю с болью в сердце и сильным беспокойством за Веру, как и что здесь без меня будет. Целую всех твоих. Твоя *Оля*» [2].

Я протестую против этих беспокойств Оли!

Вера.

7. Сестре Евгении.

16 ноября 1904 г. Архангельск. 10 ч. вечера.

Дорогой моей Женичке хочу написать в ночь перед от'-ездом, надеюсь окончательным, — из стен тюрьмы... Сегодня, дорогая моя, мне Оля дала прочесть твои письма, и я очень обрадована, что ты получила все мои и приняла их благосклонно—это меня воодушевляет на дальнейшие послания—раз они тебе доставляют маленькое развлечение. Голубка моя, вот хорошо бы, если-б в самом деле ты ко мне приехала с Володей [3] на праздники! Он бы бегал на улице с мальчишками, а вечером почитывал бы что-нибудь и, надеюсь, не скучал бы. Я бы постаралась, с своей стороны, обеспечить ему поле деятельности — он мог бы устроить какую-нибудь гору или каток: мы выписали бы из Архангельска какие-нибудь салазки, что ли, и он бы орудовал! А мы с тобой домовничали, и я была бы довольна одной твоей физич[еской] близостью — более ничего не надо—тебе бы я не докучала, и мне кажется, что мы с тобой во вкусах сходимся; только, в случае приезда, захвати

---

[1] При выходе из Шлиссельбурга все писанное я должна была сдать для просмотра, при чем комендант крепости Яковлев обещал, что департамент полиции все вернет. Через 5—6 месяцев, действительно, мои тетради были возвращены. Директором департамента в то время был Лопухин. Эти тетради, оставленные в 1908 г. в Финляндии, пропали, как я узнала в 1927 г.

[2] Приписка Ольги Флоровской.

[3] С сыном Сережей—я ошиблась!

какое-нибудь маленькое занятие себе, если привыкла рукодельничать, ибо у меня не найдется ничего, пожалуй, благодаря вашим милым заботам и щедротам. Кстати, моя дорогая Женичка, дай расцеловать тебя за твои прекрасные рубашки. Я наслаждаюсь и уже немножко развратилась: в Пб[Петербурге] говорила, что сошью себе рубашек, по качеству и форме называемых à la prison, а теперь, оказывается, надела как-то подобную рубаху, и уж мне в ней жарко и душно, и твои кажутся лучше,—они такие прохладные! А сшиты они на-славу — очень изящны. Благодарю тебя также за все другие подарки и заботы—ведь, я еще не успела тебя поблагодарить за все и расцелую как следует, уж когда ты будешь у меня с Володей[1]. Я чрезвычайно рада, что ты отложила операцию—успеешь еще с нею—ведь, это не злокачественное что-нибудь! Я сказала Оле, что напишу тебе, а затем мы тебе сейчас же напишем, как наймем квартиру. Оля говорит, что Купр[ияновы] приедут ненадолго, что они очень берегут Володю[2], а у него в декабре много работы и они не хотят, чтоб в это горячее время он одиночествовал. Я и не знала, что они так нежно относятся др[уг] к др[угу]. Вообще, они, кажется, такие хорошие! А у Сашечки была маленькая аденома на голове, и после операции рана не заживает... А вот как же ты не знаешь, что Мар[ия] Мих[айловна]—это княжна Дондукова-Корсакова! Та 77-летняя дама, которой разрешили посещать Шлис[сельбург]. Нам всем казалось, что при тебе был о ней разговор и ведь она меня посетила и в Петропавл[овской] крепости, и наши узы там еще более закрепились. Значит, ты, пожалуй, не знаешь, что и метрополит Антоний был у меня (в Петропавловской крепости) и что мы вели очень интересную беседу глаз на глаз от 1 до 3 часов. Писать теперь, пожалуй, не стоит: я лучше тебе расскажу все при

[1] Та же ошибка.

[2] Владимир Петрович Куприянов—мой кузен.

свидании. Неудача Бори[1] неприятна, но не знаю, вышел ли бы и толк от теперешнего поступления? Внутренняя-то политика, кажется, еще балансирует и не знает, на какую ногу ступить. Сер[гей] Ник[олаевич] привез из Пб[Петербурга], наконец, выручeнный из департамента ларчик и по моему совету еще не отдал сыну, чтоб показать тебе все мои художественные изделия—я знаю, тебе понравится, и тебя позабавят мои выдумки и игрушки. Сынишка Оли покашливает и не гуляет 2-ю неделю, хотя температура все время нормальная. Сер[гей] Ник[олаевич] отлично с'ездил и привез всякие письма от братии, а Коля еще в Москве и написал сюда мне очень милое письмо и уверяет, что приедет в Арх[ангельск], если я останусь в здешних местах. Хотелось бы мне послушать его и посмотреть его игру. Он прислал выписку из газеты и стихи одного московск[ого] студента, воспевающие Колю, как певца и актера. Сам Коля пишет, что успех имеет громадный и зарабатывает хорошо. В Пб [Петербурге] я нашла его гораздо более молодым, чем ожидала по карточке, даже на карточках 98-го года он выглядел старообразнее, чем теперь оказался в натуре. Чтоб ты имела понятие о музе мос[ковского] студента, я тебе пришлю это стихотворение, там есть поэтические строфы и все очень складно. Ну, целую твои милые глазки, моя дорогая сестра, и целую твоих детей и мужа, а также Соню[2]. Если бы Боря и Анатоль переписали для меня каталог вашей библиотеки, это было бы очень любезно с их стороны и нужно для меня, ибо я заблаговременно известила бы, какие книги хотела бы взять в ссуду с неукоснительным аккуратным возвратом? Без Оли я провела все дни в занятиях, а приехала она вчера, 15-го. Но она у нас скрытная, что ли, или от меня скрывает свои тревоги о сыне, — ибо сегодня я заметила у нее телеграмму с одним словом: «здо-

[1] Старший сын Сажиных.
[2] Иванову-Борешо.

ров» — стало быть, она, уезжая, не так-то была уверена, что покидает его в надлежащем состоянии. До свиданья, милая, милая Женя...

А что же твой Боря думает делать в Америке? Поступит ли в учебное заведение или же примется за какое-нибудь практическое дело, чтоб выйти в люди по-американски?

8. Сестре Евгении.

18 Ноября 904 г. Нёнокса.

Дорогая Женя! Вчера часов в 7 или 8 мы приехали в Нёноксу и вот уже вторую ночь проводим на почтовой станции у прекраснейшей бабуси. Вчера ехали с половины 9-го утра, дорога была плохая, занесенная снегом, и лошади с последней станции попались дрянные и усталые, так что тащились еле-еле. Но, главное, меня ужасно огорчило, что, при выезде из Арх[ангельска], я сдала письмо к тебе, а вскоре после вспомнила, что я перепутала имена твоих мальчиков, и мне стало очень стыдно, досадно и гадко на себя. Я хотела даже с дороги писать прокурору, чтоб возвратил письмо, но, наверное, оно уже отправлено, и мне остается только просить тебя простить меня. Так как я их лично еще не знаю, то путаю имена и в разговоре с Олей, но уж в письме-то нашло какое-то затмение, а надо было писать внимательнее. Дорога порядочно изломала спину; на полпути на станции Таборы мы отдыхали: пили чай и закусывали, а я полежала на диване. Станций же на всем пути 3; а именно—Рикосиха, 15 верст от Арх[ангельска], затем 22 с половиною—Таборы; потом 12 верст—Солга и, наконец, опять 22—23 версты. Ехала я с Олей в одной кибитке, без перекладок багажа; затем исправник, тоже в кибитке, с одним урядником; а 2-й урядник с нашим багажом на 3-й паре замыкал кортеж. Все было с большой помпой: в тюрьму явился и полицмейстер и еще какой-то полиц[ей-

ский] чин высший. На улицу к тюрьме пришли Олины знакомые, супруги Балавинские (присяж[ный] поверенный), и молодая Бибергаль с подругой[1]. Хотели их гантъ, но потом смягчились от заявления Оли, что все было так корректно за время нашего пребывания в городе... Это сочувствие незнакомых людей меня очень тронуло, но я была сконфужена дальнейшим, ибо Балав[инский] завернул меня в свою медвежью шубу и, чтоб она не распахнулась, спросил веревку и ею завязал меня, как болванчика, и вызвал мое замечание, что взял на себя роль полицейского—связать меня, чтоб не убежала, и так меня в этой шубе, как неодушевленный предмет, втащили в кибитку... Еще на пути в городе встретили несколько подозрительных фигур, приветствовавших нас, и весьма много расставленных по улицам городовиков. В пути смотрела на небо, на ели и очень дивилась отражению утреннего солнца в окнах деревенских изб. Я видала на картинках, красное, как огонь, отражение этих лучей; но думала, что это вольная фантазия доморощенных художников. Однако, действительность была такова, что первая мысль была, что это пылающие огни, костер какой-нибудь—или ряд костров, лучше сказать; но ямщик об'яснил, в чем дело. Из других особенностей заметила только, что в Рикосихе помещение почтовой станции просто шикарное, в остальных селах неважное, но общий вид селений совсем иной, чем в наших местах или, вообще, во всей России, ибо дома крестьян часто похожи на помещичьи усадьбы, с мезонинами и множеством окон, двухэтажные, но в пожарном отношении ужасны — расстояние между домами улицы в роде того, что встречается на западе в старинных швейцарских и германских городах, где раз'ехаться двум экипажам почти невозможно. Но богатство построек не исключает и полуразвалившихся, темных зданий á la russe.

---

[1] Тарасовой.

А кровли церквей оригинальны — они конусовидно вытянуты в длину и напоминают контуры ели. Я спрашивала ямщика, чтоб указал лиственницу, но он уверял, что ее в здешних местах нет, а в путеводителе по северу, кот[орый] мне подарил какой-то добрый человек, было сказано, что она растет в Арх[ангельской] губ.; быть может, в восточных частях?.. Ехали мы и по берегу моря, но было уже темно, небо было беззвездно и пасмурно, и мы видели только темную полосу, сливавшуюся с горизонтом. По приезде произошло следующее: я чувствовала себя укаченной, в роде начала морской болезни, и расположилась на диване, а Оля стала хлопотать: развязывать вещи, устанавливать кровать и т. п., и мне потом стало смешно, ибо вскоре я узидала на ручке дивана чудную кошку, точно в черном бархате и белых манжетах, и приманила ее, стала играть и уж лежала в роде, как мнимо-больная, забавляясь хорошеньким зверьком и великодушно уступая Оле неблагодарную роль распорядительницы... Спали мы весьма плохо обе, а утром пошли искать квартиру. Перипетии этих исков было бы слишком долго описывать да, пожалуй, и тоскливо, п. ч. в чужом месте все эти грязные и серые мансарды не очень-то веселят. Кажется, благосостояние жителей Нёноксы — сомнительно, но об этом в другой раз. Наконец, мы с горя взяли 3 комнаты, похожие на сарай, с косым полом и почти полным отсутствием мебели, и столь грязные, что хозяин обещал ремонтировать, *но при нас же,* и это за 15 руб. в месяц с дровами и водой. Есть и кухня, хорошая — единственно порядочная комната во всем помещении, но отделена холодным ходом. Мы взяли это на один только месяц, ибо жить тут постоянно нет охоты, а о видах на будущее скажу в след[ующем] письме. Целую тебя и привет Мих[аилу] Петр[овичу], а детей целую.

Твоя *Верочка.*

9. Александре Васильевне Успенской [1].

(28 или 29 ноября 1904 г.).

Дорогая Александра Васильевна! Сестра передала мне приветствие от вас и вашего сына... Бесконечно благодарю вас обоих за ласковое слово и думаю, что я обязана этой радостью лишь тому, что в глубокой душе Глеба Ивановича нашлось маленькое место и для моей личности... С глубоким огорчением прочла я в Шлиссельбурге о болезни его, и первый вопрос, заданный Карповичу через запертую дверь, был вопрос о нем и о причинах его состояния... я все думала, не был ли он арестован и не тюремное ли заключение потрясло его нервную систему? Карпович ответил, что, насколько ему известно, причины были общего характера, и позднее, когда до меня дошел некролог в «Историч. Вестнике» из цитат самого Глеба Ивановича я поняла его душевное настроение—и поняла все. Некоторые страницы—все из цитат—хватали прямо за сердце—их нельзя было читать без слез, тем более, что аналогия между чувствами Глеба Ивановича и моими собственными в последний год перед тюрьмой и [в] самой тюрьме—была поразительна... И думалось мне, что вот на воле, в тюрьме ли все равно—человеческое сердце лежит обнаженное и судорожно трепещет и кровоточит... и что бывают темные времена, когда душевное состояние заключено в слове «страданье». Быть может, дорогая Александра Васильевна, вы не знаете, что еще в 84 г., во время суда, Глеб Иванович просил мою сестру передать мне, что он мне завидует... я выслушала тогда эти слова со смешанным чувством удивления и грусти... Мое положение было, конечно, не из завидных! Я была арестована при полном разгроме организации, к которой принадлежала... мои товарищи и друзья были уже осуждены, казнены или находи-

---

[1] Взято из книжки Буша: «Жена писателя», приславшего ее мне из Саратова.

лись в ожидании кары... сотни крупных и мелких неудач преследовали все мои попытки поддержать дело на прежней высоте, а в воздухе висела продажность и предательство... Суд был только официальным формулированием крушения, которое я потерпела в жизни общественной, а после него— стояла одна темная ночь, полная горестных воспоминаний... И вот, когда колесо жизни раздавило меня, а общество выбросило за борт, Глеб Иванович позавидовал мне! Почему? почему? — думала я. И решила в одном понятном мне смысле: Глеб Иванович видел во мне в эти минуты—цельного, не раздвоенного человека, шедшего определенной дорогой без колебаний, без оглядки... видел личность, у которой есть что-то заветное, ради чего отдает все... Именно этой цельности, я думаю, он и завидовал. Да и надо сказать правду, несмотря на внешние и многие внутренние мрачные стороны моего тогдашнего положения, все же в дни суда у меня было какое-то просветленное и повышенное душевное настроение от сознания, что все, что можно было отдать и сделать, я отдала и сделала... и могу спокойно проститься с людьми и [с] жизнью... И как-никак, судом заканчивался мучительный период.., и я была рада, что он закончился, как рад тяжело оперированный, у которого отняли руку, ногу, но который все же снят со стола хирурга, на котором происходила операция... И верю, Глеб Иванович своей чуткой душой все это видел, прозрел... Дорогая Александра Васильевна! Я часто вспоминаю вас и всегда с умилением: ваша преданность и страстная привязанность к Глебу Ивановичу произвели на меня глубокое впечатление, которое с годами нисколько не ослабело... А дорогому Александру Глебовичу покаюсь, что часто в заточении бранила и упрекала себя, что, приходя к Глебу Ивановичу, не обращала внимания на детвору. Но хорошо помню, что с дивана на меня при входе всегда смотрело несколько пар пытливых, больших, черных глаз... именно пытливых—мне

тогда даже казалось странным, почему эти дети смотрят на меня словно с каким-то особенным интересом, тогда как в других семьях я этого не замечала... Карпович рассказал мне, что эти большеголовые, черноглазые дети выросли в хороших людей, и я была от души рада, что Глеб Иванович был все время окружен неустанными заботами и нежной любовью, а вы, Александра Васильевна, в них находите утешенье в своей тяжелой и горестной утрате. И мне было стыдно, что я пропустила случай в далеком прошлом приласкать ваших ребят и не сумела подойти к ним... Что же касается домика, многоуважаемый и дорогой Александр Глебович, то мы его никогда не будем строить для меня... но мы будем когда-нибудь, если разбогатеем, строить с вами какой-нибудь домик для беспризорных или дворец для народа... Примите же, дорогие, мою признательность и мое уважение к вам и к памяти Глеба Ивановича, и помните, что все, что связано с ним,—дорого и близко для меня. Обнимаю вас крепко и целую Александру Васильевну.

Вера Фигнер.

Я вырвала из «Истор. Вестника» фотографию Глеба Ивановича и хранила ее до от'езда, а, уезжая, подарила Герм. Ал. Лопатину, который благоговейно чтит Глеба Ивановича и был совершенно растроган моим подарком... У Глеба Ивановича на этом портрете такое скорбное лицо... и он поразительно похож...

10. Брату Петру.

2. XII. 04.

Дорогой брат Петя! Я получила уже по приезде Лиденьки 2 твоих письма, и мы очень смеялись: я начала читать вслух, а Лиденька, прерывая, продолжала изустно, что дальше следует. Виноват обход на Онегу. Одновременно были

2 письма от Марьи Михайловны. И выходит, таким образом, ужасная чепуха: мы Лиденьку не ждали и не знали ничего о ее сборах... вдруг твоя телеграмма: «Лидия не может ехать», а затем опять «вдрут» в 11 ч. вечера входит Лиденька. Я от неожиданности не могла даже обрадоваться, ибо, подходя к двери, ожидала увидеть станового пристава, только-что приславшего сказать, что у него есть ко мне бумага и спрашивавшего: приду ли я сама или он может зайти ко мне? Так как у меня болит горло (теперь уже прошло), то я просила о последнем. Вслед за Лидой является и он, и, передав посылку с почты с одеялом от Елиз[аветы] Викт[оровны], читает бумагу из департамента, что, кроме братьев и сестер, у меня никто проживать не может. Лидия смеется и говорит, что ей в департ[аменте] позже бумаги сказали, что всякие родственники могут (Куприяновы, Мороз, Головни, Ал[ександр] Ив[анович] Писарев)... А сейчас мы пошутили: какие бы меры употребили, чтоб выдворить из моей квартиры какого-нибудь человека? на руках, что ли, вынесли бы его, если бы он не захотел уйти?

Урядники ничего себе; ведут себя прилично, но зорко смотрят, чтоб я не уехала: в ночь 3-го дня мы решили не спать, чтоб Оля уехала в 3 ч. ночи, потому что Лиденьку везли 10 часов от Архангельска до Нёноксы, и она боялась, что ей в Архангельске не успеть с разными делами. Оказывается, и урядники не спали и усадили ее в кибитку самолично.

В населении болтают всевозможный вздор об опасности вести со мной какие-либо сношения, до продажи яиц включительно. Я получила библию от митрополита через Лиденьку, но беспокоить его просьбами теперь нечего, а в будущем буду иметь в виду, если будет большая нужда в этом.

Дорогой Петя и Настя! Я очень устала от всего и между прочим от писания писем, и потому вы извините, что се-

годня пишу мало. Спасибо, милая Настя, за конфеты, но разве ты не знаешь, что письмо от тебя было бы приятнее конфет? Что же ты ничего мне не напишешь, а Оля мне читала твое славное письмо к ней... Лиденька, верно, все описала, что следует, и мне остается только расцеловать вас обоих.

Ваша *Веруша.*

11. Сестре М. Р. Попова.

22-го декабря 1904 г.

Дорогая и милая Софья Родионовна, я не имею удовольствия знать вас лично, но я—товарищ Михаила Родионовича, которого я знала еще на воле в 1879 г., а последние 20 лет провела с ним под одной и той же гостеприимной кровлей. Михаил Родионович постоянно давал мне читать ваши письма и письма вашей многоуважаемой матери, и я от души полюбила вас обеих.

Уезжая 29 сентября из крепости, я обещала ему написать вам, и вот сейчас представился удобный случай для этого, и я ловлю его, чтобы отправить письмо с оказией.

Дорогая моя, тяжела жизнь вашего брата. Просто нет просвета, и не знаю, что уж там с ними будет, если, как ходят слухи, амнистия и на этот раз не коснется Шлиссельбурга (так сказали в департам[енте] полиции родным Лопатина). Сама я вышла не по какой-нибудь амнистии, а моя мать в 1903 г. перед смертью подавала прошение на высоч[айшее] имя (в то время, как я была лишена переписки «за поведение»), и бессрочную каторгу мне заменили 20-летнею, кончившеюся 28 сент. этого года.

И вот, теперь меня временно сослали в посад Нёноксу (73 версты от Арханг[ельска]) по хлопотам родных, ибо департ[амент] непременно желает поселить меня в отдаленнейшие места губернии; но, если бы вы или кто-нибудь из

ваших захотел написать мне и известить этим способом, что письмо мое получено, то не опасайтесь, что меня скоро двинут отсюда, ибо скоро этого не случится.

Михаил Родионович не болеет какой-нибудь определенной болезнью, но весь организм его, особенно нервы, расшатаны; он очень постарел, хотя сохранил сухощавую, энергичную фигуру и имеет сходство с вашим дядей, карточку которого вы прислали ему (священник, такой красивый и мужественный, что мы со слов Фроленко назвали его рыцарем) и который так мне нравится, что я хотела бы получить от вас такую же.

И если вы хотите доставить мне величайшее удовольствие, то пришлите карточку вашей матери, с чулочком, как ее снял внук, сын Надежды Родионовны.

Письма ваши и вашей матери доставляют громадное утешение Михаилу Родионовичу, особенно материнские.

Да и я ими всегда зачитывалась, и мы с Михаилом Родионовичем потом обыкновенно беседовали по поводу их, и я всегда выражала восхищение глубиной ее чувств к нему и тем, что она так подробно описывает жизнь всего своего родственного кружка и знакомит с массой всяких местных метеорологических и иных подробностей, что при наших условиях очень развлекает, вводя в жизнь хоть маленького уголка земли русской.

Теперь вот уже два года мы лишены решительно всего, что может скрашивать жизнь, и изоляция нас от всех событий, политических и общественных, доведена до высшей степени совершенства, так что мы там не знаем, ни кто министр, ни кто директор департамента. Никаких газет, журналов; из последних вырывают все и дают беллетристику прошлого года; книг покупают мало и с величайшими усилиями можно добиться чего-нибудь.

Выстроили осенью прошлого года новые заборы в 4 аршина в огородах и всячески затрудняют сообщение через

них друг с другом. Отняли перед моим от'ездом большой двор, где Михаил Родионович и др[угие] товарищи устраивали парники — этот двор нужен как место казней; ранее отняли старое здание, где были мастерские, перевели их в нижний этаж новой тюрьмы, где мы живем с 1884 г., а старое здание, служившее прежде как помещение для мастерских, ремонтировали и сажают туда новичков, где среди тишины и безмолвия они должны проводить первые годы своего заточения в условиях еще более суровых, чем те, в которых живем теперь мы, старики...

Михаил Родионович находит наибольшее удовлетворение в труде и проводит в столярной не менее 4-х часов в день. Делает разные поделки, берет заказы и получает за них маленькое вознаграждение, которое употребляет большею частью на баловство товарищей и на улучшение пищи, в которой, вообще, мало белков и жиров, а больше крахмала. Особенно баловал он меня, так как я была одна и мы с ним старые товарищи.

Грустно было мне в этот михайлов день при воспоминании, что два именинника, Фроленко и Мих[аил] Род[ионович], не имеют в этот день ласкового привета и маленького подарка от меня.

Оба они, как и я, старые ветераны и, поверите ли, когда я узнала, что выйду из тюрьмы, у меня не было уже чувства радости, и думаю, что, хотя они и не могут отказаться от надежды выйти из тюрьмы, но, верно, когда эта минута наступит, то душа скажет: «поздно».

Михаил Родионович ходит иногда по неделям молчаливый и сосредоточенный... Я всегда старалась его развлечь в это время как-нибудь, хотя, конечно, могла сделать лишь немного, потому что тюрьма в конце-концов высасывает из человека решительно все, и что касается меня, то в 1902 г. я уже отказалась от мысли жить и приготовилась умереть.

По поводу насилия над одним из товарищей, которого ночью связали в сумасшедшую рубашку и довели до обморока, я сорвала со смотрителя тюрьмы погоны и считала уже все свои земные счеты покончеными...

Каким-то чудом меня не судили и не поставили в ожидаемое мной изолированное положение в старой тюрьме, которое принесло бы смерть или сумасшествие от полного одиночества; а через год, совершенно для меня неожиданно, об'явили, что бессрочная каторга заменена 20-летней.

И вот приходится жить... и пришлось расстаться с товарищами, которые проводили меня с радостью, что я покидаю эти стены, но с грустью, что наша нравственная связь с разлукой прерывается на неопределенный срок и что у нас останутся лишь воспоминания друг о друге.

И я ушла с той болью в сердце, которая бывает у каждого порядочного человека, который предпочитает лучше нести общую долю, чем оставить друзей в тяжелом положении.

Все время эти полтора года, почти с 9-го января 1903 г., я провела там в ожидании конца своего срока и не теряла желания обменять свою участь на участь Михаила Родионовича, Фроленко или Морозова, которые дольше меня сидят в тюрьме и которых, поэтому, было бы справедливее освободить, чем меня.

Дорогая Софья Родионовна, мое письмо написано в больших попыхах и не может быть связным: возвращающийся ссыльный ожидает его, чтобы сейчас же сесть в сани и ехать. Поэтому извините, дорогая, за стилистику и за скудость сведений.

Если вы пожелаете, я напишу еще, а сейчас обнимаю вас и целую много раз Веру Алексеевну[1] и всех ваших сестер за Михаила Родионовича и за себя самое.

---

[1] Мать Попова.

Быть может, Алексей Родионович[1] с'ездит в Петербург, чтобы напомнить департаменту полиции, что у Михаила Родионовича есть семья, есть родные, которые любят его, скорбят о нем, и есть мать, которая ждет его.

По нынешним временам все же считаются с общественным мнением, а манифест написан так двусмысленно, что департамент может применить его и не применить к шлиссельбуржцам, смотря по обстоятельствам и собственному произволу.

В эту осень минет 25 лет, как Михаил Родионович находится в заточении — и такой срок превышает всякую меру возмездия.

Еще раз обнимаю вас. Когда будете вы или брат в Петербурге, зайдите к моей сестре Лидии Николаевне Стахевич, Васильевский Остров, линия 8-я, дом 33, кв. 12.

Вера Фигнер.

Мои родные искали в Питере Аду Ивановну, вдову Ильи Родионовича[2], но не могли найти.

Крепко жму руку вашу и выражаю глубокое уважение вам, как общественному деятелю на почве просвещения и как человеку, очаровательному по доброте и гуманности.

12. Александре Васильевне Успенской.

27/XII 904. Нёнокса.

Дорогая Александра Васильевна! Я получила как большое ваше письмо, так и маленькое с портретом дорогого Глеба Ивановича. Сердечно благодарю вас за них. Александр Глебович прислал мне такой прекрасный подарок: последнее издание сочинений Глеба Ивановича. Передайте ему, пожалуйста, великую благодарность за этот дорогой для меня дар. Я не пишу ему отдельно, потому что вы ли, он ли, ведь

[1] Брат Попова.
[2] Брат Попова.

это одно: семья одного, нам дорогого человека... А что, дорогая Александра Васильевна, постарели ли вы за эти 22 года жизни? Как ваше здоровье? Вы ни словом не обмолвились об этом. Не поленитесь известить меня об этом. Нет ли у вас вашей карточки, а также детей ваших? Я бы хоть посмотрела на них; хотелось бы уловить черты Глеба Ивановича! Кто из них наиболее напоминает его? В их организмах не сказалась ли нервность отца? Здоровы ли они и жизнерадостные ли? Все это я хотела бы знать. С нетерпением буду ждать обещанный портрет Глеба Ивановича.

О себе мне почти нечего сообщать. Прошлое слишком сложно, слишком длинно и слишком грустно. Настоящего же, можно сказать, еще нет. Я не успела еще разобраться ни в чем, но все, что было сложено в более или менее симметричную кучку при однообразном режиме тюремной жизни, теперь превратилось в беспорядочную массу, и я стою в недоумении, как мне сложить мои кирпичики?

Целую вас, дорогая, и желаю всего хорошего как вам, так и всем близким.

С интересом слежу за газетами и употребляю на это с непривычки массу времени, тем более, что читаю 3: «Рус[ские] Вед[омости]», «Нашу Жизнь» и «Наши Дни». Читаю еще газету «Право», и эта последняя мне особенно нравится. А вы следите ли за современным ходом общественного движения?

Ваша *Вера Фигнер.*

13. Брату Петру и его жене.

27/XII 904. Нёнокса.

Что же это ты, Петрик, и ты, дорогая Настя, встаете на скользкий путь телеграмм? Это нехорошо: писать письмо не хочется, а 5 слов телеграммы—без труда отделались, только денежки заплатили. Нет! вы этого не делайте! не

стоит посылать поздравительных телеграмм — я и так знаю, что вы меня вспомните, а телеграммы ничего не говорят ни уму, ни сердцу. Из сегодняшнего письма Марьи Мих[айловны] вижу, что наше сборное письмо (мое и Лиденьки) вы получили, а теперь у вас целый кузов всяких сведений о Нёноксе, обо мне, о здешней телятине, наваге и рябчиках. С сестрами мы провели время хорошо, кабы не холод и угар, которые несколько дней нас положительно мучали: иногда мы вели разговоры не веселые, но часто смеялись, и Лиденька, конечно, в живых красках вам расскажет много анекдотов, как мы поочередно затевали тесто и Лиденькины булки вышли—шоколадные. Она, впрочем, быть может, умолчит об этом, а также о том, как она висела на лестнице, как окорок, или о том, как мы приняли Женю за навату; как Женя обнаружила гениальные способности к метеорологии, а Лиденька по некоторым обстоятельствам заслужила наименование и-д-е-а-л-ь-н-о-й женщины... и тк. далее и т. д. Но Ольга! вот уже не идеальная, а мучительница! Представь себе: получаю сегодня 2 письма от нее и все наполнены ламентациями, что я теперь одна! она меня просто в гроб сведет! и я подозреваю, что ею разосланы во все концы депеши, которыми она сзывает ко мне и тащит всех за платье в Нёноксу к ничем не повинной Верочке. Это похоже на лечение здорового... Влад[имир] Галакт[ионович] [1] совершенно правильно сказал Лиденьке, что меня необходимо оставлять одну, и Оле я совершенно серьезно говорила, что в данных условиях никаких попечений обо мне не надо, что, зная ваши дружеские отношения и готовность притти ко мне на помощь, я сама обращусь с просьбой посетить или пожить со мной, если будет в этом нужда. И она, кажется, поверила мне, а теперь все забыла. Лопатин называл такие вещи «кротко

---

[1] Короленко.

убивать»... Да, она кротко убьет меня, и от меня останется только маленькая, беленькая тряпочка и больше ничего... И это будет грустно (я думаю!).

Все праздники я занимаюсь чтением газет: «Рус[ские] Вед[омости]», «Наша Жизнь» и «Наши Дни», и на это уходит много времени, с непривычки, что ли? Каждый день занимаюсь с Грушей[1]: она уже читает. Лиденька, Женя, Оля и я были ее наставницами, и сегодня она меня просто удивила своим чтением и пишет недурно, и занимательно кажется мне, когда она начинает от души смеяться над прочитанным! Сегодня у нас было о дедке и репке: она возвратилась в ½ 11-го с вечеринки — ее отец был именинник, и я дала ей фунт баранок и бутылку клубничного шипучего кваса (за пятачок), что привело ее в восхищенье. И пришла веселая, а я говорю: все-таки мы займемся, и она отлично читала и писала под мою диктовку. В этой простой и совсем неразвитой девушке положительно есть— что-то... Я ее спросила однажды, поедет ли она, если меня ушлют дальше? — говорит: «поеду». В другой раз говорю, а что если вас посадят в тюрьму? Она: «пословица говорит, что от тюрьмы да от сумы не отказывайся». Она, к сожалению, мало одарена и нерасторопна, но много мелких черт показывают добрую натуру, и, быть может, она будет преданным человеком для меня. И, конечно, ее рекомендует и то, что ей захотелось научиться грамоте (в 23 года). Здесь грамотность-то развита и народ любит читать: один сказал, что часов до 2-х иногда зачитывается, и у него есть Лермонтов, Гоголь, «Нива» и др. Девочки тоже ходят в школу, но обыкновенно не кончают и после не поддерживают приобретенного. Здешняя читальня (при чайной общества трезвости) и школьная библиотека в жалком состоянии, но я еще не знаю, под каким или чьим флагом притти

---

[1] Местная девушка, служившая у меня.

этому на помощь, потому что здесь в посаде, в противоположность другим местам Арх[ангельской] губ., не привыкли к ссыльным и боятся меня и моих услуг. Но характерные факты лучше при оказии описать. С Лиденькой хоть и хотелось написать вам, дорогие, но сил не было. Я с ними приготовила 16 или 17 писем! Ну, до свиданья. Целую вас обоих, а тебе, Настя, приношу благодарность за комнатную принадлежность, назвать которую в гостиной считают недозволенным. Я уже получила и довольна.

Ваша *Верочка.*

Дёсны как-будто в последнее время стали поправляться — мало гуляю я, вот — несчастье: все холод да бурные ветры, с ног сшибающие. А не знаете ли, в каком именно месте Вас[илий] Иванов?

14. Сестре Ольге:

31 декабря 904 г. Нёнокса.

Дорогая Оля! Если поступать по рутине, то надо тебя и Сергея Николаевича поздравить с новым годом и высказать пожелания... Если же взять во внимание, что недавно тебе писала, и если сказать правду, то пишу по делу. Необходимо дать знать фельдшеру определенно, есть ли место? Если нет сейчас, то когда именно будет? Ему надо решить вопрос о своем существовании и, если у вас нет ничего определенного, то так ему и напишите—он будет, значит, торкаться в другие двери. А еще нет ли места акушерки? Его жена акушерка и так хорошо обоим быть при деле. Кроме того, здешняя акушерка могла бы уйти и уступить свое место жене фельдшера; тогда 13 р. плюс 10 все же лучше, чем ничего. Это просто ужасно, здешняя акуш[ерка] получает 10 руб. без квартиры!!! Крестьяне постоянно к ней обращаются, и она рачительно исполняет свои обя-

занности. Нищенское вознаграждение этого трудового люда меня возмущает.

Ко мне ходит мальчик Ваня, таких лет, как твой! Замечательно милый мальчик! и штанишки теплые у него прорваны. При оказии присылай мне старье твое и с твоего сына — это будет вызывать восторг здешних бедняков. Я его учу рисовать, и вчера он нарисовал гениально окно. Целую тебя.

Твоя *Верочка.*

Сегодня одна женщина выпросила у меня 1½ рубля на корову. Я дала, ибо она назанимала у разных людей 18 с половиной, ей надо было 20... Может, за полтора-то мне какой-нибудь грех отпустится. Ты спрашиваешь о Фраме— сегодня я беспокоюсь — его с утра нет. Собака, несколько раз менявшая господина, всегда уже не имеет цены, а Фрам был получен Бал(авинским) даже с др. именем «Атос», должно быть, в честь одного из трех мушкетеров. Но, может быть, еще прибежит Фрам—это так огорчило бы Елиз[авету] Павл[овну], а Зосе [1] я недавно написала о Фраме длинное-предлинное письмо! Ну, прощай! И мне замечательно хорошо одной! Вечером хожу смотреть на звезды, ищу созвездия. Моя карта сделана для средних широт, а потому не годится для здешней. Вчера любовалась Поясом Ориона, и каждый раз не хочется итти домой с этого гулянья.

В квартире холод: вчера весь день было +8°, я вечером надела шубу, платок и валенки, да и легла в постель и от холоду заснула: тем временем образовалась теплота и в 10 вечера было + 17°. На дворе сегодня — 18°. Я буду записывать морозы и ветры, благо Груша умеет отсчитывать их [градусы].

---

[1] Жена Балавинского; Зося—их дочь.

Замечательно хорошо — одной![1] А ты не ахай и не охой и напишите фельдш[еру].

15. Людвигу Яновичу[2].

Январь 1905 г.

Дорогой друг, дорогой Людвиг! Вот и я всплыла нежданно-негаданно на поверхность, и все время пред от'ездом думала, как я напишу вам первое письмо... Не буду задавать вам тысячи и одного вопроса—это излишне, п[отому] ч[то] вы знаете, что все, касающееся вас, живо интересует меня, и я с нетерпением буду ждать известий от вас о том, как вы жили и как переживали эти 8 лет. Ведь для нас, за стенами, всякий уехавший был словно поглощен морской пучиной, ни одна весточка не долетала: тщетно десять раз спрашивали мы, например, где Тр[игони][3]; и так до последнего дня и не узнали. После вашего от'езда, в один осенний вечер, когда все были дома, т.-е. в камерах, и сидели при свете ламп над книгами, внезапно Лука[4] возвестил громогласно, что есть офиц[иальное] извещение от вас и Мити[5]. Там говорилось, что вы поселены в Нижне-Колымске, получаете по 16 руб. в месяц на жизнь, занимаетесь огородничеством и устроились хорошо. Баз[иль][6] уверяет, что это было через 4 месяца после вашего от'езда, но мне кажется, что это было уже осенью 1897 г... Как все мы

---

[1] Однако—какая я была лгунья: мое настроение тогда было ужасное... См. гл. «Настроение» в III т. собр. соч. «После Шлиссельбурга». Примеч. 10. VI. 1929.

[2] Янович застрелился, но от меня это скрывали, и я писала, не зная о том, что с ним произошло. Сестра Ольга взяла письмо и сохранила его.

[3] Поименованные в сносках от [2] до [6]—мои товарищи по Шлиссельбургу.

[4] Лука—мы звали так Лукашевича.

[5] Митя—Суровцев.

[6] Базиль—Василий Иванов.

были обрадованы этим извещением! а Баз[иль] так постоянно потом громогласил о вашей и Митиной расторопности, что, вот-де, единственные люди, сумевшие устроить извещение... Затем Баз[иль] хлопотал через посетившего нас генерала Пантелеева, чтоб сказали, где Шеб[алин] [1] и Мар[тынов] [2]? и его бумагой известили, что они в Вилюйске, тоже вдвоем, гнездом, как я называю эти коллективные поселения. О Людмиле [3] узнали из письма матери Тр[игони]. Но затем всякий приток вестей прекратился, если не считать кое-каких косвенных наведений и гаданий. Спрашивали мы и о Пан[кратове] [4] и тоже ничего не могли узнать. Курьезнее всего вышло в последний раз. Просил Сер[гей] [5] узнать в деп[артаменте] о Тр[игони], и вот каков был ответ: «Это ему не к чему знать, а когда нужно будет— узнает»... Таково было последнее слово. — После вашего увоза стало у нас много тише и, вообще, с каждым от'ездом и с каждым годом становилось все тише и тише, отчасти потому, что все меньше и меньше народу становилось, отчасти оттого, что с каждым годом сильнее сказывается у людей усталость физическая и душевная.., и некоторые, повидимому, идут уже из последних сил. Всего тяжелее положение Фр[оленко] [6], Ник[олая] [7] и П [Попова] [8]. Незадолго до от'езда моего я была страшно перепугана за первого: без всякой особенной причины, перед ужином, у него было обморочное состояние. Когда он позвал жандармов и сказал, что ему дурно, они, по обыкн[овению], не обратили внимания и не позвали доктора (доктор теперь там ужасная дрянь [9]). За ужином он уже еле мог стоять и почти крикнул, что ему скверно... Тогда побежали, позвали

[1] Поименованные в сносках от [1] до [8] — мои товарищи по Шлиссельбургу.

[3] Людмила—Волкенштейн.

[5] Иванов.

[7] Николай—Морозов.

[9] Доктор—Самчук.

и целый час его оттирали и приводили в себя. После доктор сказал, что у него сердце плохо работает, и это правда — у него почти постоянный отек ног, а иногда и лицо припухает. А душевное состояние — тяжелое, и он часто говорит, что хотел бы только умереть на свободе — пошел бы в лес, сел под какой-нибудь развесистой сосной и умер. Он очень сошелся в последнее время с Ашенбреннером. Они вечно гуляли вдвоем в огороде Фр[оленки] и Аш[енбреннер] читал ему вслух или разговаривали, как я слыхала из своей мастерской, и увоз Аш[енбреннера] и меня, которую он так любил, как старого товарища, совсем обездолит его. Хорошо еще, что Петр Влад[имирович] [1] чрезвычайно сошелся с ним и полюбил его больше, чем кого-нибудь из теперешних, и ни с кем так часто не видается, как именно с ним, несмотря на разницу возраста (в 24 года) и на различие взглядов. Они вечно препираются и никак не могут убедить друг друга в споре о психическом и экономическом факторе. Фр[оленко] все насчет того, что стоит *понять* людям что-либо и осуществление не замедлит: поэтому—учить, развивать, толковать, и тогда «все образуется», и на эту тему пря у них не прерывается. А Петр Вл[адимирович] — славный, симпатичный и любит людей простых. Познакомившись по слухам с личностью Мити, он полюбил его всей душой, — даже удивительно, как он понял и умственно дополнил образ Мити, и относится к нему с трогательной нежностью. Вообще, Петр Вл[адимирович] принес нам много радости и внес струю свежего воздуха в нашу затхлую тюремную атмосферу, и как подумаешь, сколько, быть может, нравст[венных] сил сохранилось бы у нас, если-б мы не были так безнадежно скованы одним и тем же контингентом! Часто я сравнивала появление его с появлением ребенка, составившего «Счастье ревущего стана»

---

[1] Карпович, привезенный в Шлиссельбург в 1901 г.

Брет-Гарта. Он пробудил в нас нежное чувство, которое уже замерло, заставил строже взглянуть внутрь себя, оживил своими рассказами обо всем, что совершается в русской жизни, в интимных изгибах ее. Это была словно живая вода, которою брызнули в лицо усопшего. Хотелось верить!... но уже так душа была спрессована, что не верилось, боязно было верить, боязно надеяться, — потому что боязно было — еще разочароваться... И только теперь я могу сказать, что в его рассказах преувеличения или, вернее, самообмана не было и что жизнь, действительно, кипит и готова выйти из берегов... — Ник[олай] просил передать вам свой горячий, дружеский поцелуй: он любит и ценит вас высоко. Он постоянно пишет целый ряд статей или, лучше сказать, сочинений. В 1901 году Святополк-Мирский (тогда—шеф жанд[армов]) разрешил ему послать одну из тетрадей на просмотр какому-нибудь компетентному лицу (чрез департ[амент]). Это была его знаменитая (в наш[ем] мирке) теория разложимости элементов, ныне уж столь многими признаваемая (Крукс уже давно, Оствальд). К несчастью, тетрадь попала не к стороннику этого взгляда, а к противнику— проф. Коновалову, который и прислал ему свою отповедь, где, воздавая должное пытливости ума и начитанности автора и признавая некоторые соображения его (о кристаллизационной воде) « в высшей степени любопытными», все же указывает, что со времен Лавуазье неразложимость элементов составляет краеугольный камень современной химии и, дескать, искать другого — одна метафизика. Этот ответ был получен в 1902 году, а с тех пор весь ученый мир был потрясен известием о разложении радия на гелий, и это открытие произвело и у нас переполох. Николай, Гер[ман] Ал[ександрович] [1], Лука, я, отчасти Нов[орусский], но особенно, конечно, первый, зашевелились, началось чтение,

---

[1] Лопатин.

переводы, дебаты, на всех двориках и огородах склонялось слово «радий», и Ник[олай] в полном восторге! Сейчас же написал статью, доказывает, что он предсказывал именно гелий, как одно из 3-х основных веществ, из которых путем долгой эволюции возникли все существ[ующие] тела, как простые, так и сложные (2-е—водород, а 3-е он обозначает пока буквой z)... А когда узнали что М-me Складовская-Кюри получила 75 тыс. фр. в награду за свое открытие радия, то, по уверению Ник[олая], один господин (вы, конечно, догадаетесь, кто) потребовал, чтобы и ему об'яснили, в чем дело и за что денежки заплачены? Но это, верно, Ник[олаева] — шутка: ведь он любит подшутить над своими добрыми знакомыми. Только Лука[шевич], как настоящий ученый и притом 40 лет, когда новые идеи, по уверению одного ученого немца, уже туго принимаются, стоит спокойный и ждет дальнейших подтверждений... После Коновалова нашлись читатели и почитатели у Ник[олая], и среди своих он вошел в моду и славу. Про одного только Сер[гея] пущен слух, что, взяв тетрадку, он положил ее в свой склад книг, и когда Ник[олай] утащил ее, то он и не заметил; но и это, верно, выдумка, чтоб развеселить публику... Еще Ник[олай] написал «Основы физико-математич[еского] анализа», но это уж так мудрено, что я, лично, там даже и слов не понимаю, а Г[ерман] Ал[-дрович], который уверяет, что христианские чувства заставляют его абонироваться на все сочин[ения] Ник[олая], тоже говорит, что хотя и понимает, но не постигает... А с Лукой у этого автора вечная дружеская полемика, над которой я не раз улыбнулась, когда перед от'ездом полюбопытствовала заглянуть в XXII т. сочин[ений] Мор[озова]. Здоровье Ник[олая] все то же: худ страшно, но лицо все такое же доброе и запавшие глаза смотрят ласково. Никакое питание (а оно неважное, ибо в нем мало белков, жиров и сахару) нейдет ему впрок, а теперешний доктор не из вни-

мательных. Как-то, года два назад, по одному случаю Ник[олай] написал мне в записке, что у него уже остается мало сил и что он спешит поскорее записать все свои идеи. Он верит с трогательным упованием в свою научную миссию и только и думает, как бы его сочинения увидали свет. Работает над ними он с изумительной настойчивостью и систематичностью. Есть что-то почтенное и вместе трогательное в этой судьбе одинокого узника, вечно парящего в сфере отвлеченной мысли, в этой безрадостной жизни фанатически отдающего себя служению науке и через нее человечеству, в этом неустанном стремлении к истине, которая, быть может, никогда не выйдет за пределы 4 стен... Что касается до 3-го заточника, Мих[аила] Род[ионовича], то вот этой осенью минет уже 25 лет, как он заключен... и порой он ходит такой мрачный, такой молчаливый, что просто сердце болит на него смотреть... Зато, если кто цветет, так Лука, он жизнерадостен, несмотря на все... Он много работает — пишет теперь по психологии, употребляя для этого утро: встает в 5 утра и до 8 обязательно пишет, а в зимнее время, когда утром темно, переносит занятия на вечер. Мы с ним остались в прекраснейших отношениях— лучших даже, чем прежде, и он утверждает (sic), что именно я виновница его бодрости... за последние годы в особенности он, кажется, стал ценить мою личность... (судя по его письмам) и до конца оказывал мне поддержку в моих занятиях, как, впрочем, он великодушно делал всегда и для всех. В другой раз я еще расскажу вам, дорогой Людвиг, о нем. А теперь надо еще передать не только от него, но и от Мих[аила] Вас[ильевича] [1] вам горячий привет: они хранят о вас нежное воспоминание и отсутствующего, быть может, любят даже с большей горячностью, чем тогда, когда вы были с нами. В разлуке, ведь, чувство обостряется.

---

[1] Новорусский.

За эти 8 лет Мих[аил] Вас[ильевич] все время прогрессировал и во всех отношениях ушел вперед сравнительно с тем, что было при вас. Интересно и не так часто видишь в тюрьме, чтоб люди так росли, так плодотворно утилизировали свое время, как утилизировал он. Совершенно незнакомый раньше с естеств[енными] науками, он теперь имеет сведения по химии, зоологии, ботанике, геологии, биологии, и, что всего важнее, все старается изучить на практике и проверить личным опытом. Несколько лет назад он специализировался на составлении гербариев и делал их превосходно, а последние 2 года занимается, как я смеясь говорила, — скотоводством.., а именно, построил стеклянный домик с одиночными камерами и сажает туда разных жуков, бабочек и прочих насекомых, кормит их и получает все стадии развития... Собирает со всей территории нашей всякий энтомологич[еский] материал, определяет его, сортирует, наблюдает... все тащат ему, кто яйца насекомых, кто кокон, а зимой он из этого материала приготовляет прекрасные препараты, заключая в маленькую коробочку под стеклом отдельное насекомое и весь метаморфоз его. Вместе с тем собирается делать записи энтомологич[еских] наблюдений наподобие тех, которые прославили Фабра. Книгу последнего мы читали, и она так прекрасно написана и так богата биологическими данными, что положительно увлекает читателя. Вы удивились бы, дорогой Людвиг, как хорошо стал теперь писать М[ихаил] Вас[ильевич]. Прежде, вы помните, было многословно, тягуче, а теперь богато содержанием, и язык простой и сильный. Он написал несколько статей по статистике в последние два года, и на мой взгляд в них очень много ценного. Вообще его взгляды за этот период времени очень выработались, а главное, он самостоятельно думает и много работает, даже удивительно много. Его энергию и трудоспособность чрезвычайно приятно видеть, и доселе они не оскудевают нисколько. В другой

раз я напишу вам еще разные подробности: я знаю, что вы тоже всегда радуетесь успехам и активности других, и вам, наверное, будет приятно узнать всякие детали, как мы эти годы жили, чем занимались, чем волновались и т. д. Моя эпопея грозит быть очень длинной, и, быть может, лучше в другой раз послать продолжение ее, а теперь сказать несколько слов не о прошедшем, а о настоящем. Вы, конечно, и удивитесь и порадуетесь, что старик Аш[енбреннер] сначала назначенный, как и Баз[иль], в Ташкент, отправлен по случаю холеры в последнем к родным, в Смоленск, где у него есть брат, племянники и сестра, так что он обеспечен и морально и материально. Баз[иль] же, не убоявшись холеры, не захотел ехать в Арханг[ельскую] губ., а хлопотал, чтоб его на собственный счет отправили все-таки в Ташк[ент]... и добился. А я, как, может быть, вы уже знаете, остаюсь в Евр[опейской] России и буду жить в Арх[ангельской] губ. Временно меня поселяют в Нёноксе— это посад Арх[ангельского] уезда, куда вы и можете адресовать письма мне. Продолжится ли это временное пребывание столько же, сколько временные правила об охране, не знаю, но рада и временности, ибо сначала было велено отправить в самые отдаленные места этой необ'ятной губ[ернии], и для меня это было бы весьма худо... Теперь же со мной будет сначала сестра Ольга, а потом кто-нибудь из других родственниц, чтоб немножко пообогреть меня и облегчить жизнь, от которой я уже так отвыкла... Много, почти необ'ятно много надо было рассказать, но тогда выйдет целый томик, и страшит меня громадное расстояние, разделяющее нас, и обливает холодной водой мысль, когда-то дойдет письмо и когда-то узнаю, что дошло? и если не дойдет, то как же тогда быть? повторять опять все снова?.. Видела я, дорогой Людвиг, вашу карточку и карточки всех других общих наших товарищей, кроме Мити, но что меня огорчило, так это известие, что вы больны. На-

пишите, дорогой, чем вы хвораете и в каком состоянии вообще ваше здоровье? Вы всегда были так худы, так хрупки, что я очень боюсь, не разрушили ли суровые условия ваших физич[еских] сил? Пишите, пожалуйста, обо всем и не упускайте и мелочей: в них зачастую скрывается больше смысла, чем думает пишущий, и они помогают рельефному восстановлению в уме читателя условий и обстановки, среди кот[орой] человек живет. — В «Науч[ном] Обоз[рении]» нам случилось прочесть статью на интересную для нас тему «Производительность Польши», она очень заинтриговала всех. А затем, вы помните, вы когда-то читали мне 12 лекций? Ведь я смотрю на это, как на свою собственность... Согласны ли вы с этим [1]? Обнимаю вас, дорогой Людвиг. Будьте здоровы и напишите... Передайте тем друзьям, с кот[орыми] состоите в переписке, мой привет. Желаю вам всего хорошего. Ваша *В. Ф.*

Как жаль было мне уничтожать при от'езде вашу записку ко мне по поводу 17 сент. Я все время хранила ее, как ваши последние ласковые слова.

16. А. А. Спандони.

Нёнокса, Арх. уезда, 23 января 1905 г.

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Вчера вечером я получила два письма, адресованные сестре, а за несколько дней раньше Аш. писал, что вы ищете меня... Да! Молодое письмо прислали вы!.. В Шлиссельбурге я все время думала, что вы уже ушли из жизни... Ведь вы уже при первой

---

[1]) Кажется, это право гласит: «ad usum utendi et abutendi», если не переврала латинский термин.

12 лекций Яновича по статистике я предполагала издать и вела об этом переговоры с сотрудником «Русского Богатства». Н. Ф. Анненский взялся, было, за это энергично, но дело замерло с первого же печатного листа.

встрече казались таким болезненным, а на суде были и того хуже, и я уже не думала никогда встретиться с вами. И вот, и вы, и я остались в живых, сверх чаяния, а я даже выплыла «со дна», и как-раз тогда, когда моя жизнь и моя душа были мной поставлены на карту, на последнюю карту, как последняя ставка, потому что в 1902 г. я думала умереть. Вы так искренно радуетесь моему выходу, так сердечно-тепло пишете мне. Я никак не ожидала — ведь вы казались мне совсем не экспансивным... поэтому-то я и называю ваши письма молодыми, полагаю, что вы вместо того, чтобы стареть, просто помолодели! Очень хотела бы услышать или прочитать, что с вами было после суда? Но, вероятно, писать об этом — слишком сложно и было бы вам столь же тягостно, как и мне описывать свое «на дне», а на личное свидание еще долго рассчитывать нельзя, и не столько из-за внешних препятствий, сколько из-за того, что всякие встречи, всякие разговоры — мне не по силам: я страшно отвыкла от жизни, от сношений с людьми, и подобно другим шлис[сельбурж]цам, быть может, лишь в большей степени,—переживаю большую теперь ломку, чтоб приспособиться к новой обстановке, к новым впечатлениям, и пока свобода моя похожа на деревянное яблоко, лишь снаружи искусно подделанное под настоящее: мои зубы впились в него, но чувствуют нечто совсем непохожее на фрукт. Условия жизни здесь слишком суровы: страшные ветры, холод; особенно ветер—это что-то ужасное! Квартира то холодная, то слишком жаркая. На полу и на столе постоянно разница градусов в 8; я три раза уже простужалась, и теперь еще есть следы инфлуэнцы. Из 60 дней, которые я здесь, 20 была нездорова и дней 30 не выходила, потому что холодно или ветер. Этот посад имеет до 2 тыс. жителей, лежит в 73 верстах от Архангельска. При мне состоят два стражника, специально меня стерегущие и доносящие. Смешно было читать о фотографии. Фотографии

нет, да я и не имела ни малейшего желания сниматься. Публика (родные и чужие) находят, что я моложе своих лет, а выгляжу я, конечно, лучше и красивее, чем в те дни, когда вы меня видели в последний раз. Но в «Истор[ическом] Вест[нике]», в биографии Шеллера Анат. Фаресов поместил этого писателя чуть ли не на одре смерти и в таком жалком, унизительном для человеческой природы виде, что я почувствовала глубокое отвращение к изображению людей старых, и мне не хочется глумиться ни над другими, ни над собой, и я подумала тогда же, что не буду сниматься—поэтому у меня и теперь нет желания делать это, да мне никогда не нравились мои карточки. Телеграфа здесь нет, но телеграммы получать можно, и вашу из Одессы с тем текстом, что вы пишете, я своевременно получила, только не знала, куда отвечать? Благодарю товарищей за память и привет; о вас, конечно, и говорить нечего—обнимаю крепко и целую. Хотела бы знать, жива ли Софья Григорьевна [1]? Верно, уж нет ее! Всем общим знакомым, разумеется, прошу передать, что всех помню и всех люблю, с кем рассталась в добрых отношениях.—Почта ходит сюда два раза в неделю. Я получаю много писем от родных и старых друзей — так много, что сил у меня нехватает поддерживать частые и регулярные сношения: нервы у меня расстроены. В конце заключения были уж — ничего, а с от'езда из Шлисс[ельбурга] перевернулись вверх дном, и я никак не могу найти себе колею. У меня постоянно живут родные кто-нибудь, но я им, полушутя, говорю не очень приятную истину, что одной — лучше, и в самом деле, я так привыкла к одиночеству, что теперь без него не могу обойтись. Я привыкла зимой не менее 4 часов быть на воздухе — здесь это невозможно; привыкла работать в мастерской— теперь ее нет, ибо мое пребывание здесь названо «времен-

---

[1] Рубинштейн.

ным», и меня должны или могут сослать в отдаленнейшие места этой губернии; поэтому я не завожу верстака — и так придется бросить всю обстановку, так как я занимаю маленький домик, особнячок, и пришлось завести немного мебели и ужасно много ухватов, корчаг и каких-то других пакостей, без которых якобы нельзя жить. У меня есть белая рабыня, которая стряпает и которою я повелеваю за 6 р. в месяц.—Фрол[енко] жив, но плох. За 2 недели до от'езда моего с ним был обморок — сердце у него плохо работает. Он — прелестнейший человек в мире и герой.

Вера Фигнер.

Я не рассчитала и много написала о себе, отвечая на ваши запросы, а для товарищей-то осталось мало места. Все письма адрес[уйте] прямо мне и пока не пропадали. Письмо наполнено ламентациями на климат, нездоровье и нервы— вышло как-будто кисловатое, но «tu l'as voulu, Georges Dandin», вы спрашивали. От Анны Пав[ловны] Корба имела письмо здесь.

17. Людмиле Волкенштейн.

1905. 26/I.

Дорогая Людмила! Твое письмо пришло ко мне в Нёноксу 1-го января, и я была чрезвычайно рада такому совпадению, как-будто это был умышленный подарок от тебя. Несколько дней спустя была получена и твоя телеграмма, но я ей не так обрадовалась, как письму, ибо ваши депеши меня смущают, что вы стали такие широкие господа — все телеграфируете да телеграфируете — это хоть бы в будущем обществе так было! Я была очень тронута содержанием твоего письма, твоим теплым сочувствием ко мне и ко всему, вернее, ко всем, кто был и есть в Шлиссельбурге. Дорогая моя! ты спрашиваешь о них, как и что? Да, плохо,

конечно! Николай все худеет и худеет, но добр и ласков попрежнему. При тебе еще он занимался химией; позднее, после твоего от'езда, он стал писать, сначала диктовал Базилю, а потом писал и переписывал сам разные сочинения, из которых главное: о строении вещества — толстый том, который года 4 назад был через департамент представлен профессору Коновалову, и тот дал свой отзыв, с похвалой начитанности и пытливости ума автора, при чем некоторые взгляды его находил «любопытными» (о кристаллизационной воде), но с основным взглядом не согласился, так как Коновалов придерживается неразложимости элементов. Затем Николай предпринял новые работы по физико-математическому анализу, о сопротивлении упругих тел, и систематически посвящает 2 часа утром, столько же вечером этим работам. Он все мечтает, что когда-нибудь эти работы увидят свет, и снова послал в департамент 2 тетради, но они лежали там уже 8 месяцев без движения, когда я выехала. Психическое настроение Николая не изменилось существенно: он все ждет, что увезут, и особенно надеется на Мутсу-Хито [1], что он поспособствует этому. Его родные ужасные трусы, и Ольга в Ярославле ничего не могла поделать с ними. Было время, что нервы у него были страшно расстроены и он пил хлораль-гидрат бутылками и очень нервничал от бессонницы, но это было уже давно. Последний год он видался со мной каждое послеобеда и оказал мне неоцененные услуги, ибо, когда мамочка была больна, а потом умерла, и меня в течение целого года, с 1903 года (января 7-го, когда об'явили помилование по ее просьбе и разрешили мне вновь переписку с родными), измучили ежемесячными бюллетенями о колебаниях ее здоровья, — он так деликатно обращался со мной, что много облегчил мне этот тяжелый год, когда я беспрестанно

---

[1] Японский микадо.

впадала в самое мрачное настроение и все хворала разными признаками цинги. А здоровье его — как при тебе; желудок не варит, часто болит горло, простужается и покашливает, потом проходит — только глаза все более и более впадают. — Фрол[1] у нас совсем плох. Худ, лицо такое грустное и скорбное, часто отек ног, а за 2 недели до от'езда был обморок, от слабости сердца, как мне сказал доктор. А доктор — небрежный, глуповатый малый — его фамилия Самчук, довольно молодой. Смотрителем теперь Петй, на вид тих и скромен, но как далее будет, не знаю. Стеснения последних годов тебе ведь, верно, рассказывал Полив[анов][2] и ты знаешь, какая у нас была история в марте 1902 г.? А в эту осень отняли и большой двор, где были парники; в прошлую переделали заборы: сделали в 4 ар. высоты и сплошные в 1-й клетке, 2—3, 4, 5-й и в огородах 7—8; некоторые же огороды разделены забором в 3 ар. сплошного и 1 аршин—решетки, и не дают делать навесов выше 3 ар. сплошного забора и делать платформы выше ½ ар. от земли. Таким образом, теперь отделены 5 и 6 огород, потом идет сплошной в 4 ар. между 5 и 4 огор.; а между 4 и 3 опять есть решетка на высоте 3 ар. В результате много тени и затруднение сообщений; между клетками — никакого, между огородами — не везде. А где есть— то нельзя уж говорить, сидя или стоя на платформе под навесом, а надо стать где-нибудь подальше или устроить у забора дощечку, кот[орую] надо снимать, и там моститься на-весу, и над решеткой видно только лицо человека, а не по пояс, как было прежде... очень неудобно, и я обыкновенно ходила по дорожке, вдалеке, а они лепились на жердочках, толкая др[уг] друга, и часто валились. О мелких придирках и стеснениях нечего и говорить, а главное, никаких вестей с

---

[1] Фроленко мы звали сокращенно «Фрол».

[2] Товарищ по заключению.

воли, с 1902 г. Если и дают прошлогодний журнал, то разобранный по страницам и вырвано все мало-мальски современное и общественное, да и покупка книг, хоть и продолжается, но требует громадной настойчивости, и тянут ее так, чтобы было не более 2—3 книг в месяц. Приток же книг для переплета почти вовсе прекратился. Уже давно все должности совмещены в одном лице. Яковлев [1] и это хотел уничтожить, но нашел после, что это им же удобнее, и оставил. Ножи, ножницы на ночь отбирают; инструменты в мастерских постоянно проверяются и т. д. без конца. Хотели даже, чтоб ванна была не каждую неделю, но это отстояли... Сергей [2] очень хорошо выглядит в последнее время, а главное, не так раздражителен, как был некоторое время (еще до 1902 г.) и перестает спорить, когда оппонент горячится, упрямится, — чего, как знаешь, прежде не бывало. Устал он, и все устали, очень устали! С каждым годом источник сил иссякает... воспоминания потускнели, все наскучило, все одно и то же, изо дня в день и никакого свежего дуновения, ни одной струйки с намеком, что не все на земле замерло, как замерло там. Новых сажают в старую тюрьму, что они там делают — неизвестно, кто там— тоже не знаем, за что — тоже неизвестно, так и перевариваемся в собственном соку. Мих[аил] Род[ионович] стал очень мрачен и молчалив. Лопатин, просидев 1½ года безвыходно в св[оей] камере по поводу одного протеста насчет Карп[овича], испортил свои нервы. Новорусский и Лука остаются более или менее неизменны, хотя Мих[аил] Вас[ильевич] несколько постарел, и все время сильно прогрессировал, а Лука жизнерадостен — хотя бы не для Шл[иссельбурга], но толстеет сильно. Ста[родворский] и Ан[тонов] летом

---

[1] Комендант крепости. Должности: старосты, библиотекаря, променадмейстера и менюмейстера.

[2] Иванов.

приводили всех в отчаянье своими шахматными турнирами, за кот[орые] подвергались от меня страшным гонениям, и выдумали еще, что с каждой сотни партий проигравший ставит приз — коробку монпансье, или 2, или что-нибудь в роде. Наконец, я возмутилась и демонстративно отказалась принимать участие в с'едении этих проигрышей — (они делились на всю братию). Николай Петрович[1] ожидает своего выезда, составил широковещательную программу занятий, чтоб производительно затратить остаток срока. Я поручила Ан[тонову] надсматривать и раскатывать его, так как сильно подозреваю, что это university extention останется одним благонамеренным пожеланием. Ан[тонов] с Кар[повичем] много работают в кузнице, кот[орая] при Тр[игони] была выстроена на большом дворе, а в эту осень ее сломали и еще при мне перенесли в 5 огород, где она будет прислонена к каменной стене и займет пространство поперек всего огорода. Антонов очень похудел и как-то согнулся—все огорчался отсутствием известий от матери, но я с ней списалась, и она жива. Карпович здоров и целый день работает. Он всего более дружит с Фр[оленко], а ранее еще был дружен с Аш[енбреннером] и со мной. Я тебе не писала, что с июля в Шл[иссельбург] получила доступ княжна Дондукова-Корсакова, 77 лет, с детства чувствовавшая призвание к облегчению участи заключенных. Долго она добивалась, чтоб ее пустили и в Шл[иссельбург], и вот еще при Плеве ее пустили, а после его смерти ей снова пришлось обратиться уже к государю с просьбой допустить туда, и с тех пор она там бывает. Сначала у двери (извне) стоял смотритель и вахмистр и подслушивали и смотрели, не спуская глаз со стеклышка, теперь, уже после меня, ее оставляют наедине. Она очень добрая и умная женщина, глубокорелигиозная, когда-то была близка с Пашковым, но потом,

---

[1] Николай Петрович—Стародворский.

неудовлетворенная, вернулась к офиц[иальному] православию и находится в хороших отношениях с митрополитом Пб [Петербургским]. Она мне очень понравилась своей сердечностью и умом, и я ей тоже понравилась, и вот, представь себе, — теперь я пишу тебе в своей Нёноксе, а она сидит рядом, у меня, в др[угой] комнате. Приехала 77-летняя старуха из Петербурга в такую глушь и холод (73 версты на лошадях в 1 день! от Архангельска) и поселилась гостить у меня и все строит планы, как меня отсюда выручить в более благоприятные условия, потому что здешний климат для меня очень труден. Я совсем лишилась способности приспособляться к физич[еским] условиям, постоянно простужаюсь, и вообще «свобода» дается мне совсем не в легко усвояемой форме. Квартира то + 22°, то 10; на полу 8°ью ниже, чем на столе. Снаружи ужасные ветры, так что гуляю мало. С 3 ян[варя] заболела инфлюэнцей и вообще из 60 дней 20 была нездорова. А душевно — самочувствие тоже неважное, хотя, читая газеты,—воспламеняюсь,—так выросла Россия, все так полно жизни, энергии и так бодро бросает вызов судьбе! Ужасно жаль, что мне 52 года, и, пожалуй, что важнее, что тюрьма состарила мою душу. Как хорошо бы жить теперь, имея лет 30 или и 40, но без тюрьмы! И сгладятся ли следы заключения, чтоб стать хорошим работником и сделать что-нибудь в жизни? Я так мучилась этими вопросами последний год, когда ждала срока! Быть «в плену» у жизни не хочу... Куда примоститься, чтоб создавать что-нибудь, и как сбросить ту едкую накипь, которая, слой за слоем, ложилась в течение целых 22 лет! Ведь это же целая вечность эти 22 года! Я была так страшно поражена, испугана судьбой Полив[анова], Ян[овича] и Мар[тынова] [1]. Когда сестра сказала, я упала и билась с криком: Зачем? Зачем!.. Так было больно, так было страшно.

---

[1] Калиник Мартынов застрелился в Якутской области.

Но лучше уж утереть слезы и переменить тему, чтоб не бить по больным местам. Завтра кончу письмо, а то и эту ночь не буду спать, как вчера из-за газет, от которых не могла оторваться, а потом не могла заснуть.

28 января.

Я все надеюсь, что наших друзей вывезут из Шл[иссельбурга], я снеслась с нек[оторыми] из их родственников; от других еще жду ответов, с кот[орыми] они что-то не спешат. Одни родные Попова страстно желают его освобождения, и Надежда Род[ионовна] [1] была в янв[аре] в Пб[Петербурге] по этому поводу. Марья Михайловна Дондукова-Корсакова сильно надеется на их освобождение и вливает и мне недежду на это событие. Хоть и поздно уже для возврата к жизни, в полном значении этого большого слова, но все же—возврат! и за тяжелым кризисом, который придется пережить всякому, так долго заживо погребенному, — быть может, и наступит бодрость и спокойствие. Разумеется, я приложу старание помочь материально тем, кто не имеет средств и кому будет нужно на обзаведение для какого-нибудь занятия в ссылке. — Не буду более растягивать письмо и прощусь пока с тобой. Ты напишешь, останетесь ли вы во Владивостоке, если получишь право двинуться? Пан [2] уже в Иркутске; верно, и другим дадут право передвижения или право передвинуться. На всякий случай вот адрес Аша: Смоленск. Вознесенская гора, дом № 14. Он хорошо устроился, имеет переводы с французского и будут хорошо платить. Пишет, что дали ему авансом 100 руб. и что не нуждается ни в какой помощи (я предлагала). Вас[илий] Григор[ьевич] в Ташкенте, вот его адрес: г. Ташкент, Старо-Госпитальная улица, против военно-госпитальной церкви. В. Г. Иванову.— Целую тебя, будь здорова. У меня есть карточки всех вас,

---

[1] Одна из сестер Попова.
[2] «Пан»—мы так звали сокращенно В. С. Панкратова.

кроме Шебалина. Пан очень постарел. Дай адрес Три[гони] м[ожет] б[ыть] я соберусь написать ему. Ованес насмешил: прислал неск[олько] №№ «Амурского Края» и там его ужасные стихи «вот этой самой сталью в бок», от кот[орых] Полив[анов] всегда хохотал до слез и до колик. Как живой он у меня перед глазами при этом воспоминании. Твоя *Вера.*

Теперь я довольно здорова, но гуляю все мало, хотя в янв[аре] здесь был умеренный холод, но только теперь ухо после инфлуэнцы перестало гудеть. Неск[олько] дней завела 1 час пилить дрова с моим другом Сашечкой (урожд. Корниловой), которая живет у меня уж месяц. Теперь я «en trois».

Вера Фигнер.

18. А. А. Спандони.

15 февраля 1905 г.

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Я получила ваше письмо сегодня и хочется сегодня же ответить вам, хотя почта пойдет только в пятницу, а сегодня вторник. Очень обрадовало меня, что Нюта [1] скоро будет в Одессе, и вы хорошо сделали, известив меня об этом, чтобы не писать по старому адресу. Если она приедет и вы увидите ее, передайте мое горячее приветствие ей и что я и впрямь начинаю надеяться, что мы с нею увидимся... Только, ах, Афанасий Афанасьевич, как грустно встречаться стариками, расставшись еще молодыми (относительно) [2]. Первые мои встречи с родными были чистым страданием от невозможности слить в душе прошлое с настоящим: ведь образ-то дорогих людей хранился в ней именно таким, каким был человек в момент разлуки, и время не искажало черт лица, не изменяло

---

[1] Корба.

[2] Это о 30-летних-то!

фигуры и всего облика. И вот... видишь не то, не то. После я уже просила тех, с кем должна встретиться, прислать предварительно карточку, чтобы заочно и вперед пережить неприятные чувства отчуждения и привыкнуть к совершившимся переменам... И это действует — уж не поражаешься так... Конечно, надо бы и к себе применить, — «чем кумушек считать — трудиться»... Но я успокаиваю себе тем, что у меня повышенная чувствительность и что во многих отношениях мои чувства болезненны там, где у людей, живших нормальной жизнью, этого нет, и потому им легче даются встречи с изменившейся личностью моей, потому что, ведь, и я постарела, хотя во мне еще много живости и энергии, и все находят, что я выгляжу много моложе своих лет (52!!). А вы меня огорчили: после первых писем я, уверяю вас, вообразила, что вы здоровый и веселый, а из последнего письма вижу, что в вас попрежнему тысяча и одна болезнь и как-будто ваше здоровье даже хуже, чем в былые времена. Неужели вас не оживит юг, теплый климат, ясное небо, море?! Вы не жили бы в городе, а где-нибудь в деревне! Беспокойно в городе да и столица юга далеко не гигиенична— я не желала бы жить в большом городе: нервы не выдержали бы... думаю, и вам нужно бы что-нибудь в роде моей Нёноксы — не Нёноксы, а так, какой-нибудь деревеньки... только больно уж много тут нищеты всяческой — вот хоть бы сегодня, гуляя, встретила мальчика с кривой ногой, и, повидимому, можно бы посредством ортопедии поставить ногу в правильное положение, чтоб ребенок ходил, как люди ходят, а не знаю, удастся ли наложить лубки или гипсовую повязку здесь (доктор ничего не знает, ничего не делает, только даром жалованье получает, старик и, говорят, психопат) и отправить как-нибудь в Арх[ангельск]. Но уверяют, что там в больнице ужасно небрежны и бедный люд чуть не в шею гонят, а из ссыльных ни одного доктора нет. Был Никонов — прекрасный врач, но уехал, освобожден.

Иду дальше... и что же! повел мальчик, почти нищий, сирота, лошадь пить к колодцу, и показалось мне и Александре Ивановне Мороз (рожд. Корнилова, живущая у меня с 31 декабря), что лошадка бодрая, молодая... пьет воду.... и вот поворачивается итти назад... внезапно падает... и подняться не может. Оказывается, это с голоду... Нищих здесь столько, что никогда я стольких не видала. Целый день ходят в кухню к белой рабыне, которая подает им хлеба. То явится мужичок с ужимками забитого полуидиота с просьбой дать на поправку провалившейся в избе крыши; то слышишь, что человеку с семьей есть нечего и он работает такую работу, что может в день выработать 6 коп. (землекопный труд), и так до бесконечности. Здесь хлеба часто не вызревают, сеют больше ячмень, и мой хозяин, имевший в хороший год до 30 и 40 мешков ячменя (здесь зовут его житом), в этом году получил 3 и какого жита — настоящая шелуха пустая. Овса лошади не знают, а сено в этом году испорчено разливом реки, засыпавшей его песком. Заработков никаких, промыслов нет. Считаются солеварами и есть колодцы с раствором и варницы на артельных началах, но выварившается соль первобытным способом, с громадной тратой топлива и большими накладными расходами на управление, так что очищается пустяк—в лучшем случае руб. 5 на взрослого мужчину в год. Коров кормят оленьим лишайником, чуть-чуть посыпая горстью муки, и молоко, как говорят, от этого лишайника (пища северного оленя) имеет особый вкус, очень неприятный, так что я еле-еле нашла такое, что можно пить, в доме, где корм лучше. К весне ожидают настоящего бедствия—от голодухи людей и животных.

Хорошую же я картину нарисовала, предлагая вам из города ехать на лоно природы... Ну, не везде же такое убожество. Вот в Шенкурском уезде, по рассказам, население зажиточное.... Я все надеюсь, что уеду туда, и как-раз теперь в Петербурге куется моя судьба. Ну, довольно, Афа-

насий Афанасьевич! До следующего раза! Теперь я довольно здорова: час в день пилю с Александрой Ивановной дрова и занимаюсь переводом с английского — хочу жить своим трудом. Дружески обнимаю вас и благодарю за сердечное отношение.

Вера Фигнер.

А вы занимаетесь чем-нибудь? Вы живете в меблированных комнатах — значит, не с родными? И кто у вас есть из родных и какие они люди? Какое их амплуа в жизни?? Всем товарищам поклон и рукопожатие.

Одна моя знакомая пришла узнать: нет ли в Одессе дешевого издания хороших картин к жизни Иисуса, и, если по справкам окажется, что есть, то сообщите, пожалуйста, название и адрес книжного магазина, число картин, цену и каково, по вашему мнению, качество этих картин?

P. S. и NB. Пожалуйста, не подумайте, что я аккуратная корреспондентка. О нет, вас может постигнуть жестокое разочарование.

Вас[илию] Григ[орьевичу] [1] я написала и в ответ была самая восторженная телеграмма, какой, наверное, еще и не бывало со времени изобретения Морза. Начиналась она так: тысячу раз дорогая Вера Николаевна и т. д.

Будьте здоровы. А я до сего дня думала, что ваше имя «Михаил Иванович» — настоящее, и мне оно больше нравится, чем варварский Афанасий.

19. Сестре Евгении.

25 февраля 905 г. Нёнокса.

Дорогая моя Женя! Обещала писать каждую почту и пишу. Пишу, сидя на квартире у Сашечки, куда мы удаляемся

[1] Шлиссельбуржец Иванов.

для «ученых» занятий, как выражается Мар[ия] М[ихайловна], а попросту для переводов. Переведя 2 страницы текста и видя, что Сашечка начинает письменно заикаться, останавливаясь при писании на полуслове,—я, по верному определению моему, начинаю водить ее на корде—прохаживаться с ней под-ручку по комнате, а всего чаще заставляю делать гимнастику, как отец нас заставлял. Если бы ты видела, как мы стоим друг против друга и совершаем самые разнообразные, дикие и невозможные движения, ты громко расхохоталась бы. Сашечка смотрит на меня во все глаза и, точно под влиянием гипнотизера, подражает моим телодвижениям: мы то делаем друг другу низкие поклоны.. то пожимаем плечами, как бы от удивленья, то действуем, как ветряные мельницы, совершая круговращение руками, как крыльями... то, наконец, «помахиваем хвостами» наших юбок... Я и сама иногда почти истерически смеюсь, глядя на Сашечку, а она, в свою очередь, осмеивает меня. Сегодня у нас не очень хорошо шел перевод—перевели 3 страницы текста in octavo; а переводим с 2-х концов: поутру со свежими силами беремся за изложение гегелевской метафизики в начале книги, а вечером сидим на легком—описании деятельности Лассаля, Либкнехта и пр. Листа три уже переведено, и Сашечка говорит, что ей приятно посидеть за этими занятиями, давно ею заброшенными, но, кажется, они ее несколько утомляют, а я, известная горячая лошадь, способна тащить до бездыхания. Я уверена, что бессонница ежедневная в эти три недели очень сильно зависит от этого переводческого жара, но зато день так заполнен, как мешок мукою, и я не могу теперь пожаловаться на нервы, только утром постоянно встаю с головной болью и кислой. Погода стоит хорошая, ясная, и сегодня, напр., мы вышли с Сашечкой в поле версты за 2½—3, и там так было хорошо! На небе были, чуть ли не в первый раз здесь, кучевые облака, и солнце заливало все снеговое поле, и оттенки красок на небе были самые нежные.

Я говорила Сашечке: как хорошо было бы быть свободной и итти, все итти вперед и вперед... дойти верст за десять до какой-нибудь деревни, отдохнуть и опять итти... Она говорит: «ну, много бы ты прошла!». А я: «ну, нет! в Шл[иссельбурге] я иногда, по вычислениям, делала верст 10 в день, а всего прошла там столько, что почти обошла землю по экватору, а Морозов так дошел уже почти до луны»... А потом, посмотрев на небо и на громадный горизонт, говорю: «а я, кажется, теперь вхожу во вкус свободы—она мне начинает нравиться!!». Когда я буду в Шенкурске, Сашечка обещает мне помогать собирать растения и сушить их для Академии наук и хочет купить «Ботан[ические] беседы» Ауэрсвальда, по моему совету, чтоб не работать механически.

Так-то, друг мой! Поправляйся-ка скорее от своих операций. Весна близится—скоро равноденствие... невольно вспоминаю эти первые теплые, полные солнца дни в последний год в Шл[иссельбурге]. Теперь не будет уж так ужасно тяжело, как было после известий о мамочке... на свободе уж не отдаешься так чувствам горести, особенно, когда живешь вместе с кем-нибудь из людей близких. Обнимаю тебя крепко, моя дорогая. Кстати, уж если я пишу тебе, то скажи Пете, когда увидишь его, что если меня переведут в Шенкурск, то пусть не думает, что нужны будут деньги на это—я забыла в последнем письме упомянуть об этом: из осенней присылки у меня сохранился остаток, достаточный для путешествия. Целую тебя, и Борю [1], и всех наших — сестер и братьев, и Настю, и детей. Твоя *Верочка*.

Я думаю написать Мих[аилу] Петр[овичу] [2] — попросить выслать мне астрон. календарь Нижегородского астр[ономического] общества, в котором, говорят, есть звездное небо на каждый месяц.

---

[1] Старший сын сестры.

[2] Сажин.

20. Александре Ивановне Мороз.

18 марта 905 г. Нёнокса.

Дорогая Сашечка! Вчера получила письмо твое с припиской Сер[гея] Ал[ександровича][1] и посылку, как-раз там был клиент последнего и его подвода привезла все в исправности; благодарности и восторги будут после, а теперь вот что: прочитав твое письмо о связях, у меня явилась мысль, которую я сейчас же решила сообщить тебе, в надежде, что ты ее подхватишь и используешь, если сил твоих хватит. Нельзя ли, в самом деле, утилизировать эти связи для постановки дела об освобождении моих товарищей? Конечно, все связано одним общим узлом, и это дело есть частность другого, более обширного... но все же мне кажется, что товарищи мои совсем забыты в общем движении. Понятно, будет в России свободнее жить всем, будут и они освобождены, но все же, почему нет, в частности, агитации в пользу применения к ним уже налично существующего манифеста? Если есть с кем поговорить об этом, поговори. Анна Павл[овна] Философова[2] прислала мне с Мар[ией] Мих[айловной][3] образок со словами, что ею двигает теперь вера. Пускай! вера, ведь, не отняла же у нее доброго сердца, которое она несомненно имеет; она, конечно, не убила в ней и стремления облегчать других! Что, если бы ты с'ездила к ней в Пб [Петербург] и дала ей мысль в наше богатое петициями время подать одну лишнюю о людях, которые томятся от 18—25 лет в стенах крепости? Кому, как не женщинам, заговорить об этом? Ведь им более знакомы и понятны страдания матерей и сестер этих узников. Подписи можно бы собрать в Москве и Пб[Петербурге] и адресовать в ком[итет] министров или подать Булыгину. Филос[офова] человек

---

[1] Балавинского.

[2] Известная общественная деятельница.

[3] Дондукова-Корсакова.

опытный в делах общественных, и если захочет,—у нее выйдет. Тут и Мар[ия] Мих[айловна] могла бы быть, и митрополит, который мог бы и быть передатчиком петиции. Ты не смущайся, что такое дело отняло бы у меня твое присутствие. Эта цель так близка и дорога мне, что служение ей совсем темнит мои личные дела в моих глазах, и я даже не упоминала бы об этом, если бы не знала твою любовь ко мне и твое беспокойство о моем житье-бытье. Эти два месяца сослужили свою службу и отвлекли меня от грустных воспоминаний и неудержимой склонности печалиться и плакать. Я чувствую себя теперь хорошо, если-б не бессонница, то все было бы вполне благополучно. Поэтому забудь на время о своей Верочке; забудь также и о себе, потому что здешняя тишина, ведь, тебе нужна и полезна. Уж потрудись для людей, у которых нет ничего. А я думаю, что ты могла бы много сделать, возродив свой старинный активный альтруизм! Путь продержится еще долго, и ты могла бы посвятить 1 месяц этому общественному делу, а к пасхе приехать на отдых. У меня—тишина. Я работаю, и очень недурно. С Грушей мы—друзья. Я занимаюсь с ней, гуляю и пилю. Если бы я соскучилась—напишу Клад[ищеву] [1], чтоб навестил; он, конечно, явится. Итак, все превосходно. Если ты, по обстоятельствам дела, найдешь мою мысль стоящей выполнения и решишься взяться, то напиши тотчас же, чтоб я могла не посылать подводу. Но, даже и это неважно, ибо заплатила бы впустую, и больше ничего. Не останавливаться же из-за такого пустяка. Квартиру твою, я думаю, не держать более (срок 24), ибо теперь будет мокрота и грязь и трудно будет ходить. Целую тебя, моя дорогая. Я здорова (кроме скверного сна) и твои заветы выполняю... Тебя, верно, тоже японцы подкупили, что

---

[1] Кладищев—богатый помещик Ярославской губ., административно-ссыльный в г. Архангельске.

ты покупаешь «вестфальскую» ветчину, а я русскую считаю отличной. Твои вафли и компоты будут ждать тебя; что же касается до монпансье, кот[орое] ты так полюбила покупать, то в др[угой] раз имей в виду, что я привыкла к монпансье Бормана: «смесь с *начинкой*», которая стоит столько же, но мне нравится гораздо больше. Еще раз целую. Всем твоим привет. Тетя послала мне апельсины и виноград. Понравились ли они тебе? т. е. тетя и Ната [1]? Ох, и насмешила же ты «огурцами из Москвы» [2]!!!

21. А. А. Спандони.

23 марта 1905 г.

Дорогой Афанасий Афанасьевич! Все, что вы сообщаете мне о себе, в высшей степени скверно, и это заставляет меня даже и на этот раз быть аккуратной (более или менее). Здоровья нет! Денег нет! прозябанье на 30 руб. в месяц, в Одессе, где жизнь так дорога и притом в меблированных комнатах... Родни хуже, чем нет! Недостает только, чтобы вы женились—и жена оказалась ведьмой! Все это не нравится мне, и надо бы вам как-нибудь вылезать хоть из ямы безденежья, потому что здоровье на дешевом хлебе никак не может восстановиться. Если будет возможность, пейте весной и летом кумыс или, что дешевле и можно приготовлять дома,—кефир и купайтесь в море. Я теперь чувствую себя гораздо лучше и физически, и морально, но все еще страдаю бессонницей и от нее головной болью. Зная, как прекрасно физический труд укрепляет организм и в особенности нервы, я посоветовала бы вам ходить работать на верстаке, хоть 1 часик ежедневно. Я поручу Анне Павлов-

---

[1] Куприяновы.

[2] Александра Ивановна прислала мне маленький боченок соленых огурцов. В северных широтах Архангельска огурцы не растут.

не[1] позаботиться, чтобы вы были здоровы—это чисто женское дело—мужчины никогда не способны даже на это! (каково!). Что вы чувствуете себя лучше на улице и на людях—охотно верю. Всякий неврастеник, всякий переутомленный только и поддерживает себя разными возбуждениями, но к чему это ведет? Лишь к еще большему расстройству. Если, что возможно, я очутюсь в Казанской губернии, в имении родных, как только мои нервы придут в равновесие, я выпишу вас, чтобы тренировать à la Kneipp: солнцем, воздухом и водой. Буду кормить яйцами и битыми сливками, а после обеда заставлять спать. Родные хлопочут, чтобы меня—туда, а о Шенкурске еще ни слуху, ни духу, и месяца 2 верно протекут еще до моего выезда куда бы то ни было. Интересных знакомств здесь у меня нет, но я не скучаю да и не одинока — у меня всегда кто-нибудь живет из близких. В противоположность вам—мои семейные отношения идеальны: мои родные окружили и окружают меня всевозможными заботами и лаской. Материально я тоже вполне самостоятельна и могу уделять на разные мелкие нужды окружающим. Ну, до свидания. Salut et fraternité. Жму вашу руку.

Вера.

22. Сестре Евгении.

23 марта 1905 г. Нёнокса.

Дорогая сестра Женя! Я думала, было, писать тебе еженедельно, пока ты больна, но замоталась немножко и пропустила массу почт. Последний раз я писала тебе и Лиденьке, в одном письме, кажется, или же Лид[ии] Куп[рияновой] и вам одновременно, после от'езда тети, и описывала Лиде, как мы тут проводили дни. С тех пор живу более или менее отшельницей, но ничуть не кисну от этого, а порядочно работаю над переводом, гуляю и с Грушей пилю

[1] Корба.

дрова. Неожиданно получила из Нижнего с прошлой почтой астрономич[еский] календарь и, конечно, весьма благодарна за него. Мне что-то уж неприятно даже, что со всеми я переписываюсь, а с Мих[аилом] Петр[овичем]—нет и собираюсь написать ему, боюсь только, что это будет, когда ты уже прилетишь туда. А ко мне, ведь, тоже ты прилетишь когда-нибудь, если я тут останусь долго: теперь я уж далеко не та, что была при вашем посещении. Мало-по-малу волны от перемещения из Шл[иссельбурга] в жизнь укладываются, частью улеглись и в голове уже больше порядка, чем было вначале, когда мне стыдно было признаться вам, что у меня там очень и очень не в порядке. Мой пессимизм мало-помалу уступает место более светлому настроению: жизнь оборачивается ко мне хорошей стороной, и уж мне не кажется, что судьба моя будет та же, что Поливанова, Мар[тынова] и дорогого Яновича. И я думаю, что хорошо, что я могу прожить еще лет 25! Лишь бы не быть калекой в конце. Разумеется, многое множество причин способствует этому: и общее настроение русского общества, надежды всей мыслящей России, трепетное ожидание всеобщего коренного улучшения общественных форм и отношений... а затем и та атмосфера заботливости и любви, которую вы дали первые, но которую поддерживают и знакомые, и незнакомые люди, товарищи и друзья. Даже и то, что я экономически достаточно обеспечена, облегчает мою жизнь в такой глуши, как эта. Я так рада, что могу не только сама жить, но быть в деревне,—хотя бы грошевой сама по себе,—но для деревни все же благотворительницей, потому что здесь такая нищета, что живут изо дня в день, нуждаясь в копейках. Тут бывают очень смешные эпизоды, из которых я тебе опишу несколько. Здесь насаждается кустарный промысел—деланье корзин из сосновых дранок[1]. Желая ознакомиться

[1] Насаждался мной с содействием Ал. Ив.

с производством и, чтобы не ходить в избу, я позвала мастера на свою квартиру, где устроила пустоту в большой комнате, чтоб можно было развернуться. Груша приготовила постный обед с пирогами, киселем и прочее, чай. Я выказала гениальные способности, с усердием проработала от половины 12 до 4 (за что поплатилась сильнейшей головной болью), мастера напоили, потом и накормили, и я вручила ему полтинник. Эта сумма так его поразила и восхитила, что старикашка с синими губами и беззубый схватил меня в свои об'ятья и чуть-чуть не расцеловал—я избежала этого только потому, что много ниже его ростом. Я хохотала от всей души от этого медвежьего об'ятия... и как велика, значит, нужда и радость от денег, что 50 коп. вызывают такой пламенный восторг. Затем, тут есть у меня маленький любимец, мальчик Ваня 5 лет, сирота—премиленький! Его мать, Наталья, молодая ядреная бабенка, но, как мне говорили и как я сама уверилась, ленива и совсем без инициативы. Я купила ей кожу и подошву на башмаки с тем, чтобы она сама сшила себе их под руководством местного доморощенного сапожника, и сказала, что, если она таким образом докажет свою способность и, главное, желание трудиться, то дам матерьял и для башмаков Вани, чтоб и их она сама сшила. Получив в лавке кожу, Наталья прижала ее обеими руками к груди с таким жаром, что совсем развеселила меня, и потом, не выпуская ее, в такой позе шла по «среднему проспекту» и так далее. Однако, 2 недели не собралась к сапожнику, а я нарочно перестала, наконец, понуждать ее. Теперь, однако, слышу, что ходит и шьет. Быть может, баба научится и будет всегда иметь заработок и кусок хлеба, ибо заказов много и лавка принимает тоже готовые башмаки, давая свой товар. Так я, не имея дел великих, занимаюсь малыми, и счастлива, что все же не плюю в потолок. Сейчас получила от Лиденьки письмо, что сегодня, 23-го,—о радость!—ты выходишь благопо-

лучно из больницы! Ура, урра! Я пошлю это письмо уж прямо в Нижний, моя милочка Женюшечка, умница, что все хорошо сошло. Наташа из Москвы мне писала, что все идет хорошо, поэтому я терпеливо сносила то, что сестра Лидия не очень-то баловала меня известиями о тебе. А что Боря[1]? Подружись же с другом Ал[ександра] Ив[ановича][2], я уверена, что это будет для тебя ценное знакомство. Поцелуй Соню[3] и скажи, что Анна Павловна[4] освобождена от Сибири и теперь в Одессе. Тебя целую много раз и Мишеля, твоего старика, тоже. Благодарю его за календарь. Ну, прощай или до свиданья. Я здорова, только при всяком волнении или от разговоров с кем-нибудь страдаю бессонницей, а потом головной болью. Принимаю железо, п. ч. в ушах невыносимый звон.

Твоя *Верочка.*

Когда увидимся, то я буду в «лунном свете»—в платье, подаренном вами, моими дорогими.

Ах, дорогая Женя! Открой в своей квартире платную библиотеку (10 к. в месяц) для бедняков! Будет тебе дело, а я буду вам помогать в покупке книг. Надо теперь работать всеми силами для просвещения темных голов. Время такое, что не ждет. Сделай это, моя дорогая. Комната у вас есть, книги есть, хлопот немного. Добрые дела дают такую силу душе человека, и, чем больше делается, тем лучше становится в ней. Открой, открой! Мы возьмем у Ал[ександра] Ив[ановича] «Русское Богатство» за все годы... всей семьей будем собирать книжное богатство. Мысль теперь копошится всюду, надо давать ей необходимую пищу, и просто стыдно держать много книг без обществ[енного] употребления. От-

---

[1] Сын Евгении.

[2] Иванчин-Питрев. А о каком друге идет речь—не помню.

[3] Борейшо.

[4] Корба.

крой, открой! Просите разрешения! Каждая просветленная голова—залог будущего России. Открой[1]!

Местные новости: у «крестной» Груши пала лошадь. У нашей молочницы—пала лошадь. Идет слух, что доктора переводят в Шенкурск, а здесь будет только фельдшер à la bonne heure! Его переводят, я думаю, чтоб мы не расставались, или, чтоб я запросилась в другое место, а не в Шенкурск! Но все попрежнему говорят, что там сухо и хорошо. Недавно проехал туда один, переводимый с дальнего севера. Нервы у него очень расстроены; ему 27 лет, а я сочла за 35-летнего! Зато 2 другие, переводимые в Холмогоры,—прелесть!—молоды, бодры, полны сил и свежего чувства. Просто сердце радуется, глядя на таких. И вот мораль—после ухода их думаю: ну, уж и не хотела бы я походить на первого и производить подобное же тяжелое впечатление... Ну, думаю, удружу ближним—постараюсь являться бодрой и веселой, чтоб душа радовалась у них! Прощаясь, молодой, самый молодой[2], сказал: «Мгновенье живем, но хорошо живем!». Это было так мило, так естественно сказано! Молодец! чел[овеку] всего 24 года. Эти двое меня пленили, и мне жаль, что встреча мимолетна. Не зная имен, хочу писать, фамилию помню... Какая могучая сила—симпатия, глупая, бессознательная симпатия, которую даешь не за ум, потому что, ведь, его и рассмотреть не успеешь, не за поступки, ибо их еще не видишь, а так, ни за что—нравится, да и только... Что-то чувствуешь за словами, жестами, интонацией и, пробыв вместе один час,—словно знакома лет сто. Одного[3] спрашиваю, где ваши родные? Дайте адрес! А он: «ну, вас! не дам! заботиться о них вы станете!». Ну, не прелесть ли такая вера в доброту другого, такая тонкая деликатность! Прелесть, прелесть!

---

[1] Увы! мои воззвания остались тщетны. Прим. 1929 г.

[2] Кавказец.

[3] А. П. Бибик—рабочий, позднее писатель.

23. Н. П. Куприяновой.

30 марта 1905 г.

Сейчас получила твое письмо, дорогая Наташа, из Казани. Твои многочисленные дары я получила еще не все, но главный—собачку—получила и пёсик очень забавляет меня. Он растет не по дням, а по часам, и сегодня я смерила 2 размера, чтоб посмотреть быстроту увеличения. Это уже второе письмо в Казань к вам. Оказалось, что мама[1] и Мария Мих[айловна][2], как старосветские помещики, воспользовались для письма из Арх[ангельска] не почтой, а оказией: отдали письмо генеральше; генеральша отдала исправнику; исправник отдал приставу, а пристав уже мне ровно через 2 недели по написании!!! Вот наука впредь... Пёсик твой был бы очарователен, если бы не клал куч и не пускал ручьев. Три женщины 33 раза в день всплескивают руками и бросаются к злополучным местам действия; кричат, вопят и уже три дня, как пытаются истязать щенка, но ничего не выходит; и он нисколько не вразумляется, а когда бьют, то почти не визжит, ибо три женщины весьма сердобольны, и боюсь, что пёс будет испорчен. Ночью он начинает визжать и просится на кровать, и ему уступают. Третьего дня не дал мне спать, я взяла его, он наблевал на одеяло, я пошла его замывать, сон прошел... А я опять захворала, вновь горло першит, и вот уже три дня не выхожу. Ал[ександра] Ив[ановна] приехала утром 26-го, оставив часть багажа в городе, но за ним уже послана подвода, и твоя Япония приедет завтра. Ты, милая моя, разорилась на эти покупки и тебе придется посеять еще хоть полоску конопли для покрытия дефицита. Что дорогая тетя? Здорова ли? Сестры сегодня пишут, что Петя подал прошение мамы министру, а тот говорит, что начнутся паломничества, на что брат

---

[1] Куприянова—мать Натальи Петровны.

[2] Дондукова-Корсакова.

ответил, что в губернии, где много ссыльных, это может быть еще в большей мере. Марья Мих[айловна] надеется на бога, что он поможет, да еще у нее есть предчувствие, что дело увенчается успехом. Она пишет также, будто от митрополита есть хорошие вести о шлисс[ельбурж]цах, но ясно не говорит. Ал[ександра] Ив[ановна] поселилась у меня, а не у Марины Мих[айловны] [1]. Другие подробности были в первом письме, поэтому не повторяю. Очень рада, что кувшинчик уцелел. Ал[ександра] Ив[ановна] привезла мне от дам прекрасных цветов, и, конечно, они впервые очутились в Нёноксе с той поры, как на земном шаре температура перестала быть равномерной и теплой, когда на Шпицбергене росли пальмы и панданы, цвели магнолии и т. д. Откуда ты взяла собачку и сколько дней ей было, когда ты ее дала Ал[ександре] Ив[ановне]? Правда ли, что не моют хороших собак до 1 года? Я чешу ее гребнем частым и боюсь, что какая-нибудь баба тайно острижет ее, чтоб спрясть на варежки. Целую тебя и маму много раз.

Ваша *Верочка*

Я часто вспоминаю грацию, с какой ты воздымала руки при гимнастике, и твой живой темперамент при упражнениях à la Тальони [танцовщица].

24. Е. В. Куприяновой и ее дочери, Наталии Петровне.

7/IV 1905.

Дорогая тетя Лиза и дорогая Ната! Во-первых, тысячу благодарностей за все прелести, вами присланные. Вы хотели, чтоб я с утра до ночи была окружена предметами, напоминающими вас: встаю и пью чай из Наташиной чашечки, любуясь на Фузияму—любимицу—снеговую гору японцев,

[1] Хозяйка (Нечаева), у которой в Нёноксе жила Александра Ивановна одно время.

и на наивных птенчиков, перед нею стоящих... Иду гулять, стягивая воротник шубы вашим аграфом; читаю с Грушей по вашей книге, вынимаю деньги из вашей шкатулки, ем виноград, присланный вами, и, когда жарко, с умилением вынимаю японский веер. Возможно ли так наполнять собой чужую жизнь?? И в довершение всех благ — щенок, которого только и недоставало, чтоб придать всей обстановке семейный характер, как говорит Ал[ександра] Ив[ановна]. Обыкновенно, где радость, там и огорчение, и Лучек [1] меня огорчает тем, что еще до сих пор гадит иногда в комнатах, а то бы прекрасный пёсик был, только по ночам ходит по всем углам, и Ал[ександра] Ив[ановна] не выдерживает — берет к себе на кровать. Ест он чудовищные порции овсянки и молока, кусает ноги всем и каждому и вообще ведет себя, как все гениальные собаки. Но скажи, пожалуйста, Наточка, где ты его добыла и каково его происхождение? Заметила ли ты, что у него пуповая грыжа и не знаешь ли, пройдет ли это или его придется везти в Москву для операции, как думает Ал[ександра] Ив[ановна]? А еще не знаешь ли, можно купать таких собак в младенческом возрасте или нет? Ал[ександра] Ив[ановна] уверяет, что до году нельзя делать этого, уж не знаю, по какой причине для собак полагается такое отсутствие гигиены. Должна также сообщить вам, что Лучек на улице поедает извержения людей и животных, и однажды мне пришлось с грустью произвести собственноручно извлечение из его пасти порядочного-таки куска конского навоза. В Африке среди негров бывает болезнь, что люди начинают неудержимо глотать землю, страдают при этом меланхолией и, наконец, погибают. Но собачка далеко не меланхолична, а между тем глотает такую невозможную дрянь, будто хочет отравиться. Гуляет

---

[1] Лучек—имя, которое я дала щенку в честь Луки, т.-е. Лукашевича.

она с нами исправно, бежит охотно около нас и гоняется за курами и овцами... Ваше письмо из Казани я получила, а это мое, вероятно, придет к вам на пасху, поэтому заранее желаю вам провести хорошо праздничные дни, а у нас Ал[ександра] Ив[ановна] сделала третьего дня репетицию—пекла кулич и, конечно, вышло нечто ужасное—погубили массу материала, а Груша плохо истопила печь, так что само по себе прекрасно вышедшее и взошедшее тесто не выпеклось и нельзя было есть. Вообще Груша стала еще чаще испытывать неудачу и морить нас голодом. После вашего от'езда я ни разу не ела хорошего хлеба. Все, что она испечет, приходится превращать в сухари, но и те выходят такими, что я охотно пожертвовала бы их на Дальний Восток. Здоровье мое дней через 5 после вашего от'езда исправилось, но последние 2 недели я чувствовала себя отвратительно: слабость, тупость, апатия физическая, ночь не сплю, а весь день еле держусь, чтобы не заснуть, вообще, кажется, малокровие одолевает. Ал[ександра] Ив[ановна] выписала из Арх[ангельска] маленький, очень хороший верстачек и инструменты. Вчера я обновила его, и как постругаю (вчера и нынче), так является бодрость, должно быть, от усиления кровообращения. Пишите мне, мои дорогие, о ваших делах, а меня здесь одолевают нищие и неимущие, и я не знаю, куда от них деваться. Смеясь, говорю Ал[ександре] Ив[ановне], что мы представляем из себя кассу ссуд без % и без отдачи. Скверно жить среди нужды и да здравствует общее благосостояние! Целую вас крепко; Ал[ександра] Ив[ановна] шлет вам привет. Вы ей тоже обе очень понравились. А она прекраснейший человек.

25. Им же.

26/IV 1905.

Дорогая тетя! Дорогая Ната! 23-го я получила письмо Пети от 10 апреля, в кот[ором] сообщается, что петербург-

ское начальство согласно отдать меня на поруки вам, но что будет сделан запрос казан[скому] губерн[атору] о его согласии или несогласии иметь в его губернии такую чуму, и, смотря по ответу, отдадут или не отдадут. Затем, что для этого запроса, который пойдет канцелярским путем, потребуется 1½ или 2 месяца...

Все это кажется мне очень подозрительным и похожим на политиканский отказ, ибо, когда это слыхано, чтоб такие власти, как департамент полиции и мин[истр] вн[утренних] дел, отдавали свои распоряжения на усмотрение губернатора? А, во-вторых, возможно ли, чтоб надо было 2 месяца на вопрос и ответ губернатора?! Просто, отказать не хотят сами, а думают свалить на губерн[атора]. Кстати, Хвостов, по слухам, большая скотина.

Во всяком случае, надо бы действовать телеграфом, и я напишу Пете, чтоб настаивал на этом, ибо лучше бросить несколько рублей на это, чем бесцельно пребывать в полной неопределенности и терять дорогое время весны, которое, в случае удачи, так хотелось бы провести у вас в Христофоровке [1]. Не знаю, писал ли Петя вам, должно быть да, и во всяком случае надо бы вам или Володе понудить губернатора к скорому решению, без дальних проволочек... Здесь на пасхе была очаровательная погода, и можно было сидеть с 8 утра до 9 вечера при открытых окнах в большой комнате, но последние дни воет ужасный ветер и довольно холодно. Все же мы сегодня сделали громадную экскурсию втроем: я, Ал[ександра] Ив[ановна] и художница Строгановского училища [2], молодая девушка, мать которой была здешняя уроженка (так что у барышни здесь много родных и она живет здесь в ожидании пароходов, чтоб ехать по морю к отцу. Очень симпатичная). Мы ходили на кладбище,

---

[1] Имение Куприяновых в Тетюшском уезде Казанской губ.

[2] Александра Максимовна Удалова.

и там оказалось совсем сухо и похоже на парк: тропинки, дорожки, бугры, скаты и большой кругозор на окрестности. Я нашла много лишайников, мхов и набрала целую корзину растений, и так мне понравилось, что я предложила завтра итти туда с утра, с провизией и кофе, и буду тщательно осматривать все, что там растет. Местность, сравнительно с нашей незамысловатой равнинностью,—очень живописная, но небо удивительно бледно и никогда не бывает очень голубым, только зори ярки и продолжительны. Я и по озеру уже каталась с той же барышней в лодке. Погода была тихая, и вид воды приводил меня в восхищение: ведь я 22 года видела воду только в стакане да в дождевой луже... Больше одного раза не удалось покататься, потому что после пошли ежедневные ветры, а в ветер здесь невозможно грести. Сегодня мы устали порядочно, но, придя домой, тотчас принялись за чай, так что сейчас, без ¼ 12-ть, а я совсем и спать не хочу.

Впрочем, это не ново, ибо до сих пор у меня отвратительный сон, и только последние 2 дня просыпалась без головной боли утром.

Сегодня кончила перевод книги, осталось только оглавление, да нужно будет проредактировать. Обещали дать мне и другую, с немецкого.

Ваша собачка очень развлекает нас, хотя и хлопот с ней не мало. На ночь приходится отсылать в кухню, ибо ходит, бродит, чешется, двигается и не дает мне спать. Истязания научили ее не гадить, но она еще очень непослушна и при гуляньи доводит до хрипоты. Я одна кормлю ее и меня она, видимо, отличает от всех и хоть сколько-нибудь повинуется... Выросла страшно и такая махина будет, что скоро с ног будет валить. Но, Наташа, ты должна же мне сказать, откуда взят «Лучек» и когда день его рождения? Сколько было ему, когда ты вручила его Ал[ександре] Ив[ановне]? От вас я очень давно ничего не получала. Да вот еще что.

Почему же мне не сказали, что в Никифорове будут горячие завтраки ребятам? Я желаю участвовать.

Матушка[1] здешняя шлет вам поклон и благодарность за подарок детям: ей обе вы очень понравились, и она даже хотела, было, приписать несколько строк от себя. Ал[ександра] Ив[ановна] шлет вам поклон и ты, Наташа, готовь нам павильон! (sic!).

Целую и обнимаю вас обеих.

Ваша *Верочка.*

26. Н. Куприяновой.

27/IV 1905.

Сейчас получила твое письмо, дорогая Наташа, от 11 апреля—вот какие пути сообщения здесь весной! Но почтовый тракт изменен навсегда, и в Арх[ангельск] — почта совсем не будет ходить (и из Арах[ангельска]—тоже); все идет по *Онежскому тракту* со станции Плесецкой, и это необходимо ставить на адресе, чтоб излишне не удлинять пути. Мое письмо, хоть написано лишь вчера ночью в 12 или 1 час, успело устареть, но не стоит переписывать—вы сами увидите, что в нем есть места (о моем переезде в Каз[анскую] губ.), ответ на кот[орые] уже заключается в твоем письме. Пароходы уже начали ходить по Двине, она прошла несколько дней назад, и сегодня едет отсюда в Арх[ангельск] на лошадях до Рикосихи художница, а в Рикосихе сядет на пароход до Архан[гельска] (25 к.—переезд). Пароходы ходят 2 раза в день там, а пароход в Кузомень, где ее отец, идет в субб. Вот тебе данные о путях—никакой задержки с этой стороны у меня быть не может. Если выйдет разрешение, то багаж (книги и лишнюю одежду) пошлем из Арх[ангельска] через контору транспортов, а с собой возьмем

---

[1] Жена местного священника, кончившая учительскую семинарию в Твери, тогда очень известную.

Лучка и необходимые вещи. Ах, какая ты легкомысленная,— не отвечаешь, правда ли, что вредно мыть щенят до года? Меня очень интересует, что я поеду на пароходе «с собачкой»... Я к ней уже привыкла и хотела бы, чтоб она ко мне привязалась—она умная и препотешная, когда я на нее закричу, она моментально ложится в самой смиренной позе, грустно вытянув морду на передних лапах. Кормлю ее овсянкой и молоком; у Лучка, ведь, есть на животе небольшая грыжа, где была пуповина, и я сомневаюсь, чтоб она заросла, так как до сих пор нет никаких признаков зарастания. Не бойся разочарования с Христоф[оровкой] — природой буду довольна, но вот насчет населения боюсь, что очень темно у вас. Целую тебя сто раз и маму, и Володю [1]. Женя уже в Нижнем с 7-го апр.

Ваша *Верочка.*

Ал[ександра] Ив[ановна] будет меня провожать: она сердечно благодарит вас за ваши любезные приглашения и целует.

27. Сестре Евгении.

27/IV 1905, Нёнокса.

Сейчас получила твое письмо, дорогая Женя! Очень рада, что твои истязания и скитания кончены. Как-то вы устроите свою дальнейшую жизнь? Переезжайте-ка в родные палестины, в Казань, чтоб быть поближе к своему «именью». От Наташи я получила одновременно с твоим, она усиленно ждет нас с Ал[ександрой] Иван[овной] в Христофоровку, а я так продолжаю относиться скептически к этому проекту и об'ясняю адресование к губ[ернатору], как замаскированный отказ. Поживем, увидим. И если поедем, то с Лучком, это меня особенно занимает. Этим подарком я довольна. Он хорошая собачка и, я надеюсь, привяжется ко мне. Мы кормим

[1] Брат Н. П. Куприяновой—мировой судья.

его молоком и овсянкой, а костей у нас попрежнему, кроме своих собственных, почти не бывает. Ал[ександра] Ив[ановна] моет его скипидаром, а вчера даже одеколоном. Я, конечно, вопияла, уверяя, что сама не отказалась бы, чтобы меня натерли им, но Ал[ександра] Ив[ановна] осталась тверда и меня не натерла! После этого все блохи с Лучка переехали на нее и на меня и всю ночь по мне ходили звери, большие, жирные, неповоротливые, как гиппопотамы, так что можно было хорошо нацелиться и поймать. Я хочу послать Вас[илию] Григ[орьевичу] Иванову в Ташкент, как образец фауны; флору я уже послала: лесную бороду, лесную гриву, вереск, гипнум (мох), олений лишайник, исландский лишайник. Взамен требовала шелку и хлопка в натуральном виде, и вот сегодня от него получена открытка, портрет и извещение, что посылка выслана. Он уже посылал мне свой портрет, но пропал на почте. Живем мы тихо, мирно. Но были кое-какие знакомства, очень приятные. На-днях прошла Двина, и от Рикосихи ходят уже пароходы 2 раза в день (до Арх[ангельска]; а также идут пароходы в Соловки и к Мурманскому берегу. Не один посадский собирается отсюда на морской промысел на Мурман, и сын хозяина Миша тоже ушел топить тресковый жир... У меня попрежнему скверный сон и по утрам головная боль, и вчера, напр., до половины 3-го не могла сомкнуть глаз. Скучная история! А между тем вчера не нагулялись ли вдосталь? Ходили на кладбище, там прекрасное местоположение и совсем сухо. Похоже на парк. Я набрала массу мхов и лишайников: не богата северная весна—небо бледно, растения, бросающиеся в глаза, кроме упомянутых, брусника и вереск. Наташа привезла мне семян салата и редиски: я посеяла в ящике; в одном все вытянулось, а в другом растет хорошо и зеленеет—скоро буду салат есть. Озеро уже очистилось, и я однажды уж каталась. Хорошо было! На пасхе погода была чудная: окна в большой комнате с утра до ночи были настежь, но теперь холодно, и видишь,

как пишу—это пальцы окоченели. Перевод вчера кончили, теперь надо его погладить, и затем отправлю. «Страна нищих»—так зову я нашу Нёноксу! — ужасно много нуждающихся, даже тошно жить среди этой беспомощности и мне надоели с просьбами всякого рода займов (предполагаю без отдачи); в конце-концов, денег в середине месяца осталось так мало, что нехватило на прокорм. Конечно, беды большой не произошло, так как у Ал[ександры] Ив[ановны] были. Целую тебя, дорогая моя, и желаю совсем оправиться. О твоем проезде через Москву писал муж Ал[ександры] Ив[ановны]. Привет Мих[аилу] Петр[овичу]. Письмо его своевременно получила, как и астроном[ический] календарь, за который посылаю нарочитую благодарность. Детишек—целую. Смотри, покажи их мне в Нижнем, коли поеду, а я им дам шоколаду ермолаевского: Анна Влад[имировна] [1] прислала из Москвы.

28. Брату Петру.

7/V 1905.

Дорогой брат! Пишу тебе чисто деловое письмо. В числе моих знакомых здесь есть лесничий: Николай Григорьевич Пруденский, человек моих лет, не очень здоровый и потому собирающийся выйти в отставку, чтоб жить в Казан[ской] губ., где у него в Царевококшайском уезде, в 35 верстах от Казани, есть хутор с пчельником—«Морки». Повидимому, человек порядочный. Я имела с ним несколько разговоров об устройстве здесь небольшого завода глиняной посуды в виду того, что здесь обилие всякого рода глины, и вся посуда, как сюда, так и в Поморье, привозится из Архангельска, а местное население не имеет заработков и живет в

[1] Анна Владимировна Ермолаева, урожд. Унковская, мой большой друг по Петровскому уезду, где я служила в земстве. Ее муж был председателем земской управы, когда я поступила на должность.

большой скудости, хотя небольшая доза предприимчивости могла бы вывести из затруднений. В разговорах о глине не раз он говорил мне, что здесь мог бы хорошо пойти и стеклянный завод, так как весь материал и дешевое топливо—под рукой, и каждый раз упоминает имя своего друга Менига, как знатока стеклянного дела и управляющего-техника на одном стеклянном заводе недалеко от Казани, которого он помышлял перетянуть сюда, чтоб начать здесь дело самостоятельно. Но все это были мечтания, а вот реальность: вчера лесничий приходит ко мне и говорит, что тот завод, которым управлял Мениг, теперь продается недорого и что доходность этого завода громадная, и предложил, чтоб я написала тебе с Колей, не хотите ли вы приобрести его. Условия такие: продажная цена 10 т., завод с 3 печами, при нем 13 дес. земли. Владелец Мих. Вас. Лукошков, который недавно получил его по наследству от своего брата, генерала Вас. Вас. Лукошкова, и продолжать дела—не желает; название завода: Стекольный Горинский завод в Уржумском уезде. Вятской губ., Ермучатской волости, в ста верстах от Казани (а от Морков, где живет лесничий, 75 верст). Завод имел контракт с минист[ерством] финансов на поставку стеклянной посуды и зарабатывал в год 100—150%. Для оборота нужно тысяч десять же; но, по словам лесничего, такой доход можно иметь только при поставке на мин[истерство] финан[сов], что вы, по его словам, вероятно, легко могли бы устроить; без этого же доходность 50—60%. Что же касается оборотного капитала, то, говорит, можно иметь и меньшую сумму и приготовлять посуду в одной или 2-х печах, а потом расширять понемногу. По словам лесничего, Мениг ведет дело на заводе давно и любит его; сам он и лесничий не имеют денег на покупку, хотя, как пайщики, могли бы принять участие. Но без Менига, по словам лесничего, завод и покупать нечего,—с ним же—это вполне налаженное и надежное дело. Сам лесничий может быть заинтересован в этом

в той мере, что, выйдя в отставку, может на заводе вести все дело по поставке топлива, так как знает всю местность и все лесное дело, как свои 5 пальцев.

Невольно спросишь, почему же предложение обращается к вам? На это лесничий сказал мне: хочется, чтоб завод достался порядочным людям, а из каких-то моих слов в давнишних разговорах он заключил, что вы не прочь бы заняться таким предприятием. Дала ли я действительно повод к такой мысли или нет, не знаю. Быть может, я говорила только о здешней местности: вот бы братьев подбить устроить здесь завод (когда я думала, что буду жить здесь). Но вообще-то, конечно, если кому-нибудь надо пристроиться к определенному делу, то условия того завода, о кот[ором] пишу, кажется завидные. Во всяком случае, так как ты финансист, то я и сообщаю тебе, и ты, как деловой человек, отвечай тотчас же. Если ты с Колей не нуждаетесь в таком предложении, то немедленно напиши *мне*. Если же найдешь, что стоит познакомиться и разузнать, осмотреть, то пиши по адресу: Николаю Григорьевичу Пруденскому; Морки, Каз. губ., Царевококшайского уезда. Туда же можно и приехать по этому делу. Лесничий 20-го рассчитывает выехать отсюда и будет там (в отпуску, а потом, вероятно, в отставке).

На завод есть покупщики, но Менит, которому поручена продажа, почему-то не хотел бы передавать завод в те руки.—Смотри же отвечай, хоть через своего секретаря.

Я получила 60 руб., но без 1 строчки; по отрезному купону вижу, что рука Лиденьки, хотя присланы деньги от тв[оего] имени. Целую тебя, дорогой брат, а я все недомогаю. Здесь вот уже 10 дней холодно; сегодня было 3°+, а потом пошел, было, снег, а ветер так и свистит, и воет. Лечись получше! Скверно не спать! Уж лучше бы прямая острая болезнь, чем ни то—ни се.

Твоя *Веруша*.

А разбойник Колюка уж совсем забыл про меня.

29. Н. Куприяновой.

15/V 1905.

Дорогая Наташа! Пишу тебе второпях: поручаю в Арх[ангельске] отослать через контору «Надежда» по твоему адресу в Тетюши около пуда различных дешевых книг, которые мы купили в Москве, но за моим от'ездом везти сюда незачем, и я прошу тебя получить и сохранить их до моего приезда, а тогда сообща решим, как их поместить по разным читальням.

Целую тебя и маму. Твою посылку получаю, обнимаю тебя за такое внимание: но это такая красивая штучка, что для чайника я ее не могу употреблять, а буду носить на голове как украшение.

Верочка.

Не надеюсь, ч[то] скоро г.г. министры решат вопрос о переводе. Я нездорова, но не сильно.

30. Н. Куприяновой.

25/V 1905.

Дорогая Ната! Вчера получила твое письмо от 8-го мая, и если ты писала в полусонном состоянии, то, значит, это самое благоприятное время для твоей корреспонденции, ибо в сонном состоянии ты пишешь самые милые письма. Я не шучу, это—истинная правда. Никакого письма от мамы с извещением о благоприятном ответе губер[натора] я не получала, но об этом мне писали из Пб[Петербурга], от мамы же было письмо тысячу лет тому назад, [что] «хозяин губернии» сказал: ни да, ни нет. Вероятно, письмо пропало. Алек[сей] Викт[орович] [1] тоже писал по выезде из Казани об этом деле. Но пока-что, я все хвораю. Вот уже 2 недели, как десны стали совсем скверны и на них уже было 3 нарыва, из них

---

[1] Филиппов.

2 ходила прорезать в приемный покой к фельдшеру, а сейчас ангина, хотя и не сильная, и небольшой ревматизм в бедряном сочленении и в мышцах бедра; немножко лихорадит и последние 2 ночи спала гадко, а перед этим выпало такое чудо, что дней 5 спала по 7 часов, хотя и не непрерывно. Дело в том, что, кроме нескольких пасхальных дней, которые меня очаровали, здесь все время + 5° (сейчас 26 мая, идет снег) и максимум + 12, но при этом либо дождь целый день, либо ветер (что бывает чаще). Вот вчера было + 7, мы пошли гулять в поле. Местность хорошенькая—я люблю горки, овраги, лесочки... флора, хоть и бедная, но для меня имеет интерес новизны, и я внимательно смотрю повсюду, не встретится ли что-либо новое... Лишайники, мхи, мхи и лишайники; полянки с кошачьей лапкой (в роде маленькой иммортели) белеют, как у вас белеют полянки с цветущей земляникой. 20-го распустилась черемуха на холме, где кладбище; цветет брусника, голубика; поленика зацветает; богульник с его удушливым запахом еще не вполне расцвел. Низкий можжевельник, со странно лежащим, довольно толстым горизонтальным стволом и заросли брусники, с ее кожистыми листьями постоянно перемежаются белыми, желтоватыми или буроватыми плешинами, издали похожими на те клумбы цветов, которые в иных садах устроены в простом вырезе среди дернистого луга. Смешные сравнения! Ал[ександра] Ив[ановна] поднимает их всегда на-смех. Так, я уверяю, что на кладбище точно парк или «Русская Швейцария» вашей Казани, а она иронизирует, указывая на чащу из карликовой березы и на болото, к которому непременно придешь, какой дорожкой ни пойдешь. Но все же, представь себе холм, с которого открывается панорама на луга и пашни, на ряд озер, прилегающих к Нёноксе, и на море... С высоты, где стоит церковь, вниз во все стороны сползают тропинки—одни шире, другие уже, но везде сухо, потому что везде песок, а по бокам многочисленных тропочек описан-

ные полянки и описанные заросли. Право, премило; Ал[ександра] Ив[ановна] говорит: если парк, то карликовый. Это правда, японец был бы здесь доволен с этой стороны. Все деревья малорослые. Сколько я могла присмотреться, сажени 2, tout au plus, и их листва редкая, за исключением елок, но их на кладбище немного. Итак, я довольна со стороны местоположения: наша безотрадная равнина, по дороге ли в Тетюши, или к Богородску [1], к Каргале [2], не представляет ничего подобного... Но ветер! Что за ветер! Вчера, пока шли вперед, он дул в спину и теплое пальто, зимняя шляпа, 2 платка на голове, 2 пары теплых панталон делали его нечувствительным для меня. Но назад! Тело горячее от ходьбы—ветер в грудь и в лицо! Поверишь ли, в каждую-то петлю от пуговиц он проникал и все время холодные струйки бегали по рукам и по груди. Пришла—горло уже завалило. На улице не выхожу из пальто, а дома всегда сижу в ватерпруфе. И есть еще чудаки, что приезжают в Нёноксу на дачу. Мировой судья из Ар[хангельска], с 8 чел. детей приехал на месяц!! Просто страшно становится за таких дачников. Верно привычка, здоровье и возраст тут много помогают. Рассказывают же мне, что в Керети и Кузомени (смотри на карту—южный берег Кольского полуострова) зимою девушки ходят в одних только вязаных кофточках! Ведь и здесь они, впрочем, ходят *без* шуб, в кофтах на вате. Милая Наташа, целую тебя и маму с Володей. Дай тете Лизе Головне прочесть это письмо, ибо я еще не собираюсь сейчас отвечать ей и мне предстоит много писанья. Из Пб[Петербурга] я получила сто руб. от Пети на путевые издержки, но ответа от начальства еще нет. Вчера я была глубоко огорчена: в гроб Шлисс[ельбурга] вколочен последний гвоздь: митрополит говорил государю о тамошних заключенных. Нет надежды на их освоб[ождение]! Марья Мих[айловна] пишет, что отрица-

---

[1] и [2] Селения Тетюшского уезда.

тельный ответ указывал на будто бы происходившее участие в деле с вел[иким] кн[язем] Серг[еем] Алекс[андровичем] старых (т.-е., должно быть, из помилованных в Сибири) революционеров.

Твоя *Верочка.*

Прошу тебя! Если меня отпустят в Казан[скую] губ., то мы поедем на Богородск и мне будет трудно, если будет большая встреча. Если захотите, то пусть встретит мама или ты, или вы обе, но не больше, в Каз[ани] или в Бог[ородске], как вам будет казаться лучше. А то я буду плакать, если тетя Головня будет.

31. Сестре Евгении.

8 июня 1905 г. Нёнокса.

Дорогая Женя! Свершилось— я еду в Никифорово, Христофоровку [1], на Улему [2]... И грустно! и тревожно возвращаться, почти целую жизнь проведя в разлуке с этими местами.

Офиц[иальной] бумаги еще нет у меня и не знаю, едем ли со свитой, или по проходному. Из Арх[ангельска] пошлю телеграмму на твой адрес. Если ты будешь на даче, распорядись, чтобы она во-время тебя предупредила, чтоб я могла обнять всех вас. Мы уже укладываем вещи и живем кое-как. Приехала молодежь Ал[ександры] Ив[ановны], впечатление приятное. Будут ли они с нами или отправятся поперек Кольского полуострова—не знаем еще.

Полиция попрежнему придирается, кто ко мне ходит, и допрашивает, хотя известно, что я уезжаю.

Целую и обнимаю тебя. Не хочет ли Мих[аил] Петр[ович] купить стеклянный завод в 75 верстах от Казани, продается за 10 тысяч; завод Лукошкова; Петя знает этот завод (в

---

[1] Родные селения. [2] Улема—маленькая река, приток Свияги.

Уржумском уезде, Вятск. губ.). Мне кажется, что это лучше, чем бухгалтерия в Питере. Подробности можно узнать у лесничего Николая Григорьевича Пруденского, он живет в Морках, Царевококшайского уезда, Каз[анской] губ. Я почему-то думаю, что стекло подходит Мих[аилу] Петр[овичу], как технологу. Этот лесничий жил здесь и теперь в отпуску; он порядочный человек, и от него-то я слышала о хорошо поставленном производстве этого завода. Оля пишет, что вы купили с ней участок в Туапсе. А что же меня не приняли? Примите—я хотела бы для товарищей.

Целую вас.

32. Вере Дмитриевне Лебедевой [1].

8/VIII. 1905.

Дорогая Вера Дмитриевна! Сейчас получила ваше письмо от 30-го. Почта из города так ходит неправильно, что такое быстрое получение кажется просто необычайным. Ал[ександра] Ив[ановна] вам расскажет обо мне и о путях сообщения все, что вас может интересовать, так что писать не стоит. Отчего вы не скажете М[арии] Мих[айловне], чтоб спросила Мих[аила] Фед[оровича] [2], написал ли вам? Думаю, что с ним не случилось ничего; хотя от М[арии] М[ихайловны] я уже давненько не получала ничего. Да, Вера Дмитриевна! Вот и 30-е прошло и сегодня привезли нам манифест, варварским языком оповещающий неведомо о чем или, лучше сказать, о чем-то, что дурно пахнет. И что за каша теперь русская жизнь! Вы пишете, что у вас тишина, но не благодать. Здесь то же самое—помещики и крестьяне в ржаном далеко не собрали семян. Было 9—10 телег с десятины хозяй-

---

[1] Друг чайковцев и народовольцев в Москве. (Письмо из Казанской губ.).

[2] Фроленко.

ственной. Яровое—среднее; греча вполне неудачна. К тому же во многих местах град выбил поля. Когда я ехала, то положительно была поражена чахоточным видом нив, а потом, когда стали жать, в иных местах нельзя было узнать, видишь ли ржаное поле или луг: редкие колóсья исчезали среди трав. В политическом же отношении все более, чем благополучно—в этом уезде, можно сказать, вполне девственная почва. Земство бездеятельно и бесцветно; учительский персонал смирен и принижен. Одни земские начальники представляют торжествующую свинью. Впрочем, я слыхала, что есть сознательные, развитые крестьяне, но это уж, кажется, никак не плод тлетворных учений и чьих-либо индивидуальных усилий... В Казани был с'езд крестьян из некоторых уездов, но из нашего никого не было. Сколько было там действительно коллективного, не умею сказать, но язык принятых резолюций не похож на крестьянский. Вообще край, повидимому, далеко отстал от передовых, и я еще не видела ни одной черточки, которая указала бы на прогресс сравнительно с 70-ми годами. Конечно, я видала и слыхала еще слишком мало. Но ведь в Нёноксе я, напр., имела случай видеть рабочих, возвращавшихся из ссылки, и впечатление было чрезвычайно благоприятное: *таких* рабочих в 70-х годах не было, кроме немногих единиц; теперь же они считаются по крайней мере сотнями, если не тысячами. А деревня еще дремлет что-то. Это не значит, чтобы и в здешних местах не помышляли о землице, и были случаи, на границе с Симбирской губ., что крестьяне подвергли помещика Теренина чуть не домашнему аресту и вынудили у него: в одном имении прощены порубки, а в другом [даны] льготы по аренде.

Обо мне лично́ вы узнаете, дорогая Вера Дмитриевна, у Ал[ександры] Ив[ановны]. Только мои десны все не поправляются, несмотря на скучное и громоздкое лечение. А вот, что я хотела бы сказать вам. Не подходит для Мих[аила]

Фед[оровича] [1] жизнь у Марьи Мих[айловны]! Ему не то надо. Хлопочите, если он выйдет, о Ташкенте или Кавказе, где его родина, и затем там ему надо дать возможность завести хозяйство. А в общине ему решительно делать нечего. Ему нужен участочек земли и благорастворенный воздух. Уж, если хотите, у *вас* в деревне он мог бы лучше отдохнуть и осмотреться, и если вы живете недалеко от Москвы, то устроить какое-нибудь фермерское хозяйство. А вам, быть может, его отдали бы, как отдали родным—меня. А Марья Мих[айловна]—человек не от мира сего и настоящий ребенок во всех житейских делах. Ведь и обо мне Марья Мих[айловна] думала, чтоб меня в Порховский уезд [2], но я все же хоть могла бы в больницу ходить. А что же будет делать Фрол [3] там? Я решительно не понимаю, и чего ему там жить??

Целую вас, добрая и дорогая. Будьте здоровы! Вы ничего не пишете о себе. Вашему сыну передайте, пожалуйста, поклон.

Вера Фигнер.

Ермолаева [4] за границей, а он в деревне. Пишет, что были аграрные беспорядки, от которых пострадали и они. Но власти и некоторые из собственной среды считают их виновниками беспорядков, и брата Михаила Сергеевича—Константина [5], председателя Петровской уезд[ной] управы, привлекают к суду, повидимому, в качестве обвиняемого!

---

[1] Фроленко.

[2] У княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой в Порховском уезде Псковской губ. была община сестер милосердия с амбулаторией.

[3] Фрол—сокращенное прозвище Фроленко в Шлиссельбурге.

[4] Ермолаевы были владельцами в с. Ключи Петровского уезда.

[5] Константин—брат мужа А. В. Ермолаевой.

33. А. А. Спандони.

14 августа 1905 г. [1]

Дорогой Афанасий Афанасьевич! Напрасно вы думаете, что я уехала из Нёноксы, не оповестив об этом всех моих друзей и корреспондентов. Я сделала это и отправила целую кучу писем во все концы России, но, хотя, говоря вообще, мои письма не пропадали, видно, в этот раз им не посчастливилось и письмо к вам и Анне Павловне [2] не дошло по адресу. Особенного там ничего не было, только Анюте я выговаривала, что она пишет уж очень обесцвеченные письма. О вашей судьбе я прочла в «Праве» № 29, где сказано, что вы высланы на север. Первое движение было засмеяться: мне показалось забавным, что вы все стремились ко мне в Нёноксу и теперь чуть-чуть не доехали, но только не захватили уже меня. Со времени восстания «Потемкина» я сильно беспокоилась о вас и об Анюте, полагая, что в такую сумятицу могли зацепить и вас где-нибудь на улице, и все собиралась писать отсюда, когда кто-то из родных сказал о вашей высылке, а потом уж и сама за день-два до письма вашего прочла в «Праве», что вы отправлены на север. Напишите же мне об Анюте, и куда ей писать? Как вы устроились в Вологде? ведь там много ссыльных и верно скоро вы будете, как в родной семье, чувство одиночества и пустынности пройдет. Когда я уезжала, то архангельские товарищи сказали, что телеграфировали в Вологду, и вышло ужасно смешно. Сестра Лидия, сопровождавшая меня по желанию Трепова, все опасалась, что по телеграмме соберутся на вокзале ссыльные и выйдет шумная демонстрация. Вот уже вечер, и мы под'езжаем к Вологде. Лиденька волнуется и составляет план успокоительной кампании, я волнуюсь от ожидания встречи с незнакомыми товарищами; бегу в убор-

---

[1] Из Христофоровки.

[2] Корба.

ную ватона мыть руки в ожидании многих рукопожатий; Александра Ивановна Мороз, жившая со мною вплоть до от'езда и ехавшая с нами же, тоже приготовляется и надевает кружевную косынку. Готовы. Сидим. Вот вокзал. Лидия выглядывает... пустота. В одну, в другую сторону—все пусто, все безлюдно. Тогда мы начинаем хохотать (над своими ожиданиями) и, сразу успокоившись, идем пить чай в зал. Мы думаем, что телеграмму из Архангельска, верно, скрыли жандармы. В Ярославле и в Нижнем приходили товарищи и были мелкие инциденты с «серыми шляпами», двумя шпиками, сопровождавшими меня, а в Казани губернатор не пустил меня даже ступить на землю, а из товарищей не было никого. Вероятно, вы знаете, какой гнусный надзор думал губернатор учредить надо мной или, лучше сказать, во всем доме тети. Теперь все устроилось, и два конных стражника без коней живут в крестьянской избе против усадьбы, ежедневно приходят к тёте утром спросить о ее здоровье и «не будет ли выезда», а в случае последнего идут пешком или едут на лошади в то селенье, куда еду я: к брату или к сестрам, жившим летом в 7 и 8 верстах от Христофоровки, где у тети Елизаветы Викторовны Куприяновой проживаю я. Вы спрашиваете, как я живу? Я недовольна, как я живу... Шум и общество расстраивают мне нервы; а в семье без того и другого обойтись невозможно. Это раз. А второе, я все время чувствую, с тех пор, как я вышла из Шлис[сельбурга], упадок умственных сил: мне трудно читать серьезные и сухие книги, устаю и не запоминаю. Иногда даже нужное письмо трудно написать. А физически с переездом сюда исчезла бессонница, которая меня мучила в Нёноксе, и горло здесь еще не болело. Но приходится серьезно лечить десны или челюсть: скоро приедет из Казани зубной врач, а пока ежедневно прополаскиваю перекисью водорода каждый зуб снаружи и изнутри, вводя тонкий шприц между зубом и десной (под последнюю)—все десны отстают от зубов, которые

сидят точно в пустых мешочках (кроме 3-х, которые здоровы). В этот раз не буду писать, какая здесь глушь, безлюдье... о том, что здесь я, как овца без стада. В Шлис[сельбурге] я так привыкла к товариществу, к сотрудничеству, что стала чем-то в роде «пальца от ноги». В Нёноксе тоже чувствовалась живо связь со своим стадом: постоянно возвращавшиеся ссыльные заезжали ко мне и с Архангельском были постоянные сношения. Здесь же ничего подобного нет. Скорее бы пустили меня на все 4 стороны. Знаете, я тогда поехала бы путешествовать инкогнито, пока не накопилось бы желания быть с людьми, желания говорить, делиться впечатлениями, вообще пока накопилась бы скрытая энергия, которой нужен выход, а теперь у меня нет охоты говорить, ни тем более писать воспоминания, о чем мне часто напоминают. Всего хорошего вам и привет товарищам.

Вера.

34. Сестре Евгении.

18 августа 1905 г. Христофоровка.

Дорогая Женя! Твое письмо из Казани получили, и напрасно ты так волновалась из-за ключей и оплошности Тани [1], так как, ведь, сейчас же Наташа заметила это и мы привели все в полный порядок, и вообще все, о чем пишешь в письме, сделано. Прочти, пожалуйста, прилагаемое письмо из Арх[ангельска] от Дивильковского [2] и позови Ергина [3], чтоб он прочел и поступил по своему крайнему разумению. Этот Дивильковский писал мне в Нёноксу о Бызове [4] и рас-

---

[1] Дочь сестры Лидии Стахевич.

[2] Бывший архангельский административно-ссыльный.

[3] Бывший ссыльный в Сибири.

[4] Быков—солдат из Алексеевского равелина, судившийся вместе с другими по делу о сношениях Нечаева с Исполнительным К-том «Народной Воли».

хваливал его, при чем просил найти место и говорил, что Бызов прежде пил, но теперь перестал. В этом же письме пишет противоположное и не велит даже давать ему денег на руки. Между тем, на основании первой рекомендации Бызову предложено место как-раз у денег; место, требующее особенной аккуратности и трезвости. Чрезвычайно досадно, что доверилась рекомендации незнакомого человека, и стыдно перед Григорьевым [1], так как, кроме чепухи, из этого места ничего не выйдет. Не найдете ли вы в Нижнем какую-нибудь функцию безвредную, где бы Бызов мог себя пропитывать? В первом письме Дивил[ьковский] писал, что Бызову правительство выдает пособие на устройство крестьянского хозяйства, и не знаю, почему бы ему не заняться этим? Див[ильковский] писал, что тот уже стар и ему трудно крестьянствовать. Быть может, это и так. Во всяком случае, постарайтесь как-нибудь его устроить, чтобы он не сидел пенсионером; я очень боюсь, чтобы не вышла из этого тягостная для всех обуза. На место же конторщика, по-моему, он совсем не годен и может только скомпрометировать себя. Нет ли в «Надежде» какого-нибудь места в самом городе, где можно бы следить за Быз[овым] и где нет денежной ответственности? Напиши мне поскорее обо всем этом. Целую всех вас крепко.

С Лиденькой пришлю 1 р. 51 к. за пересылку Пан[кратову] и еще за посылку щипчиков, так что дам ей 2 руб.

От Сур[овцева] получила еще письмо от апреля. Деньги на корову он получил и очень благодарит. В этом письме виден под'ем духа от полученного им известия о созыве Зем[ского] Соб[ора] и кончает выражением надежды на свидание. Он пишет также о страшно невыгодных условиях труда над землей, о трудности скотоводства единоличными усилиями (в один месяц надо накосить сена почти на целый год). Вот, если он воротится, будет еще кандидат на Туапсе. А

[1] Служащий в конторе „Надежда".

если они там будут жить, то я с великим удовольствием тоже уехала бы туда, чем жить здесь «без определенных занятий». Впрочем, Суровцев против всякого наемного труда; но мы могли бы ему выделить кусок для личной обработки. Вообще если Мих[аил] Петр[ович] поедет осматривать, то пусть имеет в виду возможность вкупиться в долю нам или купить другой участок и, оценивая все условия, напр., наличность других участков, климат, трудность или легкость обработки, стоимость построек, посадок, сбыт, цены жизненных продуктов и т. д., пусть сообразит, *возможно ли и выгодно ли* там осесть интеллигентным людям, умеющим работать и любящим плодоводство, пчеловодство, огородничество, или же все это праздные мечты, котор[ые] лучше выбросить за борт. Очень прошу Мих[аила] Петр[овича] внимательно отнестись к проекту приобретения там куска земли интел[лигентными] людьми-работниками с небольшим капиталом—тысячи в 3 на все: т. е. постройку, посадку и прожитье при вкладываньи личного труда 2-х мужчин. А если бы я туда уехала, то мы жить могли бы на мои деньги. На простую жизнь хватило бы.

Вы не подумайте, что дело идет об интеллигентной колонии. Нет, уже в колонию я никак не пошла бы. Но, ведь, надо же поле деятельности для товарищей, нужен приют и угол. Мечтать о деятельности политической или культурной сразу для человека из Шл[иссельбурга] или Сиб[ири] нечего, по тысяче причин, а дело, где-нибудь не на юру, нужно. Я знаю, Фролу было бы хорошо где-нибудь в благорастворенной Фиваиде. Поэтому, я прошу Мих[аила] Петр[овича] собрать и записать все в цифрах.

Вера.

Напиши мне о Бызове. Куп[рияновы] все вам шлют привет. Сегодня Володя уехал, а вчера приехали Молоствовы (предводитель двор[янства]). Жена заговорила о Толстом, я

воспользовалась брошенной темой, и произошел серьезный разговор о взглядах ее. Я нарочно разговорилась, чтоб завязать знакомство, так как Володя говорил, что они позовут к себе. Они не приглашали, и я смеялась, что напрасно развела пары, могла бы и помолчать, а не выручать Лиденьку [1], кот[орая] просила помочь ей занимать гостей. Впрочем, она довольно интересная, интеллигентная; отчасти заражена толстовством, но не стоит за непротивление злу.

35. А. А. Спандони.

2/IX 05.

Получила вчера ваше письмо от 24-го августа. Опять вы пришли в телячий (с позволения сказать) восторг, дорогой Афанасий Афанасьевич. Но это лучше, чем тоскливость. Только, пожалуйста, не смущайте меня сообщениями о том, как товарищи мной интересуются. Уверяю вас, это угнетает меня: я совсем не в состоянии быть на высоте «интересного» человека. Сергей Юльевич Витте—вот он может, а я не в силах. Напротив, я чувствую себя крайне неинтересной, и мне приходится делать усилие над собой, чтоб хоть кое-как поддержать беседу. И необходимость этих усилий угнетает меня, как признак, что я все еще не я. В самом деле, я чувствую себя такой не энергичной и мне так не хочется в таком виде встречаться со старыми друзьями, что, говоря откровенно, я не хотела бы, чтобы ни вы, ни кто другой приезжал ко мне. Мне необходимо как-нибудь восстановить свои силы, но сама не знаю, чем и как? У меня нет определенной цели в жизни сейчас, или я просто недостаточно здорова теперь для этого. Я не могу жить хоть на свободе, но точно в тюрьме, нет, хуже, чем в тюрьме, потому что там долголетняя привычка создала тысячу подпор, и как это ни

---

[1] Младшая Куприянова.

звучит странно, но там у меня было товарищество, а теперь его совсем нет, а между тем я уже органически стала общественным человеком, не в силу особенной добродетельности, а просто в силу привычки. И у меня такой разлад внутреннего настроения и внешней жизни, что трудно представить себе что-нибудь подобное. Прошу вас, не делайте этого письма достоянием публики. Если я пишу, то только потому, что вы все рветесь приехать ко мне и может быть даже, что при приезде на два, на три дня, я вас надула бы, и вы не заметили бы, что я чувствую себя неестественной. Меня и переписка стесняет, и я должна сказать, что больше разу в месяц я не могу писать. Вся моя энергия расход[ует]ся на письма. В шутку я говорила сестрам, что, если что и погубит меня, так именно письма. Ведь вот, если бы вы приехали, вы стали бы расспрашивать, а рассказывать тяжело, и тяжело повторять одно и то же, потому что более или менее все хотят знать одно и то же. Пожалуй, я нагнала на вас печальную задумчивость. Но что же делать: все меня бередит, и я *ощущаю* довольство (не возбужденное, а спокойное), когда я в открытом поле и вижу все небо, широкий горизонт, простор, а то ото всего плакать хочется.

Полагаю, что это—«малокровие», как однажды назвал Новорусский одно мое грустное стихотворение, или я не умею уже жить, отвыкла от жизни, от того, как все люди живут. Вы желаете мою карточку; можете получить некоторое подобие ее, хотя с закрытыми глазами—это группа архангельцев при встрече. Мне на-днях прислали. Ничего себе. Вы спишитесь с Арх[ангельском] и получите. Они часто ездят в Вологду. Ну, не претендуйте за эту кислоту и не считайтесь со мной письмами. Василий Григ[орьевич] и мне не пишет, но он невредим. Там был Бибергаль [1] и говорил сестре, что Иванов процветает. О родственницах Лаврова знаю.

---

[1] А. Бибергаль, бывший каторжанин.

36. М. Ю. Ашенбреннеру [1].

16. IX. 05.

Дорогой Михаил Юльевич! Я получила ваше письмо давно, но по рассеянности не отвечала. Обыкновенно у меня на очереди несколько ответных писем, но эту очередь держу в уме: не мудрено, что нередко оказываются «забытые» и отсталые. К тому же точно с неба упал Спандони, проявившись в Вологде, и мне пришлось отвечать на его приветливое послание. Он, между прочим, упоминал, что у вас спрашивал, где я. А я из Нёноксы извещала, что уезжаю сюда, но письмо не дошло. Вас, конечно, не пустят в отпуск сюда! Это были фантазии, а мне здесь так не нравится, что я за это время много раз жалела, что я допустила хлопотать о моем переводе. Если-б не этот скверный, холодный ветер в Нёноксе—это он угнал меня оттуда! Моя жизнь здесь — страшная чепуха, потому что отвычка от обыкновенной житейской обстановки и житейских отношений вскрывается здесь самым острым образом, и главное, я чувствую себя страшно одинокой, там не было так; там я могла сказать: «придите!», и хоть незнакомые или малознакомые друзья тотчас явились бы ко мне. Да они и шли ко мне без зова: все возвращавшиеся из ссылки искали меня и заходили, потому что через Нёноксу идет этап, и из Ар[хангельска] приезжали ко мне. Никогда в жизни не чувствовала я себя столь одинокой—разве, быть может, только перед арестом! А в Шлисс[ельбурге] и говорить нечего! Разве было там одиночество, когда внизу был[и] Ново[русский] и Лука[шевич], сбоку Мор[озов], Стародворский, Ан[тонов]. А затем, я теперь потеряла назначение в жизни. Пока мы жили, и после, когда были в тюрьме, у меня было назначение в жизни, а теперь я потеряла его. И мне кажется так ужасно жить без

---

[1] Христофоровка. Недоконченное и неотосланное письмо Ашенбреннеру.

этого! В первые месяцы я так часто слышала возгласы, что мне выпало счастье выйти из тюрьмы в период обществ[енного] пробуждения, и, действительно, личные впечатления вполне подтверждали это пробуждение. Но надежды с тех пор порядочно поблекли, а пульс жизни здесь совсем не чувствуется. Да если бы и сбылось все, о чем мечтают все русские люди, желающие свободы, ожили ли бы мы? Право не знаю, чем об'яснить, но я чувствую себя во всех отношениях менее бодрой и душевно здоровой, чем была в Шлисс[ельбурге]. Почему? Может быть, преувеличенная в тюремной обстановке скорбь о матери унесла у меня слишком много сил, а не вернее ли то, что среди привычной обстановки...

37. А. А. Спандони.

26/IX 05.

Уж 3-й лист, дорогой Аф. Аф., пишу вам: напишу и разорву, начну—и не нравится. Иногда уж заколодит—так никак не вылезешь. Беспорядок в голове, так и письма упорядоченного или порядочного не напишешь. Это случается со мной и в речи, начинаю говорить плохо, нестройно—верный признак, что лучше надо молчать, гулять, хорошенько спать. Сейчас солнце светит и на дворе хорошо. Две вещи хорошие оказались за этот год—первые впечатления от изменения в нравах, от зрелища того, как далеко шагнула жизнь в смысле общественного сознания; удовольствие, что мы уже не одиноки, не покинуты всеми, как чувствовалось в 84 г... Это одно, а другое—небо, широкое, не стесненное ничем. Когда выхожу одна в поле, непременно одна, и вижу только зеленое поле да небо, то чувствую себя в блаженном состоянии и, кажется, все шла бы и шла вперед и вдаль и никогда не устала бы. Только с непривычки боюсь встреч с прохожими—неприятно, когда одна и навстречу — незнакомые люди. Впрочем, у меня с собой собака Лучек, купленный под Москвой кузиной Наташей за сен-бернара, но кажется —

помесь. Все-таки он большой и с виду страшный—его побаиваются чужие. На деле же это пока еще теленок: ему шесть месяцев и характер у него еще не выработался. Меня он любит и иногда чуть с ног не сшибает, когда я уезжаю без него, и затем происходит радостная встреча. Уж, верно, вы не знаете, какое приятное чувство волнует человека, когда собака с визгом кидается к вам в колени и трепещет и лижет в левое ухо, которое я ей подставляю для поцелуя. Милый Лучек—он мне доставляет положительно радостные минуты, несмотря на все его недостатки, перечислять которые не буду. Когда-нибудь вы увидите эту собачку (величиной почти с теленка), и он и вас обласкает, ибо он вообще ласковый, а пока можете увидать на группе, о которой писала в прошлый раз. Только здесь он значительно вырос против Арх[ангельска]. Последние дни я ездила в Никифорово и там занималась древонасаждением. Мне нравится мысль, что каждый человек должен не только стремиться к улучшению жизни, но и к украшению земли. У Бальзака в одном романе священник, при виде одной страдающей души, указывает на бесплодное поле и говорит—превратите его в житницу и сад для окрестных бедняков... А Чехов в одном рассказе, характеризуя полную дрянность одного человека, говорит: он только брал от жизни, но ничего не давал; он не сделал ни одного доброго дела, не вырастил ни одного деревца. Эти места двух писателей были маленькой молнией, осветившей какой-то уголок в голове, и идея мне в высшей степени понравилась; мне показалось, что и я должна где-нибудь украсить, насколько могу, землю. На первый раз я посадила 27 березок на кладбище, на котором у нас почти нет зелени. Только в ограде, где спят мать, отец, няня и несколько других родственников, растут уже 35 лет 3 березы, за мое отсутствие выросшие в красавиц. Понемножку буду насаждать вдоль ограды всего кладбища разные древесные породы, чтобы была потом тень и кра-

сота. Вам, как горожанину, верно это покажется сантиментальностью, но уж это так — люблю собачку, люблю деревья! Теперь пока закончу, потому что уж довольно поздно и больше не хочется писать. Разыщите-ка мне адрес Анны Павловны [1] и напишите о себе, а то вот о себе-то вы ровно ничего не пишете. Как вы устроились, с кем видаетесь, кто вам нравится и т. д. Товарищам передайте привет и будьте здоровы и по возможности веселы. Я не описываю вам своих деревенских впечатлений, потому что кому-то из друзей писала и повторять одно и то же скучно и невозможно. Крепко жму руку.

Вера Фигнер.

От Вас[илия] Григ[орьевича] из Ташкента к 17 получила крошечную карточку с поздравлением. Мое рождение не совпадает с именинами; летом мне минуло 53 года. Я страшно жалею, что не 73. В 73 года хороший человек очарователен, и мне хотелось бы быть таковой. Перечитала письмо и вижу, что в этом 3-м экземпляре опущено, что письмо ваше с 3 пунктами получено, и я жалею, что послала тогда свою кислятину: она, видимо, огорчила вас; так забудьте ее. Иногда я отвечаю нескоро, но письма, в общем, доходят аккуратно.

Все на свете проходит—пройдут и наши огорчения.

38. В. Д. Лебедевой.

26. IX. 05.

Дорогая Вера Дмитриевна! Ваше письмо с копией я получила и благодарю вас за нее. Не помню теперь, отвечала ли я на ваше письмо, посланное раньше. Как-будто—да. Знаю только, что оно меня огорчило известиями темными и

---

[1] Корба.

неясными о хлопотах Марьи Мих[айловны]. — Может быть, не вам, а Алекс[андре] Ив[ановне] я писала, как тяжело получать непонятные новости или слухи. Во всяком случае, если и писала вам, то в письме ничего особенного не было. Не порадовалась я известию, сообщенному Мар[ией] Мих[айловной], что Стародв[орского] отпускают на родину и без всяких полицейских ограничений. Что за чепуха еще о каком-то свечном заводе в целях благотворительности церкви? Когда Мар[ия] Мих[айловна] стала посещать Шл[иссельбург], то Лопатин однажды сказал, что там запахло ладаном. Вот уж и восковая 3-копеечная свечка появилась... Нас, видимо, хотят дезинфицировать! Дорогая Вера Дмитриевна, никаких кузин в Крыму Фролу не надо. Если человек прожил 20—25 [лет] в тюрьме—жить ему трудно, но усложнять еще эту трудность жизнью в чужой и чуждой среде—это просто невыносимо. Стародв[орский] не уживется в своей семье. Что общего между ним и этой семьей? Жизнь в тюрьме, как она ни скудна и ни ужасна, самой изоляцией создает привычку к своего рода самостоятельности, хотя бы в узкой сфере, в особенности, к жизни с самим собой. Последнее развивается даже в болезненное чувство, в тягость от частого общения с людьми, хотя бы и своими. Это чувствуют в большей или меньшей степени все бывшие в долгом заключении. И что за фигура будет Фроленко у незнаемой кузины? Он будет страшно стесняться, а жить изо дня в день в стесненном состоянии духа—это что же такое?!

Целую вас, дорогая, и устраивайте, что угодно, только на свой риск, т. е. то, что вы лично одобрите и знаете, и пусть на Мих[аила] Фед[оровича] не наложатся новые оковы, не более легкие, чем прежние. Простая ссылка, зауряд со всеми,—лучше в тысячу раз. Единственное бы—климат помягче, вот и все.

Ваша *В. Ф.*

39. Брату Петру и его жене.

26. X. 05

Дорогая Настя и дорогой брат Петя! Берусь за перо, чтоб поздравить тебя, Настя, с именинами и пожелать тебе здоровья или, что гораздо важнее, хорошего самочувствия. События текут, бегут... все в движении в городах... даже мертвая Казань сражается за свободу, флаги развеваются и жертвы сопровождаются в могилу многотысячной толпой. Только деревня спит и молчание хранит. Она здесь осталась в таком положении, в каком была в Саратов[ской] губ., когда мы там жили, и отстала от города лет на 25. Здесь не совершена еще самая элементарная, подготовительная работа, нет контингента хотя бы вполне грамотных людей, т. е. таких, которые бы могли разумно читать и ясно понимать прочтенное. Я видела еще 2-х учительниц. Что за безнадежный народ! Развития никакого. Я слышала урок закона божия: это нечто ужасное! Монотонное буквальное жужжание, точь-в-точь, как бессмысленно дьячки читают в храмах. Право, жаль этих детей и этих учительниц. Никак не думала я, что школа может быть так обезображена...

Вот уже 10 дней, как у меня живет Уля [1]. Она мне очень полезна и с ней мне легче переносить это беспредметное житие среди пришибленных людей. Мы гуляем, читаем («Гимназисты» Гарина), занимаемся арифметикой и грамматикой (с большой натугой); я стругаю на верстаке доски для будущих ульев; Уля приводит в порядок все комнаты, так как Аннушка [2] решительно неспособна к этому, и теперь у меня очень чисто, а то хламу тут всякого накопилось веками.

---

[1] Девушка из Нёноксы, которую я выписала, чтоб подготовить за 4 класса гимназии для поступления на акушерские курсы. В настоящее время общественная работница (уже в течение нескольких лет) в Сарапуле.

[2] Стряпуха.

Но, что мы ни делаем (а,—еще играю на рояле), все же день бесконечно долог, и я нахожу, что 24 часа в сутки следовало бы сократить. Переводами не занимаюсь, голова моя решительно не может работать: от всего мало-мальски серьезного сейчас чувствую непобедимую усталость. Если бы не это—я уехала бы, чтоб быть на улицах и площадях и участвовать со всеми в том, что со стороны представляется каким-то опьянением свободы.

Целую и обнимаю вас обоих, а также всех родных.

Ваша *Веруша.*

40. Брату Петру [1]

29. X. 05.

Дорогой брат Петя! Твое письмо я получила сегодня и на вопросы о никифор[овском] хозяйстве отвечу после, собрав сведения на месте. Я не была там недели 2; засела тут и двинуться не хочется, тем более, что это такая канитель—велеть приехать лошади, ехать туда и гонять ее целые 28 верст и занимать возницу целый день. Устанешь и сама до смерти, нахолодаешься... Поэтому я просила фельдш[ерицу] приезжать для зубов ко мне, благо теперь она здорова; и она ездила 2 раза в неделю. Но теперь Уля уже пробовала ее заменить, и завтра фельдш[ерица] будет в последний раз. Я ей уже заплатила один раз, а завтра дам еще, а без промывания перекисью водорода зубы уже не могут оставаться: начинается сильнейшая боль, так что до поры, до времени надо поддерживать покой этим способом.

Ты спрашиваешь о благотворительности. Я—не благотворю. Я так далека здесь от населения, что нельзя и сравнить с Нёноксой. Живешь на отскоке, собаки злые не пускают ко двору и население не привыкло ходить в усадьбу. Даже нищие ходят по беднякам, а в барский дом не заходят. Народ до-

---

[1] Из Христофоровки.

едает рожь и на проданный овес покупает ее. Не знаю, как ты смотришь и что ты скажешь? Крестьянам—негде покупать рожь. У Семенова [1] есть она, но он продал одному сюкеевцу [2] 1.000 пудов и еще имеет, но по мелочам не велел продавать. По-моему, это—нехорошо, и я думаю, надо бы дать приказ продавать народу по мелочам за рыночную цену. Сегодня здешний крестьянин говорил мне, что он купил бы пудов 20, да негде. Это ненормально. Ведь дело только в удобстве: помещику удобнее продать 1.000 пудов, чем 50 раз по 20. Но в год неурожая и смуты можно бы уж войти в положение окружающих. Запасной (в магазинах) хлеб еще не раздается, хотя народ просит об этом земского, и эта отсрочка вызывает неудовольствие, п. ч. заставляет что-нибудь продавать из скота, лишь бы иметь деньги хоть для покупки,—ржи нет у крестьян.

По части благотворительности я предполагала с рождества устроить столовые, если будет возможность. Наташа послала в пироговское общество врачей подсчет необходимого продовольствия, и, вероятно, будет общественная помощь, но и без нее надо будет что-нибудь сделать, а так, пока, я распорядилась только, чтоб, кроме старухи Антоновой [3], которая обращалась к Насте и которой выдают 1 пуд ржаной муки в месяц, выдавали по 1½ пуда несчастной слепой на оба глаза. А еще очень просит вспомоществования жена работника Петра (в старой усадьбе). Петр служил 15 лет у вас и теперь ушел по болезни, не дозволяющей ему работать. Ходит на поденщину, когда может; 4 детей и жена. Есть нечего. Я думаю, им необходимо дать тоже хотя небольшую месячину. Петр не может быть даже сторожем ночным, у

---

[1] Владелец части земли в Христофоровке—Н. С. Семенов, муж рано умершей тетки Варвары.

[2] Крестьяне с. Сюкеева.

[3] Антонова—крестьянка с. Никифорова.

него какие-то ужасные боли в желудке—должно быть, рак. Единовременно, по просьбе его жены, дала записку на 1 пуд муки.

Вот и все в этой области.

И ты, и сестры спрашиваете, какое впечатление произвел в деревне манифест? Но о нем в деревне даже и слыхом не слыхать. Ведь и я только из газет узнала, а кто же получает здесь газеты?—это величайшая редкость, а в Никиф[оровскую] библ[иотеку] читать газету никто не приходит. Но события из внутренней междоусобицы, особенно из Казани, доходят и боюсь обобщать,—но как-будто в самом нежелательном виде. Говорят о бунте, о том, что некоторые хотят свергнуть царя и что избиения были из-за этого последнего обстоятельства. Я слышала этот рассказ с неодобрением со стороны рассказчика по отношению к бунтарям. Или же не знают, как относиться к совершающимся фактам, и во имя чего они совершаются. О выборах здесь я ничего не слыхала.

О Володе [1] Борис [2] теперь вам все уже сообщил; я думала, Лида Купр[иянова] с самого начала знала, в чем дело, а потому не писала. Теперь Володя дома, пальцы двигаются, а в локте делают очень болезненную гимнастику, чтоб не образовалась анкилоза, т. е. неподвижность сочленения. Ключи я получила, ими нельзя было отпереть ни погребца, ни граммофона, хотя я звала даже Степана Вас[ильевича] [3], но, видимо, ключи оба не те, и это странно при аккуратности Насти. Ключи увез к вам Боря.

Прочла вчера «амнистию». Тьфу, пропасть! Три года еще жить пригвожденной—по нынешним временам—это все равно, что ничего: ведь в три года можно умереть несколько

---

[1] Куприянов, мой двоюродный брат, на охоте прострелил себе руку.

[2] Стахевич.

[3] Приказчик в Никифорове.

раз.—Ты пишешь кое-что о необходимости воспользоваться тем, что дают обществу. В том-то и дело, что дают-то слова одни—оттого и не верят и мобилизуют рабочих.

41. Брату Петру.

2. XI. 05.

Дорогой брат! Поездка за границу во многих отношениях улыбается мне, но только по силам ли она нам в финансовом отношении? Взвесь это хорошенько. Особенно жалко денег на шпионов, если потребуют, чтоб были провожатые. Нельзя ли избавиться от этого? Потом, пожалуй, потребуют, чтоб кто-нибудь из родных сопутствовал мне до границы, это тоже накладной расход, обязательность которого тоже желательно было бы сбросить. Я написала Евгении, не вздумает ли она посетить сына? Тогда мы отправились бы самым демократическим образом, в 3-м классе.

Целую тебя и буду ждать дальнейших извещений.

Я уже писала, что о манифестах в деревне ничего не знают, моя полиция здравствует попрежнему.

Целую Настю и тебя.

Ваша *Веруша.*

Алекс[андра] Ивановна в Лозанне.

Тетя Головня сейчас у меня. Она вас всех крепко целует.

42. Сестре Лидии.

10/XI [1905 г.][1].

Дорогая Лиденька! Благодарю тебя за радостные вести и за доброе письмо. Милая моя, хорошая! Раскошелилась ты и хоть «чувствуешь отвращение к писанию писем», но написала, и притом предлинное. Целую тебя крепко, крепко за это, но не смей насильничать над собой, только при случае

---

[1] После амнистии, вызванной революцией.

посылай несколько строчек со сладкими словами (ты смеешься?). Конечно, я страшно рада за товарищей, особенно за то, что их освободила революция, а не прошения родных или кого-либо другого. Благодарю тебя, что ты исполнила за меня все, что было нужно для извещения родных моих товарищей и по оказанию им всякой поддержки. Я только боюсь, что товарищи окажутся в условиях, подобных моим. Тяжело жить без обычной товарищеской атмосферы, тяжело жить среди мертвой деревни. А она здесь, по крайней мере, спит глубоко. Неразвитость доходит до того, что даже фельдшерица не знает, что такое свобода совести, и думает, что это что-то другое, чем свобода вероисповедания, а крестьяне в Никифорове и Вас[ильевке] думают, по словам Лидии Николаевны [1], что свобода совести, это—свобода от всякого начальства, полное отсутствие его, и говорят—этого нельзя, нам этого не нужно, это студенты выдумали. Не знаю, правда ли, но и здесь при Куп[рияновых] один очень неглупый мужик, заметно оживляющийся при слове «земля», говорил, что никаких госуд[арственных] дум не надо: как раньше было, так проживем и дальше, и что никакого толку из этого не выйдет. В противоречии с этим, каждую частичную перемену, которую ему называли, он одобрял, но понять связь частностей с общей переменой строя уловить не мог. И в самом деле, где не сеяли, разве можно что-либо пожать? Одна голая грамотность, без всяких культурных воздействий—книг, газет и людей — могла ли воспитать хоть капельку политического смысла и хоть какую-нибудь широту взглядов? Теперь я видела 7 учительниц—все это печальные, безнадежные люди.., и что может представить учительница (церковно-прих[одской] школы), получающая 10 руб. в месяц? Было бы чудом иметь за 10 руб. учительницу хорошую,

---

[1] Учительница, приглашенная нашей семьей в Никифорово для повторительных курсов.

когда моя кухарка получает не менее, считая содержание ее. Я видела 2-х таких 10-рублевых. Это жалость, безнадежная жалость! Девушки без будущего, которых уж не разовьешь, не сдвинешь с места. И это—единственные люди, имевшие доступ к мужику.

Целую тебя, всех наших, а также Пашу [1] и моих друзей. Телеграмму Оли получила. Целую и благодарю. Газеты получила. Оч[ень] хорошо. Давайте еще.

Получила брошюры Бебеля и др[угие], оч[ень] хорошо. Изд. Вятск[ого] товар[ищества] от Ложк[ина] тоже получила, благодарю.

Слышала, что есть манифест от 3/XI; но не знаю что? Сегодня 10 ноября.

43. А. А. Спандони.

11. XI. 05 г.

Дорогой Афанасий Афанасьевич, ваше письмо от 2-го ноября я получила. Долго же вы не писали, и я удивляюсь силе вашего характера, что вы помучили меня, так долго не отвечая. Вы спрашиваете о Мих[аиле] Юл[ьевиче] [2] — я от него тоже давно ничего не получала, знаю только, что Панкратов, проезжавший через Нижний (где он был у моей сестры Евг[ении] Сажиной) собирался к нему в Смоленск, как он писал мне. О товарищах шлисс[ельбуржцах] не могу сообщить ничего особенного: в «Сыне От[ечества]» то же напечатано, что сообщают мои сестры. Лидия хотела быть на свид[ании] у Новорусского, а Ольга—у Лукашевича. Повидимому, это допускают, и есть надежда, что все они раз'едутся по родным, чему я, признаюсь, нисколько не радуюсь, если это такие же дикие места, как здесь. Эта буржуазная среда, где не чувствуешь дуновения привычной товарищеской

---

[1] Ивановская.

[2] Ашенбреннер.

среды.., эта темная масса с монархическим настроением, говорящая «нам бы лишь землицы немножко, а более ничего не надо»,—совсем не такая здоровая атмосфера, где бы человек мог начать дышать свободнее, чем в тюрьме. Если бы я чувствовала себя здоровой, я ни часу не оставалась бы здесь. Звучит почти насмешкой ваш вопрос, не свободна ли я? Разве вы не поняли манифеста—через 3 года я буду иметь свободу передвижения, кроме столиц, и стану сосланной на житье. Право, хохотать можно, если бы не верить, что все это эфемерно. Мои полицейские сидят в деревне, как и ранее, и вообще в деревне решительно ничего не заметно, если не считать скверного. Манифест 3 ноября воспламенил крестьян. Бедняки верят в возможность покупки у помещиков необходимой до-зареза земли с помощью крест[ьянского] банка, от кот[орого] ждут полной ссуды всей покупной цены. В понедельник из Христоф[оровки] здешние крестьяне посылают в Казань ходоков к тёте на основании этого манифеста и говорят, что если она продаст (по какой угодно цене), то они вечно будут молить бога за нее и за царя. Я думаю, это большой козырь у Витте (манифест 3-го ноября) столкнуть лбами помещика и мужика. Добровольно первые землю не продадут, и мужику будет дан об'ект для страшного неудовольствия. Этот манифест *как-будто* упреждает обещания земских с'ездов насчет принудительного отчуждения частновладельческих земель с выкупом от государства. Сегодня прочла о военном положении во всей Польше. Возмутительно.

Обнимаю вас и желаю здоровья. Будете ли вы служить попрежнему?

В. Фигнер.

44. Брату Петру и его жене.

25. XI. 05.

Дорогой брат Петя и дорогая Настя! После живого обмена ночными телеграммами и всяких «будь добра», так на-

смешивших меня, наступило затишье, благодаря забастовке, и мы отрезаны др[уг] от друга. Сестра Женя приехала 16 ноября, и мы живем тихо и скромно. Только сейчас стало живо и шумно, ибо с'ехались временно обе тётки. Но завтра уезжают обе. Тётя Купр[иянова] приехала во вторник вечером, а в субботу завтра уезжает, справив свои и ваши дела. Вчера она ездила в Ник[ифорово и], Вас[ильевку] [1]. Посылаю тебе, Петя, 60 рублей, как мою долю участия в подарке. Чтобы не путать счеты здесь, нашла удобнее отослать, чем производить вычеты, но посылаю через Казань, так что ты не удивляйся:—через Тетюши неудобно. Тут идет земельная горячка. Крестьяне всполошились по манифесту 3 ноября; везде ищут купить земли. Тетя Купр[иянова] решила продать ½ Христофоровки, а ходоки пошли и к Семенову, чтоб тоже просить об этом. В Никиф[орове] осадили Женю, а васильевцы просят Колю продать десятин 400. Положение их таково, что земля им необходима, а общее настроение требует уступки. В Людоговке [2] произошли любопытные вещи. У мужа Олимп[иады] Григ[орьевны] Цельшерт было сказано в завещании, что в случае бездетной смерти ее пасынка крестьяне должны получить полный надел. Умер он после 61 г., и крестьяне вышли до его смерти на третной надел. Именье перешло, как выморочное, к дворянству. Теперь крестьяне об'явили Юрию Головне, что земля должна принадлежать им, что они готовы умереть, но не отдадут ее. Они не дали рубить больше леса и потребовали, чтобы Юрий уехал по-добру, по-здорову; принесли досок, стали забивать окна. Юрий об'явил, что уедет, но должен сдать ключи и все имущество исправнику; но крестьяне потребовали, чтоб он сдал старосте, а когда тот получил ключи, крестьяне связали его и отобрали ключи. Юрий

---

[1] Именье брата Николая в одной версте от Никифорова.

[2] Деревня под Тетюшами.

выехал. Телеграфировал губернатору и губернскому предводителю дворянства. Губернатор выслал роту солдат, и они теперь в Людоговке. Евг[ения] видела, когда они проезжали через Васильевку (пришли через Буинск).

Целую вас обоих. Наташа в Каз[ани] хлопочет о голодающих, сборы еще малы. Сегодня открыли здесь столовую на 27 чел., в Никиф[оровской] школе варят с 16 ноября на 63 чел.

Сомнительный июнь я оставила под сомнением и от тёти расчет вела с июля. Если я не получала в Нёноксе за июнь, то не беда, ибо ты много истратил на мою поездку, и я не ощущаю нужды. Мой заработок сто руб.[1] еще мной не тронут. Мы уже писали, что на юг я ни за что не поеду, мне нельзя жить среди чужих, уж лучше в Нижний, к Жене. У нас все спокойно. Крестьяне ко мне привыкают, и дети ходят за книжками чел. 12—13.

Ну, всего хорошего. Целую и сестер с племянниками.

Веруша.

Женя целует. Она не совсем здорова—лихорадка.

45. Брату Петру.

29. XI. 05.

Дорогой брат Петя! Третьего дня получили мы с Евгенией твою телеграмму, разошедшуюся с нашей, посланной 27-го. Твоя гласит о Никифорове — Казани—Ялте. Вследствие забастовки, вероятно, наше письмо пролежало или пропало. Мы писали, что в Ялту я не хочу ехать. Я не могу еще жить среди чужих и не решаюсь отправляться в такую даль. Женя улестила меня проситься в Нижний и, конечно, жить с нею—перспектива приятная. В Казани же, как мне

---

[1] Вероятно, за перевод с английского небольшой книжки о Лассале (по заказу Скирмунда, в Петербурге).

писали Купр[ияновы], нет гидропатической клиники, а отделение для нервных находится в доме умалишенных, и Евг[ения] велит мне написать тебе, что по всей России пронесется, что я сошла с ума, и еще она говорит, что я и действительно сойду там с ума!.. Нет, в самом деле: раз там клиники отдельной нет, а в Нижнем Евг[ения] хвалит разных врачей по нервным болезням, то мне куда как приятнее будет жить у ней, а не в Казани. Ты не сердись, что тебя я задергала и что выходит кавардак: заграница, Казань, Ялта, Казань, Нижний, Никифорово, — все пляшет, все скачет и толку нет! Еще скажу тебе, что мне невозможно двинуться отсюда, если не будут сняты стражники. Я хочу уехать уже без них, без этого негодного хвоста. С какой стати возбуждать все в новых и новых местах неуместные толки? И я уже тебе писала (или Женя), что с от'езда тёти 5 окт. и до 19 ноября, в течение месяца дважды мне присылалась из канцелярии казан[ского] губ[ернатора] бумага, чтоб я подписалась, что предуведомлена, что в случае посещения меня посторонними меня возвратят в Арх[ангельскую] губ. Это мне надоело, и я надписала, что буду жаловаться мин[истру] внут[ренних] дел, если такие подписки будут требоваться от меня периодически. Проглядев у стражника в первый раз бумагу, я увидела на отдельном листе предписание ему узнать, кто такой Головин, бывший у меня (это дурацкая переделка Головни—судебн[ого] след[ователя] по важнейшим делам). Верно, думали Головин московский! И еще запрос, кто такой Перимов и Борис Соломонович??!! Этого не знают, что Перимов—родственник, а Меерович—зубной врач, и оба приезжали еще при тёте!

Предложение ехать на юг даже чуждая политики тётя Головня называет издевательством, ибо на юге—полная революция, погромы, убийства... и туда—пускают!

С той поры, как здесь Уля, я предприняла холодные обтирания утром и вечером. Уля это умела делать, и вот я

чувствую себя все лучше и лучше. С Евг[ением] переводим, читаю, и бессонница бывает только в дни почты и визитов. И я возлагаю великие надежды на дальнейшие успехи. Если поеду в Нижний, то возьму Улю с собой. Учение хоть тихо, но подвигается; грамматика ей дается с громадным трудом, и я, было, отчаялась, что она поймет залоги глаголов; но, заставив ее практически делать разбор без меня на бумаге, мы достигли теперь хороших результатов. В Нижнем, быть может, найдутся для нее платные занятия, а для ученья я буду посвящать ей 1—1½ часа в день.

Мой план такой: сидеть здесь в Христ[офоровке], пока не уберут стражу, и затем ехать в Нижний, а ранней весной в Никиф[орово].

Ты ошибаешься, что стражники мне полезны. Я, видимо, завоевываю здесь симпатии. До 12 чел[овек] детей ходят ко мне за книжками, и я их привечаю разными пустяками. Ко мне относятся хорошо, и население здесь в деревне находится в патриархальных отношениях со своими землевладельцами, особенно теперь, когда Купр[ияновы] им продают ½ земли. Постоянно я слышу здесь слова—мы хотим мирно, мы хотим безобидно; мы не видели обид от Елиз[аветы] Вик[торовны] [1] и от Семенова. Если нам продадут землю—мы будем вечно о ней богу молиться.

Что касается Никиф[орова], то у тебя хотят тоже купить и говорят, что ты перенял у них землю Елачича.—Вероятно, это пустая болтовня,—заходила речь о том, чтобы сжечь нашу усадьбу, но человек, передававший это (не мне!), отговаривал, что это бесполезно и на крестьянах же отразится тяжело. Коля тебе перешлет письмо мое, которое, быть может, будет не без'интересно для тебя, а то хоть гектограф заводи!

---

[1] Куприянова.

Твой граммофон исправлен, и я уже давала в воскресенье концерт: присутствовало чел. 20, больших и малых.

Целую тебя и Настю, а также всю остальную братью.

Получено ли письмо насчет земли Ев[гении] и Ольги? Евг[ения] писала ей.

Ваша *Веруша.*

«Будь добр» и не сердись, что я не хочу в Казань. О ней речь была до погромов 20—23 ноября, и я не знала о Бедламе, хотя Алек[сандр] Иванович [1], кажется, говорил об этом же.

46. А. И. Иванчину-Писареву.

19—XII—(1905 г.).

Дорогой Александр!

Ты прислал мне тюфячек, ты собираешься ко мне приехать, но не хотел написать мне первым, предоставляя мне задать тон переписке. Хорошо! Я тебе скажу прежде всего и, пожалуй, единственно нужное и важное — что в разлуке, все время, я питала к тебе те же хорошие и добрые чувства, как и на свободе... что я была всегда рада, что ты не потонул со всеми и что, как-никак, ты мог жить, когда мы все равно, что умерли или умирали. Много раз хотела я спросить о тебе в письмах, но боялась как-нибудь тебя скомпрометировать или поставить мамочку в затруднительное положение. Страшно обрадовалась я, когда в Большой энциклопедии Южакова, которую мы покупали, прочла, как ты подвигался из Сибири через Казань и Нижний и, наконец, стал у такого большого дела, как издание «Русск[ого] Бог[атства]». Тщетно искала я в книжках этого журнала твоего пера, твоего жанра и стиля — искала и не находила... И мне

---

[1] Иванчин-Писарев, товарищ по «Земле и Воле».

казалось, что ты зарыл в землю свой лучший талант и не дал журналу того, что составило бы его красу и гордость. Почему же ты не писал еще, дорогой Александр, в том роде, как писал по возвращении из деревни? Или, оторванный от земли, от живительного общения с мужиком, которого ты так любил и понимал, ты не мог уже и писать о нем, или, лучше сказать, живописать его... Вероятно, так!.. Целую и обнимаю тебя, дорогой Александр, и буду ждать, что ты приедешь. Только грустно... старшно грустно встречаться, когда столько лет протекли в разлуке. Ведь в людях за такой период времени не остается неизменной ни одна клетка организма, не остается неизменной и душа... Теперь мне уже легче, я прижилась к сестрам, слила прошлое с настоящим и в теперешних — нашла давно прошедших. Я так боялась, что они могли измениться слишком сильно: ведь правда, которую Короленко говорит о Чернышевском, есть правда и по отношению к каждому из шлиссельбуржцев — такая продолжительная стоянка приковывает к месту, на котором человека захлестнула волна, и все ему кажется, что вместе с ним остановился и весь мир, и все люди... И по отношению к тебе я боюсь, что сначала мы покажемся друг другу чужими и начнем психическое ощупывание друг друга, как ощупывает руками оперированный слепец, чтоб признать, что видимое им есть действительно кошка, а не собака...

О моей жизни здесь не стоит писать: сестра тебе все расскажет... Итак, остаюсь любящая тебя.

Вера.

47. Брату Петру и его жене [1].

30/XII. 05.

Дорогой брат Петя, дорогая Настя! Вчера получила твое письмо в Казань, а сегодня старое с приложением офи-

---

[1] Письмо из Казани по дороге в Нижний, где мне разрешили жить с Сажиными.

ц[иальной] бумаги из деп[артамента] полиции. Оба письма так разнежили меня, что прежде всего я хочу обнять тебя, расцеловать и поблагодарить за все хлопоты и заботы. Твои нежные письма привели меня в самое благодушное настроение, и очень захотелось сейчас же ответить тебе. Вместе с твоим получила и от Ольги устарелое письмо (3/XI) и тоже с недурными известиями. Я очень рада, что твои дела устроились в материальном отношении лучше, а то я отчасти беспокоилась за твои финансы. Ты спрашиваешь, какое впечатление произвело на крестьян, что ты продаешь только часть земли, а не всю. Я не заметила, чтоб это подействовало неблагоприятно, и тетя тоже не приметила ничего подобного. Но они зарются на старое Никифорово и говорили много о том, что хотели бы приобрести его. В душе они, кажется, надеются, что раз банк даст ссуду и притом непременно *полностью* (ибо приплат они решительно не могут сделать), то дело их будет в шляпе, что неплатежи в банк будут вновь рассрочиваться, и земля не выйдет из их рук ни при каких условиях, и это удовлетворяет их. Если же Дума, на которую они нисколько не надеются, займется земельным вопросом и будет наделение крестьян землей с выкупом общегосударственным, то сделки их с банком будут кассированы в смысле уравнения по льготности с тем, что Думой будет сделано в пользу крестьянства. В общем, в нашей местности крестьяне настроены лойяльно и корректно; много раз заявляли, что хотят добром, а не силом действовать; но по части платежей — придерживаются, надеясь, напр., что аренды платить может быть и не придется. Мне случилось однажды рассказать о германской рабочей партии в рейхстаге и о крестьянской партии там же, и о том, что и в России должна будет образоваться чисто крестьянская партия в Думе,—так они слушали в высшей степени внимательно и легко ориентировались в преимуществах прямого, всеобщего избирательного права; а четырех-

степенные выборы внушают им прямое недоверие или, лучше, неверие, чтоб вышел какой-нибудь толк из всей этой затеи с Думой.—Из моих писем к сестрам ты, верно, знаешь, какое тяжелое впечатление на меня произвело знакомство с состоянием школ и с учительским персоналом в нашем уезде. Население страшно малокультурно, неспособно читать книгу, и в умах царит ужасная смута по поводу всего совершающегося в городах: не понимают—за что, зачем и почему? И какая-то смесь: то—здравая мысль, то—страшная безлепица, а доступа к мужику попрежнему никому нет. Несколько месяцев свободы собраний и речи в деревне могли бы сделать чудеса, и при свободе выборы имели бы громадное воспитательное значение, а теперь это полная карикатура и безнадежное дело: крестьяне не верят в возможность провести настоящего представителя своих интересов; уверены, что пройдут какие-нибудь пройдохи из их же среды, и как земство для них нечто чуждое, далекое и неинтересное, тем же является и Дума...

Ты пишешь о своем доме. Там, конечно, хорошо, и если Настя захочет пожить в деревне без хлопот, то это, конечно, можно устроить. А у меня от Купр[ияновых] досталась, было, такая кухарка, что с ней было просто тошно жить и в вашу княжескую кухню ее и пустить было бы невозможно, так эта женщина была неопрятна. Я просто была счастлива, что расстаюсь с ней, уезжая, а то по слабохарактерности не решалась ей отказать, и уж надо будет найти хорошую и работящую женщину, с которой было бы приятно жить.

Вчера доктор вставил мне искусственные зубы 13 штук. Взял недорого—по 3 руб. за зуб. Это Домбровский, лучший здесь врач. Тетя заплатила в твой счет. Мои челюсти так наболелись, вставка не показалась мне тягостной, потому что свои-то зубы были все время точно чужие. Так как доктор оставил все зубы, которые можно было сохранить, а вслед-

ствие болезненного процесса они сильно переместились, то искусственные пришлось подгонять к этим смещенным, и потому особой красоты они мне не придали. Сидят ловко с первого же разу, но говорить мешают и выходит пресмешно: когда вырвали 9 штук, окружающие стали уверять, что с зубами я говорила хуже, а теперь, когда вставили чужие, то уверяют, что без зубов говорила лучше, так что, ясное дело, мне следовало оставаться бабушкой. Сегодня телеграфировала Жене в Нижний, чтоб выезжала 1 или 2, и числа 5 мы уедем. То, что ты обещал, буду выполнять, а пока у ворот Купр[ияновых] всегда стоит городовой; но это, конечно, пустяки. Только уж возвратиться в Никифорово надо без стражников — они просто осточертели и мне, и населению, которое возмущается их дармоедством.

Ты пишешь, чтоб деньги 60 руб. я не высылала тебе, а отдала тете. Я так и думала и говорила ей, чтоб она внесла в твой счет, но она почему-то нашла неудобным, и я не стала спорить. Третьего дня они тебе посланы. Месячные 50 руб. за январь я возьму у тети, а с февраля, значит, уж ты будешь присылать. Ты велишь взять «сомнительные» июньские. Хорошо, я возьму (у тети же), раз ты разбогател. В эт[ом] месяце я получила за работу (рецензии в «М[ире] Бож[ием]») 37 р., но все спустила, несмотря на то, что единственный расход на себя был тот, что сходила в театр с Купр[ияновыми]. Но было неудачно — не понравилось: публика некрасивая, ненарядная, пьеса «На плотах» Горького сыграна дурно, искусственно, а водевиль «Японская роза» очень грубо сыгран и в чисто французском вкусе—адюльтера.

Меня ужасно обрадовало, что маленький листок [1], изданный Олей, дал, как она пишет, уже 200 руб. Я все боялась,

---

[1] Листок—мой перевод статьи «Что такое социализм?», издание О-ва Фабианцев (в Англии).

что она прогорит. В Нижнем постараюсь приняться за работу, а здесь ничего не делаю и ужасно устаю, хотя публики вижу совсем мало. Ничто так не утомляет, как разговор. На-днях так просто пластом лежала вечером. Но все же Улины обтиранья мне очень помогли, а в Нижнем буду пробовать обливанья. Женя решила не менять квартиру и отдадут мне кабинет Мих[аила] П[етровича]. Этот злюка во все время, пока Женя была у меня, ни разу ей не написал, и она ужасно беспокоилась, тем более, что телеграммы 2 раза возвращались назад, за неотысканием: она упорно не хотела ставить «дом Большаковой», уверяя, что и так знают, где Сажин живет.

Ну, надо же и кончить. Дай это письмо прочесть сестрам, особенно Оле, у которой я остаюсь в долгу за все ее милые письма. Письма же насчет *Бланки я не получила*. Немудрено было пропасть в этакую сумятицу.

Вот и пиши письма: ровно 2 часа писала это письмо. Целую вас всех и поздравляю с нов. годом.

Всего хорошего! Ваша *Веруша*.

Будьте здоровы!
В следующий раз буду писать Оле.

48. Спандони.

Нижн.-Новг., Ильинка, д. Большаковой, мне. 22/III 06. [1]

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Третьего дня приехала Анюта [2] и дала прочесть ваше письмо из больницы. Оно пробудило мою совесть, что я до сих пор не писала вам, и я тут же об'явила, что немедленно напишу. Что это вы как заскрипели — это ужасно огорчает нас: мы только на то

---

[1] Странным образом никаких писем с января по 22 марта 1906 г. нет. Верно, не сохранились.

[2] Корба.

и надеемся, что вы спокон веку скрипели и имели самый ужасный вид. Пришлите-ка мне свою карточку; вероятно, у вас есть какая-нибудь, хотя бы любительская. Я тоже пришлю, у меня есть 3, и я не знаю, какую кому посылать, ибо мнения о них расходятся, а по три посылать — нехватает денег. Зато для Шлисс[ельбургской] галлереи я послала 2 прекрасных негатива, и верно вам доставит удовольствие увидеть их там. Говорят, в апреле эта галлерея выйдет. Понемножку я втягиваюсь в литературу и хочу бросить переводную работу, которая оплачивается дурно, времени же требует много. Вот уже 3 месяца скоро, как я живу у Сажиных в Нижнем и довольна этим пребыванием. Могу теперь, по крайней мере, работать головой и не так тягощусь обществом, хотя вообще к нам ходят мало, да и то я часто скрываюсь в свою комнату. До сих пор я чувствую большое внутреннее противление, когда надо встречаться с незнакомым человеком, а от разговоров сильно устаю (что сказывается уже после). Анюту я была искренно рада увидеть— она осталась такой же милой и привлекательной. Говорили, что она очень изменилась. Конечно, худа ужасно и потому много морщин. Но это не помешало мне сейчас же увидеть в ней прежнюю дорогую Нюту, и ее общество доставило мне громадное удовольствие. Вчера Саж[ины] получили письмо от Синегуба, который предполагает поселиться здесь и служить в «Надежде». Из старых здесь же Ал[ександра] Ив[ановна] Мороз, жившая со мной в Нёноксе, и Буланов [1] (по процессу Оболешева и др.). Бурцев встряхнул вас, а если бы вы знали, какую архивную пыль он поднял здесь! Это настоящий ястреб, так на всех стариков и налетает и слушать не хочет о наших физических немощах: вынь да положь ему всяких воспоминаний. Кстати, напишите мне, если можно, то немедленно: когда Мих[айловский] передал мне в Харь-

[1] Анатолий.

кове относительно переговоров (чтобы не было терр[ористических] актов до коронации и тогда посыпятся разные блага — амнистия, свобода печати и соц[иалистической] пропаганды), то как залог искренности предлагали кого-нибудь выпустить: я предлагала Нечаева. Помните ли вы об этом и в какой форме? Особенно важно последнее обстоятельство. Напишите, пожалуйста, хоть самым кратким образом, как и что помните вы [1].

Целую вас крепко и прошу поправляться!

Вера.

49. А. А. Спандони.

31/III 06 г.

Дорогой Аф[анасий] Аф[анасьевич]. Не корите, что не позволила приехать в октябре. Право, мне тогда было ужасно скверно, а теперь я становлюсь все лучше, все нормальнее. Уверяю вас, вы не умрете, не повидав меня, это совершенно невозможно. Но что же делать, когда иногда все на свете в тягость, все—бремя. И разве можно такой являться к друзьям... Задали вы мне задачу с карточками. Якуб[овичу] [2] понравилась как-раз та, на которую я фикаю. Если я вам дам ее, дайте слово, что никому не дадите переснимать—право, она прегадкая, а вот у Водовозовой (посланы мной), так вот уж те действительно хороши. Верно, прикрашены, но выражение лица удивительно хорошее. Я, конечно, не судья, похожа ли, нет ли, и сужу просто как картинку. Теперь я истратила много денег на карточки и потому всех трех не пришлю (одной уже и нет, пришлось бы заказывать). Пошлю понравившуюся Якуб[овичу] с вышереченным условием. Но, право, это лицо капризное и карточка вообще неудачная. Потом пошлю другую. Не все же радости зараз! Только пишите понятнее — что за почерк!

---

[1] О том, что я предлагала Нечаева, Спандони подтвердил.

[2] Поэт (П. Я.)

Что сказать вам о нашей жизни! Весьма бесцветна! Занимаюсь литературной работой, немножко лечусь, устаю от гулянья, знакомых мало; импульсов со стороны — нуль. Сунуть нос к молодежи не приходилось, все думаю, что в несколько дней устану и придется ретироваться, а пожилые — все давшие себе отставку — как это скучно!

Часто я думаю, что, быть может, если сам не можешь оживлять других и создавать вокруг себя дело, то несправедливо желать и требовать, чтобы другие давали тебе эту атмосферу деятельной жизни! И все-таки хочется, и все-таки думается, что собственное слабосилие и утомленность забылись бы и рассеялись в горячей атмосфере людей более молодых и деятельных...

Вот буду понемножку писать не для издательских фирм, не на срок, а постепенно, для себя. Если выйдет хорошо — напечатаю книжку и хоть ею сделаю с своей стороны вклад в жизнь. Ведь это тоже дело. Но для этого надо много времени, пожалуй, год, если не более...

Сейчас у нас Синегуб, он будет в Москве. Его выслали из Сибири в 48 часов.

Пришлите, пожалуйста, адрес Вас[илия] Гр[игорьевича] [1].

Обнимаю вас и прошу не скрипеть! не хиреть!

Вера Фигнер.

Портрет пошлю заказным на-днях или же завтра с этим письмом. Не делаю на портрете надписи, ибо он мне не нравится.

50. А. А. Спандони.

13/IV 06 г.

Дорогой Аф. Аф. Грустно стало мне, милый вы мой, читая ваше письмо, грустно, что вы больны и что вам при-

---

[1] Иванов—шлиссельбуржец.

ходится так сжаться из-за болезни. Я сама испытала, что значит хроническое недомогание, и иной раз готова была притти в полное уныние. Видала я старух таких здоровых, бодрых, деятельных... так хотелось бы походить на таких, потому что деятельная, энергичная старуха — это сама прелесть, сама поэзия! У меня есть тетя, которой 61 или 62 года, и она здоровая, бодрая, чудесная![1] Я ее называю не иначе, как моя «живописная» старуха. Горизонт ее не широк, но она такая добрая, приветливая, что, смотря на нее, видя ее, я наслаждаюсь (право, не преувеличиваю). Я словно стою перед картиной и созерцаю, и чувствую тихую, спокойную радость или удовольствие. Но зачем я пишу вам это? Впрочем, не будете же вы «завидовать» моей тете, как позавидовали даме, видевшей меня. Карточку я не посылаю, ибо ее еще нет. Вы, по приезде в Полтавскую губернию, напишите адрес, туда я и вышлю, как только она будет. Водовозова издает «Галлерею шл[иссельбурж]цев», и я выслала ей отличный негатив. Если у вас не будет этой «галлереи», я вам пришлю ее. — Вы спрашиваете, что я буду писать для «Былого»? — Ничего. Мне не нравится писать на срок, мое здоровье положительно страдает от этого, а следовательно и настроение. Я задаю себе задачу — писать понемногу *для себя* и затем издать книжкой. А разбрасываться я не хочу и быть лошадью, которую понукают, тоже не могу. Я имею 50 рублей в месяц от брата (по завещанию матери), так что крайности в обязательном труде нет, хотя я и хотела бы зарабатывать, чтобы не чувствовать себя паразитом и чтобы больше помогать нуждающимся. Биография Л[юдмилы] А[лександровны][2], которая, к моему удовольствию, понравилась и вам, будет издана отдельным изданием, которое, быть может, и даст мне возможность удовлетворять разным аль-

---

[1] Головня.

[2] Волкенштейн, Людмила Александровна.

труистическим потребностям. Вы спрашиваете, дорогой Аф[анасий] Аф[анасьевич], насчет Дегаева. Тогда я *ничего* не подозревала и обращалась с ним, как с другом, братом... Узнала только в тюрьме *через год с лишком* после ареста, когда мне пред'явили целую тетрадь его предательских показаний. Писать об этом, вспоминать и говорить — мне страшно тяжело и вызывает до сих пор бесконечные слезы, а затем расстройство нервов, когда я начинаю кричать от каждого неожиданного стука!..

Ну, целую вас. Надеюсь, в деревне, если бы будете у хороших людей, то поправитесь. Всего, всего хорошего.

Вера Фигнер.

51. В. Д. Лебедевой.

14. IV. 06.

Дорогая Вера Дмитриевна! Не сердитесь, что редко пишу: уверяю, нередко провожу часа 3 в день за корреспонденцией и все же только и слышу от всех сетования, что редко пишу. И в самом деле, на каждого в отдельности выходит мало, а в сумме требует времени без конца; между тем, приходится заниматься переводами или авторством, так что я почти ничего и не читаю. Вы спрашиваете о Финляндии. Да, я хотела поехать туда на лето, но разрешения до сих пор еще не имею, и если не получу, то уеду в Никифорово, Тетюшского уезда, куда в таком случае направятся и все сестры. Что это Фрол мне не пишет? На пасхе я ему писала, но он не отвечает. В конце апреля к нему, вероятно, заедет Новорусский, а я тоже все мечтаю туда с'ездить, но Ал[ександра] Ив[ановна] пугает, что дорого стоит. Посылаю вам карточку. Не знаю, понравится ли вам? Водовозова издает хорошую, лучше этой, и вы, вероятно, приобретете всю «Галлерею шлиссельбуржцев», в том числе будете иметь и меня. Я чувствую себя здоровой, и если бы вы знали, как

меня тянет вдаль, путешествовать, ходить, лазить и без конца дышать свежим воздухом и наслаждаться солнцем и видами окружающей свободы! Целую вас крепко и надеюсь познакомиться с Владимиром Петровичем, о котором слышала столько хорошего.

Если у вас есть или будет ваша карточка, то не забудьте и мне дать.

В. Ф.

Прилагаемый второй портрет, пожалуйства, передайте с оказией Фролу.

Который из портретов лучше или хуже — идет разногласие. Надписи на обратной стороне гласят, кому они назначены.

Милая Вера Дмитриевна! Мой товарищ по суду Спандони, бывший каторжанин, стар и болен (теперь лежит в клинике в Одессе), и я хочу просить вас, не соберете ли вы сколько-нибудь денег среди своих знакомых, чтобы поддержать его. Собранное можно прислать мне или отдать в Москве Анне Павловне Прибылевой[1], сказав, что это для Спандони. Я писала и Босяцкой[2] о сборе, так что она должна передать вам.

21. IV. 06.

52. Брату Петру.

Дорогой брат Петя! Тетя тебе телеграфировала, какую вероломную штуку сделал Дурново. Все обещал Финляндию, и вдруг вздумал, что я самовольно совершила поездку в Москву и Петербург, и за это мнимое преступление посадил меня опять в Никиф[орово].

15 апреля я с Женей поехала в Казань, на три дня, чтоб побывать у зубного врача[3], и известила об этом нижего-

---

[1] Прибылева-Корба.

[2] Знакомая в Харькове.

[3] Это был официальный предлог.

р[одского] губернатора, а, приехав к Купр[ияновым] 16 апр[еля], известила казан. губ[ернатора], и вот 18-го, часов в 7 вечера, явился полицейский и, удалив всех из комнаты, дал бумагу от казанского губернатора, что политическая преступница и ссыльно-поселенка В. Н. Ф[игнер] «за самовольную отлучку в Москву и Петербург и за политич[ескую] неблагонадежность, обнаруженную при обыске, должна, по приказу мин[истра] внутр[енних] дел, возвратиться немедленно в свое прежнее местожительство под надзором (или *под надзор* — я не помню—мне показалось последнее) двух надежных стражников.

На словах полицейский сказал, что я должна выехать на следующее же утро в 8 часов и что за мной явится полиция.

Мы с Наташей с'ездили в канцелярию губер[натора], чтоб оставили хоть до 21-го, и пред'явили медицинское свидетельство. Но тщетно. Утром тот же полицейский, но уже переодетый в штатское, в сопровождении нижнего чина, тоже в штатском, явились, и хотя мы все только-что проснулись, стали торопить и приставать, чтоб скорее ехать, и что заявление наше оставлено без внимания (жаль, что потратили целых 1½ р[уб.] на марки гербовые! и насмотрелись на рожу правителя канцелярии!). И вот, пришлось ехать. Наташа хотела сопутствовать мне, но так как у нее было какое-то дело на др[угой] день, то со мной отправилась Евгения, которая и осталась здесь; завтра же она уедет, а на тех же лошадях приедет Наташа; хотела на неделю.

В Тетюшах полицейский препроводил нас к исправнику, (теперь уж 3-ий здесь со времени моего приезда в Тетюш-[ский] уезд); мы с Женей в 1 экипаже, а переодетые шпики в другом, сзади (за путь их я не платила). Там он шушукался с исправником, а мы ждали на лошадях на улице. Наконец, надоело, и я вошла в дом и сказала исправнику, что устала, а еще ехать придется, и что мы хотим к Юрию

Головне. Он говорит—поезжайте. От Юрия, посидев, я заказала тройку везти нас с сестрой и послали сказать исправнику, что хотим ехать. Они дали знать, что просят обождать, и заставили ждать до 8, когда под'ехал какой-то местный полиц[ейский] надзиратель на паре и отправился нам во след. В ½ 11-го приехали к тебе в усадьбу, а полиция скрылась, должно быть, в волостное правление или к местному старшему уряднику (Телеманов из Христофоровки). Вас[илий] Степанович [1] спал и со сна не мог найти ключ, и я чуть не распалась на кусочки от усталости, ибо ночь не спала (всего 2 часа спала) — у меня бессонница попрежнему, да после передряг с полицией для развлечения ходили в оперу, потом тетя Купр[иянова] приехала из Христоф[оровки], так и вышло, что не удалось выспаться накануне. По приезде утром стали осматриваться, устраиваться. Наняла Сашу. У тебя—прелестно в доме. Надо бы Насте пожить.

Раскошеливайся на благотворительность—осаждают!

Но в старой усадьбе хлев, и на основании вашего решения, что ты даешь 50 р. на ремонт, а все жители дома по 5 руб. (и я дам), я приступила к белению. Хотела красить пол, но боюсь, что это неудобно в виду приезда сестер. Буду также садить капусту и прочее; все здесь в ужасном состоянии—заросло, засохло, в стар[ой] усадьбе—вообще пакость. Я буду нанимать поденщиц мыть, убирать, копать, сеять и так далее. Это срам, что за мерзость запустения. Цветов нигде нет, семян купили для огорода мало—все это я намерена покупать и устраивать, так как ты писал, чтоб я распоряжалась. Тётя Лиза [2] не хотела для Коли нанять Филата на лето, а только на 3 месяца. Он не согласился, и колина усадьба без цветов. Боюсь, что будет поздно, но все же я насею—что выйдет. Сев скоро кончится, хотя все же лишь к

---

[1] Приказчик; в письме ошибка—надо Степан Васильевич (Кондаков).

[2] Куприянова.

концу будущей недели. Земля жаждет дождя. Жара очень сильная, и *это нехорошо*. Озими недурны. Барометр показывает к сухости. Но для жизни—воздух, солнце очаровательны—должна сознаться в этом, несмотря на злость на «Дурново». Сегодня долго надзирала за работами в саду и огороде.

53. Брату Петру.

11. V. 06.

Дорогой брат Петя! Твое письмо я получила вчера вечером, в тот день, когда посылала в город Василия[1] для отправки телеграмм тебе, тёте, Насте и Евгении. Я очень огорчена, что твой приезд откладывается на неопределенное время: твое присутствие нужно было бы для целей хозяйственных, чтоб хорошенько обдумать переустройство хозяйства, а во-вторых, важно и для меня, чтоб поговорить с тобой об условиях жизни здесь. Последнее—вещь сложная, и я не знаю, выполню ли я сейчас это достаточно удовлетворительно на бумаге.

Проводив меня из Казани сюда, Евгения уехала и с теми лошадьми явилась Наташа, прожившая со мной неделю. С 28 апреля—я оставалась одна. Наташа вручила в мое распоряжение триста рублей для оказания помощи нуждающимся, главным образом, для Никиф[орова]. Я была и довольна и недовольна этим. Жить в деревне, не имея лишков, которые можно бы употреблять для помощи,—неприятно, но я понимала всегда эту помощь так, чтоб всмотреться в случай и давать с полным разумением дела. Когда эти деньги свои, ими так и распоряжаешься, *когда* найдешь *нужным* или *возможным*. Но когда деньги—чужие и их *нужно* раздать почти единовременно, а не в течение продолжительного срока, как истратил бы их человек, постоянно живущий в

---

[1] Кучер.

деревне и действующий, так сказать, хронически, то дело принимает совершенно другой вид, который мне кажется и нерациональным и несимпатичным. Я просила Наташу руководить мной, часто посылала ее самое итти к приходящим,— взяла список записавшихся у Екатерины Ник[олаевны] [1] и проверила, кто из них каков по материальному достатку и по личному характеру, поставив подле каждого нуль или плюс, не дать или дать. Этим списком я и руководствовалась, отступив только в немногих случаях вследствие настойчивости просителей. С первого же дня я почувствовала, что стою на зыбкой почве. Я оказалась подобной человеку, который с горстью золотого песку стал среди толпы нищих. С утра до вечера у крыльца стояли просители из Никиф[орова] и из ближайших деревень, куда молва мгновенно передала весть, что тут можно просить, выпросить и получить: Лаптевка, Васильевка, Атрясы, Ямбухтино, Танаево, Чула, Мурзы [2], — все послали своих нуждающихся. Иногда было очевидно, что не помочь нельзя, и я давала; так как Наташа сказала, что помощь можно оказывать для покупки лошадей и просителей этого рода было много, то пришлось давать и на них, рублей 10—15 в приплату тем, кому нехватало своих для покупки лошади. Одному здешнему бывшему солдату, раненному в Яп[онскую] войну, дала 25 руб., так как Наташа сказала, что некоторые давали деньги *специально* для помощи солдатам. Толпа людей, которым надо: одному лошадь купить, другому сменить; третьему избу перенести, колодезь исправить, печь возобновить, корову, телку завести и т. д.—всем что-нибудь да надо, и всякий считает себя в таком же праве получить, как и все остальные...

Через два дня я сказала Наташе, что не сочувствую такой лихорадочной раздаче и нахожу ее даже несправед-

[1] Учительница.

[2] Русские и татарские селения в окрестностях Никифорова.

ливой: сказала, что на одного удовлетворенного является 10 недовольных. Зрелище просящих и унижающихся людей само по себе тяжело и внушает даже презрение, хоть и знаешь, чем вызвано это унижение. Затем разыгрываются аппетиты—как на лотерее: легкость получения совершенно ясна—деньги налицо—только проси и проси. Придет просить на лошадь; откажешь—просит на корову, потом на телку, потом на пашню, и так все понижает и понижает, чтоб хоть кусочек золота получить. Винить нельзя! Субсидий клянчат и миллионеры, а все филантропы и наша братия разве тоже не ищет и не просит постоянно денег на свои высшие цели, а у крестьянина разве есть другие цели, кроме заботы как-нибудь прожить? Между тем удовлетворить все и всех невозможно: весь народ—нищий. Только общие, государственные меры могут вывести его из нищеты и унижения нищего. По разуму рассуждая, если нельзя помочь всем—можно поддержать падающее хозяйство отдельных лиц, которые без этой помощи опустятся на дно крестьянской жизни. Но когда дать *такому,* те, кому нечего даже есть, начинают вопиять о несправедливости. И по-моему, как я сказала Наташе, он прав. Неужели же, в самом деле, ему *умирать* в виду поддержания какого-нибудь хозяйства, которое еще можно спасти? Разве политико-экономические и рациональные рассуждения могут заставить молчать «желудок»? Никогда не втолкуешь нуждающемуся в *хлебе,* что полезнее помочь другому в покупке лошади, без которой его хозяйство упадет. Если даешь только *приплату,* то это опять-таки премия тому, у которого еще есть что-нибудь; по евангелию—«имеющему дастся—а от неимущего отнимется».

Эти соображения, лихорадочность раздачи, униженность просителей, явное и общее неудовольствие (*«всем даете, а мне—нет!»*) заставили меня сказать Наташе на 3-й или 4-й день, что я отказываюсь от подобной раздачи и возвращаю

деньги. Действительно, я отдала ей 75 рублей, которые еще были у меня на руках. Я сказала, что по-моему нужно только кормить по составленным сельским обществом спискам. Приходящим дальше—было сказано, что деньги все розданы и более ничего нет. С той же быстротой весть об отсутствии денег распространилась и ходить перестали еще при Наташе. Так же было и после нее, лишь изредка являлись, и я выдала несколько рублей, оставшихся от круглой цифры.

Приезжала ко мне еще при Наташе тётя Головня и тоже не одобрила эти подачки—кому да, кому нет.

В ночь с 9-го на 10-е усадьбу подожгли с угла близ дороги,—здание, где были овцы и где была куча соломы и навоза. Народ гулял по случаю храмового праздника и пьяных было, говорят, порядочно. Яков спал. Степ[ан] Вас[ильевич] у себя еще нет, а я писала в спальне письма, когда в ½ 11-го услыхала набат. Смотрю в окно—огонь, громадный, как-будто горит порядок изб около тебя. Я разбудила девушку и работника Сергея, спавшего в передней галлерее, велела закладывать лошадей в телеги, а скот с твоей усадьбы гнать в Васильевку. Думая, что сейчас может загореться твой дом, и видя, что всего у нас трое мужчин (Степ[ан] Вас[ильевич] убежал к пожару) и что нам не сладить с очисткой твоего дома, я сложила свое белье и одежду в чемоданы и только тут узнала, что горит наш старый дом, а не избы в нашей близи.

Когда Степ[ан] Вас[ильевич] прибежал, все крутилось в вихре огня—флигеля пылали и ветер гнал пламя на дом. Ночной сторож старой усадьбы, оказывается, рано увидал огонь и принялся тушить, при чем получил сильные ожоги половины лица и одной руки. Стал кричать и звать. Тихон выбежал с ключами отпереть конюшню, но так растерялся, что не мог сделать этого, и так как огонь был уже на конюшне, то и оставил лошадей погибать в ней. Все они умерли:

9 ш[тук]. Овцы все до одной—115 изжарились. Только быков и телок (50 штук) успели, отворив ворота карды, выгнать зычным криком: они целы.

Крестьяне все стали у своих изб и у училища. Наша бочка уже сгорела—никто не дал бочки и не подвез воды. Из Васильевки явился Влад[имир] Андреевич[1] с пожарной трубой. Крестьяне, было, обратили его к своим избам, но он не дал сделать это. Степ[ан] Вас[ильевич], видимо, растерялся вовсе. Фасад с балкона был еще безопасен, балконную дверь вышибли, но даже рояли не вынесли. Они не отвинтили ножки и стали тащить целиком, и рояль застряла в двери, где и осталась. Сохранились портреты дедушки, матери и мой, лампа! Этакие пустяки!

Несколько стульев выбросили... и только.

Работники на старом дворе были только: сторож, Тихон и Яков. Двое васильевских уходили всегда на ночевку в Василь[евку], а 1 никифоровский—в свой дом. В эту ночь он был пьян, так что дома его даже не будили.

Ветру, вообще, казалось, не было, но все пламя клонилось от конюшен к дому и к училищу. Крестьяне отстаивали училище, служившее преградой к их избам. Екат[ерина] Ник[олаевна] успела все свое вытащить вон, хотя и не без поломок и утраты библиотеч[ных] книг.

В общем Степ[ан] Вас[ильевич] и Вл[адимир] Анд[реевич] жалуются на равнодушие крестьян, на отсутствие какой бы то ни было помощи от них и об'ясняют невозможность вынести из дому добро именно тем, что их было только трое дома, да надо было спасти амбар, к которому крестьяне тоже не подступали. Трудно сказать, было ли это неизбежно в силу собственной опасности или злонамеренное равнодушие к беде помещиков. Сама я не была на месте действия, думая, что меня там просто затолкали бы и моего

---

[1] Управляющий имением брата Николая.

голоса не услышали. Теперь жалею, хотя едва ли помогла бы чем-нибудь и нервы были страшно напряжены—не знаю, выдержали бы. Ключ от кабинета, где были постели (т.-е. тюфяки) сестер и их библиотека, был у меня, и Степ[ан] Вас[ильевич] не успел его захватить да, думаю, это бы не спасло имущества, так как наверх вовсе не проникали, а внизу из гостиной и залы не спасли ни кушетки, ни мягких кресел—все сгорело, комнаты на двор пылали первые, и там в шкапу был бензин, так что последовало несколько взрывов, также и вверху, где от мальчиков остался, кажется, порох для охоты в небольшом количестве.

В кладовой погибла вся моя библиотека—200 названий—все мое богатство, собранное за эти два года покупкой и подарками авторов с дорогими для меня надписями—выражением их чувств... Погиб и альбом с видами Никифорова, вывезенный из Шлиссельбурга, ваш подарок, присланный туда. Степ[ан] Вас[ильевич] уверяет, что мотивом поджога было недовольство тех, кому не удалось выпросить себе пособия. Конечно, это возможно, хотя тетя не думает этого. Заходил как-то ко мне потом Шебалов выразить свое сочувствие по поводу нашего несчастья и говорит, что оно никоим образом не есть проявление какого-нибудь аграрного волнения или коллективного действия, общего неудовольствия и т. п. Но я все же удивлена, что ты задумываешь стройку. От так называемой «злой воли» отдельных единиц нельзя себя гарантировать. Ты строился после пожара риги у мамочки и у тебя самого—но это хозяйственное возобновление необходимых построек. И есть времена и *времена*. Все в России так загадочно, туманно: личность, собственность, самая жизнь у нас не обеспечены. Не лучше ли в таком случае выждать грядущих событий. Что нужно для хозяйства—делать—и только. Дома наши пустовали не раз, и теперь все хотят быть в городе, где все же человек чувствует себя в среде равных, где он безопаснее, и, главное,

где решается вопрос борьбы с правительством за свободу и законность. А деревня с ее неиссякаемой нищетой, некультурностью и страшным нравственным одиночеством,— кого может привлекать она в такой критический момент русской жизни, русской истории! В таком углу, как наш, всякий образованный человек стоит меж двух огней—быть с'еденным мелким начальством, или стать лицом к лицу, быть может, с изголодавшейся толпой, полной демократической зависти и обиды. Читал ли ты «Мужиков» Чирикова? Мне кажется, краски не сгущены—деревня уже не может быть дачей, приятной во всех отношениях. Так не лучше ли, раз ее уже нет—заводить вновь лишь тогда, когда выяснится *общее* положение дел. В России несомненно происходит революция. Один год уже прошел—бурный и полный неожиданностей, но это еще первые раскаты грома: правительство слишком близоруко и эгоистично, и предстоит многолетняя борьба, в которую будут втягиваться все новые и новые элементы. До Мон-Репо ли тут? И неизвестно, когда явится возможность свободной, мирной, культурной деятельности в деревне, которая только одна и правомерна, как цель жизни в деревне, а не проживание на подножном корму, в качестве дачника.

16 мая.

Письмо мое слишком удлинилось и обо всем можно переговорить, когда приедешь.

Хотя телеграфировали из ПБ[Петербурга], будто губернатору дано знать о переводе меня в Казань, но он мне не давал знать об этом, но дал депешу исправнику навести справки, был ли грабеж и погром здесь. Исправник спросил и меня—я сказала: нет.

Но переезд в Казань не имеет смысла, кроме глотания пыли. А если случилось бы, что сгорела и твоя усадьба, я уеду и без разрешения. Но, вероятно, этого не будет, хотя

Степ[ан] Вас[ильевич] говорит, будто она «простоит», по народной молве, «только до троицы».

В Васильевке прохаживаются больше по части мелких хищений, но вчера (15-го), когда тётя[1] была у меня, приехал Влад[имир] Андр[еевич] и заявил тёте, что только-что заметил в Васил[ьевской] усадьбе: одна балконная дверь повреждена; на полу следы ног; шкапы отомкнуты и ящики выдвинуты, а к кладовой подобран ключ (торчит в замке). Тётя там еще не была и не знает, унесены ли какие-нибудь вещи и какие именно. Коле мы еще не пишем об этом, ибо он прислал Влад[имиру] Ан[дреевичу] после сожжения Никиф[оровской] усадьбы самую неблагоразумную телеграмму, которую я задержала на свой страх, запретив об'являть ее, и теперь, если ему написать, он может наделать глупостей.

Сейчас 11 часов утра 16 мая—я приехала в Христоф[оровку]. Оказалось, ночью подожгли Семеновскую усадьбу, где Кузьма и скот. Сгорели штук 40 овец, 1 лошадь, которую не могли вывести из-за огня. Вспыхнуло около конюшни. Изба, где Кузьма, уцелела: крестьяне дружно отстаивали. Зубаревские и назимовские тоже явились, и все работали изо всех сил. Немудрено, что Семенова хотели сжечь, он не только не уступил крестьянам земли, но, свалив на необходимость спросить детей, даже не ответил ничего крестьянам (хотя Коля совершенно охотно соглашался на продажу).

Тётя и Наташа на месте не были: пожар был около 11 часов ночи и горело 2 часа. Они оставались у себя на всякий случай. Вот, дорогой Петя, факты. Целую тебя и жду с нетерпением твоего приезда. Ты, верно, поговоришь с крестьянами. Твоя *Веруша.*

---

[1] Куприянова.

54. А. А. Спандони.

4/VI 06 г.

Дорогой Аф. Аф. Получила вчера ваше письмо и спешу ответить. Я живу в Никифорове, но, конечно, все письма, адресованные в Тетюши, доходят. Мне не хочется рассказывать, как гнусно поступила полиция со мной: выдумала, что из Нижнего я ездила с агитационными целями в Петербург и Москву, и на этом основании возвратила меня в прежнее положение. Но жить здесь скверно: бедность и голодание, попрошайничество и унижение, вымогательство и недовольство в случае отказа—вот обстановка, в которой я живу. В мое распоряжение поступило 800 рублей для помощи нуждающимся, и это поставило меня в центре всяческих домогательств и неудовольствий. Столовые—форма благотворительности, наиболее приличная для дающего,—запрещены губернатором, несмотря на хлопты братьев у министра и разрешение последнего... Местный сатрап ответил министру, что он не ручается за спокойствие губернии в случае открытия их, ибо столовыми пользуются в целях агитации люди неблагонадежные. Итак, осталась раздача муки, пшена или денег на разные неотложные нужды. Когда приезжал сюда Жбанков [1], то я ему сказала, что такая раздача напоминает картину, которую, быть может, заметили и вы. Название было, кажется, погоня за счастьем... Род пирамиды из человеческих тел, давящих друг друга, чтоб урвать кусочек этого желаемого для всех счастья, находящегося на вершине... Крестьянство предстало передо мной с самой несимпатической стороны, и вы поймете, как это больно для человека, сохранившего в душе известную идеализацию народа. Несправедливые и горькие чувства все время волновали меня и, право, если я вырвусь отсюда, то более не приеду. Наш народ (в той местности, где я живу) находится

---

[1] Секретарь Пироговского о-ва врачей.

в самом униженном положении. И потом отвыкла я уже от жизни, где на каждом шагу пользуешься чужим трудом. В тюрьме—все делала сама (или с помощью равных); в городе постоянно пользуешься *продуктами чужого труда,* а эксплоатация чужого труда происходит лишь в образе кухарки, обслуживающей 4—5 человек семьи, а здесь—что ни шаг—все оголенный чужой труд; сделай то, сделай это: копают, чистят, поливают, сажают, закладывают лошадей и пр. без конца. И это прямо противно.

Никогда я не чувствовала того, что испытываю здесь. Лежа в покойной, чистой постели, в просторной комнате, в бессонный час невольно приходит в голову, что тут же сотни людей валяются кое-как на старых тулупах, и представляешь себе психологию этих людей... Едешь в экипаже на паре и встречаешь телегу, и является отвратительная мысль, что едешь не по праву... что для того, чтобы качали рессоры, кому-нибудь необходимо трястись в телеге и т. д. Ну, словом, я чувствую себя достаточно несчастной, только вы не показывайте никому этого письма и не рассказывайте...

Но относительно здоровья—я совершенно здорова и в деревне не страдаю даже и бессонницей, которая меня мучила в Нижнем, должно быть, потому, что я здесь ложусь рано и жар и сухой воздух меня очень утомляет. В деревне здесь трудно жить еще и потому, что я отвыкла от такой жары и сухоты. За все время с 19 апреля был один хороший дождь 13 мая, хлеба гибнут от засухи, и, вероятно, на будущий год здесь будет страшный голод.

Вы пишете о пожаре. В Никифорове у нас 2 усадьбы. Одна—брата Петра, в которой я живу. Другая—старая отцовская, где мы провели детство и отрочество. Сгорела последняя, со всем имуществом, включая и мои книги с разными трогательными надписями авторов. У сестер тоже была порядочная библиотека, которую я мечтала при свободе обратить в общественное достояние, сделав из всех наших

книг библиотеку для учителей. Но ничего не успели спасти. Быть может, я сделала глупость, не отправившись на пожар (та усадьба в противоположном конце селения и изолирована от него—а я живу в самом центре на площади, где церковь). Повидимому, приказчик растерялся и не сумел ничем распорядиться. Я же надеялась на него и боялась, что меня затолкают в толпе, так как я еще не привыкла быть в скопище людей. Так и не вытащили решительно ничего, даже рояли. Я получила прекрасные портреты и посылаю вам, но на нем мало морщин и я моложе, чем на деле. Смотря на него, как на картину, он мне нравится. У Водовозовй портрет вышел неудачен—без теней, мертвый, и я не узнаю себя. Я не знаю, вышла ли «Галлерея»—Водовозова мне прислала из любезности. Вышел сборник моих стихов; портрет и стихи посылаю.

Вашей статьи в «Былом» еще не читала. В Нижнем продают портреты шл[иссельбурж]цев. Вероятно, есть и в Одессе.

Так как я теперь вдали от всякой цивилизации, то мне трудно выслать вам портреты шл[иссельбуржцев]. Вы купите их сами. Посылаю вам 30 рублей: 25 на лекарства и молоко—вы не рассердитесь за этот маленький подарок (а то я отниму портрет), а 5 рублей на портреты. Затем обнимаю и целую вас.

Вера.

Портрет, стихи и деньги вышлю *на-днях* через знакомую из Казани.

55. А. А. Спандони.

ОТРЕЗНОЙ КУПОН.

8/VI 906 г.

Дорогой Аф. Аф. Пишу несколько строк: будьте здоровы и извещайте о себе. Одновременно посылаю заказную бандероль, обещанную в письме. Крепко жму руку.

В. Фигнер.

На оборотной стороне.

Тридцать (30) руб.

От Веры Николаевны Фигнер.

г. Тетюши, Казанской губ.

56. П. Л. Антонову [1].

27. VIII. 06.

Дорогой Петро! Если вы женились, то поздравляю и желаю счастья, а жену вашу, да и вас самих, крепко целую. Я к вам с просьбой и прочтите ее жене, чтоб она приняла участие. Шлисс[ельбургский] комитет издает «Галлерею» всех сидевших в эт[ой] крепости: портреты и биографии. Я очень хотела бы написать несколько теплых страниц о вас, но не знаю хронологии, так что прошу вас прислать мне вашу краткую автобиографию с означением годов рождения, поступления в учебн[ое] завед[ение] и какое именно? год знакомства с социалистами, где, когда работали вы, когда и где арестованы; в чем обвинялись, и т. д. За все это буду благодарна. Мне не хочется, чтоб писал чужой человек. Мой адрес: Нижний-Новгород. Студеная, д. Кривавуса—мне. Приехала сюда только 18-го и принялась за литерат[урный] труд. Видела Лопатина, он здоров, похудел, так что живот совсем исчез. Расположение духа у него хорошее. Ему позволили ехать в Одессу, на лиман. Наши старики: Пп [Попов] и Фр[оленко] на Кавказе: лечатся водами и хотят сесть на землю, и мне говорили, что и вы с ними. Правда ли? Читали ли вы сборник моих стихотворений и есть ли он в Николаеве?

Смотрите, Петро, не посрамите землю русскую! *Немедленно* дайте нужные мне сведения. Целую вас крепко. Я здорова.

Вера.

---

[1] Шлиссельбуржец. Письмо из Нижнего.

Напишите, что вы поделываете? В автобиографии необходимы сведения, кто и откуда ваши родители. Я подробности не помню. Вы говорили, отец был крепостным? Какой губ., где служил; и мать, какого сословия?

57. А. А. Спандони.

18/VIII 06 г. [1]

Дорогой Аф[анасий] Аф[анасьевич]. Газеты оповестили о моем приезде раньше, чем это случилось на деле: лишь сегодня я приехала сюда и надеюсь слышать брата на сцене, что меня сильно интересует, так как я ни разу еще не слыхала его игры. Но прошу извинения, что так долго не писала,—это уж хронический недуг писать редко.

Вы спрашиваете о здоровье. Я совсем здорова в настоящее время и настроение не так мрачно, как было в первые 2—2½ месяца в деревне: на ряду с отвратительными явлениями и еще более отвратительными чувствами, которые они возбуждали, стали выступать на сером деревенском фоне другие черты более светлого и отрадного характера. Завелись знакомства с крестьянами, которые сами называют себя «сознательными», и хотя у них в голове еще большая путаница и никак не можешь чувствовать в них себе товарищей — все же нельзя не радоваться, что идеи, занимающие нас, волнуют и эти головы, и они симпатизируют нам, как «борцам за свободу». Перед отъездом как-раз пришел ко мне такой крестьянин «поглядеть на меня», спрашивал о Шлиссельбурге и показал приобретенную в Казани карточку-открытку, где сидят: Засулич, Перовская, Волкенштейн, я, Мышкин, Желябов и многие другие. К сожалению, впечатление весьма благоприятное было нарушено просьбой помочь в приобретении коровы. И хотя я не сомневаюсь, что в данном случае «борцы за свободу» сами по себе, а ко-

[1] Из Нижнего (во второй приезд).

рова сама по себе, все же мне неприятно, что в наших отношениях будет милостынераздаватель и милостынепринимать, а не дать — тоже не годится, я думаю, потому что, если поддержка оказывается уничиженным просителям с безнадежными головами, то правильно ли не помочь тому, кто любит читать, интересуется политикой, сочувствует сосланным, понимает необходимость свободы и т. д. Крестьяне моего родного села составили и отослали депутату из Тетюшского уезда Лаврентьеву [1] приговор с разными экономическими и политическими требованиями: учредительное собрание, уничтожение государственного совета, амнистия, все свободы «в натуре», земля без выкупа и т. д. Теперь вот уже три раза приезжал становой, все с допросами, кто составлял, кто писал?

Крестьяне ведут себя трусливо. Старосты (их 4), приложившие печати, уверяют, что не знают, к чему прикладывали их, что они думали, будто это приговор о дровах и т. п. Все отпираются, будто не понимают сами, о чем говорится в приговоре, а между собой идут попреки, что подвел, дескать, ты и т. д.

Конечно, люди попали впервые в такую перепалку и еще проходят школу, как себя вести в таких случаях. Очень боятся, что будут высланы административно, хотя я и подбадривала, что полиция зря начала дело и оно ничем не кончится за отсутствием самого состава преступления.

Ну, ложусь спать. Устала с дороги.

Целую вас. *Вера.*

Будьте здоровы.

Мой адрес: Нижний-Новгород, Студеная, д. Кривавуса и т. д.

---

[1] Иван Егорович, крестьянин с. Большое Фролово Тетюшского уезда.

58. Н. П. Куприяновой.

23. VIII. 06. Нижний.

Дорогая Наташа. Поздравляю тебя и целую крепко в оба глаза. Посылаю тебе маленький подарок—ходила на ярмарку и в японской лавке, где сидит настоящий японец, купила разных пустяков для твоего увеселения: 2 круглых блюдца, 2 японск. коробочки, якобы японское мыло, японские духи и 2 открытки с японками. Еще купила пряник, но пришла к Коле и стала хвалиться своими покупками. Тут же, между прочим, купила для Перимовых [1] две мышки и 2 коробочки в роде спичек с странными штучками (не рассыпь). Их надо бросать в блюдце с водой, и тогда они развертываются в хорошенькие цветы. Рэнэ [2] так заинтересовалась всем этим, что выпросила для опыта несколько штучек; потом распечатала твой флакон духов (клянясь, что купит «завтра» ноный), затем оба певца захотели попробовать твой пряник и с'ели его. Я терпеливо перенесла все эти бедствия и даже сама участвовала, видя бесповоротную гибель всего купленного. Итак, если духов не будет, то они—были! утешься, милый друг, этим и извини до поры, когда я разбогатею. Зато Коля сказал, что и он тебя поздравляет и хочет послать тебе дары. Не знаю, что выберет, а я советовала послать японский халат, в котором ты будешь очень эффектна, в декольте. Свои мелочи я отдала им, чтоб они вложили в свою посылку. Если опоздает—я тоже не виновата. Я слышала Колю пока 1 раз в «Пиковой даме». Ренэ хорошо исполнила Лизу, а Коля играл, конечно, хорошо, но я ожидала еще большего. Жду с нетерпением «Тоску» и «Паяцы», чтоб составить полное представление. Вчера они у нас обедали и было очень весело, хотя после обеда я под их смех и говор

---

[1] Свойственники в Казани. Их детям, Олечке и Алёше, и посылались мышки.

[2] Ренэ Ефимовна—3-я жена брата Николая.

сладко выспалась. Наташа! Я оч[ень] беспокоюсь: я не обошла, как хотела, перед от'ездом все комнаты, и теперь мне кажется, что я не заперла библиотечн[ого] шкафа и среднего буфета. Осмотри, голубушка, и напиши, и в случае чего—запри, а ключ, я думаю, можно отдать и Степ[ану] В[асильевичу]; от св[оих] вещей (комода, гардероба и письмен[ного] стола, в кот[орых] нет почти ничего) я оставила ему, повесив в условном месте. Не забудь наблюсти над моим павильоном [1].

Чтоб венециан[ское] окно было, а наличники—у балконных окон. Рамы я хотела бы в 3 стекла.

Целую тетю и Володю. Всего хорошего. *В.* От Евгении тебе овальный японский лоточек для мелочей.

Коля просил сказать, что Гардер просит расписку в получении денег горн[ого] кружка. Отчет она получила, а ей почему-то нужна расписка.

59. А. А. Спандони.

24/IX 06 г.

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Что это вы так давно не пишете? Хорошо, что приехал Антон Степанович [2] и рассказал мне о вас. Первым долгом передайте, пожалуйста, Александре Владимировне [3] (фамилии не знаю и сам Антон

---

[1] Когда в деревню приехали брат Петр с женой и сестра Ольга с маленьким сыном и бонной,—стало так шумно, что я не могла вынести. Мои нервы совсем расстроились, я стала ото всего плакать, перестала есть. Придя в такое состояние, я просила брата выстроить мне маленький домик в русском стиле в саду, в котором я могла бы проводить ночь. Брат исполнил просьбу. Но в этой игрушечной постройке жить мне не пришлось, п. ч. в августе, когда домик вполне не был еще готов,—департамент полиции разрешил мне уехать из Никифорова в Нижний, опять к Сажиным, а в конце ноября я получила разрешение ехать за границу.

[2] Борейшо.

[3] Жена Геккера.

Степанович не знает), что я крепко ее целую. Антон Степанович и его жена рассказали мне о всех ее милых заботах о Геккере, и так это меня пленило, что я хотела бы получить ее адрес, чтобы написать ей. А теперь вот что: сейчас у меня сидит г-жа Вагнер (из Киева), дочь Дзвонкевича. Он живет в Сухуме, и она говорит, что ее отец страдает такой же болезнью, как и вы, но что климат Сухума так благотворно действует на него, что он чувствует себя теперь очень хорошо. Он там служит на какой-то маленькой должности, и она уверяет, что отец был бы очень рад, если бы вы приехали туда.

Не знаю, были ли вы с ним в хороших отношениях, и вообще, как вам покажется эта комбинация? Антон Степ[анович] говорит, что в Одессе теперь скверно и что вам худо, дорогой Аф[анасий] Аф[анасьевич]. Быть может, вы поправились бы в Сухуме? Не спишетесь ли вы с Дзвонкевичем насчет всех условий тамошней жизни?

Живет Дзвонкевич на *рыбном заводе Высаковского,* но служит каким-то надсмотрщиком в порту. По этому адресу (рыбный завод Высаковского) можно и написать ему. А вам на холодные месяцы необходимо бы выехать из Одессы.

Напишите, дорогой, о вашем житье-бытье, а я также хотела бы из Нижнего куда-нибудь удрать, и брат хлопочет, чтоб дали заграничный паспорт. Если дадут, я поеду на несколько месяцев с Ал[ександрой] Ив[ановной] Мороз. Здесь осень: холодно, сыро, выйти невозможно. К тому же квартира у сестры (Студеная ул., д. Кривавуса) очень шумная, и это раздражает меня.

Для «Галлереи шлис[сельбургских] узников», которую издает в ближайшем будущем Шлис[сельбургский] комитет, я написала биографии: Фрол[енко], Антонова, Лукаш[евича], Морозова, Новорусского и Похитонова. Якубович хвалит.

Целую вас и поправляйтесь. Не забывайте меня.

Вера.

60. А. А. Спандони.

7/X 06 г.

Дорогой Аф[анасий] Аф[анасьевич]. Сейчас получила ваше письмо и даже расплакалась—такая беда ваша болезнь. Нельзя ли вам как-нибудь передвинуться на юг? Напишите же о проекте переезда к Дзвонкевичу. Переезд там не велик, и дочь уверяет, что у него артериосклероз, но он ожил. Жизнь там недорога—быть может, дешевле Одессы. Или вы не в состоянии передвинуться? И пусть кто-нибудь вас проводит. Напишите откровенно о ваших финансах. Напишите, у кого вы живете, что это за люди и насколько заботливы они? Ведь вас беречь надо, а здоровые так часто не понимают больных. Антон Степ[анович] рассказывал мне, что вы на последней квартире не очень-то большими удобствами пользовались. Лучше ли в этом отношении теперешнее ваше жилище? А у меня жилище тоже не ахтительное, как я, кажется, уже писала вам, и я часто ужасно хотела бы уйти отсюда. Между тем перспектива поездки за границу кажется почти безнадежной. Брат Николай подал прошение министру внутренних дел, а там в юстицию, и, говорят, только высочайшим разрешением кончаются подобные дела, что весьма странно в виду того, что в прошлом году они сами предлагали (правда, надули потом) это. Жить здесь довольно-таки скучно. Особенно теперь, осенью; и я должна сознаться, что интересных людей как-то не встречаешь. Проездом был как-то прис[яжный] повер[енный] Мандельштам. Он мне показался умным и хорошим собеседником.

Начала посещать публичные лекции. Nomina odiosa sunt [1].

Была на одной и поражена невзыскательностью публики. Я отметила в уме много неточностей и совершенно парадоксальных (нет! неправильных надо сказать) положений. Но так как добрые намерения были очевидны, то аплодисмен-

[1] Лекция была одного партийного из Москвы (Дм. Гавронского) по аграрному вопросу.

ты гремели. Меня интересует отношение публики, и я думаю посетить разных лекторов, чтоб изучить аудиторию. Часто вижу тоже подростков, которые ничего не делают: не учатся и не читают. Что из них выйдет? Кроме пушечного мяса—ничего! И это еще все же какой-нибудь исход, а то и под пушку не попадут, а будут только загрязнять жизнь. Летом была крайне поражена: молодой человек из высшего учебного заведения лет 23 и, представьте, ничем не интересуется, ничего не читает и не *хочет* читать,—находит это излишним; и по профессии ничему не учится—полный невежда, но самоуверенный и считающий себя в полном праве! Кажется, после розового или пурпурового цвета, которым жизнь показалась залитой при выходе из Шлис[сельбурга], я начинаю читать другую страницу, скучную и раздражающую. Это невежество меня просто бесит. Целую вас. *Вера.*

Благодарю Мейера [1] за привет. Передайте привет Гер-[ману] Ал[ександровичу] [2] и мне очень надо написать ему. Долго ли он пробудет в Одессе и как его адрес?..

Дальше переписка оборвалась. В 1906 г. в октябре Спандони умер, и по моей просьбе вдова Геккера, бывшего товарищем Спандони на каторге, выслала мне из Одессы мои письма, тщательно сохраненные им.

Не странно, не удивительно ли? Спандони судили в 1884 году по одному делу со мной. Познакомилась я с ним, как сказано в соответствующем месте моего «Запечатленного Труда» (ч. 1-я), в Киеве, когда из Харькова я ездила туда в 1882 году, чтобы познакомиться с местной народовольческой группой, членом которой он был. Познакомилась—но как? Как тогда мы все знакомились друг с другом. Раз у человека есть определенная революционная репута-

---

[1] С. Мейер, бывший каторжанин из Одессы.

[2] Лопатин.

ция,—подвергался преследованию, был в ссылке, известен таким-то товарищам по партии,—и довольно.

Не всматривались в индивидуальность, не заглядывали в психологию.

Так было и со Спандони. Когда я пригласила его, как наиболее солидного члена киевской группы, в создаваемую тогда центральную организацию «Народной Воли», я ничего не знала о его ранней биографии: о его детстве, воспитании, о том, как он стал революционером. Были нужны товарищи, чтоб итти вместе. Считала вполне надежным и пригласила.

Потом—суд, на котором отчетливо он не выделялся, молчаливый, как всегда, но стойкий, благородный в поведении своем.

В Шлиссельбург он не попал, и так не завязалось у меня крепкой связи с ним.

Но когда я вышла из крепости и была сослана в Архангельскую губернию в тяжелые, очень тяжелые условия, Спандони шлет мне письмо, одно, другое. Письма теплые, ласковые—каких я никак не ожидала от него и не заслуживала, потому что по человечеству он был для меня далек, и я считала, что и я для него дальний человек. И это незаслуженное горячее отношение ко мне сделало то, что с ним у меня завязалась правильная, дружеская, искренняя переписка.

61. П. Л. Антонову.

4. XI. 06.

Дорогой Петро! Вашу рукопись я получила и сохраню. Воспользовалась я ею немного, ибо уже 3 недели, как отослала вашу биографию в ПБ[Петербург]. Но теперь мне ее возвратили, я вставила год рождения и эпизод о самоваре, кот[орый] мне показался оч[ень] интересным.

Я очень жалею, что вы так долго не присылали, я могла бы очень многое взять или предложить всю автобиографию. Напрасно вы уж не продолжали столь же подробно, как на-

чали. Вы *очень* хорошо написали, и я думаю, стоит напечатать отдельным изданием целиком[1]. Но на это надо ваше согласие. И потом Якубович всех нас очень бережет и чиркает все, что встретит о терроре, а вы насчет этого откровенны. Вообще, напишите, предоставляете ли мне право, если представится случай, напечатать целиком всю вашу рукопись. С удовольствием посылаю (после завтра) вам стихи и мой портрет и целую крепко вас и вашу Зину. Я пустилась в свет, но общество приводит меня в какое-то возбужденное состояние, которое не дает спать, и в конце-концов нервы у меня расстраиваются. Братья хлопочут, чтоб дозволили на время уехать мне за границу, но пока нет толку.—Приехали из Сибири Шебалин и Сур[овцев]. Первый пробыл здесь 3 недели и оставил своего сынишку Васю; скоро опять вернется. А Митя, я думаю, заедет к вам. Я сообщила ему адрес, по кот. пишу это письмо. Он в Херсоне. Богородицкая ул., дом Тихонова, квар. Александра Александр[овича] Каменского. От Карпа[2] имею письма. Не напишете ли вы: Забайкальская область, Александровский завод. Акатуй. Петру Влад[имировичу] Карповичу.

Ну, целую и обнимаю крепко. Пишите мне, Петро! Нехорошо, женившись, забывать Веру.

62. И. Д. Лукашевичу.

18/XI 1906.

Дорогой Лука! Я получила ваше письмо. Вы так долго молчали, [ч]то я даже дивлюсь, что с вами. Лучек! Два дела к вам. Первое коммерческое. 1) Один господин, мой знакомый, богатый человек, увидя вашу палеонтологическую карту, прельстился ею и спросил, краснея: не продам ли я? Он спросил после того, как я рассказала о тщетных попытках ее издать, сделанных мною в Пб[Петербурге] и Москве, в раз-

[1] Я напечатала ее в журн. «Голос Минувшего».

[2] Карповича мы в Шлиссельбурге звали «Карп».

ных книжн[ых] фирмах. Они отвечали (Сытин, «Молодая Россия», Т-во Просвещения, Эфрон и др.), что издание в красках будет дорого, а спрос в публике на такие издания ничтожен. В самом деле, правда, без красок и неуклюжая по большой величине, палеонтологическая карта Залесского с книжечкой об'яснений вся, за исключением 60 экз., лежит без движения. Я ответила знакомому, что считаю эту карту вашей собственностью, но могу спросить вас. Он спр[осил]: «А сколько бы он взял за право собственности на нее». Я ответила—думаю рублей 150.—Он такую сумму дает. Так, Лука, если вы согласны, я отдам ему ту или другую карту из имеющихся у меня, а деньги вышлю вам. На последней карте я прибавила карты континентов и написала текст, кот[орый] читал акад[емик] Чернышев (Текст составила по старой карте с дополнениями, кот[орые] я в свое время списала у вас в свою голубую тетрадь). Не знаю, будет ли покупатель издавать? Возможно, что и нет. Он просто любитель. Но я могу условиться, что если, напр., в течение 5 лет он не издаст, то вы имеете право искать издателя. А еще можно условиться о количестве экземпляров его издания. Например, «Молодая Россия» при 10.000 экз. издания платит 100 руб. за печатный лист в 40 т. букв; при 20 тыс. плата дороже и т. п. Так что можно условиться, что продаете на 1 изд. во столько-то экземпляров. Но я не знаю, во сколько его определить. Мой брат хотел издать, но отступил, ибо Сытин высчитал, что издание, кажется, в 10 тыс. экз. обойдется 5 тыс. руб., другая фирма определила в 7½ тыс. руб.

Второе дело—филантропическое.

В пользу голодающих в 92 г. был издан сборник автографов писателей, обществ. деятелей, артистов, художников.

Теперь я думаю повторить подобное же издание, но с нов[ыми] именами, сообразно духу времени. Конечно, издание будет от какой-нибудь фирмы, м. б. «Рус[ского] Бог[атства]» или др. Я хочу дать автографы шли[ссельбуржцев].

Так пришлите свой с каким-нибудь подходящим афоризмом, цитатой, словом, что хотите; конечно, небольшое. Напишите на листке почтовой бумаги.

На всякий случай, кроме этого листка, пришлите другой с одной только вашей подписью. Мб. [может быть] мы сделаем так, что поместим вид Шлис[сельбургской] крепости, а кругом разбросаем наши подписи. Выберем, что будет лучше. Выслать это надо, не откладывая, на адрес: Студеная, д. Кривавуса, Михаилу Петровичу Сажину, ибо возможно, что я скоро уеду за границу, а если не уеду, он все равно отдаст мне. Дело без меня не остановится, и его будет продолжать Сажин. Целую вас. Желаю успеха вашим предприятиям.

Отвечайте и присылайте скорее (о карте и автографы), чтоб застало меня [1].

В. Ф.

Здесь Шебалин. Будет служить в «Надежде» в Твери.

Митя Сур[овцев] в Херсоне. Собирается приехать сюда. Его адрес: Богородицкая ул., д. Тихонова, кв. Каменского. Дм[итрию] Як[овлевичу] Сур[овцеву].

63. Отрывок из письма Ветринскому на его запрос о Глебе Ивановиче Успенском [2]

«Я думаю, что мы скорее угадывали, чем знали друг друга. Ни он ко мне, ни я к нему близко не подходили. Поэтому, что же я могла бы написать о нем? Несколько мелочей, которые ничего к нему не прибавят, а амплифицировать факты я не умею. Да надо сказать, что мои мысли в то время были так сконцентрированы на заговорщицкой деятельности, что я не могла понять, что от всякого надо требовать по способностям, и меня страшно огорчало, что Успенский

[1] Вскоре я действительно уехала в Италию.

[2] «Русская Мысль», 1913 г., кн. VIII. (Из Нижнего в 1906 г.).

только писатель, публицист и художник. Мне хотелось, чтоб все в одном котле кипели. А затем я никогда не была с ним наедине, когда у человека бывают порывы, что он легко и свободно отдается другим, раскрывается. Всегда мы были в обществе других, и да простится мне—скучно там было! Даже ни разу не выдалось такого счастливого часа, когда Г. И. начинал (по словам других, более счастливых его друзей) рассказывать что-нибудь из своих наблюдений,—п. ч., по общим отзывам, он был несравненный собеседник в этих случаях. А при мне не было ничего яркого, незабываемого... Если было еще что характерное в моих отношениях с Успенским, то это его реалистическое понимание русского крестьянина с одной стороны, и мое сантиментальное народничество—с другой.—С обиженной улыбкой, добродушно-иронически, он жаловался окружающим, что Вера Ник[олаевна] требует от него «шоколадного мужика». А я и впрямь народа не знала и страшно хотела шоколаду, да шоколаду... Вот и все».

64. В. Д. Лебедевой.

29. XII. 06 [1].

Дорогая Вера Дмитриевна! Прежде всего следует расцеловать вас за все московские удовольствия, содействия и т. д. Во-вторых, по обычаю, поздравить с наступающим новым годом и пожелать всего хорошего вам, Владимиру Петровичу и всей вашей семье. Воспоминания о всех вас отзываются сладостью еще до сих пор, ибо конфеты все еще не поглощены и остается целая коробка, помогающая нам переносить стужу, ветер и прочие невзгоды чудной Италии. Первый том моих воспоминаний о последней вы найдете в письме к Босяцким [2]; попросите Веру прочесть его вам, а вы, в свою

[1] Письмо из Сорренто.

[2] Знакомые в Москве. Вера Кесаревна Босяцкая—дочь М. А. Балавинской, одной из друзей в 1882 г. в Харькове.

очередь, прочтите им это, ибо вам будет описано дальнейшее... Итак, побывав в Венеции, где осматривали снаружи дворец дожей, ездили по каналам, собирали раковины на Лидо Адриатического моря, любовались собором св. Марка и пр. под руководством одного профессора, случайного спутника в Венецию,—мы переехали в Неаполь, а потом в Сорренто. Заклинаю вас, дорогая Вера Дмитриевна, не издите в Сорренто! Это препечальное место. Здесь ветер—как в Нёноксе, а улицы, как стены в Шлисс[ельбурге]. Солнце в них не проникает, идешь, как в колодце, в тени, содрогаясь от сырости; у меня уже и ревматизм возобновился в сочленении стопы, а если бы я не закалила себя обливанием водой в течение целого года, то я и 3-х дней не вынесла бы... Открытого места нигде нет, плоского прибрежья, которое так много дает каждому любителю моря,—тоже нет. Городок лежит на утесистых, каменистых скалах, кончающихся крутым обрывом, с 3-х сторон его обрамляют горные высоты, но не защищают от северных ветров, которые низвергают струю холодного воздуха в воронку, где ютится город. Издали может показаться, что последний купается в лучах солнца. Напрасно, они освещают только крыши, а в улицы не доходят. Ветер же таков, что ночью его тут я часто принимаю за отчаянный ливень. Прибавьте дороговизну—8 фр. с чел. в день за пансион. Ничего не остается, как бежать, конечно, заплатив хозяину. Вчера ездили в коляске в Помпею (за 7 лир туда и обратно). Остались оч[ень] довольны всем виденным, но продрогли сильно, ибо холод и ветер. Ехать 3 часа при таких условиях в пальто тягостно, и даже вино не могло согреть нас. В самой Помпее, так как крыш нет и др[угое] расположение, было тепло и солнечно. Там мы и завтракали запасами и находили, что похоже на Россию, т.-е. на пикник... Не знаю, уж, как быть с Капри и его голубым гротом, когда вот и сейчас руки дрожат от холода. На Везувий, кажется, и думать нечего лезть—непременно сдует ветром в

Неаполитанский залив. Целую вас крепко и передайте привет друзьям.

Ваша *Вера.*

65. И. Д. Лукашевичу.

6. I. 07.

Дорогой Лука! Письмо ваше получила и за привет благодарю. Ко мне обратилась из Харькова бывшая невестой Буцинского—Полина Ивановна Чернышева, заведующая общест[венной] библиотекой. Она просит, чтоб вы прочитали в Харькове в пользу библ[иотеки] какую-нибудь лекцию. Я ответила, что, хотя вы очень заняты теперь обработкой и изданием ваших научных трудов, но все-таки пусть напишет вам—быть может, вы согласитесь.

Так вы, Лука, имейте это в виду и сообразите. Я думаю, это для вас хорошо—поездки для подобных лекций. Она пишет, что об условиях—они согласятся, на каких вы пожелаете. Библиотека обслуживает рабочую публику, и Полина Ивановна, кот[орую] я знала в Харькове, предана ей всецело. Сама она оч[ень] симпатичная. Она пишет также и о Морозове—я ей написала тоже, чтоб они писали прямо ему, ибо вы оба охотно делаете для обществ[енных] целей, и никаких посредников для этого не нужно. Целую вас, милый Лука, и Дину Давыд[овну] [1] тоже.

Лучек! Благодарю за прекрасные подарки. Целую вас, а у меня насморк, и я боюсь приложить вам бактерию или две, поэтому до свидания!

66. Н. П. Куприяновой.

21. 1. 07.

Дорогая Наташа! Ты всегда умеешь выдумать что-нибудь милое—так недавно думала я, глядя на твою открытку с поздравлением. Мы с Ал. Ив. приняли ее за аллегорию, что

---

[1] Сандер.

мы—эти самые чижики, приютившиеся под зонтиком от снежинок. Крепко целую тебя за эту выдумку. Мы теперь в Alassio (presso Genova). Писать Poste restante. Здесь без всякого сравнения лучше, чем в южной Италии. Остановились в гостинице на неделю, потом с'ездим к знакомым и поселимся на частной квартире. Здесь солнце в изобилии, спим с открытым окном, ходим в ватерпруфах; есть пляж; улицы широкие, хотя почва имеет тот же неприятный серый цвет, кот[орый] поражает всюду в Италии. Платим по 6 фр. с чел. на полном пансионе. Дешевле нельзя устроиться, а на юге было все по 8 фр. Совсем оказалась ненужной эта экскурсия в Сорр[енто], не испытали ни капли удовольствия от климата, а денег истратили много. Самый железн[о] дор[ожный] тариф очень дорог. Я никак не думала, чтоб русский был дешевле; судила по швейцарским, кот[орые] действительно не велики. С самого выезда из Нижнего стала спать хорошо. Должно быть, «тряска» полезна для меня. Но не скрою, что, в общем, с переездом за границу какая-то печаль стала подниматься в душу. В Нижнем я все время была в возбужденном состоянии; была деятельна, часто много говорила, а под конец готова была всегда рассердиться. Смеясь говорила, что сердце у меня сердится, даже когда я не сержусь. Это правда. Какое-то особенное трепетание сердца (доктор, кот[орого] мне указал еще Даркшевич, сказал, что у меня невроз сердца — но это пройдет), и такое ощущение от этого — точно сержусь. Теперь это повышенное настроение совсем упало, и я кротка, как овечка, но думаю, что эта кротость от тупости и неподвижности. И в сущности мне скучно. Хорошая деревня в России — лучше Италии. Только что правда, то правда: по мере того, как я ехала, словно прялась нить; сначала толстая, потом тоньше и наконец—смотрю: ничего нет, и не можешь уж подобрать все растерянные заботы, интересы. С трудом садишься за письмо, за ответ. В этом смысле—

чтоб утомленный человек мог отрешиться от своей обыденной работы, заграничную поездку можно вполне рекомендовать. Одни жел[езные] дороги—так и те вытрясут из мозгов все рутинные мысли и так все перетрясут в них, перемешают и приведут в беспорядок, что от старого порядка в голове ничего не останется. Я таю мысль, что долго здесь не пробудем, но что придется через месяц ехать куда-нибудь на водо- и электролечение.

Italia. Alassio (presso Genova), писать Poste restante.

67. П. Л. Антонову.

27. 1. 07.

Дорогой Петро! Письмо ваше я получила: сестра мне прислала его. Мысль об огородничестве очень одобряю—это гигиеничное занятие, при доме, и Зина[1] тоже может помогать; оно требует усиленной работы лишь при закладке парников да хорошего погреба или сарая для хранения на зиму. Вообще, по-моему, это дело более легкое, чем мастерская, и не требует сразу больших затрат, п. ч. благоразумнее расширять дело после некоторого опыта. Что касается предложения Марьи Мих., то *берите, не раздумывая*. У нее лично средств нет. Она мне говорила, что кроме 50 р. в месяц она ничего не имеет, и эти триста руб., наверное, кто-нибудь ей предложил именно для этой цели. И это вас ни к чему не обязывает; вы можете ей сказать, что если дело пойдет удачно, то понемногу будете вносить ей или в какое-нибудь учреждение, для политич[еских], напр., Шлис[сельбургский] ком[итет] или отошлете в Акатуй (только бы не на построение храма—сказать между нами!). Появлению наследника или наследницы весьма сочувствую, п. ч. знаю, какой нежный отец вы будете, и меня заранее радует картина

[1] Жена Антонова.

вашего будущего семейного счастья. А если оба вы умрете, вы поручите мне воспитывать ваше дитя. Присоединить Митю [1]—это очень хорошо бы. Сообщение так близко, что не понимаю, как вы его не позовете просто, чтоб повидаться: он ведь в Херсоне ничем не занят и описывает идиллию, как греется на солнышке и ходит на базар, ожидая денег из Иркутска. Шлис[сельбургский] ком[итет] ему предлагал, но он ответил, что пока не надо. Ну, будьте оба здоровы: вы и Зина, особенно ей желаю справиться как следует с задачей. Скоро ли ожидается это событие? Мы с Ал[ександрой] Ивановной Мороз выехали из Москвы 9-го дек. и направились по рекомендации брата в Сорренто, вблизи Неаполя. Заезжали мы в Венецию и восхищались красотой дворца дожей и собора св. Марка, а также оригинальностью этого бесшумного водяного города без улиц, без экипажей и лошадей. В Неаполе были в музее, где собраны картины, отбитые со стен Геркуланума и Помпеи. Чудные картины по грации фигур и силе красок! Были там еще в аквариуме, чуть ли не лучшем во всем мире! Никогда я не бывала в аквариях, и вы поймете мое восхищение. Но по приезде в Сорренто, как и в Неаполе, оч[ень] страдали от холодных ветров. В отеле сидела в шубе, с муфтой, и только в Нёноксе Арханг[ельской] губ. испытала такой ужасный ветер. Сорренто совсем не понравился, к морю нет доступа, п. ч. берег—крутой обрыв, город расположен террасами, так что улицы между 2-х каменных стен, сдерживающих почву каждой выше- и нижележащей террасы, наводят тоску; солнце туда не проникает, идешь в колодце и нет нигде открытого солнечного местечка, где бы погулять или посидеть. Я даже прозвала Сорренто—Сибирренто, и мы, истомившись, удрали, побывав на Капри, где виделись с Горьким и Л. Андреевым. Из Сорренто ездили осматривать раскопки г. Помпеи. Странное и сильное впе-

[1] Суровцев.

чатление производит этот мертвый город, откопанный из-под пепла и лавы. Все дома без крыш; лишь в некот[орых] они вновь построены, чтобы сохранить уцелевшее убранство и чудную стенную живопись, которую вначале отбивали и перевозили в музей, но потом опомнились и стали беречь в самых домах Помпеи. 4 часа мы бродили с планом в руках и все осмотрели как следует. Списались тем временем со знакомыми и решили переехать в Alassio близ Генуи. Проезжая через Рим, останавливались на три ночи и видели разные достопримечательности. Собор св. Петра нас очаровал. Это чудо мира по гармонии, изяществу и простоте. Видели Сикстинскую капеллу и галлереи Рафаэля, а также галлерею во дворце Барберини, где есть картина Гвидо Рени: «Беатриче Ченчи»; картины Тициана, Клод Лорэна и др. художников. Видели и папу: ничего себе—старичок, как старичок, только в красненькой шапочке. Осматривали Колизей и Форум Романум, ездили за город смотреть собор св. Павла, кот[орый] после Петра уже показался пустынным и мещанским. Рим—это город, единственный в свете, и древнеримские развалины в нем производят на каждого удивительное и в своем роде единственное впечатление. Как страна, где чел[овеческий] гений создал величайшие памятники живописи, скульптуры и архитектуры, Италия великолепна, но ее природа, ее земля меня не восхищают, а Швейцария чарует несравненно более... В Alassio мы выдержали 5-дневный трамонтане—сев[еро]-вост[очный] холодн[ый] ветер, ужасный, невероятный, невыносимый—точь-точь Нёнокса. Но местоположение само по себе красивое, солнечное, есть где гулять и дешевле, чем в юж[ной] Ит[алии]. С той поры, как выехала 1 дек. из Ниж., сплю почти от 9 до 9-ти. Это тоже чего-нибудь да стоит! Чувствую себя недурно—и только, п. ч. попали совсем не в надлежащий сезон. Через месяц думаю полечиться водой и электричеством в какой-нибудь санатории, но в какой стране—не знаю, а здесь нет их или дороги.

Целую вас и Зину и желаю всего хорошего. Богатства красок на небе и на море пока еще здесь нет.

Ваша *Вера.*

68. М. В. Новорусскому.

3. II. 907.

Дорогой Миша! Письмо ваше получила. Вашим литературным выступлениям сочувствую, но тетрадь о грибах не могу возвратить, ибо таскали ее, таскали по редакциям—и так я ее и не получила. Справки можно навести у сестры и у старшей племянницы—может быть, и вспомнят о ней. Кстати—выручите же тетрадь мою по статистике: она непременно пропадет. Я писала о ней родным, но прошу вас, примите энергичные меры еще сами.

Тех денег, что я вам дала, недостанет, так вы ведь помните, что можете взять у сестры еще, сколько будет необходимо, но не свыше ста рублей. Поэтому я даже не надеялась на обложку с виньеткой—ведь это увеличит расходы; не знаю, на много ли? Имейте это в виду. По отпечатании прошу вас взять экземпляров 50 этой грамматики и чтоб сестра тоже взяла—для домашнего употребления, и при оказии пришлите, пожалуйста, мне из них сколько-нибудь. Лекцию, конечно, устроят. Еще в Харькове хотели пригласить нашего лектора. Спросите, получил ли он оттуда приглашение? Он, кажется, в стесненных обстоятельствах, так ведь в больших городах можно уславливаться насчет вознаграждения.

Кстати, читали ли вы Ренана «Антихрист»? Дайте его прочесть и супругу Ксани—там он увидит, какая обширная литература существует на немец. яз. относительно апокал[ипсиса] и личности Иоанна апостола. Ренан же доказывает, что апокал[ипсис] принадлежит перу последнего, а евангелие 4-ое—не брату господню. Книга меня заинтересовала, и ее вы оба прочтете с интересом.

69. П. А. Кропоткину.

3. II. 07.

Alassio.

Дорогой Петр Алексеевич! Ваше задушевное письмо обрадовало меня несказанно. Благодарю вас и вашу семью за ласку и крепко целую всех вас. Не успела оглянуться, как пришло и второе письмо, одновременно с книгой. Вы действуете с быстротою молнии—я никак не ожидала такого скорого исполнения моей просьбы. Итак, благодарю сугубо за все. «Хлеб и Волю» читаю: об этом издании я в России не слыхала, но «Записки революционера» были одной из первых книг, которые я прочла по выходе из Шлиссельбурга. Алекс. Ивановна привезла мне эту книгу в Нёноксу (Арх. губ.), как большую драгоценность, которую боялась пересылать почтой, чтоб не пропала, а первые сведения о ней мы получили в Шлисс. от Карповича и все были чрезвычайно заинтересованы ею.

Понятно, что как только меня привезли на место, я стала искать и добиваться, чтоб мне дали возможность прочесть ее.

Дорогой Петр Алексеевич! Быть может, до вас не доходила книжка с моими стихотворениями. Посылаю ее одновременно с этим письмом. Алекс. Ив. шлет вам привет, а я еще раз горячо благодарю всех вас троих и обнимаю.

В. Фигнер.

Из Нижнего старик Лазарев просил меня при от'езде передать вам свой привет.

70. Брату Петру.

13. II. 07.

Дорогой брат Петя! Давно собираюсь писать тебе, хотела даже направить на Богословский завод, но сестры писали, что к 1 февр. старого стиля ты вернешься в Пб. Я думала описать тебе все мое путешествие, начиная от Нижнего, но

это было бы повторение того, что тебе расскажут сестры, или ты прочтешь одно из первых писем, где были сделаны соответствующие описания. Скажу только, что самый первый период по выезде—период московский—был самым блестящим. Коля принимал меня, как царицу. Отвел мне особые покои, такие прекрасные, что я спервоначала испугалась, а потом вошла во вкус и наслаждалась. Коля плут, зная, как я боюсь расходов, выдумал трогательную историю, что хозяин гостиницы из почтения к столь многим годам моего заточения предоставил эти аппартаменты в мое пользование даром. Доверчиво выслушала я эту сказку, поверила в добродетель человеческую и успокоилась. Но все это были враки. В Москве все мне улыбалось и все хорошо ладилось. Коля с Ренэ были очаровательно просты: прежде я думала, что мне было бы не свободно жить у них, но они позволили мне устраиваться во всем, как я хочу, и только несколько перекармливали, так что я часто заявляла, что совершенно переутомлена от всевозможных кушаний за обедом; вставала я, как государыня, когда хотела, и несли мне самовар, как ее императ[орскому] величеству, прямо в мою гостиную и я, не дожидаясь бедных хозяев, начинала в уединении пить ароматический чай, размышляя о том, как хорошо вот этак пожить немножко à la grande dame. Потом принимала художников и литераторов, издателей, старых друзей и молодых девушек с цветами,—депутаток от Союза женского равноправия и от Высших женских курсов. А еще пришла молодая дама с красной гвоздикой и говорит, что ей обо мне в детстве рассказывал господин, которого я верно уже забыла (но я не забыла, хотя знакомство было скоротечное), и вот ей хотелось принести мне цветы и его привет. Ну, а твоя сестра сидит, всех благодарит; цветы принимает и ласково отвечает... Право, очень приятно было прожить там эти несколько дней! Показались они мне светлой полосой, яркой после той обыденной жизни, которую я вела в Ниж-

нем, а провинция показалась серенькой и скучной. Самое худое или—лучше—единственно худое было то, что я, по обыкновению, простудилась и от многого должна была поэтому отказаться. Чудное впечатление произвело на меня представление Федора Иоанновича в Художественном театре. В первый раз я видела на сцене настоящую жизнь. Лишь раза 2—3 чувствовалась театральность, а то иллюзия, что все это на самом деле происходит, не покидала меня... Я была очарована—это единственный случай истинно художественного выполнения пьесы, какой я встретила за всю жизнь. Правда, я ведь немного раз и бывала в театрах, но прежде я никогда не забывала, что передо мною театральная сцена, хотя в драме, случалось, и плакала; но это было при очень патетических моментах, а тут сплошь словно живешь, а не смотришь... Этот вечер обогатил меня совершенно новыми впечатлениями, и я поняла только тут, *как* можно играть на сцене. Бывал ли ты в Худож[ественном] театре? Если нет, непременно побывай. Это нечто несравненное и незаменимое. Но, верно, ты бывал и понимаешь меня.

Не буду тебе описывать дальнейшего путешествия, которое Коля постарался устроить наиболее комфортабельным, подарив мне билет «вагон ли» вплоть до самого Рима. Тут уж он не мог соврать, что даром нам предоставляют всю эту роскошь. Затем мы гнались за теплом и солнцем; как, где и что видели—тебе могут рассказать сестры, пока не осели в Alassio, где тоже злой рок преследует нас, ибо дошло сегодня даже до чисто-русской вьюги (говорят, три года ничего подобного здесь не было); теперь и носа нельзя на улицу высунуть. И эти климатические пертурбации идут по всей Ривьере; напр., очень хвалили Нерви, а там все русские переболели инфлюэнцией, ибо в такую-то погоду—живут в комнатах, где нет даже и каминов (нам хозяева поставили уже железную печку, и мы жарим ее весь день). Платили мы везде дорого. В Венеции по 12 фр. с чел. (пробыли 2 дня и

очень довольны, что видели этот город); в Неаполе и в Сорренто по 8 фр. в день и только здесь наша касса вздохнула: платим по 6 франк. в день с чел[овека]. Вот уже почти 4 недели, как находимся здесь, и раздумье берет великое, что делать дальше? Моя мысль была, кроме климата (что вышло очень неудачно), полечиться в санатории, и я собрала и еще собираю сведения о швейцарских и немецких. Доктор Эльсниц, товарищ по Цюриху, а теперь в Ницце знаменитость, советует мне обратиться в санаторию Widmer близ Монтре, в горах на 660 футах высоты. Говорит это не шарлатан (чего боюсь всего более) и даже известен в Европе. Плата ужасная—20 фр. в день с лечением (но без белья и платы за первый визит врачу). Курс—6 недель. В Мюнхене—плата 500 фр. в месяц, тоже, вероятно, без всяких приплат. Итак, можно считать за 6 недель заплатишь 900 фр.=360, если не 400 р.! После этого не останется ничего другого, как, схватив в охапку кушак да шапку, удирать в Россию.

Такие перспективы как-будто и не входили в мои планы. Понятно—берет раздумье. В настоящее время, когда мы живем тут без волнений, без забот и впечатлений, нервная система справляется как следует, и сплю я удовлетворительно, хотя, если поговоришь с жаром или почитаешь с увлечением, так сейчас же начинается колебание. Но ведь это такая вялая, апатичная жизнь—южная Нёнокса—зову я ее. Первое время было приятно. Каждое утро, проспав часов 9, я вставала и говорила: «Ах, как хорошо! Не надо торопиться!» и две старые дамы совершали не спеша свой туалет, звонили призыв о кофе и чае и с удовольствием и прохладой вкушали его. Ан, глядь, через час уже зовут к ленчу, и так далее: никому не мешаешь, никакого хозяйского распорядка не нарушаешь, прислугу не затрудняешь, главное «*не торопишься*»: итти, писать, что-нибудь делать!.. Но в конце-концов, кажется, мы уже насытились этим неторопленим, и оно уже того, как-будто бы, и наскучивает. Вижу, что и Са-

шечка скучает и все о переезде говорит. А куда ехать? Прямо ли на леченье или так, на новое место, чтоб встряхнуться немного?.. Целую тебя и Настю. Как твоя поездка на завод и в деревню? Твоя *Веруша*. Будь здоров!

71. В. Д. Лебедевой.

5. III. 07.

Дорогая Вера Дмитриевна! Письмо ваше получила и благодарю, что не забываете. Мы переехали из Alassio во Францию, в городок St. Jean, где местность впервые показалась мне очаровательной до такой степени, что на Alassio, прежде довольно нравившееся, не захотелось больше и смотреть. Не буду вам описывать всех прелестей этого уголка, где море и небо часто сливаются в одно на горизонте. Мы попали очень удачно: занимаем целую виллу и живем в роде вдовствующих императриц, но пока не имеем прислуги, и комнаты убирает итальянка—жена сторожа, не умеющая, к сожалению, готовить. По этой причине хозяйство их величеств не отличается гармонией, и на ряду с деликатесами, купленными за деньги, нет непокупных удобств элементарного свойства.

Дорогая Вера Дмитриевна! Не можете ли вы через знакомую вам барышню, провожавшую меня на вокзал, передать органу Высших женских курсов, что если они хотят притти на помощь одному вопиющему случаю крайней нужды за границей, то пусть дадут деньги или вам, или сами вышлют переводом по адресу: M-me Natalie Kogan-Bernstein. Nervi (presso Genova). Poste restante; а эта госпожа передаст нуждающейся, совсем больной барышне, исковерканной русской тюрьмой, духовно и физически. У нее средств нет никаких, и она заслуживает величайшего сострадания. Нерви в ¾ ч. езды по траму от Генуи, так что перевести можно через банк в Генуе или, как говорят, теперь есть международные почтовые переводы, подобные переводам в

каждой данной стране. Вы пишете о моих портретах в сборнике автографов [1]. Я находила бы лишним помещение портрета до ареста. Всегда неприятно видеть рядом 2 портрета разного возраста: и я не раз испытывала это чувство, глядя на подобное сочетание, а в данном случае это совсем не интересно. Из портретов, снятых после освобождения, быть может, всего лучше поместить тот, который имеется у Мих[аила] Мих[айловича] [Зензинова] [2]; он многим нравится. Мне кажется, я там лучше, чем есть, но про другие портреты говорят, что там я хуже, чем есть, а главное—последние уже бывали во многих руках, и недурно несколько реабилитировать ту Черномадзе, которую продавали по 10 к. штука. А вот, В[ера] Д[митриевна], еще у меня есть портрет, так я там настоящая Иоланта: глаза, устремленные вдаль, без выражения... страшные по своей мертвой неподвижности. Его я и не показываю! Целую вас.

Адрес мой: M-me V. Figner. Villa les Lucioles. St. Jean sur mer (près Nice).

Адрес чужим не давайте. Анне Павловне можно.

Выпишите себе адрес для денег и наш, а письмо это разорвите. Прилагаемое письмо передайте Анне Павловне.

72. В. Д. Лебедевой [3].

[1907 г.].

Дорогая Вера Дмитриевна! Очень сочувствую вашим печалям, но только, будучи подле вас, можно бы доставлять вам хоть капельку удовольствия и отвлечения. Надо вам сказать, что и здесь получаешь только зрительные удовольствия, а то очень скучно, и Ал[ександра] Ив[ановна] тоже, видимо, ску-

---

[1] В пользу голодающих.

[2] Мих. Мих. Зензинов, член конституционно-демократической партии, издавший на свои средства сборник автографов в пользу голодающих.

[3] Из St. Jean.

чает и такая любительница ходьбы почти не гуляет. Верно, ее тянет в Швейцарию, но теперь там холодно и было бы нелепо бегать вслед за зимой. Последнюю неделю здесь холодно, хотя привычка что ли уж образуется, все же хожу в ватерпруфе и сейчас сижу с открытым окном. Вид напротив меня великолепен: море и небо. Кроме них, небольшая красивая линия крутого берега и одно белое здание в роде башни. Море сегодня—синее-синее, а небо—бледное, холодное. Ал[ександра] Ив[ановна], вероятно, писала подробно о нашей вилле. До сих пор у нас не было прислуги, но вчера приехала из Alassio итальянка. Но очень плохо: ибо понимает только ит[альянский] язык, а я не говорю на нем. Поэтому прихожу в малодушное отчаяние и свирепею. Быть может, и «образуется», но первый день был тяжек. Вероятно, от того почти и не спала эту ночь, все обдумывала план бегства. Куда? когда?—не знаю. Газета наша несколько запаздывает, а между тем так хочется знать обо всем, что делается в Думе и по поводу Думы. Не понимаю, каким образом кадеты считают себя не в худшем положении в Думе, чем в прошлом году? Какое смешное зрелище представляют там Крушеван, Иващенко... Я еще ни разу не была в период избирательной агитации и выборов в положении близкого наблюдателя и плохо представляю себе механизм всех этих блоков, соглашений и т. д.

Целую вас, дорогая Вера Дмитриевна. Кто-то сказал, будто Вла[димир] Петрович [1] собирается написать мне, но, видно—это утка и даже без соуса. Все же передайте ему привет. Мне смешно, как он хотел снять меня в фотографии.

Вере К[есаревне] [2] я писала, но она, не знаю, получила ли?

В. Ф.

Я хотела бы, чтоб вы рвали мои письма.

---

[1] Сын Веры Дмитриевны.

[2] Босяцкая.

73. Лебедевой.

13. III. 07.

Дорогая Вера Дмитриевна! Вчера я получила еще одно письмо от вас с теми же вопросами, что и в предыдущем. Я ответила вам тогда же, но, быть может, письмо не дошло. Относительно земли близ Сочи надо прежде всего точно исследовать на месте условия, в которых находится эта земля в отношении здоровья, красоты, плодородия и легкости путей сообщения[1]. Все это было бы по-плечу Фролу, находящемуся не столь далеко оттуда. Вчера Елпатьевский[2] рассказывал мне о проекте подобного же приюта в Ялте для писателей. Он говорит, что предполагалось выстроить дом с отдельными квартирками или комнатами, найти сторожа семейного, содержание которого было бы на средства общества, устраивающего предприятие, и затем было бы предоставлено желающим (определенной категории) приезжать туда на лето и жить даром или с минимальной платой, предоставляя каждому продовольствоваться, как знает.

В нашем случае, если бы все условия оказались подходящими и Фрол согласился, можно бы (если найдутся деньги) поручить ему, во 1-х, построить общий дом, а буде он хотел бы заняться там сам плодоводством, то пусть и делает это, занимая часть того дома или выстроив себе отдельную хату. Последнее, конечно, на суммы, отдельные от жертвований на общий дом, чтоб он был полным хозяином в той сфере, которую отмежует от общего владения. Если он захочет привлечь себе товарищей по плодоводству из числа шлиссельбуржцев—это его дело, потому что навязывать ему сотрудника или сотрудников было бы неблагоразумно. Пользование

---

[1] Эту землю М. М. Зензинов предложил Шлиссельбургскому к-ту для постройки дома отдыха для бывших узников Шлиссельбурга (Из этого ничего не вышло).

[2] Сергей Яковлевич Елпатьевский—врач, революционер периода «Земли и Воли», бывший административно-ссыльный, писатель.

землей для сада, цветоводства и пр. было бы, таким образом, некоторой льготой за труд по надзору за постройкой и администрацией дома, если Фрол только взял бы и это на себя. Таким образом Шлисс[ельбургский] ком[итет], я думаю, мог бы выделить Фрола из общей семьи шлисс[ельбуржцев] и, устраивая общий для желающих дом, поставить его в исключительное положение. Исходить предложение об этом должно, конечно, от Шлис[сельбургского] ком[итета], а не от кого-либо из самих шлис[сельбуржцев], и я затруднилась бы мотивировать, почему именно Фрола надо предложить для этого. Тут совпадает масса условий, кроме желания работать на земле. Ведь выбрать кого-нибудь [одного] необходимо, п. ч. один мал[енький] участок отдать нескольким хозяевам—толку не будет.

74. И. Д. Лукашевичу.

18. III. 07.

Дорогой Лука! В Villefranche'е есть русская приморская зоолог[ическая] станция, и на-днях я была там с Ал[ександрой] Ив[ановной]. Это в ¼ ч. езды по траму и самый Villefranche—небольшой городок, куча каменных коробок почти без садов, скучноватая пепельная пустыня. Здание большое, у самого моря, но имеет вид совершенно пустого. Ряд кабинетов, где занимаются дамы и мужчины, студенты разных заграничных университетов по своим специальн[ым] вопросам—и более ничего, кроме небольш[ого] аквар[иума]. Учреждение, хотя и содержится русс[ким] прав[ительством], но открыто для всех нац[ий]. Имеется лодка или катер с керосин[овым] двигателем. Мы видели чел. 10, большею частью женщин из числа занимающихся. Они собирались на экскурсию в море, мы были незванным гостем—хуже татарина. Сначала я не отрекомендовалась, чтобы посмотреть, как относятся к соотечественникам, желающим познакомиться с учреждением. Нуль внимания. Потом подошел один из ассис-

тентов, поляк, и повел к аквариуму. Он собирался и показать тут кое-что, но видя, что в аквар[иуме] оч. мало животных и при каждом отделении есть рисунок с латин[ским] названием, я сказала, что можем самостоятельно осмотреть и не хотим отрывать от занятий. Потом заведующий станцией, Давыдов, подошел к нам и оказался оч[ень] любезным стариком [1]. Дал мне прилагаемый список морск[их] животных, кот[орых] они посылают в Россию по заказам. Может быть, вам пригодится для рекомендаций кому-нибудь или отдайте Марье Ив[ановне] Страховой, заведующей подвижным музеем учеб[ных] пос[обий]. (Покажите и Новор[усскому] и расскажите об этой бедной станции). Вы, конечно, познакомитесь с ней и осмотрите этот музей, для кот[орого] мы работали. Я хотела бы сделать для эт[ого] музея какой-нибудь подарок: так не можете ли вы, осмотрев музей, указать мне, не нужно ли что-нибудь для него, что можно достать в Вильфранше? Спросите, пожалуйста, и Марью Ив[ановну] об этом. Напишите мне, Лука, какое впечатление на вас произвел Пб[Петербург] и как вам кажутся люди, с кот[орыми] вы встречаетесь? Многие ли вам нравятся и интересны для вас? и есть ли у вас время для знакомств, помимо строго необходимых для научных занятий? Видели ли вы Ста[родворского] и как наш Морозов? Что их жены? Из наших, кроме вас и Нов[орусского], мне сюда писали только Лопатин и Антонов. Последний, кажется, очень счастлив в семейном отношении и скоро ждет наследника. Хотелось бы верить и знать, что Ста[родворский] и Мор[озов] сделали удачный выбор. Крепко целую вас. Всего хорошего

В. Ф.

Здесь чрезвычайно красиво. Довольно тепло. Скучно. Никаких импульсов извне.

---

[1] Когда узнал мою фамилию... да и все изменили свое невнимание к нам. Было очень смешно.

Адрес: M-me Figner. Villa les Lucioles. St. Jean s/mer. France. Таков порядок слов.

75. Брату Петру.

28/15. V. 07. Париж.

Дорогой брат Петя! Давно я тебе не писала и не ответила на письмо. Так как ты высказал однажды, что если я мало пишу—значит, мне хорошо, то оставляю тебя в этом убеждении, чтоб прикрыть себя.

Здоровье мое значительно укрепилось и от бессонницы я избавилась, если не считать случаев, когда нарушается обычный ход жизни. Напр., после концерта Шаляпина, когда возвратилась в 1 час ночи, должна была выпить снотворного. Но вообще думаю, что, если поберечь меня и самой поберечься, то дело и впредь пойдет хорошо, и я перестану быть мимозой, как удачно выразилась сестра Ольга.

Стеснение в денежном отношении все время портило мне пребывание здесь, так как ты не сказал мне, насколько можешь помогать мне, а мне было стыдно спросить тебя. Итак, я задумывалась над каждой мелкой тратой по этой причине и еще от непривычки или отвычки обращаться с деньгами вообще. Ехать сюда, в Париж, я не собиралась и все боялась этого Вавилона, но Алекс[андра] Ив[ановна] меня убедила, что, жалея денег на это, я делаю дурную экономию, так как едва ли еще попаду в относительную близость к этому центру науки, искусства и пр. И вот я отправилась. Устроилась в очень скромном пансионе, в комнате, выходящей во двор в виде колодца, что, хотя и некрасиво, но зато дает полную тишину—я смеюсь, что здесь у меня тихо, как в деревне. Но после морского воздуха и простора виллы Эльсница—трудно дышится в этом скоплении 3-милл[ионного] населения, а в солнечные дни я изнемогаю, как изнемогала в прошлое лето в Никифорове, которое мучило меня сушью и зноем, к каким я не привыкла в широтах Шлисс[ельбурга].

С этой стороны, я думаю, Финляндия мне будет хороша—это так близко от тех мест. Не знаю, как устроиться там? Хочется близости с вами; Ольга и Евгения, верно, наймут дачу и, быть может, мне примоститься к ним? или просто нанять комнату у чужих? Без разговора на месте—трудно решить, но боюсь, что сестрам—если нанимать, имея в виду и меня,—время как бы не упустить для найма...

Забыла рассказать о Париже. Получив 200 фр. от тебя и Коли на костюм, я так и думала выполнить. И наделала больших глупостей. В магазинах столько вещей и народу, что я с непривычки плохо ориентируюсь, и вот купила 1 оч[ень] красивое легкое платье, но по обычной обстановке моей жизни годное, как теперь вижу, только для высоко торжественных случаев, а еще другое—такое простое, как мешок, годное лишь для утреннего домашнего употребления. Потеха! Итак, оказалась,—со дворцом и вместе с тем с разбитым корытом. И так—вообще. Все новое нравится, и лишь спустя некоторое время начинаю примечать недочеты или безвкусие. В сношениях с людьми тоже прохожу школу—вначале ужасно стесняюсь, не чувствую себя просто и свободно; а меня тоже стесняются и выходит словно концерт несыгравшихся музыкантов. Здесь, в Париже, я посещаю Лувр, Салон, Люксембург. Чрезвычайно понравился храм Notre Dame. Ни один храм не вызывал такого настроения, как этот: стало как-то бесконечно грустно... Была в Версале—очень понравился парк. Дважды была на русских концертах (Шаляпин, Гофман, Римский-Корсаков). Римский-Корс[аков] доставил громадное наслаждение. Мне кажется, музыки, подобной его, я не слыхала. Видела Сарру Бернар в Федре; хороша—но не могла высидеть до конца; слишком уж это—французская игра. Для русского надо больше простоты.

О твоих делах писала Лиденька и много каркала. А ты каркаешь тоже или добродушно повторять готов: бог дал, бог и взял?!

Спроси Лиденьку, получила ли она фрукты (цукаты) из Ниццы? и скажи, что цветов я *не* послала, ибо потребовали очень много за пересылку и заявили, что 10 дней будут итти, так что вышли бы увядшими, а не живыми.

Как здоровье Насти да и твое собственное?

Если захочешь написать, то можно на Женеву: M-me Bokhanowsky, 4, Chemin de la Tour, Genève. Suisse. Только не откладывай в долгий ящик. Ал[ександра] Ив[ановна] пока в санатории, но мы скоро соединимся и поедем нанимать ей комнату в Ганге.

Целую Настю и тебя. Всего хорошего. Твоя *Веруша.*

Вышел сборник автографов в пользу голодающих. Уж и набрали туда подписей—видимо-невидимо, и испортили впечатление.

76. М. В. Новорусскому.

13. VI. 07.

Дорогой Миша! Тысячу лет не писала сама и для вас совсем потерялась—верно вы не знали, куда писать. А я тем временем побывала в Париже (прожила там 3 недели), а теперь на 4 недели засела в санаторию, где меня франклинизируют, массируют, обтирают мокрыми простынями, водят в ванну и вообще всячески мучают [1]. Врач нашел, как это констатировали и русские врачи, расстройство периферич[еской] нервной системы. Она за эти полгода порядочно окрепла, но все же рефлективная деятельность ненормально повышена. Не знаю, насколько 4 недели помогут делу, но я буду знать, что надо делать, и могу в России уже продолжать лечение водой, массажем и электричеством в любом большом городе. Здесь хорошая местность с обилием леса, лугов, цветов. Я даже добыла немецкий определитель, чтоб определить некоторые цветы. А из Италии вывезла большую банку морских животных, кот[орые] надо будет потом раз-

[1] Санатория «Marbach» на немецком берегу Боденского озера.

местить по отдельн[ым] сосудам, что я думаю сделать при вашей благосклонной помощи. Есть тут и морские звезды и ежи, даже мал[енькая] акула. Заказ на морских живот[ных] из музея я получила только здесь, в санатории, и не знаю уж, что я могу теперь сделать? Там все en grand. Напр., 20 каракатиц, 30 осьминогов и т. п. Боюсь, что это очень дорого будет стоить, а я надеялась устроить это экономическим путем.

Как идут ваши дела? Читала в газетах о гнусном обыске в школе. Ведь это в вашей было? Читала вашу рецензию на кн[игу] Ювачева: вы начали за упокой, а кончили за здравие и, главное, не коснулись того елея, кот[орым] он обмазал всю Шлисс[ельбургскую] тюрьму, изобразив нас овцами православной церкви. Книга глубоко оскорбительна. Я думала писать по ее поводу, но если сделаю, то надо прочитать всем нашим, чтоб они утвердили то, что я скажу о религиозном вопросе за все время нашего пребывания в заключении.

А как срамится митрополит?! [1]. Интересно, как относится к его поступкам Марья Мих[айловна]? Я давно не пишу ей, п. ч., кроме текстов о молитве и покаянии до конца жизни, ничего не получаю от нее. К тому же я слыхала, что наши письма она читает Лерхе из депар[тамента] госуд[арственной] полиции, а я вовсе не нахожусь с ним в переписке.

Ну, что куры, дрова и прочее?

Слыхала я и о вашей лекции. Сильно порицают, что нравств[енной] атмосферы тюрьмы вы совсем не касались, а изображали только внешний быт.

Как перевод ваших мемуаров?

Вышло ли что-нибудь? Есть ли издатель? От Ек[атерины] Ив[ановны] [2] не имею ничего и не знаю, где она? Что наш крестник?

---

[1] Антоний.

[2] Переверзева.

Рассчитываю 5-го июля выехать отсюда. Буду в Мюнхене, Дрездене, Берлине, затем в Финл[яндии]. Если напишете в ответ, то: Kuranstalt Schloss Marbach am Bodensee. Baden. На мое имя.

Целую вас крепко и желаю всего хорошего. Ваша *Верочка.*

Если видаете Луку, то передайте привет и что прошу извинения, что не пишу. Если буду в Фин[ляндии], то надо будет как-[нибудь] увидаться.

От Мор[озова] получила 2 кн[иги] и совсем растаяла (еще в St. Jean), но не знала, куда писать.

77. М. В. Новорусскому.

15. VII. 07.

Дорогой Миша! Давно не писала вам, а от вас последней была приписка к письму нашей кумы. Пишу вам из Мюнхена, где придется пробыть, пожалуй, еще неделю, так как я решила здесь поправить зубы, и врач очень копается. К сожалению, погода все время дождливая, и 2 дня уж совсем выходить нельзя было. Сам город—отличный. Чистый и благоустроенный, масса зелени и садов—просто прелесть, но неск[олько] дней было очень холодно, и я мерзла, п. ч. потеряла свой ватерпруф: оставила на извозчике, когда ехала с вокзала. Но потом Ал[ександру] Ив[анову] осенила мысль осведомиться в полиции, не заявлен ли он? И вот мы отправились в это неблагонадежное место. Впечатление скверное: как все полицейские дома всего мира,—коридоры и ряд подозрительных камер под №№. Зато плоды поисков были сладки: нас допросили, какого числа было дело? Какого цвета? «braun»? Мы радостно: «braun, braun». «Без рукавов?». Мы с горестью: «с рукавами!». «С бархат. воротником?!». Мы воспрянув духом: «ja! ja!»... Тогда отворяется шкаф и вытаскивается что-то в роде хламидки, но не нашей... Мы от-

вергаем... а Ал[ександра] Ив[ановна] вдруг радостно тычет по направлению верхней полки и восклицает: das! dieses! И мой ватерпруф извлекается и вручается под расписку. Спрашиваем: надо ли что-нб. платить? Нет, это добровольно, и передается в пользу находчика.—Мы даем 1 марку и торжествующие удаляемся, довольные, что немцы такие честные.

Мы посетили в этих немецких Афинах две пинакотеки—картинные галлереи, которые, однако, не доставили мне такого удовольствия, как римские картины и луврские. Затем были еще в одной галлерее «Schakgalerie», где есть неск[олько] картин Беклина и хорошие копии старых мастеров. Были вчера в Hofgarten (неважный) и в парке у Siegessäule, где протекает Изер, приток Дуная. Эта бурная, чрезвычайно мутная река, стиснутая искусств[енными] берегами, мне доставила большое удовольствие, как и сам парк; вчера же слушали подле Hofgarten музыку, располагающуюся на эстраде на улице и играющую от 12—1 ч. дня для проходящей публики, которая толчется тут по этому случаю. А сегодня попали в Ботанич[еский] сад, и я ужасно обрадовалась. Он невелик, но всюду есть четкие надписи, и я уже заметила некоторые растения, напр., Deutzia; мне оч[ень] понравился этот куст с хорошенькими розовыми, махровыми цветами, кот[орыми] усыпаны все его ветки. Еще замечателен: fagus—дерево с оч[ень] темными красноватыми листьями, я уже несколько раз видела его, но не знала, что это такое. Пойду еще смотреть: встретилась девушка нам и, заметив мой заинтересованный вид, заговорила о том, что тут есть насекомоядные растения и растения, кот[орые] «дышат как человек». Но пошел сильный ливень, и я не сумела пойти в указан[ном] направлении. Ну, что еще сказать? Я здорова, сплю вперемежку. В Берлине пойду в зверинец и аквариум. Везу целую банку с акулами, морскими звезд[ами], ежами, раками, осьминог есть, актинии и прочие милые твари. Хоть и трудно с банкой, но хочется привезти. Ее у меня в Женеве

уже однажды разбили и, кажется, многое попортили (дело было без меня), но дома разберем. Целую вас.

Будьте здоровы и всего хорошего. Ваша *В.*

В галлереях — лучшие картины: 5 картин мальчиков Мурильо.

Прилагаю две открытки: Бод[енского] озера и хорошенькую девушку.

78. М. В. Новорусскому.

24. VII. 07. Берлин.

Дорогой Миша! Сейчас вернулась от вашей переводчицы. Просидела с ней и ее мужем (homme de lettres) 2 часа и вот что узнала: 1) В настоящую минуту 1 экз. рукописи находится у 1 издателя, кот[орый] в течение 10 дней должен дать ответ, берет ли ее и на каких условиях? Плата может быть или за каждое издание (первое в 1 тыс. экз. за 400—500 марок, за 2-е изд. в тысячу тоже 400—500 и т. д.), или же раз навсегда издатель покупает перевод. Повидимому, шансы есть только на первую комбинацию, и вы должны дать ответ, согласитесь ли на такую сделку, заранее, чтоб не терять времени.

2) *Самое главное* затруднение заключается в том, что вы готовите русское издание, и все издатели боятся, что при отсутствии литерат[урной] конвенции с Россией, тотчас же могут появиться др[угие] переводы, кот[орые] посадят тогда издателя на мель. Поэтому, всего важнее решить: можете ли вы отложить выпуск русского издания до ян[варя] 1908 [г.] или, что еще лучше, до весны будущего года? Тогда издатель немецкий будет в безопасности насчет сбыта.

(Для меня странным кажется то, что ведь переводы могли бы появиться и с «Былого», и единственное об'яснение это то, что о «Былом» менее осведомлены, а появление отдельной книги более бросается в глаза).

Итак, пункт 2-й—капитальный, и его вы должны так или иначе решить тотчас и написать об этом переводчице. Этого решения она всего более ждет, ибо это облегчает издание. Издатели, слыша, что рус[ское] издание ожидается осенью, считают дело для себя прямо невыгодным. В случае решения отложить рус[ское] изд[ание] до *нов[ого] года* или *до весны,* надо написать об этом по-немецки, чтобы ваши доверители могли показать его немецкому издателю, как обязательство ваше.

3) Независимо от немецкого издания и *не во вред* ему муж переводчицы предлагает, что войдет в сношения со знакомыми ему английскими и итальянскими фирмами об издании ваших мемуаров ими и тогда за перевод на англ[ийском] и итал[ьянском] вы не будете ничего платить, а напротив, вам фирмы заплатят,—сколько? заранее он сказать не может, но очень настаивает на этом. Для этого не надо и обязательства не выпускать русск[ого] издания.

4) Для иллюстраций нужно 4 экземпляра карточек, уже вами данных (чтоб послать англ[ийскому] и итал[ьянскому] изд[ателям]), и еще просят, чтоб и моя карточка была в таком же числе и Волкенштейн; 4 экз[емпляра] они просят для того, чтоб до выхода англ[ийского] и итал[ьянского] издания поместить маленькие заметки и портреты в разных газетах и журналах для возбуждения интереса публики к имеющим появиться мемуарам.

5) Переводчица просит указать, из каких именно произведений взяты разные «motto» к некот[орым] главам мемуаров? Это нужно потому, что они должны быть напечатаны не в переводе, а подлинными словами авторов. Они уже наводили справки о некот[орых] употребленных вами эпиграфах, но не могли найти. Очень просят об этом, хотя и не думаю, чтоб вы могли в точности указать—ведь трудно запомнить, откуда взято то или иное понравившееся изречение.

6) Стихи, которые встречаются, они думают опустить, находя их в дисгармонии с общим тоном рассказа, и еще потому, что в переводе будет очень неуклюже.

7) Кое-где есть противоречия, кот[орые] они думают опустить (т. е. из 2-х мест помещать только одно, дабы не повторять вкравшихся противоречий—мелких).

8) Абсолютно требуются некот[орые] сокращения, есть длинноты, напр., в занятиях в мастерских и для музея,—места неинтересные, по их мнению, для немецкого читателя.

9) Они хотели бы предпослать вашим мемуарам небольшую биографию, и я дала мысль поместить то, что написано мною для «Галлереи Шлисс[ельбургской]». Эту «Галлерею» они очень хотели бы получить, а если это для вас дорого, то, быть может, переписать бы только вашу биографию и послать мне. Нет ли корректурных оттисков о вас, а также обо мне? Они очень просят и *мою* биографию из «Галлереи». Теперь, кажется, я отметила все пункты разговора, и вы лучше всего сделаете, если ответите им тоже по пунктам. Времени терять не следует, оттого и пишу вместо устной беседы, которая, быть может, была бы вам яснее.

Общее впечатление мое таково, что шансы вообще не очень велики и материально едва ли дадут много, особенно вначале при первом издании в 1 тыс. экз. Дальнейшее же будет зависеть от публики. Издатели боятся об'ема—выйдет 22—24 печатных листа! Поэтому издержки немалые. Но муж и жена единодушно уверяют, что перевод не пропадет даром и что купят его, найдется издатель немецкий,—не тот, так другой. Отзывы все дают одобрительные, но, видимо, платить много не желают.

Встретили меня с необыч[айным] радушием, как старого друга, и осыпали любезностями. Жена, конечно, говорит по-русски, но муж нет. Все время говорили то по-франц[узски], то по-немецки. Они очень хотели бы лично познакомиться с

вами и почему-то мечтают о вашем приезде. В этом случае просят предупредить их недели за 2, ибо они могут уехать на время. Но, кажется, вы сейчас и не проектируете ничего подобного. Заочно они восхищаются вами и с любовью говорят о вашем произведении. Особенно нравятся им 2 первые главы и общий спокойный тон, за которым им слышится «gedämpfe Kraft».

В Марбахе я слыхала о них и их рекомендовали, как своих людей. Общая обстановка у них выражает буржуазное довольство, детей—нет. Муж показался мне умнее. Прежде он писал в газетах, а теперь пишет драмы, сатиры, повести, и я не удивляюсь, если, благодаря визиту, попаду куда-нибудь(!).

Ну, дорогой Миша, я по возможности написала все, что было надо, и теперь прощусь пока с вами. Завтра мы выедем отсюда. Целую вас. Всего хорошего! *Верочка.*

Их очень тяготит медленность сношений с вами. Они говорят, что в таких делах главное—ловите момент. Но мне кажется, если вы ответите точно на все изложенное, то уж не будет задержек от сношений [1].

79. Н. П. Куприяновой.

2. VIII. 07. Выборг.

Дорогая Наташа! Твое письмо получила: целую твои милые губки за приветливость и ласку. Конечно, у меня всегда найдется часок для такого дружка, как ты, и я так хочу,

---

[1] P. S. 1929 г. После семимесячного пребывания за границей (о впечатлениях см. т. III собр. соч.) я и Александра Ивановна Мороз решили вернуться в Россию: она—в Москву, а я—в Финляндию, где могла пользоваться безопасностью и свободой. За 7 месяцев жизни в Выборге нужды в переписке почти не было, т. к. родные и ближайшие товарищи (Морозов, Новорусский, Лукашевич) жили в Петербурге и могли приезжать ко мне.

хочу тебя видеть! Меня даже начинает возмущать, что ты живешь, как привязанная к колышку, и никуда не ездишь. А между тем теперь «обращение» людей приняло такие широкие размеры, что и бедные позволяют себе поездки для общения с близкими и любимыми. Я знаю, что причина—альтруистическая деятельность, но я всегда находила в ней тот недостаток, что ты слишком много наваливаешь на себя и мало заботишься о том, чтоб втянуть в работу других. Ты не раз говорила, что таких охочих людей мало и что аккуратных—еще меньше. Но, дорогая моя, главный секрет общественного деятеля заключается, мне кажется, именно в этом вовлечении других, менее активных людей в работу. Что же такое быть единицей, хотя бы и крупной, какова ты (без комплиментов!)? А у тебя—я видела ясно—все держится на тебе да на тебе. Ты не знаешь интеллигенцию даже своего уезда—я говорю, напр., об учительском персонале, учителях церк[овно]-прих[одских] школ, из кот[орых] вышли же Лаврентьев, Рожков [1]. Вероятно, найдутся и другие, а могла бы знать всех, как свои 5 пальцев. Не знаешь и интелл[игентных] крестьян каждого села. Ну, прости за эти указания и поцелуй меня.

Живу я пока в радостном возбуждении от приятных встреч. Положение Оли меня очень трогает. Бедная мать! Она не имеет минуты умственного покоя от вечной заботы о ребенке... А в нем я нашла большую перемену: физическую и моральную. Он вырос и на вид поздоровел, а, главное, закалился—в дождливые, серые дни все время гуляет; аппетит у него необыкновенный, а прежде, знаешь, ведь не ел совсем. Затем он стал добрым, послушным, а, главное, стал ребенком. Любит детское общество, не скучает и не хандрит; нет—просит занятий, а дитя, как дитя! Даже ушел спать от

---

[1] Общественные деятели Тетюшского уезда.

матери к детям! Влияние Марии[1] отстранено, ибо она весь день поглощена кухней, а он на вольном воздухе, в лесу, у моря с кучей подростков. Сожительница Оли[2] очень симпатичная, умная и самостоятельно мыслящая. Ее зовут культурницей par excellence. Но все хорошо, что человек делает, отдаваясь всецело. Она мне очень понравилась. Вчера мы долго говорили о современном течении в синдикализме и кооперации, и беседа была увлекательна. Многое мне ново... я словно пробуждаюсь, и пробуждаюсь только теперь. Как-будто я в лесу и не знаю тропинок в нем... и меня так интересуют люди, которые стоят у чего-нибудь. Напр., Поссе теперь ездит и везде изучает кооперацию и заводит новые. Это его увлечение, и я очень желала бы встретиться с ним и послушать его, благо он очень охотно рассказывает, оседлав свою cheval de bataille. Искренние люди, стоявшие у обществ[енного] дела, всегда привлекали меня, и теперь мне надо пользоваться случаями видеть их и учиться у них. За границей я проживала совсем уединенно, избегая знакомств. Но убедилась, что отсутствие умственных интересов и толчков не та система, которая может оздоровить мою душу. Соприкосновение с людьми духа электризует и молодит лучше машины Гольца. Найду ли меру—покажет жизнь, а пока—мне хорошо и интересно. Я так много написала тебе о себе, что ты, верно, сыта по горло, но ведь в единице отражается окружающее, и мое письмо все же дает намек на него. С вашей пташкой увижусь по ее возвращении: мы там, ведь, могли встретиться![3] Меня усиленно приглашали, но я еще боюсь многолюдия и отклонила. Посылаю маленькие подарочки: для тети—коричневый газовый шарф, для тебя—ленту, как

---

[1] Бонна.

[2] Менжинская.

[3] Сестра Н. П.—Лидия Куприянова, находившаяся тогда за границей.

галстух или на шляпу; Перимовым: крестнику[1] — белую блузку; Оле—брошку бабочкой; но Алёше—ничего; для него есть интересный итальянский календарь, но я не могла его достать из багажа—пришлю после. Тете Головне—двойную ложку для заварки чаю в дороге, когда нет чайника: насыпать в нее чаю и погрузить ложку в стакан с кипятком. Ленту для Лиды не посылаю, а оставляю у своих, Володе—гравюру с картины Башкирцевой «Митинг».

Целую всех вас крепко и желаю всего лучшего. Приезжай-ка зимой на лен'овые деньги в Питер. Для всех нас это будет праздник. Если же не приедешь, значит, надо 20 лет Ш[лиссельбурга], чтоб привлечь тебя и тетю в свои об'ятия.

Твоя *Верочка.*

80. П. Л. Антонову.

17. VIII. 07.

Дорогой Петр Леонтьевич! Давно уже не писала я вам и теперь хотела бы знать, как обстоят ваши дела. Проекты насчет парников переходят ли в действительность и организуете ли вы с этой осени или нет? Хотелось бы подробно знать ваши расчеты об этом предмете, а именно, какую сумму вы думаете затратить на них, будете ли иметь рабочих, сколько и на каких началах? Будет ли это кооперация или наем и т. п., и не боитесь ли вы, что трудно подобрать товарищей, а может выйти гнусно—иметь работников, за которыми придется смотреть, требовать труда и ссориться? Все это меня беспокоит, и я очень хотела бы знать, как вы полагаете справиться с таким предприятием? Ругаю я Суровц[ева], кот[орый] был в Херсоне и не с'ездил к вам. Даже не понимаю этого! Что жена и младенец ваш? Хорошо ли вы его тютюшкаете, и здоровы ли мать и он?

---

[1] Александру.

Я довольно поздоровела, т. е. нервы, хотя и теперь сплю неважно — то хорошо, то дурно. Напишите мне по адресу Мих[аила] Васил[ьевича] Нов[орусского] Пб[Петербург], Английский проспект, д. 32. Между прочим, взвесьте, пожалуйста, и напишите, как вы теперь смотрите на Ор[жиха][1]. Дело в том, что желательно знать, как относятся к нему прежние товарищи, по след[ующему] поводу: он желает попасть в лоно партии, добивается этого. А решение в утвердительном смысле зависит, так сказать, от аттестата тех, кто знает его с разных сторон. Считают ли они его, вообще, приемлемым? Ну, дорогой Петро, целую вас и вашу жену, а также крестника (если он мой крестник), так как я не уверена.

Ваша *Вера*.

Ответом не замедлите, а то я буду беспокоиться о вашем житье-бытье.

81. М. В. Новорусскому.

19 1/IX 07.

Дорогой Миша! Почти каждый день я вспоминаю о вас, но все это время не писала по той причине, что описывать было бы слишком сложно и слишком неопределенно. Сложилось дело так, что и увидаться хорошенько не пришлось, хотя несколько раз было искушение написать приглашение. Дело в том, что как-то утомляешься. Ведь дружеские свидания должны быть отдыхом, а не постоянным времяпрепровождением. В последнем случае всякая прелесть исчезает. Теперь меня просили написать несколько биографий: Грачевского, Тригони, Исаева, Мартынова и многих других, и я займусь этим. Тогда и накопится желание беседовать, а то я ничего не делаю, и впечатления такие разрозненные,

---

[1] Шлиссельбуржец.

что и делиться ими не стоит и не хочется. От Мор[озова] я получила письмо: он собирается в сент[ябре] в Пб [Петербург], будет по своему уезду участвовать в выборной компании. От Тр[игони], Фр[оленко] тоже имела письма, Ан[тонов] должен написать по вашему адресу. Вы отдайте Лидии или у меня спросите адрес. Митя пишет письма совсем ненормальные, но было бы долго пересказывать все его странные ламентации, хотя любопытно! При случае дам прочесть. Об amicus'e [1] все пишут уклончиво. С вашим патроном [2] я увидалась бы с большим удовольствием. Передайте ему это вместе с поклоном. Но если он поедет сюда, то прошу вас предупредить меня заблаговременно.

Итак, на родину вы совсем не с'ездили. Как дела курсов?

Где теперь Павел Ник.? [3] У его жены я была и очень удивилась, что живописи нет вовсе, книг тоже, а дети—под управлением немки, и я не могла заметить влияния матери на них. Судя по письмам, я думала, что ребятишки очень выдержанные и переутомлены заботами о них. Вот так пустыня у них там! Я думаю — очуметь можно. Но Кат. Ив. [4] пока довольна. Не знаю уж, чем она там живет? Никаких впечатлений, ни 1 человека!

По утрам, до обеда, я занимаюсь и не велю ходить ко мне, и при отсутствии забот о пропитании времени оказывается очень много. Я набросала, но еще не обработала, нечто в роде некролога Попова. Но не знаю, куда его поместить? Думаю послать сначала в «Рус[ское] Бог[атство]», а если им не надо, то можно бы через посредство ваше передать в какой-нибудь другой журнал или через Николая в «Вестн[ик] Евр[опы]». Видела я из газет ваши имена: Ни-

---

[1] Прозвище Оржиха.

[2] П. Ф. Лесгафт.

[3] Переверзев, с которым я познакомилась в ссылке.

[4] Ек. Ив. Переверзева, жившая в то время с детьми в Финляндии.

к[олая] в «Вест[нике] Евр[опы]», ваше—в «Образовании» и опять Ник[олая], кажется, в «Рус[ской] М[ысли]» или в каком другом.—Деньги от Ариан я уже поручила передать сестре моей Лидии, и лучше уже не путать. Ваше грибное царство я получила от Тр[игони] и благодарю Мишу, мулика. Николай не раз писал мне о фирме Пантеон и о предложении принять мой перевод драмы Ромэн-Роллана [1], и я скверно делала, что не известила это издательство. Дело в том, что мне мой перевод не нравится, я дважды проредактировала его, и все же он меня не удовлетворяет: и я не хочу давать Пантеону вещь, которую я исполнила так, что сама хотела бы лучше. Вот причина, почему я ее не посылала, и она у меня лежит под спудом. Там действующие лица военные в лагере революц[ионном] (великой Франц[узской] револ[юции]) и все из разных классов общества, говорить они должны по-разному, ибо тут есть и аристократ, презирающий плебея, и плебей-колбасник, и педант-академик, и нотариальный писец... Вот мне и не удается рельефно в речи выразить их уровень культуры.

Вы, вероятно, прочтете, и я даже прошу прочесть эти места, касающиеся Ник[олая], ему. Да скажите, что ничего печатного от него я не получала. Его перевода, напр., с Ксенией—ни-ни! Верно, пропало. Не знаю, получила ли сестра Лидия мое письмо отсюда, где я писала о житье-бытье ее дочки? Было писано раньше, чем к вам; передайте, дружок, по телефону. Нацарапала я вам много. Кажется, ничего не забыла и теперь могу только поцеловать. Еще скажите Лиденьке, что 120 фр. Веньям[ину] [2] я передала, и спросите ее: к ней должен был зайти один молодой господин и занести для благотвор[ительности] [3] 125 ф. (франков) 65 с. Получила ли

---

[1] «Волки».

[2] Карповича в Шлиссельбурге мы звали нашим Вениамином.

[3] Так маскировали взносы для каторжан.

она? При сем было несколько строк от меня (еще из Парижа). Ну, всего хорошего!

[Выборг].

82. П. Л. Антонову.

19 11/IX 07.

Дорогой Петро! Месяц назад, или около, я послала по этому же адресу вам письмо, но ответа не получила и не знаю, почему? Дошло ли оно? или вы так нерадивы, что не соберетесь написать мне? Верно, первое. Поэтому на сей раз посылаю заказным.

Петро! Напишите, во 1-х, как вы с женой и ребенком живете и как его зовут? Во-2-х, что и как парники?

В 3-х, вы видаетесь с Ал[ександром] Златопольским и его сестрой. Передайте им поклон и следующую вещь. Для «Галлереи шлисс[ельбургских] узников» нужна биография Савелия. Быть может, мне удалось бы написать ее, если бы Александр прислал биографич[еские] сведения о раннем детстве, образовании и воспитании Савелия. В каких условиях он рос, развивался; какие-нибудь характерные события в его жизни и т. п.

Пусть все это он напишет, не гоняясь за литературностью слога, а побольше бы дал материала, и все это послал заказным по адресу сестры Лидии Стахевич в контору (на обложке журнала «Р[усского] Б[огатства]» адрес есть). И пусть сейчас же принимается за работу, если дорожит памятью брата.

Сестра моя Ольга теперь в Крыму, но я что-то давно не имею о ней известий. Ее сынишка хворал, но хотя и выздоровел, эта безумная мать умчалась на юг, в надежде укрепить его там. Вот вам хорошо! Вы и так на юге и не надо мчаться. Здесь, действительно, холодновато, но суровый климат, быть может, лучше закалил бы малыша. Еще я спрашиваю вас. Как вы думаете теперь об Орж[ихе]?

Возможно ли ему быть принятым в партию?[1] Просят высказаться его прежних товарищей.

От последних понемножку получаю письма, но от некоторых ни одного звука. Быть может, они в таком же положении, как вы, т.-е. не получили. Даже Лука не пишет. Целую вас, Зину и младенца. Я здорова, и сначала мне было очень радостно видеть родных и друзей, а теперь праздник кончился. Занимаюсь немного литературной работой.

Ваша *Вера.*

83. Н. П. Куприяновой.

24. IX. 1907 г. Выборг.

Дорогая Наташа! Твое письмо с белой кувшинкой получила и благодарю за ласку, но не за скупость, с которой ты пишешь. «Если так спешить—когда же жить»? спрашивал Обломов Шульца. О том же надо и тебя спросить... Что сказать тебе о жизни? Ужасная оторванность чувствуется ежечасно, и это действует угнетающим образом. Взялась за литературную работу для 2-го тома «Галлереи»[2], но как-то еще не наладилось дело и мараю необыкновенное количество бумаги, чего никогда не бывает при нормальном состоянии мозгов. А тут путаешь, делаешь зигзаги, редактируя на разный лад одно и то же. Недавно, на именины, видела Лиду[3], и она произвела приятное впечатление, какое всегда производит человек, живущий умственными интересами. Она думает заняться культурной работой в очень симпатичной форме, и я говорила ей, если поселюсь в Пб [Петербурге], пусть примет и меня. Поговорили мы еще о переработке ее «Соврем[енной] Бельгии» в духе современного

---

[1] Социалистов-революционеров. (Их смущало, что он подавал прошение о смягчении участи).

[2] «Галлерея шлиссельбургских узников».

[3] Сестру Н. П.

синдикализма, и это будет очень хорошо, если время дозволит ей заняться этой работой. Гуляли, ходили к морю и любовались чудной зарей, бывшей в тот вечер. С нами был Лукашевич и Женя. Он сдал госуд[арственный] экзамен по естест[венному] факультету и теперь будет готовиться на магистра. Недавно я встретила нашего знакомого, литератора, и он хотел бы получать «на даровщинку» какую-нибудь вашу местную газету. Если редакция может, то пусть высылает: Redaktion Östra Finland. Wiborg. Быть может, у тебя есть связи, чтоб устроить это.

Что ваша крестьян[ская] газета?[1] Так она и не выходила? Что продажа стихотворений? Выручено что-нибудь? Ну, целую тебя, моя дорогая, и кончай скорее свою голодную эпопею. Был ли в Казани сборник автографов в пользу голодающих, изданный по моей инициативе? Целую тебя и Володю.

Дорогая тетя![2] Скупо же вы пишете вашей племяннице! И даже бумагу завели еще меньше моей: я даже позавидовала, что такой не найдешь. Вы, тётя, дурному не подражайте, напр., краткости моего этого письма, а напишите с Наташей подробно по адресу: Выборг, Магнус-гатан, 4. Анне Марковне Сухомлиной (и более ничего). Целую вас крепко и благодарю за материю. Она очень хороша.

84. П. Л. Антонову.

1. X. 07.

Дорогой Петро! Ваше письмо длинное с карточкой хорошенького сынишки и второе—получила и спешу оповестить об этом. От Златопольского мне нужно именно только биографич[еские] данные, числа, год рожд[ения], где учился, как жил в детстве, юности, а также нужна какая-нибудь

---

[1] В Казани.

[2] Приписка к предыдущему письму.

карточка; какая обстановка была, что за родители, их характер и социальное положение? Эпизоды детства, характерные черты Савелия, как человека, в детстве и юности; если знают, то об отношениях к Ковальскому, к Виттенбергу и др.—все, что знают до осени 79[1879] г., когда я познакомилась с ним. Пусть не скупятся на подробности об обстановке, которая окружала его и всех их. Какие-нибудь события, факты, взаимные отношения в семье и в школе. Все это нужно.

Теперь об огородах. Дорогой Петро! Я что-то сомневаюсь, чтоб банк дал 500 р. за домишко, ценой в 700 р. Таких залогов не дают! Но если это не чепуха, и *если* вам дадут эти *500 руб.* и вы находите нужным купить тот дом, то покупайте и прилагайте имеющиеся у вас 200 р. А у Новорусского будут лежать мои 200 р., кот[орые] он немедленно переведет на дальнейшее обзаведение по части рам по вашему письму к нему (Английский проспект, 32). Если дела потом пойдут хорошо, то вы отдадите; если же нет, то мы рассчитаемся на том свете.

Новорусский сейчас сидит у меня и я ему о деньгах говорю. Так что относительно их вы не сомневайтесь.

Он говорит также, что Марья Мих[айловна] собирается вам теперь же выслать 50 р., но что она сомневается, получили ли вы 50 рб., посланные ею раньше? Она просила о получении их известить, но вы не извещаете. Сделайте это, ибо это необходимо.

Целую вас, маму, Зину и мальчика. Он чрезвычайно похож на вас. Пусть Зина учится также массажу, он в большом ходу. Ваша *Вера.*

85. В. Д. Лебедевой.

2. XI. 907 г.

Дорогая «Ваше Превосходительство». Спешу известить вас, что нахожусь в добром здоровье, провела весьма хо-

рошо последние два дня и подробно описала Сашечке свое знакомство с Ксенией[1]. Она мне положительно понравилась. Такая она простая, искренняя и добрая. Патрон Николая Ал[ександровича][2] встретил меня с необычайным радушием, водил по всем лабораториям, музеям и кабинетам, угощал обедом и был очарователен. Это удивительный старик! Ему под 80, и он сохранил бодрость, энергию, ум и работоспособность. Когда-то я с сестрой в 71[1871] году начинала слушать у него анатомию, и это положило начало нашему знакомству и дружбе, так как мы были первыми женщинами в мужской аудитории Каз[анского] университета. И теперь он помнит и любит нас. Сестра до сих пор не была у него, но тут явилась, и он, как отец, встретил и обласкал. Удивительно, как сохраняется человек, если он живет не материальными интересами, а интересами духа, наукой или общественной деятельностью! Отрадно смотреть и не всякому можно получить такое сокровище—слушать Петра Фр[анцевича]. Николая, Мих[аила] Вас[ильевича] и Лук[ашевича] он третирует, как любящий отец, не стесняется говорить в глаза правду, иногда трунить и бранить, но все это, видимо, истекает из участливого отношения к ним и их интересам. 2 раза в неделю (по три часа) он принимает больных, которых лечит бесплатно, и имеет огромную практику. Смеясь он говорит, что, когда никакие доктора не помогают,—идут к нему. Между прочим, лечил и вылечил сына Дурново, который за это не обращал внимания на все доносы, которые в изобилии делаются на него. Ваша знакомая[3] попала прямо на заседание комитета[4], филиал которого вы образуете. Понятно — встреча была

---

[1] Ксения Алексеевна—жена Морозова.

[2] Лесгафт.

[3] Подразумеваюсь я.

[4] Шлиссельбургский комитет (помощи старым шлиссельбуржцам).

изумительная в буквальном и переносном смысле слова. Говорить [ли], что люди все такие хорошие, и сердечное отношение создало сейчас же такую атмосферу, что человек окрыляется. Вашему знакомому, Гер[ману] Алекс[андровичу], сестра, из Одессы приезжавшая, устроила 2-месячное пребывание в Петербурге, и он отдохнет тут душой от всех скорбей и обид. Желаю вам, дорогая, великих и богатых милостей, а денег у меня нет и они очень и очень мне нужны. Целую вас.

Прилагаемый листок отдайте Анне[1]. Попов пишет, что если никто не захочет строить сообща дачу в Сочи, то он, может быть, рискнет сделать это на свой риск и страх. Герм[ан] Ал[ександрович] рассказы о его бедственном матер[иальном] состоянии называет басней. Я получила письмо от него. Дорогая! Если вы поедете, то непременно возьмите у Верочки[2] коробки с жуками и бабочками и везите их осторожненько прямо к Мих[аилу] Вас[ильевичу][3], за что получите благодарность большую, большую. Это вещь деликатная, не всякому можно поручить такое сокровище. Поцелуйте Елиз[авету] Павл[овну][4]. Ее бобры[5] — у сестры впредь до востребования. Спасибо ей! А у нас тепло и туман.

86. М. В. Новорусскому.

7/XI. 07.

Дорогой Миша! Что это вы совсем не пишете мне (и писать надо не на адрес неаккуратный, а на Ан[ну] Мар[ков-

---

[1] Прибылева-Корба.

[2] Стахевич.

[3] Новорусский.

[4] Балавинская.

[5] «Бобры»—ротонда и меховая шапочка, которые она надела на меня при моем возвращении из нелегальной поездки из Финляндии в Воронеж. См. т. III собр. соч., гл. «Воронеж».

ну][1]. Последующий листик этого письма передайте Николаю, который так удружил мне сведениями в «Руси». Я его браню там (вы можете прочесть). Читала я вашу заметку в «Руси» и с своей стороны укажу вам на то, что отношение экономических классов в стране может и не выражаться в парламенте, особенно нашем, когда у нас, во-1-х, самосознание этих классов еще только пробуждается и, во-2-х, система представительства подтасована и фальсифицирована многократно и многообразно.

Чтоб ваша мысль была мыслью не впустую, прежде всего надо разобрать избир[ательный] закон. Если он дает перевес хотя бы и не самому сильному (экономически) классу— ваше построение падает. Затем вам надо оперировать над *составом теперешней* Думы: взять полный список ее членов и разобрать экономическое положение одного члена за другим, и не только причислив того или другого к землевладельцам, фабрикантам или купцам, но цифрой обозначить имущественную ценность каждого... Но за всем тем, кроме *связи* дворянства с бюрократич[ескими] сферами, надо принять во внимание образование, степень сплоченности и привычки к ведению общественного дела. Прибавьте еще и уменье, привычку говорить (напр., у адвокатов, которые едва ли причастны промышленности или капиталу денежному).

Все это пока еще на стороне класса землевладельцев (и дворянства), так что никоим образом нельзя заключать о либерализме такого органа представительства, какова наша Дума.

Правда, должна сказать вам, что слыхала от одного чел[овека], ведущего чисто коммерческое дело и вращающегося исключительно в сфере торговых биржевиков одного провин[циального] города, что купечество относится к 3-й

---

[1] Сухомлина, в Выборге.

Думе очень определенно, а именно—рассуждают эти отцы города так: дворяне, дескать, думают поворотить по-своему, но мы им этого не дадим. *Мы хотим,* чтоб Дума была такая, какая нам надобна и *чтоб законы были, какие нам нужны* [1]. Вместе с тем он рассказывал, что уровень провинциального торгового мира чрезвычайно низок, образование отсутствует, никакой широты взглядов нет. С «крамолой» хотят биться без пощады: веселица, дескать, им—одна дорога. Свободы печати, собрания и союза им не надо... Повидимому, если этот класс станет во главу угла в парламенте, то *при теперешнем* развитии своем и при *теперешнем уровне промышленного развития России*—реакционность направления политической жизни сохранится всецело—*порядок* им нужен совершенно такой, как его понимают Столыпин, Дурново и Витте. Политика этого класса в данный момент — если только они бу[дут] преобладать в Думе, будет, вероятно, состоять в эксплоатации представительства в пользу всевозможного покровительства, льгот и защиты эгоистических интересов своего класса.

Будут законы, отдающие рабочего во власть капиталиста, будут субсидии и пр., будет *противодействие* правительственной защите помещиков и дворян.

87. Е. В., В. П., Н. П. Куприяновым.

8/XI [2] и 11/XI (продолжаю письмо) 1907, Выборг.

Дорогая тётя, Володя и Наташа! Письма, отчеты земской управы и ландыши я получила в исправности. Ах, ты милое сокровище—Наташа! Не забыла о ландышах, а я-то о них забыла! Буду выгонять их во имя твое. Отчет дал

---

[1] Но *хотеть* — еще не значит *мочь*, — это зависит от закона и от других указанных причин: самосознания и т. д. (Сноска того времени).

[2] Этого письма от 8/XI нет.

мало нового, а вот сведенья о решениях земского собрания и особенно о книжной торговле меня обрадовали, только я ругнула тебя, что ты этого не устроила, когда я тебя убеждала. Печальная эпопея о голоде и о том, что ты надрываешься над голодающими! Тебе следовало бы таки отдохнуть над чем-нибудь другим. Сначала возмутилась, а потом посмеялась, получив и прочитав письмо, возвращенное в Казань из-за границы. А хорошо было читать его, пропитанное ароматом деревенских жасминов!.. В нем было так мило описано деревенское житье—так и пахнуло летним теплом, зеленью и полями, и в осеннюю пору при легком морозце было отрадно читать твои милые строки, дорогая моя деревенская жительница и любительница. А у Ольги [1] на даче была такая пакость—загончик, точно для гусей—не больше. Травы нет, а загрязненный песок и десяток, полтора сосен довольно жалкого вида. Пляж неважный — ноги вязнут, а общий вид селения подобен цыганскому табору: беспорядочно рассыпанные дачи и все загородки, загородочки—каждой семье по кусочку, как для кур разной породы, чтоб не смешивались. Здесь [2], недалеко, есть хороший парк, совершенно типичный для всей страны, и в нем очень хорошо, а в остальном—маленький городок, чистенький, совершенно провинциального характера. Между 9—10 все замирает, улицы пусты...

По адресу видно, что вы переменили квартиру: хорошо ли устроились? лучше прежнего или нет? Как ваше здоровье, тётя, и как теперь рука Володи? Видела как-то сестер: Лидия очень за этот год потолстела. Нехорошо это, и она жалуется, что ее душит... А Евгения летом хорошо глядела, а теперь что-то грустна и молчалива. Верно, у каждого есть забота и какая-нибудь тяжесть...

---

[1] В Териоках (в Финляндии).

[2] В Выборге.

Что касается меня, то я здорова и нервы оказываются на высоте, но работоспособность невелика. Сплю недурно, если не злоупотребляю писанием, чтением или говорением (впрочем, больше слушаю, чем говорю). В общем, можно быть довольным—нельзя и сравнивать нервы в прошлом! Но это так ужасно—считать себе 55 лет, вернее, чувствовать 55 лет: Потому что эта усталость—разве не от них??

Наташа! ты упорно не отвечаешь мне, как обстоит продажа стихотворений? Ты бы написала мне! Если бы случилось, что я пришлю тебе несколько книг одного и того же названия, то знай, что это для продажи желающим (для альтруистической цели). А что, куда пошли деньги, данные на крест[ьянскую] газету? Пишите о своих делах и делишках. Не знаю, когда уж мы еще увидимся, а расстояние так ослабляет связь. Целую вас всех и дорогих Пери[мовых]. Еще я спрашивала, когда кончается залог в банке на землю матери??

Уля процветает. Имеет и на этот год стипендии [1] (25 руб. в месяц). Еще лучше устроена другая моя знакомая по Арх[ангельску] — художница [2].

88. Н. П. Куприяновой.

16. XI. 07. Выборг.

Дорогая Ната! Ты переслала мне письмо Елизаветы Петровны [3]. Но я из своего далека не могу ничего придумать для помощи ей. Прочти, пожалуйста, прилагаемое для нее письмо и отправь ей. Не ошиблась ли ты, что земство обеспечило ей 15 р. в месяц? Ведь на это жить можно—у других и этого нет! За всем тем, ведь она работящая и довольно

---

[1] Стипендию давала жена Нобеля, узнавшая, что я принимаю участие в этой девушке.

[2] Ал. Макс. Удалова.

[3] Евстигнеева—учительница с. Шонгуты.

интеллигентная, быть может, возможно найти ей какое-нибудь место: бонны, продавщицы, сиделки за больными и т. п. Виктор [Перимов] не найдет ли чего-нибудь при больнице? Крицкая[1] как-то предполагала устроить Улю для обучению уходу за больными. Кажется, можно было и существовать при этом? Поспроси-ка. Или Верочке Шул[инской][2] не нужна ли компаньонка? Для нее Елиз[авета] Петр[овна] была бы хороша: читала[бы] ей и пр. Поцелуй Вер[очку] за меня.

Я писала вам всем не так давно, а теперь только по этому делу и пишу—я же тут сделать решительно ничего не могу.

Посылаю тебе две открытки, как образец местного производства—тебе понравится. От твоей Лиденьки известий не имею—ведь закрытие «Былого» едва ли отразится на ее занятиях при редакции. Не так ли?

Целую маму и Володю, а также всех Пери[мовых], больших и малых. Здесь только-что установилась зима и на дворе очень хорошо. Я гуляю регулярно часа 2 в день. В общем здорова. Все мечтаю о Пб [Петербурге], но ответа еще нет. Целую тысячу раз королеву холодных и голодных.

Жду от тебя приятных известий к празднику о капиталах за произведения знаменитого поэта.

89. М. В. Новорусскому.

27. XI. 07.

Дорогой Миша! Вы напрасно не сделали так, как я сказала, ибо отдача денег Антонову должна была остаться только между нами. Иначе я сама поручила бы Лидии—ведь это было бы проще. При свидании сообщу, почему это было нужно и даже необходимо.

---

[1] Е. Л. Крицкая (в Казани), хорошая знакомая 1879 и 1881 г.г. по Одессе.

[2] Родственница.

Затем письма его о парниках необходимо доставить мне, ибо ведь мне же надо знать, исполнены ли условия, о кот[орых] я писала, а именно, куплен ли дом и кусок земли. Лишь в том случае, если покупка совершена и после залога нехватало 200 р., я сказала, чтоб он взял у вас эти деньги.

В свою очередь, для вас есть 103 марки из-за границы, полученные вдовой за ваши рисунки, подобные тем, которые вы мне показывали. Они будут пересланы вам. Я разобрала морских животных. Там много морских уточек: 3 хороших рака-отшельника, 4 крошечных сепий (обратите внимание, чтоб не потерялись в массе—я их приняла, было, за раков, потом рассмотрела); 2 интересных червя и т. д. Много раковин моллюсков и яиц каких-то. Есть большой мешочек с каким-то зародышем. Все это в 2 банках, которые, поставленные др[уг] на др[уга], как-раз стали бы в корзиночку, которая у вас. Только надо и мешок тот, чтоб было портативно. Не забудьте об этом при случае, когда вздумаете брать их. Отчего вы не сообщили, взята ли та зоологич[еская] коллекция, заходили ли за ней? Что касается вопроса об участии в сборнике, то у меня есть вещица беллетристическая, говорят, хорошо написанная, которую я могла бы дать после напечатания ее где-нибудь в газете или журнале. Подойдет ли издателям? А по сюжету подходит. Затем вот что. Я вам говорила, что хочу пожертвовать рб [рублей] на 20—25 книг в библ[иотеку]. Но, рассмотрев список изданий Парамонова, я вижу, что огулом покупать по нему не стоит, особенно беллетр[истику]. Но и в публицистике многие темы у него совсем не затронуты. Между тем, у меня нет ни каталогов популярных изданий, ни примерных каталогов библиотечек, по которым можно было бы составить нечто свое. Не возьметесь ли вы составить мне подобный каталог, так, чтоб читатель мог по всем вопросам политики и обществен[ности] иметь хоть 1 книжку. На 25 р. можно составить чудную библ[иотеку] из лучших

брошюр по обществ[енным] вопросам и книжек по беллетристике, так как, по-моему, и это нужно. Состав читателей требует этого. Каталог имеющихся налицо книг я смотрела—он весь из старых и новое время точне не существовало. Библиограф[ия]—отсутствует и помочь не может. Ответьте поскорее.

Целую вас и желаю всего хорошего. До свидания же!

[Выборг]

90. Н. П. Куприяновой.

1907 [1]. Выборг.

Цветок моего воображения [2]

Милая и дорогая Наташа! Что долго нет писем от тебя, а я писала с месяц назад и вложила 2 красивых открытки в местном жанре. Уж знаю, что ты ответила бы на это непременно, и раз молчишь, надо полагать — не дошло. Лучше всегда пиши заказным, а то слишком часто письма пропадают. На-днях видела сестер. Ольга так потолстела в Крыму, что просто удивительно! почти такая же, как была некогда. Но состояние духа все то же, и не исправляется по отношению к сыну—балует до безобразия. По словам Жени, живет она на тычке в 3-х комнатах со своей прежней подругой. В противоположность этому у меня очень хорошая комната—воздуху много и покойно. Дети есть в семье, но их не слышно, так что все материальные условия не оставляют желать ничего лучшего, только холодновато, и не только физически, но и духовно. Что-то нет, кого бы я любила—один знакомый очень нравится во всех отношениях, но вижу редко и боюсь, что он слишком самолюбив—это всегда отталкивает, потому что трудно быть при этих условиях вполне откровенным. Жизнь попрежнему веду аккуратную—работаю регулярно 3½ ч., но стала мало гулять

---

[1] Вероятно, конец декабря.

[2] Был нарисован мной акварелью в заголовке.

из-за холодов: стояло—19—20—23 R, и мне трудно переносить такую стужу. Читала ли ты кн[игу] Гамсуна «Пан»? Если нет, прочти непременно. Это дивный, необыкновенный роман. В том же томе есть в конце драма—я забыла название, очень интересная по психологической теме. Но «Пан»—это совсем другое дело: там описание природы, слияние человека с ней—нечто поэтическое и вместе реальное!.. В наших журналах беллетристика бездарная—ничего не говорит, но Гамсун просто чарует! Потому я и настаиваю, чтоб ты прочла. Целую тебя, моя дорогая, а также тётю и Володю. Как вы поживаете? Напиши мне. Недавно я тебя вспоминала; в доме были детские живые картины, сошли очень мило; ты была бы царицей (Савской!) на подобном ребячьем празднике. Лида [1] собиралась посетить меня, а вместо того села в кресло [2]...

91. М. В. Новорусскому.

19. I. 08.

Дорогой Миша! Письмецо ваше с проектом пирушки получила, и предложение было бы принято с большим удовольствием, но мой план кампании был уже составлен, и потому приходится просить вас и Ксаню отложить эту пирушку недели на две. Тогда придется списаться. Я что-то устала, плохо сплю и хочу немного отдохнуть, а то еще больше утомишься. Перо отчаянное, а потому и пишу так скверно. Уже неделя, как послана рукопись о женск[ом] движении в контору «Р[усского] Бог[атства]», но не знаю, передали ли Прасковье Ник[олаевне] [3] для календаря. Другой труд литературный тоже вот уже дней 6 как вручен вашему тёзке. Так что работа шла удачно. Для журн[ала],

---

[1] Сестра Н. П. Куприяновой.

[2] Была арестована.

[3] Ариан.

который будет выходить под редакцией Бурцева, тоже написала, а сегодня еще кончаю одну вещицу. Должно быть, немного переутомилась, хотя делается все шутя—легко.

Целую всех вас крепко и прошу не забывать любящую вас.

Как же это так вышло, что обещанная лекция не произошла ни там, ни тут?? Выписку прочла, уж действительно—прописали...

92. В. Д. Лебедевой [1].

30. I. 1908 г.

Дорогая Вера Дмитриевна! Ваше письмо от 22 ян[варя] я получила. Вероятно, от моего друга вы знаете, что я поехала несколько отдохнуть и развлечься сюда, а дальше еще не знаю, как устроюсь. Надо как-нибудь дожить до осени в тишине и спокойствии. Из газет видела, что лекция, так волновавшая вас, не состоялась. В число дивертисментов, которые я себе позволила, была А. Дункан—за 6—7 месяцев в первый раз была в театре. Она очень понравилась, но не так, как Горнфельфу [2], закончившему свой фельетон после виденного им спектакля: «увидав ее—можно сказать: стоит жить!». В Помпее мы видели с Сашечкой картины на штукатурке стен, и вот Айседора Дункан как-раз олицетворяет эти легкие, почти воздушные фигуры, полные неподражаемой грации: те же позы и жесты, то же изящество каждого движения. Впечатление сильное и памятное. Дорогая Вера Дмитриевна! Будьте так добры, перешлите мне с какой-нибудь оказией том изданий Саблина, где есть процесс Веры Ник[олаевны]. Он вышел в прошлом году в Пб[Петербурге], говорят, нет в продаже. Если знакомая Анны Пав[ловны] еще не выехала, то можно с ней. А вторую поло-

---

[1] Из Гельсингфорса.

[2] Литературный критик, сотрудник «Русского Богатства».

вину этого письма передайте, пожалуйста, Ан[не] Пав[ловне]. Целую вас, дорогое превосходительство, и желаю всего хорошего. Относительно вопроса вашего о двух биографиях напишу потом. Всем вашим—привет!

93. Брату Петру.

22. II. 08.

Дорогой брат Петя! Пишу тебе—наконец! Совсем о тебе соскучилась я. Сестры, должно быть, сообщали тебе об этом и что я жаловалась на скудость наших сообщений. Теперь заведем регулярную переписку. Пишу тебе из Берлина [1], куда приехала со своей спутницей [2] вчера вечером. У меня есть знакомая хозяйка, которая, хотя и не было свободных комнат, устроила нас отлично, напоила чаем и т. д., а то я что-то была усталая—верно оттого, что ночью перед тем совсем не спала. Сегодня солнышко светит так весело... улицы нарядные, и я только-что возвратилась с прогулки вдоль берега реки. Все ходят совсем легко одетыми, и я тоже уже в пальто; хотя на деревьях почки еще не вспухают, но трава уже зеленеет в скверах и на полях. Снегу—нет, и в воздухе уже чувствуется весна. Говорят, что в Гейдельберге теперь чудно. Местность там очаровательная, и, вероятно, я буду делать большие прогулки в окрестности.

Ах, я забыла тебе рассказать кое-что из своих похождений в Стокгольме. Пригласили меня там на обед к одному холостому господину, на квартире которого собрались: его невеста, его брат и еще двое шведов, дама и господин. Все они говорят—кто по-немецки, кто по-французски, мужчины и женщины (чаще по-немецки). В средних школах новые языки преподаются настолько хорошо, что трудно встретить культурного человека, который затруднялся бы об'яс-

---

[1] В феврале 1908 г. я покинула Финляндию.

[2] Вера Самойловна Гоц—вдова Мих. Раф. Гоц.

ниться по-франц[узски] или по-немецки. Ну, приходим (вдвоем). После первых рукопожатий — на нас нуль внимания; хозяин уходит в другую комнату, читает газету, другие говорят между собой, а мы чувствуем себя совсем сиротами. Потом — обед. Хозяин антиалкоголист (вопрос о водке—теперь жгучий там); подана на столике маленькая закуска: сёмга (или лосось); блюдце с яичницей; селедка; масло. Нечего и говорить—выпивки нет, но на столе за приборами хозяин разливает в стаканы сидр, фабрикация которого (бесспиртовая) недавно начата в городе. Садимся за стол. Подают маленькие отбивные котлеты с вареным картофелем и зеленым горохом; потом 2-е блюдо—белые булочки, срезанные, параллельно основанию, и в середине заключающие десертную ложку миндальной пасты с сахаром и к этому горячее молоко, которым булочка поливается чуть-чуть сверху.

Вот и все! Учись умеренности. Это «званый обед» — невеста в шелку и с букетом ландышей у корсажа. Скоро они обвенчаются и поедут делать свадебное путешествие, а пока она ходит на *двухнедельные* курсы, где учат, как обращаться с младенцами. На первые разы дают куклы соответствующей величины, а потом настоящих детей. Это род яслей, где учат обращению с новорожденными. После обеда идут в кабинет, где пьют по крошечной чашечке кофе (обязательно со сливками). Хлеб там удивительный: национальный—состоит из тончайшей ячменной четырехугольной большой пластинки, в роде серой оберточной бумаги, жесткой и хрупкой, так что ее ломают рукой и она царапается до крови, если нечаянно пальцем проведешь по краю. За обедом я сидела рядом с хозяином и уж сама завязала разговор. За кофе, едва он выпил, как соскочил и простился со всеми. Захватив невесту, удрал из дома. Гости остались еще за чашками с его братом. Но не будь последнего—я думаю, он всех нас тоже оставил бы таким же обра-

зом. Что это—неучтивость или простота?—я не поняла. Но думаю, что последнее, ибо зачем иначе было звать четырех гостей, иностранцев и соотечественников. Это приключение достаточно позабавило нас. После знакомая предложила подняться на городской лифт и посмотреть на город при вечернем освещении. Зрелище оказалось восхитительным, и сама дама хорошо определила характер его; она сказала: как-будто звезды с неба упали на землю. Действительно—это похоже... Часть города лежит на высоте и лифт за 3 и 5 öре поднимает на ту или другую высоту. Часть—ездит, конечно, и лишь для того, чтоб полюбоваться видом. Целую тебя и Настю. А также Колю и сестер. Если Наташа с тётей еще у вас, то и их.

94. М. В. Новорусскому.

24. III. 08. Париж.

Дорогой Миша! Я получила ваше письмо от 7/20 марта в Париже, куда приехала, чтоб проводить нашего товарища по заключению—Гершуни [1]. Он умер в Швейцарии от саркомы, кот[орую] распознали лишь за короткое время до смерти, неизбежной во всяком случае. Все думали, что у него 2-сторонний плеврит с гнойным эксудатом. И вот 38 л. его уже не стало.

Вы пишете о разных литературных начинаниях, но я не могу принять в них участия. Прошу вас, поскорее пришлите мне копию с той незначительной бумажки, где было записано о голодовке (на случай пропажи 1 экз[емпляр] сохраните у себя). Я помню ее только приблизительно и в ней лишь то любопытно, что я не чувствовала голода и не было желания есть—совершенно. Я отношусь крайне серьезно к выступлениям в печати, быть может, потому, что я слышала

[1] Был переведен из здания старой тюрьмы в новую, после моего выхода из крепости.

В. Н. Фигнер *(1925 г.)*.

много осуждений—Ник[олаю], немного и вам (за газетные заметки). Ник[олай] слышит лишь похвалы—лично никто не высказывает, ну, а за глаза, как он ни дорог *всем,* его осуждают как-раз за те же вещи, за какие осуждаю я. Говорю это для того, чтоб указать, что, должно быть, в самом деле неладно, если я, его любящая и превосходно знающая и радующаяся всякому успеху его более, чем радовалась бы своему собственному (п[отому] ч[то] как-то холодна к этому—хочу любви, а не успеха), и, с другой стороны, люди чужие ему, как человеку,—сходимся в порицании одного и того же. Поэтому, дорожа всеми вами и собой, как членом нашей семьи шлис[сельбуржцев], я думала бы, что всем нам лищь ценное и цельное стоит выносить на книжный рынок, а не обрывки. Ник[олай] угадал—я против помещения этого отрывка (о голоде). Что касается до остальных рукописей и сочинений, то мои документы прошу сохранить у вас до свидания. Участвовать в «Голосе народной правды»?[1] (п. ч. [почему] народной правды??) я не могу. Если буду писать, то о Фин[ляндии] или воспомин[ания], но они будут долго лежать и обрабатываться, п[отому] ч[то] я не уверена, что скоро найду ту ноту, которая мне нужна для этого. С нетерпением жду от вас высылки обещанной книжечки. Пора бы, кажется, ей и выйти. Прошу вас выслать ее также немедленно для перевода на немецкий язык, только не даме-переводчице, а другому, которого вы знаете, конечно, просто, а не от меня. Не забудьте также все мои просьбы на этот счет, раньше обращенные к вам. Целую вас крепко. Товарищам всем привет. Фрол на Капри и меня зовет, но я не поеду.—В Париже масса солнца, в Булон[ском] лесу—зеленый лут, но деревья голые.—От лица товарищей-шлис-[сельбуржцев] я возложу венок на умершего,—несколько цветов, вот все. Сегодня хмуро (26-го), как в Петербурге.

---

[1] Издание, задуманное О. Любатович и ее мужем—Джабадари.

Не выйдет ли теперь что-нибудь у Сер[гея] со сборником имени Ла[1]? Как бедны люди в выражении своих чувств!

В Гейд[ельберге] переводчица еще не знает, поместят ли вашу вещицу, и напишет вам, когда это выяснится. Говорит—недели через 2.

Пишите сюда: Rue Alboni, 6, моя фамилия. Прилагаю обещанную открытку для вас.

95. Брату Петру.

26. III. 08.

Дорогой брат Петя! Твое длинное письмо получила и собиралась было писать политико-экономический трактат об искусственности нашего капитализма, но сообразила, что для тебя это будет пустой звук и ты, как запрягся, так и будешь себя мучить на своем деле. Когда ты будешь страдать бессонницей, возьми роман «Пшеница», напечатанный в «Вестн[ике] Иностр[анной] Литературы» за прошлые годы. Я читала его в Шлисс[ельбурге]. Конец—банальный, но там есть захватывающие места, и когда ты озабочен—а ты озабочен всегда (кроме тех нескольких дней, когда ты был в никифоровских полях)—я всегда вспоминаю героя этого американского романа. Автора я забыла. Читаешь ли ты когда-нибудь романы? Ты читай! тебе—это необходимо и напиши мне, читаешь ли и какие? А я теперь сразу читаю два—один на франц[узском], другой на немецком—перевод с датского—роман Якобсена: Нильс Лин, который мне очень хвалила моя хозяйка. Я ведь теперь в Париже. Раньше я рассчитывала прожить месяц, а если понравится, то и больше в Гейд[ельберге]; но смерть товарища (Гершуни) перемешала карты, да и скучно там очень—совсем нет впе-

---

[1] Ла — шлиссельбургское сокращение имени Людмилы Александровны Волкенштейн, из которого мы сохраняли первую букву—Л и последнюю—а.

чатлений и приходится—духовное—самой давать людям, а не брать от них. Но ведь у меня запас жизненного опыта и встреч страшно мал. Мне так часто приходится повторять одно и то же! И это скучно... Надо еще немало прожить среди современного поколения и среди настоящего, а не прошлого, что жить в глуши—это стоять на месте и пережевывать жвачку. Итак, убедившись, что и 2 недель достаточно, чтоб ориентироваться и поскучать, я уехала. Отправилась в Париж одна по очень запутанному маршруту с 4 пересадками, и оказалось, что еще ошиблась, и вместо 9 ч. вечера, я приеду в 11. Все это заставило меня достаточно поволноваться, ибо я дала ранее знать письмом, чтоб знакомые встретили меня на вокзале. Однако, путем расспросов, я ухитрилась исправить ошибку, пересела в Бленвилле до Нанси на другой поезд с I и II кл. (за 75 сантимов), а от Нанси поехала снова в 3-м на поезде, который во-время поспел в Париж. Таким образом, вышла с честью из испытания, что, конечно, и не было трудно при знании языка.

Я поселилась пока в одном семействе, у знакомых, которые давно приглашали меня[1]. Комната у меня хорошая, и хотя тут же начинается метрополитэн (подземный трамвай), но шум как [от н]его, так тем более [от] обыкновенной езды вполне заглушен, и в квартире—благодатная тишина и порядок. Надеюсь, не расстрою нервы и увижу много поучительного, познакомлюсь с интересными людьми и обогащусь впечатлениями и опытом. Апрель и май здесь, говорят, чудные, ну, а потом можно куда-нибудь уехать. Знакомые соблазняют ехать в Бретань, но едва ли я сделаю это. Женя пишет, что, быть может, они поедут за границу, тогда я с удовольствием побыла бы с ними где-нибудь в Швейцарии или где они вздумают. Я сегодня от нее письмо получила, а также от Наташи. Скажи Ольге, что изучение

---

[1] У Софьи Григорьевны и Евгения Юльевича Пети.

школы Фидлера, находящейся в Женеве, приходится отложить на неопределенное время, и слух идет, что он перенесет ее в Париж. Денег у него на это, однако, еще нет.—Ну, целую тебя, Настю и всех наших.

Твоя *Веруша.*

Тебе пожить где-нибудь на просторе, конечно, необходимо: ты мне не нравишься все это последнее время. И рожа (на ноге)—нехороша. Ты поговори с врачами: кажется, надо дезинфицировать квартиру и одежду, а то будет повторяться. Непременно спроси, не следует ли сделать это.

Фроленко—на остр[ове] Капри.

Адрес: Rue Alboni, 6. Paris. Моя фамилия.

96. Брату Петру.

30. III. 08.

Дорогой брат! Ты, верно, рассердишься—а я хочу попросить тебя об одном студенте-естественнике здесь, бывшем товарище моем по Архангельску. Он очень нуждается, живет на 45 фр. в месяц (урок рус. яз. дает). Право, глаза у него горят от голода... Его хотели выслать опять в Арх[ангельск), но отпустили за границу, и он усердно учится. Ему хочется быть «чем-нибудь в жизни». Я сказала: не лучше ли хлопотать о возвращении в Россию и поступить в университет—быть может, там легче найти заработок.

А он говорит: «Я шесть лет не доводил ничего до конца», и потому хочет кончить ученье здесь.

Это было сказано так твердо, что в виду хронического недоеданья—внушает уверенность, что человек будет держаться во что̀ бы то ни стало.

У тебя есть Шлиппе [1] и еще кое-кто. Быть может, ты спросишь их и сам дашь. Ведь у тебя приятели не для себя же одних только и живут.

---

[1] Товарищ брата по Горному институту.

Его адрес: M-r S. Iwanoff. Rue de la Gracière, 23. Paris. Можно послать, конечно, и через меня.

Ну, целую тебя. Твоя *Веруша.*

97. Брату Петру.

19/IV. 08.

Дорогой брат! Твое письмо и чек я получила сегодня и спешу известить об этом. Но впредь лучше посылай по почте, переводом, ибо тогда дашь там русские деньги, а мне принесут на дом франки. Тогда мне не придется ездить в банк—это хлопотно. Какой ты, однако! Не мог даже приятелю сказать о моей просьбе помочь Иванову! Понимаю, обращаться часто к знакомым и друзьям с такими делами трудно и неприятно, но иногда-то можно и даже должно, потому что индивидуальными усилиями ничего не сделаешь, и полагаю, что и они к тебе нередко обращаются за пособиями и ты, вероятно, тогда раскошеливаешься... Что касается до занятий Иванова, то он студент Париж[ского] университета—естественник. Прошел 3 семестра, летом работал на биологической станции Росток близ Финистерре. Его специальность зоология и он готовится к карьере биолога, специалиста по морской фауне. Он-то, собственно, и просил о стипендии с отдачей по окончании курса. Но я боялась такого займа, ибо читала и слыхала, что стипендиаты университетов и вообще высших учебн[ых] заведений в России почти никогда не возвращают своих стипендий; что множество лиц, сделавших даже карьеру, не стыдятся не заплатить такого долга учреждениям, подавшим им руку помощи. Этот Иванов кажется мне человеком другого закала, но я все же хотела сделать попытку *без* обязательства, памятуя приведенные примеры. Но он сам всегда мне говорил, что предпочел бы стипендию с отдачей, и надеется, что по окончании сейчас же получит место на одной из морских

биологических станций и будет выплачивать постепенно долги.

Не знаю, писала ли я тебе, что, будучи в Архангельске, он ездил на Новую Землю с 2 другими лицами, геологом и химиком [1]. Они пробыли там 3 месяца, совершая экскурсии с научными целями, так как геолог Пивовар хотел подтвердить свои предположения о времени возникновения этой суши. Иванов составил довольно интересное описание этого путешествия, которое находится сейчас в «Рус[ском] Богатстве», а если туда не подойдет, то надо будет поискать помещения в каком-нибудь другом органе. — Если ты можешь что-нибудь сделать в смысле стипендии с отдачей, то, конечно, сделай — он, собственно, этого только и желает.

Что касается кадетов—то благодарю. Это ты нехорошо выдумал! И вообще напрасно ты беспокоишься. Если умирает товарищ по заключению в Шл[иссельбурге], то, понятно, не проводить его нельзя, и было бы просто гадко. Вот и все. Целую тебя. Твоя *Веруша*. Настю и всех целую.

98. М. В. Новорусскому.

25. V. 08. Париж.

Дорогой Миша! Давно нет вестей от вас: что вы поделываете? Получили ли мое письмецо о корешках вьюнка и будет ли исполнено?? Вы писали мне, что в архиве есть две мои рукописи. Одна, писанная вами под мою диктовку, другая—моей рукой. Так прошу вас, вышлите их мне заказной бандеролью. Так как я могу уехать, то на адресе ставьте не мое имя, а M-me Petit. Ну, Мишель, что сказать вам о своей жизни? Не нахожу ее не очень удовлетворительной, верно, потому, что не работаю уже 3 месяца, а ведь всегда без этой дисциплины скучновато. Как всегда, искала

---

[1] Гольштейн.

людей, к которым можно бы прилепиться душой, но, кроме прежних знакомых, никого не отыскала, чтоб восхититься, а если есть кое-кто хорошие или умные, так видалась слишком мало, чтоб сделаться друзьями. Жена Фр[оленко] чрезвычайно добрая, но с ней скучно мне, а сам Фрол среди людей, вне узенькой сферы тюрьмы, кажется каким-то потерявшимся, его наивность слишком бросается в глаза, и если в тюрьме это было забавно, то—в жизни мало интересно. Ведь для каждого человека нужна определенная обстановка, рамка, и он подле земли, в огороде и деревне имел бы особый смысл, составлял бы нечто гармоничное со всем окружающим. Здесь же это диссонанс. Целую вас, дорогой Миша, и прошу не лениться. Женя так тепло говорила о вас, что я преисполнилась удовольствием, что вы живете в дружеской атмосфере.

В.

Как и где проведете лето? Письма пишите по-старому, если уеду — перешлют. Вашему патрону — всегда от меня привет.

Мне очень нужен «Женский Календ[арь]», но я его не получила. Попросите (почтой) M-me Ариан выслать мне под бандеролью.

99. С. Г. Кропоткиной.

8. VI. 1908.

Дорогая Софья Григорьевна. Г-жа С.[1] была у меня перед обедом, и мы только-только успели прочесть один раз рукопись, а послужной список я не успела составить с нею.

Поэтому пишу по-русски. Арестована я была в феврале 1882 г., betryed by a friend and comrade (Degaeff). Судили в 1884 г. с заменой см[ертной] казни пожизненной каторгой. В 1903 г. приговор смягчен на 20 л., и 29 сент. 1904 г.

---

[1] Не помню, кого С. Г. Кропоткина посылала ко мне.

увезли из Шлисс[ельбурга]. Вот все. Я получила сегодня письмо (от 4 июня) от Новорусского. Он пишет: Марья Мих[айловна] (Дондукова-Корсакова) получила разрешение видеться с Брешковской. И далее: боюсь, что ей не удастся воспользоваться этим разрешением, п[отому] ч[то] ее положение очень плохо: ни Рентген, ни радий не помогли, а Лесгафт еще в прошлом году сказал: она умрет от рака. Этот рак у Марии Мих[айловны], как я знаю, уж год. Целую вас.

100. Брату Петру.

7. VII. 08.

Дорогой Петичка! Сейчас получила твое письмо и под свежим впечатлением хочу написать тебе. Огорчило оно меня! Не тем, о чем ты пишешь, не фактической стороной, а тем, что в нем слышатся усталость и тревога. А я-то развесила уши, что ты с Настей [1] и Таней [2] поедешь на Кавказ, и думала, как вам втроем хорошо будет; какое это выйдет прекрасное путешествие среди тамошних красот! И мысленно рисовала ту или иную картину под влиянием рассказа Жени, что ты и Настя считаете Таню «своею» и что она пользуется вашим особенным баловством. Женя рассказывала мне также, что ты отстраняешь старичков, а окружаешь себя молодежью, когда хочешь развлечься и повеселиться. Знаешь, я чувствую то же. Быть часто в обществе «потерпевших кораблекрушение» в жизни действует удручающе. А у меня знакомые как-раз все из «времен Очакова и покоренья Крыма», и я никак не дорвусь до молодого поколения. Сил-то для общения не так много: ну, вот, повидать одного старого, встретиться с другим, глядь — и чувствуешь себя усталым. Обходить — неудобно, да и скребёт, если не выполнишь некоторого долга по отношению к

---

[1] Жена брата.

[2] Племянница Стахевич.

прежним знакомым, но как-то страшно мало получаешь от всего этого. И так немногих истинно любишь. Вот наша Алек[сандра] Иван[овна] после долгого периода молчания и угнетенного состояния начинает поправляться. Теперь она близ Риги, и мы часто переписываемся—ей лучше, а то весь год у нее, можно сказать, пропал. Ее я действительно люблю.

То, что ты пишешь о Верочке[1], вполне совпадает с моим взглядом. Даже о стенографии думала и я. Только учиться ей здесь не у кого, ведь это искусство чисто практическое. Она, кажется, остановится на изучении языков франц[узского] и немец[кого] при университете в Париже. Это 2-летний курс и дает права на преподавание в гимназиях. В России очень ценится. Она и теперь уже начала брать уроки франц[узского]. Ходит каждый день. В пятницу мы переезжаем: Châlet Signal du Blonay, s/Vevey (canton Vaud). Suisse. Это на лоне чудной природы, в отдельном домике, где нет туристов. И недорого—по 3 фр. в день за все. Там барышня Добров[ольская] и мы будем заниматься с ней франц[узским] языком. Там же будет и Зебра[2]. Обстановка простая, воздух упоительный. Сажины[3] в пятницу едут в турнэ на Тунское озеро, а мы воздержались. Через 4 дня они вернутся и уже к нам в Châlet Signal, чтобы пробыть дня 2—3. В Париже, осенью, постараюсь устроить Веру так, чтоб было недорого, но чтоб ела здоровую пищу. Это можно, когда немножко знаешь город и местные условия. Мы проживем в Châlet Signal месяц, а потом, если найдется подходящая компания, Верочка сделает поездку по Швейцарии, чтоб повидать ее природу. Это можно сделать экономически, если поедет с Добров[оль-

---

[1] Стахевич, приехавшая за границу учиться.

[2] Зеберг—приятельница Веры Стахевич.

[3] Евгения с мужем приехали в то время в Швейцарию на время.

ской], которая хорошо знает страну и язык. А она собирается.

Насчет денег я написала Лиденьке, чтоб сохраняла до моего требования, а пока у меня достаточно, да у меня есть кредит—в случае нужды. Ну, целую тебя, милый Петрик, и Настю. Колю и Лиденьку тоже поцелуй от меня. Пока прощай и не беспокой себя мыслями о стипендиатах. Вот мне понравилась Лиденька. Раз я спрашиваю: как это ты живешь, так много проживаете и не стесняешь детей? А она: «да я—так: пока есть—пусть все идет, а не будет—так на нет суда нет...». Вот и ты так рассуждай. Твоя *Веруша*.

Скоро твои именины—заранее поздравляю тебя и желаю отдохнуть.

«Поздравляем и мы тебя, дорогой Петя». *Евгения* [1].

101. Брату Петру.

29. VII. 08.

Дорогой Петя! Что это ты стал такой ленивый на письма? А обещал писать! Надеюсь, что письмо мое ты получил—я тебе написала тотчас же в ответ на то, в котором ты писал насчет Верочки младшей. Вот уже 3 недели, как мы живем здесь, и Геничка тебе, конечно, рассказала о нашей обстановке. Мы попрежнему восхищены чудным видом и воздухом и совершаем время от времени прогулки в окрестности. Недавно ходили пешком в Кларан, ночевали там у знакомых, предварительно покатавшись по озеру. Ночь была темная-претемная, и только линия береговых огней блистала, как лучшая из иллюминаций. Ни по чему я так не соскучилась в Ш[лиссельбурге], как по воде, и чувствую неиз'яснимое наслаждение, когда попадаю близко к ней. Наутро доехали по электричке до Веве, сходили для Верочки к зубному врачу (пломбировать зуб), потом отпра-

---

[1] Приписка сестры.

вились в баню, которой нет в Châlet Signal, затем купили на 1½ фр. провизии и наняли лодку. Опять были на воде. Но уже при блеске дня. И в то время, как на берегу была температура бани, на озере было прохладно. Прогребли подальше от берега, с'ели провизию, при чем Верочка, по обыкновению, заявила, что она не сыта, и проплавали целых 1½ часа. С нами была Зе[берг]. Она такая скромная, хорошая девушка, что нравится мне ужасно. Не рассказываю дальнейших приключений, в роде мороженого и возвращенья домой усталыми от духоты и восхождения все в гору. Так провели целые сутки и переделали много «дел». Обычно ежедневно занимаюсь с Верой франц[узским] яз[ыком], теперь и Зе[берг] принимает участие в этих занятиях. Дала им 2 главы одной книги. Они переводят устно, а потом это же письменно, а я чиркаю. На-днях снаряжаю девиц в экскурсию в Интерлакен и на Тунское озеро, так как потом Вера будет учиться в Париже языкам в Сорбонне и может не попасть в Швейцарию. Это будет сделано экономично, по возможности. Мы сговорились с ней, чтоб деньги для меня (на 2 месяца: авг[уст], сент[ябрь] от тебя и 100 руб., переданные тебе через Лидию от Коли) и 50 рб. для Веры (вместо Лидии, вероятно, ты будешь ей высылать) на август ты выслал нам вместе. И так как наше почтовое отделение очень маленькое и на него неудобно высылать такую сумму, то ты вышли все эти деньги почтовым переводом по следующему адресу: M-r Lazareff. Baugy s. Clarens. Suisse. Это наш старинный знакомый еще со времен Самары (Лиденька тоже его знает). Можно прибавить: Etablissement de képhire, так как у него там ферма, где приготовляют кефир.

Высылай, конечно, не сейчас,—а к 1 ав[густу] по старому стилю.—Раньше не надо.

Из газет вижу, что Коля думает петь в Пб [Петербурге], значит, он еще не в деревне. Поцелуй его от меня, и что это

он мне не напишет? А я ему послала письмо отсюда, как только узнала о приезде. Получил ли он это письмо? Привет также и Ренэ.

Как ты себя чувствуешь, дорогой Петя? Женя мне говорила, что Насте немножко лучше. Целую ее и тебя крепко. Будьте здоровы и «елико возможно» в хорошем настроении.

К моему удивлению, несмотря на близость к природе и хороший воздух, суб'ективно я не чувствую себя бодрой, а когда тут жарко, то раскисаю совершенно. Мы живем на высоте 900 метров над уровнем моря, и все же для меня здесь недостаточно прохладно. Я только теперь поняла, что, когда мы были в Никифорове, я, между прочим, страдала и от знойного, сухого воздуха. Уже акклиматизировалась к влажному климату широт Пб[Петербурга] и Шл[иссельбурга]. В Париже было тоже порой несносно. От Алекс[андры] Ивановны имею сведения, что ее здоровье улучшилось и даже она чувствует себя хорошо. Из Пернова она поедет в Крым.

Верочка тебя целует, а также Настю и Колю и всех наших, кто еще в Питере. Твоя *Веруша*.

102. М. В. Новорусскому.

18. IX. 08.

Дорогой Миша! Весьма опечалена, что вы так поздно дали знать о сборнике, для которого требуется дать вещицу. Ведь я не отличаюсь бойким пером, всегда готовым написать на какую угодно тему. На всякий случай, сообщите крайний срок для сбора статей и 2) какие темы пока есть или предполагаются. Гер[ману] Ал[ександровичу] напишу. Он теперь в Ницце, но может уехать в конце месяца, поэтому адрес его не стоит сообщать. Напишите, что же это все пенсионеры получат столь печальные повестки, или, так как Ан[тонов] начинается с А, первой буквы азбуки, то начало поло-

жится с него[1]. Я сл[ышала], что Сер[гей][2] отказался от места в библ[иотеке], стало быть, и он останется безо всего. Не предположите ли вы и для наших издать сборник, при чем можно бы организовать так, что каждый из нас дал что-нибудь свое, и прибавить 7 повешенных Андреева, с нов[ого] года делающихся общей собственностью. Я бы здесь поискала материал для такого сборника, а напечатать, верно, согласился бы ваш приятель в «Знании»[3] и организовать сбыт на условиях, какие у них вообще бывают и о кот[орых] знает Лидия Петр[овна][4]. Право, Миша, подумайте об этом. И приноровить бы выход к 1 ян[варя]. О себе сообщать много нечего. На зиму устроюсь в Париже, квартирой. Это потребует немало затрат, но иначе я буду лишена всех удобств. Жизнь на полном пансионе за 4½ фр. в день в Париже—отвратительна. Грязно, шумно и плохо кормят.—Поэтому мне ищут квартиру, где я поселюсь с 1 знакомой, хорошей дамой[5]. Вера[6] уже уехала дня 3 назад в Пар[иж], и я имела от нее открытку. Ищет и она себе квартирку с подругой. Вместе не селимся—она думает, что это будет стеснительно для обеих сторон. Я в этом не так уверена. Хотели бы поселиться в 1 доме, рядом, но не знаю, удастся ли?

103. Брату Петру.

29. VIII. 08.

Дорогой брат Петя! Что же это ты нас смущаешь—не знаем, куда же ты едешь? Повидимому, все-таки в Крым,

---

[1] Речь идет об отсутствии средств у Шлиссельбургского комитета, материально поддерживавшего бывших узников Шлиссельбурга, не имеющих заработка.

[2] Иванов.

[3] Пятницкий.

[4] Куприянова.

[5] Розой Фондаминской.

[6] Стахевич.

так как открытка к Верочке позднейшего времени. Все же на твои вопросы могу ответить обстоятельно. Из Châlet я переселилась в Hôtel de Bahyse. Blonay, s/Vevey. Это немного ниже Châlet, и в отеле очень хорошо. Тихо, спокойно, кормят хорошо и плата не велика—4½ фр. (не считая освещения и т. п.). Народу почти никого. Две итальянки с братом и только, а заведение обширное, салон—прекрасная комната с пианино, есть ванна и т. д. Здесь я сразу почувствовала себя в деловой атмосфере, и так как теперь уже не жарко, то можно заняться своими литературными делами. Но пока все это лишь мелкая работа. Просили для женского календаря статью о положении требования политических прав женщинам в Англии. И вот теперь я читаю англ[ийское] издание одного женского общества, чтоб исполнить этот заказ. А потом займусь другой небольшой работой, с которой не знаю, как еще устроюсь. Просят прочесть одну лекцию в Париже на франц[узском] языке в женской масонской ложе. И не слыхивала, не имею понятия, что это вообще теперь за ложи. Наведу сначала справки, и, если это простые общества в роде нашего равноправия, то думаю попробовать исполнить просьбу. Очень звали меня читать лекции в Англии, но мне кажется с переводчиком это будет одна комедия, и я отказываюсь от этого плана. По-французски же прочесть—это другое дело—можно подготовиться. В этом отеле я думаю прожить весь сентябрь по нов[ому] стилю, а далее еще не знаю. Верочка собирается числа 15 сент[ября] нов[ого] стиля отправиться в Париж, чтоб там заблаговременно осмотреться. А я еще в нерешительности—как и где устраиваться. Может быть, наймем с Верочкой квартирку без мебели, это можно иметь очень дешево—только побаиваюсь хозяйственных забот. Обе мы совсем не хозяйки, и как бы не вышло бестолковщины, хотя Верочка вообще, кажется, аккуратная и не из тех, кто сваливает все на других. Да еще я все еще дичусь больших городов. Не

знаю, удовлетворен ли ты относительно ближайшего будущего моего. Если бы ты приехал, то тут в отеле было бы и тебе отлично. Но, верно, ты не приедешь. Крым, а потом Тетюши возьмут все твое время. Имей только в виду, что Лазарев [1] будет всегда знать мой адрес, а главное, конечно, я сама буду извещать вас, когда начну передвигаться. А если бы ты вздумал после Крыма сделать поездку за границу, и это пришлось после сентября по нов[ому] стилю, то я могла бы и дольше остаться здесь, чтоб встретиться с тобой.—Поправляйся, дорогой Петя—все говорят, что ты переутомлен. А я здорова и мои нервы в полном порядке и сплю я порядочно—очень редко принимаю сульфонал; только общество попрежнему утомляет и мешает сосредоточиваться. Что Настя? Как ее здоровье? Целую вас обоих. О деньгах тебе уже Верочка писала, что получены.

104. Брату Петру.

30. IX. 08.

Дорогой брат Петя! Вышло очень удачно! 17-го, т.-е. вчера утром, схожу из своей комнаты вниз и думаю, посмотрим, забыли «они» меня, или нет? И нахожу письмо от Ольги у моего прибора для кофе! Ну, точка-в-точку—пришло! А вечером в 5 ч. приносят письмо и от тебя. Действительно, я почувствовала себя именинницей, хотя кругом и не было поздравителей. Не с кем было и покутить на твой подарок. Целую тебя за него и отпраздную за это свое новоселье в Париже, на своей квартирке. Верочка предпочла жить со своей подругой, хорошей девушкой [2], но, как мне показалось, подчиняющейся Верочке и «исчезающей» в ее присутствии. Быть может, Вера и не замечает этого, но для той—эта позиция невыгодная, конечно, в смысле моральном,

---

[1] Егор Егорович.

[2] Евгения Бронштейн.

и я хотела бы ошибиться в этом—в сущности, я видела их вместе не так много. Как Вера, так и я будем иметь квартиры в одном доме на очень тихой—rue du Loing, 14, но не знаю, на одной ли лестнице? У меня 3 ком., кухня. Буду жить с молодой (лет 26—27) дамой со средствами в размере моих, очень жизнерадостной и скромной морально и во вкусах своих. Две комнаты будут мои, ее—одна. Плата в 3 месяца 195 ф. (на мою долю 130 ф.); это, я думаю, не так дорого, но без отопления. Мебель придется купить. Ты, было, меня подвел, написав о запоздании денег на окт[ябрь], ноябрь, но я написала в Пб [Петербург], чтоб мне выслали из денег за статью в женском календаре и за вещицу, которая печатается в «Рус[ском] Бог[атстве]»[1], так что ты не думай об этом.

Теперь у меня много работы литературной, но все из области «бескорыстной суеты». Не знаю, писала ли тебе, что меня просили написать не то письмо, не то доклад для депутата Buisson, который вносит во франц[узскую] палату депутатов проект об избирательном праве для женщин. И вот, француженки просят подкрепить их изложением того, как относятся передовые партии в России к этому вопросу. Нечто в роде исторического очерка. Да еще просили прочесть реферат о роли женщины в освободительном движении в России.—Может быть, знаешь, мне ведь хотелось бы выработать в себе способность и уменье выступать в собраниях и мне надо пройти для этого целую школу, потому что надо составлять речь, реферат и т. п., и, во-2-х, надо победить застенчивость: я очень волнуюсь, когда мне приходится говорить даже в маленьком обществе малознакомых людей, и мне всегда страшно неприятно говорить при них. В Шлис[сельбурге] от товарищей узнала в первый раз, что говорю хорошо, но, как вышла,—куда это пропало?! Просто

[1] «Без приюта».

самой тошно иногда себя слушать—так я конфужусь и лепечу... А между тем, когда я буду в России, то чем я могу быть полезной, как не словом, и уже не в комнатке, а перед большим собранием. Тут ты делаешь гримасу—я вижу... Но это дело будущего.

В Пб [Петербурге] теперь холера, тебе не надо туда торопиться, потому что ты, говорят, не ешь по-иностранному: часто, но понемножку, а лишь раз в день и плотно.

Своим пансионом и окружающей тишиной, простором и красотой я в высшей степени довольна. Не жарко, наоборот, прохладно, и я чувствую себя бодрой. С большой неохотой еду я в Париж, и жаль даже мебель покупать из боязни, что не уживусь там, в этих каменных улицах, толкотне, без широкого горизонта и с трескотней движения. Совсем иначе на душе среди необ'ятного простора и нестесненных небес. И мечтаю, что из Парижа смогу как-нибудь к январю удрать в Швейц[арию] опять к озеру, горам и тишине. Целую тебя, Настюшу и племянницу. Прошу ее написать мне расписание, когда, кто именинник—никак не запомню и путаю еще из-за разности в стилях. Твоя *В.*

Я уеду отсюда через 3—4 дня.—Рада, что у тебя под ложечкой не сосет. Я тебя видела всегда, кроме Никифорова, таким озабоченным и усталым...

105. М. В. Новорусскому.

4. X. 08.

Дорогой Миша! Пишу вам из Vevey по дороге в Париж. Письмо ваше последнее я получила. Но я не ответила на позапрошлый вопрос о вьюнке. Если есть возможность, не обременяя себя филоксерными комиссиями, то вышлите (collis sans valeur). Вот мой адрес. Rue de Loing, 14. Я устраиваюсь на своей квартире. Не знаю, будет ли все ладно. Довольно-таки колебалась. На будущее лето непременно приезжайте в Швейц[арию]. Дорога—прямой билет с

возвращением и туром по Швейц[арии] стоит недорого, а вы тут увидете столько прекрасного и полезного, что, я уверена, не будете жалеть, и мы с вами увидимся и попутешествуем. Ну, всего хорошего! Будьте здоровы. Я очень неохотно уезжаю от здешней природы— в город.

106. Брату Петру.

5. XI. 08.

Дорогой Петя! Сейчас получила твое письмо и хочу скорее ответить. Конечно, хорошо, что ты высказал свое мнение насчет рассказа [1]. Но я его написала не ради денег. Он написан ровно год назад, и я его читала на литературном вечере в Париже, весной. Написала я его потому, что просили написать для одного сборника с благотворительною целью, а потом составление его не состоялось. Не знаю, прав ли ты, что с маленькими вещами не стоит выступать: быть может, это самолюбие? Но большое—хорошо я могла бы написать только при известном настроении, п. ч. у меня всегда выходит хорошо только тогда, когда я пишу «от сердца», а не от ума. Быть может, я всего лучше написала бы, опять попав в тюрьму... Но это, ведь, совсем, совсем нежелательно. В уме у меня много отдельных драматических эпизодов, и иногда жаль, что нет фонографа для мыслей, но если писать в историческом порядке, то боюсь, чтобы не вышло сухо, а потому и скучно. А все это, пока, была только «проба пера», и она, кажется, все же утвердила публику в мнении, что у меня есть дарование. Если бы и теперь собрать в одну книжку все, что я написала, то я уверена— эта книжка была бы всеми признана за ценную и хорошую, и тогда довольно ярко выделилось бы, к какому типу писателей я принадлежу (11 биографий товарищей; «Няня»;

---

[1] «Без приюта».

«Без приюта»; «Портреты народовольцев» (в «Былом»); стихотворения; мои показания, речь на суде; некоторые письма).

Но тебе мало! Это хорошо и лестно для меня. Быть может, я еще не обману твоих ожиданий и еще при моей жизни, а не после смерти, ты будешь пожинать мои писательские лавры. Ну, шучу, шучу! и целую тебя.

Вы справляли Колино новоселье, и я тоже справляла свое. Сегодня месяц, как я в Париже, и только *вчера* нам поставили газовую плиту, хотя заплатила за установку ее 3 недели назад. Только 3 дня назад наладилась топка печки, но все же надо пройти целую школу, чтоб заряжать ее на целые сутки и не дрожать по утрам.

Сейчас более не хочется писать. Целую тебя и Настю.

А как твое собственное самочувствие? Сегодня Вера получила из университета извещение, что она принята, и она пошла вносить деньги. А ее подруга—еще нет.

А ты знаешь, кроме облития кислотой у племянницы, мне опрокинули в шляпу целую чернильницу (в другом месте), так что все беды и все стихии соединились, чтоб отвадить меня от Парижа, и я кляну его каждый раз, когда сморкаюсь—весь платок в каменноугольной пыли. Деньги от тебя на окт[ябрь], ноябрь получила, как писала Мих[аилу] Петр[овичу].

107. Брату Петру.

13. XI. 08.

Дорогой брат Петя! Я что-то начинаю сердиться на тебя и Колю, и вот почему. Я просила вас позаботиться о моей приписке, но вы, имея к вашим услугам, по вашим материальным делам, адвокатов, до сих пор не посоветовались с ними о формальной стороне этого дела; не сходили и к Лерхе[1], чтоб получить у него документ об истечении срока

[1] Секретарь директора департамента государственной полиции.

моего ссыльно-поселения. Между тем мне, обходя вас, обращаться к кому-либо из петербургских адвокатов, я думаю, неловко. А должна же я, наконец, знать, как это все должно устроиться? Я слышала, напр., что нужна будет доверенность от меня для приписки к какому-нибудь обществу. Правда ли это и хорошо бы, если-б этого не было нужно.

Вот Коля уехал в Одессу и вернется лишь в декабре. А потом опять куда-нибудь надо будет ехать и т. д., а мне ни слова не пишете, хотя я просила, и это мне важно и нужно знать. Я прошу тебя написать мне определенно по этому поводу и навести нужные справки. Иначе, после окажется: нужно то, нужно—другое, и будут бесконечные затяжки.

Если тебе неприятно ходить в департамент, то, может быть, Лиденька сделает это. Она по делам Верочки бывала там еженедельно, так, может быть, возьмет и меня под свое покровительство. Вероятно, Лерхе тотчас же может выдать копии и удостоверения, которые могут быть нужны в этом случае.

Буду ждать твоего ответа.

Хозяйство мое налаживается или я к нему прилаживаюсь,—так что теперь лучше.

Целую тебя и Настю.

Получил ли ты мое письмо, посланное недавно?

Твоя *Веруша.*

108. С. Г. Кропоткиной.

2. I. 09.

Дорогая Софья Григорьевна!

Дней 8, если не больше, я послала вам письмо с просьбой ответить, будет ли выплачен остаток обещанных денег? Я писала, что по этому поводу я получила запрос и что обстоятельства складываются так, что эти деньги нужны теперь. Но ответа от вас я не получила и боюсь, дошло ли мое

письмо. Если их не будет, то лучше уж знать это определенно, чем ожидать понапрасну. Я писала также, что адрес, по которому их надо послать в Москву, прежний [1].

Дорогая Софья Григорьевна! Пожалуйста, напишите и известите, получено ли вами первое письмо. Вчера я видела Гольдс[мит] [2], и они сказали, что Саша [3] 4-го едет к отцу, А я тоже мечтаю поехать в теплые края, только меня пугают, что там, где Петр Алексеевич, нет хорошего отопления и что я буду более мерзнуть, чем здесь. Я очень утомлена и хотела бы на месяц совершенно изменить обстановку. Но мерзнуть даже ради новой обстановки—не согласна. Вспоминая, как в позапрошлый год в ян[варе] и феврале мы с Ал[ександрой] Ив[ановной] мерзли в Alassio, в Сорренто, я действительно опасаюсь за новую попытку в «теплых» краях.

Если вас не затруднит, то черкните, в каких условиях живет Петр Алексеевич. О солнце Мане [4] он пишет, но тепло ли там и есть ли теплые помещения—нет ни слова. Насчет цен тоже хорошо бы знать.

Целую вас и Сашу крепко. Надеюсь, что мы когда-нибудь да сведем личное знакомство. Ваша *Вера.*

109. Братьям Петру и Николаю.

11. I. 09 [5].

Дорогие братья: Петя и Колюка! После завтра вы соберетесь опять всей семьей проводить кончающийся год и встретить новый. И опять я буду далеко от вас! И не знаю, когда, когда мы будем вместе? Обнимаю вас заочно, в ожи-

---

[1] Вероятно, я писала о деньгах на побег Спиридоновой.
[2] Софья Ивановна и Мария Исидоровна—ее дочь.
[3] Дочь Кропоткиных.
[4] Гольдсмит.
[5] По новому стилю.

дании этого, и желаю исполнения ваших желаний. Я писала дней десять, я думаю, назад вам длинное письмо о моей приписке, но от вас еще не имею вестей, получено ли оно? Напишите же хоть немножко, что получили, а то писать дальше впустую неохота. Писала я по адресу Пети, ибо хотя и просила вас сообщить адрес твоего дома, Коля, но, видимо, это профессиональная тайна домовладельца и ее от меня скрывают.

Крепко обнимаю вас и жен ваших, а также целую Риточку [1].

Ваша *Веруша.*

110. С. Г. Кропоткиной.

15. I. 09.

Дорогая Софья Григорьевна! Ваше письмо я получила, и нечего и говорить, что была совсем не подготовлена к такому исходу. Такой отказ прямо неудобопонятен, если я не ошибаюсь, что вы имели прямое обещание определенного лица дать всю сумму. Один вывод можно сделать, что никогда не надо начинать чего-либо до исполнения всех предварительных условий. Как я выкарабкаюсь из этого положения—не знаю, п. ч. отказаться от намеченной цели, остановившись на полдороге, не в моем характере, и те обещания, которые я передавала, я считаю как бы своими собственными, раз я ручалась и считала дело верным. Ну и подвели же нас с вами! Из письма вижу, как удручены вы, и могу только тем и утешить, что буду прилагать все усилия для пополнения недочета.

Здесь все взволнованы об'явлением Ц. К. эс-еров о том, что Азеф провокатор, и всюду только об этом и разговоры. Все придают этому громадное значение—моральное, быть может, больше всего. Вещь небывалая еще в истории рус[ско-

---

[1] Дочь Николая.

го] рев[олюционного] движения [1]. В Италии это бывало, но у нас, русских, ничего подобного еще не испытывали, и теперь чаша переполнена. Обещают подробный перечень, об'ясняющий дело, вероятно, дойдет и до вас, когда появится.

Целую вас крепко. И прошу не забывать меня. Саше [2]— привет. Петру Алексеевичу писала и я и его друг [3].

111. М. В. Новорусскому.

3. II. 909.

Дорогой Миша! Для экономии пишу обоим в одном конверте. Вашу телеграмму получила, но не реагировали мы, потому что как-то слов не хочется употреблять. Тр[игони] очень жалел покойника [4] и называл добрым человеком, как я не охарактеризовала бы. Знаменательно отношение публики, которая не массируется даже при таких экстренных случаях. Зато родной Ростов постоял за себя. Я читала одно письмо, где видно, что там отнеслись тепло и с участием. Что сказать вам? Обрушилась эта история, всех взбудоражила провокация, и публика везде требует подробностей, как-будто они что-нибудь прибавят или убавят от морального значения этого факта. Газеты обнаруживают, понятно, рвение; intêret du scandale обуял всех. Одни ломают головы, как впредь избежать ошибок, другие ищут виновных. Подумаешь—читаются рефераты: Азеф и его роль в партии с.-р. И, вероятно, толпы идут и пойдут слушать печальную историю вероломства, а психологическая загадка останется все такой же непроницаемой. Дегаев—струсил, дважды струсил. Ну, а этот что? Деньги? Так иудовы сребренники были

---

[1] Небывалая—в том, что провокатор был членом организации с самого начала образования партии.

[2] Кропоткина.

[3] Марк Натансон.

[4] М. Р. Попов.

малостью в сравнении с деньгами от доверия. Человек имел любовь, уважение, преданность, признание авторитетности своей и детскую, прозрачную веру в его душу. Чего же ему было надо? Говорят—авантюрист. Как биржевик, игрок, любит азарт, риск, игру—для игры. Просто нехватает честным людям какого-то нервно-мозгового привеска, чтоб постичь эту психологию. — Писали мне, что все в Пб[Петербурге] встревожены, взвинчены. Интересно будет узнать, что сделают из всего этого в Думе. Там, ведь, у людей есть связи, которые могут вскрыть всю подоплеку этого дела, обнажить эту язву до дна. Бурцев из всех сил старается доказать участие и руку полиции в самых крупных тер[ористических] делах. Так ли это? Что думают проницательные люди или сведения имущие? Напишите мне об этом, поскольку вы сами слышите молву.

Целую вас. Я в Цюрихе. Пишите мне: Bolleystrasse, 41, bei Frl. Siebel. Zürich. Schweiz.

Месяц пробуду здесь, а там увидим, останусь ли далее. Но по прежнему адресу письма тоже не пропадут, а их перешлют.

112. М. В. Новорусскому.

12. II. 909.

Дорогой Миша! Получила час назад ваше письмо и, подкрепив себя чаем, отвечаю поскорее. У меня к вам просьба или, вернее, покушение на ваше добро. Если вы ведете «Образование», то, верно, у вас есть этот журнал. Если бы вы, по прочтении, отсылали его мне, а я потом передавала бы его в одну из библиотек? Только, если жаль, не давайте; а еще с той же просьбой обращаюсь к Николаю и Ксении [1] (через вас), относительно «Вестника Европы». Не согласятся ли они тоже посылать мне с дальнейшим пожертвованием в библиотеку? Как я уже писала вам, пробуду я здесь до

[1] Морозов и его жена.

4—5 марта нов[ого] ст[иля] или еще после эт[ого] недели 2 (об этом напишу); потом хочу в Женеву. Я думаю присмотреться к жизни этих городов и выбрать себе для будущего. В Париже все так далеко, природы не видишь, сообщения с людьми отнимают много времени и вызывают усталость. А здесь все ближе и все проще. Напр., идет лекция—15 мин[ут] ходьбы и ты уже там. Третьего дня здесь был Пшебышевский и с благотв[орительной] целью читал по-немецки о Шопене (а какой-то музыкант играл на рояли), о произведениях его и их влиянии на человека. Интересно было посмотреть на Пшебышевского, произведения кот[орого] одни ругают, другие восхваляют, а я так совсем не переношу. Читал он плохо, как дьячок, и глотал слова. Лишь при напряженном внимании можно было уследить за цветами его красноречия. Это была годовщина Шопена, родившегося в 1809 г., но он давал не биографию и не характеристику его, как человека, а поэтическое истолкование его музыки. Мне билет принесли, как гостье. Зал был на ½ пуст. Наружность оказалась отражением беспорядочной жизни, унижающей его и отчасти об'ясняющей болезненный характер его творчества. Это—наружность алкоголика.

Другое дело—вчерашняя немецкая лекция о радии со световыми изображениями и т. п. Очень ясное изложение, строго научное; я слушала и смотрела с напряженным вниманием, возобновляя в памяти то, что мы читали в Шл[иссельбурге]. Опыты все удались. Зал был переполнен, хотя лекция читалась 2 вечера под ряд, одно и то же. Преобладали мужчины разного возраста, большею частью зрелого. 17-го здесь рус[ский] вечер с благотв[орительной] целью, и я приглашена тоже участвовать. Здешняя молодежь без различия партий относится ко мне с трогательной нежностью, а трудовая жизнь учащихся сообщает особенный здоровый колорит здешней жизни и внешнему виду города. В 12 ч. в 2 ч., густые толпы мужчин и девушек спешат по улицам с книжка-

ми подмышкой. Воздух прохладный; был первые дни снег и валил хлопьями, как в России. Теперь все сухо, но t = этак —5° или и—8° бывает. Озеро и Лиммат темные-претемные, совсем не то, что Женевское озеро. Я наняла комнату с пансионом, в кот[ором] все дамы: студентки (2), две девушки в Tochterschule [1]. Все—немцы и мы говорим только по-немецки. Для меня это очень полезно, и я не избегаю разговоров.

113. М. В. Новорусскому.

28/15. II. 09.

Дорогой М[иша]. Сейчас получила ваше письмо и хочу бранить, что преступили мою просьбу не обращаться за «Образованием» в редакцию. Это было обращение лично к вам. Конечно, вы правы, что вам надо иметь экз[емпляр] для справок и я только думала, что у вас в доме кто-нибудь тоже имеет. Итак, finis. Напишите мне заглавие вашей книги по-немецки и издателя (адрес), ибо иногда рекомендую, а точно не могу сказать. На вечере 17-го февр[аля], кот[орый] был здесь (и я участв.), подошла немка молодая и спрашивала о разн[ых] разн[остях]. Я ей указала вашу книгу и она записала, чтоб купить. «Новое Вр[емя]» от вас получила, а Мих[аил] Петр[ович] Саж[ин] прислал еще «Огонек», где даже и портрет есть. Сегодня и из Парижа прислали вырезку. Там есть Лоп[атин], да такой страшный, что прямо в дрожь бросает! И «хорошенькие» же мы там! Я остаюсь здесь еще на месяц. Мне кажется, Шеб[алин] не подходит для роли в музее, по полному незнаком[ству] с естествознанием. Мишук! предостерегаю вас—не обращайте так много чувства на разные некорректности Иосифа Прекрасного [2]. Что вы их чувствуе-

---

[1] Соответствует женской гимназии.

[2] Лукашевич. В это время одна особа, близкая ему, сделала все возможное, чтоб отчуждить от него его друзей: Новорусского и Морозова. Потом—все это исчезло бесследно.

те особенно живо—это понятно по прежним отнош[ениям], но писать не стоит. Его позиция по от[ношению] к вам и Ник[олаю] определилась, если не навсегда, то надолго.—Не растет ли у вас шишка накопления, появляющаяся между 40 и 80 г[одами]? Иногда мне кажется это, хотя без наследственного или приобретенного трудно людям в конце-концов. За маленькое предостережение—простите. Целую вас. Соберетесь ли вы в Швейц[арию] летом? Я все надеюсь, что «он» не только будет накоплять, но и расточать. Положение химика более удовлетворяет вас, чем положение в музее?? *В.*

За исполнение просьб—благодар[ю].

Bolleystrasse, 41. Zürich.

114. Брату Петру.

15. III. 09.

Дорогой брат Петя! Давно я в долгу у тебя! Пишешь, пишешь туда, сюда, так что иногда совсем и счет теряешь, когда кому писала, а про тебя все думала, что ты от сестер продовольствуешься: к Лиденьке, Евгении, а также Мих[аилу] Петр[овичу] довольно-таки часто приходится то с тем, то с другим обращаться. Вот и думала, что они все тебе передают обо мне. Сегодня ни больше, ни меньше, как в Новую Зеландию писала по-английски. Полгода не отвечала, и человек этот опять прислал письмо, что очень ему хотелось бы получить хоть строчку в ответ. Кажется, я тебе или Мих[аилу] Петр[овичу] как-то писала об этом новозеландце, выражающем величайшее сочувствие мне лично и всем русским, борющимся за свободу. Написал поэму, посвященную мне, которую и прислал мне, и т. д.

Что сказать тебе о моей жизни? Верно ты все уже знаешь. Я наняла комнату с пансионом у одной писательницы-беллетристки и она очень хорошо относится ко мне и хозяйство ведется не чопорно, общество студенток-немок,

(впрочем теперь уже уехавших на вакат) делало обед и ужин очень оживленными, а теперь и я часто оживляю компанию нашу из 5 чел. (не считая меня), потому что болтаю с ними по-немецки. Иногда смеемся и шутим, иногда же рассказываю о России. Сегодня был хороший, ясный день и в половине 3-го ходила с ними на выставку картин. Но не понравилось ничего там. Это швейцарский живописец знаменитый выставил несколько своих произведений, все в декадентском стиле и ничего хорошего нет—все ненатурально и некрасиво.

На-днях послала длинное письмо Коле и, между прочим, написала ему, что, думаю, надо и можно убавить получаемое от вас на жизнь. Предлагаю убавить на сто руб., с каждого из вас в год, так как ежегодно кое-что зарабатываю. Так что в какие-нибудь две присылки в течение года ты можешь посылать по 50 р. меньше.

Я теперь правильно занимаюсь обработкой материала, присланного редакцией «Рус[ского] Бог[атства]». Хочу составить книжечку об админ[истративной] ссылке и издать в пользу ссыльных, так как она вся будет составлена из описаний, сделанных ими самими; мой же труд состоит только в классификации материала, сводке его и т. п. Но работы все-таки не мало, и едва ли кончу еще через месяц. В виду этого возможно, что останусь здесь долее, чем предполагала. Беда в том, что хозяйка и все хорошо, но только шумно в комнате, так как дверь выходит на лестницу и по ней рано утром и ночью ходят. Поэтому часто сплю плохо. Но все-таки я ведь теперь никаких лекарств более не употребляю. Выгода же остаться здесь заключается, во-первых, в том, что на старом месте работу легче кончить, переезд же рассеивает; во-вторых, я постоянно разговариваю по-немецки, и жаль бросить эту практику. Собиралась я с'ездить в Давос, но это расстраивается, потому что публика оттуда уезжает и литературного вечера там устраивать теперь не будут.

Ну, целую тебя, милый Петя, и Настюшу. Напиши мне, как ты живешь. Сестры жалуются, что мало тебя видят. Как в этом году стояли дела твои в Никифорове? Был ли доход или опять приплата? Что твои золотые прииски и как дела на заводе? Из газет читала историю смерти Шелгунова. Вот уж, действительно, анормальные явления. Девочка убивает отца.

Твоя *Веруша.*

115. Н. П. Куприяновой.

28. III. 09.

«Маленькая» дурочка, Наташа, здравствуй! Как же это, моя глупенькая, ты могла хоть на минуту представить себе, что твоя Верочка умышленно не дала адреса. Я думала, выгоднее тебе писать на старый парижский адрес, Rue du Loing, 14, потому что там остались знакомые, которые пересылают, я же предполагала пробыть здесь всего месяц. Пробыла два и на 3-й остаюсь, п. ч. хоть здесь и не так красиво, как во Франц[узской] Швейц[арии], но мне нравится общая атмосфера здешней жизни, что здесь все работают, и не бросается в глаза масса, которая не знает, куда ей деться и что ей делать? К тому же работа моя идет хорошо и не хочется отвлекаться переездами и встречами с новыми лицами. Итак, пиши по тому же адресу: до 4 мая нов[ого] стиля я буду здесь. Кажется, я писала тебе, что обрабатываю материал по ссылке и думаю выпустить книжечку в пользу ссыльн[ых]. Для тех, кто интересуется этим, вероятно, будет полезна, так как в ней будет обрисован быт во многих углах. Ты пишешь, что собираешься скоро в деревню. Здесь тоже часто бывают весенние дни, хотя в этом году весна очень поздняя. Воздух же всегда чист и живителен. На-днях я поднималась на гору с молодым Эрисманом [1], и все время мы шутили и

---

[1] Сын известного профессора Ф. Ф. Эрисмана.

хохотали, я—как 20-летняя. Все такие смешные вещи, шутки и остроты набегали на язык. И, право, это от опьяняющего, бодрящего воздуха, хотя не было ясно и на нос падали хлопья снега. Там, на высоте, мы смотрели для меня комнату. Вид отличный оттуда, комната хорошая, воздух неописуемый, но далеко от города и дорога уединенная, так что я жила бы отшельницей, некуда выйти, не с кем погулять, ибо кругом ни одного знакомого не живет. Я не взяла.

На этой неделе была в первый раз здесь на концерте симфонич[еском] в Tonhalle. Но не оч[ень] понравилось, ибо очень громкая была музыка. Зал прекрасный. Потом была на лекции о женском движ[ении] Клары Цеткиной. Она, конечно, оратор, но ее манера поднимать голос выше нормального оч[ень] портит впечатление. По содержанию—все общеизвестное и не мало такого, с чем нельзя согласиться. Тезис, что женский вопрос (о политических правах) обусловливается в конечн[ом] результате развитием капитализма, по-моему, незащитим. «Женщины принимают в капитал[истических] странах такое участие в производстве, что приобретение ими прав есть логическая надстройка над экономическим базисом». Но капитализм в Финляндии, Швеции, Норв[егии] и Дании как-раз наименее развит, а политич[еские] права там женщинам даны или вполне, или *почти* вполне. Наоборот, Англия еще их не имеет, а Франция, по отзывам феминисток, так далека от распространения политич. прав на женщ[ин], как нельзя больше, и председательница «Solidarité des femmes», писательница Madelaine Pelletier, говорила мне, что у них скорее всего можно ждать разрешения этого вопроса от буржуазии (от палаты), а не от пролетариата. Значит, участие женщины в индустрии еще не составляет единственного фактора.

Позавчера Цеткина приходила ко мне. Ее лицо мне понравилось: темные, какие-то особенно вдумчивые глаза живые, и сама верх простоты. Но разговора, сколько-нибудь

интересного, не было, быть может потому, что с ней было двое посторонних, здешних (которых я тоже знаю).

Ходила за это время два раза в театр; с тех пор, как я училась, прогресс удивительный. Слышала оперу «Евгений Онегин». Татьяна была недурна, не некоторые сцены совсем не по-русски выполнены. Смешон был M. Triqué, который декламировал ломаным франц[узским] языком, и сбор ягод вышел тоже комичен. Потом видела Ромео и Юлию. Ромео играл, как говорят, светило немецкой сцены Kainz. Но мне не понравилось, и для Ромео уже стар—не гармонирует ни наружность, ни голос, по которому слышно, что говорит не юноша. Прощай, дорогая Наташа. Расстояние действительно создает страшную преграду, часто замораживающую уста. Но мы с тобой увидимся же еще в жизни и тогда более интимно побеседуем об истинных горестях и истинных интересах нашего бытия.

Целую всех твоих и тебя много раз. Морозов выпускает к пасхе сборничек с произведениями, написанными шлис[сельбуржцами] в крепости. Там будет и сказка моя, и еще некоторые стихотворения. *В.*

Сними портрет с Лучка[1] и пришли мне. Чтоб он стоял один, да побольше.

116. М. В. Новорусскому [2].

12. IV. 09. Цюрих.

Дорогой Миша! Давно не писала вам, хотя длинное письмо (двойное) получила. Так как Николай имел известия от меня, то, верно, делился ими с вами. Эти месяцы я хорошо жила, писала, хотя труд был более механический и компиляционный. Иногда, в хорошие дни, наслаждалась природой. Как странно здесь: стояли летние, жаркие дни, но деревья

---

[1] Моя архангельская собака, выросшая в целого теленка.
[2] Открытка.

черные, почки совсем еще не надулись. Цветут фиалки в лесу и анемоны; а на дороге пыль. Вид на горы прекрасен, не вчера прямо пекло даже. Я целый день сидела в саду у Эрисманов: дрозды бегают по траве так же бестрепетно, наивно, как они должно быть бегали на глазах Адама и Евы в раю. Было так тихо, тихо; не слыхать улицы и все располагало к тому, чтоб, сидя с немец[ким] романом, ловить белых овечек на небесах и погружаться в неопределенную даль. Всего хорошего.

В.

117. П. А. Кропоткину [1].

12. IV. 1909.

Пишу наудачу, дорогой Петр Алексеевич, ибо, кажется, после 10-го вы хотели выехать. Статью, о которой я вам писала, Софья Григорьевна может получить у Соскиса [2], ей писала об этом. Она пригодна для рефератов, а не для печати. Сегодня я выезжаю из Цюриха и буду отсутствовать дней 7—10. Крепко обнимаю вас и целую незнакомую Сашу.

В.

118. М. В. Новорусскому [3].

27. IV. 09. Цюрих.

Дорогой Миша! Вашу открытку получила, а также и открытку Николая (скажите ему). У меня к вам просьба. В № 96 «Речи» от 10 (23) апреля сказано, что в газете «Общество» была статистика ссылки (что крест[ьян] и раб[очих] сослано 10 тыс., интелл[игентов]—2 тыс.), повидимому, это из только-что или недавно вышедшего № «Общества». Достаньте мне, пожал[уйста], этот №. Мне оч[ень] нужны всякие свед[ения] о ссылке, особенно статистика, и вы меня оч[ень] одолжите, если пришлете вырезку из «Общ[ества]».

---

[1] Открытка.
[2] Знакомый (русский) в Лондоне.
[3] Открытка.

Я жива-здорова. Все удивляются, как я хорошо выгляжу—румянец во всю щеку и веселая. Я собираюсь 10 мая н[ового] стиля выехать отсюда, но вы можете и позже писать на старый адрес—будут отсылать. Насчет моей работы советовалась кое с кем и нашли, что весь материал по ссылке печатать—будет скучно читать, много повторений. Поэтому надо переработать в более или менее обшир[ную] статью. Работа не малая и требует внимания. Как ваши дела? Получила от Луки брошюру о жизни и книгу по геол[огии] из жизни земли. Обнимаю вас и прошу не забывать. Привет знакомым и друзьям. *В.*

119. П. А. Кропоткину.

9. V. 09. Воскресенье.

Дорогой Петр Алексеевич. Сначала все хорошо устраивалось, а потом все еще легче расстроилось. Не получая до сего дня ответа от вас, я заключила, что вы уже уехали в Лондон, где, как я знала, вас ждали. И вот я не заботилась о ликвидации своих дел и отложила это до конца предстоящей недели. Сверх того, так как в Париже вот-вот разразится стачка жел.-дорожная и почтовая, то, не желая застрять где-нибудь, я составила маршрут на Брюссель-Остенде с тем, чтоб посмотреть кстати этот город, а проездом и страну, которой я еще не видала.

Теперь, если я буду крайне торопиться, то мне будет потом скверно. Поэтому, как мне ни жалко лишиться такой компании, приходится этот план оставить. Вам надо спешить поскорее ехать, чтоб стачка не захватила вас в пути. Я отвечаю немедленно по получении вашего субботнего письма, чтоб не задержать напрасно. M-me Malmberg усиленно звала меня в Англию для drawing-room meetings [1] и обещала учить меня по-английски. Материал по ссылке—свежий и обиль-

[1] Митинги на дому.

ный, и я им владею хорошо, ибо 3 месяца только и занята была этими документами. Наконец, у меня вчерне написана обширная статья для русс. журн. об этом предмете. Словом, все шансы попробовать что-либо в этом роде теперь налицо, поэтому я и решилась поехать, если Софья Гри[горьевна] и Mrs Howe меня примут в свою компанию и кампанию в пользу ссыльных, т. е. найдут возможным и полезным мое участие, лучше сказать, пробу участия. К тому же ведь я рискую только издержками по путешествию, так как в Лондоне можно устроиться не дороже, чем в Швейц. или другом месте. M-me Malmberg писала, однако, что май изобилует конгрессами и внимание отвлечено ими, но ведь на подготовление тоже нужно время. Она ждет вашего приезда, чтоб еще обсудить с вами то, что уже говорила об этом Софья Григ[орьевна]. Конечно, с прошлого года нет перемен, и я помню все, что мы говорили по этому поводу. Главное было отсутствие языка, но я подучусь и во всяком случае, так как я абсолютно свободна, то полагаю, пребывание в Англии до августа принесет мне лишь пользу, хотя бы общественные планы и не осуществились или осуществились лишь отчасти.

У меня теперь есть прекрасная коллекция фотографий по Якутской области. Очень интересно посмотреть ее всякому—я думаю и англичанам. Быть может, удастся собрать и еще кое-что. Во всяком случае по Архан[гельской] губ., Нарымскому краю.

Дорогой Петр Алексеевич! Итак мы вместе не едем, но увидимся в Лондоне. У меня только просьба—обеспечить, чтоб кто-нибудь меня встретил на вокзале. Когда едут на Булонь, то останавливаются на вокзале в Charing-cross, а из Остенде я не знаю. Да! из вашего письма видно, что едут Остенде—Дувр, значит, тоже сходить с поезда в Charing-cross. Я извещу Malmberg о дне, когда выеду отсюда и из Брюсселя (или Парижа, если произойдет это почему-либо)

или пошлю телеграмму ей из Брюсселя. Надеюсь, она встретит меня, а то я потеряюсь. Публики иногда так много, что из Дувра идет не один поезд, и оба раза, как я ехала, я попадала в Лондон лишь между 5 и 6—первый поезд уходил, в него мы не попали и в последний раз, когда ехали 7—8 чел[овек]. То же может произойти и теперь со мной.

Ну, всего хорошего. Обнимаю и целую вас крепко и Сашу, о которой вы не упоминаете, как-будто ее уже в Локарно нет.

Ваша *Вера.*

120. П. А. и С. Г. Кропоткиным[1].

IV. 1909.

Вторник.

Дорогой Петр Алексеевич и дорогая Софья Григорьевна! Мы будем ждать вас к вечеру четверга, как вы пишете. Вы заезжайте прежде всего к Феликсу[2], а оттуда—вас проведут к нам. У нас есть ночлег для вас обоих. Спальная с 2 кроватями и столовая, где пьется чай. Эти комнаты будут предоставлены вам без стеснения кого бы то ни было. В столовой посидим для беседы.

Целую вас обоих, обо всем поговорим лично.

(Пера нет). *Вера.*

121. Е. П. и С. А. Балавинским[3].

10. V. 09.

Дорогая Елизавета Павловна и дорогой Сергей Александрович. Стыдно сказать—больше года прошло с тех пор, как я писала вам, а между тем ваше последнее письмо в Париж

---

[1] Открытое письмо к Кропоткиным из Швейцарии. Кропоткины возвращались тогда из Италии в Лондон, и мы сговорились ехать туда вместе.

[2] Волховский.

[3] Знакомые по Архангельску.

было такое теплое и так меня радовали ваши те открытки, что я и по сей час «приятно» улыбаюсь, вспоминая их. Это признание, быть может, смягчит вас и убедит, что не забвение виной моего молчания. После этого предисловия скажу, что вот ведь уже 4½ года, как я вышла из Шлисс[ельбурга], и теперь я здорова и весела, и многие говорят, что меня против прежнего просто узнать нельзя. Последние 3½ месяца я жила в Швейцарии, в Цюрихе, и здесь очень подходящие для меня условия. Воздух так хорош, что, выходя зимой в поле, летом в лес, «чувствуешь прелесть бытия». Я часто гуляю одна, делая большой круг, и все время глазами впиваю красоту. Здесь природа не так очаровательно красива, как на Женев[ском] и др[угих] озерах; здесь просто—пейзаж, очертания—все просто. Но зимой хорошо было итти по снегу и видеть снеговые поляны, а теперь зелень прямо удивительная: в лесу столько оттенков и такая тишина, что чувствуешь себя совсем обновленной. В Италии, когда я была, весны не было заметно, в Архан[гельске] она была бледна, но здесь я кажется первую настоящую весну встречаю после Шлис[сельбурга]. Быть может, от того и кажется мне все так удивительно прекрасным. Теперь я накануне от'езда в Англию. Эти месяцы я обрабатывала материал по админ[истративной] ссылке, полученный с мест по анкете, предпринятой специально для получения сведений. Мне нужны фотографии по разн[ым] губерниям, в том числе и по Архангельской. Я хочу просить вас прислать мне несколько наиболее типичных и интересных, с возвратом или безвозвратно. По Якутск[ой] области я достала на время удивительно интересную коллекцию видов и от вас жду того же. Из других мест буду добывать тоже. Это необходимо для моей работы и для средств в пользу ссыльных. Для Якутки у меня 38 фотографий, но я думаю, что этого много, можно ограничиться гораздо меньшим количеством. И прошу вас, дорогие друзья, помогите мне в этом отношении. Но фотографии

нужны поскорее, как только возможно будет дать или сделать. К сожалению, Спиридоныч [1] оставил свои у Дм[итрия] Ник[олаевича] [2], а то я не утруждала бы вас. Адрес, по которому их надо выслать, будет адрес Дионео, а именно:

Лондон.

Mrs Shklowsky.
50. Bath Road.
Bedford Park, London W. For W. Figner.

Вот и все.

Я выеду через неделю отсюда и ваш ответ уже не застал бы меня здесь. Напишите по тому же адресу, чтоб я знала ваши намерения. Как вы живете, что дети? Верно, выросли! Крепко жму руки и обнимаю. *В.*

Как идут «буржуазные пироги»?

122. М. В. Новорусскому.

27. V. 09.

Дорогой М[иша]! Вот я и в Лондоне, и пишу вам на новоселье, которое собираюсь справлять долгим сном. Все это время, дней 10, была на бивуаках и только теперь почувствовала, как сильно устала. Хорошо быть богатым! Вот я попала в комнату со столом; по русс[ким] ценам за 50 р. в месяц никогда бы так не устроилась. Все замечательно: комната с электр[ичеством] прекрасная, мебель удобная, кровать—одно удовольствие! Еда—я в уме смеялась: что бы сказали здоровые едоки! В половине 2-го немного картофеля, смешанного с мясом, и кусочек хлеба в ¼ этой открытки, и потом небольшой ломоть (оч[ень] вкусного) сладкого «истинно англ[ийского]» пуддинга. Все! В 4 ч[аса] 2 чашки чаю, хлеб, как кружево нарезанный, с маслом (не подступала, ибо

---

[1] Сергей Спиридонович Иванов, ссыльный, знакомый по Архангельску.

[2] Кладищев—бывший ссыльный, знакомый по Архангельску.

хотела пить). В 7 обед: кусочек мяса, 1 вар[еная] картофелина и ложка варен[ой] капусты. Затем компот—½ ябл. и 1 абрикос. Все! Хлеба опять мал[енький] кусочек!!! Изящно и оч[ень] легко. Но я сыта.

Конфужусь ужасно, ибо плохо понимаю, когда обращаются ко мне... Адрес мне: Mrs..., 7, Emlyn Road. Bedford Park. London. W. По-русски только Англия. Вот все. Николай сегодня пишет, что на нас падут золотые россыпи и что вы мне вышлете порядочную сумму. На эт[ой] квартире я останусь 2 недели, т. е. до 28-го ст[арого] ст[иля] включительно, а далее может быть найду дешевле (я плачу 25 шил. в неделю, но обыкн. платят за эту комн. 30 ш.). Но хорошо здесь—кругом много огородов. Читала в «Образ[овании]» ваше обозрение. Ник[олай] [1] не сообщил, когда уезжает. О его лекции спрошу П[етра] Ал[ексеевича] [2], но уверена, что ничего не выйдет, а до окт[ября] здесь ничего и не бывает в эти месяцы. Если будете посылать деньги, то я думаю надо, как в Швейц[арию] и Францию, на дом почтовым переводом.

В.

123. Брату Петру.

31. V. 09.

Mrs Figner, 7, Emlyn Road. Bedford Park. London W. Англия.

Дорогой брат Петя! Давно уже не писала тебе, да и ты уже много времени не присылал ни словечка. Немножко завидно, что ты едешь в Никифорово и увидишь наши елочки на горе и поля. Как ты тогда хорошо возил меня, когда я была утром не в духе! Это оставило такое приятное воспоминание; верно, оттого, что случилось всего раз. А как ты чуть не испортил девичью красоту моей Агаши или Параши, провалив ее под мост, о хорошем состоянии которого дол-

---

[1] Морозов.

[2] Кропоткин.

жен был заботиться, как землевладелец? Я думаю, пара ботинок, которые были тебе узки, но вполне впору для ее «ножки», целы еще и поныне и хранятся в ее сундуке, в Чернышевке, где, быть может, они сыграли даже роль в деле ее замужества. Ну, поцелуй меня, пока мы не свидимся в этих местах! Я переехала теперь в Англию до августа, а может быть останусь и долее, если увижу, что выйдет толк и смогу научиться говорить по-английски.

Иногда жизнь кажется так хороша, когда идешь одна по лесу, весной, как было в Цюрихе, а то и зимой, когда в лесу лежит снег и воздух такой крепкий... или когда ставишь себе какую-нибудь задачу. Ужасно скучно без задач! И вот я все боюсь, что наша племянница Верочка не имеет цели и не ставит себе задач, а живет в раздвоении, увлекаемая лишь механически потоком жизни—душа же ее далека... Думаю, ей лучше было бы жить в России. Здесь у нее нет никаких встреч, нет людей, которые ей нравились бы, привлекали бы. Не наведешь ли ты справок насчет возможности ее возвращения из-за границы?[1] Летом быть ей со мной—будет скучно, потому что я веду однообразный и уединенный образ жизни, и у меня по отношению к людям совсем другой интерес и другое отношение — это не даст ей удовлетворения. Всего бы лучше ей—родная обстановка.

Целую тебя крепко и Настю. Как ее здоровье? Давно не сообщали об этом.

Твоя *Веруша.*

124. М. В. Новорусскому.

6. VI. 09.

Дорогой Миша! Посылаю вам небольшую рукопись-рассказ (не мой). И прошу вас самолично отдать Пятницкому для «Знания», но, по некот[орым] причинам, о которых не стоит говорить, не сообщайте, что это я посылаю через

[1] Верочку Стахевич пустили за границу вместо административной ссылки.

вас. Так будет лучше: просто вам прислали с просьбой, не поместят ли в «Знании». Рассказ мне нравится. Это автор статьи о Верхарне в «Рус[ском] Бог[атстве]». Если напечатают, то гонорар пусть передадут вам, и я сообщу, как поступить далее. Если же не примут туда, то передайте в «Русс[кое] Богатство». В «Знание» я хотела бы отдать, конечно, ради денег, так как оно платит хорошо. Если попадет в «Рус[ское] Бог[атство], то гонорар тоже пусть ждет *моего* распоряжения (через вас), так как рукопись отдана мне.

Ну что же, Миша, сборник? Тот экз[емпляр], что должен был послать Николай, до сих пор еще не пришел. Надеюсь, вы получили мою открытку и письмо для Ник[олая]? Но не удивительно ли, что шл[иссельбургских] видов так от вас нет и нет? Что же это, дружочек? Вы также не ответили мне, получена ли вами брошюра, немецкая: Der Untergang des männlichen Geschlechts?

Я ранее писала вам, что останусь на этой квартире лишь до 9-го. Теперь, хозяйка предложила мне оставаться и далее за ту же плату. И я решила остаться, потому что дешевле нельзя устроиться, если хочешь быть на всем готовом, а главное хозяйка стала давать мне уроки английского за 1 шил.—час, и я очень довольна: в 5 дней я сделала колоссальные успехи в произношении и уже начинаю понимать, когда обращаются ко мне. А то я была прямо в беспомощном состоянии. Надеюсь, вы получили отсюда и мою открытку и письмо для Николая. Но на всякий случай повторю мой адрес: Мне. Emlyn Road. Bedford Park. London. W. Англия. На-днях получила письмо от сестры Сватикова, где она от имени С. [Софии] Р. [Родионовны] Поповой просит совета относительно памятника ему. Сегодня я ответила ей.

Дорогой Миша. По получении письма и рукописи известите меня. А затем дружески обнимаю. Холод и дождь

здесь свирепствуют 4 дня уже, и я простудилась так, что эти дни совсем не выходила. Сегодня, несмотря на туман и неполное выздоровление, хочу выйти, чтоб рассеять микробы, скопившиеся во мне. Марья Мих[айловна] недавно написала мне, как люди пишут, а не выписки из св. отцов. Надо ответить ей.

Ваша *В.*

Привет Ш[ебалину]. Недавно в Брюсселе видела его знакомую и услышала, что Вася [1] ненавидит меня до сих пор за поцелуй [2] при встрече!!

125. М. В. Новорусскому.

14. VI. 09.

Дорогой М[иша]! Получила вашу открытку, обещающую от'езд 19. Значит, эта еще застанет. Грустно, что Ман [3], добродушный Ман, перестал жить. Его сын ведь еще малютка. Быть может, и еще были дети. Я напишу сестре, чтоб навели справки, быть может, помощь необходима. Деньги, полученные мной, были от сестры (т.-е. мои собственные, ежемесячные); выдали только потому, что знают жену Дионео, а то я назвала 6 фамилий и все не те—также и не Стахевич. Не знаю уж, кто там ходил на почту. Жаль, что Ник[олай] [4] так распорядился переводить через банк. Это очень невыгодно—берут дорого за комиссию и по низкому курсу, тогда как почта рассчитывается по высокому курсу, перевод стоит мало, да еще не надо тратить времени. В банк ехать целый час, да обратно—одно мученье. по духоте, подземной дорогой. Но мне еще ничего не приносили, и это плохо, ибо на эти деньги я хотела одеться по-

---

[1] Сын Шебалина.

[2] Поцелуй отца.

[3] Манучаров. Сокращенно мы звали его в Шлиссельбурге: Ман.

[4] Брат.

летнему—мой костюм осенний. Скоро здесь распродажи—буквально за бесценок и жаль будет пропустить случай.

Что вы не написали, куда едете? один или нет? Дружески обнимаю и желаю хорошего будущего. Вчера вечером пришли из Цюриха сборники. Уж устала я просить Ник[олая]. Кое-какие поправки, правда, к выгоде моих стих[отворений], но к чему приделан конец в сказке и зачем *ротанг* превращен в робенг—право не понимаю. А Герм[ан] Ал[ександрович] рвет и мечет. Пишет мне, будто не давал Ник[олаю] разрешения печатать его стихи. Между тем Ник[олай] мне писал, что позволение лично ему дано!

В.

126. С. Г. Кропоткиной.

22. VI. 09.

Дорогая Софья Григорьевна. Прочла я вашу теплую статью в Daily News[1]. Очень хорошо написана! А я чувствую себя такой усталой, что беда. Сегодня до 4 ч. не могла заснуть, а в 6½ уже опять проснулась. Это меня так митинг у Mrs Despard подкосил со всенощным бдением от 5 и до 11-го часа! Да еще моя хозяйка такая неприветливая, точно недовольная! Я собираюсь уйти от нее.

Обдумав завтрашний митинг[2] и прорепетировав стихотворение на английском с г-жей Соскис мы пришли к выводу, что стихи эти будет трудно понять в моем чтении и лучше мне не браться вовсе за это. Пусть, если найдут нужным, кто-нибудь другой прочтет их, или же совсем не надо. Но на всякий случай я их переписываю на листок и посылаю вам: чтобы вы захватили его с собой или дали Петру Алексеевичу, если он прочтет. Целую вас всех, до завтра.

Вера.

---

[1] Обо мне.

[2] Большой русско-английский митинг в Лондоне в South Place, где выступала в первый раз я. См. V том собр. соч., в котором помещена моя речь (на русском языке).

127. П. А. Кропоткину.

23. VII. 09.

Дорогой Петр Алексеевич!

На мой вкус книга Ювачева скверная. Она написана в сантиментально-религиозном тоне, вся облита постным маслом и изображает шлисс[ельбурж]цев жаждущими христианского утешения. Он пробыл с нами *только* 2 года, а пишет о том, чего не видал, доводя до посещений Дондуковой-Корсаковой. Новорусский в рецензии, помещенной, кажется, в «Соврем[енном] Мире», высказал ему горькую правду, но далеко не так резко, как это следовало бы. По *тону* книга лживая и, получив ее, я едва удержалась, чтобы не возвратить автору, приславшему ее мне в подарок.

Но другие, напр., Соскис, находят книгу недурной—это потому, конечно, что он не знает, что и как было в Шлисс[ельбурге].

Достаточно сказать, что Ювачев страдал в Шлис[сельбурге] mania religiosa и голубя на гуляньи считал духом святым, а революцию—дьявольским навождением. Это и подобное так понравилось, что начальство вывезло его и отправило на Сахалин. Жандармы (унтер-оф[ицеры] уверяли, что после увоза импер[атрица] Марья Фед[оровна] посетила его в узилище. Но, вероятно, этого не было [1].

Теперь он психически здоров, но остался религиозным и обращает вместе со своей женой блудниц в православие, состоит в тюремном комитете в Пб[Петербурге] и вероятно думает, что облегчает страдания заключенных, сидя с их палачами на заседаниях.

Впрочем, он добрый человек, так добр, что в воспом[инаниях]—«8 лет на Сахалине» Миролюбова [2] (фамилия его

---

[1] За нее, вероятно, приняли княжну Марию Михайловну Дондукову-Корсакову.

[2] Он писал под этим псевдонимом.

невесты)—сам рассказывает, что не мог не подавать руки злодеям «Оронской дороги». Это, должно быть, «всепрощенство».

Книга о Шлис[сельбурге] вышла на русском 2 г. назад, а недавно кто-то издал ее на английском. Всем ханжам она должна нравиться. К каждой главе он взял несколько слов из моей биографии Л. Волкенштейн, сделав гнусное употребление, придавая моим словам благочестивое толкование! Быть может, лучше бы спросить кого-нибудь другого, а не меня. Для меня—эта книга невыносима.

Целую вас и ваших. *Вера.*

Бурцев делает мне выговор, что на вопрос о личности Бакая (из Кракова) я сказала, что для провокаторов нет прощения, ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем. Написала, что нечистые уста в процессе об Азефе говорили чистую правду, но что отталкивало то, что в чужой подлости он как бы топил свою собственную [1].

Бакай для Бурцева—enfant chéri, а по-моему кто раз продал, может и еще продать и для этого нет забвения!... полезность в качестве контр-провокатора совершенно затушевывает для Бурцева мерзость человеческой личности. И не этот ли принцип «услуг» ввел Азефа и всю эту позорную свору?!. Вам шлет привет Марк [2], а из России—Морозов.

128. П. А. Кропоткину.

17. VII. 09.

Dear Петр Алексеевич.

I have received your pamflet with the kind inscription I Stay here till monday afternoon. I kiss Софью Грит. and Сашу.

Yours *Vera.*

---

[1] Копия письма у меня в архиве.

[2] Натансон.

I am very pleased, immensely pleased with Mrs Barrow. What an excallent woman! I hope to see you and all yours on the 21-th [1].

129. С. Г. Кропоткиной.

11. VII. 09.

Дорогая Софья Григорьевна. Утром в понедельник я уезжаю из Wimbledon несколько разочарованная неудачей, постигшей начинания Miss Hobhouse. Она, во всяком случае, сделала все, что могла, но мне кажется, замахнулась слишком высоко и не встретила сочувствия ни в архиепископе, ни в лорде Courtney [2]. Почему именно они, а не немножко пониже были выбраны—не знаю.

Во всяком случае, хотя я и не говорила этого моей хозяйке, лорд Courtney оценен мной вполне, как человек, быть может, единственный по своей искренности и прямоте, если его отрицательное отношение построено действительно на принципе «слепой кривому (или наоборот) глаз колет». Он сказал, что тюрьмы в Англии ужасны, и потому нельзя протестовать от всего сердца против русских. Это дело совести. Я думаю, может истекать из глубокого негодования на свои собственные язвы. Вспомните буров, Индию и множество других больных мест. Впрочем, не об этом теперь речь. Мисс Hobhouse, быть может, устроит для меня 1 или 2 drawing

---

[1] Вздумала показать Петру Алексеевичу мой английский язык. Вот перевод:

Дорогой Петр Алексеевич.

Я получила вашу брошюру с ласковой надписью. Я остаюсь здесь до послеобеда понедельника. Целую Софью Григорьевну и Сашу.

Ваша *Вера*.

Мне понравилась, необыкновенно понравилась мистрисс Барроу. Что за прекрасная, превосходная женщина. Надеюсь видеть вас и всех ваших 21-го.

[2] Относится к агитации в пользу политических каторжан.

room meeting'a, и если да, то, конечно, вы поможете, взяв на себя роль оратора. Не правда ли? Мы ведь будем говорить о тюрьмах. Я о Шлисс[ельбурге], вы о теперешних. Я хотела бы, чтоб это состоялось. Это закончило бы до октября мою кампанию. Мне нужно серьезно подумать о дальнейшем. Лекции, о которых мы с вами говорили, потребовали бы 2 месяца (авг[уст] и сент[ябрь]) на изучение языка и месяца три на выполнение (по крайней мере—3!), а дали бы в материальном отношении, если бы я даже 10 раз лектировала, всего maximum 1000 руб.

Итти ли мне на это?

Поехав в начале авг[уста] в Швейц. и занявшись воспоминаниями, я в 3 месяца, вероятно, составила бы книжку в 5—6 листов и, если бы удалось написать с той силой, какая иногда одушевляет мои чувства,—я выполнила бы ту общественную задачу, которую не переставала с момента освобождения считать своей обязанностью и высшим удовлетворением моего внутреннего я...

Мои теперешние переживания все более склоняются к последней альтернативе, а лектирование?.. лектирование не уйдет—оно может оставаться впереди.

Теперешний небольшой опыт, в котором вы и Петр Алексеевич оказывали мне такую сердечную и искреннюю поддержку,—показал, что «я—могу», и, быть может, на этот раз и удовольствоваться этим?..

Целую вас и солнышко [1]. Дочку тоже. Ваша *Вера*.

Я еду в Letchworth к Mrs Soskice. Norton Hurst Wilbury Rd. Letchworth.

Herts.

Завтра в понед[ельник] утром я буду у Шкловской за письмами. Затем на lunch с Miss Hobhouse у Mrs Mackerness (21, Montpelier Square).

---

[1] «Солнышко»—Петр Алексеевич Кропоткин.

Оттуда в 3—на ст. Kings Cross, чтоб взять поезд в 4 ч. 20 м. в Letchworth.

«Русский» митинг с «английскими» ораторами (Кейр-Гарди, Hyndmann) 21-го в Shortditch Town-Hall не позволит мне остаться у Соскис целую неделю. Во всяком случае я извещу вас о своем дальнейшем.

Вырезки из газет получила. Но брошюры нет.

Хороший козырь выкинул Бурцев [1]. Прямо молодец.

130. П. А. Кропоткину.

2. VII.

Дорогой Петр Алексеевич! Вчера заходил ко мне Коган [2] и просил меня спросить вас о следующем. Они думают устроить русский митинг (со мной) в White Chapel 18 или 19 июля и весьма хотели бы, чтоб вы говорили. Я знаю, что вам трудно говорить и потому с робостью передаю эту просьбу. Ответ просят прислать завтра. В то же время они просили меня обратиться к Фондаминскому, не согласен ли он приехать из Парижа. Это тот молодой черный красивый, которого вы видели у нас в Лондоне. Великолепный оратор. Не знаю, согласится ли, но мы с ним большие друзья. Буду ждать вашего ответа. Целую вас, Софью Григорьевну и Сашу—Наташу.

Вера.

131. С. Г. и П. А. Кропоткиным [3].

24. VII. 09.

Дорогая Софья Григорьевна, дорогой Петр Алексеевич. Целую вас обоих крепко и благодарю за ваше сердечное отношение, за дружескую поддержку, за все! Ваша *Вера.*

Целую «дочку».

---

[1] Не помню, какой?

[2] Эмигрант в Лондоне.

[3] После русско-английского митинга, на котором Петр Алексеевич переводил мою речь.

132. Н. П., Л. П., Е. В. Куприяновым.

27. VII. 09.

Дорогая Наташа, Лиденька и тетя!

Пишу всем вам соборное послание. Я получила ваше письмо и прошу извинения, что редко пишу. Все мои приключения было бы долго описывать и невозможно в одном письме рассказать; я довольна пребыванием здесь, хотя розы на щеках увяли и часто уже начинаю сердиться на разные пустяки, игнорируемые в спокойном состоянии. Теперь ко мне приехала в гости Верочка [1]: гонорар за мои вещи в сборнике «Под сводами» позволил эту роскошь, и она вчера уже делала экскурсию по осмотру Лондона. Насмешила ужасно. —Ну что вы (с Маляревским) [2] успели осмотреть сегодня?— «Шесть музеев»... Я говорю:—Ну это как Кисляков в тургеневской «Нови», в один месяц 200 городов об'ехал!—Интересные здесь люди и интересна здешняя свобода. Даже на улице постоянно наталкиваешься на митинги: третьего дня вечером, гуляя, натолкнулась на митинг против социализма. Какой-то артист, порядочно наклюкавшийся в соседнем кабачке, неистово убеждал толпу, что не труд, а капитал создает доход. В другой вечер слышим пение, — думаем: Армия спасения. Но вот: среди толпы стоит орган [3] и на нем один играет, а человек сто с книжками поют гимны. Услужливый господин подал мне свою и указал следующий номер. Выступила хорошенькая девушка и прелестным голосом запела; после каждого куплета пел хор две строчки. И я пела с ними. Слова показались мне знаменательными, сильными. Голос пел: «Сейте днем и сейте в полуночи!—Семя взойдет! Сейте сильные, сейте и слабые! Все даст свои всходы. Сейте в горести, сейте и в радости! Жатва придет. Сейте на почву благодатную, но сейте и на камень; все даст свой плод!».

---

[1] Стахевич.

[2] Знакомый в Лондоне (брат Ек. Ив. Переверзевой).

[3] Ошиблась в письме—то была фисгармония.

Я была усталая и еле тащилась, недовольство было в душе моей... Но эти чудные слова были, как живая вода, и я воспрянула духом. Да, сейте в печали и сейте в радости! Сейте могучие, сейте бессильные—семя взойдет!

Посмотрела книжку: веслеянская церковь, евангелисты (секта)... И захотелось приобрести книжку и перевести гимн.

А фонарь у органа горел и его свечи лили свет, смешивавшийся с наступавшими сумерками...

Целую вас. Ваша *Верочка.*

133. М. В. Новорусскому.

22/9 VIII. 09.

Дорогой М[иша]. Несколько дней я все вспоминала вас и что мы давно не писали друг другу, и вот, точно привлекаемое моей мыслью, пришло письмо от вас. Прежде всего, конечно, надо обнять вас и вашу жену [1] и пожелать поскорее устроиться своим домом и сбросить с плеч нудные заботы о метлах, тюфяках и сковородках и осесть на каких-нибудь определенных занятиях. А я вот уже месяц, как свободна от текущих забот и учусь англ[ийскому] языку и приготовляю реферат, чтоб прочесть его в окт[ябре] в Манчестере, куда я приглашена. Завут и в Эдинбург, но так как не предполагают отдать мне сбор с вечера (англ[ийского]), то я отклоняю, в надежде найти себе другое применение. Оказывается, что мое имя гораздо более известно здесь, чем можно было предполагать, и я теперь очень горюю, что должна читать, а не устно произносить речь на англ[ийском] яз[ыке]; говорю же в частных беседах иногда очень хорошо, а когда устану—то плохо. На англ[ийских] митингах—понимаю все. Теперь я уехала в маленький городок в часе езды от Лондона и нахожусь, можно сказать, на лоне природы. Целый день сижу на воздухе и много времени провожу в том, что гляжу на небо,

[1] Новорусский тогда только-что женился.

а каждый вечер часа 2 смотрю на звезды, тихонько прогуливаясь с одной русской по пустынной улице на окраине совершенно деревенского типа. Если бы вы сумели набросать мне на листике карту звездного неба хоть *кое-как* и немедленно прислать в письме, то я была бы очень благодарна. Мой адрес для писем изменился. Пишите: мне, Brook Green. 90. London. W. Англия.—№ дома ставят перед улицей. Пока пишу коротко. Но *требую:* дайте мне карточки Шлис[сельбурга]. Мне очень нужно. У Лук[и] были снимки, и я не пренебрегла бы и снимками Успенских. Всего хорошего.

Так долго не писала, что опять забыла № дома — 52 или 32??

134. М. В. Новорусскому.

25. VIII. 09.

Дорогой М[иша]! Недавно послала открытку и опять пишу. Я хотела бы, чтоб в вашем доме, на новосельи, была какая-нибудь полезная и красивая вещь в качестве подарка от меня, которая бы *физически* напоминала об отсутствующей. Может быть, вы захотите иметь висячую лампу в комнате, где будете оба работать, или какие-нибудь красивые вазы? Словом, что-нибудь нужное и изящное. Так вы сами выберите и купите, и спросите у моей сестры сумму, которую заплатите. Рублей 10 или и более, если очень понравится. Я ей напишу. Я хотела сказать ей, чтоб принесла цветов, но вещь, как более длительная, я думаю, лучше. Ну, привет вам обоим и всего лучшего. Ваша *В.*

Статью о женских м. л.[1] для Ариан [писать] я отказываюсь. Этот вопрос не интересует меня, а главное — у меня много занятий по англ[ийскому] языку и литературной работе. Пожалуйста, сообщите это в прилично-учтивой форме.

---

[1] Милитантках—воинствующих суффражистках.

135. М. В. Новорусскому.

3. IX. 09.

Дорогой М[иша]. Получила письмо и карту, очень благодарю за нее и за обещание выслать просимые карточки. Рада, что лампа осталась за мной: сестре я уже написала, и она теперь уже в Пб[Петербурге], так что вы спросите. Вот теперь у вас есть свой уют, только я не знаю, где это Ц[арско]сельский проспект и далеко ли вам ходить в инст[итут] [1]. Ваш патрон, конечно, деспотичен, но так уж редко бывает, чтобы добродетели не были соединены с недостатками, и уверяют, что они нераздельны психологически. А он—такой удивительный по энергии и устойчивости человек—он просто феноменален [2]. Во всей России лишь несколько десятков, может быть, таких, которых жизнь стройна и логична, и он один из этих немногих. При случае передайте ему мой привет. Что слышно о Шеб[алине]? Ник[олаю] я писала один раз, а от Луки имела письмо, но еще не ответила. Мои дела идут понемногу—все учусь! Сегодня попросила 1 суффражистку, говорящую на митингах, бывшую учительницу, давать мне уроки. Ужасно трогательно, что она не хотела брать деньги, но я настояла. Мне так многие помогают бескорыстно! Я все еще в мал[еньком] городке. Погода холодная, похожая на русс[кую] осень. По вечерам очень сыро. Я живу тут у вегетарианки и иногда унываю: насчитываю за ужином 12 сосудцев с разными растительн[ыми] продуктами—а есть *не*чего. Плачу 1 ф. стерл. за неделю. Здесь рассчитываются понедельно. После неск[ольких] намеков—последовало улучшение. Она не признает также уксусу и предлагает салат без него. Я готова мычать, но не как корова, а от тоски.

---

[1] Институт Лесгафта на Английском проспекте в Петербурге.
[2] Лесгафт.

136. П. А. Кропоткину.

4. IX. 09.

Дорогой Петр Алексеевич. Теплов [1] послал вам по моему поручению писанную на машине рукопись, кот[орую] я хотела бы, чтоб вы прочли. Она производит ужасное впечатление. Я читала ее Гарнет [2] и Ю. Ф. Соскис, и последняя обещала перевести на англ[ийский]. Рассудите, какое бы употребление сделать дальше, чтоб огласить? Вместе с тем я написала Георгию К [3], чтоб автор, сам там бывший, дал имя свое. Ответ он пришлет Софье Григор[ьевне], и я прошу вас и ее обратить на это внимание и сообщить мне. Целую вас обоих крепко. Здесь бывают хорошие дни и я еще останусь здесь. В воскр. мой митинг [4] сошел прекрасно. М[исисс] Соскис сказала: splendid. Речь была новая, составленная здесь. Публика отзывается очень сильно и все остались вполне довольны. Все поняли, хотя слово comb—гребень я и сейчас не могу выговорить, как они.

В.

137. М. В. Новорусскому.

18. IX. 09.

Дорогой М[иша]. Ваша посылка пришла, но я еще не видала, п. ч. только через неск[олько] дней поеду в Лондон и освидетельствую, целы ли стекла. Во всяком случае благодарю, а какие были расходы—возьмите, пожалуйста, у сестры Лидии. На будущей неделе я еду к Гарнет на некоторое время. У нее свой коттедж и мал[енький] участок земли в ¼акра [5]. Дом среди обширного леса, в кот[ором] разбросаны кое-где домики. Это собственность какого-то лорда, и сре-

---

[1] Эмигрант в Лондоне.

[2] Переводчица Тургенева.

[3] Кто-то в Париже, приславший описание резни политиков и уголовных конвойными солдатами на этапе под Томском (в Кутарбинке).

[4] В Gardencity (Город садов).

[5] Более подробно описано в III т. собрания сочинений.

ди этой латифундии разбросаны, как островки, кое-где мал[енькие] участочки. От их дома до ближ[айшего] городка дорога идет все лесом, прекрасным, каких в России я не видала, ибо здесь деревьям отпускают земли вволю и они развиваются свободной кроной. Здесь настоящая русс[кая] осень, иногда холод оч[ень] сильный и мне в кровать кладут глиняную посуду в роде бутылки, наполненн[ую] кипятком, и теплота держится до утра! Стоит 1 шил[линг] такая благодетельница.

Привет вам обоим. Смешно вы написали о рукописи Пан[кратова]. А что было о нем в газетах, значит, неправда???

138. С. Г. Кропоткиной [1].

Вторник.

Дорогая Софья Григорьевна я простудилась, как предсказывала, но еще рано отказываться от митинга. Не правда ли? На всякий случай я набросала на нашу тему несколько страниц и передала М[альмберг] для обработки на английский язык. Я думаю, необходимо вам, мне и mrs. Howe собраться, чтоб условиться, о чем говорить. Боюсь, как бы нам не повторять друг друга. Для слушателей будет лучше, если мы условимся, о чем будет говорить каждая. Если-б вы взялись сделать общий обзор современных политических условий в России,—я рассказала бы об общих условиях жизни ссыльных, а подробности можно предоставить mrs. Howe. Как думаете вы? Пожалуйста, сообщите, когда можно поговорить с вами и с mrs. Howe. Или это совсем не нужно? Быть может, вы знаете, каким материалом будет пользоваться она. Не говорила ли она вам об этом?

Целую вас. Адрес Черкезова:....

Следует адрес и затем вопрос:

В слове Farnecombe, кажется, не надо e на конце?

---

[1] Опять мое английское бумагомаранье к С. Г. Кропоткиной. Вот перевод с английского (1929 года).

139. Брату Петру.

2. XI. 09.

Дорогой брат Петруша! Сто лет не писала тебе, а между тем последнее письмо твое было такое прелестное, что я была растрогана до слез.

Теперь пишу тебе, находясь у одних знакомых, живущих в Антверпене уже 17 лет. Пришлось из Лондона ехать сначала 2 ч. по железной дороге, а потом с половины 11-го ночи морем до 9½ утра. Последние 3 часа, впрочем, по Шельде. Широкая она, как наши русские реки. К счастью, хотя несколько дам страдали морской болезнью, но со мной ничего не было, и я не очень устала—только плохо спала. Был митинг, на котором я говорила. Народу было человек 700—800. А вчера я осматривала музей и собор. Ни один музей не производил такого впечатления. Старая патрицион-ная семья Plantin имела типографию несколько столетий назад, и вот их потомки отдают дом, в котором она была, и все учреждения в национальное пользование. Там хранятся древние книги, писанные печатными буквами рукой, IX, X, XI веков. Библия Гуттенберга и т. п. Работа книг, сделан-ная трудолюбивыми и набожными лицами, поразительна. Вся обстановка сохранилась с XV в.: мебель, кожаные обои, гравюры, коллекции шрифта, самое здание дышат стариной, и я была в полном восхищении. Многие книги—прямо не-вероятны по выполнению: не верится, что рука могла нари-совать их так отчетливо, красиво и правильно. Собор тоже прекрасен—один из лучших, какие я только видела. А кар-тинная галлерея, где богатое собрание гравюр с картин Ван-Дейка и где есть Рубенс,—не произвела впечатления. Завтра уезжаю отсюда. В Лондоне жить становится невоз-можно: сырость, туман, солнца нет. И у меня уже ломит шею, колена. Надо уезжать, и я надеюсь выбраться через месяц. В виду этого ты не высылай в этот раз деньги на

2 месяца, а только на один, чтоб не менять их на другую иностранную монету. Из Лондона поеду на Париж, остановлюсь повидаться и увы—надо опять дергать зубы и вставлять. Целую тебя и Настю, Колю, а также сестер.

Твоя *Веруша.*

140. М. В. Новорусскому.

11. XI. 09. Лондон.

Дорогой Миша! Пишу несколько строк наспех. Письмо ваше (открытку) получила. Странно, что только теперь вы сообщили Ариан, что я отказалась писать. Но вышло недурно: после вашей открытки я села писать «впечатления» и написала очень живую статейку, которую послезавтра пошлю ей. Редко пишу, потому что или занята, или устала, и тогда неохота писать. Сегодня у меня митинг вне Лондона, оттого и кончаю. Привет вам и Поле [1]. Не забывайте меня.

В.

141. М. В. Новорусскому [2].

24. XI. 09.

Дорогой М[иша]! Получила вашу открытку. Я доселе не ответила о вещах, оставленных мной, ибо никаких распоряжений еще не делала, так как не знаю, там ли знакомая, которой они вручены. Когда узнаю, извещу вас. Спасибо за свед[ения] о товарищах. Кто-то искал Тр[игони]. Где он теперь? А у Фрола огурцы и колодцы не ладятся и кажется работает впустую. Он писал недавно. Я написала статью об адм[инистративной] ссылке по документам, доставленным оттуда. Редакция «Рус[ского] Бог[атства]» находит, что много цифр и мало перцу с солью. Мне переделывать было бы

---

[1] П. М. Новорусская, жена Михаила Васильевича.

[2] Из Лондона.

очень трудно, и я написала поговорить с вами. Вам сразу бросятся недостатки в глаза и вы могли бы обработать, как надо для журн[альной] статьи. Из вознаграждения могли бы взять, сколько найдете нужным для оплаты затраченного вами труда. Судя по вашим обозрениям в «Образовании» вы могли бы сделать то, что в данном случае требуется. Я еще сижу здесь и даже продолжаю брать уроки англ[ийского] языка. Ну, привет вам обоим.—Уютно ли—тепло ли живете?? *В.*

Спросите Пятницкого, пожалуйста, будет ли он печатать «Историю вел[икой] рев[олюции]» Кропоткина?? Просили узнать. Он не пишет.

142. П. А. Кропоткину.

24. XI. 09.

Дорогой Петр Алексеевич.

Ваша надпись на моей лекции страшно обрадовала меня. Знаю, вы не стали бы хвалить, если бы были другого мнения.

А теперь я написала статью «В защиту Финляндии», которая давно лежала у меня на душе, после того, как, живя там, я узнала из книг и личного общения многое об этой стране.

Смею думать, что статья хороша и написана со знанием дела и с чувством [1].

Mrs Garnett взялась переводить и завтра же начнет. Я уверена, что вам понравится, и я хотела бы прочитать вам в русском тексте (у меня есть дубликат), ожидая, что вы или сами отрекомендуете ее в «19 Century» или куда, или же одобрите, чтобы я сделала это через Perris [2].

---

[1] Статья была совершенно негодная, как я увидела позднее, такая негодная, что я ее истребила.

[2] Из «Daily News», который писал обо мне в этой газете, один из главных сотрудников.

Чтение займет не более ½ часа, так что я не измучаю вас a la Malarevsky, который до слез насмешил меня, рассказывая об интересе, проявленном вами при 3-часовом чтении его беллетристических рапсодий.

Целую вас и все семейство.

Ваша *Вера.*

Вчера Соскис сказал, что Брэйльсфор[1] и Nevinson[2] тоже сейчас пишут статьи о Финляндии. Если моя не упредит их, то окажется, вероятно, за бортом.

143. Н. П. и Е. В. Куприяновым.

28. I. 10. Париж.

Дорогая Наташа и тетя Лиза! Получила я, мои милые, вашу открытку и Наташино письмо. Спасибо, и поздравляю вас с наследником дома Куприяновых и чтоб он вырос вам на утешение, дому на прославление. Карточку Шуры[3] тоже получила. Живые такие глазки у мальчика—премиленький он. Но жаждет сердце мое иметь в маленьком виде Олю и Алёшу. Я так их люблю, и верно они теперь выросли очень и стали не менее интересными, чем были. Отцам их мой привет и память о них живет, не умирает, где бы я ни была.

Наташа! ты моя такая ласковая, а вот ты сделай-ка мне добро.

1) Мне нужна фотограф[ическая] карточка или хорошая открытка института и сада его, внутренность сада. Там было так хорошо и мне это нужно для моей книжки.

2) А еще у Анны Ив[ановны] Бравиной[4] надо попросить и снять копии с моих институтских карточек. У нее есть

---

[1] Писатель.

[2] Журналист.

[3] Перимов, мой крестник.

[4] Моя бывшая классная дама в институте.

очень интересные. И они мне необходимы. Надо заказать копии.

3) Мне нужны также копии с 2-х имеющихся у вас портретов бабушки и дедушки. Какие сделаете расходы, я возмещу; только прошу, не пренебрегите моими интересами и не забудьте моей просьбы.

Я забыла, у кого из родни есть портрет отца—дагерротип с Екат[ериной] Алекс[андровой], тётей, матерью Веры Шулинской.

4) Мне хочется иметь копию с этого портрета и с портрета мамаши с отцом, где он сидит, она стоит.

Единственный, где они вместе. Из детских портретов у меня есть только: я с матерью и та группа институтская за самоваром, которую ты, Наташа, прислала. Это письмо сохраните и заглядывайте—исполните мои заказы и просьбы.

5) А еще мне необходим наш старый никифоровский дом. Добудьте его мне, где хотите. Вот, если, Наташа, ты исполнишь мои эти просьбы, и я тебе отплачу добром за твое добро. А трудно издали чего-нибудь добиться: всегда говорила об этом и, кажется, писала, писала!—Мои приключения в Париже, может, знаете? Автомобиль чуть не раздавил меня. Вся была в синяках, а если бы не присутствие духа, то или убил бы, или раздробил обе ноги. Потом захворала инфлюэнцией и вот неделю не выхожу. Еще у Верочки в квартире кран оказался испорченным и открылся. Произошло наводнение, и так как хозяйка у нее больная сердцем, то мне одной пришлось откачивать воду, и я босая и в 1 рубашке должна была всю ее убрать из 3-х комнат, которые затопило. А теперь весь Париж наводнен. У нас в доме 2 дня нет воды, ибо водопроводы испорчены; нет газа в кухне, ибо газопроводы тоже подверглись порче. В довершение всего уголь весь вышел, печи не топлены, кушанье не готовят, и поставщики отказываются доставлять уголь. Газеты полны описаниями всяких неблагополучий, погода

скверная, дождь, мокрый снег, и инфлюэнца привязывается ко всем и каждому. Мне пришлось обратиться к дантисту, но болезнь прервала мои хождения, а теперь его улица затоплена и жители ее эвакуировали. Сейчас мне очень холодно и есть хочу,—да нечего, так как я у знакомых и не люблю распоряжаться в чужом доме, а из них никого нет, и они все не едящие какие-то, вегетарианцы. Посему простите, что заканчиваю свою повесть и перехожу к начатому роману, за которым забывается действительность.

Впрочем, у меня здесь была одна очень хорошая удача, которая дает возможность помогать нуждающимся, и эта удача покрывает все, включая и то, что под ложечкой посасывает.

Целую вас крепко.

Пишите: M-elle Stakévitch pour M-me Figner. 13, rue Val de grâce. Paris.

144. С. Г. Кропоткиной.

16. II. 10. Вторник.

Дорогая Софья Григорьевна. Только сегодня могла исполнить ваше поручение, а между тем, наша знакомая была даже в Рапалло и так досадно, что вы ее там не видали. Она говорит, что докторесса ей сказала еще в пятницу, что вы не вернулись. Ну, ответ как-раз такой, какого я ожидала. Она категорически отрицает, чтобы что-либо подобное происходило между г-жей Эф[рон][1] и ею. Что брать из сумм Кр[асного] Кр[еста] на посторонние цели было всегда противно ее взглядам и она никогда не пошла бы на это.

Что она сама вносила в Кр[асный] Кр[ест] взносов на 500 р. ежемесячно и, значит, нечего было и спрашивать кого-либо, если бы возник вопрос, что, однако, невозможно по ее взглядам и не бывало в ее практике.

---

[1] Урожденная Дурново («Лиза»).

Что по своему имущественному положению она никогда не могла нуждаться в такой сумме, п. ч. располагала гораздо большим, и ее не затруднила бы нужда для чего бы то ни было в еще более крупной сумме.

Затем—память у нее точная и сильная и никаких долгов у нее никогда не бывало.

Когда вы мне рассказывали, то я диву давалась—так это было противоестественно для данного лица, так противоречило всему строю ее взглядов, ее характеру, ее отношению к деньгам и к людям. Когда, до ее приезда, я рассказала об этом деле моему хозяину, то он, подобно мне, сказал, что это совершенно не похоже на нашу знакомую и друга.

Итак, она с твердостью говорит, что это какая-то ошибка, что в ее жизни ничего подобного не происходило и не было. Вот ее непоколебимый ответ, который я передаю вам в точности, и в правдивости его сомнения быть не может.

Целую вас, дорогая Софья Григорьевна, и всех ваших.

Не найдете ли вы полезным сообщить имя товарища г-жи Эфрон, который передает это?

Сообщите это мне. Ваша *В.*

145. М. В. Новорусскому.

22. II. 10. Париж.

Дорогой Михаил Васильевич! На ваше письмо я написала открытку, но потеряла ее на лестнице или куда-то заронила в комнате и вы ее не могли получить. Там важного не было—потеря не велика. А теперь вот что, и ответьте немедленно, чтоб я могла, не теряя времени, распорядиться переводом, который думаю предложить сперва вам.

Полтора года назад Сергей [1] (ныне находящийся здесь, за границей) предложил научные переводы. Я дала согласие,

---

[1] Иванов, Сергей Андреевич.

но доселе не было ни слуху, ни духу. Теперь пришла часть «Детской энциклопедии», отдел зоологии на англ[ийском] языке (25 р. за печатный лист). Перевод простой и рассчитан на детей 8—10 л. возраста. Надо быть знакомым с зоологией; терминов, названий много и вам придется делать много справок Но у вас все под рукой в [Петербурге]. Итак, хотите ли взять этот перевод? Его будет не менее 4 листов печ[атных], может быть и больше, ибо мне выслали не все. Ответьте немедленно по тому же адресу, по какому писали, и я вам вышлю все, что у меня, и направлю к вам и дальнейшее. В противном случае отдам Гольдсмит, которая кончила естеств[енный] фак[ультет] и работает у Деляжа.

О себе пришлось бы писать слишком много; занята, устаю, но мои альтр[уистические] [1] дела идут хорошо. Была у меня инфлюэнца, и после этого или от городского шума часто устаю.

Ну, до свидания. Привет вашей жене. Отчет о музее очень меня интересует. Нет ли вестей о Шебалине? Сер[гей] растолстел и стал солиден. Мне кажется по первому впечатлению, он стал спокойнее. Всего хорошего. Отвечайте же.

В. Ф.

146. Н. А. Морозову.

16. III. 10.

Дорогой Ник[олай]! Получила сегодня утром твое письмо, а вчера в Université Nouvelle [2], основанном Элизе Реклю в Брюсселе, происходила моя лекция: Sur les prisons politiques russes du passé et du présent. Ректор университета De Greef был с женой и племянник Эл[изэ] Реклю—Paul Reclus тоже. Публика наполняла зал, в котором до этого я слышала Forel'я sur la question sexuelle. Это обычная аудитория, должно

[1] В январе мной был основан Парижский комитет помощи политическим каторжанам.

[2] В Брюсселе.

быть, человек на 500, ибо есть и хоры. Впечатление было сильное и De Greef был очень доволен. Еще буду читать в масонской ложе, где, говорят, состоят членами интеллиг[ентные] и влиятельные люди столицы[1]. К сожалению, я не говорю, а читаю, и это, конечно, не может быть так прочувствовано, как живая речь, льющаяся свободно. Но я и язык не знаю достаточно и страшно волнуюсь—готова провалиться сквозь землю. Даже и при чтении только громадным напряжением воли сдерживаю дрожь в мускулах. Недавно меня заставили председательствовать здесь на рабочем митинге по поводу процесса Брешковской. Ой! какая я была несчастная—прямо чуть в обморок не упала, говоря несколько вступительных слов.

О том что хвост кометы нас дернет по носу, кажется, никто не опасается, но ты отважен всегда в гипотезах. Кстати, здесь есть некий магнат Де Брукэр: у него есть мастерская, где он делает исследования о сопротивлении воздуха (в целях аэронавтики) и со своей матерью поднимался в аппарате. Они страшные богачи и здешние именитые горожане. Есть даже площадь Де Брукэр—в честь отца или деда этого, молодого. Если будешь за границей и в Брюсселе, могу дать рекомендацию. Других не ищу и не знаю. В Париже Купчинский считается специалистом по этой части. Ты спр[ашивал] о Сергее? Ну, что же? Постарел и показался мне спокойнее, чем прежде. Очень товарищески со мной встретился и провожал с Лопат[иным] меня на вокзал, когда я ехала сюда. Это даже меня тронуло, ибо с Лоп[атиным] я почти и не вижусь. Мы жили далеко др[уг] от друга, да у него и дела совсем особые, другие, чем мои.

Ну, как это ты говорил о деньгах, за статью в сборнике? Этого я не могу. В этом-то и вся закорюка. Во всяком случае, надо прежде еще написать вещь. Может быть,

---

[1] Лекция не состоялась.

можно будет разделить. Но едва ли. Дело в том, что я хотела описать 2 момента—когда я слушала, 19-летней, Лесгафта в Казанском унив[ерситете] и когда, после Шлиссельбурга, вновь увидела его. Вся красота в этих 2-х сопоставлениях, и разделить их—это рассечь младенца надвое.

Писать мне ты можешь спокойно на прежний адрес, ибо в случае от'езда — пересылают. Перевод зоологии с англ[ийского] я отдала M. Goldsmidt (24, rue de Glacière. Paris). Она специалистка и нуждается. Сегодня я написала в Киев об этом. Но надо ей черкнуть, куда посылать перевод: к тебе ли, или в Киев?? и дать адрес. Адрес Сергея: Moderne Hôfel, chambre 13. 21, rue Alphonce Daudet. Paris.

Целую тебя и Ксаню [1]. Ее сказка показалась мне искусственной. Да, фантазия не всегда помогает жить, есть и мрачная — Эдгар Поэ, Гофман и простые смертные без числа.

147. Н. П. Куприяновой.

6. IV. 10.

Дорогая Наташа. Вообрази себе большую, очень высокую комнату с чем-то в роде алькова; со старым ковром и старой обивкой мебели; вообрази ее очень *многочисленной,* так что и не перечтешь, — и меня за столом под газовой лампой, с распухшим от насморка носом и красными глазами, и ты будешь иметь верный образ «prima donna» в Liège'e, отвратительном по своей уличной пыли и отсутствию растительности. Приехала я сюда неделю назад по приглашению русской колонии, чтоб участвовать в вечере 1-го апр. Так усиленно просили, что не могла отказаться, но вздумала прочесть и францу[зскую] лекцию, что повлекло разные знакомства и отсрочило мой от'езд на целые

---

[1] Ксения Алексеевна, жена Морозова.

10 дней. Здесь были такие резкие переходы от знойных дней к холоду, что я простудилась, а от знакомств и излишних разговоров устала и на сегодня уединилась. Вечер сошел хорошо, молодежь, которой здесь множество, встретила меня очень тепло и пред'явила много требований, чтоб я с ними поговорила, но, право, мне это не по нутру, и я уклоняюсь от сборищ.

О срам, о стыд, сегодня 18 апреля, 12 дней прошло со времени начала письма. За это время была франц[узская] лекция в Salle mauresque Hôtel Gontinental. Такая прелестная зала—вся белая, и какие-то необыкновенные своды, в виде многочисленных портиков. Публики было множество. Уверяют, что 1000 человек не могли попасть. Я была тоже в белом. Проректор Льежского университета [1] говорил приветственную речь, очень прочувственную и чрезмерно лестную. Кажется, я понравилась публике, и речь произвела впечатление. Я сама чувствовала под'ем. После был и русский митинг, но это было уж совсем не то, и я пожалела, что французский не был после русского, чтоб унести красивое воспоминание. Теперь я с одной молодой дамой [2] уехала из Льежа на 20 мин[ут] расстояния и на несколько дней устроилась в отеле. Дешево: всего 3½ фр. в день полный пансион. Комната большая у меня, чистая, высокая, вся залита светом, три окна. Перед ними горы Арденны, зелень деревьев еще не вся распустилась, но луг и сосны красят их и река тут же перед домом. Целое утро сегодня лежала на траве, на берегу реки, на коврике и читала «Речь». Наслаждаюсь красотой, а войдя в комнату, говорю: «праздник жизни» — так все лучезарно и красиво, гармонично кругом. Не странно ли, что с тех пор, как вышла, «праздник жизни» только и нахожу, когда смотрю на тк. [так] наз. [на-

---

[1] Тири.

[2] А. Т. Шакол.

зываемую] «мертвую» природу??[1], но она не мертвая, а для меня живая. Целую тебя и твоих.

Наташа! Как это?! Ты пишешь, что портрет старинный — Елез[авета] Петровна[2]; а няня говорила, что это Даниловы: он и она, т.-е. родственники Анастасии Фед[оровны] — жены дедушки.

148. П. Л. Антонову.

3. V. 10.

Дорогой Петро. Давно уже мы не переписывались, и лишь издали доносились слухи о ваших огородных делах, расширении их и неудачах. Верно, и до вас доходили смутные известия о моей жизни. Ну, теперь вы мне напишите. Надеюсь, мое письмо дойдет. M-me Alexeevsky, 10, rue du Lunain. Paris. France. Здесь, в Париже, я на короткое время, но мне перешлют. Сама я хочу провести месяц в Бельгии, на лоне природы. Облюбовала себе местечко близь Льежа; там есть отель недорогой; река, горы — кругом свежо, зелено и красиво. Буду жить в отеле и лежать у реки на траве. Я уже пробыла там неделю и мне понравилось. Это минут 20 от города и могу ездить видаться со знакомыми (кот., впрочем, мало). В Брюсселе и Льеже я читала лекцию по тюремному вопросу на франц[узском] яз[ыке]. Этот вопрос меня интересует и мучает. Я хотела бы облегчить участь заключ[енных], а именно каторжан — в материал[ьном] отношении. Напишите мне все, что знаете о Никол[аевской] каторжн[ой] тюрьме и ее обитателях, и можно ли передать денег, и как это можно делать? Сколько каторжан и сколько не имеются средств? Целую вашу жену и сына. Напишите о них и обо всем.

---

[1] Французское выражение (nature morte) о картинах, изображающих плоды, цветы.

[2] Куприянова.

149. Н. П. Куприяновой.

11. V. 10.

Дорогая и милая Наташа! Отрытку с ландышами получила: ты мила, ка́к всегда. Вчера я отдавала на хранение те фотографии, которые ты мне доставила, и мысленно целовала тебя еще и еще раз за них. Но есть дефект: ты не пересняла портрет дедушки Христофора Петр[овича], кот[орый] достался Володе — масляными красками, дедушка сидит с усами. Мне он нужен и хорошо бы в таком же формате, как он и бабушка Елизавета Петр[овна]. Какие стильные их портреты, прямо на стену просятся. Не забудь еще обревизовать Анну Ив[ановну] Бравину насчет моих институтских карточек.—Я пишу накануне от'езда из Парижа, опять думаю ехать в Льеж и пожить в его окрестностях. Я набрела на один отель, недорогой и среди красивой местности. Там течет р. Урта, приток Мааса, и отель стоит одиноко в долине—вне селения. Платила я всего 3½ фр. в день; кормили хорошо, только из 6 дней в течение 3 давали один и тот же суп-лапшу, подправленную то помидорами, то чем-нибудь другим. Наконец мы (я была с 1 знакомо) [1] его бойкотировали—боясь, что и на 4-й день снова придется есть его же. Я только нашла, что прогулки там однообразные: идешь вдоль реки вверх или вниз по течению—ландшафт все тот же, горизонт закрыт по обе стороны реки горами.

20 мая. Продолжаю письмо, уже водворившись в Hôtel Sainval. Sainval, Belgique — таков мой адрес на ближайшее время, а более постоянный запиши так: rue Bassenge, 27; Liège. Belgique. Пиши просто M-me Véra, ибо хозяйки плохо запоминают фамилию. Письмо при переезде измялось—ты извини. Посылаю тебе 2 cartes postales, чтоб дать понятие об этой местности. Говорят, есть в Арденнах

---

[1] А. Т. Шакол.

очаровательные места, но еще нигде не была. Моя знакомая подговаривает меня переехать, уверяя, что здесь дорого и что можно устроиться за 75 фр. в месяц. Уж я не знаю, что это такое будет. Здесь же то неудобство, что внизу ресторан и по воскресеньям бывает много публики пьющей и орущей. И представь себе: в числе самых буйных посетителей состоит и единственный представитель исторической фамилии Lamark le Sanglier, еще совсем молодой человек, но, по отзывам хозяина, мот и бездельник. В ночь с 18 на 19, когда ждали прохождения кометы, они, под предлогом кончины земли, выпили чуть не весь погреб, чтоб не пропало вино даром. «А заплатили?», спрашиваю хозяина. Он смеется: Да,—говорит,—я обезопасил себя на случай безопасного прохождения хвоста кометы, которую так там никто и не видал, не слыхал.

Милая Наташа! Полгода я не была вне города и так истосковалась по солнцу, траве, деревьям и небу. Теперь, если бы не вечный гнет от русских безобразий в тюрьмах, на чем сосредоточено мое внимание, я так была бы счастлива! Вчера была тихая, теплая ночь, и луна была полная. Два мои окна, выходящие на реку Урту и канал ее, а за ними на горы, покрытые лесом, были открыты... В отеле я пока одна русская, и на душе была — грустная тишина. Я не зажигала лампы, разделась в 9 ч. и сначала сидела в одной рубашке, с голыми ногами у окна, а потом легла на постель. Так необычайно лежать без простыни и чтоб теплый воздух обвевал тебя. И было тихо и мягко. Придут люди и обыкновенно все разрушат, разрушат ту тишину в душе, которая водворяется в одиночестве. Право, я люблю его. Я узнала его только в заключении и, мне кажется, это один из ценных даров его. Здесь в отеле я с воскресенья—сегодня пятница. Я приехала из Парижа с ночным поездом, в 3-м классе. И это мне не по силам. Пришлось в воскр[есенье] слечь в постель от головокружения и слабости, хотя

одну ночь я уже проспала в Льеже. Не хотелось ни пить, ни есть, а бесконечно спать. Теперь все это прошло, только не хочется никуда двигаться. Я принялась за эти дни за книгу L'Evolution de la matière. Le Bon и прочла ее с увлечением, понятным для того, кто долго не читал ничего научного и вдруг из смут жизни был поднят в высоты, где речь идет только об истине и нет страданий, горя и насилий. Эта книга прелестная по изложению и по широте предмета. Я заказала купить еще l'Evolution des forces того же автора, и тогда я немножко подновлю свои научные концепции. Целую тебя. Теперь 8 ч. утра и я пишу тебе, облитая солнцем и слезами. Ах, как тяжело, что жизнь моя кончится среди безобразия и что в душе нет свету, почти — нет! Пришли мне сейчас же адрес Лиды. Мне надо ей написать. Приедет ли она к вам на лето? Поцелуй всех своих за меня.

В.

150. П. А. Кропоткину.

14. VI. 10.

Hôtel Sainval. Sainval. Belgique.

Дорогой Петр Алексеевич. Письмо ваше получила и приложение, содержание которого вполне разделяю. Завтра же отошлю по принадлежности. Меня тоже приглашали в эту проволочную (от «волочить») комиссию, но я наотрез отказалась по тем же мотивам, что и вы, с прибавлением возмущения, что на «впечатлениях» наших хотят — что бы то ни было—строить [1]. Я думаю, даже архибуржуазные судебные установления такого метода не употребляют при

---

[1] Речь идет о судебно-следственной комиссии по делу Азефа (после его разоблачения) из 4-х лиц, выбранных партией с.-р. Письмо П. А. — образец этического отношения к судам, подобным тому, в котором участвовали он, я и Лопатин,—сохраняется С. Г. Кропоткиной.

оценке действий тех или других лиц. Но Гер[ман] Ал[ександрович] к ним ходил. Что он говорил, не знаю, но думаю, что немного было поживы от него. Я его, впрочем, не спрашивала. Теперь он в Италии, и я не знаю, надо ли посылать ему ваше письмо. Повидимому нет, ибо вопрос совершенно кончен.

Очень рада, что вы хорошо поправились в Рапалло. Все мы так вас любим, что хотим видеть вас здоровым и всегда таким же живым и живительным, каким знаем. Прогоните вы посетителей! Убегите—пусть Саша их кружит.

Надеюсь, Софья Григорьевна получила мое письмо со вложением отчета о Парижском ком[итете].

Целую ее и Сашу.

А я тут живу в отеле с Алейниковой. Ее муж тоже часто бывает здесь. Он все уверяет, что я его не люблю или что я предпочитаю ее ему! Я не противоречу, ибо его никак не нащупаю. Чего-то в нем недостает для меня. Или, впрочем, быть может, это у меня «недостает».

Никакой особенной работы не совершаю. Только сгруппировала разные письма и рассказы о катор[жанах]. Часть уже переведена на франц[узский] и очень хорошо переведена. Я хотела бы попросить немца-издателя—Люц он, что ли, — чтоб напечатал на немецком для пропаганды, лишь бы окупить его расходы по печатанию.

Вера Сергеевна (племянница), счастливая, уехала на-днях в Россию и на границе не претерпела неприятностей (она была на 2 года выслана за границу).

Спешу кончить письмо, чтобы пошло на почту. Целую вас крепко.

Ваша *В.*

Ах, да! Я все думаю месяца на 2 приехать в Англию, чтобы не забыть английский язык. Только не знаю еще, когда это будет — июнь или август, сентябрь?

P. S. Когда Черкезов жил в вашем доме, я однажды писала ему о революц[ионном] музее, кот[орый] я собираю [1]. Я боюсь, что он не получил этого письма??? ибо ответа не дал.

151. М. В. Новорусскому.

$\frac{30}{17}$VI. 10.

Дорогой Миша! Это вы меня совсем забыли,—и нечего валить с больной головы да на здоровую. Адрес племянницы вам был известен и, несмотря на мои скитания, вы могли написать мне. Но, конечно, правда и то, что скучно все скользить по поверхности и писать лишь о внешней стороне жизни, а внутренняя так сложна и длинна, что лишь при личной встрече можно было бы выговориться. Оттого часто и не пишется. Уж не помню, когда вам писала, но, вероятно, это было из Брюсселя или Льежа, когда читала там лекции. После того я была еще в Париже и не раз там по утрам плакала. Ни за что не угадаете, о чем? Представьте себе: о России *вообще,* а еще о том, что, верно, я ее уже не увижу свободной. Неправда ли, что, если последнее, с личной точки зрения, понятно и простительно, то первое—нелепо. Так-таки: проснуться и прямо впасть в грустное настроение по такому общему вопросу! Но это никак не потому, что я со-

---

[1] В то время я стала собирать экспонаты для основания потом революционного музея за границей, и уже имела 30—очень ценных. Но моя инициатива разбилась: я хотела, чтоб он сберег вещи и литературу всех революционных партий. Воспротивился этому мой друг—Марк Натансон; он сказал: «Наша партия (с.-р.) оснует свой собственный музей». Тогда я возвратила собранные экспонаты тем, от кого получила их.

Позднее меня посетил в Швейцарии князь Бебутов и рассказал, что собрал много экспонатов и передал их в Берлине социал-демократической партии, с условием передать все в Россию, когда там будет «свобода». Я дала ему несколько вещей из Шлиссельбурга.

скучилась по России. Нет, знаете, после Шлиссельбурга всякий европейский город, где есть русские, чувствуется, как Россия: часть принимаешь за целое, даже такую часть, которая оторвалась от целого. Это просто об'ясняется тем, что так долго не чувствовали отечества, будучи в Шлис[сельбуре], и теперь я только продолжаю прежнее. Только умом, а не чувством, скорбишь, глядя кругом, что такая масса хорших, честных русских людей живут без всякой общественной деятельности и выкачивают, между тем, средства существования из России; и все — такое бесприютное, никчемное и беспомощное, приучающееся жить исключительно для себя...

Уговаривала, уговаривала я вас посетить заграницу, вы не поддались. А и стоит-то всего от Пб [Петербурга] до Льежа билет 30 р. (77 фр.). Кажется, люди даже дешевле устраиваются, составляя группы. Да и для всех бойких перьев выставка в Брюсселе представляет большую поживу, и путевые издержки литератора так легко покрыть одной какой-нибудь статейкой. А я тоже приехала на выставку, но не с бумагомаральными целями. А так захотелось посмотреть и побыть в городе. Я устала от отельной жизни даже в Sainval'ской пустыни. Ходила, впрочем, только дважды и в первый день осмотрела Германию и Канаду, а вчера Италию, Тунис, Алжир. Вчера мимоходом видела еще многое и пестрило в глазах и в уме, но в первый раз мне очень понравилось, хотя я вообще до выставок не охотница. Отдел Канады, видимо, рассчитан на то, чтобы соблазнять переселенцев. Выставлены цифры свободных земель; стоят ландшафты из деревьев и чучел животных, мирно пасущихся; бобр живой полощется в проточной воде; маленький поезд, нагруженный хлебом, бежит на глазах зрителей по полям; целый отдел—всевозможных яблоков, заставляющих слюнки течь у публики, и т. д.; очень много минералов: серебр[еная] и золотая руда, уголь, свинец и пр. Рядом синематограф с ка-

надскими пейзажами, и среди публики не продерешься. Сама выставка—в прекрасном лесу: Bois de la Cambre; разнообразные павильоны иногда очень живописны и красивы. Италия выставила чудные изваяния: чуть не каждая вещица—прелестна. Но сюжет всегда один и тот же: хорошенькая женщина (большею частью головки) и дети. Ни одна страна не имеет такой коллекции. А Германия выставила машины—прямо чудные, особенно локомотивы и вагоны. Последние прямо невероятны—не веришь, что они созданы для употребления, а не для показа. Отличилась и наша Россия! Прямо срам. Десяток никкелированных самоваров, духи *Брокара* и кавказские палки из кизиля. Если бы выставили палача и виселицу, кругом не было бы такой зияющей пустоты.

В Sainval я порядочно поработала, а завтра возвращаюсь туда. Не думаю, однако, чтоб осталась там долго. Что-то удручает меня там. Сама не разберу хорошенько: отчасти, быть может, горы перед окном и сзади: они стоят, как стены Шлисс[ельбурга], застилая весь горизонт; но, конечно, не одно это. Вероятно—одиночество. Нет никого, кто хоть рассмешил бы. Какие есть люди—так заняты самими собой и своими личными делами; оттого смертельно скучно. Ну, обнимаю вас и надеюсь, что отдохнете хорошо в своей поездке. Вашей жене—привет. Я буду писать Николаю в деревню. Я страшно запустила переписку с ним, как и с вами—в конце-концов все меня забудут. Обидеть, обругать, что ли, чтоб оживить души, погрузившиеся в море или в лужу забвения?!

В.

152. П. Л. Антонову.

4. VII. 10. Hôtel Sainval. Sainval près Liège. Belgique.

Дорогой Петро! Месяц назад я написала вам, но, увы, на адресе сделала ошибку, дом обозначила 4, а не 42, и потому, повидимому, оно не дошло до вас. Как же вы поживаете, дорогой дружище? Нет ли еще прибавления семейства? Как идут материальные дела с огородами? Кое-что пи-

сали мне, что дело расширено на капитал в 15 т. Правда ли? А еще слышала, редиска в Питер опоздала, и что жена ваша, несмотря на юность, обнаружила деловитость? Ну, а еще чем живет душа ваша? Хорошо ли вам, не удручены ничем? Есть ли друзья и хорошие люди кругом? А я занимаюсь помощью заключенным и читала в Англии и Бельгии лекции по тюремному вопросу. Напишите мне все, что знаете, о Херсонской и Николаевской *каторжных* тюрьмах. О последней ходят самые мрачные слухи. Если не знаете, то узнайте и все хорошенько проверьте, чтоб не было лжи и преувеличения. Напишите, сколько где каторжан, как содержат духовно и материально. Есть ли им денежная помощь извне и какие правила существуют для этого. Кто вносит им деньги: родные или друзья, и нельзя ли через вас оказывать им денежную помощь. Если сами не можете непосредственно, то через родных, или кто там есть из заслуживающих доверие. Между прочим, в Ник[олаеве] есть в каторж[ной] тюрьме кавказец Гхиквишвили, так просили оказать ему помощь. Я думаю, одному лицу и на месте есть возможность давать руб. 2 в месяц и не стоит пересылать. Но принимают ли от посторонних и, вообще, могут ли друг другу в тюрьме передавать? Все опишите и о Херсоне узнайте. Если нужно с'ездить, то сделайте это или поручите другим. И о Гхиквишвили позаботьтесь. Пишите мне на мое имя M-me Véra Figner, а дальше то, что написано в заголовке, по-русски ставьте только Бельгия. О содержании этого письма из Пб [Петербурга] вам хотела написать племянница по моему же поручению, так если вы напишете мне, этого будет достаточно. Обнимаю вас крепко и целую сынишку и вашу жену. Сын верно уже большой и вы его еще более балуете и милуете, чем шлисс[ельбургскую] ласточку[1]. Я живу здесь уже второй месяц, в красивой мест-

[1] Антонов воспитывал птенчиков, выпадавших в бурю из гнезд на стенах крепости.

ности; вблизи река, горы, покрытые лесом. Воздух прекрасный, купаюсь. Только очень уединенно. Людей нет, кроме одной знакомой, живущей в том же отеле. Я потому прошу сейчас же ответить, что через 10 дней собираюсь в Брюссель. Но, если письмо и запоздает, то его мне пришлют. Здесь насчет этого аккуратно. Итак, всего хорошего.

Ваш друг *Вера.*

153. П. Л. Антонову.

14. VII. 10.

Дорогой Петро! Сейчас получила ваше письмо и спешу откликнуться. Очень подробно вы мне изложили физич[ескую] сторону вашего огородного дела, но о себе сказали мало. Огорчило меня известие о Луке. Хорошо, что он поправляется. Передайте ему привет. Я как-то писала ему в Пб [Петербург], но он мне с тех пор не отвечал. Сейчас здесь у меня Сергей [1]. Он вам кланяется. Пробудет недели 2 в этих местах. Я буду защищать Мор[озова] перед вами, и если случилось, что он будто встретил холодно Фр[оленко], то не сделал ли это по рассеянности? Он не переменился, да и это было бы просто глупо. Лоп[атин] мне в последнее свидание тоже показался лучше, чем был, но в первую встречу здесь я заметила много неприятного. Быть может, это зависело от оч[ень] нервн[ого] раздраж[енного] настроения. Прошу вас, Петр, займитесь моей просьбой и напишите по тому же адресу. Поищите и др[угим] поручите искать родственников. Обнимаю вас и целую сына. Карп[ович] [2] стал прямо противным. Совсем перекувыркнулся и оплевал сам себя в прошлом.

Дружны ли вы с вашей женой?

---

[1] С. А. Иванов.

[2] После открытия, что Азеф—провокатор, Карпович, глубоко веривший в него, отряс прах с ног своих, — заявил, что он больше не революционер. Но это было временное умопомрачение. (См. его биографию в IV т. собрания моих сочинений).

154. М. В. Новорусскому.

1. IX. 10.

Дорогой Миша. Ваше последнее письмо получила и с тех пор перенеслась на озеро Леман. Тут была дней 15 отличная погода; все было лучезарно и красиво. А теплая компания обогревала духовно. Но теперь 3 дня буднично и серо. Дождь льет, и, увы! гулять нельзя. А в лунные ночи перед тем было—одно очарованье. Все время не предавалась размышлениям и от жизни «птички божьей, не знавшей ни заботы, ни труда», была весьма весела и нахожусь в состоянии полного рассеяния; почитывала журналы, «Речь» и разные местные. Теперь с нетерпеньем жду отчетов, представленных на Копенг[агентский] конгресс всеми партиями.

Посылаю при сем сто пятьдесят рублей для голодающих [1], родные которых вам передали в начале года (или в конце прошлого) письма о бедственном положении. Надеюсь, вы не потеряли их из виду, тогда писали об 11-ти. О получении и исполнении напишите по адресу: Baugy s/Clarens. Villa Kephir. Suisse. Можно просто M-me Véra.

Дружески обнимаю вас; шлю привет вашей жене и жду известия, не ожидается ли наследник. Всего хорошего. Не дурно бы отыскать переводной работы для Мих[аила] Юльев[ича] [2]. Он, повидимому, жаждет заработка.

Верочка.

155. М. В. Новорусскому.

18. IX. 10.

Дорогой Миша! Письмо ваше получила, но там цветы красноречия так перемешаны с правдой, что я даже немного смутилась. — Вы, конечно, знаете, что прошлое письмо относилось исключительно к Алгачам. Если есть известия о них, то, пожалуйста, пришлите. — Племянница, конечно, не

---

[1] Политические каторжане.

[2] Ашенбреннер.

будет в Пб [Петербурге], а что касается до вещей, то если есть для них помещение, то нечего и возражать против этого.

Здешние красоты были омрачены 3-недельными дождями, но теперь погода опять стала чудная. Сегодня я ходила пешком в Vevey, а оттуда — на пароходе. На озере было удивительно хорошо, как-то водой пахнет. Подвизайтесь на поприще лектирования! но отчего не сказали, о чем лекция?

Вчера приехала сюда Верочка [1]. Швейцария встречает ее неприветливо: сегодня ночь и день льет дождь. Не напишете ли вы в «Речи» статью о причинах столь обильного выпадения осадков. Всюду, всюду одна жалоба. Я уже просила сестру, думала, она и вам говорила, что все, что есть заслуживающего внимания в области тюрем, меня живо интересует, и я прошу присылать мне подлинники или копии со всех человеческих документов. Вероятно, осенью я буду читать в Швейц[арии] ряд лекций. Между прочим, предполагаю прочесть о роли женщины в русс[ких] общ[ественных] движениях.

Я здорова. Дружески обнимаю вас и шлю привет Поле. Прилагаемое письмецо передайте Ник[олаю] [2], когда он приедет.

Верочка.

156. М. В. Новорусскому.

1. X. 10.

Дорогой Миша! Я получила ваше письмо с поздравлением. О каталоге передала, об искусственном развитии яйца написала M-lle Goldsmidt, 24, rue de la Glacière. Paris. Она—секретарь Annales biologiques, издаваемых Деляжем, и сама естественница, вполне au courant предмета. Если она

---

[1] Стахевич.

[2] Морозов.

не сможет вам выслать нужное даром, то я заплачу, а если сумма будет значительная, то попрошу списаться с вами. Ее адрес я сообщаю вам для непосредственных сношений. Это скорее и не так сложно, как переписка через 3-е лицо.

В день 17 сент. не могло для меня быть бо́льшего огорчения и досады, как известие через сестру, что вы, по непостижимому для меня недоразумению, не исполнили того, что я от вас ожидала. Постарайтесь исправить это и передайте, что вышло невольное с вашей стороны недоразумение. Пусть деньги будут возмещены, п. ч. невозможно вместо одного делать другое. Пусть выплатят хоть в 2—3 месяца, — это вполне возможно. И если бы это случилось со мной, то им было бы возмещено. Ожидаю и от них того же.

С приветом *В.*

157. Н. А. Морозову.

3. XI. 10.

Дорогой Николай! Недели две назад я послала тебе открытку, спрашивая, какой крайний срок для статьи о Лесгафте[1], для сборника. Верно, ты ее не получил, ибо не ответил. Дня четыре назад я выслала ее заказной бандеролью на твое имя. Надеюсь, что ты теперь не летаешь по воздуху и не сидишь в сосновом лесу, спустившись с аппарата, как писала «Речь». В то же время я послала дубликат статьи в «Рус[ское] Бог[атство]», прося ее напечатать у них. Я думаю, если даже моя статья не опоздала для сборника и попадет в него, то печатанье в «Рус[ском] Бог[атстве]» ничуть не повредит твоему сборнику. В открытке я тебе писала и теперь повторяю, что никоим образом не могу брать от сборника денег за статью. Не забудь об этом и не ставь меня в скверное положение.

А я сейчас сижу с инфлюэнцей. Вчера утром было 38,2°, а раньше не мерила, ибо считала, что не стоит. Все

---

[1] «Две встречи».

время чувствую слабость и это неприятно, ибо надо работать. Я отлично поправилась за последние полгода, живя вне городов и близко к природе. Теперь мне тяжко, хотя только месяц, как я переехала сюда и живу у Баха [1]. Моя комната выходит на улицу и по ней ходят до 12½ трамы, а после театра грохочут autos, и все это раздражает день и ночь мой слух: он все еще не закалился и крайне чувствителен к раздражениям. Через некоторое время напишу тебе хорошенькое письмо, а теперь надо было о моей статье известить, и ты получишь письмо, когда она уже давно у тебя. Ты или Ксаня, известите о получении, а то я иск пред'явлю почте.

Здесь я завела кое-какие знакомства, есть симпатичные люди—швейцарцы: с русскими не соприкасаюсь, надо было работать. Да и в тягость много знакомств. Здесь живет Аникин [2], но я еще с ним не виделась из-за своего нездоровья. Целую тебя. Бах тебе послал свою работу о растительном белке. Напиши о себе, о работах и не собираешься ли за границу? 10-го я жду сюда Фрола с женой, а потом и Сер[гей] приедет. Общим друзьям—поклон. Ксаню целую.

Твоя *Верочка.*

От Ан[ны] Павл[овны] сегодня получила письмо, в кот[ором] она сообщает, что дела их улучшились, и у них есть кое-какой заработок. Я оч[ень] рада, а то их положение меня приводило в отчаянье.

Как наз[ывается] институт Лесгафта? Биологический или как???

---

[1] Алексея Николаевича в Женеве.

[2] С. Аникин—член 1-й Государственной Думы.

158. Н. А. Морозову.

10. XII. 10.

Дорогой Николай! Сегодня я получила твое письмо со вложением к Бах, и твоя книга о философ[ском] камне пришла одновременно; он тебя благодарит и верно напишет сам. Очень рада, что моя статья тебе понравилась, и рада, что ты ее прочтешь. У меня было здесь 3 франц[узских] лекции и скоро будет русский вечер, так что я порядочно устала, ибо волнуюсь, а после не сплю. Сергею я передала все, что ты просил, и он будет иметь в виду. Что это тебя все по ночам тревожат? Хоть бы днем являлись незванные гости [1]. Кто это за тебя так старается? Не тот с прыгающими глазами, которого ты так обожаешь?? Целую тебя. Как твое здоровье? Ксаня должна мне написать о Норвегии—я ей завидую! Норвегия—моя мечта. Остров Цейлон и Ява—тоже; Египет—тоже. Лето я, верно, проведу в Швейцарии. Сашечка ко мне собирается. Будем лазить по горам. Я здесь в месяц истратила все силы, что накопила за лето! И уж будущее лето прямо буду лежать на траве и наслаждаться. Ксаня говорит о свидании. Оч[ень] бы хотела, и так ведь дешево взять *круговой:* Берлин, Париж, Швейц[ария] всего *60 руб.* III класс.

159. Сестрам: Лидии, Евгении и Ольге [2].

18. I. [19] 11.

Милые мои три сестрички. У меня был праздник—от всех вас трех почти зараз получила письма, и так удачно пришли—накануне нов. года стар. стиля и утром в первый день. Канун я провела на русском вечере. Пошла со своим знакомым, швейцарцем [3], к 10 часам вечера! Так поздно собираются, что мы застали начало первого отдела кон-

[1] Обыски.

[2] Из Цюриха.

[3] Доктор Брупбахер, анархист.

церта. Это были национальные балалайки. Человек 15 молодцов в русских рубахах, белых, синих, с ременным поясом. Потом вышла даровая певица—швейцарка Wolf и завыла волком русские романсы, но по-немецки. Затем дочь одного здешнего профессора играла с темпераментом на скрипке. Музыка была вся из русских композиторов. Был и пианист, недурной. Все завершили снова балалайки. И как вышли 15 молодцов, да заиграли русские плясовые: гопака да трепака—вся зала, швейцарцы и русские, понемножку да понемножку в такой азарт вошли, что все чуть не в пляс пустились. Между тем, сделали темноту (не полную), и вдруг выплывает дева, в малоросс[ийском] наряде и начинает танцовать гопак. Все приходит в волнение, и чем сильнее заливаются балалайки и быстрее топает барышня на эстраде, тем больше приходит публика в азарт. Еще ранее один мне намекнул, что музыканты—все с.-р. и, видя их энергию, я шепчу соседу-швейцарцу: «Es sind esseren: nur sie allein können so gut spielen—nie die social-democraten».—«Ja, wohl»,—говорит он, и мы заливаемся смехом, в то время как в зале образуется настоящий пандемониум; пляска кончилась, и публика прямо неистовствует, бис кричит. Но, как она ни шумела,—я думала, будет повреждено здание,—танцовщица не выходила. Наконец, возвратились на сцену балалайщики и заиграли вновь плясовую. Все успокоились, ждут. Играют, играют. Все нет «ее». Но все терпеливо ожидают... Вдруг молодцы встают и откланиваются! Надули, плясунья так и не появилась вновь... Тут наступило 12 час., и мы пошли в буфет: взяли по стакану чая и по пирожку с мясом, какие в России делают. Рядом барыня в завитушках волнуется: «Да скажите же, ради бога! Кто говорит, что в России новый год наступил часом раньше, а вот другой уверяет, что он там еще не наступил, и мы должны до 1 часу ждать!» Споры, крик, — так она и не сообразила, где раньше день начинается: на востоке или на западе!

Пошли мы к лотерее. Билет—20 сант. Видим—о, чудо! между выигрышами красуется микроскоп! У меня—предчувствие, что я его выиграю. Знакомый берет для меня 20 билетов, которые я выбираю из резервуара. Ба! первый билет выигрывает. Трепещу. И что же—выиграли—череп!!! Ну, говорю, значит, я в этом году умру. Но кто-то уверяет, что череп иногда выставляют художники, и я, быть может, обращусь в этом году к скульптуре или к живописи. Разбираем билеты дальше. И вот выигрываем: том Писемского (Плотничья артель; Старая барыня и т. д.), картину [Бёклина]; боченочек с иголками и—крошечную баночку с надписью: дюссельдорфская горчица!.. Обремененные таким обилием, идем к цветам и мне дарят—белую сирень и розу. Череп и роза; горчица и сирень. Нам так кажется это забавным, что, возвращаясь домой в 2 ч. ночи, утопая в только-что выпавшем снегу, освещенные полной луной, мы смеемся на совершенно пустой площади, как-будто выпили много вина. Впрочем, я, грешница, выпила стаканчик какого-то белого вина, кот[орое] мне поднесли на хорах отдыхающие балалаечники. Около них стояла такая батарея бутылок с пивом, что я не ручаюсь за последствия. Ну, поцелуйте же меня! ...Я вкладываю сюда три открытки с Толстым. 4-ю с головой пророка не могла достать. Они произвели на меня громадное впечатление; особенно «En route vers l'infini» и «Excommunié»[1]. Я уверен и вам понравится. Смерть Толстого, лучше говоря, обстоятельства этой смерти,—по уходе из дому—прямо потрясли меня... вдруг пала та стена, которая всегда стояла между мной и им. Драма его жизни вскрылась для меня, и я его полюбила. Теперь с умилением смотрю на открытки, особенно на него, припадающего,—как ребенок, которого обидели,—к груди Христа. Какая чудная идея заключена в этом образе. Он говорит так

---

[1] Художника Стука.

много, бесконечно много. Обнимаю вас и целую всех вас и всех наших братьев и племянн[иц].

Дорогая Женя! Ты об'ясни Петру Филип[повичу] [1], что бюджет товарищей по Шлисс[ельбургу] не велик и его обременять не нужно, но если бы все-таки решились посылать осиротевшим, то двойная сумма далеко не лишняя, ибо покойный имел доход, которого уже не будет от брата [2].

160. М. В. Новорусскому.

27. I. 11.

Pension Hélios. Av. Floriment. Lausanne.

Дорогой Миша! Давно получила от вас, но все не отвечала за разными делами. Зато вы верно уж получили подарок—мою карточку (через Ник[олая]). Как видите, я в замечательном пансионе—прямо Hélios. Пробуду недели 2—3, имейте это в виду, а потом пишите в Цюрих, по прежнему адресу. Комнатка у меня довольно угнетающая, в роде тюремной кам[еры] по величине, но чистая, и все прочее—хорошо, кроме англичанки, кот[орая] играет весь день этюды, где-то внизу, и занимает гостиную, так что там сидеть невозможно. Вчера я отнесла письмо к живущей рядом Нат[алье] Алекс[андровне] Герцен, и часа через два она пришла ко мне. У нее прелестные серые глаза и благородное бледное лицо, похожее на отцовское, только она красивая, а он таков по рассказам, а не по портретам и не по бюсту в Ницце, на могиле. Говорит по-русски с неправильностями; конечно, все связи у нее с заграницей. Племянник—профессор здешн[его] универ[ситета]. Сестра заму-

---

[1] Якубовичу.

[2] Не знаю, о ком тут говорится.

жем за французом и т. д. Этот профессор тот самый, кот[орый] лет 10 назад чуть не умер, а его новобрачная умерла от газа [1], в первую ночь после свадьбы. Его я еще не видала. Русское имя здесь скомпрометировано вымогательством, нападением в Монтрё и др. делами. Герцены после этого совсем отшатнулись от русс[кой] колонии, из кот[орой] к ним одно время втерся еще какой-то мошенник под видом «пострадавшего». Но ко мне она отнеслась с большим сочувствием, и, я думаю, время уже немножко затушевало их неприятные впечатления. Вероятно, у нее дома я увижу многое, напоминающее ее отца. В Женеве-то меня очень хорошо принимали, но я слишком утомилась и все похварывала. Но в Цюрихе отдохнула и теперь чувствую себя, как обыкновенно. Я всегда читаю в «Речи» ваши научные известия. Кажется, я не писала вам, что Untergang des männlichen Ceschlechts ведь послано было мной, только я это сделала год назад, даже 1½ года назад. Неужели ценз[урный] ком[итет] так пристально изучал вопрос? Верно, Морозов вам читал мое длинное письмо, и вы знаете о свидании с Фролами и т. д. Пишите, Миша, и приезжайте с женой смотреть Швей[царию] и ее горы. Эстетич[еских] эмоций будет сколько угодно. Обнимаю дружески. *В.*

Фрол писал из Смоленска, где гостит у Аш[енбреннера]. Старички вспоминают старину — Шл[иссельбург] — и осматривают старину Смоленска. Здесь узнала, что Сергея ждут сюда, сегодня! вероятно, на время. От Пана [2] из с. Амги Якут[ской] обл[асти] имела письма. Ничего особенного. Удивляется, что его не печатают и философствует. А Митя [3] стал в роде Нила Сорского, т.-е. Херсонского.

---

[1] В ванной комнате.
[2] Панкратов.
[3] Суровцев.

161. Брату Петру.

$\frac{30}{17}$. V. 11. M-me Véra Figner. Baugy, Clarens, Suisse. Швейцария.

Дорогой брат Петя! Давно уже подумываю написать тебе. Так много времени прошло с тех пор, как в последний раз обменялись мы письмами. Последнее время, ты знаешь, я была в Париже и зажилась там на 2½ месяца, хотя рассчитывала пробыть всего 2 недели. Отчасти это произошло из-за неопределенности относительно местопребывания Коли—я ожидала, что он приедет в Париж, и мне было, конечно, очень удобно побыть там с ним, раз я была уже устроенной. Но так или сяк—теперь я опять в Швейцарии, в полу-деревне, полу-городе. Хотела нанять комнату на высоте с чудным видом, с балконом. Прямо влюбиться можно в чудную красоту и тишину, царящие там... Но вот и недостаток—отсутствие питания: надо было посылать за обедом в Hôtel, и настолько далеко, что все пришлось бы подогревать на спиртовке (газа у хозяйки нет). Далеко от знакомых, далеко от продуктов. Ну, и не решилась. И слишком одиноко. Теперь взяла на месяц комнату, просторную и чистую, но вид на восток, не на озеро, и торчит несколько домов почти против. Все-таки есть перед одним окном лужок и стоят зеленые горы—приходится мириться, хотя лицезрение красивого пейзажа—это непрестанное наслаждение для меня. Проживу как-нибудь этот месяц, а потом уеду куда-нибудь и там уж выберу что-нибудь получше. Тут у меня есть знакомые, которым можно оставить все на хранение. Сестры, верно, тебе говорили, что я устала скитаться и не иметь своего угла. Присмотрюсь, где основать его? и осенью надо будет устраиваться.

Что это ты прихворнул, дорогой Петичка? Отек лица—это мне не нравится, непременно отправься на поправку; я надеюсь, что и Анна Ивановна [1] настоит на этом. Напиши

[1] Вторая жена брата Петра.

мне сам, хоть немного, как ты решишь, и куда, насколько отправишься. Я нарочно выписала в заголовке весь адрес, чтоб ты не ждал, что сестры тебе его напишут.

Я здорова, только иногда попрежнему не могу спать, и тогда в бессонную ночь все думаешь о разных нелепостях в жизни, и все хочется что-нибудь создать в жизни, участвовать в каком-нибудь деле, предприятии на благо какой-либо группы людей.

В Женеве одна докторесса[1] думает устроить ясли для детей русских студенток, учащихся в Женев[ском] университете. Она думает, что, затратив 2 тыс. фр. (значит 800 р.), дело можно будет поставить. 500 фр. у нее есть и еще, мы соображали, можно набрать столько же от нескольких сочувствующих. Мне кажется, это дело не по моему характеру и я совсем неопытна, но, если устроится, то я буду присматриваться и немного участвовать в нем. Но я советую этой докторессе устраивать дело не на филантропической почве, а так, чтоб оно окупалось, но, кажется, думает, что без пособия со стороны нельзя будет обойтись. А мысль симпатичная. Ибо студентки должны либо детей бросать, либо занятиями пренебрегать, и русские ясли под руководством докторессы, воспитавшей своих собственных детей, избавили бы их от невозможности совместить семейные обязанности с университетскими.

Скоро я еще буду писать тебе, а пока целую тебя и Анну Ивановну.

Если брат Ан[ны] Ив[ановны] так неохотно взялся за твое хозяйство, отчего ты не приглашаешь кого-нибудь из земледельческого училища?

Будь здоров и береги себя.

---

[1] Александра Александровна Бах.

162. Сестрам Куприяновым—Н. П. и Л. П.

8. VI. [1?] 11. Clarens.

И более ничего—дорогая Наташа, дорогая Лиденька. Ваши открытки, письма—все исправно получила, но очень неисправно отвечала [1]. Была в состоянии расслабления, когда ничего не хочется делать, даже и на деловые-то письма не принудить себя отвечать, не то, чтоб родственные посылать! Все же Базилевскому-то сегодня я ответила, а «Зарю» и пр. от него получила. Теперь у вас общий с'езд—Лидия Ник[олаевна] писала, что Сажины 5-го уезжают, значит, сегодня они наверное уже у вас чайничают. Верно, хорошо в деревне, у вас и в Никифорове! А здесь тоже ничего. Я ушла из Violette и наняла комнату за 40 фр.; она большая и хорошая, хозяйственная—есть куда все положить и где походить. Насупротив садик, где можно сидеть и где мне читают вслух. Ночью—окна настежь, мимо никакие экипажи не ездят. Обедаю и ужинаю у Егора Егор[овича] [2], поглощаю суп-русский и мясо, похожее на что-нибудь: очень вкусно все кажется после продолжительного пребывания в пансионах. Занимаюсь? Чем занимаюсь? пока ничем. Прямо неврастеником чувствовала себя первые 3 недели. Но теперь уж и скучно становится без «затруднений в жизни»... Письма пишу в изобилии, но скудного содержания. Читаю «Рус-[ское] Бог[атство]», «Современник», Шестова «Достоевский и Ницше», Лагерлеф—сказки и легенды. Тут живет Рубакин [3] и можно иметь самое разнообразное чтение. Прочла оч[ень] хорошенькую книгу Цыперовича «За полярным кругом». Хорошо, живо написано и правдиво—могу судить, потому что черты ссылки сходны с чертами тюрьмы. Еще прочла воспоминания о Владивостоке в 905—907 из

---

[1] Попросту сказать, совсем не писала.

[2] Лазарев.

[3] Николай Александрович.

«Былого». В свое время не обратила внимания, а стоило прочесть. Много характерного и очень правдиво. Как долго здесь пробуду—не знаю, но думаю, что в июле будет здесь жарко и хотелось бы поглядеть на новые места. Впрочем, я и в этом месяце предприму с одной знакомой ряд маленьких экскурсий. Это удобно, не находясь в пансионе. Напишите мне как следует о деревне и обо всем, так чтоб вас «почувствовать».

Ты, Лиденька, пишешь о своих знакомых. Конечно, если они будут в этих местах, то хотелось бы повидаться. Только надо, чтоб предупредили—чтобы не разминуться, раз я буду ездить в окрестности. «Вест[ник] Евр[опы]» не получала, да и не нужно мне его. Целую тетю Лизу, хлопотунью, и вас, мои птички.

Ваша *Верочка.*

163. Н. А. Морозову.

12. VI. 11. Baugy s/Clarens. Suisse.

Дорогой Николай. Получила твое об'емистое письмо и удивилась твоим удивительным приключениям. В особенности удивилась твоему анатомическому описанию последствий заключения в об'ятия нового Геркулеса. Растянулась или лопнула диафрагма... сердце вдавилось в легкие... и т. д. Если отбросить эти интересные научные описания—все же история скверная, и я на твоем месте послала бы его от души к чорту, а не молчала, дурачок ты мой!

Твои лекционно-авиационные подвиги достойны всякого одобрения. Как это ты можешь повторять много раз одно и то же! Я всегда испытываю тоску даже от двукратного повторения. Мне как-то стыдно. По той же причине я всегда с неудовольствием отвечаю насчет себя, если я уже кому-нибудь раз изложила свои приключения, там или сям. Я, Николай, в высшей степени сердита, что мне не дали

знать о выезде Ксани за границу, и возмущаюсь возможностью, что она не заедет ко мне. Ты ей немедленно напиши об этом, — я очень хотела бы увидеться с нею. Не знаю, как она едет в Италию? На Венецию, что ли? А если через Швейцарию, то едут или через С. Готард (на Люцерн) или через Симплон на Montreux-Clarens. Я ехала и той, и другой дорогой. От Милана сюда всего 6 часов езды! Ты бы нам устроил как-нибудь свидание, и если бы она заехала ко мне в Baugy, то была бы моей гостьей. К сожалению, не знаю, как долго она пробудет в Италии, а я ведь в Baugy тоже не останусь на все лето и думаю выехать в кантон Граубинден—это вблизи итальян[ских] озер. Если бы ты сообщил мне адрес Ксани, то можно бы списаться с ней. Я непременно хочу ее видеть. И это будет бессовестно не заехать ко мне. Сейчас не хочу больше писать и тороплюсь отправить это, чтоб ты принял меры к нашему соединению. Целую тебя и надеюсь, твои внутренности не совсем раздавлены этим глупым человеком. Мой адрес в заголовке. Я живу рядом с Егором Егоровичем. Нанимаю комнату, большую, а обедаю у Егора.

Твоя *Верочка.*

164. М. В. Новорусскому.

12. VII. 11.

Дорогой Миша. Вашу краткую открытку получила и отвечаю уже не из Baugy, а из Champéry, Châlet «At Home», но не знаю, пробуду ли здесь долго. Дело в том, что местность сама по себе красивая, но, во-первых, довольно жарко, несмотря на высоту в 1.052 м., а во-вторых, дом (деревянный, в нац[иональном] швейцарском стиле) состоит из крошечных комнаток с такими потолками и стенами, что вечером и поутру происходит такой шум и возня, что мой слух, кот[орый] и до сих пор крайне раздражителен,—очень

страдает. Беспрестанно слышишь: «бум!» от хлопанья дверьми, или над головой словно бегемот переступает с ноги на ногу. Кто не привык к тишине, тому, конечно, ничего, но меня этот гомон и голоса приводят в нервное состояние. От него (да от нестерпимой жары) я бежала из Baugy, но вместо покоя для слуха, а через него и для ума, попала в такой же круговорот. В последнее время мне было нехорошо жить в Clarens. Тот дом, где я была, наполнился русскими, которые оккупировали садик, и так как мне неприятно было находиться в соседстве с 5—6 туберкулезными незнакомыми людьми, то я вовсе перестала пользоваться им, и сидела все дома. Жара во всей Европе в это лето ужасная, а Baugy стоит довольно голо, на тычке, гораздо хуже, чем было в прошлом году в Colline, где я провела авг[уст], сент[ябрь], окт[ябрь]. Там была кругом большая территория с деревьями и прекрасная трава, на кот[орой] можно было лежать, сидеть, и было где разойтись с другими жильцами. А в Baugy в доме были русские дамы, с утра жарившие omelette, потом начинался лук, бифштекс и целые заседания в общей кухне, так что ни проходу, ни проезду не было. Наконец, я выскочила из терпенья и решила не ждать там Веру Дм[итриевну] [1], которая должна была из Карлсбада заехать повидаться. Завтра она, вероятно, прибудет сюда и мне предстоит рассказывать сказку про белого бычка. Все проезжают и все расспрашивают: сами мало что рассказывают, а мне приходится повторять каждому в отдельности о том, что делала. Не лучше ли уж написать на бумаге и каждому давать читать? Мое письмо состоит из одной воркотни, и надо пощадить ваше внимание. Нехорошо, что так скупы—ничего о себе не пишете, и еще хуже, что берете на себя так много работы, что, по собств[енным] словам, дохнуть некогда. Ведь для вашей

---

[1] Лебедеву.

матер[иальной] жизни, вероятно, довольно и работы в музее. Где теперь Шебалин и что он делает? Хотела бы очень, чтоб вы помогали Лидии Ник[олаевне] в ее работах и по моим поручениям [1]. Я уверена, если бы мы увидались, то я склонила бы вас к этому. Иногда я очень соблазнялась «выписать» вас на месяц. Я думаю, вы могли бы взять отпуск от занятий.

Здесь, в Champéry, когда зайдешь в лес, то находишь прелестные поляны, окруженные сосной и елью. Там-то прохладно—среди соснового леса. Вчера я с 2 знакомыми бродила долго по «Petit Paradis» и по «Grand Paradis»—есть оч[ень] живописные места и совсем незаметны люди. Но около Châlet At Home! А на улице, в воскресенье, весь день! а по будням—вечером!.. Вся публика сидит у домов и глядит на проходящих, глядит неустанно, непрестанно на эту смешанную иностранную толпу, топчущую полувершковую белую пыль. И запахи! навоза, кур, кухни и уж не знаю чего. Гнусная улица, и хорошо, что единственная! Вообще я называю это местечко Швейцарскими Териоками—цыганский табор, лавчонки, постоянные va et vient. Приезжают на 5, на 7 дней. Уезжают. Новые люди являются, опять ходят, бродят, ищут комнат на несколько суток. Первое впечатление, когда я сюда приехала, было очень благоприятное: я видела одну природу, но жить—это совсем другое. Мы ждем на-днях сюда Сергея Ан[дреевича] и, побыв некоторое время с ним, постараюсь сняться с места, как ни печальна перспектива новой укладки и раскладки вещей. Прежний адрес годен и впредь. Привет Поле. Всего хорошего.

В. Ф.

Хотела приложить открытку с видом Champéry, но нет конверта большого под рукой.

---

[1] Сестре, по обслуживанию каторжных тюрем.

165. Н. П. Куприяновой.

$\frac{26}{10}$ VIII. 11.

Дорогая Наташа. Недавно от вашей Лиденьки[1] я получила открытку, а от тебя нет. Надеюсь, ты не замедлишь тоже написать мне, но пишите уж попрежнему: мне, Baugy, s/Clarens (вот все), ибо через 9 дней я и мои знакомые уедем. Лиденька спрашивает, какое впечатление произвели ее друзья; у Р[епьевой] что-то есть в лице, напоминающее самое Лиденьку, и она кажется славным человеком, а Кускова—не та[кая]; подруга все разговаривала и она агтресивная. Читала я ее фельетон в «Рус[ских] Вед[омостях]» о молодежи. Конечно, она пишет правду. Молодежь частью такова. Но разве человеческая душа такой простой механизм, как пианино, и настройщик, хвать, взял да его настроил на должный тон. Разве Сильвия[2], после того как оттолкнула Лео, могла сделаться прежней Сильвией? Разочарования раз'едают человека, как кислота раз'едает твердый мрамор. Что убито, то убито, и никакие Кусковы не воскресят—это вне сил человеческих. Она же смотрит на психологию человеческую упрощенным образом. Попроповедывал чуточку, поговорил и залечил все раны—рубцов нет. Опустошенная душа! Да, есть опустошенные, разоренные души. Жизнь медленно, тихо и незаметно их лечит. Лечит, но не вылечивает. Опущенные руки, когда сердце переболит, поднимутся снова, но естественным путем, путем зарастания старого, нарастания нового. Дело годов, долгого времени, и процессом жизни—не хорошими разговорами. Аминь. Целую тебя. Прилагаемое—для Лидии Ни[колаевны]. Вашу Лиденьку и маму целую.

---

[1] Куприянова.

[2] В романе Шпильгагена: «Один в поле не воин».

166. С. Г. Кропоткиной.

13. X. 11. Baugy s/Clarens, мой адрес постоянный.

Дорогая Софья Григорьевна. Много месяцев прошло с тех пор, как я писала вам, а еще более с тех пор, как вы писали мне. С тех пор, как мы виделись в Париже, от вас не было ни строчки, хотя я-то писала раза два. Однажды писала и Саше и тоже ответа не получила. Это меня обескуражило и я уже не пыталась вновь стучаться.

А теперь хочу сказать несколько слов по поводу ликвидации полной и окончательной того дела, которому вы так много содействовали, добыв материальные средства и поддерживая мою бодрость и упорство в преследовании начатого [1]. Все закончено, и без результата! Потратили еще такую же и даже большую сумму, и кончилось не только ничем, но отрицательным результатом. В конце-концов, путаясь в новых и все новых попытках, возбудили подозрения, один был арестован, но за отсутствием данных кончил административной ссылкой.

Начальство произвело ревизию тюрьмы, нашло, что слишком свободно, слишком хорошо, и перевело всех в Акатуй в условия тяжелые, под власть Шматченко, которого характеризуют, как зверя. (Нашего общего знакомого Nev. [2] я известила уже обо всем этом).

Печальный финал, нечего сказать.

Дорогая Софья Григорьевна, целую вас и Петра Алексеевича и прошу написать мне несколько слов о получении сего. Сашу тоже целую. Надеюсь, она довольна жизнью.

Дела Парижского ком[итета] помощи каторжанам идут недурно. 1-й год мы закончили 20 тыс. фр., а в этом веро-

---

[1] Устройство побега М. А. Спиридоновой из Мальцевской тюрьмы (в Сибири).

[2] Nevinson.

ятно 33—35 т. Когда выйдет отчет в ян[варе], я пришлю вам и mrs Howe. Прошлогодний я послала и вам, и ей. Надеюсь, вы получили. Очень бы просила и мне выслать ваш за последний год—ведь ваш год как-раз теперь кончается. Пишите по адресу: мне, Clarens, Suisse или Baugy s/Clarens.

Это все равно.

167. М. В. Новорусскому.

23. X. 11.

Дорогой Миша! И прошли ваши именины и не было привета от меня. А сама от вас получила с мазанной фигурой молящейся девчонки. Плохо! Виноваты в этом различные стили. Старый стиль, новый стиль—всегда путаешь. Великодушно извините! и не платите злом за зло. Пишет мне Родионовна [1], что наш Фрол с супругой уехали в Москву — увидитесь ли вы с ними? А что Суровцев опять в Вологде, измученный херсонскими мальчишками, делавшими набеги на его помидоры.

Сергей Ан[дреевич] путешествует с одной знакомой по Италии и должно быть очень хорошо, ибо от них ни слуху, ни духу, хотя я разок написала им в Рим, poste-restante.

Вы как-то писали о нехватках, о голодании и всяческой нищете в тех местах, где были «Лорды», была «Орда» и были «Запорожцы» [2]. Внимая вашим сетованиям, Родионовна будет вам для утоления печалей посылать некую толику. Конечно, вы будете рады такой манне и будете им отдавать на кашу. Видаетесь ли вы с Лучком? Недавно в новом издании Реклю Рубакиным я увидала целую главу его сочине-

---

[1] Софья Родионовна Попова.

[2] В Шлиссельбурге мы дали такие названия 3 угловым частям нашей тюрьмы: «Лорды»—часть, в которой жил Похитонов, Василий Иванов и др.; «Орда»,—где жила Волкенштейн, Тригони; «Запорожцы»,—где был Юрковский.

ния: об образовании континентов. Вы не знаете, он получил за нее что-нибудь, или отдал безвозмездно?

Вероятно, вы виделись хоть раз с сестрами и знаете, что зимовать я думаю здесь. Устроилась я в отеле: Hôtel Mury Chailly s/Clarens. Это там же, где и Baugy (он состоит всего из 12 домов). Писать можете или так, или попрежнему. Здесь провинция, деревня. И все одно к одному близехонько, переходит непосредственно. Я уж так много расхваливала свой балкон и громадность дома, что нет сил повторять еще. Но каждый ясный день любуюсь закатом солнца над озером и каждый день вижу на небе новое. Это благодать, и я бесконечно довольна. Целую вас и привет Поле. Не забывайте извещать о себе.

В.

Сестра позавидовала карточке с растениями, подаренной вам—я и не думала, что она будет иметь такой успех. Я занимаюсь. Немного пишу.

168. М. В. Новорусскому.

$\frac{26}{13}$. I. 12.

Миша, милый. Вашу книжку получила и благодарю. А то, увидя ее у Рубакина, возроптала. В газетах читала о предстоящем с'езде музеев (музейных дел мастеров?). Верно и вы будете делать доклад. Горюю я о Луке, о его глазах. Прямо больно думать о них. Сейчас я усиленно работаю: кончаю писать на-бело свою статью о неудачной деятельности в деревне в 1906 г. Выходит так, что, кажется, можно быть довольной, и я очень, очень рада этому чувству удовлетворения. Если в № 12 «Запросов Жизни» некто Коробка называет мою статью о Лесгафте поэмой, то теперешняя горестная история во много раз мне кажется лучшей. Пущу

в февр[альской] кн[иге] «Рус[ского] Бог[атства]» и фельетоном в «Рус[ских] Вед[омостях]»:

Ну, что и как вы и ваша жена? Старая уплата долга [1], должно быть, с февраля удвоится или вообще увеличится. Только необходимо вам войти в дело, дабы был контроль, отсутствие какого бы то ни было кумовства-родства. На праздниках я много веселилась среди детей и перенесла 6 ёлок, а дети все разболелись от сластей.

Удивительная нынешняя зима: небо, солнце—весенние; туманы чрезвычайно редки, и я не нахвалюсь условиями, в которых живу. Никаких материальных забот. Никакого шума. Никаких едко-горьких событий. О, благодать—быть вдалеке от заграничной шумихи... Быть может, удастся создать что-нибудь порядочное. Хотелось бы. Так хотелось бы! Обнимаю вас дружески и помню. Все помню. Помню вазочку, где были начальные английские буквы лестных слов. Помните? d. c. V. N?? Всего лучшего. Привет Полине и друзьям.

К нов[ому] году была послана вам открытка. Не ошиблась ли, как теперь, в адресе?..

169. С. Г. Кропоткиной.

19. VII. 12.

Дорогая Софья Григорьевна. Я очень огорчена вашим сообщением о воззвании в пользу акатуйских женщин. Я не читала его, должно быть, случайно пропустила и ничего о нем не знала. Вероятно это дело Ш. и Соскиса, которые, познакомившись при мне (и через меня) в Париже, уславливались о сборах среди английской публики, т.-е. она просила, а он обещал и приглашал к себе, зная, что она едет на время в Лондон.

Я прилагаю вам копию с письма, полученного мной от Рутковской, бывшей акатуйки, живущей теперь в Лозанне.

---

[1] Подразумевается помощь каторжанам.

В чем она делает выписку из письма Зверевой, только-что выпущенной из Акатуя на поселение. Вы увидите положение дел, что все женщины получают деньги, кроме Метер, о которой я сделала уже распоряжение, и ей будут посылать.

Воззвание нелепо и безрассудно. Наша касса парижская дает на женщин ежемесячно 125 рублей.

Кружок молодежи в Москве дает 50—70 руб.

Измайлович из Киева посылают 50 руб.

Наша русская секция (в России) послала в прошлом году единовременно 100 руб.

Из Кракова послано (не помню точно), кажется, 100 или 200 крон—документ у Аитова.

1. Биценко посылает своей жене из своего заработка ежемесячно 60—70 руб.

2. Каховская имеет при себе мать.

3. Старр в прошл[ом] году послано 100 руб. и ежемесячно из Парижа по 5 руб. посылается.

4. Эскина—зажиточная.

5. Бибергаль посылают родители.

6. Спиридоновой, кроме общей доли из Москвы, отдельно 5—10 руб. ежемесячно, и ее сестра поехала к ней.

Вероятно и еще найдутся получающие не из общественных средств. А по письму Зверевой вы увидите, речь идет о предметах роскоши, на которые у меня язык не повернется собирать, когда в других тюрьмах имеют 1—1½—2 рубля на человека!

Я на письмо Зверевой написала Рутковской, что я ничего не могу сделать по этому письму, исключая заботы о Метер.

Вы спрашиваете об адресах для акатуйцев. Мы посылаем через Россию, и я не могу вам сообщить никаких адресов уже по тому одному, что раз Ш. просила Соскиса, то неудобно вмешиваться мне, а надо предоставить действовать ей. Вероятно, и она этого хочет, у нее есть переписка и она может это устроить. Иначе она будет продол-

жать сомневаться, что дамы достаточно обеспечены. Адреса Ш. я не имею. Кажется, она у Савинкова на юге Франции. Мальмберг, у которой она жила, должно быть знает. Соскис тоже должен знать.

Вот все по этому делу. Целую вас, дорогая Софья Григорьевна, и Петра Алексеевича.

Ваша *В.*

Всех женщин в Акатуе от 23 до 32.

Посылаю вам оттиск моей статьи в «Рус[ском] Бог[атстве], за март 12 г.

170. С. Г. Кропоткиной.

21. VIII. 12.

Дорогая Софья Григорьевна!

Посылаю вам ***копии*** с документов, относящихся к сс[ыльно]-поселенцам (одно письмо, впрочем, от админ[истративно]-ссыльного в Шайтанское, кажется, что-то в этом роде). Я думаю, вы найдете их интересными и достаточными. Более у меня нет ничего стоящего.

Ужасный человек Бурцев. Я так поражена: в «Matin» от 18 августа описывается его свидание 15 августа с Азефом. Бурцев прямо глупый и безрассудный человек. Еще раз рыться в этой отвратительной клоаке, выслушивать убийцу-предателя, лицемера и лжеца, рыдавшего со вдовой Зильберберга-Штифтара, повешенного от предательства Азефа, — что за позор. Человек обманывал 15 лет, если не более, и верить его чувствам, его словам. Прямо жизнь есть невероятная сказка, дикая грёза...

Целую вас и Петра Алексеевича.

Вера Фигнер.

Когда ваше воззвание-отчет будет напечатано, пришлите мне экз[емпляров] 3—5.

171. К. А. Морозовой.

24. VIII. 12.

Милая Ксения. Проектируется издание энциклопедии «Россия», где будет описание всех сторон жизни России, ее природы и пр. Редактором экономич. отдела будет П. Маслов, политического—Мартов, научного отдела (естествознание)—профессор Тарасевич; медицина, гигиена—проф. Эрисман, а редактором отдела природа России предлагают быть Николаю. Если он принципиально согласен взять на себя эту работу, то после окончательных переговоров с издателем вам будет переслан подробный план издания. Гонорар за редактирование предполагается 20—25 руб., а за статьи 100 руб. с листа, но окончательно этот вопрос еще не выяснен. Пока требуется только принципиальное согласие и ответ желательно получить елико возможно скорее, ибо, в случае отрицательного ответа, придется обратиться к какому-нибудь академику. Так вот спросите Николая и напишите мне, а я передам по принадлежности. Мой адрес просто: Clarens. Suisse; мне. Вероятно, Николай может работать в крепости[1], а денежные условия—ведь очень выгодные. Целую вас и его. Нашумели вы чуть не на всю Европу—в газетах пишут, кричат, и меня даже вы прицепили, и совсем понапрасну. Видно, что около вас всегда репортеры газетные снуют. А я так не выношу никаких интервью. Не огорчайтесь же, что шлиссельбуржцы не обладают иммунитетом и за «Звездные песни» приходится отсидеть. Николай, вероятно попрежнему тих и весел, и напишет же он теперь—целые вороха статей и воспоминаний...

---

[1] В г. Двинске. Был осужден на 1 год тюремного заключения за книгу стихотворений «Звездные песни».

172. М. В. Новорусскому.

8. X. 12.

Дорогой Миша! Позавидовала я вам, когда вы были на Кавказе и я читала ваш фельетон оттуда. Вы, значит, каждый год совершаете поездку куда-нибудь по России. Это хорошо. А я в этот год никуда летом не уезжала (из Кларана), если не считать недели, проведенной с Ев[гением] Ник[олаевной] в деревне Comballaz на высоте 1½ тыс. метров поблизости отсюда. На будущий год проектирую снять дачу где-нибудь на высотах, чтоб побольше гулять, сидеть в лесу, на траве. А здесь, хоть и деревня, но садик—хозяйский, у них 3 детей и весь он обработан.

Теперь я в одиночестве, после 4 месяцев совместной жизни, сначала с Сажиными, а потом с Ал[ександрой] Ив[ановной]. Мои портреты [1], для кот[орых] я позировала 6 или 7 недель (!), кончены и находятся в Париже у художника, их писавшего [2]. Эта барщина — ежедневно позировать 2 — 2½ ч. — дорого-таки мне стоила и ужасно надоела. Даже мрачное настроение вызвала, отчего не мало, я думаю, пострадала Ал[ександра] Ив[ановна], видя мое угрюмое лицо. Ну, слава творцу! теперь это уже отошло в прошлое. Я сдала работу в «Рус[ские] Вед[омости]» — «Из политич[еской] жизни 80-х г.г.», давно ждавшую своей очереди, и теперь надо переписать кое-что из прошлогодних писаний: «Первое свидание»; «Об'явление о свободе»; «Казнь Балмашева», которую надо еще отыскать среди разных бумаг и бумажонок. Недавно мы были так удручены историей в Кутарбинке. Вчера или третьего дня из Лондона прислали вырезки из «Daily News and Leader» и из «Manchester Guardian», статьи-протесты Кропоткина в первых и Волховского во втором.

---

[1] Теперь они в музеях революции: большой, во весь рост—в Ленинграде; другой (негодный)—в Москве.

[2] Верхотуров.

A Pressencé будет читать в Женеве о каторге, смертной казни и т. д. и меня просили подыскать для него материал. Только не понимаю, как может он использовать *русский* материал? Говорят, что он знаток русских дел, но не знаю, известен ли ему русский язык. Переводить же все—ведь никаких сил не хватит, да еще и наспех. Вот недавно вышел ряд статей M-me Chandler о русской женщине. И я была прикосновенна—дала кое-какой материал. Получила книги, развертываю и читаю: «Амфитеатров указывает, что причина проституции в России—экономическая!» Ну, не перл ли это? Открытие!! Амф[итеатров] и не подозревает, что сделал его.

Сижу я в своей квартире[1], и в довольно печальном состоянии. Вчера сама топила печку и три раза должна была ее вновь затапливать, вытаскивать антрацит и марать руки в саже. Сегодня обещала женщина приходить ежедневно к 9 ч. утра и топить. И на первый же раз надула. Скоро 11, а ее и духа не слыхать. Хорошо, что на дворе сегодня милостиво, идет дождичек и потеплело, а то было холодновато: minimum = + 5,4. Здесь выставляется бюллетень внизу, в городе (я выше озера, на горе, хотя и не высоко, но надо 15 м., чтоб спуститься); бюллетень Цюрих[ской] метеорологич[еской] станции, и предсказания обыкновенно вполне верные. В прошлом году здесь зима была чудная: ясная и теплая. Птицы часто на солнце ошибались и пели по весеннему. L'hiver des pauvres—п. ч. не надо было тратиться на топливо. А в этот раз стоят уже с конца сент[ября] туманы, облачно, и бывает уже холодно.

Сейчас я читаю Финн-Енотаевского: «Современное хозяйство России» и вспоминаю вас: там все цифры, цифры и цифры. А вы теперь мало читаете по экономическим вопро-

---

[1] При от'езде одних знакомых я купила у них всю обстановку и сняла их прелестную, маленькую квартирку в Maison Rochat, в Clarens.

сам? Из каких журналов вы черпаете свои научные обзоры? По материалу от ред[акции] «Речи» или музей выписывает? Напишите мне, какие вам для эт[ого] приходится читать журналы? От какого до какого часу вы работаете в музее? Что делаете по вечерам? Дойдет ли мое письмо к 30-му? Если да, то хорошо. Поздравляю вас и целую. Поля, вероятно, задаст пир и будет пирог с капустой или кулебяка. Я там была, мед пила...

В. Ф.

173. Н. П. и Л. П. Куприяновым.

9. X. 12.

Милая Наташа и Лиденька. Вероятно, вы обе еще тут и потому пишу обеим. Сегодня получила твою открытку, Наташа, написанную по прочтении моего фельетона [1]. Посылаю тебе, пока, открытку с гидро-аэропланом, но не со мной. Когда будет картина [2] и фотографии с нее, то, конечно, пришлю. Только это еще не скоро будет. Пожалуй, прежде чем распространять фотографию, надо продать (в пользу сирот) [3] картину. Это вышло целое капиталистическое предприятие, ибо я за фельетон получила 107 р., истратив на полет 100 фр. Теперь я нахожусь в одиночестве: Ал[ександра] Ив[ановна] уехала 3 окт.; и все хлопоты по дому падают на меня. И живу я на студенческую ногу; стряпаю даже—сама. Применяю вегетарианство и моноедизм, т.-е. *одно* кушанье: суп — так суп; жареное, так жареное, а не 2—3 блюда. Это для сбережения времени и во избежание мытья посуды. Приходится и печки топить самой и это горше всего. Терпеть не могу угольной пыли, и руки делаются ужасны. У нас навернулись

---

[1] «На белых крыльях большой птицы» в «Русских Ведомостях» о моем полете на гидро-аэроплане.

[2] Картина нарисована не была.

[3] Подразумевали каторжан.

уже холода: еще при Ал[ександре] Ив[ановне] пришлось топить два раза, а теперь без нее тоже прохладно, и я уже 2 раза претерпевала бедствия топки. Звала одну женщину, чтоб приходила ежедневно в 9 ч. утра управляться с этой негодницей, но женщина надула, несмотря на лицо, внушавшее доверие. Сегодня мне показалось так холодно и одиноко в моей чистенькой коробочке, что я подумала—не удрать ли в Париж, к Верочке? У нее с 14-го—квартирка и она приглашала. Сегодня я писала главу: «Уроки жизни», не знаю, хорошо ли? Быть может, диктуй я кому-нибудь—вышло бы лучше. Но диктовать—некому. Есть один молодой чел[овек], но от него ужасно табаком воняет. Трудно найти на свете «приятного» человека. Целую вас обеих и тетю. Благодарю ее и всех вас за память. Ваша *Верочка*. Лиденька! Я как-то ездила к Богуч[арскому] и его не застала. Это дало случай узнать немножко его жену и она мне очень понравилась. Славная такая.

174. М. В. Новорусскому.

6. XI. 12.

Дорогой Мишучѐк! Не ходи в сундучѐк! Там вам для поживы ничего нет, и я не хочу: я немного обижаюсь, что мои вещи считают res nullius за моей смертью, не дождавшись ее (Ха!)! То, что можно было бы дать[1], все оставлено в Финляндии, и мне было бы прямо больно отдать ваш подарок—вазочку, с ее надписью. Я не отдала бы! И не позволяю ничего брать. Я боюсь, не сделаете ли вы мне неприятности: нет ли в архив[ном] материале чего-нибудь писанного моей рукой? Я не хочу отдать ни моей тетради статистики, ни переписанных стихов; те, что я вам когда-то

---

[1] Новорусский, кажется, хотел отдать мои вещи в Музей подвижных пособий.

отдала для предполагавшегося помещения в «Знании» (стихи Лопат[ина], Мор[озова] и др.)—я не хочу отдавать, а хочу получить сюда вместе с вашими сочинениями, кот[орые] вы обещаете. Милый Миша! не сердитесь. Все это мне дорого, напоминает... потом — все *там* будет!

Целую вас и Полю. *Верочка.*

175. М. В. Новорусскому.

$\frac{19}{6}$ XI. 12. Clarens.

Дорогой Миша. Попали-таки вы в мой сундук! А что вы сказали бы, если бы я, в вашем отсутствии, осмотрела содержание вашего письменного стола??? Скажите—можно или нет?.. Ножницы, конечно, покупные и куплены для меня в Пб [Петербурге] или в Архангельске. Вязальные иголки работы Ант[онова], а также платок № 11 можете взять—он, как вы знаете, очень позднего происхождения. А ложечку работы Суровцева—я не желаю отдавать. Передайте ее сестре Лидии, чтоб, когда будет посылка мне, присоединила ее. Как это вы не понимаете, что предмет напоминает человека? Вот умри у вас Поля—так вы запели бы др[угую] песню, и всякий ключек от ее лент припрятали бы!.. Для вас Шл[иссельбург] умер, умерла полоса. Может быть, это хорошо, но, может быть, и плохо. 20 л[ет] нельзя вычеркнуть, и в течение их пережито больше, чем в остальную жизнь, и у меня Шл[иссельбург] всегда за спиной—от него я не буду отпираться, и не хочу отряхнуть, и не могу... Ну, довольно! Сейчас я много работаю. Написала 3 важные главы о Шл[иссельбурге], а сейчас пишу: «Княжна и митрополит». Воспоминание. Пошлю в «Рус[ские] Вед[омости]». Обнимаю вас, «Забывайка», и целую Полю. *Вазочку* — я и не думала ни отдавать, ни возвращать, ни отсылать. Лид[ия] Ник[олаевна] путает[1].

[1] Сестра...—и однако же эти разбойники разбазарили дорогие для меня вещи...

176. П. А. Кропоткину.

29. XI. 12. Clarens.

Дорогой Петр Алексеевич!

Художник Верхотуров (очень хороший художник) рисует галлерею революционеров, русских и иностранных. Уже рисовал многих, в том числе меня, Волховского, Натансона (мне в подарок написал Александру Ив[ановну] Мороз, урожденную Корнилову, которая провела со мной 2 месяца летом)... Нечего и говорить, что ваш портрет непременно должен быть сделан, и нам хотелось бы, чтоб он был готов к вашему юбилею. Верхотуров едет специально писать вас в воскресенье 30-го вместе с Волх[овским], и я от себя прошу вас «даться» писать с вас. Ведь вы не откажете всем, кто знает и любит вас, в удовольствии, чтоб был ваш хороший портрет вместе со всеми нами, кто слил свои интересы с интересами рабочего класса и свободы.

Ну, целую вас крепко, крепко. Необходимо как-нибудь в Брайтоне устроить Николая Иван[овича] Верхотурова, языка он не знает. Он не избалованный, а работает с необычайной энергией, быстротой и искусством. Лазарев вышел, как живой... Целую Софью Григорьевну.

А еще вот дело и просьба.

Социалист итал[ьянской] Tanini, сотрудник «Avanti» и переводчик моей брошюры о тюрьмах (я выслала ее вам месяц назад), задумал выпустить отдельный № к 22 января в *память* о «кровавом воскресенье». № посвящен России (целиком) и кроме историй этого дня должен дать разносторонние сведения о современном положении ее.

Там будет и о раб[очем] движ[ении], и о Думе и выборах, statistique lugubre, герои и мученики; о революц[ионном] движении за последние годы; о Толстом, Горьком и т. д. (Писать будут и русские, и итальянцы). Необходимы неко-

торые письма и, конечно, ваше, тем паче, что в Италии вы ведь самый известный и любимый человек. Статьи не решаемся и просить (я написала о Гапоне и дам перевод петиции рабочих 9/22 ян[варя] 1905 г.), но напишите несколько слов сочувствия предприятию, или вообще что-нибудь, и отошлите по адресу: Monsieur Tanini. 24. Avenue Druey, 24, Lausanne.

Если вы знаете итальянский, то по-итальянски или же по-французски (он переведет).

Милый Петр Алексеевич, не откажите. С Tanini я познакомилась лично. Он постоянно пишет о России в соц[иалистических] газетах, переводя все, что ему удается добыть.

Если бы вы написали несколько слов относительно России, в каком-нибудь отношении (вместо просто сочувствия изданию—оно будет с иллюстр[ациями]), то вас можно бы сейчас же расцеловать от радости.

По ошибке взяла бумагу, где на оборотной стороне было написано, поэтому и вышло на отдельных листиках. Ваше письмо об издании получила и жду от Армана [1], что скажет.

Целую крепко. Если захотите через меня послать Tanini, то, конечно, я ему перешлю.

177. П. А. Кропоткину.

7. XII. 12.

Дорогой Петр Алексеевич. В день 9 декабря я хочу присоединить и мой голос к голосу тех, кто любит вас и помнит этот день. Мой друг Александра Ивановна (урожденная Корнилова), знающая вас с молодости, прожила со мной теперь два месяца, и мы обе вспоминали о вас и о том, что 9-го день вашего рождения. И обе мы решили, вместе с ва-

[1] Арман—было имя псевдонима, принятого Михаилом Петровичем Сажиным за границей во время его эмиграции. М. П. задумал издание произведений Бакунина в Лондоне и условится об этом с П. А.

шими друзьями, послать вам приветствие и пожелание молодой энергии и горячей отзывчивости, отличающих вас, еще на много, много лет, на радость всем, кто вас знает. Обнимаю и целую вас. Привет вашим.

Вера Фигнер.

Сегодня я читаю из своих воспоминаний русс[ким] студентам в Базеле.

178. М. В. Новорусскому.

12. XII. 12.

Дорогой Миша. Вашу открытку с аптекарским счетом проторей и убытков на книгах получила, и не знаю должна ли благодарить или без благодарности платить. Почтовый тариф = 1 р. за 12-фунт. посылку, и вы могли отдать книги Лид. Ник., чтоб она отослала с другими книгами. Мы всегда посылаем 12 фунт., тогда это недорого.

Милый Миша. Я забыла, когда умерла Марья Михайловна? В 909 или 910?? И еще не помню, ее община в г. Порхове или в уезде??

Я послала через Веру Дмитриевну статью о Мар[ии] Мих[айловне] и митрополите и там год смерти обозначаем 909, а община в *городе* Порхове. Если я ошиблась, то, пожалуйста, черкните Вере Дмит[риевне] [1] (Малый Казенный переулок, д. 7) и от меня попросите ее исправить это, передав в редакцию «Рус[ских] Вед[омостей]». Хоть не велика ошибка, но лучше не делать ее.

Сейчас я в Цюрихе, а до этого была в Базеле; читала в русс[ком] студенч[еском] кружке из своих неизданных рукописей, недавно написанных, и в университете, в «Aula» по-французски. 20-го уезжаю в Париж на несколько недель, если не надоест быть там. Буду жить у племянницы, 8 bis,

[1] Лебедевой.

rue Campagne Première. Пишите туда, если вздумаете. У меня сейчас на столе ландыши, и я с благодарностью вспоминаю *ваши!* Целую вас.

179. П. А. Кропоткину.

$\frac{18}{5}$ XII. 12.

Дорогой Петр Алексеевич.

Надеюсь, вы во-время получили мое поздравление (из Базеля), а теперь я вернулась в Clarens, чтоб через 3 дня ехать на 5—6 недель в Париж.

Ваше письмо о делах с Арман я препроводила и оно его очень огорчило. Теперь он пишет: что ему «хотелось бы иметь оглавление всех томов или их содержание. *Чтобы знать, как располагать материал по вашему мнению*». Не будете ли вы так добры удовлетворить эту его просьбу? Быть может, муж Саши мог бы сделать эту работу по *вашему* указанию, так как требуется *ваше* мнение — *ваша* оценка.

Так как работа должна кормить работника, то я могла бы заплатить, как он оценит ее.

Пожалуйста, ответьте. Если вообще «*нет*», то, чем скорее поставить точку на бесплодных разговорах, тем лучше, чтоб не затягивать время.

Дорогой Петр Алексеевич. Еще я писала вам с Верхотуровым: вероятно, вы получили и ответили Tanini в Лозанну. Целую крепко вас и Софью Григорьевну.

Ваша *Вера Фигнер.*

В письме юбилейном я не поставила еще имя Иохельсона, с кот[орым] тоже были разговоры о чествовании этого дня... Мы все помнили о нем.

Мой адрес в Париж либо через Гольдсмит, либо *мне,* 8 bis rue Campagne Première, 8 bis. Не поедете ли вы в Италию через Париж?? Тогда увидимся.

180. С. Г. Кропоткиной.

28. XII. 12. 8 bis, rue Campagne Première, Paris.

Дорогая Софья Григорьевна.

Голубушка, не можете ли добыть сейчас же, быстро, денег на побег 6 чел. вольной команды, которым угрожает водворение назад в тюрьму. Я написала кое-куда и прошу Феликса [1] попросить помочь из Emergency Fund, но они бедны и могут дать какой-нибудь пустяк. Нужно-то не менее 60 ф. ст... [2].

Уже боюсь надеяться.

О результате поисков известите меня. 8 bis, rue Campagne Première, Paris.

А деньги, если найдете, перешлите в London. W. Mr Cederbaum.

Charlottenstreet, 101.

Но непременно известите меня. (Это известный Мартов). Целую вас и Петра Алексеевича.

Ваша *Вера Фигнер.*

181. Брату Петру.

12. I. 13.

Дорогой брат Петя. Как смешно: сегодня весь день здесь пурга, как в России. Было лето, яблони и груши—в цвету, а весь луг покрылся снегом, и он вихрем бьет в окна и просится в комнату. Я затопила печку, калорифер, угли (антрацит) стали красными, и напилась чаю с вареньем из лимона, которое сама сварила. Сижу и смеюсь над вьюгой и радуюсь, что никуда мне не надо итти, и на ужин могу сварить макароны или овсянку с маслом. Горы совсем скры-

---

[1] Волховского.

[2] 600 рублей.

лись, и озеро стало серым с чуть голубоватым оттенком. А я сижу себе в безопасности и смотрю то в окно, то в книгу Колтановской «Женские силуэты», где описаны разные интересные женщины, большей частью писательницы, многих из которых я не читала или читала да забыла их произведения, напр., Микулич и др.... Твое письмо я получила и обрадовалась. Читала, лежа в постели, из которой выскакивала к почтальону, чтоб расписаться. И не надо заказным посылать: письма всегда доходят. Читала я и несколько раз смеялась, так ты смешно в некоторых местах пишешь. Ты говоришь, что хотел меня бранить за «Горсть золота». Верно о старикашке ты находил нескромным. Сестра писала; но, право, кто там [1] толстый журнал читать будет? Да и есть ли возможность на какую-нибудь литературную вещь недреманному оку реагировать? Есть вещи и дела более серьезные, чтоб заниматься мелочами о том, что в таком-то глухом, безвестном уезде было то-то и то-то. А больше, кажется, и ругнуть было не за что... Целую тебя.

Я наконец вошла в колею: спина не болит (или слегка побаливает) и слабость прошла. Начала заниматься. Написала третьего дня в минуту вдохновения, вскочив по утру и еще в капоте сев за стол, главу: «Суд идет!» [2] и «Последнее слово»...

Вчера прочла Рубакиной и ее семейным в благодарность, что она нам еженедельно играет на рояли и об'ясняет данного композитора; играет чудно, как истинная артистка, и так действует на меня, что в ту ночь я уж не могу спать, а случается, что должна уйти, чтоб не разрыдаться, и убегаю не дослушавши. Она этими домашними концертами, на

---

[1] В Никифорове.

[2] После совершенно не нравилось. Написано на-ново.

которых бывает человек 5—8, украшает жизнь в этом крошечном житейском затоне, и я чувствую истинную признательность к ней. А она говорит, что *при мне* она играет лучше, п. ч. я ее одушевляю. «Суд идет» произвел на нее и на др. большое впечатление. А еще, чтобы отрешиться от грустных тем, которые иногда прямо коверкают меня и возрождают тяжелые переживания, я написала, точнее, продиктовала молодому человеку, которого я пригласила в секретари, большую главу: «Университет»[1], где есть миленькие сцены, забавные, веселые эпизоды студенческой жизни в Цюрихе.

Теперь описываю кавардак в голове, который произошел от новых идей, потрясших мою 19-летнюю голову по приезде в Цюрих; мои сомнения, споры и колебания, пока я, наконец, не стала социалисткой...

Целую тебя. Целую и Анну Ив[ановну]. Не скучает ли она в Москве?

Твоя *Верочка.*

Я не отвечала тотчас же, чтоб адресовать уже на новую квартиру. «С новосельем» тебя!

182. С. Г. Кропоткиной.

13. I. 13. 8 bis, rue Campagne Première. Paris.

Дорогая Софья Григорьевна!

Вы, конечно, догадались, что когда я писала вам письмо с просьбой, то и не подозревала о болезни нашего Петра Алексеевича. Только потом, посетив Гольдсмит, услыхала о таком несчастии.

---

[1] В «Запечатленный труд» не вошла; использована частью для книжки «Студенческие годы».

Я думаю, вам было не до хлопот, и тем трогательнее, что вы так сердечно откликнулись. Вы ответили: «завтра» будет известно, выйдет ли что из хлопот? Но я не получала с тех пор от вас никакого известия. За эти дни Феликс написал мне, что добыл и передал по указанному адресу 22 ф. 5 ш.[1] Я была так обрадована. Значит и перед вами уже меньшая сумма, если ее можно достать.

Целую вас крепко и от Мани[2] буду узнавать о ходе в состоянии здоровья Петра Алексеевича.

Ваша *В. Фигнер.*

183. Н. П. Куприяновой.

19. I. 13.

Дорогая Наташа! Верочка и я все собирались написать вам, да так вот и дождались такого посрамления, что *ты* написала, а *мы* — нет. Говорю с Верочкой, ибо вот уже 4 недели, как я у нее в Париже (вернусь домой 1—2 февраля старого стиля). Сейчас ее нет дома: она еще вчера ушла к товарке заниматься и ночевать у нее, чтоб не ходить сегодня опять к ней. Она теперь занимается усердно, п. ч. в феврале экзамены, целых три, один за другим и она *ни разу,* напр., не прочитала учебника акушерства, не видала ни одних родов, а будет экзаменоваться по акушерству! Уж не знаю, какие знания можно приобрести, в первый и единственный раз прочитывая учебник перед экзаменом. И так по трем предметам! Все утро до 12 у нее занимает больница (дети туберкулезные), где ей нечего, по ее словам, делать и где новых знаний практических она не получает. Теперь захотелось ей переменить университет из боязни здесь провалиться и потерять 3 мес[яца], если не выдержит раз; 6 мес[яцев]—если еще раз не выдержит которого-нибудь и, на-

---

[1] Около 220 р.

[2] Гольдсмит.

конец, она потеряет год, если при троекратной экзаменовке все же не выдержит. Хотя у нее есть подруга, три раза не выдержавшая из анатомии, но мне кажется такой случай все же мало вероятным для Верочки. Но она мечтает увидеть экзотические страны и перейти на полгода (с марта) в университет в Алжире (очень плохой). Попросила у меня на дорогу 50 руб., а Лиденька почти благословила на этот переход. Уж не знаю, что принесет этот авантюризм: теперь наводятся еще справки. Милая Наташа! Я много работала последнее время в Швейц[арии], и так как не выезжала 8 мес. из Кларана, то и приехала сюда, чтоб набить оскомину на разных развлечениях и разговорах о том, о сем, а больше ни о чем. Колония только и живет благотворительностью в форме концертов, встреч нового года (по нов. стилю и по старому) и т. п. Сегодня концерт-конференция о Бахе, и я пойду. Была в опере: «Сказки Гофмана», и еще пойду. Знакомых, собственно говоря, у меня здесь мало, но я хожу, как наблюдатель, на все увеселительные собрания. Погода здесь скверная, и я простудилась—болит сейчас горло и все знобит. Хотела завтра кое-что прочесть из мной написанного Вас[илию] Яков[левичу] [1], но не буду в состоянии—охрипла. Он подарил мне свою новую книгу. Я не вполне довольна ею; предыдущая была, по-моему, лучше. Какой-то странный тон—смех над наивностью разных чаяний. Раз они искренни и для данной эпохи естественны, то говорить с усмешечкой не приходится. Это постоянно шокирует при чтении этой книги. Кое-какие замечания я высказала автору [2].

Вероятно, ты читала мои 2 фельетона в «Рус[ских] Вед[омостях]» и еще один [3] будет о митрополите Антонии.

Давно я тебе не писала! О болезни Володи мне, конечно, сестры тотчас же написали. Как это вышло неожиданно и

---

[1] Богучарскому.

[2] О «Народной Воле».

[3] О М. М. Дондуковой-Корсаковой.

прямо загадочно. Целую крепко тетю Лизу и его. И желаю ему поправляться на утешение всем вам. Где же Володя лежит? У себя ли на квартире или у вас? Далеко ли вы живете друг от друга? Как это теперь всем вам неудобно, жить врозь! Верно чередуетесь и кто-нибудь постоянно там, а все дела твои в забросе. Что ты делаешь, когда нет неурожая? Твои культурные предприятия идут ли? Соф[ью] Викт[оровну] [1] от меня ты поцелуй, так же, как и Лиду. А тебя, моя дорогая, крепко обнимаю. Будьте все бодры и здоровы.

Верочка.

Перимовым привет и пожелания...

А потом уеду опять в свою пустынь и буду писать. Я написала несколько самых трудных глав.

184. С. Г. Кропоткиной.

27. I. 13.

Дорогая Софья Григорьевна.

Как я рада, что Петр Алексеевич стал понемножку выходить. Скорее бы выбраться вам на юг. А по поводу ваших исканий скажу, что, если они увенчаются каким-нибудь успехом, то вышлите их пожалуйста мне, на мой адрес, п. ч. времени прошло уже довольно, и теперь будет благоразумнее, чтоб они попали сюда.

Целую вас крепко и Петра Алексеевича.

Ваша *Вера.*

Я пробуду здесь до 15 февраля. 13-го я председательствую на митинге Прессансе о тюрьмах.

185. Е. В., Н. П. и Л. П. Куприяновым.

1.III. 13.

Дорогие мои! Сегодня мне пришло от сестры Лидии известие о вашем горе [2]. Ваша взаимная любовь и дружба да по-

[1] Сестру Елизаветы Викторовны Куприяновой.

[2] Умер Владимир Петрович Куприянов, брат Н. и Л. Куприяновых.

могут вам пережить эту тяжесть. Обнимаю вас горячо и нежно.

Ваша *Верочка.*

Письмо Лиды в Париже получила, отвечать буду потом.

186. Брату Петру.

19. III. 13. Clarens.

Дорогой брат Петя. Ты совсем забыл меня, а я делала попытки, писала тебе, хотя и редко, но ты оставлял меня эти годы—без ответа. Теперь Женя прислала мне твое письмо к ней, в котором ты юмористически начертываешь об'явление о даче с верховыми лошадьми «по соглашению», купаньем, прекрасными прогулками и пр. Но кто же даст такую цену, да незнакомые люди иногда так неопрятны, что после них прямо тошно. Но, прочитав твое письмо, меня обуяла ревность, что в Жене ты ищешь себе корреспондентку, а меня игнорируешь. И я решила заинтересовать тебя. Написала слово «заинтересовать» и испугалась, потому что писать можно о множестве вещей и глаза разбегаются—пожалуй, выйдет скучно. Вот уже месяц, как я вернулась из Парижа, усталая, хотя нельзя сказать, чтоб вела деятельный образ жизни там. А все же нервы устали, и я должна теперь употребить большое усилие воли, чтоб ввести себя в колею работы. Знаешь или не знаешь, но ноябрь—декабрь я усиленно работала и исписала порядочное количество бумаги. Все о Шлиссельбурге. Во-первых, первый день в крепости; затем историю моего пребывания в карцере; голодовку в тюрьме по поводу отнятия у нас ценных книг; историю, как и почему сорвала погоны со смотрителя; казнь Балмашева в цитадели Шлисс[ельбурга]; об'явление мне о замене каторги без срока каторгой двадцатилетней и настроение за те 20 месяцев, которые оставались до выхода из крепости.

Все это было много раз думано и передумано и потому вылилось легко и сразу, без переделок [1].

Читала кое-кому: одобряют, но я хотела бы еще посоветоваться с кем-нибудь или, лучше сказать, получить отзыв. Хотелось бы, чтоб удовлетворяло с художественной стороны. Что будет производить впечатление — это несомненно, п. ч. тема-то такова, что не может не забирать. Я описала самые тяжелые и трагические моменты, и мне кажется, что жаль их разбавлять какими-нибудь описаниями внешней стороны жизни в крепости. Там, в написанных главах, все *переживания,* психология... внешнюю-то сторону описали и Новорусский, и Ашенбреннер, а тюремную [психологию] еще не затрагивали. Я живу здесь очень, очень уединенно—никаких импульсов не получаю от внешнего мира, от людей. И это не очень — полезно. Иногда сравниваю эту жизнь с шлисс[ельбургской] и говорю, что живу тоже в Шлисс[ельбурге], только он побольше и красивее. И это однообразие, отсутствие толчков, которые будили бы энергию и вызывали бы на деятельность, приводит иногда к какому-то усыплению, ленивой грезе. И нет «любимых» никого... Опять уж думаю, хорошо бы иметь либо подругу, либо воспитанницу какую-нибудь, хотя Уля-то не очень поощрила к этому. Весна здесь в этом году покамест хороша. Я уже перестала топить печки. Они меня порядочно обременяли выгребанием золы; пропасть ее от антрацита и брикетов; и нельзя сказать, чтоб квартира была теплая. В одной комнате хорошая изразцовая печка для брикетов, и с ней я была в мирных отношениях. Она и греет хорошо, а для другой комнаты стоит в прихожей калорифер, и с ним бывает возня, и он не может нагреть: комнату, кухню и коридорчик.

---

[1] Через много лет для издания II т. «Запечатленного Труда» 1923 г. они были (кроме главы «День первый»).

Вот план моей квартиры, которая с мая еще на год остается за мной, а потом не знаю, что будет [1].

На лугах сейчас много цветов: шафранов, первоцветов, маргариток и синих сцилл. У меня на столе стоит целая тарелка, я выкапываю с землей и они живут долго. А в вазах, подарке Евгении, стоит зелень или букеты: нет-нет, кто-нибудь да принесет, а теперь два горшка роз; на одной штук 10 бутонов и на солнце они распускаются. Перед окном и балконом у меня озеро и горы Граммон, на вершину которого Евгения Николаевна с таким трудом вползала летом. Был и смех и грех, п. ч. она действительно страдала и ее очень полюбили навозные мухи и жалили— поверишь ли? ее одну, единственную. Ну, целую тебя, дорогой братец, и Анну Ивановну. Лидия Ник[олаевна] что-то в этот раз опоздала с деньгами: обыкновенно присылала в первых числах, а теперь завтра у нас 20, а от нее ничего нет. Бываешь ли ты у Веры Дмитриевны Лебедевой? У нее много знакомых из делового мира и верно есть подходящие для тебя. Итак, пиши же! Адресуй просто: мне. Clarens. Suisse. А по-русски только Швейцария.

Твоя *Веруша.*

Видел ли Сашечку в Москве? Нет ли у тебя карточки отца (молодого) с тетей Катей Шулинской? Мне оч[ень] надо.

187. М. В. Новорусскому.

10. V. 13.

Дорогой Миша! Действительно давно не писала вам и последняя открытка уже много времени лежит на столе, дабы обладательница не упустила, наконец, ответить. Я много занимаюсь: пригласила секретаря и диктую утром 2 часа. Но надо предварительно все восстановить в голове, и это требует напряжения мысли все в одном направлении,

[1]) План не поместила для печати.

и, пустив в ход механизм, иногда уже не можешь оборвать нити и оттого затрата энергии непропорционально велика. Потом час уходит на газеты, да надо погулять minimum час, полтора; так что иной раз рада, что идет дождь и можно справить неотложные дела по переписке.—Я написала самые трудные патетические главы из моих переживаний в Шлисс[ельбурге], и это так меня мучило и волновало, что, не исчерпав еще всей жизни там,—я обратилась к светлой эпохе в Цюрихском университете, где забавное и наивное молодое переплетается с серьезным, с ростом духовной личности. Теперь уже описано и возвращение в Россию, и возникновение программы и организации «Земли и Воли». Однако, кажется, уже начинаю уставать от постоянного напряжения, от необходимости приготовиться к известному часу, когда начинается работа. Да, нет-нет, наступают очаровательные весенние дни, когда все кругом ликует, и меня охватывает «радость бытия» от свежести воздуха и вида прибрежных гор у прекрасного, всегда нового, синего озера. Тянет в лес, на луга, хочется просто «жить» и «дышать», а не сидеть в комнате! Теперь поля покрылись на склонах гор нарциссами, и когда они все расцветут, то похоже издали на выпавший снег,—так их много...

188. Брату Петру.

15. XI. 13.

Дорогой брат и друг Петя. Я так обрадовалась твоему письму! и оно такое длинное. И снова ты смешил меня, хотя там не было ничего смешного. Смеялась же над эволюцией твоих хозяйственных предприятий. Завод—картошка,—мельница-мучка,—и наконец—свинка-щетинка. Ну, право, это как в рассказе: идет девушка на базар; на голове—кувшин молока на продажу. А в голове (у тебя—в реальности) планы: продам молоко—куплю курицу; будут яйца—будут цыплята; продам цыплят и яйца—куплю теле-

ночка; вырастет—корова будет... трах!!! кувшин с головы летит! разбился, молоко пролито!..

Ты не сердись, но у тебя в роде этого. А улыбаюсь я добродушно, потому что ведь ты все это придумываешь и осуществляешь на свой заработок, и в употреблении его каждый волен. Вот и Коля, на какое-то замечание Ренэ, обращаясь ко мне, сказал: ведь это все на благоприобретенное, не на наследственное!.. И впрямь, ведь он все приобрел в жизни своим талантом и трудом. Да, наше свидание состоялось. Я их встретила на вокзале; они были в нерешительности, остановиться ли у меня? Я была очень рада, что они на это согласились по моему усиленному приглашению. Коля все время был очень мил и мне понравился. Мы провели уютно и тепло целую неделю, и все остались довольны друг другом и всем окружающим. Коля признался в конце, что было жестко спать, но это потонуло в общей приятности совместного пребывания. Одно было огорчительно, что последние дни у меня снова заболела нижняя челюсть, и я не могла уже сопровождать их по магазинам; в Женеву с ними тоже не ездила. Три вечера я им читала из своих воспоминаний. На них они произвели сильное впечатление. На первой главе о Шлисс[ельбурге] (первый день там) они оба плакали [1]; во 2-й вечер читала, какие чувства вызвала у меня весть, что по прошению матери каторга без срока заменена мне каторгой 20-летней, и что через 20 месяцев я выйду из крепости.

Оба были растроганы, особенно Коля—до слез.

В 3-й вечер читала начало главы: «Университет»—тут никто не плакал—не над чем! Коля, как всегда, увлекся, предсказывая громадный успех моральный и десять миллионов богатства. Был разочарован, что я сказала о своем желании, чтоб книга вышла не оч[ень] большая, не больше 25 или, в крайнем случае, 30 листов (480 стр.). И то, по-

[1] Вошла в нетронутом виде во 2-й т. собр. сочинений.

моему, это длинно и утомительно для читателя. И нечего размазывать: сжатость дает больше силы и вызывает большее впечатление. Целую тебя, милый Петя: я рада, что ты интересуешься моим трудом. А я так хотела бы написать так, чтобы книга жила. К сожалению, я работала еще очень мало—всего-навсего 12 недель, т.-е. три месяца![1] В этот год я отстраню от себя все, что мне мешало до сих пор, чтобы во что бы то ни стало кончить весь труд. Условия благоприятные в смысле обстановки, и *я должна* кончить, или, в противном случае, признаю себя неправоспособной по отношению к задаче. Возвращаюсь к Ренэ и Коле. Им было, конечно, не оч[ень] просторно в моей квартире, в одной из комнат, со всеми кофрами, картонками, корзинками и гардеробами. Обедали—вне дома, а ужинали дома: Коля стряпал—жарил бифштекс, а я получала хвалы за ризотто, макароны с томатами, и т. д., и т. д. Все это Коля заливал обильно покупной минеральной водой. «Eau de Moutreux» и непокупной—eau de Clarens из-под крана. Так жили, пили—ели, плакали над воспоминаниями и шутили весело по всяким пустякам. Ездили на Les Avants (1.200 м.), и там нас застала русская зима. Мы так были рады, и там было так хорошо. Прилагаю открытку. Завтракали и пили чай там. Не было ни души, кроме нас, в отеле. Только к 4 ч. пришло неск[олько] путешественников, а до этого—мы считали себя владельцами. Коля и Ренэ пели; особенно хорошо, с под'емом, спела Ренэ романс: «Почему эта ночь». Было так просторно в прекрасных помещениях отеля, так бело кругом... Снег падал и падал большими хлопьями, были минуты, когда казалось,—мы отрезаны ото всего, и кроме белой мглы—вокруг ничего нет...

Однако вся эта прелесть—горный ландшафт в снегу и ели, темнеющие на зеленовато-белом (от невполне покрытой снегом травы) поле—дорого обошлись нам. Ноги у нас про-

[1] С большими промежутками.

зябли и я простудилась. Ужасные боли—в челюсти целую неделю потом (вчера стало лучше) мучили меня, а Коля тоже недомогал в Женеве, куда поехал на другой день.

Довольно. Целую тебя и Анну Ивановну целую.

Коля уехал 12-го в Париж, где пробудет дней 10, т. е. до 22—23 (10) XI. А я из-за зубов, которые, вероятно, составляют главную причину боли в челюсти (если это не невралгия, как следствие инфлуэнцы, бывшей у меня месяц назад), еду в Париж в понедельник 17 (4) апреля; думала ехать позже, но надо развязаться с этой обессиливающей пакостью. Застану Колю еще там. Писать можно на адрес Верочки. Она на старой квартире.

189. Н. А. Морозову. Ксане пишу отдельно.

13. XII. 13.

Доротой Николаша. Твое письмо получила два часа тому назад. Я тронута, что ты меня не забываешь и прощаешь мое молчание даже на твои письма. У меня есть 2 начатые к тебе письма: одно еще с пребывания летом в Beatenberg'e. И что-то помешало, а потом продолжать раздумала. Между тем, мне многое бы надо сказать тебе, и надо сказать, что не особенно приятное. Дело в том, милый Николаша, что ты очень уж расписался. Ты сетуешь, что тебя сократили в 2-х журналах. Возможно, что сократили там, где не следовало, но в общем все тобой теперь напечатанное страдает многословием и растянутостью, которой совсем не было в твоей милой книжке «На заре жизни». Даже я, твой друг, не могла всего одолеть и мне было скучно... Когда касаешься старины, надо писать сжато, выбирать выпуклое, не терять время на всякого рода мелочи и длинные описания. Ведь по существу то, что было 35—40 лет назад с нами, не раз повторялось потом в русской жизни и по мелочам рассеяно в умах всех русских людей. Повторение известного скучно, и его можно простить, когда повторено с исключи-

тельно большим талантом. Длиннотами страдает твое описание перипетий ареста в Крыму, в особенности отступления о картинах природы, а когда ты пишешь о переживаниях в Двинской крепости, то неприятно резонерство, и то, что ты пишешь не от руки, вот сейчас перед печатаньем, а сидя взаперти, ведешь дневник, записывая впечатления и сцены, как бы со специальной целью накопить материал для будущих воспоминаний. Искусственностью веет от всего этого и растянутость точно напоминает о по-листной плате. Не мне одной все это бросилось в глаза, как и то, что ты так злоупотребляешь интересом к тебе лично, как шлиссельбуржцу, то-и-дело поминая свою жену—Ксаню.

Кропоткин дал нам всем пример скромности в интимных отношениях, упомянув лишь вскользь о своей женитьбе и посвятив всего 5 строк рождению своего первого и единственного ребенка. Я надеюсь, что ты примешь мои замечания, как замечания друга, который, как ты помнишь, всегда приветствовал и восхищался твоим искусством писать просто, кратко и красиво, как написаны: «На заре жизни» и «В поисках философ[ского] камня». Покончив с этим, скажу о более важном. Твоя память оказывает тебе плохие услуги, и, не знай я твоей рассеянности и нетвердости в воспроизведении фактов, можно бы дурно о тебе подумать. Меня поразили два факта.

16. XII.

В предисловии книги: «На заре жизни», которая так обрадовала и тронула меня посвящением мне, как твоему другу на свободе и в тюрьме, я с удивлением прочла на стр. 10—11 такие несовместимые вещи: Через *полгода* после моего выхода из Шлисс[ельбурга] (что произошло 29 сент. 1904 г.) ты узнал по условленному знаку, что мои рукописи, где была копия с тв[оей] «Зари», застряли в департ[аменте] полиции...

Тогда ты решился передать их собств[енными] силами, пошел в переплетную, смазал желатином, образовался картон, который *через несколько лет: 28 окт. 1905 г.* вывез вместе с собой на свободу!!! Вместо нескольких *месяцев* ты поставил несколько *лет*. Как не заметить подобной грубой ошибки? Только твоя рассеянность может об'яснить ее.

Второе—важнее. На мой вопрос о голодовке в Шл[иссельбурге], о том, как было у вас решено прекратить ее, ты в письме *ко мне* пишешь, что *в душе* дал себе твердое слово голодать до тех пор, пока *хоть один товарищ будет продолжать голодовку*. А между тем, я во всеуслышание об'явила, что я буду *продолжать*, несмотря на ваше общее решение прекратить. И только Юрковский, узнав мое решение, присоединился ко мне. Что ты решал в душе, никому неизвестно, но что ты был со всеми, а не со мной и Юрковским—вся наша тюрьма знает. Каким образом бывают у тебя такие lapsus—я не понимаю, и мне кажется необходимым указать тебе на такие возможности. Лучше бы с кем-нибудь проверять такие описания. Ну, вот, и все. Я уверена, ты не рассердишься на мою откровенность.

Теперь о себе. Я всего-на-все работ[аю] над воспомин[аниями] 12 недель [1]. За это время много написала, но все же грустно, что так мало времени могла найти для этого и что разные разности дергали мои нервы в стороны и не давали возможности сосредоточиться. Трудно это, а иногда и тяжело—воскрешать далекое!—Как всегда бывает с пишущими—мне то нравится, то не нравится написанное. А другие хвалят. Однако внутреннее чутье автора больше значит, чем мнение слушателя, который подходит всегда с *своей* собств[енной] точки зрения к тому, что слышит, и требования его всегда не те, что у автора.—А еще меня беспокоит, как слить воедино все, что было мною раньше напи-

---

[1] В сумме.

сано? Во всем есть скорби моей души, есть частица ее: в «Няне», в «2-х встречах», в биографиях товарищей, в «Без приюта», в «Горсти золота»... везде... Взять отдельные места? поместить все, как главы? Иногда мне кажется, что все это, собранное под одну обложку и не обобщенное в опыт автобиографии, с прибавлением отдельных новых глав, заключающих важнейшие моменты жизни, было бы сильнее, ярче. Ведь каждая вещь, как говорили, имеет свою собств[енную] ценность, разорять которую трудно и жалко[1]. Целую тебя.

Твоя *Верочка.*

190. П. А. Кропоткину.

18. XII. 13.

Дорогой Петр Алексеевич. Вашу милую, незаслуженную мной ласку я получила... Будучи в Париже, я слышала от Рубановича, что петиция о заключенных не имела успеха в Англии по разным причинам. Но, так как Руб[анович] упомянул, что вы думаете, что из Англии идет какой-нибудь приток материальных средств в Парижский комитет помощи каторжанам, то я скажу вам, что мы из Англии не получаем ничего.

В первый год, 1910, благодаря тогда свежему впечатлению от моих выступлений и рассылке нами выпущенного тогда воззвания, разные лица прислали в нашу кассу фр. 700 или 800, как указано в отчете Аитова за 1910 г. Но дальше ничего не было, если не считать мелочей от случайных встреч с англичанами в Швейцарии или отдельных ничтожных пожертвований от прежних знакомых.

Вы писали, что жалеете, что не знали, что я в Париже. А я жалею, что вы так страшно устали, сделав длинное путешествие без перерыва. И что было утомительнее, оно ли, или

[1] Кажется, в конце-концов мне более или менее удалось (в 1929 г.) слить воедино все отдельные главы.

перерыв в Париже, где не одна я хотела бы видеть вас—сказать мудрено...

Как громом были мы с Егором [1] убиты известием о неудаче Брешковской [2]. Трудно себе представить, каково должно быть ее психическое состояние теперь. И невыразимо больно сознание, что если не удалось теперь, то нет шансов впереди. Бедная, бедная бабушка...

Целую и обнимаю вас, дорогой Петр Алексеевич, и Софью Григорьевну. Софье Григорьевне напишу отдельно. Хотелось бы узнать что-нибудь и о Саше; вы ничего не пишете о ней.

Любящая вас *Вера Фигнер.*

191. С. Г. Кропоткиной.

19. XII. 13.

Дорогая Софья Григорьевна. Выражая сожаление, что в прошлом году опоздали присоединиться к празднованию, меня просили передать прилагаемое для Петра Алексеевича. И чтоб не итти обходными путями, я посылаю вам, надеясь, что вы не рассердитесь на мое посредничество. Имя expediteur—простой отвод глаз. Хотела послать с оказией, но не вышло.

Вчера я написала длинное письмо Петру Алексеевичу и, вероятно, он вам расскажет содержание. Напишите мне, как поживает Саша? Как их дела и настроение?

В вашем городе живет Малкина-Острогорская, интересная культурная деятельница, с которой я с удовольствием беседовала о петербургских просветительных обществах. Если вы встретите ее—то имейте это в виду. Я уверена, вы и П. Ал. испытаете то же удовольствие, что и я.

Целую крепко. Будьте здоровы и блюдите за здоровьем Петра Алексеевича.

В. Фигнер.

---

[1] Лазарев.

[2] Бегство.

192. П. А. Кропоткину.

28. XII. 13.

Дорогой Петр Алексеевич.

Ваше письмо не застало меня в Париже и я получила его уже здесь. Отсюда я писала вам 19-го и ничего в ответ не получила. Но оба эти письма, видимо, разошлись. Обращаться к французам—я не знаю как? Я никогда там и не выступала: трусила. И чтоб ехать туда нарочно—надо верить в успех. В газетах было, что англичане и американцы готовят петицию. Но это ведь будет только демонстрация, а помочь не поможет. Я наведу справки, участвует ли M-me Menard-Dorian, организовавшая уже дважды общую петицию о заключенных, в предприятии в пользу бабушки. Вероятно—да. Спешу, чтоб отослать письмо поскорее. Целую вас.

В. Ф.

193. С. Г. Кропоткиной.

28. XII. 13.

Дорогая Софья Григорьевна.

Завтра будет ровно 10 дней, как я послала два письма отсюда: одно Петру Алексеевичу—простое. Другое вам страховое (в 600 frs.) с Exped[iteur] Christophoroff. По адресу на ваши имена — Dr Bernstein Villa Hesperia. Невероятно, чтоб ни Петр Ал., ни вы не ответили целых 10 дней, и я боюсь, не пропали ли? Известите тотчас же, чтоб принять меры. Квитанция страхового цела.

Целую вас. *В. Фигнер.*

Если это письмо разошлось с вашим, т. е. вы уже известили о получении страхового на Villa Hesperia, и письмо еще идет ко мне, то, конечно, я получу его завтра. Но теперешнее я хочу опустить сегодня же, в воскресенье.

194. М. В. Новорусскому.

9. I. 14.

Дорогой Миша. Что-то не пишется новый 14 г.: все ошибаюсь—дело идет, как-будто, по-старому. У нас праздники прошли, у вас—в самом разгаре! К тому же с'езд по народн[ому] образ[ованию], вероятно, сильно интересует вас. Вот и сестра Родионыча [1] поехала на этот с'езд и хотела быть у вас и, конечно, скажет, что все у ней с вами будет и в новом году по-старому: никакой перемены она не хочет. Я думаю, было бы полезно познакомить ее кое с кем, с Ольгой Марковной [2] и с Мариной [3] (я забыла, как отчество старухи). Это поставило бы ее au courant вопросов, интересующих ее. А от меня она или вы, если она не захочет знакомиться, надо сказать им, что необходимо и я весьма желала бы получать полугодовые отчеты по народному образованию, их ведомости: число учеников и цифру баллов по месяцам данного полугодия [4]. А Соне, пожалуйста, скажите, что ее письма я получила и напишу ей в Москву ответ.

Давно уж не писали вы мне, Миша, и я вам тоже. Я в этот год кое от чего избавлюсь, чтобы посвятить больше времени литературной работе. Недавно послала для «Русс[ких] Вед[омостей]» вещицу: «В лесу» [5]. Первые годы детства. Ездила на праздниках в Шамуни и наслаждалась снегами. Приезжаю сюда, а снег и здесь лежит вот уже 6-й день. Это необычайно здесь, и даже появились сани, на которых я вдосталь накаталась (на лошадях) в Шамуни.

---

[1] С. Р. Попова по сговору со мной посылала сборы Ростовского к-та помощи каторжанам в Петербург для Шлиссельбурга.

[2] Ольга Марковна, жена профессора, урожденная Герценштейн; фамилия, кажется, Фукс; на ней лежала забота о Шлиссельбурге 2-го призыва.

[3] Марина Л. (Лихтенштат) занималась тем же.

[4] Иносказание об отчетах к-тов помощи.

[5] Глава, вошедшая в I том собрания сочинений.

Целую вас и Полю. Будьте здоровы и не забывайте любящую вас *Верочку*.

195. Н. П. и Е. В. Куприяновым.

20. I. 14.

Дорогая Наташа, дорогая тетя. Брат пишет, что вы—у него и, так как он говорит, что Ната в претензии, что я ей не ответила, то я так испугалась, что сейчас же хватаю перо, опрокидываю стол, стул и чернильницу и, приведя все опять в порядок, начинаю писать. Итак, ваша дружба, Наталья Петровна, не может устоять перед отсутствием письма от меня! Ваша дружба тоже не может подвигнуть вас, кроме адреса на письме брата, черкнуть другу несколько милых строк! Вот она—ваша дружба!.. Говорю с гордостью—я великодушнее вас и письмами не считаюсь, а вас люблю попрежнему, несмотря на вашу злость.

Милая тетя и Наташа. Письма—вещь капризная, вещь длинная, вещь часто невозможная, и потому никогда на Верочку не сердитесь: все равно я о вас думаю и у меня на особом конверте давно уже написан даже целый ряд вопросов, которые я приготовила, чтоб вы, тетя, как хранительница семейных преданий, разрешили, написав мне ответы. И раз уже Наташина претензия раскевелила[1] меня, то я сейчас же все их запишу вам, а Петя, быть может, тоже что-нибудь вспомнит по поводу их.

1) В каком уезде Уфим[ской] губ. (кажется Уфимской?) были именья или именье дедушки Христоф[ора] Петровича[2]? Как оно называлось? Сколько десятин земли было там, какую ценность оно представляло?—Мамаша, конечно, преувеличивала, говоря в детстве нам,—что оно стоило 200 тыс.

2) В каком году умер дедушка? Кажется, в 61 г.?

---

[1] Так говорила няня—Наталья Макарьевна.

[2] Куприянов.

3) В каком году дядя Петя вышел в отставку и приехал в Христофоровку? Как называется учебное заведение, в кот[ором] учился дядя (кажется в Пб [Петербурге] в артилл[ерийском] училище)? В *каком году* начал служить в Тетюш[ском] у.? (кажется, *миров. судьей?*) — знач[ит] в 64 или в 65 г.??

4) Сколько десятин земли было во всем христофоровском имеьи (до раздела между детьми дедушки)?

5) Куда делась, кто такая была ***Елизавета Петровна*** Куприянова, портрет которой вы мне прислали? [1]

Няня всегда говорила об обоих портретах:—Это—Даниловы. Не об ней ли только? Не вышла ли она за Данилова? И как нам приходится «блаженный чудак» Данилов по процессу 193-х? Какие Даниловы и откуда явившиеся наследовали после Елиз[аветы] Васил[ьевны] Бажановой (мать ее Алекс[андра] Фед[оровна], урожд. Данилова) [2]?

6. Не слыхали вы о существовании Катерины Денисьевны—матери? или бабушки? Христофора Петровича? О ней я слыхала анекдоты насчет ее строгости. («Кто малым недоволен, тот большого недостоин»).

7. В каком году родился наш отец Ник[олай] Ал[ександрович]? и в каком мать?

8. *Сколько земли* было в Никифорове до прикупок отцом у Кирпичева (я слыхала по 11 рбл. за десятину), и еще кого-то, кого именно? до покупки, уже матерью, земли Кононова (т.-е. та земля, кот[орую] мать взяла себе из наследства от дедушки)?

9. Дом из Христоф[оровки] был перенесен в Никифорово, должно быть, в 63 г., в зиму 62/63, ибо он не был еще готов, когда осень[ю] 63 г. я поступила в институт. Зимой 62/63 г. мы жили во флигелях, и Ольга родилась в 63 г. во

---

[1] Умерла рано.

[2] Родная сестра бабушки Настасьи Федоровны Куприяновой.

флигеле, где были цветн[ые] стекла в окнах, а я, Лиденька, Варенька и Вера Ив[ановна] Малинина[1] жили и оч[ень] страдали от зимнего холода во флигеле, где потом было училище.

10. Не знаете ли, тетя, от какой болезни умер наш отец?

11. Когда родился брат Петя? это спрашиваю уже просто потому, что вы его спросите, он у вас под боком, если вы еще в Москве. Пожалуйста, передайте мои приветствия Екат[ерине] Ив[ановне] и Алеше с Олей[2]. Рада была бы узнать от вас о них.

Целую вас крепко обеих и, надеюсь, тетя Лиза, что вы мне об'ясните все, о чем я спрашиваю[3].

Ваша *Верочка,*

ленивая,
редко пишет
и
вообще страдает
всеми пороками
и
несколькими добродетелями.

Пришлю и домик, в кот[ором] живу в Clarens.

В след[ующий] раз в Казань пришлю вам снимки—меня снимали любители из своих в Шамуни.

196. Брату Петру.

20 (7). I. 14. Clarens.

Дорогой брат Петя! Сейчас получила твое письмо и деньги. Благодарю тебя. В этот раз немного опоздал, а из Пб [Петербурга] тоже всегда присылали к 1-му, а теперь до сих пор еще Лидия не выслала. И я уже осматривалась

---

[1] Вторая моя гувернантка.

[2] Перимовы.

[3] Все полученные сведения использованы в V т. собр. соч., в гл. гл. «Родословная», «Отец», «Мать».

семо и овамо на случай, если придется занять. У меня всегда остается запас, но часто друзья занимают, и все мое теперь в бегах на несколько месяцев.—Ты прав и хорошо сделаешь, что поедешь на свадьбу племянницы [1]. Тебе следует сделать при этом попытку и указать Лиде, что, ведь, она многим обязана отцу, и может быть к нему хотя бы внимательной. Другая наша племяннице по Коле Соня [2], что в Италии состоит со мной теперь, после от'езда Коли, в переписке: пишет восторженные письма, которые меня пугают, п. ч. я люблю простоту в отношениях. Я по просьбе Коли дала ей перевести на итал[ьянский] яз[ык] мой рассказ «Без приюта». Будет помещен в газете «Tribuna». Не знаю наверное, но газета очень распространенная, кажется, консервативного направления, и я не понимаю, зачем и как они поместят мой портрет и мою биографию? Она пишет, что они желают этого, и она просит прислать. Все эти портреты в газетах обыкновенно такие рожи, что смотреть страшно; а биографии заключают всегда враки. Она просит и еще моих произведений для перевода, но я, ведь, не писательница для широкой публики. А воспоминания надо будет дать с большим разбором, п. ч. надо большое знание русс[ких] условий, русс[кого] рев[олюцио]нного и обществ[енного] движений, и психологом, так как там есть вещи тонкие, и, как говорят, места и страницы—художественные. А Соня—человек другого мира и др. склада, чем я. Многого, мне кажется, она и не поймет, да и надо иметь талант для хорошего перевода, особенно такой книги, какова будет моя.

. . . . . .

Ну, ты верно знаешь, что я ездила в Шамуни. Это на высоте 1050 метров. С t°—23°. Всюду снега, чудная мест-

[1] Лидии Фигнер, дочери брата Николая и Медеи, которые в то время были уже в разводе.

[2] Дочь брата Николая от первого брака.

ность у подножия господина Монблана, царя Альпов. Пробыла 6 дней у знакомых, которые пригласили меня туда, и провела время так, как, право, не проводила за все эти 10 лет!

Милый Петя! Да! ведь 29 сент. этого года будет уже целые 10 лет, понимаешь ли—10 лет, как я вышла из Шлиссельбурга. Значит, еще 10—и я буду глубокая старуха. Это ужасно, если я буду больная, хилая и некрасивая... Я хочу быть, как тетя Головня, которую я звала «живописной старухой». Милая тетя Лиза — хорошая она была... Как-раз я вчера вспоминала о ней, писала о ней: о том влиянии, какое имело на меня все ее поведение и вся ее жизнь с 63—70 г.г. Ее пример запечатлелся во мне навсегда. С какой простотой и с каким мужеством совершили они переворот в своем образе жизни, во всех привычках избалованных людей! Как упорно работали для своего будущего и для будущего детей! Теперь, когда я перебираю все, мне часто приходится думать и о каждом из вас. Что запомнили вы из прошлого? Те ли факты, кот[орые] действовали на меня, сохранились и запечатлелись у вас? Как жаль, что я не могу расспросить каждого и «вашим»—проверить и, быть может, углубить «свое».

Цѐлую тебя. Завод тебя немного беспокоит. Но, ведь, все скоро войдет в норму и будет хорошо. Цѐлую Анну Ивановну, а прилагаемое отдай Наташе и тете. Если они уехали, то отошли им, пожалуйста, в Казань.

197. М. В. Новорусскому.

6. II. 14.

Милый, милый Миша! Так я рада получить от вас бодрое письмо. Вы-то уж никогда не способны впасть в уныние и прострацию! Конечно, и я не навеки буду прикована к горам здесь. Всему есть мера. Я сейчас работаю на всех парах и (о, если бы!), быть может, кончу к осени свой труд. Получу де-

нежки и буду двигаться, смотреть то, что упустила видеть в прошлом. Так хочется побывать в разных концах; так завидую вам. А красота здесь—непостижимая. Вчера ездила неподалеку: в «Les Avants». Мы сидели 2 дня в тумане, а там, на расстоянии 30 мин. по электричке,—блистательное солнце. Я шла без пальто, в платье легком. Но что было поразительно, так вид тумана на озере. Я возвращалась пешком (1—½ ч. ходу), спускаясь, и вот было зрелище, какое бывает с аэроплана, когда он выше облаков и с него смотрят на них: на озере было *целое* непрерывное *небо из кучевых облаков*. Так необычайно, так прекрасно!

Милый Миша, прошу вас, пожалуйста, полугодовые ведомости, кот[орые] пишете, без особых просьб присылайте. Буду заочно целовать вас за исполнение этого.

Беспокоит меня неизвестность, незнание, как и что?

Целую и Полю. Целую милого Мишу. А я мечтаю о Кашире.

Некоторые круги страдают хронически параличным унынием. Какие неприятности у Морозова? Мне писала Вера Дмитриевна.

Пожалуйста, присматривайтесь. — О непоздравлении не горюю. Фрол писал, но оч[ень] мало. Собирался сюда.

198. Е. В. Куприяновой.

18. II. 14.

Милая тетя! Ваше письмо я получила вчера, когда совсем уж собралась наводить у брата справку о том, получено ли мое письмо с 1001 вопросом. Благодарю вас за исполнение просьбы, а то, что промедлили—это не важно; я только боялась, как бы не пришлось в другой раз выписывать все мои недоумения. По поводу вашего письма я хочу еще спросить вас кое о чем.

1. Что делал дядя Петя с 62 г. до 66? Неужели только хозяйничал?

2. Когда вы с ним обвенчались?

3. Когда был арестован Мечеслав Фелиц[ианович]?[1] и когда Головни венчались?

4. Не рассказывал ли дядя Петя чего-нибудь о Елиз[авете] Петровне?

5. Разве Христофоровка не была, как и Никифорово, переведена дедушкой на имя мамаши? Я всегда думала так, что она сама разделила Христофоровку между братом и сестрами. Не знала я и того, что у нее была *доля* в Христофоровке.

6. Сколько десятин в Кононовской земле. NB.

7. *Как зовут брата отца моего и как отыскать его? В как[ом] уезде Нижегор[одской] губ.* было родовое именье Фигнеров? Ардатовск[ом] или Арзамасском? Оно было запродано отцом крестьянам, а акт продажи заключала мамочка.

8. О деятельности моего отца не слыхали ли вы чего-нибудь? Как мировой посредник как действовал он?

9. Не знаете ли чего-нибудь *о родителях* отца? *Как звали, имя и отчество его отца, моего деда? Как урожденная бабушка по отцу?*

10. Каким образом дедушка мог отпускать на волю христоф[оровских] крестьян, если именье было детское, наследство от Наст[асьи] Фед[оровны], нашей бабушки? и

11. Как об'яснить название «Христофоровка», если не от имени дедушки оно произошло.

12. Вы, конечно, знаете, что мы до Христофоровки жили в Мамадышском уезде, «в лесу», как мы обозначали в семье жизнь там. А до этого, где жили мои отец и мать? Где она вышла замуж?

13. Где родилась я? Я считаю, что в Христофоровке, до нашего от'езда в Мамадыш[ский] уезд. Мамочка всегда го-

---

[1] Головня.

ворила, что большая сосна перед балконом посажена ее матерью, а аллея еловая в дальнюю беседку посажена ею, (и она уже существовала, когда из Мамад[ыш] мы переехали в Христоф[оровку]). Мне при приезде в Христ[офоровку] было 6 лет. Дом был перевезен в 62/63 г., зимой, тогда он не был еще готов и мы прожили зиму в 2-х Никифор[овских] флигелях, а осенью 63 г. я поступила в институт.

14. *В зависимости* от того, где я родилась и где меня крестили (крестной матерью была Елиз[авета] Александровна Фигнер, а крест[ным] отцом не помню кто. Не дедушка ли Христоф[ор] Петр[ович]?, у меня к вам большая просьба. Коля пишет, что казенная палата для приписки меня к сословию мещан требует удостоверение: место, год и число рождения моего. Так не можете ли вы попросить священника в Никиф[орове] посмотреть книги метрич[еские] за 1852 год, июнь или начало июля (если не сейчас же крестили). Я считаю днем рожд. 24, а мамочка считала 25 июня. Метрич[еское] свидетельство мое погибло, т.-е. попало в архивы полиции, и отыскать его невозможно. Выдано оно было только в 58 году, как я хорошо помню (из чтения этого документа), и это-то наводит меня на мысль, что его выправляли в Никиф[оровской] церкви после возвращения из Мамадыш. Хотя возможно, конечно, что *перед* от'ездом из Мамад[ыш] как-раз его и выправили. Вы, тетя, за труды обещайте священнику вознаграждение, независимо от результатов, и заплатите, потом сочтемся через сестер.

Если не *метрич[ескую]* справку с подписью и печатью священника в Никифорове, то я думаю он мог бы найти запись о моем бракосочетании 18 октября 1870 года. Я думаю, при венчании обязательно сказано было о моих летах, и он на основании этого мог бы дать удостоверение. Если старые метрич[еские] копии не в Никифор[ове], а в Казанской консистории и не с'едены там мышами, то, быть может, из

Казанской консистории можно получить удостоверение в том, что я родилась в таком-то месте, в таком-то году, такого—*числа, от дворян (это нужно), правосл*[*авного*] *вероисповедания* (это нужно). Так как Казанская консистория к вам ближе, то лучше сначала навести справку там, где и как можно получить подобное удостоверение, и потом уже действовать. У вас есть знакомые адвокаты, они, быть может, сразу укажут вам путь, так как ведь в практике часто случаются утраты метрич[еских] свидет[ельств] и как-нибудь их да восполняют.

Еще я боюсь, что казенная палата поднимет историю, как меня писать? разводная жена или мещанская девица? Это будет такая канитель! Но пока этот вопрос она не ставит, я думаю, нечего об этом загодя думать.

Извините, милая тетя, что я обременяю вас этими новыми писаниями и хлопотами. Но это прямо неизбежно. Я просила Колю с'ездить в департ[амент] полиции, где, конечно, имеют все данные для разрешения этого вопроса. Но если не сделают там, то это единственный путь. Чтоб вам не хлопотать даром, запросите, пожалуйста, письмом Колю, был ли он и дали ли ему из департ[амента] сведения: *о месте, годе, числе моего рождения* и сословии и пусть он вам телеграфирует, надо ли искать удостоверений обо всем этом в Казани и Никиф[орове]. Наташа мне ничего не написала. Не собралась еще или еще не простила, что я ей не ответила во-время? Ой, уж эта переписка—заедает. Целую вас. Вы такая страстно-любящая мать, что и время вам не поможет, милая тётя. Это какая-то катастрофа была, нежданная, казалось, невозможная. Но внученок вас все же утешает и радует, и любовь ваших дочерей, беспредельная преданность Наташи—разве это не сокровище бесценное? Прилагаю фотографию «моего» домика для Наташи. Я проколола ее и, на свет если посмотреть, увидите мои окна и

балкон. На другую сторону дома выходит окно из кухни; оно на север. Его не видно. Дом смотрит на озеро, на горы, на юг, юго-запад.

199. Н. П. Куприяновой.

21. II. 14.

Милая Наташа. Сегодня получила твое письмо и, чтобы не ограничиться одними благими намерениями, тотчас же принимаюсь беседовать с тобой. На-днях я получила письмо тёти с ответом на мои вопросы и послала ей новые: теперь она одна—хранительница семейных преданий, поэтому невозможно ей избежать этих письменных хлопот. Да, вопросы связаны с писанием воспоминаний. Я подвинулась в них очень далеко, хотя есть пропуски. Я описала уже детство и отрочество, генеалогию, воспитание дома, институт. Психические влияния; настроения после института; от'езд за границу; обращение в социализм. Оставление университета, годы 1876 и 77, т.-е. первая попытка поселения в Самаре—все это описано уже и тут: «стоп!» идет промежуток и начинается: 1) Суд идет! 2) Первый день в Шлис[сельбурге]; 3) первый протест—карцер; 4) 2-й протест—голодовка; 5) третий протест—«погоны»; 6) казнь Балмашева; 7) об'явление о 20-летнем сроке; болезнь матери и настроение за 18 месяцев ожидания выхода... Вот пока что написано. I. Весь период Народн[ой] Воли—еще не тронут. II. О жизни в Шлисс[ельбурге]—еще необходимо поместить несколько глав. III. От'езд. IV. Реакция—от тюрьмы к свободе—тоже требует описания. Видишь, как еще много работы и, пожалуй, самой трудной. Я здорова, кроме зубов. Они не болят в обычном смысле, но та болезнь луночек, кот[орая] была в тюрьме, в Нёноксе и в Христоф[оровке], недавно опять мучила меня и, кажется, кончится только с разлукой с последними зубами. Дантист (в ноябре) жалел в последний раз дергать (2 выдернул, а еще 2 пожалел, ко-

торые уже больны), а они уже дают о себе знать. Живу я до крайности уединенно. Некуда и выйти. А главное нет компании для прогулок. Не люблю я сидеть в комнатах и беседовать, а люблю соединять общение с людьми с удовольствием быть среди полей, лесов и т. п. А здесь все какие-то дряхлые и «дохлые»: колченогие, как я их зову. Не любят, и говорят, что не могут ходить. Ну, а меня еще тело мое легко носит, и я на воздухе чувствую себя живой и веселой. А дома, ты знаешь, я живу без прислуги: все делаю сама, включая и пищу. Femme de ménage приходит раз в неделю на 2 часа, чтоб натереть паркет и выбить пыль. Питание, конечно, незатейливое, но я не замечаю ослабления организма и делаю это не из экономии, а потому, что это отнимает времени немного и, когда я занята хозяйством, моя мысль непрерывно работает в прежнем, данном ей направлении. А если бы я ходила куда-нибудь обедать, то это очень отвлекало бы меня от того, чем мысленно я занята.

Но я выхожу, потом, на прогулку и, если гуляю одна, то продолжаю обдумывать то, что надо. Оттого-то я и могла так много написать, отдавая бумаге чрезвычайно мало времени. Всего-на-всего на это пошло: в 1912 г. в конце его—6 недель. В 1913 г. всего-навсего 6 недель—апрель и часть мая и в дек. 13 г.—1 неделя, да в этом январе и февр. 1914 г. я работала 2 недели. Итого 15 недель по 2 часа в день; по воскресеньям, да часто и на неделе, не работала вовсе. Главный труд—в уме все сгруппировать, обдумать и, так сказать, написать... потом уж есть готовая формулировка, чтоб занести на бумагу. Зато эта «работа в уме» берет много времени и требует очень и очень сильного напряжения; после этого приходится надолго бросать. Вот тебе немножко из моей жизни.

А еще слежу за газетами: 1 анг[лийская] (маленькая); 1 франц[узская]; «Речь» и 2 рус[ские] рабочие газеты.

Журналов читаю 4 и 5. Теперь занялась еще очень парадоксальными сочинениями Шестова (литературная критика). Отдельных книг мало прочитываю—не успеваю, да и слишком бы они отвлекали от предмета работы. Приходится себя постоянно регулировать. — Переписку свою я стараюсь довести до минимума — все в тех же целях. Что поделаешь! Надо работу кончить, поскорее, во что бы то ни стало.

Ну, целую тебя, милая Наташа. Ты говоришь, что ты неподвижна, но ты очень подвижна в пределах своей неподвижности, которая есть только *оседлость.*

Твоя *Верочка.*

Мне холодно, т.-е. не мне, а рукам, оттого письмо написано так некрасиво: перо прыгает. Вчера и 3-го дня окна и дверь на балконе весь день были открыты, и теплынь была удивительная, а сегодня—серо, серо, солнца нет. А я уже перестала топить. Ненавижу выгребать золу, руки от этого страшно портятся.

По временам я встречаю здесь собак, похожих на моего Лучка, твой прекрасный подарок.

Жаль мне его, бедного Лучка,—умер! но оставил воспоминание.

Когда я писала тете, я забыла спросить, как попал дядя Петя в артиллеристы? Разве он не был в артил[лерийском] училище? Разве с сочин[ениями] Черныш[евского] и Писарева он познакомился в кадетском корпусе??

Ответь насчет институт[ских] карточек категорически, чтоб уже не спрашивать больше.

NB. Разве у Ал[ександры] Алекс[андровны] Знам[енской][1] нет какой-нибудь моей институтской карточки? Узнай и пересними. У меня только есть с чайником за самоваром.

---

[1] Урожденная Делярю, училась в Казанском институте с IV класса одновременно со мной.

200. Брату Петру.

14. III. 14.

Дорогой брат Петя. Твое письмо и деньги получила: ты аккуратен, как хронометр, который не испорчен. Ты всегда пишешь особенно, не так, как сестры. Очень верно в кратких чертах охарактеризовал сестриц. Ты назвал их старушками, но знаешь, ни одна женщина не любит, чтоб ее называли старушкой, и ты хоть видишь, но молчи. Отец Усов был профессором зоологии и у них именье было в Саратовск[ой] губ.; к ним раз и ездили Ермолаевы, завлекли и меня. И было очень смешно, что потом Ерм[олаевы] мне рассказывали, что Усов, познакомившись, увидав меня, сказал, что он *таких* радикалок не видал. Другими словами: представлял себе, что все они безобразные, неопрятно одетые и т. д.

Относительно жизни «в лесу». И ты, и Лиденька называете Василия, а я помню имя Прокофья. Это у вас из общего разговора выплыло, или у каждого самостоятельно? Мне показалось, я твердо помню, что крепостная Дуняша вышла потом замуж за Прокофия, и что так и говорили: Прокофьева Авдотья. Милый Петр, нет ли у тебя в документах, как звали отца папаши и его мать? И как имя брата отца, который где-то в Оренбурге был или в Ташкенте? И нельзя ли мне отыскать его, написать ему? Мы ровно ничего не знаем о дедушке и бабушке с отцовской стороны, и мне нужно бы кое-что узнать. — Разве ты считаешь стыдным, что сообразно духу века детей родители наказывали розгой и плетью? Стыдно за родителей, по моему, а не за детей[1]. — Не знаешь ли, нет ли каких-нибудь документов, из которых можно бы увидеть место и год моего рождения?[2]. Ты, верно,

---

[1] Брату Петру было неприятно, что в гл. «Няня» (в I т. собр. соч.) я писала, что отец применял к нему и к брату Николаю телесное наказание.

[2] Я всегда писала, что родилась в Тетюшском у. Казанской губ. Между тем гораздо вероятнее, что в Мамадышском у. Мое мет-

знаешь, что казенная палата теперь для приписки требует от меня удостоверения об исповедании, возрасте и даже, кажется, о происхождении от дворян. Уж не знаю, как кончится эта история с припиской, и не меньше ли формальностей приписаться к крестьянскому обществу, хотя бы Никифоровскому? Все документы в свое время захватила полиция, а теперь даже департ[амент] полиции говорит, что сведений таких у него обо мне нет. Что за нелепость!

Эту зиму я все простужаюсь, понемножку — это правда, но таких вещей прежде не было, и это скучно. Вот и сейчас нездорова, схватила грипп.

Продолжаю писать, хотя все щемит, что недостаточно хорошо пишу, и что может быть неинтересно для широкой публики. Все так зависит от настроения! Недавно читала в «Заветах» воспоминания Писарева [1] и не могла сплошь читать, так скучно показалось мне: звучало таким архаизмом. А теперь, когда сама описывала тот же период—взяла снова эти воспоминания, и в рамках моих — они вдруг осветились для меня иначе, и я нахожу их уже иными и любопытными. Верно, и с моими воспоминаниями будет то же самое: будут казаться то скучными, то интересными.

Целую тебя и шлю поклон Анне Ивановне. Ты не писал мне, как теперь идет пущенный тобой завод? и вообще акклиматизировался ли ты в Москве, или нет? — Нравится ли жизнь в ней, или нет? Рада, что «В Лесу» тебе понравилось.

Твоя *Верочка.*

201. М. В. Новорусскому.

22. IV. 14.

Дорогой Миша! Всегда рада получить от вас слово. А сегодня как-раз у вас пасха: одна знакомая (в Швейц[арии])

рическое свидетельство было помечено 1858 г. годом, когда мы выехали из последнего, и в виду этого родители вероятно и взяли для всех детей такие свидетельства.

[1] Александра Ивановича Иванчина-Писарева.

прислала в 8 ч. утра express'ом кулич и пасху, да такие вкусные, что прямо трудно оторваться. Я живу, обуреваемая колебаниями: то отчаиваюсь, что из моего писания ничего не выйдет выше среднего (а его и без того в литературе великое множество), то питаю надежду... Вообще, вижу, что много надо поработать, и что текст, уже оч[ень] и оч[ень] разросшийся, надо считать лишь первоначальным наброском. Потом пойдет: конденсация, фильтрация (хо!), чтоб не было фотографично. Ведь фотогр[афия] скучна.

Целую вас, *Верочка.*

202. Брату Петру.

15/2. V. 14. А посылаю только 20-го.

Дорогой брат Петя! Получила твое письмо и деньги. Благодарю тебя.

Ты хорошо сделал, порывшись в семейном архиве: тетя Лиза на мои различные вопросы написала, между прочим, что первоначальное Никифорово было получено матерью от дедушки. Выходило, что, кроме доли в Христофоровке, ровной с дядей Петей, тетей Лизой Головня и Варенькой (100 дес.), мать имела от дедушки 237—238 десятин в Никиф[орове]. Мне было это немножко неприятно, п. ч., мне казалось, мать считала справедливым одинаковое наделение всех наследников. Теперь ты пишешь, что есть документ о покупке отцом в 55 г. этой земли, что изменяет дело. Кстати, я помню, что отец не раз говорил, что после смерти все передаст мамочке для того, чтобы она не зависела от детей, и никогда в разговорах не проскальзывало, что часть никифоровской земли и без того принадлежит ей. Я хотела бы только удостовериться—не было ли это фиктивная купчая, сделанная дедушкой Христ[офором] Петровичем на имя отца! Но тогда было бы естественнее совершить ее на имя матери. Ты по купчей можешь видеть, кто был до 55 г. владельцем этих 238 дес. Непременно напиши мне. Для меня из

ответов тети Лизы Купр[ияновой] было новостью, что мамаша получила 100 дес[ятин] в Христ[офоровке] и продала их дяде. Я помню, она говорила, что разделила все поровну, но я почему-то думала, что дележ был между тремя.

Мне необходимо знать, в *каком уезде* было и *как называлось* родовое именье отца в Нижегород[ской] губ., ликвидированное матерью: в *Арзамасском* или в *Ардатовском?* Непременно напиши это. И *кто* был дедушка Александр Александрович??? Сейчас у меня гостит знакомая[1]. Три года тому назад мы встретились в Париже, и с тех пор она так нежно и постоянно заботится обо мне, что я чувствую к ней глубокую признательность. Начиная с какого-нибудь теплого капота, если я пишу зимой, что в квартире холодно, и присылок разных сластей, меду собственных пчел и т. п. (к рожд[еству], пасхе, рождению и именинам) и кончая литературными новинками и сообщениями о разных художественных течениях, выставках, театральных представлениях и т. п., я получаю беспрестанно от нее письма с вопросами о том, здорова ли, как живу, и в каждой открытке столько милого попечения обо мне, что только Александра Ивановна оказала мне столько же любви и ласки. У них обеих есть общие черты и *эта* напоминает мне часто ту, которая поглощена теперь внучкой и очень, очень редко пишет мне, иногда по полугоду не отвечая на мои ласковые воззвания.

Ежедневно мы занимаемся: я диктую дубликат воспоминаний с начала их. Необходимо иметь 2 экз., а главное, произнося вслух и следя за общим течением мысли, я выправляю первоначальный текст, кое-где сглаживая слог. Тут часто спор возникает из-за какого-нибудь «но» или «а», запятой или многоточия. В одиночестве иногда остаешься в нерешительности, как лучше, звучнее: «пора придет» или «придет пора»?..—и теряешь время. Тут поспорим, скажу и так,

---

[1] Софья Николаевна Володина—мой друг.

и этак—ну и решишь. Некоторые главы у меня вышли хорошо. Глава: «Мать», наверное, понравилась бы тебе. Коле я ее не читала, она написана уже после него. Иногда хочется послать первую часть рукописи тебе, Коле и сестрам для поправки и возможных дополнений, но тогда надо сделать еще 3-й экз., а еще я боюсь, что кто-нибудь и чужой будет читать, а я не хочу. Во всяком случае, печатать верно еще не так скоро придется: все говорят, что надо, чтоб отлежалось; надо на время забыть все, что написано, и потом заново прочитать, чтоб острым взглядом заметить недостатки. Я в некоторой нерешительности — ехать ли к вам этой осенью, к зиме, или следующей весной? Квартира у меня оставлена до 15/2 ноября, и в августе я должна сказать, оставляю ли ее до мая или нет. В моем труде совсем не затронут весь период «Народной Воли» с осени 79 г. до моего ареста в начале 83 г. О Шлиссельбурге не написаны многие главы, как: «Сожженные письма»; «Работа на Музей»; «Смешное»[1]. Не написаны главы: «После Шлиссельбурга»...

Ты, ведь, знаешь, что я хотела уехать отсюда лишь тогда, когда кончу все. Но иногда мне так тяжело здесь! И ведь главная часть—в смысле количества, да и по психологическому интересу (развитие личности и Шлисс[ельбург] — закончена.

Неужели же томиться и надсаживаться здесь из-за остального? Неужели в России я не получу новых импульсов, которые поднимут энергию и, быть может, сделают мой литературный труд даже лучше? Целую тебя и Анну Ив[ановну]. Напиши мне, Петя, теперь же; не заставляй ждать 2 месяца. Прошу тебя.

Верочка.

---

[1] Это вовсе не было написано.

203. Брату Петру.

7. VII. 14.

Дорогой брат Петя. Спасибо за письмо твое от 26 мая стар. стиля. Там есть интересные для меня сведения. Сейчас, перечитывая его, я остановилась в недоумении. Ты написал: «Дед наш Александр Александрович был полковник. Приписался он к казанскому дворянству, проживая в г. Казани, по *личным заслугам*...». Что это значит? Разве он не был дворянином по происхождению? или это значит только то, что из дворян Нижегородской губернии он причислен к казанским по личным заслугам (может быть, это официальная формула при приписке в дворяне другой губернии??).

Раз'ясни мне это, пожалуйста. А также, не видно ли из бумаг твоего архива, как *величали* отца нашего деда, Александра Александровича Фигнер, полковника, о котором ты пишешь? Хочется забраться к генеалогию, п. ч. по тем брошюрам, которые Лиденька прислала от Кюли, происхождение непосредственно от партизана исключается с полной ясностью. Но у него могли быть кузены, и надо бы знать: были ли у Самуила Самуиловича, отца партизана (Александра Самуиловича) братья, родные или двоюродные, и как их звали?

Напиши, что знаешь. — Если бумаги у тебя в Никифорове, то ты взял бы их в Москву — ведь немного их. При себе — это целее будет.

Ты, я думаю, еще не выслал мне деньги, а тут вышла комбинация, что я получила 400 frs. для одной посылки— как-раз та сумма, что ты должен бы послать. Поэтому отошли их Лиденьке или отдай ей лично, если она у тебя— она писала, что выедет 1 июля, т.-е. через 6 дней от сегодняшнего, а я, одновременно с письмом тебе, пишу ей, куда она должна выслать эту сумму.

Имей в виду, что курс теперь за границей так низок, что я теряю каждый раз 2½ р. на твоей посылке, меняя

деньги здесь. А если бы ты посылал *переводом,* то я не теряла бы, ибо русский курс фиксирован гораздо выше. Ты говорил, что отсылка заставляет тебя, не ленясь, приложить и письмецо ко мне, и я всегда очень рада получить от тебя писание. При переводе этого нельзя, и если это лишит меня твоих писем, то я согласна терпеть убыток. Но, быть может, ты соберешься с духом и будешь посылать и письмо, хотя деньги будут переводом.

Нынче мое рождение, и сестры из Пб [Петербурга] уже прислали поздравительную дань, но от Ольги и я ничего не получала со времени ее от'езда в Туапсе. Это меня даже беспокоит: никому—ни слова!

День твоих именин близок, и я должна заранее обнять и поцеловать тебя. Быть может, письмо-то как-раз и попадет в этот день.

Целую также и Анну Ивановну.

Твоя *Веруша.*

204. Брату Петру.

16. IX. 14.

Дорогой брат Петя. Вот какие стряслись события в Европе. Оказались задетыми все. Здесь, за границей, русские претерпели страшные беспокойства, оставшись отрезанными и без денег. Я-то живу отшельницей, а те, кто был в сумятице русских колоний, потратили много нервной силы в пересудах о своем положении. Теперь масса уже сплыла, так или иначе, да и общие условия международных сношений и кредита улучшились. Но все же сидишь и ничего не знаешь, газеты и письма последние недели стали приходить, но с опозданием на 2 недели из России, на 12 дней—из Парижа. От Верочки было 3 сентября нов. стиля. Она интерном при госпитале в Париже, имеет комнату и 50 франков в месяц. Пишет, что деньги от матери получила, да ее патрон ей дает кое-какую практику, кото-

рая что-нибудь дает. Таничка [1] удрала 29—30 июля старого стиля и я от нее имела письма из Корфу и со штемпелем Константинополя. Странно, что она с тех пор не нашла нужным известить о себе. Доехала ли она до вас и когда?— Ты уже знаешь, что я была больна: по совету знаменитого хирурга Ру сделала операцию. После этого долго чувствовала слабость и говорили, что очень побледнела и похудела. Но теперь поправилась почти совсем, и ранка поджила благополучно и благообразно. Только настроение было все скверное. А теперь я живу со знакомыми [2], где есть дети, очень милые, и семья очень благоустроенная: нет суеты и тихо. Это над Clarens (адрес мой прежний: от квартиры я еще не отказалась и она за мной до средины января нов[ого] стиля), близко, но выше, местность лучше, много прогулок, чудный воздух и есть с кем гулять. Я была так одинока в Clarens, что тоска меня глодала. Я надеюсь, что уже только несколько месяцев отделяют меня от вас. Ты не посылай мне денег, пока я не напишу; пока у меня есть—уплатили мне кое-какие долги и я не тратила, когда кроме твоих денег получала за статьи. Отложила их для расходов при от'езде, и на первых порах понадобится на многое. Теперь буду тратить эти деньги, которые у меня в банке франками, а потом напишу или телеграфирую тебе. Ты откладывай или, если хочешь, передавай на хранение Лиденьке. Надеюсь, ты не посылал на сентябрь — окт[ябрь]. Я посылала письмо об этом Мих[аилу] Петр[овичу] [3], чтоб он тотчас же написал тебе или переслал мое письмо. От Лиденьки я получила неделю назад письмо по приезде ее в Пб [Петербург] и деньги, с сообщением, что Коля больше не будет посылать, так как его дела ухудшились. Я, ведь, ты помнишь, сама предлагала, но ты не захотел.

---

[1] Стахевич.

[2] Докторесса Р. И. Гавронская (в Les Avants).

[3] Сажин.

Как-то сложатся общие условия в будущем? Верю, что будет лучше. Не может в народной жизни пройти бесследно такая полоса. Россия выйдет из нее выросшей и окрепшей.

Много думается и о том, найду ли я себе место в жизни? Целую тебя и Анну Ивановну. Лиденька тебя, конечно, посвятила в наши планы жить вместе. Право, я более не могу быть одной.

Твоя *Верочка*.

205. М. В. Новорусскому.

11. XII. 14.

Дорогой Миша. Я очень в долгу у вас. Ваше письмо, оставшееся безответным, и вашу последнюю открытку, посланную во время войны, я получила и все не писала вам! Это бессовестно; но я надеюсь вознаградить вас потом устными беседами. У меня было много пертурбаций: я покорно трусила, что операция[1] меня обезобразит, и прошло 6—7 недель, пока я успокоилась. Что делать — я нахожу, что старость и без того есть безобразие; к чему же ей прибавлять ущерб еще?! Два месяца меня пригревало в горах чудное солнце на небе, а на земле солнечная теплота дружеского отношения, которое я нашла в семье одного больного человека, в цвете жизни пораженного параличем нижней половины тела — без надежды когда-либо взять одр свой и пойти![2]. Там я поправилась физически и окрепла духом или, лучше сказать, стряхнула тот гнетущий пессимизм, который мучил меня в июле и августе. 1½ месяца назад я спустилась с гор в свою квартиру, а теперь нахожусь накануне ликвидации ее. Через месяц перееду в Лозанну—я думаю. Нет моих сил жить дольше в таком одиночестве. Я уже продала свою мебель (отдам ее только к 1 янв. стар. стиля) и с горестью предвкушаю хлопоты по

---

[1] На щеке.

[2] Леонтьев.

укладке тряпья, книг и мелочей. Я ненавижу укладку! и нахожу, что это в будущем обществе надо поручить мужчинам в наказание за долгое господство и за жестокие войны, виновниками и зачинщиками которых являются всегда они (кроме Троянской войны). Впрочем нет! из-за Елены все же мужчины подрались! Целую вас.

В.

Привет вашей жене и пожелания успехов в деятельности по делу раненых [1] (Вольно-Эк[ономического] общ[ества]).

206. Сестре Лидии.

15. I. 15.

Дорогая Лиденька. Я переехала в Лозанну и мой адрес: 18, rue du Léman, Pension Embdt. Lausanne. Для телеграммы, конечно, достаточно 18, rue du Léman. Lausanne. Да и для писем тоже достаточно. Устроилась дешево и очень удачно: по 4½ frs. в день, с отоплением и электрич. У меня балкон большой, и комната большая, на юг. Соседей, можно сказать, нет: американка, глухая старуха, и швейцарка-учительница, от 8 утра до 5 вечера занятая в школе. Во всем этаже других жильцов нет и тишина день и ночь — могильная.

Новый год русский встретила уже здесь с Марками [2]: днем взяли от меня всю мебель, а в 3 ч. с Егором [3] отправилась в Лозанну. Ночевала у Веры Самойл[овны] [4], а на утро уже устроилась в этом тихом убежище. За столом всего нас четверо да хозяйка. Она с кухней, столовой и т. д. в нижнем этаже, и там какой-то красноносый ста-

---

[1] В госпитале.

[2] Марк Натансон и его жена Варвара Ивановна.

[3] Егор Лазарев.

[4] Гоц.

рик. Вот и все население. Улица тоже тихая. Трамвай идет ниже, по другой улице, и станция его в 3 минутах от меня. Вчера одни знакомые, жена твоего знакомого, Обер[учева], смутила меня своими сборами в Россию с невесткой и внучкой, 1½-годовым ребенком. Предполагали они ехать на Бриндизи и оч[ень] звали меня с собой. И я оч[ень] склонялась, чтоб попусту не жить здесь. А вечером об'явили, что раздумали, боясь попасть в военный кавардак, ибо в газетах пишут о выступлении Италии и Румынии. Но все же я хочу заранее предупредить тебя, как я буду телеграфировать тебе (а не Коле, ибо ты более сидячая на месте) в случае моего выезда. Ты знаешь, что Коле в департаменте говорили, чтоб я известила о времени и через какую границу поеду. Сообразно с этим, получив депешу из Лозанны или откуда-нибудь с дороги—все равно, ты должна тотчас же дать знать Коле, чтоб он известил департамент. Телеграмма будет самая короткая, без лишних слов. Она будет заключать название пограничного города или местечка, а время вы выведете из месяца и числа отправки депеши. Ведь они должны знать месяц, а не точное число, которого нельзя и определить. Недавно человек, уехавший из Лозанны был в *Бухаресте на 9-й* день отсюда и телеграфировал сюда в этот день «route toute praticable» — видимо, наладилась дорога и русские всё продолжают уезжать домой. Из Бриндизи едут по пятницам и приезжают в понедельник в Салоники (4 дня морем едут). Так ехала и семья адвоката, и недавно одна знакомая.

По вашему совету вещи все возьму с собой: коффр и 2 чемодана, оба легкие, да ящик с книгами.

Письма от Верочки и Танички я получила. Наконец-то племянница разрешилась — собралась написать мне. Очень желаю поскорее узнать, поехала ли Вера в Харьков для экзамена или решилась держать в Петрограде? (Как неловко писать это название!!).

Ты писала о Перимове и Купр[ияновых]. Верно, виделись вы. А я все не могу ответить Наташе на ее заказное. Уж теперь, конечно, напишу в Казань — они, должно быть, вернулись. Что касается Коломны, то мне трудно жить без кусочка «природы», и Сашечка так хвалила Каширу, с Окой, бором, ягодами и грибами! Ее дача стоила 180 р. за 6 мес., ведь это не дорого? Верно с мебелью? и это целый дом. В полгода мы ориентировались бы. Да, впрочем, чего загадывать — где? когда не знаешь — когда? Да еще можно и утонуть в дороге. Целую тебя, моя милая. Сестер, братьев и обеих девочек тоже. Сер[гею] Григ[орьевичу] привет.

Твоя *Верочка.*

Мне отдали один долг, и я надеюсь насчет денег быть обеспеченной или займу, а в России отдам. «Русс[кие] Записки» получила. Отчего ни Марки, ни Егор не получают?? Они просят.

207. С. Г. и П. А. Кропоткиным.

15. I. 15.

Дорогая Софья Григорьевна и дорогой Петр Алексеевич.

Ваше письмо я получила и все были рады ему, что Петр Алексеевич не болел эту осень. Я выбралась 13/I из Clarens, ликвидировала свою квартиру и переехала в Лозанну (18, rue du Léman 18), в ожидании моего от'езда в Россию. Не хочу более жить за границей: одиноко и бездельно. Марк с женой, Вера Самойловна Гоц и Сергей Андреевич Иванов живут здесь, но может быть двое последних уедут в Париж, где жизнь вошла более или менее в норму и где они могут быть полезны в каком-нибудь деле помощи нуждающимся там.

Что касается касс, то относительно кассы Аитова можно сказать, что местные группы во Франции и Бельгии совершенно бездействуют, п. ч. все впали в стесненные об-

стоятельства. Но к началу войны у нас было наличных тысяч 7 фр., и кроме того есть взносы, переведенные прямо в Россию, в размере 400 руб. ежемесячных, и одна тамошняя группа имеет бюджет тысячи три руб. в год и не прекратила существования. В Швейцарии, в Лозанне, комитет не прекращал деятельности по сбору; в Женеве *думают* возобновить их. В общем же, конечно, средства сократятся и в виду этого с 15-го года, вероятно, об'единятся администрации комитета и секции (бывшей для ссыльно-поселенц.). Раньше они были раздельны, п. ч. иначе оч[ень] хлопотно было бы; ну а теперь работы меньше. Можно сказать, что, благодаря невозможности делать переводы денег в Россию, для ссыльно-поселенцев все посылки за время войны прекратились и пока еще не наладили способы препровождения.

Но клиенты Аитова, для которых деньги посылались большими суммами для дальнейшего распределения на местах, пока получают попрежнему.

Но все это дело за последний год порасстроилось. Имея в виду свое возвращение, я с 914 г. передала ведение в руки тех, кто здесь останется, чтоб еще при мне установился известный порядок, но результаты не оказались блестящими: очень велики трудности доступа к тюрьмам—в этом главное несчастие, и я даже смотрю на этот дефект, как на неизлечимый. Торкаешься в глухую стену и за 5 лет я утомилась на этом торкании.

Думается, что амнистия после войны все же будет и тюрьмы опустеют. Быть может, всего необходимее будет денежная помощь для того, чтоб подняться с мест людям. Но тогда я буду уже в России.

Что сказать вам об общих знакомых? Егор ожидает всяких благ от этой войны: сокрушение милитаризма, справедливого раздела колоний, демократизации государствен-[ного] строя во всех европ[ейских] странах и много другого. Он выглядит плохо, оч[ень] тяготится фермой: рад бы

развязаться, да нет покупателей. Срок его высылки кончился и он мог бы вернуться в Россию. Марк здоров, а Варвара Ивановна часто прихварывает простудными болезнями. В общем, русские колонии оживились: постоянные рефераты о войне: Ленин, Мартов, Троцкий, Алексинский, Зурабов (бывший член Думы, с.-д.), Герш, Оберучев и многие другие выступали в Лозанне и в Montreux с изложением своих взглядов на войну; издаются в Париже «Мысль» с.-р., «Голос» с.-д. и в Швейцарии «Социал-Демократ» Ленина; везде комитеты помощи застрявшим русским. Словом, в муравейниках движение.

Целую вас обоих и желаю здоровья и осуществления надежд. С новым годом. Ваших молодых [1] приветствую.

В. Ф.

Все друзья шлют вам обоим привет.

208. Н. П. Куприяновой.

18. I. 9. 15. Лозанна.

Дорогая Наташа. Наконец-то я собралась написать тебе. Твое заказное я получила давным давно, но все не могла засесть за письмо к тебе. Я ликвидировала свою квартиру, продала мебель, сложила в порядке свои книги и костюмы и, оставив у друзей громоздкие вещи (кофр и т. д.), налегке переехала в Лозанну: 18, rue du Léman, 18, куда ты и можешь написать, когда придет охота. Я живу в пансионе, на всем готовом, и устроилась покойно и недорого. Благодаря отсутствию иностранцев, в моем этаже, кроме глухой американки, нет никого, за исключением одной оч[ень] милой девушки—соседки по комнате, и ее нет дома весь день. Здесь несколько моих друзей живут недалеко, и я пользуюсь светскими удовольствиями: вчера была в cinéma.— В 4-й раз в жизни. На этот раз пьеса была не такая ба-

[1] Александра Петровна Кропоткина вышла замуж за эмигранта Лебедева.

нальная, а техника сделала громадный прогресс с тех пор, как в 908 году я с Женей и Мих[аилом] Петр[овичем] в первый раз была в Женеве в таком увеселительном заведении. Обыкновенно я не могла высидеть до конца, но вчера, с 2 знакомыми, отсидела всю порцию. Недавно одни господа собирались ехать на Бриндизи—Дедеагачи и меня звали, и я одной ногой была уже в воздухе, но они раздумали, и я осталась у разбитого корыта. Думаю, было бы полезнее не выжидать более, не жить без определ[енных] занятий здесь, а поспешить домой — верно, и мне нашлось бы место в общей жизни, или по крайней мере я снова начала бы искать этого места.

Трудно путешествие, конечно, но люди не ждут и едут. Те, кто по болезни или другим причинам прикован к заграницe, завидуют каждому от'езжающему — всем нудно проживание в благополучии и бездействии, когда в России все работают; не только город, но и деревня, судя по журналам, оживилась и растет духовно. В журнале Миролюбова [1] читала об отношении крестьян к отмене винной монополии и радовалась. Ну, целую тебя и тётю Лизу — уже не за годами свидание со всеми вами.

Твоя *Верочка.*

209. Брату Петру.

7. II. 15. 18, rue du Léman, 18. Lousanne. Suisse.

Дорогой брат Петя. С тех пор, как ты не посылаешь денег, ты перестал и писать мне, а я тоже не могу вспомнить, когда в последний раз послала тебе письмо! Это нехорошо с обеих сторон. Сестры не забывают меня и писали, что недавно ты был в Петрограде и что ты стал совсем седой. А я, вот, никак не могу поседеть и завидую всем старым англичанкам, которых вижу: у них волосы белые и кажутся мне необыкновенно красивыми.

---

[1] «Ежемесячный журнал».

От сестер ты, конечно, знаешь, что я ликвидировала свою квартиру и переехала в Лозанну. Адрес мой стоит в заголовке этого письма. Не знаю, как долго останусь здесь, ибо собираюсь совсем покинуть Швейцарию и соединиться с вами. Поэтому не удивляйся, если получишь телеграмму с просьбой встретить меня на вокзале. Это в случае, если я поеду южным путем: Бриндизи (Италия), Салоники (Греция) и т. д. Бухарест, Яссы — *Унгены (граница* Румынии и России); другой путь — северный: Париж, Лондон, Ньюкэстль, Берген (Норвегия), Христиания, Торнео (граница Швеции и России), Петроград. Стоимость пути почти одна и та же; время в пути на юге 14—16 дней, на севере 8 дн. Но как в сказке, в одну сторону поедешь — коня потеряешь; в другую — сам погибнешь. На юге — того и гляди балканцы вступят в войну, и пойдет такая завируха, что трудно будет проскочить — может выйти громадная задержка. И никто не знает, когда Румыния начнет свое выступление. А на севере — немцы клянутся топить все, что смогут, и предостерегают и нейтральные страны, что их пароходы и суда могут «по недоразумению» быть взорваны. Я на-днях чуть не уехала, когда 3-го дня вдруг появилось это об'явление от германского адмиралтейства, а два дня до этого под ряд газеты сообщали о взрывах в Ла-Манше. Пришлось отложить до выяснения положения. Из-за этого потеряла хорошую попутчицу на юг, а без спутника или спутницы не очень легко будет в пути, п. ч. ведь это только кажешься сильной, бодрой, а на деле эти качества неустойчивы и изменяют при всяком напряжении. Теперь все будет зависеть от степени безопасности от мин на севере и военных перипетий на юге, с одной стороны, и от того, в какую сторону найдутся подходящие попутчики. Правда, у меня есть связи в Болгарии и Румынии, а на севере — в Лондоне и Христиании, так что и одна не пропаду без помощи. Поеду ли туда или сюда, Коле буду

телеграфировать для мероприятий по разным формальностям, а тебе буду только в случае приезда в Москву (уже из России телеграфирую). Сестры пишут, что Верочка[1] теперь в Москве ради экзаменов. Наконец, она у нас встанет на свои ноги; и то, чего мы с Лидией не сделали — не стали докторами, — осуществилось почти через пол столетия (!) в лице ее дочери. Как изменились с тех пор условия поступления в университет! Как было трудно мне в материальном отношении, не говоря уже о том, что жизнь сложилась бы во многом иначе, если бы отец пустил меня за границу тотчас после института. Ведь я просила его об этом осенью 69 года, через 3—4 месяца по выходе из этого монастыря; просила все время, весной 70-го. Но нет! Боялись они дать мне итти новой дорогой!

Сейчас получила письмо от одних предполагаемых попутчиков: они собираются ехать югом в начале февраля старого стиля. Числа 3 выедут на Италию, если путь будет свободен. Если это сбудется, то к 20 февр. стар. стиля я буду на границе (Унгены) или близко к ней (потому что ведь нельзя предвидеть всех дорожных случайностей). Проехавшие этим путем писали, что поезда всегда переполнены.

От Montreux до Brindisi сутки езды; морем до Салоник 4 суток; на 9-й день (выезда из Лозанны) были телеграммы из Бухареста сюда, если прибавить сутки до границы, то выходит 10 дней до России, а по ней еще много!

Ну, братику, целую тебя. Сердце у меня прыгает. Неужели буду скоро в России, буду с вами?!

Твоя *Верочка.*

Ан[ну] Ив[ановну] целую.

Пароходы из Бриндизи ходят только 1 раз в неделю по пятницам: в числах 12, 19, 26 февраля *нового* стиля, затем

---

[1] Стахевич.

5 марта, 12-го и т. д. Попутчики могут не собраться и тогда не поспеют к пароходу 19/6 февр., тогда весь расчет на предыдущей странице [письма] передвинется. Все же, если поеду югом, и не попаду на границу к 20 февр. стар. стиля, то попаду неделею позже, т.-е. к концу месяца буду там. Лишь бы не вспыхнули Балканы. А тогда придется ехать севером.

Крепко, крепко целую тебя и всех сестер и брата.

210. Е. В. и Н. П. Куприяновым.

14. III. 1915 г.

Дорогая тетя Лиза и Наташа.

Вот я и в России и впечатление, пока, довольно дикое. Уж отвыкла я за 8 лет от вида русских городов, и даже Петроград показался мне грязным провинциальным замухрышкой: грязный снег покрывает улицы; везде возы его, и лошади плохие и одежда очень сродная с общим видом Греции, Сербии, где сразу после Италии чувствуется иной мир, и говоришь себе: «восток!»...

А Нижний со своими торговыми улицами, не похожими на европейские, и костюмы, шапки, бороды—все кажется необычным; совсем другая ступень культуры. Вы уже знаете, как меня недружелюбно встретили власти [1], и если бы еще это было не после крайне утомительного 10-дневного путешествия через 5 государств, из кот[орых] одно в периоде долгой войны! И то диво, что несмотря на эту войну путешественники могут безопасно проехать там без особых приключений, хотя кругом деревни в развалинах, население в лохмотьях, города, маленькие и несчастные, в глубокой грязи, а сыпной тиф, холера и оспа разгуливают во-всю. На

[1] В Унгенах меня арестовали и увезли в Кишинев, потом в Петербург, где через 10 дней выпустили и прикрепили к Нижнему, который я выбрала, как место жительства.

меня напали только белые звери, не знаю сербского происхождения или русского (в Унгенах, Кишиневе, где пробыла 4 суток в тюрьме, или в 3 кл. до Пб [Петербурга], так что тело мое в пятнах, но не от тифа, а от зверства этих подлых животных. Целую вас. Коле сказ[али], ч[то] я могу жить везде, кроме мест, об'явленных на военном положении, и без всякого надзора. Но документ у меня—только проходное свидетельство.

Ах тетя, *если бы достать копию* с бумаги, кот[орая] была мне читана в Никифорове в 906 г. от 20/VI, где было об'явлено, что через 4 года могу приписаться к кк [какому] нб [нибудь] обществу!!!!!, а то все препятствия.

Пишите на адрес Пети. Целую вас. *В. Ф.*

До навигации буду здесь.

211. Брату Петру.

22. III. 15.

Вот это хорошо! приятно было получить от тебя письмецо в первый день праздника, дорогой Петя. А я сижу одна в целой квартире после обеда, на который была приглашена доктором Либиным. Накануне он принес мне отчеты общества распространения народного образования в Нижегородской губ., и я подробно расспросила его о положении дел этого общества, так как оно существовало еще в мой первый приезд в Нижний и в нем участвовали Женя и Мих[аил] Петр[ович]. Потом я внимательно рассмотрела отчеты и, кажется, приходится признать, что после разгрома 905—06 года оно теперь лишь восстановило, и, быть может, даже не вполне, то, что было сделано (по отношению к библиотекам) обществом до этих годов, когда Народный дом был закрыт, а общество совершенно не работало. Зато появились некоторые новые предприятия, напр., детский сад в Нижнем. Число библиотек, которые общ[ество] могло открывать в уездах, в общем, не велико — библиотеки 4 в ка-

ждом из 11 уездов губернии. В нашей Казанской, кажется, нет такого общества, а между тем устав нижегородского очень упрощает организацию и открытие библиотек в деревнях. Нашей Ольге не пришлось бы так долго возиться со своей, если бы подобное общество существовало в Казани. Свезу Наташе в Казань устав нижегородский. Быть может, там устроится что-нибудь в этом роде. Судя по газетам, теперешний губернатор лучше предыдущих.

Женя не могла видеть воочию моего устройства, хотя в квартире была. Я переехала в день ее от'езда. Теперь-то мне очень удобно, пока все хозяева отсутствуют. Но потом—боюсь, что будет сутолока. Хозяйка до чрезвычайности добра и внимательна, но у нее 3 детей подростков и, насколько я могла заметить, хозяйка—«не хозяйка»: много лишней суетни и беготни в доме, и из-за меня им придется потесниться, чего я не хотела бы. И прислуга не придерживается никакого определенного порядка насчет еды: говорит, что для этого нет определенных часов. Оттого, конечно, выходит беспорядок, а я ведь привыкла к дисциплине.

Ключи привезла Распопова[1] и я вынула свое драповое пальто. Дня 3 назад было тепло и я думаю: пора снять шубу. Но потом опять вернулся холод. Сегодня утром была вьюга, но, когда в 2 ч. я вышла, стояли лужи, хотя и не столь глубокие, как 3 дня назад.

Меня забросали цветами: образовалась целая выставка: 2 горшка роз, 1 желтофиоль, 1 гортензия, 3 горшка гиацинта и еще 1 горшок с гиацинтом и нарциссами, который я оставила Распоповой. Коля нашел у нее большой голос, и хорошо поставленный: на Фоминой она снова едет в Петроград к нему условиться о выступлениях в Народном доме.—Ключ никифоровский лучше бы прислать мне с ока-

---

[1] Знакомая.

зией до Юрочки[1]. Вера[2] живет близко от Веры Дмитриевны[3].

Целую тебя и Анну Ивановну.

Твоя *Верочка.*

Рада, что будет садовник.

212. М. В. Новорусскому.

22. III. 15.

Дорогой Миша. Много надо написать вам. По поручению вашему еще ничего не сделала, п. ч. только 1 раз была на Покровке. А вот сегодня я говорила о вас с членами общества распространения народного образования и удивилась, что вы, будучи здесь лектором, не вошли с ними в тесное единение. Вы могли бы быть им очень полезны в иных направлениях, п. ч. они открывают библиотеки по всей губернии и устраивают отделения общества в уездах. Напишите мне, будете ли в это лето в Нижнем или ваша задача исчерпана? и не хотите ли — я вам пришлю отчеты этого общества за 12 и 13 год? Я вчера их изучала; а завтра поеду на выставку картин художников-рабочих в Сормово. Воды на улицах и на Оке очень много, и с непривычки меня это смущает. Вообще, я никак не ожидала, что 8 лет отсутствия до такой степени повлияют на меня. Все здесь мне кажется странным, необычным и увы! неприятным. Бросается в глаза совсем не европейский характер городов, не евр[опейские] костюмы, не европейские лица. Все женщины кажутся толстыми, пухлыми; мужики—волосатыми и одетыми à la сербы, и женские одежды архаическими. Улицы ужасные, дома — крошечные... Низшая ступень культуры, бедность во всех формах быта—бьют в глаза и напоминают Грецию и Сербию. Высадившись в Салониках, сразу мы

---

[1] Сын Ольги.

[2] Стахевич.

[3] Лебедева.

очутились вне Европы, и невольно вырвалось восклицание: «вот Восток!» и это же восклицание непрестанно просится на язык и здесь. Хороши здесь: кипяток в самоваре, соленые огурцы, а в тюрьме — гречневая каша и кислая капуста...

Прислуга, о которой заграничные русские вспоминают с умилением, действительно простодушна, она не жалеет своего труда, своего времени, но не жалеет и чужого времени. Если хочешь пообедать в 1 час, то заказывай, что будешь есть в 12, а когда тебе пора спать (в 10 ч.), то в 9 тебе подадут: 1) жареного леща в сметане; 2) гречневую кашу со сливками и 3) пареную брюкву с чухонским маслом... О, Русь! Святая Русь! как тебе не быть ленивой?!

Мне уже прислали из Москвы и «Переписку Тургенева с граф[иней] Ламберт», и «Клич». Тургенев поразил многими неправильностями языка, который в его повестях и романах я считала образцовыми; да и многими взглядами. Брюзжит он о своем здоровье и о том, что отжил, на протяжении всех писем, и это в 43 года! Вообще, я стала меньше его любить после всех этих ламентаций! А «Клич» пока только осмотрела.

Теперь я больше стремлюсь к тому, чтоб интервьюировать публику и не давать ей интервьюировать меня. Вот вас не удалось поинтервьюировать—очень уж я была усталая да и времени было мало. А надо бы о многом спросить.

Ах, Миша, все-то это внешнее, а о внутреннем—стыдно (быть может, до поры до времени, пока все не перебродит) да и не следует говорить, потому что ведь всегда надо оставаться врагом праздных слов.

Целую вас. *В.*

Прилагаю еще листик.

213. М. В. Новорусскому.

23. III. 1915 г. Нижний.

Миша! Вы проповедуете на страницах «Речи»: «что мы можем добывать (или делать) сами», не завися от заграничных стран. Итак я желаю воспользоваться вашими советами, но не в области производства хлороформа или деланья пуговиц из казеина, а в области культуры лекарственных растений. В самом деле—я хотела бы сделать опыт посадки их в деревне. Не задаваясь на первых порах коммерческой целью, я хотела бы знать: 1) какие растения в аптеках доставляются местной русской агрикультурой; 2) в каких губ. и уездах занимаются рощением этих лекарств. растений; 3) куда их сбывают (склады, аптеки в столицах, губерн[ских] городах); а затем, какая существует литература по эт[ому] отделу и руководства, как, *где* и что сеять и садить.—С своей стороны, здесь я обращусь к агрономам чрез посредство доктора Либина. Но возможно, что у вас есть какие-нибудь сведения на этот счет и даже планы. Пожалуйста, напишите свое мнение или дайте совет, куда бы мне обратиться. Оч[ень] хочется не даром прожить лето в деревне. У брата есть садовник, а земли тоже достаточно. Я могла бы затратить некот[орую] сумму на книги, на семена и на обработку. Буду ждать скорого деловитого ответа.

Поклонитесь вашей жене. *В.*

Мой адрес. Студеная, дом Кривавуса.—Тот самый, где вы были в 906 г., только во дворе.

Судьба!

Сообщите № вашего дома 38 или 32???

214. Брату Петру.

23. III. 15.

Милый брат Петя. Я сейчас пишу Новорусскому, который озабочен независимостью России от заграничных рын-

ков, и спрашиваю его советов насчет культуры лекарственных трав. Я хотела бы сделать опыт в деревне. Надеюсь, ты одобришь мою инициативу. Я выпишу семян, а ты позволишь мне выбрать место, и не дашь ли сам каких-нибудь указаний насчет места, где можно сделать посев. Я очень хотела бы предпринять что-нибудь полезное для деревни и воспользуюсь услугами садовника. Целую тебя. Буду осаждать агрономов и все аптеки, чтоб к от'езду иметь необходимые сведения.

Твоя сестра.

215. Н. А. Морозову.

Студеная, д. Кривавуса. Нижний.

23. III. 15.

Дорогой Николаша! Я прочла 2 твои фельетона и спешу заявить тебе свое мнение. Мне они понравились. Фельетон «После победы» заражает грустным настроением, а это ли не признак, что вещь хорошо написана? А другой фельетон «В окопах» очень живо рисует подземную жизнь в окопах, а я порадовалась, что *тебя,* шлиссельбуржца, так радушно встречали и что происходило сближение, которое, ты думаешь, будет поддерживаться и дальше... Я тебе позавидовала — как это у тебя хватает физических сил на все эти передвижения и сношения! Я думаю, я не была бы в состоянии выдержать такое напряжение. Ты знаешь, в П[етрограде] видела всех наших; Лопатин, по обыкновению, расширил себя так, что никому не дал слова выговорить, и хотя был очень мил, много потратил общего времени на «советы», которые в конце оказались совсем ненужными. Лука усмехался добродушно попрежнему, большой, добрый и скромный. Новорусский осолиднелся, раздался, раздвинулся, но хорош своей деловитостью и энергией. Я подарила ему орех Potomogethon... и т. д. уж и не выговоришь (и, верно, что-то пропустила и что-то прибавила)—с Боромей-

ских островов на Lago Maggiore. Очень любопытный плод водяного растения. В Шл[иссельбурге] я видела рисунок его у Келлера, а когда была на этих остр[овах], увидала целую корзинку на берегу. Не знаю, на что употребляют их жители этих чудных маленьких островов: Isola Madre, Isola Pescatori, Isola Bella. Там была вилла вельможной дамы из семьи, кот[орой], принадлежат эти острова, и чудный сад с тропическими растениями, а садовник такой любезный, что рвал и давал нам веточки и листья всех растений, которые поражали нас. У меня долго хранился лист камфарного дерева, от кот[орого] исходит приятный запах камфары при трении. Было одно хвойное ползучее растение, устилавшее буквально весь склон полянки сада. Магнолии поражали своей громадной высотой и богатой кроной. Но в Крыму ты, конечно, видал не меньшие.—Был и Пан[кратов]. Признаться—он..., и наружно совсем оплебеял. Помнишь, он подписывался: «Плебей». Жена, видимо, за ним не смотрит, и зубов у него недостает.

Ты, верно, будешь смеяться, что я так откровенно выражаюсь, но ведь это, говоря с тобой. Уезжая, я не взяла с собой никаких адресов, кроме адресов сестер, и теперь колеблюсь 32 или 38 № дома, где Новор[усский]. Кажется 38? Извини, что я вкладываю письмо к нему в твое. Отошли, пожалуйста, ему. Целую тебя и Ксаню. Теперь, когда я в России (и меня уж не выживешь из нее!), мы разумеется, увидимся и узнаем друг о друге все, что интересно знать. А пока прощай.

Твоя *Верочка.*

216. М. В. Новорусскому.

[IV]. 1915 г. Нижний.

Увидаться здесь—будет довольно гнусно: второпях, вне домашней обстановки. Лучше приезжайте оба в Никифорово. У меня там в саду павильон под липой с террасой. Одна

комната (есть и печка) и 2 отделенья маленьк[их], для умыванья одно, а другое я предназначала для девушки, чтоб не спать одной. Я бы вас приняла туда, чтоб вам быть вдвоем, а в неск[ольких] саженях—дом брата; подумайте об этом. В мае—я буду одна монархом над всеми домами, и в мае хорошо там! Потом будет брат Петр с женой на месяц или 2 раза по 2 недели; приедет Ольга Ник[олаевна] и может быть привезет с собой кого-нибудь. Но домик—мой, и я никого не пущу, кроме своих гостей. Одно неудобство — дорога стоит рубл. 25 в один конец (считая извозчиков и т. д.). Так сестры считают. Если вас это не остановит, то я была бы очень рада и буду хорошей хозяйкой.—Будете целый день свободны от каких-либо надоеданий. Ольга посылает кухарку, так что не будем страдать без прислуги—что с сестрами иногда бывало. Морозов обещает приехать. Не знаю только, когда, да ему из Ярос[лавля] прямо было бы грехом не приехать, удобно и дешево. (А какие сливки у нас!... а в пруду—форель... В огороде будет—мята!). А, главное, чтоб не быть, как в гостях, делать кто что хочет. Речка в 1 версте. Лошади и коляска. В 3-х верстах—лес «Святой Ключ», где яблоновый сад и пчельник. Приезжайте — в конопле растут шампиньоны. Никакого Lycopodium не видывала у нас. Валерьяны — только единицы. Если бы в Новогор[одской] губ. с мальчишками вы накопали корней валерьяны, то сократили бы ее распространение там, и все равно пришлось бы потом выращивать. Я добыла из одной аптеки список растений, кот[орые] она скупала у крестьян, собиравших их в полях: 43 препарата (трава, цвет, корни, плоды, почки, кора, мох). Листья свежие от 40 к. до 1 р. 20 к. за пуд. Количество колебалось в пределах 2—4 пудов, которые требуются для этой большой аптеки Кречман. Если вы интересуетесь, я сниму копию с моих списков. Один с ценами и количеством взял на время у меня агроном Федоровский. Ни он, ни др[угой] агроном (болгарин) не могли

быть полезны мне ничем. Выручили: Романов (преподаватель ком[мерческого] учил[ища], дав литературу (Варлих; Дебу; изд. минист[ерства] землед[елия] 99 г.: Базаров и Монтеверде; если б вы мне эту достали в собственность! и Лука, сообщив[ший] оч[ень] ценные вещи. Потом вы и молодой Мороз[1], приславший прекрасную брошюру «*О мяте*», изд. Иммера. М., ц. 30 к. В земск[ом] складе купила Егера: «Лекарств[енные] раст[ения]» и его же о лекарст[венных] раст[ениях] (полезные брошюры). Их указала Кузнецова, завед[ующая] земск[ким] складом. Она уходит. А Бахарева оч[ень] бранят за нерадивость, беспорядок и грязь. Новый заведующий Бабакин из Москвы и нов[ый] завед[ующий] складом Шех (тоже из М.) много потрудились, приведя музей учебн[ых] пособий в порядок. Покровский завед[ует] естеств[енно]—истор[ическим] муз[еем] ниж[егородской] губ., не мог мне указать ничего; только дал том сельскохоз[яйственной] энцикл[опедии], где есть отдел лекарств[енных] растений. Но сведений там мало для меня.

Ну, целую вас. *Верочка.*

Привет вашей жене. Идет снег, но небольшой. Холодно.

217. М. В. Новорусскому[2].

7. V. 15.

Милый Миша. Хочется написать вам сегодня, хотя письмо пойдет отсюда, из деревни, только в воскр., 10-го, когда лошади поедут в Тетюши за Юрием. Представьте себе неожиданное открытие: в 26 в. от нас наша *родственница*[3] в д. Тюбяки садит мяту исполу с крестьянкой, которая и перегоняет кустарн[ым] обр[азом] масло. Родственница уже продавала его в Казани! а наши этого и не подозревали. А не доезжая до них, татары в с. Старо-Барышеве тоже

---

[1] Сын Александры Ивановны Мороз.

[2] Из Никифорова.

[3] А. Головня.

сажают мяту. Завтра я еду в оба места разузнавать практич[ескую] постановку этих плантаций. А я-то думала открыть Америку... в Тетюш[ском] уезде. Село Красная Глинка тоже близко (я ошиблась, думая о его отдаленности). Куприяновы зимой из деревни ездят на Кр[асную] Глинку в Казань и знали, что там сеют мяту. Ну, для меня это оч[ень] хорошо. Я все наглядно узнаю, не из одних книг. Сегодня была в наш[ем] яблон[овом] саду на Св. Ключе и нашла прекрасное местечко для небольшой посадки; прямо идеальное! Посадку буду делать местах в 2 и 3, чтоб посмотреть, где лучше. Я—в одиночестве, и глухо же здесь, глухо! Ох, как глухо.—У крестьян одного из 4 обществ нашего села банк отобрал землю за недоимки и у них по 20 саженей в поле! Вот так—идеально. Целую вас. Привет вашей жене.

Сегодня 9 мая.

218. М. В. Новорусскому.

16. V. 15.

Милый Миша. Очень жалею, что в полученной вчера открытке от 1. V вы отказываетесь побывать в гостях у меня. Верно, нельзя. А здесь как будто и не идет ужасная бойня между культурными нациями. Вчера «Рус[ские] Вед[омости]» оповестили меня, что Ит[алия] об'явила Австр[ии] войну, и я прочла ит[альянскую] декларацию. Признаюсь, она производит удручающее впечатление по натянутости мотивов. Одновременно с вашей открыткой получила от Луки, кот[орый] пишет неск[олько] слов о Hydrastis Canadensis. Брат Петр достал 3 экз., кот[орые] я и посадила, пробыв дня 2 в тяжелых размышлениях, куда посадить эту драгоценность? Осмотрела корневища; на них была ясна глинисто-песчаная почва. Может ли он жить исключительно на желтой глине с мелким песочком? Я не решилась приготовить такую почву и к глинистому чернозему прибавила

еще песку мелкого и желтой мягкой глины. На ящике был адрес отправителя проф. Ильина, а получателем б[ыл] Феррейн в Москве, хотя брат писал, что Ферр[ейн] 15 л. разводил в своем москов[ском] именеии Hydrastis, пока ему удалась культура. Хорошо бы справиться у проф[ессора]. Нет ли хода?

Пашкевич разошелся в 2-х изд., печатают 3-е[1]. Лука обещал прислать. Вчера, 15-го, посадила мяту от Иммера. Страшно дорогая—35 р. 1000. Заморили—боюсь. Татары сажают не раньше 18—20 из-за возможных морозов; но мне от Имм[ера] привезли 12 и везли 4 суток от Москвы. Я и боялась еще ждать.

219. М. В. Новорусскому.

24. IX. 15.

Наконец-то я выбралась из деревни, дорогой Миша и оч[ень] хотела бы рассказать вам печальную эпопею о моей сельскохозяйственной деятельности. Конечно, опыт был ценный, если бы не требовал непосильного для меня труда, что испортило, можно сказать, мне все лето. Под конец я отравилась ментолом, кот[орый] приходилось вдыхать. Это проявилось зудом и сыпью, и я сначала испугалась, не чесотка ли, кот[орой] в деревне не трудно заразиться. Но дней через 10 прошло. У покойной жены брата Петра была такая же история, когда она поглощала неимоверное количество мятных лепешек и доктор определил именно эту причину.

Вашу открытку я получила незадолго до выезда. Мяту листьями я отправила в Москву Феррейну, с кот[орым] условился брат, а теперь везу в Нижний масло, перегнанное на крестьянском кустарном заводе в Кувшинове (Свияжского у.), в 32 верстах от Никифорова. Там же я купила

---

[1] Книга о лекарственных растениях.

¼ ф. выгнанного из их мяты, оч[ень] плохо высушенной, совсем черной, а из моей, хорошей сушки, вышло масло лучшего качества, я хочу дать исследовать то и другое. Еще послала 10 ф. листа одному провизору в Казани тоже для выгонки и анализа. С материальной стороны получился убыток.

Целую вас и привет вашей жене. *В.*

Пишите: Нижний. Ковалиха, д. Распоповой.

220. Л. П. Куприяновой.

1. X. 15.

Милая Лида! Уезжая из Никифорова, я сказала Наташе, что напишу тебе, а она удостоверила, что тебе это доставит удовольствие. Самое главное, что ты во всех письмах спрашиваешь о мяте. Ну, как же тебе не описать результаты мятной кампании? Так знай же, что Феррейну послана бочка сухого листа мяты. И бочка не простая, а сороковая. Представь себе однако, что в нее, несмотря на прессование, вошло только 1 п. 36 ф., а сама бочка весила 2 п. с фунтами. Это составило, чуть не половину всего урожая; другую половину (о, чудо!) я увезла сюда в моем саквояже. Ты смеешься! но это правда. Наташа тебе, быть может, писала, что мы вдвоем ездили в Кувшиново (Свияжского у.), в 30 в. от Христофоровки. Познакомились с тамошней культурой мяты, и видели в действии местный крестьянский кустарный завод для выгонки эфирного масла. Вот на этот-то завод я отослала пудов 7 сухой мяты. Это равно 28—35 пудам сырой и в результате получила 1 бутылку мятного масла и еще небольшой пузырек его. Я посылала для этого на подводе Григория, нашего сторожа усадьбы сестер. Он прекрасный толковый и работящий мужик. По моему поручению он купил на этом заводе ¼ ф. собственного масла, кот[орое] я привезла сюда же. Крестьяне просили меня поискать рынок для сбыта, и я отошлю их масло Феррейну через Петра, кот[о-

рый] вошел уже с ним в сношения по поводу листа. (Феррейн берет его, т.-е. лист, по 12 р. за пуд). Кроме того я сделаю здесь, в лаборатории, опыт ректификации и моего, и кувшинского масла, что чрезвычайно повышает ценность его. Таким образом я *довела до конца* свое предприятие и это самое ценное во всем этом деле. Продолжать его, как опыт показал мне, не стоит. Было бы долго да и неинтересно тебе перечисление условий местности, по которым я пришла к этому заключению. Мои сестры относятся со смешком к этой попытке, хотя гораздо смешнее приезжать в деревню ради сметаны и сливочного масла. А я очень многому научилась, и не жалею. Если бы я не работала выше моих сил, то и совсем было бы хорошо—раз я проживала в деревне при тех стеснительных условиях, в кот[орых] я находилась. Материально я потерпела убыток. Не считая 35 р., кот[орые] Петя заплатил за корневища Иммеру в Москве, я истратила на водоснабжение, корневища, взятые у татар, обработку, жатву и пр., включая расходы на отправку в Москву листа и т. д. всего 58 р. Но я так и рассчитывала, что опыт будет стоить столько. А выручится, я думаю, рублей 25 не более; может быть, даже и еще менее, если в дороге лист испортится и т. п.—Мне кажется, инициатива последовательная, не боящаяся даже смешных результатов—всегда ценна. Мне очень понравилось одно место у Поля Гогэн (Путешествие на Таити: «Ноа—Ноа»), где он говорит: «Научиться заново и учиться еще и еще; победить все робости, как бы ни смешны были результаты»—вот его девиз. Он и мой. Этой цитатой я начала письмо и к брату, когда сообщала эпилог мяты. Теперь ты удовлетворена и можно сообщить о другом. Мы приехали в Нижний 26-го и остановились в кв. Распоповой. Тщетно наши знакомые в течение лета подыскивали нам обиталище. Ничего не нашли, а что было, то Лиденька критиковала и отвергала. Теперь же прямо ничего нет. Эвакуированные учебные заведения; 100.000 бе-

женцев, направленных в губернию; 800 галицийских евреев, кот[орых] какой-то губернатор насылает сюда, другие токи выселенцев, направляемых своевольно другими губернаторами—сделали Нижний чашей, переполненной до краев. Комнаты нарасхват, а квартиры уже расхватаны, при чем характерно: некоторые заняты по телеграфу из Петрограда, *на случай* бегства оттуда. Посидели мы на квартире Распоповой 5 дней и решили не оставаться у нее (она предлагала снять, а сама живет в Петрограде). Не оставаться, п. ч. она писала, что сама может приезжать и что контора домовая (у нее 4 дома) должна помещаться в этой же ее квартире, и у нее полный кавардак—отсутствие управляющего, отсутствие дворника и полная антигигиеничность двора и учреждений. Наняли мы 3 комнаты на Студеной, д. Кривавуса у Ситниковой, у кот[орой] я жила весной. Комнаты хорошие, но имеют репутацию холодных, а Лиденька в особенности чувствительна в этом отношении. (Я-то жила в Clarens всегда при +13 зимой). И еще: обед придется брать на стороне. Да и дорого комнаты—50 р.; обед один—18 р. в месяц, да прислуге придется приплачивать. Но пришлось мириться и с др[угими] неудобствами, в роде отсутствия необходимой мебели (комода, гардероба, шкапа для посуды). Вот тебе материальная сторона нашего неблагоустройства.

Морально—я все же радехонька, что в городе. Каждый день—газета!! Каждый день письма! Библиотека! все журналы! Интеллигентные люди! и относятся к тебе с теплотой и лаской. Право, в деревне ведь постоянно чувствуешь, что цены тебе вовсе нет. Это не укор ей, деревне. В самом себе это. Имеешь, владеешь тем, что деревне не нужно, или *еще* не нужно. Там, быть может, нужна глиняная кружка, а ты—ваза...

Теперь мне так хочется читать, прямо изголодалась я в умственном отношении...

А насчет деятельности надо еще смотреть и смотреть. Чтоб не вышло «не суйся»; чтоб найти применение без ломки себя, без насилия над своим темпераментом. Удовлетворения-то, все равно, не найдешь. Нет его. Но хоть не чувствовать какого-нибудь безобразия в том, что и как делаешь.

Целую тебя, милая Лиденька и будь здорова. *В.*

221. Н. П. Куприяновой.

16. X. 15.

Дорогая Наташа! Ага! и тебя деревня проняла... Ага! и тебя в город потянуло!.. А я так рада, что в городе, и всем уже свою радость возвестила. Все письма, бандероли получила; в почтамт написала. От Лиды и мы получили письмо и притом длинное, писано в период затишья. А я ей до того еще написала обо всем подробно, о мяте, об устройстве здесь; письма наши разошлись. Тебе в Казань я еще в первый раз пишу, а Лид[ия] тебе 1 раз писала. Сотникову, провизору, я послала открытку, предупредила о посылках с тобой и что ты его вызовешь по телефону по приезде, чтоб прислал взять ящик и картонку.—Мы, Наташа, устроились, недурно, у прежней хозяйки. Те самые комнаты, кот[орые] хотели. Комнаты большие, хорошие. Маленькие неудобства—можно претерпеть, и холода пока нет. В средней много растений в кадках, прекрасная большая араукария, большая финиковая пальма, туйя, спаржа, драцена, гибискус, фикус. Лид[еньке][1] не нравится, а мне страшно нравится, п. ч. совсем непохоже на шаблон; мой глаз непрестанно радуется на эти растения, их многооттенковую зелень. Воздуха много. Окна цельного стекла, большущие. Это бывшие приемные доктора, мужа г-жи Ситниковой. Кормят—«домашние обеды» со стороны, сносно, не голо-

---

[1] Моя сестра. В Нижнем она поселилась со мной, т. к. оставила службу в «Русском Богатстве» в Петрограде.

даем. Поздравляю дорогую тетю с 22 окт., и желаю сохранить прежнюю неутомимую энергию и здоровье. Целую обеих крепко.

Один цыпленок протух. Вот человеческая жадность!

Нижний. 1915 г.[1]

Напиши мне характеристику того члена управы, который должен был в Москве повидать Жбанкова?

Сообщи адрес Корсакова (Дмитрий Николаевич, кажется?), занимавшегося генеалогией.

Сообщи адрес, имя и отчество Соловьева.

По приезде сюда я узнала, что недалеко от нас есть вдова генерала Островская, дающая обеды. Вечером я пошла узнать и условиться. Выходит старая дама, толстая и, когда я называю место жительства, она заявляет: «А мы с вами родственники!»...

— По Адаму? спрашиваю я.

— Нет! Мой дедушка Василий Федорович Данилов—родной брат вашей (двоюродной) бабушки Настасьи Федоровны, урожденной Даниловой...

Изумление.

Обещаю зайти потом для расследования генеалогического древа.—Обеды дает. Вчера и сегодня—довольны.

222. М. В. Новорусскому.

30. XI. 15.

Дорогой Миша. Давно не писала вам! Посылаю с Евгенией вам 3 пузырька с мятн[ым] маслом, кот[орое] я выгнала на крестьянском заводе в селе Кувшинове, Свияжск[ого] у. (в 30 в. от Никифорова). Когда привезли, оно было золотистого красивого цвета. Я сделала очистку двукратной перегонкой в лаборатории комм[ерческого] училища. В колбе осталось смолист. желтое вещество. Первые

[1] Продолжение.

порции перегона, как перв[ого], так и 2-го, пахли дурно, и я их отбросила—это была порядочная порция. И я прочла у Дебу, «Эфирн. масла», что первую часть при получении масла надо всегда бросать. Видимо, эти дурно пахнущие вещества наиболее летучи.

% из мяты моей вышел 1,5, больше, чем у крестьян, и крестьянское масло из совсем черной мяты (они жнут ее и оставляют сушиться на солнце, как сено) даже после 2-кратной перегонки нельзя было улучшить, и я его бросила. Я нарочно купила Кувшиновского ¼ ф., чтоб сравнить. А мое я сравнивала в здешней аптеке Кречмана с германским и мне кажется герм[анское] хуже. Я почти уверена, что там есть прибавка посторонних духов. Кречман взял мое масло по расчету 20 р. кило. Но вышло у меня мало, пустяки, всего на 8 р. 80 к. Феррейну послала ящик и целую бочку сух[ого] листа (по 12 р. пуд), но в обоих вместилищах оказалось при взвеш[ивании] всего 2 п. 8 ф. мяты. Вот как она легка. Я потратила 87 р. на все. Верну руб. 35. В 87 р. входят: покупка корневищ у Иммера (1000 эк. за 35 р.) и у татар Старо-Барышева (18 в. от Никифор.) (5—6 тыс. за 9 р. 50 к. с доставкой), проведение воды 8 р., отправка бочки и ящика, не считая своей подводы до города (25 в.) 8 р., остальное — труд *наемный*. А свой уж ни во что! Я более этим делом не считаю возможн[ым] заниматься. Не будут крестьяне у нас сажать и так сушить, как я сушила. А если поставить завод (300—400 р.), то *своя* плантация не сможет питать его. (Перегонять можно из сырой, но крестьяне не могут поливать, сколько требуется, и им важнее овощи, кот[орые] их питают). Сажают мяту у нас с 26 мая и жнут, когда жнут овес. Аптеки делают мятн[ые] капли так: 1 ч. масла и 10 частей спирта. Масло употр[еблять] кк [как] капли нельзя—жжет. Зеленый цвет зависит от след[ующего]: берут листья сух[ие], обваривают кипятком и бурую жидкость сливают. Если после эт[ого]

налить спирту на эту траву, то получится хлорофиловый спиртовый экстракт. 10 ч. его и 1 ч. мят[ного] масла дадут обыкн[овенные] мятные капли зеленого цвета.

Целую вас и Полиньку.

223. Л. П. Куприяновой.

8. XII. 15.

Нижний.

Дорогая Лиденька. (Твое письмо своевременно получила). Во-первых, извещаю тебя, что Коля был оч[ень] серьезно болен неудержимым кровотечением из сосудов носовой полости (неудержимым вследствие сахарн[ой] болезни, а разрыв сосудов—вследствие склероза). Два месяца оставался из-за болезни в Екатеринославе и был на краю смерти. Теперь поправился и будет жить под угрозой повторения. Сейчас он по пути в Петроград находится у Петра в Москве. А у нас гостила Евгения 8 дней, а потом Ренэ по торговым делам приезжала на 3 дня и тоже останавливалась у нас. Это дает мне идею просить и тебя заглянуть к нам и побыть у нас, когда ты оставишь свои теперешние занятия и будешь ехать в Петроград. У меня есть к тебе великое дело. Не знаю, как ты посмотришь на мое предложение. Видишь ли, Лиденька, здешнее общество распр[остранения] народн[ого] образования находится, по моему мнению, в упадке (если оно, когда-либо в нем не находилось). Его члены (центрального общества), в количестве около 300 чел., только вносят свои членские взносы и более ничем не содействуют его деятельности. Совет и разные комиссии состоят из людей, которые заняты прежде всего хлебным своим делом. Собираются раз в неделю, делают постановления и расходятся до следующего раза. По замыслу размах широк и устав дает много возможностей быть полезными населению, но просто людям «некогда» заняться не своим делом. Между тем общество имеет в губернии 20 *отде-*

лений (филиальных), при чем в Сормовском 250 членов, в других 50, 70; есть и в 20 чел. (по уставу для открытия отделения достаточно и 10 человек); число библиотек общества и отделений равняется 42. При народном доме в Нижнем есть библиотека с 1 тыс. читателей (и 5 тыс. книг!); сам дом занят с момента об'явления войны казармой для слабосильной команды, но библ[иотека]-читальня функционируют, и есть в доме книжный склад, который по идее, должен организовать книжную торговлю по всей губернии. Теперь реальное положение. Библиотеки беспризорны, о их положении никаких известий, кроме печальных; то библиотека на чердаке; то в ящиках заколочена; то бездействует за отсутствием заведующего и т. д. и т. д. Разбирая документы, натыкаешься на ужасающую халатность: на запросы из уездов не дают ответов, просьбы не исполняются; каталогов всех библ[иотек] в центре нет и неизвестно, *какими* книгами их надо пополнять. Сметы ассигновки 15го года по библ[иотекам] еще не исполнены. Это в декабре-то! Склад беден книгами, не функционирует, снабжен односторонне книгами. Кто в комиссии склада—неизвестно; описи его нет, и т. д. Вообще, хаос и в центре и в уездах. Последние, *якобы,* распределены между отдельными членами так наз[ываемой] «уездной» комиссии, которые обязаны (теоретически) посещать свой уезд, знать его, изучать при своих профессиональных поездках положение библиотек и отделений. Практически однако ничего этого не делается и никто ничего не знает.

Я думаю, что общество должно бы иметь своего раз'ездного, которого обязанность заключалась бы в об'езде всех мест, где общ[ество] завело что-либо. Но оно предпочитает действовать в слепую.

Вот я и думаю: что, если бы ты некоторое время провела в нашем городе и можно бы, я думаю, устроить так, что тебе поручили бы об'езд. Расходы на раз'езды у общества

нашлись бы, но специального вознаграждения оно не могло бы дать. Общество бедно и живет субсидиями, которых просит у всевозможных учреждений: у города, у земства, губерн[ского] и уездного, у мин[истерства] народн[ого] просвещения, у мин[истерства] земледелия. Разве что у департамента коннозаводства не просит и у синода!

Так, вот, моя милая, подумай-ка. Не решай сразу. А я думаю, это было бы интересно—об'ехать отделения, обревизовать библиотеки. Многое бы увидала и узнала. Здесь, в губ[ернии] 350 кооперативов; об'единены они в союз. Но, увы, тут дело не чисто. Ходят дурные слухи, начинаются разоблачения о поставке обуви, принятой за взятки, о разных «комиссионных», об угощениях ревизующих и т. д. А контрольный орган гневается и думает, что надо беречь кооперацию и прикрывать грязные домашние делишки. Здесь выходит с 18.XI газета «Нижегород[ская] Мысль»[1], обслуживающая интересы трудящихся в городе и деревне. Вышло 3 №№ (еженедельная), а в Москве «Народная Газета»[2], такого же характера, но ежедневная, с тиражем 20 тыс. В Петрограде выходит «Рабочая Мысль» характера починовцев.

В Самаре—«Рабочая Газета»
В Петрограде «Рабочее Утро» } очень боевые газеты.

В Саратове раб[очая] газета закрыта. Оч[ень] хорошо велась.

Здешнюю я тебе вышлю бандеролью. Целую тебя. Коля пишет, что был у градоначальника и тот разрешил мне приехать к брату в М[оскву] недели на 2. Если так, то 21 мы едем.

---

[1] Инициатива ее издания принадлежала доктору Либину.

[2] Ее издавал с.-р. В. М. Зензинов. В обеих я участвовала только денежным взносом.

224. Н. П. Куприяновой.

11. I. 16.

Дорогая Наташа. Вернувшись из Москвы 7-го утром, нашла твое милое письмо; обрадовало оно меня. Знаешь, в Нижнем я всегда чувствую себя холодной и одинокой. В Москве меня обогрели. По мере углубления от центров внутрь страны к деревне, к крестьянам, ценность моя как будто убывает и, знаешь, это тяжело—жить без поддержки окружающей среды. А в Москве я опять, как за границей, почувствовала все, что может дать человеку сочувственная атмосфера. Даже преувеличенно. Ты, я думаю, знаешь, что я не возношусь и не мню о себе, как о сосуде превосходнейших качеств, даже не люблю всяких преувеличений. Но, ведь, не одни они меня встречали и встретили теперь в Москве. Так приятно быть среди любящих и тянущихся к тебе! А вот теперь я опять из принцессы возвращаюсь замарашкой. Видела я многих людей, прежних знакомых и друзей, не изменивших своего отношения, попрежнему горячо приветствовавших меня. Видела и новых, из которых некоторые очень понравились мне, сердечные и простые. Многие прошли неясными тенями, не разобралась в них. Не говоря уже об удовольствиях: художественном театре и студии; были мы также и в опере. Видела «Травиату» после 35-летнего промежутка и, знаешь, посетила даже «Летучую Мышь», этот безвкусный, скучный балаган, где публика, однако, потешалась всласть. Хотелось посмотреть, что забавляет людей. Ну, и увидала!.. Кроме 2 красивых №№ решительно одна вульгарность, включающая еврейские и армянские анекдоты. На другой день по приезде—первый визит был в Третьяковскую галлерею, которую лет 9 назад я всего однажды посетила. Нервы не выдержали, когда под конец пришла со знакомой к картинам «Боярыня Морозова», «Стрелецкая казнь», а потом Репинский «Иоанн Грозный, убивающий сына».

Но все это, даже наслаждение от «Трех сестер», тургеневского спектакля—все это не дало бы такого удовлетворения, как встречи с любящими друзьями.

Накануне от'езда был почти экспромтом устроенный вечер в частном доме, где я читала. После некоторого колебания я выбрала: «В лесу», «Моя няня» и стихотворение «Вот деревня... вот дом...».

Все остались очень довольны. Выбор был удачный, и хотя все это было напечатано, но оказалось, что многие и не читали, а другие успели совсем забыть.

Моим сиротам я привезла 1976 рублей [1].

Как-раз перед от'ездом в Москву ко мне приезжала одна милая молодая знакомая, с которой я не видалась 4 года[2]. Ей подарили 25 руб., и на эти деньги она подумала лучше всего с'ездить ко мне! (Она живет своим трудом). Я была оч[ень] тронута. С нами она и выехала отсюда и с ней я в Москве и смотрела картины в Трет[ьяковской] галлерее. Я, шутя, указывала всем, многообещавшим приехать еще весной, на эту особу, которая, без посулов, упала ко мне точно с неба. Спасибо ей. Мы славно, дружно провели несколько хороших дней. Здесь теперь, в Нижнем, опять «топь». Общество образования, чем более всматриваюсь, поражено параличем. Работа не делается, все стоит, и не знаю, как можно выйти из этого злополучного состояния.

Местная газета «Нижегор[одская] Мысль» закрыта на № 7 за вредное направление. Также и «Народная Газета» в Москве закрыта на 29 №. И здесь-то уж едва ли скоро что-нибудь наладится опять.

В Самаре и Саратове выходили рабочие газеты, очень хорошо велись, и теперь одна за другой тоже перестали выходить. Раззор. А молва идет, что все организации об-

---

[1] Передала в Шлиссельбургский к-т.

[2] Ал. Тим. Шакол.

щественные, все комитеты, совещания тоже находятся в хаотическом состоянии; будто везде беспорядок и прямая невозможность выбраться на дорогу. Конечно, несмотря ни на что, нельзя складывать руки, в бездействии не научишься работать стройно.

Целую тебя и тетю. Твоя *Верочка.*

225. М. В. Новорусскому.

20. I. 16. Нижний.

Дорогой Миша. Давно не писала. На-днях был у нас Шебалин с женой, которым я в Москве искала места. Он даже ездил туда, но нашел не вполне удобным занимать место напр. до окончания войны, хотя я уверяла, что патрон такой хороший человек, что наверное нашел бы другое амплуа в случае действительного закрытия теперешней должности при аэродроме (на 200 р.). А другое обещали только с сент[ября] на сахарн[ом] заводе. После этого он устремляет взоры на Астрахань, какое-то место по страхованию рабочих на судах.—Верно, вы слышали, что я провела 2 недели в Москве, а на пасху думаю попасть к вам в Петроград, специально обследовать всех вас, товарищей. В М[оскве] видела Панкр[атова]. Он так безапелляционно судит и осуждает Маркса, марксистов, соц[иал]-дем[ократов] Германии, что у меня волосы на голове шевелились. Прямо Юан-Шикай. И слова выговорить никому не дает!

Миша! Я не уверена, что адрес примадонны Ксении и примосиньора Николя—Англ[ийский] просп[ект], 42, кв. 8. Он был дан весной и, может быть, они не оставляли квартиру за собой, уезжая в турнэ. Поэтому письмо к Николаю вкладываю вам, может быть, Поля завезет его им, или пошлите по городской почте. Вероятно, он прочтет его вам, и я не буду повторять описание здешнего общества народ[ного] образования и просьбы поискать лектора или лектрису (спросите его). А еще просьба. Шебалин ск[азал],

что в Подвиж[ном] муз[ее] есть отдел книжного магазина и склад учебных пособий, который дает указания по части каталогов *школьных* библиотек. Так, когда будете там, распорядитесь, пожалуйста, чтоб выслали мне каталог примерный (по 2 экз.) для школьной библиотеки в 50 и в 100 р. для воскресной библиотеки в с. Павлове *Горбат[овского]* у. *Ниж[егородской]* *губ.* Один пусть вышлют прямо г-же Молокиной, заведующей воскресной школой в Павлове, а другой мне—для общества, к сведению. Школа в Павлове—*для взрослых* и денег у них 100 р., но я думаю, лучше дать 2 каталога: на 50 и на 100.

Если даете и по 3 экз., то для нас сюда лучше дайте 2, п. ч. бывают требования. Сообщите—не делает ли склад и самого подбора и высылки книг для эт[их] библ[иотек] и какую скидку делает? Здешнее земство уступает 15%.

Ну, Миша, мне сегодня предстоит много работы, поэтому кончаю. Дружески обнимаю вас и шлю привет Полине.

В. Ф.

Вы ни разу не воспользовались случаем оповестить меня, как идут дела в прежней резиденции [1]??? А ведь обещали года еще 2 назад. Сколько у вас там призреваемых в лазарете?

226. Н. А. Морозову.

21. VI. 16. Воронец, Елец. у.

Дорогой Ник [2]! Твое письмо от 14 я получила только сегодня и статью твою прочла. Ошибки есть и довольно грубые, но их трудно поправить, хотя придется, пожалуй, лучше уж все переписать и послать тебе оба текста. Но мои хозяйки так очарованы тобой и Ксаней, что мы хотели бы залучить вас обоих сюда. Вопрос в каких-нибудь 2—3 днях,

---

[1] В Шлиссельбурге.

[2] Ник—уменьшительное от Николая.

да в деньгах. Но ты у нас богатый помещик, а Ксаня знаменитая артистка, так что это вас не должно останавливать. Только здесь у хозяев вышло горе: их сестра в Ельце заболела и они ухаживают по очереди за ней. Я боюсь, что приезд все же осложнит их, если они будут в сильном огорчении за больную. Ее состояние выяснится на днях и мы с Марьей Ник[олаевной] решили так: написать вам приглашение, чтобы вы вырешили дело в принципе, и если мы телеграфируем тебе в Москву «приезжайте», значит, сестра поправляется и можно смело ехать, а если телеграммы не будет у Веры Дм[итриевны] для тебя, то ехать не надо. О[чень] хорошо бы повидаться, пока недалеко.—Бабочка [1], крестница Ксани умерла, не родившись—акушерка (Ксаня) так видно трясла роженицу, что роды вовсе не состоялись. Вот ей наука: «беда коль сапоги начнет точать пирожник». Акушерку будут преследовать судом. Тебе писать буду еще в Москву. Целую вас обоих.

227. М. В. Новорусскому.

21. VI, 16. Воронец.

Дорогой Миша. Я оч[ень] огорчена таким оборотом дела, неопределенностью, а еще огорчена и встревожена припадком боли. Вы много работаете, много ходите, а это, как раз, воспрещается даже при отдаленных припадках аппендицита. Кроме того советую обратить внимание на печень. Пусть врач при случае ощупает ее, п[отому] ч[то] такие острые боли всего чаще бывают при желчных камнях, а ло-

[1] Бабочка японского шелкопряда, которую я дала К. Морозовой в коконе, получив некоторое количество их от М. М. Зензинова. Японский шелкопряд питается дубовыми листьями и Зензинов предполагал возможность разведения шелковичного червя везде, где растет дуб.

кализация, указываемая вами, еще не устраняет возможности происхождения не от червеобраз[ного] отростка. Сегодня получила письмо от Морозова и Ксении, они еще в Верейск[ом] у. К 25-му думают быть в Москве, а оттуда в свой Борок. Быть может, заедут и сюда. Я познакомила их с моими милыми хозяйками [1] и обе стороны остались др[уг] другом очень довольны. А я провожу время всего более в чтении, кот[орого] у нас достаточно и дома, и берем еще в Толстовск[ой] биб[лиотеке] в Ельце. Сегодня читала—ну что бы вы думали?—«Мертвые души»... Захотелось перечитать. И вот же память! До какой степени все ярко помнится. Вернее, впрочем, все так выпукло у Гоголя—что забыть невозможно! Чувствую себя в долгу у Миролюбова, начала небольшую вещицу для его «Ежемесячного журнала» и, если буду довольна ею, то отошлю. Но что-то скверно пишу. Улов насекомых у Соф[ьи] Ник[олаевны] довольно слаб, за то она набрала много гнезд и выдула много яиц. Пчелы у нее сошли с ума—роятся неистово, по 2 роя в день. У нее 10 ул. Дадана и столько же колодных. Я раза 3, одевшись чучелой, ходила с ней на работы и составила себе понятие о пчелином деле.

Написала эту открытку и вдруг меня озарило. По поводу сенатского обращения к мин[истру] вн[утренних] дел [2] я написала сегодня в редакцию «Права» письмо, но не знаю адреса (где-то на Владимирской). Озарило меня вложить в конверт эту открытку и письмо для редакции в 1 конверт к вам, просить вас опустить, поставив адрес. Справиться вам легко по книге «Весь Петроград» или инде. Целую вас, будьте здоровы и все же не оставляйте плана повидаться. Письмо в ред[акцию]—прочтите. Мне пишут, что Антонов в Одессе и что он нуждается.

---

[1] Сестрами Володиными, С. Н. и М. Н.

[2] Должно быть насчет приписки к какому-нибудь сословию.

228. М. В. Новорусскому.

8. VII. 16. Воронец.

Миша. Вы негодный—нас манили и всех надули. Между тем младшая барышня Мар[ия] Ник[олаевна] без ума от ваших писем и я обещала ей, что сообщу вам о том, что здесь у вас завелась поклонница.

Миша! Получили ли вы мое письмо, в кот[ором] было письмо в редакцию «Права», адрес кот[орого] я не знала. Успокойте, что да, и что вы его отправили. У меня просьба к вам: мне необходим учебник: самоучитель английского языка Робертсона. Не можете ли достать его у букиниста или в книж[ом] магаз[ине]. Он не дорог—коп. 80. Мне хотелось бы его иметь для Соф[ьи] Ник[олаевны], кот[орой] я даю уроки англ[ийского] яз[ыка]. Этот учебник мне нравится, я училась по нему. Олендорф мне не нравится. Я думаю, можно по телефону спросить в каком нибудь магазине. Быть может Поля мимоходом может сделать это.—Больше писать сегодня не хочется. Привет Поле. Целую вас. Довольны ли вы поездкой в Оренбург? Миша—в женск[ом] Кал[ендаре] Ариан за какой год моя статья «Женское движ[ение] в Англию»???

229. М. В. Новорусскому.

19. VII. 16. Воронец.

Дорогой Миша! Вы всегда желанный гость здесь. Приезжайте, когда можете. Только нельзя ли выкроить времени побольше: ехать так далеко—и пробыть всего три дня? Вы умеете соединять приятное с полезным, вот и устроили бы что нибудь. Приехали бы с литературной работой и пожили бы. Ну, да, делайте, как возможно. Я не хотела бы только, чтоб одновременно с вами приехала Вера Дм[итриевна] с Александрой Ивановной. Как истинная лакомка, я хотела бы есть сласти понемногу, а не иметь их все сразу. Они еще не приезжали, несмотря на обещания с одной стороны

и понуждения с другой. Но все же я думаю, что они побывают раньше 2—3 августа, когда собираетесь вы.

Спасибо за под'ятые труды. Нурок, кажется, подходящий учебник. Вы и другие, помнится, учились по нему. Поэтому приобретите его и привезите с собой. К вашему приезду я приготовлю не тельца, а курочку. Можно бы уточку, но ласка на днях утащила сначала 4 утенка, а потом целых 21! Это мне показалось даже невероятным — 21 в одну ночь. Но подняли одну половицу, руководясь небольшим пятном крови и небольшой дырочкой в медную 2-копеечную монету в стене. Нашли 4 истерзанные шкурки.

Велико было волненье птичницы, которая плакала весь день, и хозяек, потерпевших такой крах в период мясного голода.

А мы, надо сказать, живем исключительно на вегетарианском режиме. Но кухарка—прекрасная, хозяйка,— младшая барышня, Марья Николаевна, постоянно советуется с Малаховец и не жалеет провизии. В результате— все великолепно.

Вчера «Рус[ские] Вед[омости]» принесли известие, что Антонов умер. Совесть меня упрекает, что я не успела написать ему хотя бы несколько строк. Вот уже лет 5, как я не переписываюсь с ним, и совершенно не осведомлена, как он жил, какие настроеения были у него и чем кончилось его предприятие в размерах, явно превосходивших его практические навыки.

Целую и обнимаю вас, а также Полю.

Только вчера же я получила открытку из Петрограда с адресом: Одесса. Высшие женские курсы. Г-же Антоновой. И что это за неопределенный адрес! Прибавлено: *кажется* ее зовут Марией!

В.

230. М. В. Новорусскому.

23. VIII. 16.

Холод смертный, милый Миша. Ветер так и рвет, и рука коченеет. Вчера я с Мар[ьей] Ник[олаевной] сделала громадную прогулку: два раза через реку проходили по камням, едва найдя место для переправы; три раза нас мочил дождь и небо было похоже на западе на громадное тусклое зарево; возвращались в гору, глинистая почва размокла, раза три останавливались, поливаемые дождем. Когда вернулись, Соф[ья] Ник[олаевна] задала нам гонку, а я, переодевшись, как легла (было 7¼), так и заснула до следующих 7 ч. Последствий не обнаруживается—стало быть, я здорова.

Вашу открытку и список насекомых мы получили. Соня благодарит и обе сестры вам кланяются. Они были в полном восторге от встречи с вами и теперь мы часто вас вспоминаем, сожалея лишь о краткости посещения. Привезенная вами хорошая погода побаловала нас недолго, и было много дождя и даже бурный ливень за последние дни. Из новостей замечательно рождение 9 щенят у собаки Затейки. Теперь она уж их кусает, если они хотят попить молочка, бегают уже по двору, самой разнообразной масти: белые, черные в белых перчатках и носках, бланжевые и волкообразные—доказывая, что мать придерживалась полиандрии. Сегодня я очень забавлялась играя с ними, и любуясь их братскими свалками между собой.

Целую вас и Полю. Привет хозяину «Лесного»[1].

(Воронец).

231. Н. А. Морозову.

23. VIII. 16. Воронец, Елец. у.

Дорогой Ник! Твою книжку об уничтожении дороговизны я получила, но боюсь и приступить к ней, п. ч., как

[1] А. Ф. Волкову, имевшему домик в Лесном (муж сестры нашего Поливанова).

астро-физика, тебя не очень должна занимать дороговизна, относящаяся больше к Ксении и ее подчиненной, и я боюсь, что не соглашусь с тобой, как не могла согласиться с тем, что войны, истребляя храбрых и сохраняя робких, способствуют усилению пасифизма. Напиши-ка нам, как ты и Ксаня провели эти месяцы, и когда будете вы в Москве. Мы останемся здесь до октября, а потом мне придется с'ездить в Нижний, где я оставила все зимнее платье. До этого или после этого я могу пробыть 3 недели в Москве и оч[ень] хотела бы тогда увидаться с вами обоими. Теперь в Москву переехала и Анна Павловна Корба, кот[орую] я люблю.— Я два первые месяца чувст[вовала] себя нехорошо, но лечение иодом меня поправило и с 1 авг[уста]—я по прежнему. Приезжал на 3 дня Мих[аил] Вас[ильевич] и все мы были чрезвычайно рады ему. Барышни очарованы им, как и тобой. Трогательно это отношениее ко всем нам. За это время я написала 8 небольших глав и еще надеюсь написать 3. Только не ко времени это и верно будет лежать. Кое-что удалось. Рада была бы познакомить тебя с моим писанием, но все мы живем врозь и не выходит настоящего общения и взаимопомощи. Крепко целую тебя и Ксению. Барышни оч[ень] кланяются. Напиши же, просим тебя и Ксению.

Твоя *В.*

232. М. В. Новорусскому.

12. IX. 16. Воронец.

Милый Миша! Жена Антонова, кот[орой] я написала на женские курсы в Одессе, мне не ответила. А я вспомнила, что Антонов застраховал свою жизнь в том обществе страх[ования] жизни, в кот[ором] имел какой-то интерес Стародв[орский]. Было бы важно узнать, платил ли он страховку и будет ли премия: она обеспечила бы его сына. Очень важно узнать это. И я думаю, вы это сможете и сумеете

сделать через кого-нибудь. И еще хорошо бы, чтоб Поля написала ей. Неужели нет никакого другого адреса. Я думаю, она уехала из Одессы.

Весь наш дом заинтересован вашими проектами о свидании 5 сентября и вообще какими-то оптимистическими планами насчет меня. Мы живем и чувствуем себя попрежнему. Только погода бывает порою удручающая, но последние дни прекрасные—солнце, тепло и воздух чудный. У меня 9 глав уже в 2-х экземплярах, и еще есть 3 черновика, кое-как написанные. Все вам кланяются, а я целую. Всего хорошего! Я вам писала, что до октября мы здесь останемся. А там я с'езжу в Нижний.

233. М. В. Новорусскому.

21. IX. [9] 16. [Воронец].

Милый Миша! Письмо ваше получила: стихи произвели фурор, и Марья Ник[олаевна] тотчас же переписала их. Барышни удивляются, что такой поэт нигде не печатается! Относительно неопределенности—надо было ожидать этого. После 5-го, бывает 10-е, потом 20-е и т. д. Извещать вас я во всяком случае буду о своих переездах. А три недели в Москве я думаю пребывать у Веры Дм[итриевны], кот[орой] и можно писать. После 1-го поеду в Нижний за зимним платьем, как уже писала вам, а в Москву уже потом. У нас погода стоит холодная: 20-го выпал снег. Я оч[ень] люблю первый снег и так радостно было проснуться и дивиться белизне и свету. Еще и 21 лежит кое-где снег, в тенистых местах. Но Соня в отчаяньи и ворчала: ее уж сильно тянет в лабораторию.

У нас тишина прежняя, только природа имеет жалкий вид; лишь изредка красный денек выпадает. Именины мы справили роскошно: жаль, что вас или других друзей не было. Мы, три, ели, пили, тосты возглашали. Соню я поздравила во время. Завтра перепишу последнюю главу здесь, и

зашабашу на неопред[еленное] время. Не умею писать на людях, а теперь голубая комната и терраса необитаемы.

В.

Обнимаю вас и Полю.

Соня каждый день кричит: «В Москву, в Москву!» как кричали «Три сестры» Чехова. Обе—вам кланяются.

234. М. В. Новорусскому.

1. X. 16.

Дорогой Миша. Я прозевала послать во-время вам маленькое поздравленье. Софья Ник[олаевна] за это упрекала меня жестоко, выставляя, что вы никогда не пропускаете моих высокоторжественных именин. А мы справлялись по календарю, п. ч. я не помнила точно, когда в крепости был ваш день. Мы до сих пор еще не выехали, как видите. Это будет, д[олжно] б[ыть] 6-го. Марья Ник[олаевна] заболела чем-то в роде инфлюэнцы неделю тому назад. Теперь перестала кашлять, но мы ее еще не пускаем на воздух, п. ч. откладывать от'езд оч[ень] не желаем. Соф[ье] Ник[олаевне] до-нельзя наскучило без зоологич[еской] препаровочной, и она только и говорит об аксолотлях, личинках лягушки, цилиндрах, красках. И иногда выходит пресмешно; п. ч. среди заказов кушанья вдруг вырывается после форшмака: хорошо в маленький цилиндрик положить нервную систему лягушки...

Погода здесь отвратительная. Лес шумит день и ночь от неистового ветра, дождь каждый день льет из ведра и т. д., так что и выходить не хочется. Листья все пожелтели, частью унесены ветром. Молотьба хлебов кончена, только картошка, по случаю дождей, не вся выкопана, а пашню под яровое и не начинали. Лид[ия] Ник[олаевна] сообщает о своем Никифорове гораздо менее утешительные вести. А мяту она проклинает не меньше, чем кляла ее я, и на будущий год отказывается ею заниматься. Она продала лист

по 16 р. пуд и за вычетом обработки остается 16 р., не считая своего труда, земли и обзаведения. А хлопот и возни с сушкой видимо-невидимо.

Из газет я с горестью увидала, что Вас[илий] Ив[анович] Семевский умер; послала мал[енькую] записку Елиз[авете] Ник[олаевне] [1] с выражением сочувствия. Вчера Вера Дм[итриевна] пишет, что Лопатин спрашивает о моем согласии на подпись под сочувственным заявлением (или признательностью) по поводу его забот о наших товарищах. Конечно, я согласна, можно ли сомневаться в этом? Пожалуйста, телефонируйте Лоп[атину], а я его адреса не знаю, забыла улицу.

Из Москвы сюда идут тревожные вести о невозможности найти провизию и невероятных ценах. Все спрашивают, как можно будет жить дальше? Может быть, поэтому я уже 2 дня ремонтирую свой костюм, прибегая ко всевозможным портновским ухищрениям, и с горестью смотрю на все свои платья, сшитые узкими, что уже оставлено модою.

Если увидите Луку, то передайте ему мой привет и что я помню его; часто вспоминаю, а если не пишу, то потому, что мало материала для писем.

Обнимаю вас. Будьте здоровы и Поля тоже. Барышни кланяются. Приехал ли Николай? На похоронах Вас[илия] Ив[ановича] его не было. Отсюда, вероятно, я уже не буду писать. А вы пишите, соображаясь с 6-м окт[ября], Вере Дм[итриевне].—В Нижнем я не задержусь.

В.

[Воронеж].

235. М. В. Новорусскому.

19. X. 16.

Дорогой Миша! Вот я и в Москве. В Нижний с'ездила, и теперь осела на предполагаемые 3 недели. Со мной вот что произошло. В Нижнем я виделась с Килевейном (бывший

[1] Водовозовой, жене В. И.

депутат). Он друг и брат Протопопова, и я просила его переговорить с Прот[опоповым] и дала прошение о снятии с меня административного ограничения в местожительстве. Килевейн знаком и с Сажиными, и я напишу им, чтоб они осведомлялись; а мне он обещал сообщить не ранее 27 ок. о результате. Будет говорить и с тов[арищем] министра — Бальцем, с кот[орым] хорош. А из Харькова еще ничего не имею, кроме обещания искать комнату и что цены высокие. Если они 60—80 р. за комнату, то нечего и ехать туда: больше 100 р. в месяц я тратить не могу.

Теперь черед за вами: сколько сроков уже прошло— обещания-то трудно исполнять в известных делах. Не знаю, и Кил[евейн] сделает ли что в смысле успеха.

А мне уж надоело бездомовье и все более и более путаешься в планах и предположениях.

Сказка о трех дорогах: по одной—людей нет, по другой—комнаты не найдешь; по третьей... что по 3-ей—неизвестно.

Целую вас и Полю. *Верочка.*

Брат Коля хотел быть здесь скоро и в Петрограде, конечно.

Я уже побывала на концерте Кусевицкого и слышала скрипку Пресса. Уже года 3 не слых[ала] музыки, и, странно, особенного впечатления не вынесла. А ангину получила и сегодня чувствую себя нездоровой. Как-раз горло-то мне теперь и нужно, когда можно повидать людей, а то в деревне я уже тяготилась слишком большим уединением.

Всего хорошего!

Перья и чернила у Веры Дм[итриевны] из рук вон плохи.

236. М. В. Новорусскому.

14. XI. 16.

Дорогой Миша. Нахожусь в Харькове в самом удрученном состоянии. Заехала, надеясь, что местные люди встре-

тят, как друга, и устроят, и помогут ориентироваться, и не нахожу решительно ничего; не имею комнаты и тщетно ищу вот уже несколько дней, и перспектив почти никаких. Есть в 70 р., но я считаю неудобным в такие итти.—Килевейн не мог добиться свиданья с Протоп[оповым] и должен был передать прошение Бальцу. О ходе эт[ого] дела вы всего лучше можете узнать у Мих[аила] Петр[овича].

Если захотите написать, то так:

Старо-Московская, д. 63, кв. 21. Людмиле Михайловне Городенской (внутри обращение ко мне или для В. Н.). Здесь грязь, довольно холодно, а внутренно крайне неуютно. Но я не знаю, где кроме Москвы я могла бы найти подходящие условия. В Яросл[авле] такая глухость и ни одного знакомого; в Нижнем—все исчерпано и тоже приюта не найдешь. В Казань—оч[ень] неохота. Была в Москве, где баловали, и попала в такой контраст, что просто «ох»! Привет Поле.

Обнимаю вас. *В.*

[Харьков].

237. М. В. Новорусскому.

3. XII. 16. [Москва].

Дорогой Миша. Сегодня вечером еду в Петроград из Москвы и в воскр. буду у брата. Быть может, на радостях и вы с супругой приедете. Чтоб меня не исчерпали до вас, надо не очень поздно, но не знаю, удастся ли собрать сестер и сразу рассказать мои приключения (что было бы очень желательно). Не знаю, есть ли у вас телефон? Вы лучше сами спросите по телеф[ону] брата, к какому часу будут сестры. После 12—1 час[а] я и сама вам отвечу, поезд мой кисловодский.

Обнимаю. *В.*

238. Н. П. и Е. В. Куприяновым.

11. XII. 16. [Москва].

Дорогая Наташа и дорогая тетя Лиза! Вы имеете полное право быть недовольными, что я так долго не писала вам. Но из Москвы я поехала в Харьков, не имея там друзей и лишь одного знакомого, и там 10 дней была в нерешительности, что мне делать. Многие обещали искать мне комнату, я сама дня 4 ходила в поисках с лестницы на лестницу, но можно было притти в отчаяние: были хорошие за 75 р. в месяц и отвратительные, прямо некультурные—за 40. В одном месте дала задаток и пришлось потерять его; в другом—взяла, но без тюфяка на кровати, без самовара, с хозяйской кухней, кот[орую] топили 1 раз в неделю, и где хозяйка через 2 дня прогнала прислугу, и где на меня в первую же ночь напало 150 клопов. К счастью, они все пришли зараз после голодухи поесть, попить на моем теле и были все арестованы, потоплены, сожжены, и потом уже жалкие единицы изловлены на стенах. Была и без обеда, потому что купила судки, но некого было уж посылать. Словом, натерпелась.

И это было уже на 11-й день, а то я накануне предполагала уезжать. Но куда?? в Ярославль? В Нижний? В Казань? Подумайте, тетя! В Казань даже думала ехать!!! Не поехала и попала в клоповник. Как вдруг—телеграмма от Коли, чтоб я ехала в Петроград! Но приехал в Харьков читать лекции Морозов, и я повременила, чтоб его послушать С этих дней повалило счастье, так меня везде принимали и приветствовали, прямо словом не сказать, пером не описать. Поэтому целую обеих и обнимаю. Наташа! Пошли отчеты общ[ества] нар[одных] ун[иверситетов]: Харьков, Ветеринарная, 26. Х[арьковское] о[бщество] грамотности. Они должны выслать тебе свои. Интересно.

[Петроград].

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

Абрамов, Як. Вас., публицист.—97, 152—153.

Авдеева, Екат. Алекс., автор поваренной книги.—58.

Автоном Яковлевич, бывш. крепостной.—71.

Азеф, Евно Фишел. (Евг. Филип.), провокатор.—486—487, 508, 532, 538, 561.

Аитов, Давид Ал-др., народник, эмигрант.—560, 587, 614—615.

Алейникова, знакомая В. Н. Фигнер.—533.

Александрова, Варв. Ив. (в замуж. **Натансон**).—75, 157, 612, 616.

Алексей Михайлович, царь.—54, 93.

Алексинский, Григ. Алекс., с.-д., член 2-й Госуд. думы, эмигрант, позже контр-революционер.—616.

Алчевская, Христина Данил., деятельн. по народн. образов.—224.

Амфитеатров, Ал-др Валентин., писатель, эмигрант.—564.

Андреев, Леонид Ник., писатель.—418, 477.

Аникин, Степ. Вас., член 1-й Госуд. думы, трудовик.—542.

Анна, кормилица В. Н.—163.

Анненский, Ник. Федор., публицист.—309.

Аннушка, стряпуха.—364.

Антоний, митрополит петербургский.—273, 282, 434, 576.

Антонов, Петр Леонтьевич, народов., шлиссельб., ос. в 1887 г. по «проц. 21-го».—316, 359, 401, 406, 409—410, 417, 430, 443, 445, 447, 449—450, 457, 476, 529, 536—538, 567, 646, 648, 650.

Антонова, крестьянка.—366.

Антонова, Зинаида, жена П. Л. Антонова.—410, 417, 420, 448, 450, 648.

Аптекман, Доротея, цюрихск. студентка.—175.

Араго, Доминик-Франсуа, франц. физик.—28.

Ариан, Праск. Ник., издательн. «Женск. календаря».—446, 460, 471, 514, 519, 647.

Армфельд, Нат. Ал-др. (в замуж. Комова), чайковка, член группы южных бунтарей, карийка, ос. в 1879 г. по проц. «киевских террористов».—157.

Атилла, гуннский вождь V в.

Ауэрбах, Бертольд, немецк. романист.—124.

Ауэрсвальд, ботаник.—324.

Ашенбреннер, Мих. Юльевич, член воен. организ. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—9, 269, 275, 280, 303, 308—309, 316, 318, 359, 370, 539, 547, 579.

Б.

Бабакин, завед. музеем.—629.
Бажанова, Алекс. Федор. (урожд. Данилова), родствен. В. Н. Фигнер.—592.
Бажанова, Елиз. Вас., родствен. В. Н. Фигнер.—149, 208, 592.
Базаров, ботаник.—629.
Базилевский—см. Богучарский.
Бакай, Мих. Ефим., сотрудн. охран. отдел.—508.
Бакунин, Мих. Ал-др., революц.-анархист, эмигрант.—569.
Балавенская, Елиз. Павл., жена С. А. Балавенского.—300, 452, 499.
Балавинская, М. А., харьк. знакомая В. Н. Фигнер.—413.
Балавенская, Зося.—300.
Балавенские, супруги.—285, 499.
Балавенский, Сергей Ал-др., прис. повер., админ.-ссыльный.—285, 300, 325, 499.
Балмашов, Степ. Валерьян., с.-р., казн. в 1902 г. за убийство министра Сипягина.—578, 600.
Бальзак, Онорэ, франц. романист.—361.
Бальц, Владим. Ал-др., тов. мин. внутр. дел.—654—655.
Барбаросса, Фридрих, герм. король.—70.
Бардина, Софья Иллар., народн., ос. в 1877 г. по «проц. 50».—53, 64, 174—175.
Барроу, м-сс.—509.
Бах, Алекс. Ал-дровна, врач.—549.
Бах, Алексей Ник., народов., эмигрант, химик.—542—543.
Бах, Иоганн, немецк. композитор.—576.
Бахарев, завед. музеем.—629.
Башкирцева, Марья Конст., художница.—443.
Бебель, Август, немецк. социалист.—370.
Бебутов, князь, коллекционер по по революц. движению.—534.
Бёклин, Арнольд, немецк. художник.—436.
Белинский, Вис. Григ., критик.—115—116, 234.
Беляев, Ив. Дм., историк.—49, 66, 94.
Бернар, Сарра, франц. артистка.—432.
Берне, Людвиг, немецк. писатель.—32, 39, 49, 90.
Бибергаль, Ал-др Ник., кариец, ос. в 1877 г. по делу «казанской демонстрации».—358.
Бибергаль, Ек. Ал-др., с.-р., политич. каторж.—285, 560.
Бибик, Алексей Павл., писатель-рабочий.—332.
Биценко, с.-р., муж политкаторжанки А. А. Биценко.—560.
Бичер-Стоу, Герриет, америк. писательница.—236.
Блан, Луи, франц. социалист, историк.—54, 98—99, 110, 114, 177.
Богданович, Юрий Ник., чайковец, землев., член Исп. Ком. «Н.В.», шлиссельб., ос. в 1883 г. по «проц. 17-ти».—90.
Богучарский (Яковлев), Вас. Як., историк революц. движения.—550, 566, 576.
Бокль, Генри-Томас, англ. историк.—99.
Больц, состав. учебника итальян. языка.—59, 82.
Борейшо, Ант. Степ., народов., ос. в 1883 г. по «проц. 17-ти».—405—407.
Босяцкая, Вера Кесар., знакомая В. Н. Фигнер.—387, 413, 427.
Бравина, Анна Ив., классная дама в Казанск. институте.—521, 530.
Брем, Альфред-Эдмунд, немецк. естествоиспытатель.—239.
Брет-Гарт, Френсис, америк. писатель.—304.
Брешко - Брешковская, Екат. Конст., народн., карийка, ос. в 1878 г. по «проц. 193-х», с.-р.—472, 526, 588.
Бронте, Шарлотта, англ. романистка.—236.

Бронштейн, Евг., подруга В. Стахевич.—479.
Брукер-де, бельг. социалист.—526
Брупбахер, д-р, швейц. анархист.—543.
Брэйльсфорд, англ. журналист.—521.
Брюкке, физиолог.—121.
Брюховецкий, Ив., украинск. гетман.—93.
Буланов, Анат. Петр., черноперед., член группы офицеров-моряков, админ. сослан.—382.
Булыгин, Ал-др Григ., мин. внутр. дел.—325.
Бурцев, Влад. Льв., эмигрант, писатель, изд. журнала «Былое».—382, 461, 488, 508, 511, 561.
Буцинский, Дм. Тимоф., революц., кариец, шлиссельб., ос. в 1880 г. по киевскому «проц. 21-го».—415
Буш, писатель.—287.
Бызов, Кир Михеевич, солдат-равелинец, сосл. по делу о сношениях с Нечаевым.—354—356.
Бюиссон, Эдуард-Фердинанд, франц. педагог и депутат.—480.
Бюнтинг, Ник. Георг., архангельский, потом тверской губерн.—270.

В.

В. В. (Воронцов), Вас. Павл., публицист-народник.—96—97, 118, 152—153.
Вагнер, дочь Н. Н. Дзвонкевича.—406.
Валентинов, псевд. Г. В. Плеханова в «Отеч. Зап.».—153.
Ваня, мальчик в Нёноксе.—300, 330.
Варлих, ботаник.—629.
Василий, кучер.—390.
Васильчиков, Ал-др Иллар., князь, публицист.—20, 94—95, 97, 113, 143.
Верморель, Огюст-Жан-Мари, франц. публицист, коммунар 1871 г.—66, 99, 156.
Верхарн, Эмиль, бельг. писатель.—504.
Верхотуров, Ник. Ив., художник.—563, 568, 571.
Ветринский (Чешихин), Вас. Евгр., историк литературы.—412.
Видмер, содерж. санатория.—424.
Вильгельм Оранский, англ. король.—79, 156.
Вильмс, врач Петропавловской крепости.—70.
Витте, Сергей Юльевич, мин. финан., председ. совета министров.—357, 371, 454.
Виттенберг, Солом. Як., член группы южных бунтарей, казн. в 1879 г. по одесск. «проц. 28-и».—450.
Вирт, Макс, немецк. экономист.—20.
Владимир Андреевич, управл. имением.—394, 397.
Водовозова, Вера Петр., издательн.—385—386, 400.
Водовозова (в замуж. **Семевская**), Елиз. Ник., писательница.—653.
Волкенштейн, Людм. Ал-др., народов., шлиссельб., ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—271, 274, 302, 312, 385, 402, 438, 466, 508, 557.
Волков, петровский город. голова Саратовской губ.—196.
Волков, А. Ф., родствен. П. С. Поливанова.—649.
Володина, Марья Ник., знакомая, В. Н. Фигнер.—645—649, 651—652.
Володина, Софья Ник., знакомая В. Н. Фигнер.—606, 646—647, 649, 651—652.
Волховский, Феликс Вадим., нечаевец, чайковец, ос. в 1878 г. по «проц. 193-х», эмигрант, с.-р.—499, 563, 568, 572, 575.
Вольф, швейцарка.—544.
Вольф, Мавр. Осип., издатель.—110, 225.
Выговский, Ив., украинск. гетман.—93.

Г.

Габорио, Эмиль, франц. романист.—176.

Гавронская, Роза Исидор., врач.—610.

Гавронский, Дм., с.-р.—407.

Гайдебуров, Павел Ал-др., публицист, ред. «Недели».—122.

Гайндман, Генри-Мейерс, англ. соц.-дем.—511.

Галлам, Генри, англ. историк.—147.

Гамсун, Кнут, норвежск. писатель.—460.

Гапон, Георгий Апол., священник, участник революц. движения, эмигрант, предатель.—569.

Гаранин, Петр, крестьянин.—196.

Гардер, Ольга Мих., учительн.—405.

Гарибальди, Джузеппе, деятель итальянск. освобождения.—35.

Гарин (Михайловский), Ник. Георг., писатель.—364.

Гарнет, переводчица Тургенева на англ. язык.—516, 520.

Гейне, Генрих, немецк. поэт.—32, 39, 55, 154.

Геккер, Алекс. Владим., жена Н. Л. Геккера.—405.

Геккер, Наум Леонтьевич, черноперед., кариец, ос. в Одессе в 1882 г.—4 5—406.

Гервинус, Ге рг-Готфрид, немецк. историк.—30, 99, 109, 180.

Герцен, Наталья Ал-др., дочь А. И. Герцена.—546—547.

Гершуни, Григ. Андр., с.-р., член «боевой организ.», шлиссельб., ос. в 1904 г.—464, 466.

Гёте, Иоганн-Вольфганг, немецк. писатель.—32, 60—62.

Гильом, Джемс, швейц. анархист, деятель Интернационала.—174.

Гоголь, Ник. Вас., писатель.—298, 646.

Гогэн, Поль, франц. художник.—633.

Головачев, Алексей Адриан., публицист.—20, 94, 98.

Головин, Федор Ал-др., обществ. деятель, председ. 2-й Госуд. думы.—374.

Головня, суд. следов. по важн. делам.—374.

Головня, Алекс. Хрисанф., жена предыдущего.—629.

Головня, Елиз. Христоф. (урожд. Куприянова), тетка В. Н. Фигнер.—52, 150, 159, 164, 188, 191, 224, 242, 270, 347—348, 368, 374, 385, 393, 443, 595, 605.

Головня, Мечислав Фелициан., муж Е. Х. Головни.—52, 76, 106, 242, 248, 597.

Головня, Юрий Мечислав., сын предыдущего.—150, 230, 372, 388—389.

Головни.—188, 191, 290.

Гольдсмит, Марья Исидор., биолог.—485, 525, 527, 540, 574—575.

Гольдсмит, Софья Ив., парижск. знакомая В. Н. Фигнер.—485, 571.

Гольштейн, Мих. Юльевич, приват-доцент, химик, ссыльный в Архангельске.—470.

Гончаров, Ив. Ал-др., писатель.—164, 234, 261.

Горемыкин, зем. деятель Тетюшского уезда.—65.

Горнфельд, Арк. Георг., критик.—461.

Городенская, Людм. Мих., знакомая В. Н. Фигнер.—655.

Горшенев, крестьянин.—196.

Горький, Максим (**Пешков**, Алексей Максим.), писатель.—380, 418, 568.

Гоц, Вера Самойл., с.-р., каторж., эмигрантка, жена М. Р. Гоца.—462, 612, 614.

Гоц, Мих. Рафаил., народов., член ЦК партии с.-р., каторж., эмигрант.—462.

Гофман, музыкант.—432.

Гофман, Теодор-Амедей, немецк. писатель.—527.

Груша, девушка в Нёноксе.—298, 300, 326, 328, 330, 332, 335—336.

Грачевский, Мих. Федор., член Исп. Ком. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1883 г. по «проц. 17-ти».—444.
Грееф-де, Г., социолог, ректор универс. в Брюсселе.—525—526.
Григорьев, М. Г., служ. в пароходстве в Нижнем.—355.
Гутенберг, Иоганн, изобрет. книгопечат.—518.
Гхиквишвили, каторж. в Николаевской тюрьме.—537.
Гюго, Виктор, франц. писатель.—34.

Д.

Давыдов, завед. рус. зоологич. станцией в Villefranche.—430.
Данилов, Викт. Ал-др., подсуд. по «проц. 193-х», кариец, ос. в 1882 г. в Харькове.—592.
Данилов, Вас. Федор.—636.
Даниловы, родствен. В. Н. Фигнер.—529, 592.
Дантон, Жорж, деятель Великой Франц. Революции.—178.
Даркшевич, казанский врач-психиатр.—416.
Дебу, химик.—629, 637.
Девягла, женщина-фармацевт.—205.
Дегаев, Сергей Петр., член воен. орган. «Н. В.», предатель и провокатор.—386, 471, 487.
Ван-Дейк, Антоний, фламанд. живописец.—518.
Делор, Таксиль, франц. публицист и историк.—99.
Деляж, франц. биолог.—525, 540.
Демулен, Камилл, деятель Великой Франц. Революции.—178.
Денис, крестьянин.—269.
Despard, англ. деятельн. женского движения.—506.
Джабадари, Ив. Спирид., революц., кариец, ос. в 1877 г. по «проц. 50-ти».—465.
Джордж, Генри, америк. экономист.—151—152.
Дзвонкевич, Ник. Ник., народов., кариец, ос. в Одессе в 1883 г.—406—407.
Дивильковский, админ.-ссыльный в Архангельске.—354—355.
Диккенс, Чарльз, англ. романист.—40, 124, 173, 220.
Диоген, греч. философ.—126.
Дионео (Шкловский), Исаак Владим., публицист.—501, 505.
Дитятин, Ив. Ив., профессор-юрист.—98.
Дмитриевский, врач. в Казанск. институте.—70.
Дмоховская, Адель Адольф., сестра Л. А. Дмоховского.—277.
Дмоховская (в замуж. **Тихоцкая**), Софья Адольф., сестра Л. А. Дмоховского.—277.
Дмоховские.—277.
Добровольская, швейцарск. знакомая В. Н. Фигнер.—473.
Добролюбов, Ник. Ал-др., критик.—115—116, 234.
Додэ, Альфонс, франц. писат.—40.
Додэ, Эрнест, франц. историк.—180.
Долгова, Ек. Ив., знакомая В. Н. Фигнер.—50, 63, 224, 270.
Домбровский, зубной врач в Казани.—379.
Дондукова-Корсакова, Мар. Мих., княжна.—267, 270, 276, 279, 282, 289, 297, 316, 318, 323, 325, 333—334, 347, 349, 351, 363, 417, 434, 450, 472, 505, 507, 570, 576.
Достоевский, Фед. Мих., писатель.—91.
Дункан, Айседора, танцовщица.—461.
Дуняша, крепостная.—603.
Дурново, Петр Ник., мин. внутр. дел.—387, 390, 451, 454.
Дюма, Александр, франц. романист.—217.

Е.

Евстигнеева, Елиз. Петр., учительн.—456—457.

Егер, автор брошюры о лекарств. растениях.—629.
Екатерина II, императрица.—99.
Екатерина Денисьевна, мать или бабушка Х. П. Куприянова.—592.
Екатерина Николаевна, учительн.—391.
Елачич, помещик и казанск. врач.—375.
Елпатьевский, Сергей Як., врач, революц., писатель.—428.
Ергин, Ал-др Ал-др., народов., полит. ссыльный.—354.
Ергольский, офицер.—164.
Ермолаев, Конст. Серг., землевладелец, земский деятель.—351.
Ермолаев, Мих. Серг., землевлад., земский деятель.—351.
Ермолаева (урожд. **Унковская**), Анна Владим., жена М. С. Ермолаева.—342, 351.
Ефименко, Петр Сав., и жена его Ал-дра Як., исследов. народн. жизни.—98.

Ж.

Жбанков, Дм. Ник., врач, публицист.—398. 636.
Желябов, Андрей Ив., член Исп. Ком. «Н. В.», казн. по делу 1 марта 1881 г.—402.
Жуковский, Юлий Галактион., эконом. и публицист.—20.

З.

Залесский, составитель палеонтологич. карты.—411.
Засулич, Вера Ив., член группы южных бунтарей, черноперед., эмигрантка, одна из основат. группы «Освобожд. Труда», с.-д.—402.
Захар Иринархович, приказчик.—213.
Зверева, Елиз. Павл., с.-р., каторжанка, ос. в 1907 г.—560.
Зеберг, приятельн. Веры Стахевич.—473, 475.
Зензинов, В. М., с.-р.—640.
Зензинов, Мих. Мих., кадет, издатель.—426, 428, 645.
Зильберберг («Штифтар»), Лев Ив., член боевой организ. с.-р., казн. в 1907 г.—561.
Златопольский, Ал-др Сол., брат С. С. Златопольского.—447, 449.
Златопольский, Савелий Соломон, член Исп. Ком. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1883 г. по «проц. 17-ти».—447, 450.
Знаменская (урожд. **Делярю**), Алекс. Ал-др., подруга по институту В. Н. Фигнер.—602.
Зола, Эмиль, франц. писатель.—23, 170, 222.
Зубок-Мокиевский, Степ. Вас., чайковец, ос. в 1878 г. по «проц. 193-х».—163.
Зурабов, Аршак Герас., с.-д., член 2-й Госуд. думы.—616.

И.

Иаков II, англ. король.—551—156.
Иванов, Вас. Григ., народов., шлиссельб., ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—267, 269—270, 275, 280, 299, 301—302, 308, 313, 315, 318—319, 322, 341, 358, 362, 384, 557.
Иванов, Сергей Андр., народов., шлиссельб., ос. в 1887 г. по «проц. 21-го».—302, 305, 315, 466, 477, 524—527, 538, 542—543, 547, 554, 557, 614.
Иванов, Сергей Спирид., студент в Париже, б. ссыльный в Архангельске.—469—470, 501.
Иванова (в замуж. **Борейшо**), Софья Андр., член Исп. Ком. «Н. В.», карийка, ос. в 1880 г. по «проц. 16-ти».—280, 283, 331.
Ивановская, Праск. Сем., народов., карийка, член боевой орган. с.-р., ос. в 1883 г. по «проц. 17-ти».—370.

Иванчин-Писарев, Ал-др. Ал-др., землев., народоволец.—149, 290, 331, 376—377, 604.
Иванюков, Ив. Ив., профессор-экономист.—96.
Иващенко, Ив. Самойл., член 2-й Госуд. думы, октябрист.—427.
Иегер, Евг., немецк. экономист и публицист.—98.
Иеринг, Рудольф, немецкий юрист.—122, 147.
Измайлович, Алекс. Адольф., член боевой организ. с.-р., каторж., ос. в 1906 г.—560.
Ильин, профессор.—631.
Иммер, семенной торговец.—631, 633, 637.
Иоанн, апостол.—420.
Иохельсон, Вениам. Ильич, народов.—571.
ИраклийИванович, законоучитель в Казанск. институте.—177.
Исаев, Григ. Прокофьевич, член Исп. Ком. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1882 г. по «проц. 20-ти».—444.

К.

Кабэ, Этьенн, франц. утопич. социалист.—86.
Казаковы, помещики.—196
Кайнц, немецк. артист.—495.
Калиостро, Александр, мистик и шарлатан.—28.
Карамзин, Ник. Мих., писатель.—32.
Карл I, англ. король.—155.
Карл II, англ. король.—155.
Карнович, Евг. Петр., историк и романист.—94.
Карпович, Петр Владим., революц., шлиссельб., ос. в 1901 г. за убийство мин. Боголепова.—9, 287, 289, 303, 315—316, 410, 421, 446, 538.
Катков, Мих. Никифор., реакц. публицист.—128.
Катя, прислуга.—135.
Касьянов, Владим. Ник., казанский знакомый В. Н. Фигнер.—32, 221.
Каховская, с.-р., каторжанка.—560.
Квятковская, Юлия Ал-др., сестра А. А. Квятковского.—63, 69.
Квятковский, Ал-др Ал-др., землеволец, член Исп. Ком. «Н. В.», казн. в 1880 г., по «проц. 16-ти».—63.
Кейр-Гарди, англ. политич. деятель.—511.
Келлер, ботаник.—627.
Килевейн, Георгий Роберт., член 3-й Госуд. думы, кадет.—653—655.
Киплинг, Редиард, англ. писатель.—253.
Кирпичев, помещик.—592.
Кладищев, Дм. Ник., адмиссыльный в Архангельске.—326, 501.
Ковальский, Ив. Мартын., южный бунтарь, казн. в Одессе в 1878 г.—450.
Коган, эмигрант в Лондоне.—511.
Коган-Бернштейн, Нат. Осип., народов., каторж., ос. в 1889 г. за «якутский протест».—425.
Коллинз, Вильки, англ. романист.—163.
Колтоновская, Елена Ал-др., критик.—573.
Кольб, Георг-Фридрих, немецк. статистик и историк.—124.
Кондаков, Степ. Вас., приказчик в Никифорове.—367, 389, 393—395, 397, 405.
Кони, автор попул. книжки о Фридрихе Великом.—159—160.
Коновалов, Дм. Петр., профес., химик.—304—305, 313.
Кононов, помещик.—592.
Конфуций, китайский мыслитель, основатель религии.—45.
Корба (во втором замуж. **Прибылева**), Анна Павл., член Исп. Ком. «Н. В.», карийка, ос. в 1883 г. по «проц. 17-ти».—280, 312, 319, 327—328, 331, 352, 362, 381—382, 387, 426, 452, 461—462, 542, 650.

Корнилова (в замуж. **Сердюкова**), Люб. Ив., чайковка, админ.-выслан.—278.
Коробка, Ник. Ив., историк литературы.—558.
Короленко, Владим. Галактион., писатель.—297, 377.
Корсаков, генеалог.—636.
Костомаров, Ник. Ив., историк.—31, 40, 45, 54, 92—94, 97.
Крашевский, Иосиф, польский писатель.—88.
Крицкая, Е. Л., знакомая В. Н. Фигнер.—457.
Кропоткин, Петр Алекс., чайковец, эмигрант, анархист, ученый.—421, 485, 487, 496—499, 502, 506—511, 532—533, 556, 561, 563, 568—569, 571—572, 574—575, 577, 588—589, 614.
Кропоткина, Алекс. Петр., дочь П. А. Кропоткина.—485, 487, 496, 499, 508—509, 511, 533, 556, 571, 588, 616.
Кропоткина, Софья Григ., жена П. А. Кропоткина.—471, 484—486, 496, 498—499, 506, 508—509, 511, 516—517, 523—524, 533, 556, 559, 561, 568, 571—572, 574, 577, 588—589, 614.
Крукс, Вильям, англ. физик и химик.—304.
Крушеван, Пав. Ал-др., реакц. публицист, член 2-й Госуд. думы.—427.
Крылова, Софья Викт., сестра Е. В. Куприяновой.—577.
Кузнецова, завед. земским складом в Нижнем.—629.
Кузьма, работник.—397.
Куликовский, участник журн. «Вестник Европы».—97.
Куприянов, Владим. Петр., двоюродн. брат В. Н. Фигнер.—282, 337, 340, 347, 356—357, 367, 405, 443, 449, 454—455, 457, 460, 530, 576—577.
Куприянов, Петр Христоф., дядя В. Н. Фигнер.—25, 52, 106 158, 188, 192, 224, 270, 592, 596—597, 602, 605.
Куприянов, Христофор Петр., дед В. Н. Фигнер.—71, 530, 591, 598, 605.
Куприянова, Анаст. Фед. (урожд. **Данилова**), бабка В. Н. Фигнер.—529, 597, 636.
Куприянова, Варв. Христоф. (в замуж. **Семенова**), тетка В. Н. Фигнер.—261, 366, 593, 605.
Куприянова, Елиз. Викт., жена дяди В. Н. Фигнер.—216, 224, 267, 270, 290, 333—334, 353, 372, 375, 389, 397, 454, 512, 521, 551, 577, 591, 593, 596, 605—606, 617, 620, 656.
Куприянова, Елиз. Петр., бабка В. Н. Фигнер.—529, 592, 597.
Куприянова, Лидия Петр., двоюродн. сестра В. Н. Фигнер.—115, 148, 192, 205, 212, 239, 270, 328, 357, 367, 442—443, 448, 457, 460, 477, 512, 532, 550—551, 555, 565—566, 576—578, 632, 635, 638.
Куприянова, Нат. Петр., двоюр д т. сестра В. Н. Фигнер.—115, 159, 261, 327, 331, 333—336, 338—341, 345, 347, 354, 360, 366, 373, 388, 390—393, 397, 404—405, 415, 440, 442, 448—449, 454, 456, 459—460, 464, 467, 493, 495, 512, 521—522, 527, 529—531, 550, 555, 565, 575—577, 591, 595, 599—600, 602, 614, 616, 620, 622, 632, 635, 641, 656.
Куприяновы.—188—189, 197, 282, 290, 327, 356, 369, 374—375, 379—380, 521, 614, 630.
Купчинский, специалист по аэронавтике в Париже.—526.
Courtney, лорд.—509.
Кусевицкий, Сергей Ал-др., музыкант.—654.
Кускова, Ек. Дм., публицистка.—555.

Л.

Лабуле, Эдуард, франц. публицист и ученый.—110, 122, 169.

Лавеле, Эмиль, бельг. ученый.—95.
Лаврентьев, Ив. Егор., сельский учитель, член 1-й Госуд. думы.—403, 441.
Лавров, Петр Лавр. («Кедров»), революцион., писатель-эмигрант.—19, 84, 96, 358.
Лавуазье, Антуан-Лоран, франц. химик.—304.
Лагерлеф, Сельма, датская писательн.—550.
Лазарев, нижегородск. знакомый В. Н. Фигнер.—421.
Лазарев, Егор Егор., народник, эмигрант.—475, 479, 550, 552, 568, 588, 612, 614—615.
Lamark le Sanglier, бельгиец.—531.
Ламартин, Альфонс, франц. поэт и политич. деятель.—99.
Ламберт, Елиз. Егор., графиня, корреспондентка И. С. Тургенева.—624.
Лассаль, Фердинанд, немецк. социалист.—323, 373.
Лебедев, Борис Федор., эмигрант, муж А. П. Кропоткиной.—616.
Лебедев, Владим. Петр., сын В. Д. Лебедевой.—387, 413, 427.
Лебедева, Вера Дм.—349—350, 362—363, 386—387, 413—414, 425—428, 450, 461, 553, 570, 580, 596, 623, 645, 647, 651, 653—654.
Лебон, Густав, франц. мыслитель.—532.
Левассер, Пьер-Эмиль, франц. экономист.—205.
Lejeune, учитель франц. языка в Казанск. институте.—78.
Ленин (Ульянов), Владим. Ильич, вождь пролет. революции в России.—616.
Леонтьев, знакомый В. Н. Фигнер.—611.
Лермонтов, Мих. Юрьевич, поэт.—298.
Лерхе, секретарь Департ. госуд. полиции.—434, 483—484.
Лесгафт, Петр Франц., профес. анатомии.—239, 445, 451, 472, 515, 527, 541—542, 558.
Либин, доктор в Нижнем.—621, 625, 640.
Либкнехт, Вильгельм, немецк. с.-д.—323.
Лидия Николаевна, учительн.—369.
Литтре, Поль-Максимилиан, франц. ученый-позитивист.—42.
Лобачевский, Н. О., сотрудник «Отеч. Записок».—152—153.
Ложкин, Ник. Поликарп., зав. книгоиздат. Вятского товарищества.—370.
Лопатин, Герм. Ал-др., народов., шлиссельб., ос. в 1887 г. по «проц. 21-го».—289, 291, 297, 304—305, 315, 363, 401, 408, 430, 452, 476, 490, 506, 526, 532—533, 538, 567, 626, 653.
Лопухин, Алексей Ал-др., директ. департ. полиции.—281.
Лоррен, Клод, франц. живописец.—419.
Лоу, Джон, англ. финанс. деятель.—20.
Лукашевич, Иосиф Дементьевич, революц., шлиссельб., ос. в 1887 г. по делу «второго 1-го марта».—301, 304—306, 315—316, 335, 359, 370, 406, 410—411, 415, 429—430, 435, 440, 448—449, 451, 490, 497, 514—515, 538, 558, 626, 630—631, 653.
Лукошков, Вас. Вас., владелец завода.—343.
Лукошков, Мих. Вас., владелец завода.—343, 348.
Льюис, Джордж-Генри, англ. писатель.—60—62, 124.
Любатович, Ольга Спирид. (в замуж. **Джабадари**), ос. в 1877 г. по «проц. 50-ти», землеволка, член Исп. Ком. «Н. В.».—465.
Людовик Святой, франц. король.—30.
Людовик XIV, франц. король.—78.

Людовик XVI, франц. король.—177.
Люц, немецк. издатель.—533.

М.

Магон, историк.—159.
Маевский, знакомый В. Н. Фигнер.—512.
Mackerness, mr-s.—510.
Маколей, Томас, англ. историк.—78, 99, 142, 147, 153—156.
Малинина, Вера Ив., гувернантка.—187, 593.
Малкина-Острогорская, культур. деятельница.—588.
Мальмберг, финляндская активистка.—497—498, 517.
Мальтус, Томас-Роберт, англ. экономист.—86.
Маляревский, знакомый В. Н. Фигнер.—521.
Мандельштам, прис. повер.—407.
Манучаров, Ив. (Ованес) Львович, чернопеределец, шлиссельб., ос. в Одессе в 1885 г.—272, 319, 505.
Марий, римский вождь.—119—120.
Марина Михайловна, кварт. хозяйка в нёноксе.—334.
Мария, англ. королева.—155.
Мария, бонна.—442.
Мария Федоровна, императрица.—507.
Маркс, Карл, немецк. социалист, один из основоположников научного социализма.—96, 98, 643.
Мартов (Цедербаум), Юлий Осип., с.-д. меньшевик, эмигрант.—562, 572, 616.
Мартынов, Калиник Федул., народов., шлиссельб., ос. в Киеве в 1884 г. по «проц. 12-ти».—302, 317—318, 329, 444.
Марья Игнатьевна, воспитат. в Казанском институте.—236.
Маслов, Петр Павл., экономист-марксист.—562.
Масэ, Жан, франц. писатель.—236.
Матреша, прислуга.—122.
Маудсли, англ. психиатр.—253.
Маурер, Георг-Людвиг, историк германск. права.—124, 153—154, 161.
Меерович, Борис Соломон., зубной врач.—374.
Мейер, полит. каторжанин.—408.
Менар-Дориан, Алина, франц. обществ. деятельница.—589.
Менжинская, Юлия Ив., учительн.—442.
Мениг, управл. заводом.—343—344.
Мержеевский, Ив. Павл., профессор-психиатр.—36.
Метер, Павла Франц., акатуйская политкаторж.—560.
Мечников, Илья Ильич, физиолог.—232—233.
Микулич (Веселитская), Лидия Ив., писательн.—573.
Милль, Джон-Стюарт, англ. мыслитель. — 85, 96, 98, 111, 124.
Минье, Франсуа-Огюст, франц. историк.—99, 110.
Мирабо, Оноре-Габриель, деятель Великой Франц. Революции.—177.
Миролюбов, Виктор Серг., изд. «Ежемесячного Журнала».—617, 646.
Михайловский, Ник. Конст., публицист и критик.—382.
Миша, сын хозяйки в Нёноксе.—341.
Моисей, древне-еврейский законодатель.—177, 190.
Молокина, завед. воскресной школой.—644.
Молоствов, предводитель дворянства.—356.
Молоховец, Елена Ив., составительн. поварен. книги.—648.
Монтеверде, Н. А., ботаник.—629.
Мопассан, Гюи, франц. писатель.—217.

Мордовцев, Даниил Лукич, романист и историк.—99.
Морз, Самуил, изобретатель телеграфа.—322.
Мороз, сын А. И. Мороз.—629.
Мороз, Алекс. Ив. (урожд. **Корнилова**), чайковка, админ. сослана по «проц. 193-х».—270, 276, 278—279, 282, 290, 319, 321—325, 327, 333—342, 346—350, 353, 363, 368, 387, 406, 415, 418, 421, 424—426, 429, 431, 433, 435—436, 440, 451, 461, 473, 476, 485, 543, 563, 565—566, 568—569, 580, 606, 614, 629, 647.
Морозов, Ник. Ал-др., чайковец, землев., член Исп. Ком. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1882 г. по «проц. 20-ти».—9, 256, 302, 304—306, 313, 324, 359, 382, 406, 430, 435, 440, 445—446, 451, 453, 465, 488, 490—491, 495—496, 502, 504, 506, 508, 515, 525, 527, 536, 538, 540—541, 543, 546—547, 551, 562, 567, 584, 596, 626, 628, 643—644, 646, 649, 653, 656.
Морозова, Ксения Алекс., жена Н. А. Морозова.—420, 446, 451, 460, 488, 527, 542—543, 552, 562, 584—585, 627, 643—646, 650.
Мотлей, Джон, америк. историк.—98, 156.
Мурильо, Бартоломе-Эстобан, испанск. художник.—437.
Мутсу-Хито, японский микадо.—313.
Мышкин, Ипполит Никитич, революц., кариец, шлиссельб., ос. в 1878 г. по «проц. 193-х».—402.
Мэн, Генри-Джемс, англ. социолог.—84, 96.

Н.

Надежда Родионовна, замужн. сестра М. Р. Попова.—292, 318.
Nadine, m-lle, портниха.—20.
Наполеон I, франц. император.—53.
Наталья, жительница Нёноксы.—330.
Наталья Макарьевна, няня В. Н. Ф.—87, 111, 170, 255, 591.
Натансон, Марк Андр., чайковец, землев., народоправец, с.-р., в 1878 г. админ. сослан.—75, 487, 508, 534, 568, 612, 614, 616.
Невинсон, англ. журналист.—521, 556.
Незлобин (Дьяков) Ал-др Ал-др., реакц. писатель.—81.
Некрасов, Ник. Алекс., поэт.—85, 147.
Нессельроде, граф, сарат. помещик.—196.
Нечаев, Сергей Геннад., революц., основатель общества «Народн. Расправа», равелинец, ос. в 1873 г.—354, 383.
Николай Фирсович, казанский знакомый В. Н. Фигнер.—234.
Никонов, врач, ссыльный в Архангельске.—321.
Нил Сорский, монах, писатель XV века.—547.
Нобель, Альфред, шведск. инженер, изобретатель динамита.—456.
Новорусская, П. М., жена М. В. Новорусского.—519, 540, 554, 558—559, 565, 567, 591, 596, 638, 643—644, 647—649, 651—655
Новорусский, Мих. Вас., шлиссельб., ос. в 1887 г. по делу «второго 1-го марта».—304, 306—307, 315—316, 358—359, 370, 386, 406, 420, 430, 433, 435, 437, 440, 444, 450—452, 457, 460, 464, 470—472, 476—477, 481, 487—488, 490, 495—496, 501, 503—505, 507, 513—516, 519, 524, 534, 539—540, 546, 552, 557—558, 563, 566—567, 570, 579—580, 590, 595—596, 604, 611, 623—627, 629—631, 636, 643—645, 647, 649—655.
Нурок, составитель учебника англ. языка.—648.

О.

Оберучев, К. М., эмигрант.—613, 616.
Оберучева, О. Ф., жена предыдущего.—613.
Оболешев (Сабуров), Алексей Дм., землев., ос. в 1880 г. по «проц. 11-ти».—382.
Ованес—см. Манучаров.
Auguste, m-lle, содержательн. пансиона.—173—174.
Олендорф, составит. учебн. англ. языка.—647.
Оржих, Борис Дм., народов., шлиссельб., ос. в 1888 г.—444—445, 447.
Оствальд, Вильгельм, немецк. химик.—304.
Островская, вдова генерала.—636.
Оффенбах, Жак, франц. опереточ. композитор.—39, 229.

П.

Павел I, император.—168.
Панкратов, Вас. Сем., народов., шлиссельб., ос. в 1884 г. в Киеве по «проц. 12-ти».—271—272, 302, 318—319, 355, 370, 517, 547, 627, 643.
Пантелеев, генерал.—302.
Панфил, крестьянин.—42, 63.
Пашкевич, ботаник.—631.
Пашков, Вас. Ал-др., основатель секты.—317.
Pelletier, Madelaine, франц. писательн.—494.
Переверзев, Пав. Ник., прис. повер., министр юстиции при Времен. правит.—445.
Переверзева, Ек. Ив., жена П. Н. Переверзева.—445, 512.
Перимов, Ал-др Викт., родствен. В. Н. Фигнер.—443, 521.
Перимов, Алексей Викт., родствен. В. Н. Фигнер.—404, 443, 521, 593.
Перимов, Викт. Ив., доктор, родствен. В. Н. Фигнер.—374, 457, 614.
Перимова, Ек. Ив., родствен. В. Н. Фигнер.—593.
Перимова, Ольга Викт., родствен. В. Н. Фигнер.—404, 443, 521, 593.
Перимовы.—456—457.
Перовская, Софья Льв., член кружка чайковцев, землеволка, член Исп. Ком. «Н. В.», казн. по делу 1 марта 1881 г.—402.
Perris, сотрудн. англ. газет.—520.
Пети, Евг. Юльевич, знакомый В. Н. Фигнер.—467.
Пети, Софья Григ., знакомая В. Н. Фигнер.—467, 470.
Петр, работник.—366.
Петр I, император.—94, 142.
Печерский (Мельников), Пав. Ив., писатель.—82.
Пивóвар, геолог.—470.
Писарев, Дм. Ив., критик.—79, 115, 602.
Писемский, Алексей Феофилакт., писатель.—545.
Plantin, патрицианск. семья.—518.
Плеве, Вяч. Конст., директ. деп. полиции, позже мин. внутр. дел.—316.
Покровский, завед. музеем в Нижнем.—629.
Поливанов, Петр Серг., народов., шлиссельб., ос. в Саратове в 1882 г.—275, 314, 317, 319, 329, 649.
Половцев, заводовладелец.—74.
Попов, Алексей Родион., брат М. Р. Попова.—295.
Попов, Илья Родион., брат М. Р. Попова.—295.
Попов, Мих. Родион., землевол., черноперед., кариец, шлиссельб., ос. в 1880 г. в Киеве по «проц. 21-го».—280, 291—295, 302, 306, 315, 401, 445, 452, 487.
Попова, Ада Ив., вдова И. Р. Попова.—295.
Попова, Вера Алекс., мать М. Р. Попова.—294.

Попова, Софья Родион., сестра М. Р. Попова.—291, 294, 504, 557, 590.
Порошин, Сем. Андр., воспитатель Павла I, писатель.—168.
Посников, Ал-др Серг., экономист и публицист.—95.
Поссе, Владим. Ал-др., писатель и лектор, обществ. деятель.—442.
Постель, ботаник.—187.
Похитонов, Ник. Данил., член воен. организ. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—406, 557.
Поэ, Эдгар, америк. писатель.—527.
Пресс, скрипач.—654.
Пресс, А. А., публицист.—234.
Прессансе, Франсис, франц. обществ. деятель. 564, 577.
Пржевальский, Ник. Мих., путешественник.—237.
Приклонский, сотрудник «Рус. Мысли».—98.
Прокофий, крестьянин.—603.
Протопопов, Ал-др Дм., член Госуд. думы, потом мин. внутр. дел.—654—655.
Пруденский, Ник. Григ., лесничий.—342, 344, 349.
Пугачев, Емельян Ив., вождь крестьянского восстания.—99.
Пшибышевский, Станислав, польский писатель.—489.
Пятницкий, завед. издательством «Знание».—503, 520.

Р.

Разин, Степан Тимоф., вождь крестьянского восстания.—86, 93.
Распопова, знакомая В. Н. Фигнер.—622, 632—634.
Рафаэль, итальянск. художник.—419.
Реклю, Поль, профес., племянник Элизе Реклю.—525.
Реклю, Элизе, франц. географ, анархист.—525, 557.
Ренан, Эрнест, франц. писатель.—420.
Рени, Гвидо, итальянск. художник.—419.
Репьева, Евг. Ив., учительн.—555.
Рикардо, Давид, англ. экономист.—86.
Римский-Корсаков, Ник. Андр., композитор.—432.
Робертсон, составит. учебн. англ. языка.—647.
Родбертус-Ягецов, Карл, немецк. экономист.—153.
Рожков, обществ. деятель Тетюшского уезда.—441.
Ролан, Манон-Жанна, деятельн. Великой Французской Революции.—178, 253.
Роллан, Ромэн, франц. писатель.—446.
Романов, Н. М., препод. коммерч. уч.—629.
Романович-Славатинский, Ал-др Вас., профессор, историк русского права.—94.
Ру, франц. хирург.—610.
Рубакин, Ник. Ал-др., писатель-библиограф.—550, 557—558.
Рубакина, жена Н. А. Рубакина.—573.
Рубанович, Илья Адольф., с.-р., эмигрант.—19, 587.
Рубенс, Петер-Пауль, фламандск. художник.—518.
Рубинштейн, Софья Григ., народн., сестра композитора.—311.
Русская, Над. Дм., гувернантка.—160.
Русанов, Ник. Серг., эмигрант, с.-р., публицист.—97.
Рутковская, политич. каторжанка.—559—560.

С.

Савинков, Борис Викт., член боевой организ. с.-р.—551.
Сажин, Анатолий Мих., племянник В. Н. Фигнер.—283.

Сажин, Борис Мих., племянник В. Н. Фигнер.—191, 230, 237, 240, 277, 283—284, 324, 331, 367.
Сажин, Владим. Мих., племян. В. Н. Фигнер.—216, 275, 281—282.
Сажин, Мих. Петр., бакунист, эмигрант, ос. в 1878 г. по «проц. 193-х».—89, 104, 106, 115, 188, 194, 204, 212—213, 215, 217, 223, 225, 242, 267, 270, 277—278, 280, 286, 324, 329, 331, 342, 348—349, 356, 380, 412, 483, 490—491, 569, 610, 617, 621, 655.
Сажин, Сергей Мих., племян. В. Н. Фигнер.—189, 210, 216, 281.
Сажины.—188—189, 377, 382, 405, 473, 550, 573, 654.
Самчук, доктор в Шлиссельбурге.—302, 314.
Сандер, Дина Давыд.—415.
Саша, прислуга.—389.
Сватиков, С. Г., писатель-историк, эмигрант.—504.
Святополк-Мирский, Петр Дм., мин. внутр. дел.—304.
Севинье-де, Мария, франц. писательн.—78.
Сёлли, Джемс, англ. психолог.—254.
Семевский, Вас. Ив., историк.—653.
Семенов, Мих. Ник., двоюродн. брат В. Н. Фигнер.—205—206.
Семенов, Ник. Ник., двоюродн. брат В. Н. Фигнер.—90, 189, 198, 205—206.
Семенов, Ник. Саввич, муж тетки В. Н. Фигнер.—366, 372, 375, 397.
Семка, крестьянск. мальчик.—269.
Сен-Симон, Анри, франц. социалист-утопист.—86.
Сергей, работник.—393.
Сергей Александрович, великий князь.—348.
Середа, жандармск. генерал.—43, 50.
Серошевский, Вацлав, революцион., русско-польский писатель.—220.
Симеон Столпник, «святой».—45.
Синегуб, Сергей Силыч, чайковец, ос. в 1878 г. по «проц. 193-х».—382, 384.
Ситникова, кварт. хозяйка В. Н. Фигнер.—634—635.
Скирмунт, издатель.—373.
Складовская-Кюри, Мария, физик.—305.
Скотт, Вальтер, англ. романист.—40, 123—124.
Соколовский, Пав. Ал-др., историк-экономист.—95.
Соловьев.—636.
Соловьев, Сергей Мих., историк.—20, 29, 31, 40, 45, 49, 54, 92—94, 142, 147, 159, 168.
Соскис, Давид, эмигрант в Лондоне.—496, 521, 559—561.
Соскис, Ю. Ф., жена Д. Соскиса.—506—507, 510—511, 516.
Софья Викторовна—см. Крылова.
Спандони, Афан. Афан., член киевской группы «Н. В.», кариец, ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—309, 319, 322, 327, 342, 357, 359—360, 370, 381, 383—384, 386—387, 398, 400, 402, 405—406.
Спенсер, Герберт, англ. мыслитель.—62, 68, 70, 82, 85—86, 125, 245.
Спиридонова, Марья Ал-др., член боевой организ. с.-р., политкаторж., ос. в 1906 г.—485, 556, 560.
Сталь, Анна-Луиза-Жермена, франц. писательн.—54, 78.
Стародворский, Ник. Петр., народов., шлиссельб., ос. в 1887 г. по «проц. 21-го».—316, 363, 430, 650.
Старр, Люб. Андр., с.-р., политкаторж., ос. в 1908 г.—560.
Стасюлевич, Мих. Матв., публицист, редактор.—22, 30, 54, 98, 114, 150.

Стахевич, Борис Серг., племянник В. Н. Фигнер.—246—247.
Стахевич, Вера Серг., племян. В. Н. Фигнер.—191, 210, 234. 247, 252, 270, 452, 473—480, 483—484, 503, 512, 522, 533, 540, 566, 575—576, 584, 609, 613, 619, 623.
Стахевич, Григ. Серг., племян. В. Н. Фигнер.—104, 135, 146, 168, 191, 238, 246—247, 272.
Стахевич, Сергей Григ., революц. 60-х гг., муж Л. Н. Фигнер.—99, 104, 115, 130, 135—136, 146, 167—168, 178, 187, 199, 204, 213, 214, 216, 222—223, 277, 614.
Стахевич, Татьяна Серг., племян. В. Н. Фигнер.—191, 205, 247, 252,—253, 270, 354, 472, 610, 613.
Стахевичи.—188.
Столыпин, Петр Арк., председ. совета министров.—454.
Страхова, Марья Ив., завед. музеем.—430.
Стрепетова, Пелагея Антип., артистка.—91.
Стук, художник.—545.
Сулливан, автор записок о фенианском движении.—40.
Суровцев, Дм. Як., народов., шлиссельб., ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—9, 274, 301, 303, 308, 355—356, 410, 412, 418, 443, 445, 547, 557, 567.
Сухомлина, Анна Марк., знакомая В. Н. Фигнер.—449, 453.
Сципион Африканский Младший, римский полководец.—120.
Сытин, Ив. Дм., издатель.—411.

Т.

Таланова, Нат. Ив., сестра В. И. Александровой-Натансон.—157.
Танини, итальянск. социалист.—568—569, 571.
Тарасова, архангельская знакомая В. Н. Фигнер.—285.
Теккерей, Вильям, англ. романист.—40, 180.
Телеманов, урядник.—389.
Теплов, Пав. Федор., эмигрант.—516.
Тиндаль, Джон, англ. физик.—151.
Тири, проректор Льежского универс.—528.
Тихон, работник.—393—394.
Тихонов, зем. деятель Тетюшского уезда.—65.
Тициан, итальянск. художник.—419.
Токвиль, Алексис, франц. историк.—124.
Толстой, Лев Ник., писатель.—192, 356, 545, 568.
Тредьяковский, Вас. Кирил., поэт XVIII в.—38.
Трепов, Дм. Федор., сиб. ген.-губ., тов. мин. внутр. дел.—352.
Тригони, Мих. Ник., член Исп. Ком. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1882 г. по «проц. 20-ти».—271, 301—302, 316, 319, 444—446, 487, 519, 557.
Троцкий (Бронштейн), Лев Давыд., с.-д., эмигрант.—616.
Тургенев, Ив. Серг., писатель.—79—80, 84—85, 164, 167, 261, 516, 624.
Тэн, Ипполит, франц. историк.—124.
Тютчев, Ник. Серг., землев., с.-р.—50.

У.

Удалова, Алекс. Максим., художница.—337, 456.
Уля, девушка из Нёноксы.—364—365, 374—375, 456—457, 579.
Усов, Мих. Мих., профес. зоологии.—603.
Успенская, Алекс. Вас., жена Г. И. Успенского.—287—289, 295—296.
Успенские.—514.

Успенский, Ал-др Глеб., сын Г. И. Успенского.—288—289, 295.
Успенский, Глеб Ив., писатель.—21, 97, 111, 219, 232, 287—289, 295—296, 412—413.

Ф.

Фабр, Жюль, франц. энтомолог.—307.
Фаресов, Анат. Ив., писатель.—311.
Федор Иоаннович, царь.—93.
Федоровский, агроном.—628.
«Федосеевец», псевд. автора в «Слове».—97.
Феноменов, Ник. Ник., проф. акушерства.—277.
Феррейн, торговец аптекарск. товарами.—631—633, 637,
Ферштенгиг, знакомый В. Н. Фигнер.—70.
Фигнер, Ал-др Ал-др., дед В. Н. Фигнер.—606, 608.
Фигнер, Ал-др Самуил., партизан 1812 г.—608.
Фигнер, Анастасия Ксеноф., жена П. Н. Фигнера.—51, 65, 77, 102, 109, 166—167, 188, 198, 215, 238, 265, 267, 290, 296, 299, 324, 364, 366, 368, 371, 376—377, 389—390, 433, 464, 468, 472, 474, 476, 479, 481, 483—484, 493, 503, 519.
Фигнер, Анна Ив., вторая жена П. Н. Фигнера.—549, 574, 580, 584, 595, 604, 607, 609, 611, 619.
Фигнер, Евг. Ник. (в замуж. **Сажина**), сестра В. Н. Фигнер, землев., народов., ос. в 1880 г. по «проц. 16-ти».—8—9, 21, 38, 47—48, 50, 53, 67—68, 72, 84, 89, 103—104, 106, 108, 127, 131, 144, 158, 167, 170, 186, 189, 191, 193, 196, 198, 201, 210—213, 216, 222, 224, 229—231, 237—238, 240, 246, 257, 267, 269, 272, 275, 277—278, 280—282, 284, 297—298, 322, 328, 330—331, 340, 348, 354, 368, 370, 372—376, 380—381, 387—388, 390, 405, 432, 449, 455, 459, 467, 471—474, 491, 543, 546, 563, 578, 580, 617, 621—622, 638.
Фигнер, Евг. Ник., племянница В. Н. Фигнер.—253.
Фигнер, Екат. Христоф., мать В. Н. Фигнер.—207.
Фигнер, Лидия Ник. (в замуж. **Стахевич**), сестра В. Н. Фигнер, ос. в 1877 г. по «проц. 50-ти».—8—9, 21, 47, 50, 67—68, 71—72, 75, 84, 89, 99, 102, 104—105, 108—109, 130—131, 133, 144—145, 147, 157, 166—168, 171—173, 175, 178, 185—187, 189, 193, 198—199, 203—206, 210—213, 216—217, 222, 234, 236, 238—242, 246—247, 252—253, 258—267, 270, 272, 274—277, 280, 289—291, 295, 297—299, 330—331, 352, 354—355, 368, 370, 432—433, 445—447, 455—457, 474—475, 484, 491, 516, 543, 554—555, 567, 570, 577, 580, 586, 593, 603, 608, 610—612, 619, 633—635, 652.
Фигнер, Лидия Ник., племян. В. Н. Фигнер.—252—253, 594.
Фигнер, Луиза, первая жена Н. Н. Фигнера.—51, 207.
Фигнер, Маргар. Ник., племян. В. Н. Фигнер.—486.
Фигнер, Медея Ив., вторая жена Н. Н. Фигнера.—196, 221, 232, 238, 594.
Фигнер, Ник. Ал-др., отец В. Н. Фигнер.—592.
Фигнер, Ник. Ник., брат В. Н. Фигнер, оперный певец.—8, 33, 48, 50—51, 72, 75, 81, 84, 89, 104, 124, 166, 189, 193, 195—197, 205, 207, 213, 217—218, 221, 223—224, 231—232, 238, 251—253, 273, 283, 344, 372, 375, 389, 394, 397, 404—405, 407, 422—423, 464, 474—476,

483—484, 492, 505, 519, 548, 582—584, 594, 598—599, 603, 607—608 610, 613, 618, 621—622, 638, 640, 654, 656.
Фигнер, Ольга Ник. (в замуж. **Флоровская**), сестра В. Н. Фигнер.—8—10, 15, 19, 21, 23, 25, 27, 29—30, 33, 36—38, 41, 43—44, 47—48, 51—52, 55, 59—60, 63, 66, 69, 73—76, 78, 81—85, 87—88, 90—91, 101—104, 106, 109, 111, 115—116, 118, 122, 127, 131, 171, 178—179, 181—182, 185—189, 191—192, 194—195, 198—199, 201—202, 225, 229—230, 234, 237—240, 245—247, 252, 254—255, 265—272, 274, 276—286, 291, 297—299, 308, 313, 349, 370, 376, 378, 380—381, 405, 417, 431—432, 441—442, 455, 459, 467, 479, 543, 592, 609, 622, 628.
Фигнер, Петр Никол., брат В. Н. Фигнер, горный инженер.—8, 48, 51, 64—65, 68, 71, 74, 77, 83—84, 90, 100—109, 116—117, 131, 133, 158, 160, 166—167, 171, 188, 196—197, 213—215, 218, 224, 231, 234, 237, 240, 251—252, 265, 270, 278—280, 289—290, 296, 324, 333, 336—337, 342, 347, 364—365, 368, 371—373, 377, 387, 390, 397, 399, 405, 421, 431, 462, 466, 468—469, 472, 474, 476—477, 479, 482—483, 485—486, 491, 493, 502, 508, 548, 572, 578, 581, 583, 591, 593, 595, 603, 605, 607—609, 617, 621, 625, 628, 630—633, 638.
Фигнер, Рене Ефим., третья жена Н. Н. Фигнера.—404, 422, 476, 582—583, 638.
Фигнер, Сам. Сам., отец партизана.—608.
Фигнер, Софья Ник., племян. В. Н. Фигнер.—206, 594.
Фидлер, содерж. школы в Женеве.—468.
Филат, садовник.—389.
Филиппов, Алексей Викт., муж В. Н. Фигнер.—345.
Филиппов, В. Ф., свекор В. Н. Фигнер.—89.
Филиппова, Вера Викт., золовка В. Н. Фигнер.—89.
Филиппова, Над. Алекс., свекровь В. Н. Фигнер.—89.
Философова, Анна Павл., обществ. деятельн.—325.
Финн-Енотаевский, писатель-экономист.—564.
Фирдуси, персидск. поэт.—45.
Флоровский, Сергей Ник., врач, муж О. Н. Фигнер.—200, 207, 215—216, 223, 225, 237, 279, 283, 299.
Флоровский, Юрий Серг., племян. В. Н. Фигнер.—223, 246, 255, 279, 623, 629.
Фондаминская, Роза, знакомая В. Н. Фигнер.—477.
Фондаминский, Илья Исидор., с.-р.—511.
Форель, Август, швейцарск. психолог и психиатр.—525.
Фрейтаг, Густав, немецк. писатель.—98.
Фридрих Великий, прусск. король.—159—160.
Фридрих II германский.—30.
Фроленко, Мих. Федор., чайковец, землев., член Исп. Ком. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1882 г. по «проц. 20-ти».—280, 292—294, 302—303, 312, 314, 316, 349—351, 356, 363, 386—387, 401, 406, 428—429, 445, 465, 471, 519, 538, 542, 547, 557, 596.
Фукс (урожд. **Герценштейн**), Ольга Марк., жена профес.—590.
Фюстель-де-Куланж, Нума-Дени, франц. историк.—124.

X.

Хвостов, казанск. губерн.—337.
Хмельницкий, Богдан, украинск. гетман.—93.
Хмельницкий, Юрий, украинск. гетман.—93.

Хобхауз, мисс., англ. обществ. деятельн.—509—510.
Ходский, Леонид Владим., профес.-экономист.—98.
Хоу, м-сс, англ. обществ. деятельн.—498, 517, 557.

Ц.

Цельшерт, Олимп. Григ., помещица.—372.
Цеткин, Клара, германск. с.-д.—494.
Циммерман, Вильгельм, немецк. историк.—98.
Цыперович, с.-д., ссыльный.—550.

Ч.

Черкезов, Варлаам-Джан Асланович, анархист, эмигрант.—517, 534.
Черноусова, Праск. Ал-др., клас. дама в Казанск. институте.—234.
Чернышев, академик.—411.
Чернышева, Полина Ив., завед. библиотекой.—415.
Чернышевский, Ник. Гавр., писатель-революц.—95—96, 99, 377, 602.
Чехов, Ант. Павл., писатель.—261, 361, 652.
Чириков, Евг. Ник., писатель.—396.

Ш.

Шакол, Алекс. Тимоф., анархистка.—528, 530.
Шаляпин, Федор Ив., певец.—431—432.
Chandler, m-me, автор статей о русских женщинах.—564.
Шебалин, Вас., сын М. П. Шебалина.—505.
Шебалин, Мих. Петр., народов., шлиссельб., ос. в Киеве в 1884 г. по «проц. 12-ти».—274, 302, 319, 410, 412, 490, 505, 515, 525, 554, 643.
Шебалов, крестьянин, знакомый В. Н. Фигнер.—395.
Шелгунов, сын Н. В. Шелгунова.—493.
Шелгунов, Ник. Вас., публицист и критик.—95.
Шеллер (Михайлов), Ал-др Конст., писатель.—311.
Шестов (Шварцман), Лев Исак., критик.—550, 602.
Шех, заводовладелец в Нижнем.—629.
Шиллер, Фридрих, немецк. поэт.—32, 177, 180.
Шкловская, знакомая В. Н. Фигнер в Лондоне.—501, 510.
Шлиппе, инженер.—468.
Шлоссер, Фридрих, немецк. историк.—30, 49, 53—54, 78, 82, 88, 98, 109, 113—114, 120, 123, 155—156, 159, 181.
Шматченко, начальн. Акатуйской каторжн. тюрьмы.—556.
Шопен, Фридрих, польский композитор и пианист.—489.
Шпильгаген, Фридрих, немецк. романист.—23, 40—41, 113, 150, 235, 255.
Шулинская, Вера Ник., родствен. В. Н. Фигнер.—43, 90, 457, 522.
Шулинская, Ек. Ал-др., тетка В. Н. Фигнер.—522, 580.

Щ.

Щапов, Афан. Прокофьевич, историк.—97, 99.
Щеглов, Дм. Федор., педагог и писатель.—98.
Щедрин (Салтыков), Мих. Евграф., писатель.—31, 87, 112.

Э.

Эллиот, Джордж, англ. романистка.—236.

Эльсниц, Ал-др Леонтьевич, врач, эмигрант.—424, 431.
Энгельс, Фридрих, немецк. социалист, один из основоположников научн. социализма.—98.
Энглендер, писатель.—98.
Эрисман, сын Ф. Ф. Эрисмана.—493.
Эрисман, Федор Федор., профессор-гигиенист.—493, 562.
Эрисманы.—496.
Эскина, Алекс. Ал-др., с.-р., политкаторж.—560.
Эфрон, издатель.—411.
Эфрон, Елизавета (урожд. **Дурново**).—523—524.

Ю.

Юан-Ши-Кай, китайский политич. деятель.—643.
Ювачев (Миролюбов), Ив. Павл., член воен. орган. «Н. В.», шлиссельб., ос. в 1884 г. по «проц. 14-ти».—434, 507.
Южаков, Сергей Ник., публицист.—151—153, 376.
Юрковский, Федор Ник., революц., кариец, шлиссельб., ос. в Киеве в 1880 г. по «проц. 21-го».—557, 586.

Я.

Яблочкин, офицер.—164.
Ягецов—см. Родбертус-Ягецов.
Якимова, Анна Вас. (в замуж. **Диковская**), суд. по «проц. 193-х»., член Исп. Ком. «Н. В.», карийка, ос. в 1882 г. по «проц. 20-ти».—280.
Якобсен, Иенс-Петерсен, датский писатель.—466.
Яков, работник.—393—394.
Яковлев, комендант Шлиссельбурга.—281, 315.
Якубович, Петр Филип., народов., ос. в 1887 г., по «проц. 21-го», поэт.—383, 406, 410, 546.
Якушкин, Евг. Ив., юрист-этнограф.—98.
Янович, Людвиг Фомич, член польской партии «Пролетариат», шлиссельб., ос. в Варшаве в 1885 г. по делу «пролетариатцев».—274, 301, 306—309, 317, 329.
Янсон, Юлий Эдуард., статистик.—95.
Ярошенко, Ник. Ал-др., художник.—232.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ

1882 г.

Сестре Ольге. Харьков, весна.—11.
Матери и Ольге. Харьков окт.—ноябрь.—15.

1883 г.

Матери и Ольге. Петропавл. креп. 4 апр.—19.
Им же. Петропавл. кр. 19 апр.—22.
Матери. Петропавл. кр. 11 мая.—25.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 2 июня.—27.
Матери. Петропавл. кр. 7 июня.—30.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 15 июня.—33.
Матери. Петропавл. кр. 17 июня.—36.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 20 июня.—38.
Матери. Петропавл. кр. 27 июня.—41.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 3 июля.—44.
Матери. Петропавл. кр. 7 июля.—46.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 11 июля.—48.
Матери. Петропавл. кр. 16 июля.—50.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 22 июля.—52.
Ей же. Петропавл. кр. 2 авг.—55,
Матери. Петропавл. кр.—58.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 12 авг.—60.
Ей же. Петропавл. кр. 22 авг.—63.
Ей же. Петропавл. кр. Конец авг.—66.
П. Н. Фигнеру. Петропавл. кр. 4 сент.—71.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 11 сент.—78.
Матери и Ольге. Петропавл. кр. 20 сент.—81.
Матери. Петропавл. кр. 3 окт.—84.
Матери и Ольге. Петропавл. кр. 20 окт.—88.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. около 15 окт.—91.
Сестре Лидии. Петропавл. кр. 1 ноября.—99.
Сестре Евгении. Петропавл. кр. 6 ноября—104.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 6 ноября.—106.
Матери. Петропавл. кр. ноябрь.—109.
Матери и Ольге. Петропавл. кр. ноябрь.—111.
Матери. Петропавл. кр. 4 дек.—114.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 4 дек.—116.

1884 г.

Матери и Ольге. Петропавл. кр. 7 янв.—118.
Им же. Петропавл. кр. 16 янв.—122.
Матери. Петропавл. кр. 31 янв.—125.
Матери и Ольге. Петропавл. кр. 12 февр.—127.
Сестре Лидии и ее мужу. Петропавл. кр. 15 февр.—130.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 1 марта.—138.
Матери и Ольге. Петропавл. кр. 28 марта.—140.
Им же. Петропавл. кр. 9 апр.—143.
Им же. Петропавл. кр. 23 апр.—146.
Им же. Петропавл. кр. 26 апр.—148.
Сестре Ольге. Петропавл. кр. 4 мая.—151.
Матери. Петропавл. кр. 17 мая.—154.
Ей же. Петропавл. кр. 28 мая.—156.
Матери и сестре Ольге. Петропавл. кр. 6 июня.—159.
Матери. Петропавл. кр. 16 июня.—161.
Ей же. Петропавл. кр. 26 июня.—164.
Ей же. Петропавл. кр. 4 июля.—166.
Сестре Лидии и ее мужу. Петроп. кр. 4 июля.—167.
Матери. Петроп. кр. 15 июля.—170.
Ей же. Петроп. кр. 8 авг.—172.
Ей же. Петроп. кр. 19 авг.—176.
Сестре Ольге. Петроп. кр. 7 сент.—179.
Матери и Ольге. Петроп. кр. 11 сент.—181.

1897 г.

Матери. Шлиссельбург. 2 марта.—185.
Ей же. Шлиссельб. 30 июля—189.

1898 г.

Матери и Ольге. Шлиссельб. 28 февр.—194.
Им же. Шлиссельб. 17 окт.—201.

1899 г.

Им же. Шлиссельб. 11—25 марта.—206.
Матери и сестрам. Шлиссельб. 19 сент.—212.

1900 г.

Матери и сестрам. Шлиссельб. 2 марта.—217.
Им же. Шлиссельб. 28 авг.—225.
Им же. Шлиссельб.—231.

1901 г.

Им же. Шлиссельб. 25 окт.—239.

1903 г.

Матери. Шлиссельб. 25 янв.—244.
Ей же. Шлиссельб. 30 сент.—248.

1904 г.

Сестрам. Шлиссельб. 9—10 марта.—254.
Им же. Шлиссельб. 24 июля.—259.
Брату Петру и его жене. Архангельск. 18 окт.—265.
Сестре Евгении и ее мужу. Архангельск 22 окт.—267.
Л. А. Волкенштейн. Архангельск 26 окт.—271.
Сестре Евгении. Архангельск 28 окт.—275.
А. И. Корниловой-Мороз. Архангельск 2 ноября.—278.
Сестре Евгении и ее мужу. Архангельск 6 ноября.—278.
Сестре Евгении. Архангельск 16 ноября.—281.
Ей же. Нёнокса 18 ноября.—284.
А. В. Успенской. Нёнокса 28 или 29 ноября.—287.
Брату Петру. Нёнокса 2 дек.—289.

Сестре М. Р. Попова. Нёнокса 22 дек.—291.
А. В. Успенской. Нёнокса 27 дек.—295.
Брату Петру и его жене. Нёнокса 27 дек.—296.
Сестре Ольге. Нёнокса 31 дек.—299.

1905 г.

Л. Ф. Яновичу. Нёнокса янв.—301.
А. А. Спандони. Нёнокса 23 янв.—309.
Л. А. Волкенштейн. Нёнокса 26 янв.—312.
А. А. Спандони. Нёнокса 15 фев.—319.
Сестре Евгении. Нёнокса 25 февраля.—322.
А. И. Корниловой-Мороз. Нёнокса 18 марта.—325.
А. А. Спандони. Нёнокса 23 марта.—327.
Сестре Евгении. Нёнокса 23 марта.—328.
Н. П. Куприяновой. Нёнокса 30 марта.—333.
Е. В. и Н. П. Куприяновым. Нёнокса 7 апр.—334.
Е. В. и Н. П. Куприяновым. Нёнокса 26 апр.—336.
Н. П. Куприяновой. Нёнокса 27 апр.—339.
Сестре Евгении. Нёнокса 27 апреля.—340.
Брату Петру. Нёнокса 7 мая.—342.
Н. П. Куприяновой. Нёнокса 15 мая.—345.
Н. П. Куприяновой. Нёнокса 25 мая.—345.
Сестре Евгении. Нёнокса 8 июня—438.
В. Д. Лебедевой. Казанск. губ. 8 авг.—349.
А. А. Спандони. Христофоровка 14 авг.—352.
Сестре Евгении. Христофоровка 18 авг.—354.
А. А. Спандони. Христофоровка 2 сент.—357.
М. Ю. Ашенбреннеру. Христофоровка 16 сент.—359.
А. А. Спандони. Христофоровка 26 сент.—360.
В. Д. Лебедевой. Христофоровка 26 сент.—362.
Брату Петру и его жене. Христофоровка 26 окт.—364.
Брату Петру. Христофоровка 29 окт.—365.
Ему же. Христофоровка 2 ноября.—368.
Сестре Лидии. Христофоровка 10 ноября.—368.
А. А. Спандони. Христофоровка 11 ноября.—370.
Брату Петру с женой. Христофоровка 25 ноября.—371.
Брату Петру. Христофоровка 29 ноября.—373.
А. И. Иванчину-Писареву. Христофоровка 17 дек.—376.
Брату Петру с женой. Христофоровка 30 дек.—377.

1906 г.

А. А. Спандони. Н.-Новгород 22 марта.—381.
Ему же. Н.-Новгор. 31 марта.—383.
Ему же. Н.-Новгор. 13 апр.—384.
В. Д. Лебедевой, Н.-Новгород, 14 апр.—386.
Брату Петру. Н.-Новгор. 21 апреля.—387.
Ему же. Н.-Новгор. 11 мая.—390.
А. А. Спандони. Н.-Новгород 4 июня.—398.
Ему же. Н.-Новгор. 8 июня.—400.
П. Л. Антонову. Н.-Новгород 27 авг.—401.
А. А. Спандони. Н.-Новгород 18 авг.—402.
Н. П. Куприяновой. Н.-Новгород 23 авг.—404.
А. А. Спандони. Н.-Новгород 24 сент.—405.
Ему же. Н.-Новгор. 7 окт.—407.

П. Л. Антонову. Н.-Новгород 4 ноября.—409.
И. Д. Лукашевичу. Н.-Новгород 18 дек.—410.
В. Е. Ветринскому. Н.-Новгород декабрь.—412.
В. Д. Лебедевой. Сорренто 29 дек.—413.

1907 г.

И. Д. Лукашевичу. Италия 6 января.—415.
Н. П. Куприяновой. Alassio 21 января.—415.
П. Л. Антонову. Alassio 27 янв.—417.
М. В. Новорусскому. Alassio 3 февраля.—420.
П. А. Кропоткину. Alassio 3 февраля.—421.
Брату Петру. Alassio 13 фев.—421.
В. Д. Лебедевой. St. Jean (Франция) 5 марта.—425.
Ей же. St. Jean (Фр.).—426.
Ей же. St. Jean (Фр.) 13 марта.—428.
И. Д. Лукашевичу. St. Jean (Фр.) 18 марта.—429.
Брату Петру. Париж 28/15 мая.—431.
М. В. Новорусскому. Санат. Marbach 13 июня.—433.
Ему же. Мюнхен 15 июля.—435.
Ему же. Берлин 24 июля.—437.
Н. П. Куприяновой. Выборг 2 августа.—440.
П. Л. Антонову. Выборг 17 авг.—443.
М. В. Новорусскому. Выборг 1 сент.—444.
П. Л. Антонову. Выборг 11 сент.—447.
Н. П. Куприяновой. Выборг 24 сент.—448.
П. Л. Антонову. Выборг 1 окт.—449.
В. Д. Лебедевой. Выборг 2 ноября.—450.
М. В. Новорусскому. Выборг 7 ноября.—452.
Е. В., В. П. и Н. П. Куприяновым. Выборг 8—11 ноября.—454.
Н. П. Куприяновой. Выборг 16 ноября.—456.
М. В. Новорусскому. Выборг 27 ноября.—457.
Н. П. Куприяновой. Выборг, конец декабря.—459.

1908 г.

М. В. Новорусскому. Выборг 19 янв.—460.
В. Д. Лебедевой. Гельсингфорс 30 янв.—461.
Брату Петру. Берлин 22 февр.—462.
М. В. Новорусскому. Париж 24 марта.—464.
Брату Петру. Париж 26 марта.—466.
Ему же. Париж 30 марта.—468.
Ему же. Париж 19 апр.—469.
М. В. Новорусскому. Париж 25 мая.—470.
С. Г. Кропоткиной. Париж 8 июня.—471.
Брату Петру. Париж 7 июля.—472.
Ему же. Швейцария 29 июля.—474.
Ему же. Швейцария 29 авг.—477.
М. В. Новорусскому. Швейцария 18 сент.—476.
Брату Петру. Швейцария 30 сент.—479.
М. В. Новорусскому. Швейцария 4 окт.—481.
Брату Петру. Париж 5 ноября.—482.
Ему же. Париж 13 ноября.—483.

1909 г.

С. Г. Кропоткиной. Париж 2 января.—484.
Братьям Петру и Николаю. Париж 11 янв.—485.
С. Г. Кропоткиной. Париж 15 янв.—486.
М. В. Новорусскому. Цюрих. 3 февраля.—487.

Ему же. Цюрих 12 февр.—488.
Ему же. Цюрих 28/15 февр.—490.
Брату Петру. Цюрих 15 марта.—491.
Н. П. Куприяновой. Цюрих 28 марта.—493.
М. В. Новорусскому. Цюрих 12 апр.—495.
П. А. Кропоткину. Цюрих 12 апреля.—496.
М. В. Новорусскому. Цюрих 27 апр.—496.
П. А. Кропоткину. Цюрих 9 мая.—497.
П. А. и С. Г. Кропоткиным. Цюрих апрель.—499.
Е. П. и С. А. Балавенским. Цюрих 10 мая.—499.
М. В. Новорусскому. Лондон 27 мая.—501.
Брату Петру. Лондон 31 мая.—502.
М. В. Новорусскому. Лондон 6 июня.—503.
Ему же. Лондон 14 июня.—505.
С. Г. Кропоткиной. Лондон 22 июня.—506.
П. А. Кропоткину. Лондон 2 июля.—511.
С. Г. Кропоткиной. Лондон 11 июля.—509.
П. А. Кропоткину. Лондон 17 июля.—508.
Ему же. Лондон 23 июля.—507.
С. Г. и П. А. Кропоткиным. Лондон 24 июля.—511.
Н. П., Л. П. и Е. В. Куприяновым. Лондон 27 июля.—512.
М. В. Новорусскому. Городок под Лондоном 22/9 авг.—513.
Ему же. Городок под Лондоном 25 авг.—514.
Ему же. Городок под Лондоном 3 сент.—515.
П. А. Кропоткину. Городок под Лондоном 4 сент.—516.
М. В. Новорусскому. Городок под Лондоном 18 сент.—516.
С. Г. Кропоткиной. Городок под Лондоном.—517.
Брату Петру. Антверпен 2 ноября.—518.
М. В. Новорусскому. Лондон 11 ноября.—519.
Ему же. Лондон 24 ноября.—519.
П. А. Кропоткину. Лондон 24 ноября.—520.

1910 г.

Н. П. и Е. В. Куприяновым. Париж 28 янв.—521.
С. Г. Кропоткиной. Париж 16 февр.—523.
М. В. Новорусскому. Париж 22 февр.—524.
Н. А. Морозову. Брюссель 16 марта.—525.
Н. П. Куприяновой. Льеж 4 апреля.—527.
П. Л. Антонову. Париж 5 мая.—529.
Н. П. Куприяновой. Париж 11 мая.—530.
П. А. Кропоткину. Sainval près Liège. 14 июня.—532.
М. В. Новорусскому. Sainval près Liège 30/17 июня.—534.
П. Л. Антонову. Sainval près Liège 4 июля.—536.
Ему же. Sainval près Liège 14 июля.—538.
М. В. Новорусскому. Baugy (Швейцария) 1 сент.—539.
Ему же. Baugy (Швейц.) 18 сент.—539.
Ему же. Baugy (Швейц.) 1 окт.—540.
Н. А. Морозову. Женева 3 ноября.—541.
Ему же. Женева 10 дек.—543.

1911 г.

Сестрам. Женева 18 янв.—543.
М. В. Новорусскому. Лозанна 27 янв.—546.
Брату Петру. Baugy 30/17 мая.—548.
Н. П. и Л. П. Куприяновым. Baugy 11 июня.—550.

Н. А. Морозову. Baugy 12 июня.—551.
М. В. Новорусскому. Champery 12 июня.—552.
Н. П. Куприяновой. Champery 26 авг.—555.
С. Г. Кропоткиной. Baugy 13 октября.—556.
М. В. Новорусскому. Baugy 23 окт.—557.

1912 г.

Ему же. Baugy 26/13 янв.—558.
С. Г. Кропоткиной. Baugy 19 июля.—559.
Ей же. Baugy 21 авг.—561.
К. А. Морозовой. Кларан 24 авг.—562.
М. В. Новорусскому. Кларан 8 окт.—563.
Н. П. и Л. П. Куприяновым. Кларан 9 окт.—565.
М. В. Новорусскому. Кларан 6 ноября.—566.
Ему же. Кларан 19/6 ноября.—567.
П. А. Кропоткину. Кларан 29 ноября.—568.
Ему же. Базель 7 дек.—569.
М. В. Новорусскому. Цюрих 12 дек.—570.
П. А. Кропоткину. Кларан 18/5 дек.—571.
С. Г. Кропоткиной. Париж 28 дек.—572.

1913 г.

Брату Петру. Кларан(?) 12 янв.—572.
С. Г. Кропоткиной. Париж 13 янв.—574.
Н. П. Куприяновой. Париж 19 янв.—575.
С. Г. Кропоткиной. Париж 27 янв.—577.
Е. В., Н. П. и Л. П. Куприяновым. Париж 1 марта.—577.
Брату Петру. Кларан 19 марта.—578.
М. В. Новорусскому. Кларан 10 мая.—580.
Брату Петру. Кларан 15 ноября.—581.
Н. А. Морозову. Кларан 13 дек.—584.
П. А. Кропоткину. Кларан 18 декабря.—587.
С. Г. Кропоткиной. Кларан 19 дек.—588.
П. А. Кропоткину. Кларан 28 декабря.—589.
С. Г. Кропоткиной. Кларан 28 декабря.—589.

1914 г.

М. В. Новорусскому. Кларан 9 янв.—590.
Н. П. и Е. В. Куприяновым. Кларан 20 янв.—591.
Брату Петру. Кларан 20/7 янв.—593.
М. В. Новорусскому. Кларан 6 февр.—595.
Е. В. Куприяновой. Кларан 18 февр.—596.
Н. П. Куприяновой. Кларан 21 февр.—600.
Брату Петру. Кларан 14 марта.—603.
М. В. Новорусскому. Кларан 22 апр.—604.
Брату Петру. Кларан 15/2 мая.—605.
Ему же. Кларан 7 июля.—608.
Ему же. Кларан 16 сент.—611.

1915 г.

Сестре Лидии. Лозанна 15 янв.—612.
С. Г. и П. А. Кропоткиным. Лозанна 15 янв.—614.
Н. П. Куприяновой. Лозанна 18 янв.—616.
Брату Петру. Лозанна 7 февр.—617.
Е. В. и Н. П. Куприяновым. Н.-Новгород 14 марта.—620.

Брату Петру. Н.-Новгород 22 марта.—621.

М. В. Новорусскому. Н.-Новгород 22 марта.—623.

Ему же. Н.-Новгород 23 марта.—625.

Брату Петру. Н.-Новгород 23 марта.—625.

Н. А. Морозову. Н.-Новгород 23 марта.—626.

М. В. Новорусскому. Н.-Новгород апрель.—627.

Ему же. Никифорово 7 мая.—629.

Ему же. Никифорово 16 мая.—630.

Ему же. Н.-Новгород 24 сент.—631.

Л. П. Куприяновой. Н.-Новгород 1 окт.—632.

Н. П. Куприяновой. Н.-Новгород 16 окт.—635.

Неизвестному лицу. Н.-Новгород.—636.

М. В. Новорусскому. Н.-Новгород 30 ноября.—636.

Л. П. Куприяновой. Н.-Новгород 8 дек.—638.

1916 г.

Н. П. Куприяновой. Н.-Новгород 11 янв.—641.

М. В. Новорусскому. Н.-Новгород 20 янв.—643.

Н. А. Морозову. Воронец, Елецк. у. 21 июня.—644.

М. В. Новорусскому. Воронец, Елецк. у. 21 июня.—645.

Ему же. Воронец, Елецк. у. 8 июля.—647.

Ему же. Воронец, Елецк. у. 19 июля.—647.

Ему же. Воронец, Елецк. у. 23 авг.—649.

Н. А. Морозову. Воронец, Елецк. у. 23 авг.—649.

М. В. Новорусскому. Воронец, Елецк. у. 12 сент.—650.

Ему же. Воронец, Елецк. у. 21 сент.—651.

Ему же. Воронец, Елецк. у. 1 окт.—652.

Ему же. Москва 19 окт.—653.

Ему же. Москва 14 ноября.—654.

Ему же. Москва 3 дек.—655.

Н. П. и Е. В. Куприяновым. Москва 11 дек.—656.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

Антонову, П. Л. 401, 409, 417, 443, 447, 449, 529, 536, 538.
Ашенбреннеру, М. Ю.—359.
Балавенским, Е. П. и С. А.—499.
Ветринскому, В. Е.—412.
Волкенштейн, Л. А.—271, 312.
Иванчину-Писареву, А. И.—376.
Корниловой-Мороз, А. И.—278, 325.
Кропоткину, П. А.—421, 496, 497, 507, 508, 511, 516, 520, 532, 568, 569, 571, 587, 589.
Кропоткиной, С. Г.—471, 484, 486, 506, 509, 517, 523, 556, 559, 561, 572, 574, 577, 588, 589.
Кропоткиным, П. А. и С. Г.—499, 511, 614.
Куприяновой, Е. В.—596.
Куприяновой, Л. П.—632, 638.
Куприяновой, Н. П.—333, 339, 345 (bis), 404, 440, 448, 456, 459, 493, 527, 530, 555, 575, 600, 616, 635, 641.
Куприяновым, Н. П. и Е. В.—334, 336, 521, 591, 620, 656.
Куприяновым, Н. П. и Л. П.—550, 565.
Куприяновым, Н. П., В. П. и Е. В.—454.
Куприяновым, Н. П., Е. В. и Л. П.—512, 577.
Лебедевой, В. Д.—349, 362, 386, 413, 425, 426, 428, 450, 461.
Лукашевичу, И. Д.—410, 415, 429.
Морозовой, К. А.—562.
Морозову, Н. А.—525, 541, 543, 551 584, 626, 644, 649.
Неизвестному лицу.—636.
Новорусскому, М. В.—420, 433, 435, 437, 444, 452, 457, 460, 464, 470, 476, 481, 487, 488, 490, 495, 496, 501, 503, 505, 513, 514, 515, 516, 519 (bis), 524, 534, 539 (bis), 540, 546, 552, 557, 558, 563, 566, 567, 570, 580, 590, 595, 604, 611, 623, 625, 627, 629, 630, 631, 636, 643, 645, 647 (bis), 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655.
Сестре М. Р. Попова.—291.
Спандони, А. А.—309, 319, 327, 352, 357, 360, 370, 381, 383, 384, 398, 400, 402, 405, 407.
Успенской, А. В.—287, 295.
Фигнер, Е. Х.—25, 30, 36, 41, 46, 50, 58, 84, 109, 114, 125, 154, 156, 161, 164, 166, 170, 172, 176, 185, 189, 194, 244, 248.
Фигнер, Е. Х. и О. Н.—15, 19, 22, 81, 88, 111, 118, 122, 127, 140, 143, 146, 148, 159, 181, 201, 206, 217.
Фигнер, Е. Х. и сестрам В. Н. Фигнер.—212, 225, 231, 239,
Фигнер (Сажиной), Е. Н.—104, 275, 281, 284, 322, 328, 340, 348, 354.
Фигнер (Сажиной), Е. Н. и ее мужу.—267, 278.
Фигнер (Стахевич), Л. Н.—99, 368, 612.

Фигнер (Стахевич), Л. Н. и ее мужу.—130, 167.
Фигнер (Флоровской), О. Н.—11, 27, 33, 38, 44, 48, 52, 55, 60, 63, 66, 78, 91, 106, 116, 138, 151, 179, 299.
Фигнеру, П. Н.—71, 289, 342, 365, 368, 373, 387, 390, 421, 431, 462, 466, 468, 469, 472, 474, 477, 479, 482, 483, 491, 502, 518, 548, 572, 578, 581, 593, 603, 605, 608, 609, 617, 621.
Фигнеру, П. Н. и его жене.—265, 296, 369, 371, 377.
Фигнерам, П. Н. и Н. Н.—485.
Фигнер, Е. Н., Л. Н. и О. Н.—254, 259, 543.
Яновичу, Л. Ф.—301.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 7

ПИСЬМА

Из Петропавловской крепости 17
Из Шлиссельбургской крепости 183
После освобождения 263

УКАЗАТЕЛИ

Именной указатель 659
Хронологический указатель писем 678
Указатель писем по адресатам 685

Обложка работы художника Алексея Кравченко.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	между стран.
В. Н. Фигнер (1927 г.)	6 — 7
О. Н. Фигнер-Флоровская (сестра В. Н.)	80—81
Автограф из письма В. Н. Фигнер	216—217
Е. Х. Фигнер (мать В. Н.)	248—249
В. Н. Фигнер (1925 г.)	464—465

Цена 4 р. 25 к.

КНИГИ
XLVIII—XLIX

9545

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Изд-ва Политкаторжан—Москва, ГСП—10, Лопухин п., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазину Изд-ва Политкаторжан «Маяк»—Москва-центр, Петровка, 7; тел. 3-63-20 и 4-18-12.